

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. А. Зверев

ЛЮДИ ДЕТНЫЕ

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

Монография

Второе издание, исправленное и дополненное

Новосибирск
2014

УДК 94(47) + 314(092) + 37.0 + 392
ББК 63.3(25) + 60.7г + 74.00 + 63.521(=411)
3-433

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГПУ»

*Подготовлено и издано в рамках
Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований
ФГБУН Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
В. А. Исупов

Рецензенты:
доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории ФГБУН
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
В. А. Ильиных;
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории,
декан исторического факультета ФГБОУ ВПО
«Омский государственный педагогический университет»
В. Н. Худяков;
кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
сектора историко-демографических исследований ФГБУН
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
О. Б. Дашинамжилов;
кафедра отечественной истории ФГБОУ ВПО
«Новосибирский государственный педагогический университет»

Зверев, В. А.

3-433 Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода : монография / В. А. Зверев ; отв. ред. В. А. Исупов ; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. – 278 с.

ISBN 978-5-00023-367-2

В монографии рассматривается процесс физического и социокультурного возобновления поколений в русском сельском населении Сибири 1861–1917 гг. Дается анализ объективных условий, в которых разворачивался этот процесс. Анализируется народный опыт организации брачного, детородного, витального, миграционного, а также социализирующего поведения на уровне личности, семьи, сельского общества и регионального сообщества крестьян. Показаны сильные стороны и историческая ограниченность традиционной системы демографического поведения, физического развития, воспитания и образования молодежи в старой деревне. Подведены основные итоги усилий крестьянства в деле самовоспроизводства, раскрыты проявления начальной фазы демографической и социокультурной модернизации этого процесса.

Книга предназначена для специалистов по истории России и ее восточных регионов, социальной истории русской деревни, исторической демографии, исторической этнографии, этнопедагогике, а также для студентов, аспирантов и преподавателей исторических факультетов вузов.

УДК 94(47) + 314(092) + 37.0 + 392
ББК 63.3(25) + 60.7г + 74.00 + 63.521(=411)

ISBN 978-5-00023-367-2

© Зверев В. А., 2014
© ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ	13
1.1. Степень изученности темы	13
1.2. Характеристика исторических источников	40
ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ	60
2.1. Природная и географическая обстановка	60
2.2. Социально-экономические и демографические факторы	66
2.3. Правовые и политические условия	76
2.4. Культурологические и информационные условия	85
ГЛАВА 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА – ОСНОВА ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	112
3.1. Деревенский демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей	112
3.2. Брачное и детородное поведение крестьян	125
3.3. Сохранение здоровья младенцев и детей	139
3.4. Физическое развитие молодого поколения	148
3.5. Специфика демографического поведение крестьян-переселенцев	158
ГЛАВА 4. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ – ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОЗНАНИЯ	174
4.1. Этапы воспитания молодого поколения в деревне	174
4.2. Вклад семьи и общины в дело воспитания	184
4.3. Образование крестьянских детей и подростков	194
4.4. Проблема отклоняющегося поведения молодежи	211
4.5. Противодействие антисоциальному поведению в молодежной среде	220
ГЛАВА 5. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ	231
5.1. Начальные проявления демографического перехода: старожильческая и переселенческая модели	231
5.2. Динамика режима естественного воспроизводства населения Сибири на рубеже XIX–XX веков	236
5.3. Экологические аспекты культуры и образа жизни сельчан	252
5.4. Изменения образа жизни крестьянства под влиянием смены поколений и наметившейся модернизации традиционного общества	266
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	274
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	277

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения темы. Настоящая монография посвящена исторической теме, которая нам представляется весьма актуальной в общественном и научном плане. В течение последних 20 лет в России имеет место депопуляция – сокращение общей численности населения за счет превышения смертности над рождаемостью. В демографической сфере накопилось множество и иных проблем: преобладание одно- и двухдетных («косых», по выражению А. С. Макаренко, неспособных к полному возобновлению родительского поколения) семей, слабое здоровье и низкая продолжительность жизни россиян, ослабление народонаселенческого потенциала восточных и северных регионов и т. д. Кризисное положение характерно также и для сферы социокультурного возобновления поколений. Об этом свидетельствуют, в частности, распространение подростковой криминальности, ориентация значительной части молодых людей отнюдь не на лучшие культурные ценности и образцы, оппозиционность многих пожилых соотечественников по отношению к прогрессивным общественным инновациям. Такое положение во многом объясняется экономическими, правовыми, ментальными условиями перехода российского социума из одного системного состояния в другое, оно не может продолжаться слишком долго.

Общество ищет выход из создавшегося положения в русле эволюционной оптимизации объективных и субъективных условий, социальных форм физического и социокультурного

воспроизводства населения. Ищет, – и часто обращает взгляд в прошлое, старается обратить себе на службу богатый опыт дедов и прадедов, более или менее успешно решавших проблему преемственности поколений как в условиях традиционного общества, так и на заре социальной модернизации.

В научно-историческом плане проблема воспроизводства поколения россиян представляется нам столь же продуктивной для рассмотрения, сколь и слабоизученной, особенно в региональном плане. Имеются исследования по исторической демографии, характеризующие тот тип рождаемости и смертности, воспроизводства населения в целом, что господствовал в стране по крайней мере до середины XX в., а также тот переход от традиционного к современному (модернизированному) типу воспроизводства, который получил название «демографического перехода». В работах А. Г. Вишневого, Б. Н. Миронова и их коллег установлено, что первая фаза такого перехода началась в западных регионах России в середине XIX – начале XX в.¹ В исторической этнологии в русле подхода, заложенного еще в 1920-е гг. Г. С. Виноградовым, идет изучение традиционной русской народной соционормативной и педагогической культуры, способов ее полноценной межпоколенной трансляции (работы Т. А. Бернштам, М. М. Громыко, М. Н. Мельникова, Н. А. Миненко и др.)².

В книгах и статьях автора настоящей монографии реализуется междисциплинарный (на стыке истории, демографии, этнологии и педагогики) подход к изучению воспроизводства поколений русского крестьянства в Сибири досоветского периода. В связи с общей проблемой перехода от традиционного к модернизированному обществу выявляются те формы социального поведения крестьянства (брачное, репродуктивное, жизнесохранительное и миграционное поведение, способы воспитания и образования молодежи, противодействия антисоциальному поведению ее отдельных групп), результатом которых являлось физическое и социокультурное возобновление сельского населения. Основные результаты наших исследований в данной области изложены в докторской диссертации³, серии научных и научно-методических публикаций⁴, некоторые из которых легли в основу настоящей монографии.

Объект исследования. В качестве объекта изучения в монографии выступает *русское крестьянское население сельской местности Сибири*, издавна составлявшее основную часть всего здешнего народонаселения.

В изучаемую эпоху второй половины XIX – начала XX в. экономика Сибири имела по преимуществу аграрный характер. К 1863 г. сельская местность региона насчитывала около 3054 тыс. жителей. Их количество в абсолютном выражении быстро увеличивалось: уже на рубеже веков, в 1897 г., оно составило 5341 тыс., а накануне Февральской революции (1916 г.) –

¹ Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112–157; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М., 2000. С. 9–17, 62–64; Миронов Б. Н. Историческая социология России: учеб. пособие. СПб., 2009. С. 131–136; и др.

² Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988; Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970; Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. М., 1991 и др.

³ Зверев В. А. Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.

⁴ Зверев В. А.: 1) Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993; 2) Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири. Новосибирск, 1998; 3) Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; 4) Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 127–145; 5) «Любо, так к венцу»: брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. Новосибирск, 2005. С. 7–17; 6) Первая фаза демографического перехода на пространстве Азиатской России: «старожильческая» и «переселенческая» модели // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск, 2011. С. 92–100; и др.

9974 тыс. человек. В начале 1860-х гг. на деревенских жителей приходилось в разных губерниях и областях региона 91–96 % общей численности населения. В результате роста городов к концу эпохи капитализма (1916 г.) доля сельчан несколько сократилась, но содержала в среднем по Сибири всё же 90 %, при колебании в отдельных губерниях и областях от 83 до 93 %¹.

По данным Первой Всеобщей переписи 1897 г. о сословном составе населения, на каждую 1000 сельских жителей Сибири приходилось 726 русских крестьян и 52 казака, почти целиком входивших в крестьянство по классовым признакам и близких ему по словному положению, культуре и образу жизни. В указанном источнике крестьянство и казачество объединяются термином «лица сельского состояния». Поскольку сейчас этот термин вышел из употребления, далее в тексте мы будем зачастую условно объединять их под названиями «крестьянство», «крестьянское население». В совокупности последнее составляло, как мы видим, почти 4/5 всего сельского населения Сибири. Еще 180 % принадлежало «иногородцам» – сословию, включавшему в основном аборигенов, значительная часть которых переняла многие присущие русским крестьянам черты жизненного уклада. Очень малочисленными в селениях Сибири были представители остальных сословий: мещанства (22 %); духовенства (3 %); дворян и чиновников (2 %); почетных граждан и купцов (1 %). Прочие российские и иностранные подданные, а также лица, не указавшие во время переписи своего сословия, составляли 14 % сельских жителей изучаемого региона².

С учетом приведенных данных совершенно очевидно, что демографическая ситуация в русском «деревенском крестьянстве» определяла основные характеристики не только сельского, но и всего сибирского народонаселения, а демографическое и социализирующее поведение крестьян было важнейшим фактором, через посредство которого условия жизни в регионе влияли на динамику всего населения Сибири. Обоснованность такого вывода еще усилится, если вспомнить, что от трети до половины населения сибирских городов также составляли «лица сельского состояния», близкие по менталитету, культуре и образу жизни своим собратьям, оставшимся в селениях³. Кроме того, известно, что некоторая часть мещан, духовенства, купечества и разночинцев по происхождению, месту жительства и даже роду деятельности была связана с крестьянством и испытывала сильное влияние последнего (на заре модернизации существовало, конечно, и обратное воздействие, как и в случае с «иногородцами»).

Русское крестьянство Сибири было неоднородным по своей структуре. В нем явственно выделялись, кроме сословия казаков, субсословные категории государственных и кабинетских крестьян, крестьян-старожилов, переселенцев (староселов и новоселов), а также ссыльных и пр. Исторически сложилась конфессиональная пестрота населения: наряду с абсолютно преобладавшей категорией приверженцев официальной Русской православной церкви здесь присутствовали группы старообрядцев разных толков, единоверцев и протестантов. В дальнейшем изложении мы стараемся главным образом характеризовать условия развития и черты образа жизни, общие для всех сословных, субсословных, конфессиональных, а также территориальных больших групп русского крестьянского населения сельской местности Сибири. Однако во многих случаях предмет исследования обусловил необходимость, а литература и источники предоставили возможность раскрывать и специфику некоторых категорий крестьянства – ка-

¹ Подсчитано по: *Пронин В. И.*: 1) Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. Вклейка (табл. 1); 2) Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 93 (табл. 2). Данные по Якутской обл., включенные в источники, не учитывались.

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 28–29; Т. 74. С. 32–33; Т. 75. С. 30–31; Т. 78. С. 46–47; Т. 79. С. 40–41; Т. 81. С. 28–29.

³ *Скубневский В. А.* Крестьяне в составе городского населения Сибири (по данным переписи 1897 г.) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988. Вып. 1. С. 177–179; *Соловьёва Е. И., Котович Л. В.* Сельские общества как источник формирования городского населения Сибири периода капитализма // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск, 1988. С. 96 (табл. 1).

зачества, переселенцев, старообрядцев, территориальных групп. В полном объеме эта специфика в данном случае не могла быть прослежена, она требует специального изучения.

Для эпохи капитализма характерен процесс формирования в деревне элементов новых общественных классов. Поэтому автор считает правомерным выявление особенностей воспроизводства населения как в патриархально-крестьянской, так и в формирующейся мелкобуржуазной среде, в нижнем, среднем и верхнем социальных слоях сельского населения.

Предмет исследования. Ключевыми понятиями, обозначающими основные аспекты предмета настоящего исследования, являются «народонаселение» (синоним – «население») и «воспроизводство населения». Под *населением* в общей теории народонаселения понимается обычно «воспроизводящаяся саморазвивающаяся совокупность людей, субъект социальных связей»¹. *Воспроизводство населения* определяется специалистами-демографами в самом общем виде как «один из главных процессов воспроизводства общества, постоянное возобновление поколений людей»² или немного конкретнее как «постоянное возобновление поколений людей в результате взаимодействия рождаемости и смертности, а также связанных с ними других демографических процессов (брачности, формирования и распада семей и пр.), протекающих в рамках определенных общественных отношений»³. На практике в демографии доминирует подход, в соответствии с которым воспроизводство населения рассматривается только как его физическое возобновление в результате естественного и механического движения. Однако во многих случаях отечественные и зарубежные ученые согласны в том, что воспроизводство населения включает в себя неразрывно связанные процессы как физического, так и социального его движения. Таким образом, открывается возможность в контексте проблематики воспроизводства населения изучать и процесс социокультурного возобновления поколений⁴.

Здесь требуется некоторое пояснение. Писатель Ф. А. Абрамов высказал в свое время такую мысль: «Народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда забывает свою историю»⁵. Эти слова часто цитируют, однако обычно уясняется лишь один смысл высказывания, очень важный, но лежащий на поверхности: нельзя забывать, о чем думали и как жили наши предки, какие знания, нормы поведения, культурные и нравственные ценности они оставили нам, что завещали передать нашим детям. Однако слова о населении и народе имеют и более глубокий смысл. Когда ученые рассматривают процесс физического возобновления поколений, они изучают именно воспроизводство народонаселения – совокупности жителей определенной территории. Исследуя же социальное воспроизводство, удается перейти к изучению складывания чего-то качественно иного, что точнее было бы назвать не народом, как у Абрамова (это слово слишком многозначно), а человеческим сообществом во всем богатстве его структуры, функций и истории. Это сообщество мы в дальнейшем именуем «населением» условно, отдавая дань терминологической традиции в демографии.

Воспроизводство населения рассматривается нами через призму более широкой категории *биосоциального образа жизни*. Мы исходим из следующего определения этого феномена: «Образ жизни – это способ, или характер всей жизнедеятельности данной личности, социальной группы или всего общества, детерминированный их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями их жизни»⁶. В то же время мы сочли необходимым расширить круг тех объективных условий, которые детерми-

¹ Система знаний о народонаселении / Д. И. Валентей, Н. В. Зверева, В. М. Медков [и др.] М., 1991. С. 26.

² Вишневский А. Г. Воспроизводство населения // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 68.

³ Воспроизводство населения // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М., 2013. С. 127.

⁴ Обзор определений см.: Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / В. А. Борисов, Г. П. Киселева, Ю. М. Лукашук, А. Б. Сидельников. М., 1987. С. 3–43.

⁵ Абрамов Ф. А. Энергия человеческого духа // Правда. 1988. 19 февр.

⁶ Бутенко А. П. Образ жизни: содержание, проблемы и нерешенные вопросы // Вопр. философии. 1978. № 11. С. 41.

нировали в изучаемый период образ жизни сибирского крестьянства. В монографии рассматривается совокупность взаимосвязанных природно-географических и социальных, и том числе экономических, политико-правовых, демографических и культурологических, а также информационных условий, или факторов воспроизводства (т. е. возобновления и преобразования в ходе смены поколений) сельского населения. Этот предмет рассматривается нами в более широком контексте условий (предпосылок) биосоциального образа жизни.

Ведя в определенных условиях определенный образ жизни, т. е. реализуя созданные на основе своих представлений о мире и человеке программы поведения, субъекты воспроизводят – формируют, сохраняют, видоизменяют или вовсе заменяют – и объективные условия жизни, и самих себя, свою ментальность и свои культурные программы, средства их реализации в ходе смены поколений и миграции.

Исходя из таких теоретических представлений, в структуре образа жизни мы выделяем, в частности, производство и самовоспроизводство субъекта жизни, в данном случае – русского крестьянства Сибири. Оно осуществлялось в рамках общения, демографического поведения, воспитания и образования поколений, их социальной стабилизации (табл. 1).

Таблица 1

**Структура предмета исследования
при изучении социального образа жизни крестьянства**

Условия (предпосылки) жизни	Составные части образа жизни	Результаты (последствия) жизни
<i>Субъект жизни:</i>	<i>Воспроизводство и самовоспроизводство субъекта жизни:</i>	<i>Воспроизведенный субъект жизни:</i>
Физическое наличие и валентность	Демографическое поведение (брачное, репродуктивное, витальное, миграционное), т. е. физическое возобновление	Физически наличный и валентный
Включенность в социум, приобщенность к культуре	Воспитание и образование новых поколений, социальная стабилизация/мобилизация, т. е. социокультурное воспроизводство	Включенный в социум, приобщенный к культуре
Психологическая настроенность	Общение, т. е. воспроизводство психологических установок	Обладающий психологическими установками
<i>Внешние объекты и ресурсы жизненной активности:</i>	<i>Воспроизводство объективных условий жизни:</i>	<i>Воспроизведенные объективные условия жизни:</i>
Природно-географические	Хозяйственная деятельность (земледелие, скотоводство, промыслы)	Природно-географические
Социальные (экономические, политико-правовые, демографические, культурологические и др.)	Общественная активность	Социальные
Информационные	Гностическая активность (познание, преобразование информации)	Информационные

Наше исследование посвящено первой составной части образа жизни – воспроизводству населения как специфической сфере человеческой деятельности. Вторая сфера образа жизни (воспроизводство объективных условий жизни) как цельный комплекс в данном случае не рассматривается. Однако мы учитываем очевидное: различные проявления жизни в обществе традиционного типа были слабо дифференцированы во времени и пространстве, являли пример довольно сбалансированного сочетания, и потерять из виду реальную целостность не только нежелательно, но и практически невозможно. Хозяйственная деятельность, общественная и познавательная активность и общение, с одной стороны, составляли своеобразный

бытовой фон, задавали внешние рамки демографического и социализирующего поведения. С другой стороны, вторая сфера образа жизни многими своими сторонами проникала во внутреннюю структуру воспроизводства населения. В таких своих ипостасях воспроизводство условий жизни населения обязательно берется нами в расчет.

От внешнего контекста перейдем к определению внутренней структуры воспроизводства населения. Для возобновления поколений недостаточно физически заменить состарившихся людей вновь родившимися и молодыми, нужно еще добиться освоения подрастающими людьми социальных качеств, необходимых для жизни. Потому в структуре воспроизводства нами выделяется две основные составные части: демографическое поведение людей и социализация ими новых поколений (социализирующее поведение).

Демографическое поведение определяется в данном случае как система действий (поступков), прямо или опосредованно направленных на физическое воспроизводство населения. Сюда отнесено брачное (матримониальное) поведение – заключение и прекращение браков, регулирование семейной структуры; детородное (репродуктивное, генеративное, прокреативное) поведение – зачатие, вынашивание и рождение детей; витальное (жизнесохранительное, санитарное) поведение – забота о физическом развитии, сохранение и укрепление здоровья или, наоборот, пренебрежение жизнью и здоровьем ради иных ценностей. Поскольку физическая замена одних поколений другими в конкретной стране и регионе происходит не в изолированном пространстве, в наличном населении мы видим людей, приселившихся извне; некоторая часть местных жителей в свою очередь тоже меняет местожитительство. Поэтому в демографическом поведении выделяется также область миграционного поведения – действий, или поступков, которые приводят к миграции населения и обеспечивают успех или неудачу переселения, вследствие чего меняется или восстанавливается положение индивидуального переселенца, мигрирующей группы в территориальной структуре населения¹.

Требуется дать также определение термину *социализация детей и молодежи (социализирующее поведение)*, выделить составные части этого явления. В данном случае мы называем так систему спонтанных (ненамеренных) и целенаправленных действий, посредством которых обеспечивается освоение молодыми людьми знаний, социальных норм и ценностей, что позволяет новому поколению функционировать в качестве полноправной и полноценной части общества, заменять собой зрелое, а затем стареющее и вымирающее поколение².

Социализирующее поведение включает в себя образование – формирование и развитие интеллектуальных качеств личности, трансляцию индивидуальных и коллективных знаний о природе, обществе и человеке; воспитание – развитие волевой и эмоциональной сторон личности, передачу и перенимание норм поведения. Важной сферой социализации является также регулирующее воздействие общества на отклоняющееся (девиантное) поведение, нередко встречающееся в молодом возрасте³.

Следует подчеркнуть, что в ходе конкретно-исторического исследования автору потребовалось переосмыслить и адаптировать применительно к особенностям изучаемого предмета все введенные выше основные и некоторые вспомогательные понятия, применяемые также в философии, социальной психологии, социологии, демографии, медицине и педагогике со своими оттенками смысла (вспомогательные термины поясняются далее в соответствующих частях текста).

Целью нашего исследования является конкретно-историческая характеристика условий, форм и основных результатов воспроизводства русского сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX столетия. Поскольку такое воспроизводство осуществля-

¹ Структура демографического поведения с некоторой корректировкой смысла понятий дана по источнику: *Мацковский М. С.* Поведение демографическое // Демографический энциклопедический словарь. С. 330.

² Близкие по смыслу определения см.: *Кон И. С.* Ребенок и общество: учеб. пособие. М., 2003. С. 150–152; Социализация [Электронный ресурс] // Большая психологическая энциклопедия. URL: <http://psychology.academic.ru/> (дата обращения: 14.03.2014) и др.

³ *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989. С. 237.

лось в процессе жизненной активности самого деревенского населения, в центре внимания автора находятся демографическое поведение как способ физического воспроизводства населения и социализирующее поведение как способ социокультурного возобновления поколений. Достижение указанной цели подразумевает решение *нескольких взаимосвязанных задач*. Автор стремился в данной работе:

1) определить круг объективных факторов «воспроизводственной» активности крестьянства, выявить характер их взаимодействия и формы влияния на поведение людей в соответствующих сферах образа жизни;

2) произвести углубленный анализ основных сфер демографического и социализирующего поведения крестьянства. Особое внимание уделяется выяснению смысла соответствующего поведения, анализу его общественной формы, вкладу в воспроизводство населения различных субъектов (агентов и институтов), определению общих черт и особенностей воспроизводства в крупнейших категориях русского крестьянства Сибири;

3) выделить и охарактеризовать главные тенденции и этапы развития изучаемой сферы жизни крестьянства в конце имперского периода;

4) дать количественную и качественную оценку основных результатов воспроизводства населения – демографических (уровень и динамика брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста, состояние физического развития молодежи) и социокультурных (образовательный уровень, воспитанность молодого поколения, качество экологической и земледельческой культуры крестьянства и др.).

Итак, эта книга посвящена проблеме физического возобновления поколений и их включения в существующие социальные и культурные структуры. Предметом специального изучения в дальнейшем могут стать причины, способы и результаты долговременного сохранения людьми приобретенного статуса (социальная стабилизация) или изменения его (социальная мобильность). Эта проблематика составляет единый комплекс, примыкающий к вопросам воспроизводства населения. Отдельные работы могут быть посвящены также специфике условий, форм и результатов воспроизводства населения в своеобразных группах деревенского населения Сибири – в Сибирском и Забайкальском казачьем войсках, в старообрядчестве различного толка, аборигенном населении и пр. Перспективным может оказаться выявление роли в воспроизводстве сельского населения Сибири тех категорий жителей, что состояли в незначительном меньшинстве и по своему образу жизни сильно отличались от крестьянства: сельской интеллигенции, ссыльнопоселенцев, торговоростовщической буржуазии.

Хронологические рамки научного анализа в монографии включают период с 1861 г. до октября 1917 г. Это время с позиций формационного подхода характеризуется господством капиталистических отношений в России. С точки зрения теории социальной модернизации, данный период можно характеризовать как время вызревания предпосылок и начала перехода от традиционного (аграрного, доиндустриального) к модернизированному (современному) обществу в русской деревне¹. Основным содержанием такого перехода ряд специалистов считает смену господствующей модели менталитета и образа жизни: поведение людей, основанное на воспроизводстве традиционных образцов вне их критического осмысления, заменяется рациональным поведением, цели и способы которого конструируются в зависимости от реальной обстановки. В частности, в историко-демографической науке получил распространение взгляд, согласно которому именно со вступлением России (в том числе и Сибири) в капиталистическую эпоху связываются первые признаки их втягивания на рубеже XIX–XX вв. в *демографический переход*. Последний означал смену традиционного типа и режима воспроизводства населения современным (рациональным, модернизи-

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2; Селунская Н. Б. Россия на рубеже XIX–XX вв. (в трудах западных историков). М., 1995; Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996 и др.

рованным) типом воспроизводства, демографической политики, демографических отношений, представлений и поведения людей¹.

В изучаемый период проявились также начальные признаки модернизации сферы социализации подрастающих поколений. Она осуществлялась эволюционным путем и в изучаемый период еще не изменила основных социальных и культурных характеристик деревенских сообществ, но внесла в них некоторые прогрессивные коррективы. В сельской жизни проявились также элементы социальной дезорганизации (аморальное и криминальное поведение части молодежи), что можно объяснить именно тем, что в начальной стадии трансформации общественной системы старый порядок стал рушиться, а новый еще не успел или не смог сложиться.

Нами выявляются особенности двух основных этапов демографической и социокультурной эволюции сибирской деревни в конце имперского периода: 1) 60-х – середины 90-х гг. XIX в., когда происходило утверждение капитализма в качестве господствующей системы общественных отношений и складывались предпосылки демографического перехода, модернизации всего образа жизни крестьянства; 2) конца XIX – начала XX в. – этапа развития буржуазных отношений, появления первых признаков демографического перехода, модернизации демографического и социализирующего поведения. По многим вопросам представлялась возможность раскрыть специфику тех трех периодов, на которые делится второй этап: рубеж столетий (середина 1890-х гг. – 1905 г.), период Столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.) и годы Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917)².

Территориальные границы исследования объединяют Сибирь в рамках Тобольской, Томской, Алтайской (учрежденной в апреле 1917 г.), Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской (образованной по указу 1868 г.) и Забайкальской областей. В этих субрегионах русское крестьянство на рубеже XIX–XX столетий составляло большинство населения. Включенные в книгу обобщенные статистические данные о Сибирском казачьем войске распространяются на всю территорию его расселения, включая Семипалатинскую область. Отдельные случаи употребления иных территориальных рамок обусловлены особенностями источников и особо оговариваются в тексте или в примечаниях. Сибирь – самый обширный по площади регион нашей страны, где общие для всей России закономерности развития в конце имперского периода сочетались со спецификой удаленной от центра окраины, колонии в экономическом смысле и активно заселяемого региона, района преимущественного развития капитализма вширь³.

Теоретико-методологическую базу исследования составила, во-первых, внутренне непротиворечивая совокупность тех теоретических выводов и положений, которые обстоятельно обоснованы в имеющейся литературе и потому могли стать исходными в дальнейшей разработке вопросов воспроизводства сельского народонаселения. Основные из этих положений выделены нами далее в ходе историографического анализа.

Во-вторых, в методологию вошли принципы и методы исследовательской работы, примененные автором. Речь идет о следующих принципах, лежащих в русле материалистического и диалектического понимания общественных процессов.

1. Комплексный подход к анализу объекта, целостность или системность характеристик и отношений, которые вычлняются в данном случае в качестве предмета изучения. Реализация этого принципа достигается: а) сквозным рассмотрением взаимосвязи внешних объективных факторов, субъективно организованного поведения и его результатов; б) объедине-

¹ *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976. Гл. 4; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 209–211; *Зверев В. А.* Старт модернизации: демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // *Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь.* Новосибирск, 2006. С. 57–72; и др.

² Применительно к социально-экономической истории региона данная периодизация обоснована в работе: *Горюшкин Л. М.* Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1989.

³ Подробнее см.: *Горюшкин Л. М.* Место Сибири в составе России в период капитализма // *Исторический опыт освоения Сибири.* Новосибирск, 1986. С. 37–50.

нием в комплекс обеих составных частей воспроизводства населения; в) использованием подходов и методик ряда смежных наук. «Поведенческая» сторона воспроизводства рассматривается в ее структурном, функциональном и эволюционном планах.

2. Принцип историзма. Он подразумевается системным подходом, но в историческом исследовании настолько важен, что приобретает самостоятельное значение. Весь демографический и социокультурный воспроизводственный комплекс сибирской деревни изучается в конкретно-исторической обусловленности, в исторической динамике, с выделением основных этапов и периодов, генеральных тенденций и вариантов его развития.

3. Принцип сравнительности. Выясняются общие закономерности воспроизводства сельского населения Сибири, но в то же время вычленяются его особенности у важнейших категорий населения, в разных естественноисторических и социально-экономических зонах, губерниях и областях. По ряду параметров ситуация сопоставляется с центром страны и метрополией – Европейской Россией, описывается на фоне общероссийской обстановки.

4. Принцип разносторонней наблюдаемости характеризуемых явлений. Его реализация обеспечивается тем, что мобилизованы источники самого разного происхождения и вида, гарантирующие «перекрестный обзор». Например, мы стремились везде, где возможно, вычислять количественные параметры изучаемых явлений, для чего активно использовали статистические данные, однако с помощью содержательно-качественного анализа ситуации на основе нарративных источников критически оценивали результаты формально-количественных подсчетов.

Отбор и порядок применения конкретных методик вытекали, с одной стороны, из описанных выше принципов работы, с другой стороны – из особенностей имеющихся источников. Использовались методики, входящие в различные группы методов: прежде всего – исторические, но также общенаучные, междисциплинарные, математико-статистические¹. В некоторых случаях применялись методы смежных наук, преимущественно демографии и педагогики. При вычислении некоторых демографических показателей задачи работы и состояние источников вызвали необходимость видоизменения строгой методики. Все соответствующие случаи оговариваются в тексте монографии или в примечаниях.

¹ Подробно о них см.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003; *Мионов Б. Н.*: 1) *Историк и социология.* Л., 1984; 2) *История в цифрах: математика в исторических исследованиях.* Л., 1991; *Смоленский Н. И.* Теория и методология истории: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2007; *Тихомиров Н. П.* Статистические методы анализа воспроизводства населения. М., 1984 и др.

ГЛАВА 1 ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

1.1. Степень изученности темы

Особенностью комплекса литературы, использованной при написании данной монографии, является его полидисциплинарный характер. Это не было прихотью автора: «В системе знания о народонаселении адекватность достигается посредством обмена научной информацией о населении, получаемой с помощью наблюдения демографами, экономистами, историками, социоло-

гами, географами, этнографами, медиками и другими специалистами»¹. Изученная нами литература может быть разделена на две основные категории – философско-методологическую и конкретно-исследовательскую. Обе категории представлены в комплексах отечественной и зарубежной литературы. Среди отечественной нами выделена для анализа степени изученности темы литература досоветского, советского и современного (постсоветского) периодов, относящаяся к различным научным гуманитарным дисциплинам и направлениям.

Знакомство с **философской и методолого-обществоведческой литературой** имело принципиальное значение при работе над монографией. При разработке концептуального аппарата нам помогло обсуждение в такой литературе трех основных проблем.

Первая – о необходимости преодоления или дополнения формационного подхода к истории, имевшего монополию в отечественной науке советского периода. В научных кругах обсуждались различные варианты, в том числе: 1) выделение В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном, наряду с формационным, субъектно-деятельностного (поведенческого) подхода, при котором история предстает как процесс и результат человеческой активности, а также гуманитарно-личностного, выявляющего человеческий смысл истории²; 2) развитие М. А. Баргом и другими вслед за Дж. Тойнби цивилизационного подхода, тоже ориентированного на изучение механизмов деятельности людей, благодаря которой поддерживаются цивилизационный уровень и своеобразие общества³. В подобных случаях предполагается такое творческое развитие методологии исторического материализма, которое позволит представить общественное развитие в динамическом сопряжении объективно-заданного и субъективно-волевого начал.

Вторая проблема – о понятии биосоциального образа жизни, соотношении данной категории с категориями социального поведения, культуры, общественного бытия и другими, о структуре образа жизни и месте в ней воспроизводства населения, его составных частей, имеющих отношение к воспроизводству населения⁴. Наша позиция по этому вопросу кратко изложена во введении к настоящей монографии.

Третья – о роли традиции, обычая, обряда в регулировании социального поведения людей, в межпоколенной передаче культуры. Характерно вычленение в данном контексте традиционного и современного типа социальной регуляции. Методологически значимо положение о том, что во всех реально существовавших обществах были представлены оба типа при доминировании сначала первого, потом второго и наличии переходного периода, относящегося к эпохе раннего капитализма⁵.

Привлечение **зарубежной научной литературы**, с одной стороны, обогатило теоретико-методологическую основу нашего исследования, с другой стороны, способствовало лучшему пониманию реального уровня изученности конкретной темы монографии. В теоретическом

¹ Система знаний о народонаселении / под ред. Д. И. Валентя. М., 1991. С. 19.

² Деятельность: теории, методологии, проблемы / под ред. В. А. Лекторского. М., 1990; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: (проблемы теории исторического процесса). М., 1981 и др.

³ *Барг М. А.*: 1) Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // История СССР. 1991. № 5. С. 70–86; 2) О категории «цивилизация» // Нов. и новейш. история. 1990. № 5. С. 15–25; *Новикова Л. И., Козлова Н. Н., Федотова В. Г.* Цивилизация и исторический процесс. М., 1983; *Шемякин Я. Г.* Проблема цивилизации в советской научной литературе в 60–80-х гг. // История СССР. 1991. № 5. С. 86–103; и др.

⁴ *Бутенко А. П.* Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978; *Отношение человека к здоровью и продолжительность жизни* / И. В. Журавлёва, Л. С. Шилова, А. И. Антонов, Е. Б. Бабин. М., 1989; *Симуш П. И.* Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. 1983. № 3. С. 3–19; *Тыщенко В. П.*: 1) Соотношение категорий «общение», «установка», «деятельность» // Формирование потребности личности в общении. Новосибирск, 1981. С. 3–17; 2) Категория культуры и функции марксистско-ленинской философии // Философские проблемы культуры. Новосибирск, 1984. С. 3–18; и др.

⁵ *Баллер Э. А.* Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987; *Гофман А. В., Левкович В. П.* Обычай как форма социальной регуляции // СЭ. 1973. № 1. С. 14–24; *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 78–96; *Суханов И. В.* Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976.

плане значимыми для нас оказались следующие тенденции развития зарубежной науки середины XX – начала XXI в., интегрированные теперь и в отечественную историческую науку.

1. Овладение методологией междисциплинарных исследований. Подходы и методы таких наук, как история, социология, социальная антропология, этнология, политология, демография, психология и других, взаимодействуя друг с другом, составили основу «синтетических» социокультурных исследований – «новой научной истории», не замыкающейся в сегментных рамках специализации¹.

2. Обогащение тематики и структуры исторических исследований. В центр внимания все чаще выходят культурно-деятельностные аспекты общественных процессов: менталитет, культура, повседневная жизнь больших и малых социальных групп. В лучших образцах исследований такого типа («историко-антропологического») не теряется из вида и объективная обусловленность социальной истории. Однако не предполагается обязательный приоритет экономических факторов общественного развития перед иными, речь идет о более сложных и неоднозначных связях.

3. Резкое повышение статуса региональных и локальных (в территориальном смысле) исторических, в том числе историко-демографических штудий. С одной стороны, это отвечает принципиальным установкам антропологически ориентированной истории, с другой стороны, объясняется практическими соображениями: относительно широкий охват различных сфер жизни общества требует овладения большой совокупностью источников, что возможно только на локализованном объекте.

Названные тенденции затронули и труды зарубежных авторов по истории России дооктябрьской эпохи. Для нас представляет интерес разработка следующих тем.

1. Д. Тредголд, М. Хелльман, К. Гёрке, О. Рэдки, И. Вецински, Ф. Уоттерс и другие отмечали важную роль географической среды и природных условий, наличия свободных земель на окраинах, в том числе в Сибири, многочисленности и высоких темпов роста народонаселения, относительной отсталости сельского хозяйства, особого крестьянского образа жизни, своеобразия культуры с присущими ей чертами консерватизма в истории России второй половины XIX – начала XX в.² На основе материалов центральных губерний XIX в. К. Воробек, П. Зап, С. Рамер, Н. Фриден и другие проследили взаимодействие двух групп явлений: а) народной крестьянской культуры с ее веками установившимися взглядами на брак, семью, рождение и смерть; б) вмешательства в народную жизнь извне – помещиков, правительства и земств, пытавшихся создать сеть учреждений для воспитания детей, обеспечить селения обученными акушерками. Историками делался вывод о том, что только общие экономические, общественные и культурные преобразования в стране могли обеспечить успех локальным реформам, столкнувшимся с противодействием со стороны крестьянства³.

С нашей точки зрения, говорить об абсолютном неприятии, по крайней мере, «медицинской» реформы в земских губерниях неправильно. Без обращения многих крестьян к врачам не могло бы начаться сокращение смертности населения России на рубеже XIX–XX вв., отмечаемое многими исследователями.

¹ См., например: *Ретина Л. П.*: 1) Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; 2) «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

² Подробнее см.: *Горюшкин Л. М.* Американские буржуазные историки о сибирской деревне в дооктябрьский период // Изв. / СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1984. № 3, вып. 1. С. 16; *Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988. С. 3–5; *Кучумова Л. И.* История русской общины в освещении современной немарксистской историографией // История СССР в современной западной немарксистской историографии. М., 1990. С. 174.

³ *Worobec C. D.* Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton, 1991; *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research* / Ed. by David L. Ransan. Urbana; Chicago; L., 1978.

2. В ряде работ поднимается проблема перехода от традиционного к индустриальному обществу. Считается, что он развернулся в России позже, чем в Западной Европе и Северной Америке: начиная с 1860-х гг., с промежуточными периодами от 1861 до 1880–1890-х гг. («предпосылки взлета», «ранний период») и от 1890-х до 1904 или 1914 гг. («взлет» или «высокий период»). Долгое время модернизацию в России рассматривали только как экономический процесс (С. Блэк, У. Ростоу, П. Грегори и др.). На современном же этапе основное содержание общественного перехода определяется как смена модели массового поведения, переход к «рациональному» поведению. Новый тип экономического поведения при этом характеризуется в конкретно-историческом плане¹.

3. Появилось немало работ, в которых показано, что частью общих социальных перемен при модернизации являются существенные сдвиги в демографическом секторе общественного сознания, видоизменяется отношение к браку, детям, смерти, формируется эгалитарный тип семьи и т. д. Работы Д. Хира, Э. Коула и других посвящены общим вопросам демографического перехода в Российской империи и СССР, где он начинался в уникальных условиях быстрого капиталистического развития и последовавших затем коренных социально-экономических преобразований². Четко поставлена проблема вовлеченности крестьян в культурно-демографические инновации, даже инициирования их, которая нуждается в специальном изучении, в том числе на сибирских материалах.

4.) На междисциплинарной основе развивается направление социальной и культурной антропологии, нацеленное на описание целостности каждой культуры, характерного для нее типа личности и механизмов передачи культуры. Классическими для данного направления являются работы американки М. Мид³. К этому направлению примыкает коллективный труд «Детство. Юность. Семья», подготовленный в Германии с участием ученых многих стран⁴. В целом исследовательские задачи зарубежных антропологов (этнологов) оказались близкими отечественной программе исследований «Этнография детства», возглавлявшихся И. С. Коном.

Ученые исходят из того, что ребенок рождается с универсальными биологическими предпосылками, которые под влиянием культуры потом развиваются или подавляются, обрастают социальной суперструктурой. Таким образом, формируется характерный для данной культурной среды тип личности. Для нашей темы ценным является указание М. Мид, что в истории человечества традиционные («постфигуративные») культуры сменяются «кофигуративными», для которых типична ориентация не столько на стариков, сколько на современников, равных по возрасту и опыту. Старшие сохраняют ведущую роль в воспитании, но уже не являются непогрешимым образцом; между поколениями существует психологический барьер. И в сфере социализации подрастающих поколений происходит переход от традиционной модели поведения к современной.

На материалах Европейской России 1861–1914 гг. «образовательные» стороны такого перехода нашли отражение в книге американского историка Б. Экклофа⁵. Автор попытался взглянуть на развитие системы начальных школ через анализ отношения крестьянства к образованию. Поучителен отказ считать русскую деревенскую культуру замкнутой и неподвижной, враждебной любым нововведениям. Мы считаем, что и для окраин страны применимы выводы Экклофа о том, что повсеместное открытие вольных крестьянских школ было первым этапом развития всей школьной системы. Что в конце XIX – начале XX в., будучи

¹ Подробнее см.: Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207.

² Подробнее см.: Моисеенко Т. Л. О методах изучения демографического перехода («революции») // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начала XX в.). Таллин, 1986. Вып. 1. С. 154–161; Шелестов Д. К. Историческая демография: учеб. пособие для вузов. М., 1987. С. 204–205, 210–220; и др.

³ Мид М. Культура и мир детства: избр. произведения. М., 1988. (Этногр. б-ка).

⁴ Kindheit. Jugend. Familie. Freiburg; Munchen, 1985–1986. В. 1–2.

⁵ Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley; Los Angeles, 1986.

проводником правительственных и церковных установок, официальная школа зачастую проявляла себя как антагонист традиционного крестьянского образа жизни, и, в частности, этим объясняется настороженное отношение к ней определенной доли крестьянства.

Еще один американский историк, Дж. Брукс, считает, что школьное обучение, несмотря на кратковременность, оказывало важное воздействие на людей в русской деревне 1861–1917 гг. Оно настраивало детей критически по отношению к традиционной системе ценностей. Автор специально анализировал причины приобщения народа к грамоте, к чтению литературы и пришел к заключению о преобладании у крестьян дидактических мотивов: искали главным образом ответ на вопрос: «Как жить?»¹.

В целом современная зарубежная литература демонстрирует плодотворность таких подходов, при которых люди предстают не «сегментарно» – как только земледельцы, или как политики, воспитатели, а в целостности и в исторической специфичности общественного сознания и образа жизни. Применительно к истории России XIX–XX вв. поставлена и разрабатывается на материалах европейского центра страны проблема перехода от традиционной культуры и соответствующего ей типа поведения к современной модели культуры и образа жизни. Некоторые выводы здесь оказались глубокими и справедливыми, что отмечают и отечественные рецензенты-специалисты². Такая ситуация побудила и отечественных историков к активному освоению теории модернизации традиционного общества, ее применению, наряду с иными продуктивными теориями, в качестве методологической основы исследований накопленного опыта физического и социокультурного возобновления поколений россиян.

Исследования отечественных специалистов по конкретной гуманитарной тематике, выполненные на общероссийском или сибирском материалах, использовались нами для определения уровня изученности темы, а также как источники достоверных и плодотворных исследовательских выводов.

В досоветское время наука накапливала основной фактический материал об изучаемой нами сфере жизни сибирской деревни. Появилось множество текстов с фрагментами исследования, но лишь в некоторых из них исследовательский аспект вышел на передний план и был представлен выводами, значимыми для нашей работы. Такие публикации можно разделить на несколько групп в зависимости от проблематики поднятых вопросов, которая больше всего зависела от профессиональной специализации авторов, а значит – от характера анализируемой ими фактической информации. Можно выделить следующие основные группы литературы по нашей теме: демографическую, статистико-экономическую, работы о народном образовании и этнографическую. Выделение таких групп в дооктябрьской литературе (как и затем в советской) проводится нами достаточно условно, поскольку некоторые авторы работали на стыке научных дисциплин.

В группе *сочинений демографического профиля* выделяются работы А. И. Ефимова и И. Л. Ямзина.

А. И. Ефимов был членом Томского губернского статистического комитета, первым редактором «Сибирской газеты». Он обработал концентрировавшиеся в статкомитете в 1870–1880-е гг. данные церковных метрических книг, демографические сведения из ведомостей по воинской повинности, посемейных списков, отчетов школьной администрации и другие источники. Автор одним из первых вычленил для изучения собственно сельское население Томской губернии в сопоставлении с городским, сделал попытку сравнения некоторых сторон демографической ситуации в регионе с Европейской Россией. Впервые в поле зрения

¹ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1986. В переводе на русский язык см.: Брукс Дж.: 1) Грамотность и печать в России, 1861–1928 // Чтение в дореволюционной России. М., 1991. С. 82–99; 2) Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература, 1861–1917 // Что мы читаем? Какие мы? СПб., 1993. С. 151–171.

² Захарова Л. Г., Краснова В. Б. Рец. на кн.: Эклоф Б. Русские крестьянские школы. Беркли; Лос-Анджелес, 1986 // История СССР. 1989. № 1. С. 212–216; Миронов Б. Н.: 1) Рец. на кн.: Брукс Дж. Когда Россия училась читать. Принстон, 1986 // История СССР. 1989. № 2. С. 191–194; 2) Новая работа американских исследователей по истории семьи // История СССР. 1982. № 4. С. 190–199; и др.

одного исследователя интегрировался ряд вопросов как физического, так и социокультурного воспроизводства поколений: естественное движение населения, охват детей школьным обучением, грамотность призывников и пр. Особо значимым стал вывод об относительно благоприятном влиянии деревенских природных и социальных условий на уровень смертности и естественного прироста населения¹. До сих пор не потеряло историографической актуальности заключение Ефимова о запущенности школьного дела в Алтайском горном округе пореформенного периода по сравнению с центром Томской губернии и Сибирью в целом².

И. Л. Ямзин издал в 1912 г. первую обобщающую работу преимущественно демографического характера о переселенческом движении в России на протяжении второй половины XIX – начала XX в.³ Он интегрировал результаты исследований экономистов и статистиков официально-охранительного и буржуазно-либерального толка, привлек данные земской статистики Европейской России, материалы челябинской и сызранской регистрации мигрантов, обследования переселенческих хозяйств на территории Сибири в 1903–1904 гг. В контексте темы нашей монографии наиболее интересны выводы Ямзина: 1) об активной позиции властей в регулировании величины и рабочего состава семей аграрных мигрантов, к чему вынуждены были приспособляться последние; 2) о «многосемейности» и особенно «многоработности» крестьянского домохозяйства как важной причине переселений и главном факторе его успешного развития на месте вселения в Сибирь. Второй вывод корректируется выводами А. А. Кауфмана и других исследователей о том, что с конца XIX в. на первый план по значению для судьбы крестьянского двора выходит не количество «своей» рабочей силы, а общий размер капитала в виде денежных накоплений, средств производства, наемных работников⁴.

Обширную часть демографической литературы составляют работы медико-демографического профиля, написанные врачами.

Такие авторы, как Е. Н. Анучин, В. П. Гедройц-Юраго, А. И. Ремезов, Ю. Д. Талько-Грынцевич, Ф. Ф. Шперк большое внимание уделяли вопросу влияния географических и климатических, экономических, санитарно-гигиенических, антрополого-этнографических условий на состояние здоровья, заболеваемость и смертность населения в определенных местностях⁵. Всеми признавалось наличие многофакторного воздействия, но в сравнительном плане роль каждого из факторов не была в достаточной степени прояснена, набор условий каждый раз не был полным и системным.

Более успешными оказались усилия ряда врачей по выяснению профессионально близкого им вопроса о детородном поведении и плодовитости женщин-крестьянок. Выводы С. Ар-

¹ Ефимов А. И.: 1) К вопросу о возрастном составе населения Томской губ.: (статист. этюд) // СГ. 1882. 22 авг.; 2) Народная школа в Томской губ. // СГ. 1883. 22 мая; 3) Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг.: демогр. очерк. СПб., 1890. (Временник / МВД. Центр. статист. ком.; № 17) и др.

² Ефимов А. И. Народная школа в Томской губ.

³ Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912.

⁴ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 305–306; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1898. Т. 1. С. IX; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее – Труды МКНСП). СПб., 1903. Т. 53. С. 283–284, 296.

⁵ Анучин Е. Н.: 1) Климат г. Тобольска. Смертность в Тобольской губ. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Арх. судебн. медицины. 1867. № 2. С. 41–46; 2) Смертность в Тобольской губ. // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 299–320; Гедройц-Юраго В. П. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. Омск, 1890. № 8. С. 117–180; Ремезов А. И. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880; Талько-Грынцевич Ю. Д.: 1) Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении // Труды I Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии. СПб., 1900. Т. 2. С. 398–475; 2) Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в 11 приходах за 23 года (1869–1891). М., 1898; Шперк Ф. Ф.: 1) Описание Верхоленского окр. Иркутской губ. в медико-топографическом и судебно-медицинском отношениях // Арх. судебн. медицины. 1866. № 2. С. 1–35; 2) Верхоленский окр. Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 95–206; и др.

канова, В. М. Крутовского, Ю. Д. Талько-Грынцевича о возрасте достижения девушками физиологического совершеннолетия и вступления в первый брак, о сроке первых родов, числе детей, рождаемых в течение генеративного периода, о реальной длительности этого периода настолько ценны¹, что практически целиком включены нами в монографию. Все авторы-медики отмечали высокую затратность физического воспроизводства сельского населения в Сибири. Они практически единодушны, во-первых, в низкой оценке качества народного акушерства и первоначальных приемов физического развития младенцев, в критической оценке народной педиатрии; во-вторых, в констатации запущенного состояния сельских поселений, источников водоснабжения и дворов крестьян; в-третьих, в резкой критике официальной сети медицинского обслуживания населения. Сугубо негативные оценки медико-санитарных условий переселенческого движения в Сибирь в некоторой степени корректируются данными об активном становлении на рубеже веков наиболее передовой в Сибири переселенческой медицины².

В *экономической литературе*, объективно говоря, начал разрабатываться вопрос о специфике тех социально-экономических условий, в которых протекала жизнь сельского населения Сибири, в том числе его самовоспроизводство. Историография социально-экономического развития сибирской деревни досоветского периода во взаимосвязи с историей изучения некоторых иных аспектов развития региона подробно разработана В. Г. Мирзоевым, М. Б. Шейнфельдом, Л. М. Горюшкиным, М. В. Шиловским, В. Н. Худяковым и другими учеными³, что существенно облегчает нашу задачу. Не потеряли значения, хотя и не должны абсолютизироваться, выводы, сделанные представителями марксистской историографии о доминировании в пореформенный период в российской деревне процессов капиталистического развития, на окраинах – преимущественного развития капитализма вширь посредством переселений, о социальном разложении крестьянства, в том числе на местах вселения мигрантов, о переплетении «деревенского» капитализма в России большим количеством патриархальных и феодальных пережитков, тормозивших переселение и колонизацию окраин⁴.

В *литературе по народному образованию* в сибирской деревне объектом внимания исследователей стали вопросы школьного дела, состояние школьной сети, политика правительства и деятельность самого крестьянства в этой сфере. Оценочные выводы авторов опубликованных работ часто зависели от их общественных взглядов⁵. Для нас наиболее важными являются положения о заинтересованности населения школьным делом и о специфике образования детей в старообрядческой среде (грамотность среди староверов носит преимущест-

¹ Арканов С. К антропологии сибирячки: (половая жизнь) // Сиб. врач. 1917. 20 нояб.; Крутовский В. М. К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского окр. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1892–1893 гг. Красноярск, 1893. С. 1–19; Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903.

² Куркутов А. Г. Деятельность врачебно-питательных пунктов на пути следования переселенцев в Енисейской губ. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1894–1895 гг. 1895. С. 68–93; Ямзин И. Л. Врачебное дело в Азиатской России // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 270–284; и др.

³ Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Шейнфельд М. Б. Историография Сибири, конец XIX – начало XX в. Красноярск, 1973; Горюшкин Л. М. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 100–135, 151–172; Шиловский М. В. Историография Сибири: вторая половина XIX – начало XX в. // ИЭС. [Т. 1]. С. 680–685; Худяков В. Н. Становление сибирской исторической науки: дискуссия 1950–1970-х гг. об аграрном строе сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Вестн. / Омск. ун-т. 2012. № 1 (63). С. 122–128; и др.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 3. С. 1–609; 1973. Т. 16. С. 193–413; 1968. Т. 17. С. 57–137; Арцыбушев В. П. История одной сибирской деревни // Сибирский сборник. Иркутск, 1895. Вып. 1. С. 103–132; Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири // ВО. 1896. 13 окт.; 16 окт.; 18 окт.; Шлихтер А. Г., Исаченко В. Л. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1914–1916. Ч. 1–2; и др.

⁵ Голубев П. А. Народное образование // Алтай: ист.-статист. сб. по вопр. эконом. и гражд. развития Алт. горн. окр. Томск, 1890. С. 236–298; Малиновский И. Сибирь и вопросы культуры // Сиб. вопр. 1910. № 47. С. 13–21; № 48/49. С. 12–26; Турчанинов Н. В. Школьное дело за Уралом // Азиатская Россия. С. 243–269; Яренский К. Церковные школы Томской епархии // Сибирский сборник. Иркутск, 1901. № 1. С. 143–175; и др.

венно религиозный характер, приобретает она благодаря инициативе родителей и церковных общин, деятельность старообрядцев противостоит официальной политике в области просвещения)¹.

В этнографической литературе в пореформенный период усилиями А. П. Шапова, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева было выдвинуто положение о складывании в специфических естественно-географических, расово-этнографических, исторических и бытовых условиях Сибири новой разновидности русского народа – «европейско-сибирского» или «великорусско-инородческого» типа². Однако в конкретной оценке физиологического, умственного и нравственного облика русских сибиряков между упомянутыми авторами и их последователями имелись серьезные разногласия.

А. П. Шапов стал основателем историографической линии, представители которой (Н. М. Астырев, Н. П. Григоровский, Н. А. Костров, А. М. Станиловский и др.) отмечали преобладание личного и семейно-родового эгоизма над общественными интересами, отсутствие культурных потребностей и «высших человеческих чувств» у сибиряков, в том числе в крестьянстве. Эти отрицательные черты якобы свидетельствуют о генетическом и социокультурном отрыве от метрополии, вплоть до утраты принесенных предками с родины культурных традиций и ценностей³. Напротив, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и прочие областники вывели несколько идеализированный тип крестьянина-старожила, выгодно отличающийся многими своими качествами от «российских» жителей: их нравы менее испорчены, они более независимы и энергичны, развиты в умственном отношении, у них сохранилось много старины в нравах и обычаях.

Хотя обе точки зрения имели некоторую аргументацию, на поверку они оказались чересчур умозрительными. Для их обоснования не хватало конкретного сравнительного антропологического и этнографического материала. Не поддержали учение о едином «особом типе» сибиряка экономисты и статистики А. А. Кауфман, С. П. Швецов⁴, этнографы Д. К. Клеменц, А. А. Макаренко, А. Н. Пыпин и другие исследователи, оставившие не только глубокие конкретно-этнографические и статистико-экономические, но также теоретические и историографические сочинения⁵. Они раскрывали единство основных характеристик русского крестьянства Сибири и Европейской России, при наличии немалых особенностей у локально-территориальных, историко-этнографических и сословных групп.

Основным предметом изучения этнографов всегда были традиционные формы культуры и быта – устойчивые и передававшиеся детям как образец, в том числе в сфере демографического и социализирующего поведения. Однако в конце XIX – начале XX в. Г. Д. Гребенщиков, М. В. Красножёнова, А. Е. Новосёлов, М. В. Швецова и другие обнаружили множество признаков разложения патриархальной жизни и гармонии поколений даже у консервативного в быту старообрядчества, тем более у крестьян пригородных, живущих у трактов и железной до-

¹ Вопросы народного образования среди старообрядцев. М., 1909; Григорьев В. Ю. О школах грамотности в Иркутском окр. // Изв. / ВСОРГО. 1888. Т. 20, № 5. С. 79–83; и др.

² Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // ТГВ. 1865. Ч. неофиц. 26 марта; 2 апр.; Шапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. / СОРГО. 1872. Т. 3, № 5. С. 243–274; Ядринцев Н. М. Этнологические особенности сибирского населения // ТГВ. 1865. Ч. неофиц. 23 апр.; 7 мая; 14 мая; и др.

³ Астырев Н. М. На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891; Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // Зап. / ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 1–60; Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876; Станиловский А. М. Записки. Иркутск, 1912. (Тр. / ВСОРГО; т. 7) и др.

⁴ Кауфман А. А.: 1) Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общественной жизни в Сибири // Север. вестн. 1891. № 4. С. 27–52; 2) К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам // Путь-дорога: науч.-лит. сб. в пользу О-ва для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., 1893. С. 513–530; Швецов С. П. Сибирь, кто в ней живет и как живет: беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них. СПб., 1909 и др.

⁵ Альтерно [Клеменц Д. А., Макаренко А. А.] Новый сборник статей о Сибири // Сиб. вопр. 1908. № 33/34. С. 15–28; Пыпин А. Н. Русская народность в Сибири // Вестн. Европы. 1892. № 1. С. 276–323; и др.

роги, втянутых в общение с переселенцами¹. Была констатирована связь этого явления с процессами капиталистического развития, но специальных работ на данную тему не появилось.

В этнографической литературе появилось множество публикаций по семейно-брачным обрядам и отношениям сибирских крестьян, по ряду аспектов народной медицины. В сочинениях более общего плана имелись разделы по народному воспитанию. Но для исследовательских обобщений регионального масштаба имеющегося материала было недостаточно, что признавалось и самими авторами.

Несколько особняком среди этнографических трудов стоят исследования народного права. М. В. Загоскин, Н. А. Костров, С. Л. Чудновский произвели локально-территориальные обобщения материалов волостных судов и правлений, использовали и собственные наблюдения². Они выявили набор и статистическое распределение, во-первых, различных аморальных и криминальных поступков, привлекавших внимание органов крестьянского самоуправления, во-вторых, применявшихся сибиряками способов профилактики и пресечения этих поступков, том числе отклоняющегося поведения молодежи.

Подводя *итог анализу историографии досоветского периода*, можно констатировать следующее. Хотя тема воспроизводства сельского населения Сибири как таковая не формулировалась, в разном контексте были поставлены следующие крупные вопросы, объективно входящие в нее: 1) о наборе и соотношении «внешних факторов», влиявших на рождаемость и смертность, естественный прирост населения, состояние его здоровья, отношение к официальной школе и грамотности; 2) о количественном выражении этих и некоторых других результатов воспроизводства; 3) об основных показателях репродуктивного поведения женщин-крестьянок; 4) об уровне развития тех отраслей народной культуры, что имели прямое отношение к воспроизводству – народной медицины, педагогики, этики и обычного права; 5) о сравнительной роли усилий светской и духовной администрации, с одной стороны, самого крестьянства, с другой, в деле развития начального образования детей; 6) о степени обособленности физического и социокультурного облика сибиряков от русского населения Европейской России, разных групп сибирского крестьянства друг от друга.

По некоторым из этих и более мелким вопросам были сделаны выводы, не потерявшие научной ценности и сегодня, с соответствующими коррективами учтенные в нашей монографии. Однако их значение снижается важным обстоятельством: они обычно сделаны на основе источников только одного или двух-трех видов, применительно к конкретной категории сельского населения, ограниченному периоду времени и небольшой территории. В итоге выводы не «перекрывают» всего географического, этнографического, демографического, культурологического «пространства» региона. Экстраполяция полученных локальных выводов на всё крестьянское население сельской местности обширной Сибири за длительную эпоху 1861–1917 гг. затруднительна и во многих случаях невозможна.

Появившиеся тогда немногочисленные труды общесибирского масштаба по экономике и демографии принципиально не меняют ситуации, поскольку касаются интересующих нас вопросов только вскользь, в плане статистической характеристики некоторых внешних условий и результатов воспроизводства населения. В трудах ученых и публицистов либерального и демократического направлений звучит настойчивая мысль о том, что такие хронические пороки системы возобновления поколений, как малограмотность крестьян, непомерно высокая детская смертность, крайне низкая продолжительность жизни и за счет этого – слишком бы-

¹ Гребенщиков Г. Д. Река Уба и убинские люди: лит.-этногр. очерк // Алтайский сборник. Барнаул, 1912. Т. 11. С. 1–80; Красножёнова М. В. Из народных обычаев крестьян д. Покровки // Изв. / ВСОРГО. Краснояр. подотд. 1914. Т. 2, вып. 6. С. 67–116; Новосёлов А. Е. Умиравшая старина: (к материалу по этнографии алтайских старообрядцев) // Зап. / ЗСОРГО. Семипалат. подотд. 1915. Вып. 10. С. 190–225; Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского окр. // Зап. / ЗСОРГО. 1899. Кн. 26. С. 1–92; и др.

² Загоскин М. В. Ответы на программу РГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891; Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов...; Чудновский С. Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного окр. // Рус. богатство. 1894. № 7. С. 25–70; № 8. С. 185–200; № 9. С. 206–224; № 10. С. 190–216.

страя смена поколений не могут быть преодолены в рамках существующей в стране и регионе общественно-политической и административно-правовой системы.

Советский период историографии избранной нами темы *на первом этапе (1920-е – начало 1930-х гг.)* характеризуется, с одной стороны, стремлением ученых продолжить работу, начатую ими и их предшественниками до революции, и обобщить ее результаты, с другой стороны, переориентацией на собственно исторические методы ретроспективного анализа явлений и процессов, поскольку изучаемая эпоха ушла в историческое прошлое.

В демографии в это время наибольшие достижения сводились к следующему.

И. Л. Ямзин и Д. П. Воцинин, опираясь на свои предшествующие труды, работы А. И. Васильчикова, А. А. Кауфмана других авторов, издали учебник для вузов, в котором попытались сформулировать закономерности колонизационных процессов. Для понимания миграционного поведения переселенцев Сибири значимы положения: о пояском расселении аграрных мигрантов (на территориях, сходных по климатическим и хозяйственным условиям с местами выхода); о связи переселений с экономико-демографической ситуацией на местах выхода и вселения; о неизбежной «метисации и перерождении» культуры новоселов под влиянием новых условий их жизни¹. Крупным недостатком учебника было отсутствие при характеристике переселений связи с такими историческими реалиями, как роль помещичьего землевладения в метрополии, социальное разложение крестьянства и др.

Д. Мерхалёв впервые в исторической демографии Сибири использовал методику реверсивного прогнозирования (ретросказания) и на основе данных Всероссийской демографической переписи 1920 г., дополненных более ранними источниками, высчитал приблизительное число зачатий и рождений на значительной части территории Сибири за 1911–1920 гг., произвел анализ полученных динамических рядов². Особенно значимыми для нас являются выкладки о масштабах сокращения детородной активности населения в период Первой мировой войны. К сожалению, при изучении этого вопроса указанным автором не выделено сельское население.

Врач А. К. Белявский обработал данные церковных метрических книг казачьей станицы Стретенской и ее окрестностей в Восточном Забайкалье за период 1840–1920 гг. На этой основе им рассмотрено распределение браков по семейному положению бракосочетавшихся и месяцам года, календарный разброс рождений, соотношение «законных» и внебрачных рождений³. Выводы автора относятся к небольшой местности, но беспрецедентны по хронологическому охвату, поскольку «перекрывают» собой всю капиталистическую эпоху. В исследовательской методике Белявский не продвинулся дальше предшественников.

Наивысшим достижением этого периода стала работа А. Р. Шнейдера о населении Приенисейского края⁴. Здесь специально анализировалось естественное движение населения бывшей Енисейской губернии, причем отдельно – сельского. Работа имеет беспрецедентную для того времени источниковую базу: данные Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. дополнены материалами регулярного учета населения в губернском статистическом комитете. В итоге большую научную ценность имеют следующие выводы автора: 1) о значительном влиянии на динамику демографических процессов сокращения числа ссыльных и увеличения количества вольных переселенцев в субрегионе; 2) о постепенном выравнивании половой диспропорции и некотором снижении уровня брачности в населении; 3) о высоком уровне рождаемости, имеющем к тому же тенденцию к повышению. В сочетании с некоторым сокращением смертности это давало высокие показатели естественного прироста, начиная с

¹ Ямзин И. Л., Воцинин В. П. Учение о колонизации и переселениях: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.; Л., 1926.

² Мерхалёв Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1922. Т. 2. (Тр. / Сиб. статист. упр.; вып. 7). С. 94–111.

³ Белявский А. К. Рождаемость, брачность и смертность г. Стретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южно-Уссурийского края. Владивосток, 1925. № 21. С. 662–672.

⁴ Шнейдер А. Р. Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. (Б-ка приенис. краеведа; № 15).

1870-х гг. Как показывают современные исследования, закономерности, выявленные Шнейдером на губернском материале, действовали в общесибирском масштабе, но установить это в первый период советской историографии не удалось.

Книга А. Чураева о населении Восточной Сибири, изданная в 1933 г., явилась уже шагом назад по сравнению с работой А. Р. Шнейдера. Источниковедческая основа раздела о естественном движении населения стала беднее. Автор подтвердил высокий уровень рождаемости в селениях дооктябрьского периода. Однако, стремясь как можно сильнее оттенить «достижения социализма», он акцентировал внимание именно на высокой смертности, вызываемой социально-бытовыми условиями дореволюционной России, и сделал необоснованный вывод об отрицательном естественном приросте в городах и незначительности его масштабов в сельской местности¹.

В области *истории народного образования и народного здравоохранения* Сибири на начальном этапе развития советской историографии появились работы Н. С. Юрцовского, П. Е. Семьянова и К. М. Гречищева. Первые два автора провели систематизацию части статистических данных о развитии начальных школ в дооктябрьской Сибири и двух ее регионах – Акмолинской области и Алтайском горном округе². Гречищев проделал аналогичную работу применительно к сети медицинского обслуживания населения в Сибири³. Вслед за ним историк медицины П. Т. Приходько охарактеризовал проблему медико-санитарного обслуживания переселенцев в Азиатской России, дал профессиональную оценку народно-медицинской культуры крестьянства Притомья⁴. В целом эти труды подтвердили сделанные ранее выводы о слабом развитии народного образования и медицинского обслуживания в сибирской деревне, невысоком уровне санитарно-гигиенической культуры сельского населения.

Усилиями *бывших политических ссыльных* впервые был поставлен вопрос о культурном влиянии народнической и социал-демократической политической ссылки на сибирское население, в частности, крестьянское. Сформулировано положение о позитивной роли педагогической деятельности и политико-просветительской работы политссыльных среди сибиряков, прочно утвердившееся затем в историографии⁵.

Заметнее всего изучение сельского населения Сибири продвинулось в 20-х – начале 30-х гг. благодаря *усилиям этнографов* и их смежников. Они расширяли сбор, углубляли обработку материалов о традиционных формах культуры и быта русского крестьянства, восходящих к дореволюционной эпохе. Интересные обобщения о брачном поведении, отношении к детям содержатся в работах Е. С. Бломквист и Н. Н. Гринковой, Б. Г. Герасимова по Южному Алтаю, М. В. Бородкиной по Притомью и Баргузинскому краю, М. В. Красножёновой о Приенисейском крае, Н. И. Воробьёва о Причунской долине, А. М. Поповой и А. М. Селищева о старообрядцах (семейских) Забайкалья и т. д.⁶

¹ Чураев А. Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933.

² Семьянов П. Е. Школьное дело в Сибири вообще и в Алтайском крае и бывшей Томской губ., в частности // ГААК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 18; Юрцовский Н. С.: 1) Народное образование в Омской губ.: (прошлое, настоящее и ближайшие перспективы) // Омская губ.: Здравоохранение. Народное образование. Омск, 1923. С. 41–104; 2) Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1.

³ Гречищев К. М.: 1) Здравоохранение // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 90–102; 2) Здравоохранение в Омской губ.: (его прошлое, настоящее и будущее) // Омская губ. С. 1–40; и др.

⁴ Приходько П. Т.: 1) К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 100–124; 2) Проблема переселения и медико-санитарное обслуживание переселенцев в Сибири в связи с историей здравоохранения в Сибири. Томск, 1931 и др.

⁵ Николаев В. И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5 (34). С. 87–116; Пономарёв В. Вольные школы (1908–1917 гг.) // Иркутская ссылка: сб. Иркут. землячества. М., 1934. С. 102–116; Швецов С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 57–87; № 4 (41). С. 90–100; № 10 (47). С. 96–112; № 11 (48). С. 88–105; и др.

⁶ [Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.] Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. (Материалы / Комис. экспедиц. исслед. Сер. казахстан.; вып. 17); Бородкина М. В.: 1) Деревня Иткара Томского края: хоз.-бытов. очерки. Томск, 1927; 2) Рыбачий быт в Прибайкалье (Посольский р-н) // СЖС. 1926. № 2 (6). С. 165–200;

Серьезную попытку объединения усилий этнографов вокруг исследования проблем культуры и образа жизни русского крестьянства Сибири с вычленением ряда вопросов воспроизводства населения сделали в это время иркутские ученые М. К. Азадовский и Г. С. Виноградов. Они придавали методологическое значение своему стремлению «видеть в населении Сибири пеструю массу, состоящую из представителей разных культур». Поэтому выделяли для изучения разные группы – крестьян, казаков, переселенцев, старообрядцев, сектантов и другие, предлагали коллегам вникать «не в общие черты жизни и быта сибиряков, а в отличительные особенности их по отдельным районам»¹. В условиях наличного низкого уровня знаний о русском населении Сибири такой подход мог быть плодотворным, но в долгосрочном стратегическом плане он представляется нам односторонним.

Новаторский характер имели труды Г. С. Виноградова по народной педагогике. Ученый одним из первых ввел в научный оборот это понятие. Опираясь на свой жизненный опыт (ученый родился и вырос в крестьянской среде Иркутской губернии) и полевой этнографический материал, он стремился осмыслить не только программу и способы целенаправленных усилий взрослых крестьян, но и роль самовоспитания, самообучения в деле «унаследования культуры»². К сожалению, не получила поддержки современников и продолжения оригинальная по постановке вопроса работа того же автора о взглядах деревенской среды на вопросы смерти, связанных с нею аспектах поведения³.

А. И. Ярхо в 1924 г. возродил едва, впрочем, наметившуюся в досоветскую эпоху линию расово-антропологического изучения сибирского населения, в том числе русского сельского. Выводы автора о хорошем уровне физического развития русских и метисных групп населения Горного Алтая и Хакасии сравнительно с аборигенами были сделаны на основе небольшого числа наблюдений, нуждались в проверке и развитии на более обширных материалах⁴.

В сфере *статистико-экономических исследований* в это время заслуживают внимания работы В. Я. Нагнибеды, основанные на материалах сельскохозяйственной и переселенческой статистики начала XX в., об особенностях экономического, санитарно-гигиенического и медицинского положения, демографического и культурного облика новоселов Сибири. Вопросы эти рассматривались в связи с итогами и перспективами аграрной колонизации края⁵.

В целом на первом этапе советской историографии происходило теоретическое осмысление и критическая оценка сделанного ранее. Поставленные новые вопросы изучались на профессионально ограниченной источниковедческой и методологической базе.

Второй историографический этап (середина 1930-х – середина 1950-х гг.) оказался самым неблагоприятным для изучения вопросов, связанных с темой нашей монографии. Про-

Воробьев Н. И. Население Причунского края (Енисейская губ.). Казань, 1926; *Герасимов Б. Г.* Поездка в Южный Алтай // Зап. / ЗСОРГО. Семипалат. подотд. 1927. Вып. 16. С. 125–152; *Красножённова М. В.* Ребенок в крестьянском быту: семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX – первой трети XX в. Новосибирск, 1998; *Попова А. М.* Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы. Иркутск, 1920 и др.

¹ *Виноградов Г. С.* Русское население края и его изучение // СЖС. 1925. № 3/4. С. 306–307. См. также: *Азадовский М. К.* Этнография в Сибири: обзор этнографического изучения в Сибири за 1918–1925 гг. // Север. Азия. 1926. Вып. 5/6. С. 112–132.

² *Виноградов Г. С.*: 1) Детский народный календарь: (из очерков по детской этнографии) // СЖС. 1924. Вып. 2. С. 55–86; 2) Народная педагогика: (отрывки и наброски) // СЖС. 1926. Вып. 1 (5). С. 1–28; и др.

³ *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулуновский уезд, Иркутская губ. // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 261–345.

⁴ *Ярхо А. И.* Наблюдения над физическим развитием населения Русского Алтая // Север. Азия. 1925. № 3. С. 51–74; *Ярхо А. И., Белкина В. И.* Физическое развитие населения Хакасского окр. Сибирского края // Север. Азия. 1928. № 5/6. С. 100–114; и др.

⁵ *Нагнибеда В. Я.*: 1) Питание населения Томской губ. // Записки Томского губисполкома и ГубЭСО. Томск, 1923. № 2. С. 16–27; 2) Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 158–166; 3) Сельское хозяйство Томской губ. Томск, 1924 и др.

движение вперед было заметно лишь в сфере социально-экономических исследований. Здесь на основе монополюбно утвердившейся марксистско-ленинской методологии изучались сущность аграрной политики царизма и столыпинское аграрное законодательство, капиталистическое развитие хозяйства новоселов на восточной окраине¹. Появилась первая обобщающая характеристика экономики Сибири эпохи капитализма в работах П. И. Лященко². Признаки земледельческой колонии автор справедливо усматривал в таких чертах сибирской демографии, как численное преобладание мужского населения над женским, высокая доля трудоспособных возрастов в структуре населения. Был выдвинут тезис о том, что Сибирь стояла на первом месте среди регионов России по продолжительности жизни, однако он не мог быть полноценно обоснован имевшимися в распоряжении Лященко данными только о возрастной структуре живущего населения по переписи 1897 г.

Определенный вклад в изучение темы внес *историко-географический труд* В. В. Покшишевского. Автор дал обобщенную характеристику заселения Сибири, в том числе при капитализме, – направлений и масштабов миграции, социального состава переселенцев, их влияния на численность населения Сибири и агрикультурный уровень ее сельского хозяйства³.

Что же касается демографических, этнографических, историко-педагогических и историко-медицинских исследований русского сельского населения Сибири, то практически все они были в результате прямого вмешательства коммунистической власти, носившего политико-идеологический и административный характер, свернуты и возобновлены лишь во второй половине 50-х гг. после падения сталинского режима.

На третьем этапе развития советской историографии (вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг.) завершилось формирование предпосылок комплексного изучения темы.

Возобновилось поступательное развитие *исторической демографии*. Такие крупные ученые, как Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан, А. Г. Рашин, Р. Я. Сифман, В. К. Яцунский и другие создали глубокие труды по истории народонаселения России досоветской эпохи. Определенное внимание было уделено сюжетам, значимым для региональной истории Сибири: анализу информативных возможностей различных источников; периодизации демографических процессов; специфике некоторых из них, в том числе естественного движения населения, в центре страны и на окраинах; сопоставлению роли естественного и механического (переселенческого) движения в заселении колонизируемых регионов; сравнительному влиянию социальных и природно-климатических факторов на воспроизводство населения⁴.

Развивались методология и теория историко-демографических исследований: ученые углубляли представление о закономерностях развития демографической ситуации в различные исторические эпохи. Получила распространение теория демографического перехода. Ее основы заложены в 1930–1940-х гг. в зарубежной науке А. Ландри и Ф. Ноутстейном, с 1970-х гг. она применялась к анализу демографических процессов и в России А. Я. Боярским, С. П. Капицей, А. Я. Квашой и другими учеными⁵. Эту глобальную теорию преемственности истори-

¹ Подробнее см.: Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Указ. соч. С. 137–140, 178–184.

² Лященко П. И.: 1) История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 2. С. 520–527; 2) Сибирь: экономическое развитие // Энциклопедический словарь Товарищества братьев А. и И. Гранат и К^о. 7-е изд., перераб. М., [б. г.] Т. 38. Стб. 468–517.

³ Покшишевский В. В. Заселение Сибири: ист.-геогр. очерки. Иркутск, 1951.

⁴ Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973; Кабузан В. М.: 1) Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971; 2) Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статист. очерки. М., 1956; Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 62–82; Яцунский В. К.: 1) Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 34–44; 2) Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах в размещении населения России в XIX–XX вв. // Вопросы географии. С. 45–62; и др.

⁵ Демографический переход // Демографическая энциклопедия. М., 2013. С. 241–242; Иванов С. Ф. Демографический переход // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 115–117; Chesnais J. C. The Demographic Transition. Oxford, 1992 и др.

ческих типов воспроизводства населения развил в теоретическом плане и адаптировал к потребностям изучения воспроизводства населения в России А. Г. Вишневский¹. Им было выделено три основных типа: архетип, традиционный и современный, или модернизированный. Переход от одного к другому трактовался как демографическая революция – смена одной целостной системы другой (в современной литературе, в том числе самим Вишневским, употребляется термин «демографический переход»). Система эта понимается как единство существующих на определенном этапе развития общества объективных условий воспроизводства населения, соответствующих этим условиям демографических отношений и демографических представлений, обеспечивающих воспроизводство механизма социального управления, в том числе демографического поведения. Для нашей работы наиболее важны теоретические характеристики традиционного, весьма затратного типа воспроизводства населения (демографическое равновесие достигалось здесь высокой рождаемостью и высокой смертностью) и перехода от традиционного типа воспроизводства к современному, гораздо более экономному, где равновесие достигается низкой смертностью и низкой рождаемостью. Традиционный тип хронологически привязывается к докапиталистическому классовому аграрному обществу, а интересующий нас демографический переход – ко времени превращения аграрной экономики в индустриальную при капитализме и «реальном социализме». Демографические отношения между людьми выделяются для специального анализа, постулируется, что каждому их типу соответствуют особая культура, своя система ценностей и норм демографического поведения. Таким образом, впервые в отечественной историографии физическое воспроизводство населения предстает у А. Г. Вишневого как компонент образа жизни – индивидуального, группового и общества в целом.

Сам знаменитый демограф признавал, что *теория демографического перехода, или демографической модернизации*, «как и всякая схема, упрощает действительность и позволяет лишь в самых общих чертах объяснить конкретные особенности воспроизводства населения в разные эпохи у разных народов»². Историк Б. Н. Миронов отмечал на излете советского периода развития историографии, что Вишневским намечено важное научное направление, но движение по нему может быть успешным лишь в том случае, если удастся общую схему состыковать с конкретными исследованиями³.

Таких исследований до начала 1990-х гг. появилось немного. Начальная фаза модернизации демографического (и социализирующего) поведения различных групп населения России на рубеже XIX–XX вв. оставалась практически неизученной. Нам известно лишь несколько статей в одном научном сборнике, где отражены некоторые статистические результаты этой трансформации⁴. Традиционное демографическое поведение крестьянства и складывание некоторых предпосылок перехода изучал на материалах Центральной России Б. Н. Миронов⁵. Традиционная модель демографического поведения (высокая, ничем не сдерживаемая рождаемость, ранние браки и почти предельно возможная брачность и т. д.), по мнению автора, соответствовала социально-экономическим условиям жизни основной массы сельского населения России лишь в дореформенное время, а затем объективно неизбежным становился демографический переход.

В работах того же автора, в исследованиях некоторых других историков, психологов нашли отражение вопросы отношения крестьянства Европейской России эпохи капитализма к

¹ Вишневский А. Г.: 1) Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982; 2) Демографическая революция. М., 1976 и др.

² Вишневский А. Г. Демографическая революция. С. 7.

³ Миронов Б. Н. Рец. на кн.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество... // СЭ. 1984. № 1. С. 163.

⁴ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневого. М., 1977.

⁵ Миронов Б. Н.: 1) Основные демографические процессы в России XIX – начала XX в. // Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии. Рига, 1977. С. 51–53; 2) Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 226–246; 3) Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность... С. 83–104; и др.

обучению детей грамоте, образовательного уровня сельского населения, что также создает возможности для сравнения¹. К сожалению, указанные вопросы не увязывались в историографии советского периода с проблематикой воспроизводства населения в стране.

Многое сделали для изучения народного общественного сознания в России досоветской эпохи *археографы*. Они обосновали положение о широком бытовании в русской крестьянской, особенно старообрядческой среде рукописной и старопечатной книги. Работы академика Н. Н. Покровского и его учеников имеют общероссийское значение, хотя написаны на урало-сибирском материале². С методологической точки зрения они помогают утвердиться в критической оценке суждений о «невежестве» русской деревни. При изучении социализации молодежи они позволяют выделить среди прочих такие каналы межпоколенной и территориальной трансляции культурных ценностей и этических норм, как сохранение и передача книжных текстов, активное их использование для «научения» послушных и вразумления нерадивых.

Среди региональных исследований по Сибири, опубликованных во второй половине 50-х – конце 80-х гг. и значимых для нашей темы, можно выделить историко-географические, историко-экономические, историко-медицинские, историко-педагогические и историко-этнологические работы.

В *историко-географической* группе литературы выделяется работа В. В. Воробьева³. Автор изучал географические особенности воспроизводства народонаселения Восточной Сибири на протяжении длительного времени XVIII – начала XX в. Главное внимание уделялось специфике не сельского, а городского населения, но некоторые выводы могут быть экстраполированы и на деревню. Это относится к динамике естественного движения населения: в регионе во второй половине XIX – начале XX в. сочетались высокая рождаемость и большая смертность с высоким в целом (относительно Европейской России), но неустойчивым естественным приростом. За счет притока переселенцев на рубеже веков господствует тенденция увеличения естественного прироста, несмотря на сохраняющуюся повышенную смертность детей. К таким выводам пришел автор, а другие историки распространяли их на всю Сибирь.

К изучению демографической проблематики подключились авторы, специализировавшиеся в основном в области *социально-экономической истории* Сибири. Л. М. Горюшкин, В. И. Пронин, Е. И. Соловьёва и их ученики стали вписывать историю народонаселения – важнейшей производительной силы общества – в экономическую и социальную историю региона, в том числе в историю его хозяйственного освоения (становления рынка, развития крестьянской промышленности, сельскохозяйственного производства) и поддержания основных общественных структур в деревне – семьи и общины⁴.

¹ Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В. Особенности психологии крестьянства: (прошлое и настоящее). М., 1983; Миронов Б. Н. Грамотность в России 1797–1917 гг. // История СССР. 1985. № 4. С. 137–153; Фёдоров В. А. Об уровне грамотности крестьянства в России в XIX в. // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Уфа, 1984. С. 390–395; и др.

² Алексеев В. Н. Археографические экспедиции СО АН СССР и комплектование фонда сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР // Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1978. С. 9–13; Покровский Н. Н.: 1) Археографические экспедиции и проблемы изучения народного сознания // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 159–163; 2) Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Нов. мир. 1989. № 9. С. 205–231; 3) Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005 и др.

³ Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири: географические особенности и проблемы. Новосибирск, 1975.

⁴ Горюшкин Л. М.: 1) Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 133–146; 2) К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 75–89; 3) Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1989; 4) Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1989; Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Сельское население Сибири в годы Первой мировой войны // Социально-демографические процессы в российской деревне. С. 235–247; Пронин В. И.:

Особое внимание эти авторы уделяли обусловленности параметров народонаселения (численность, плотность и размещение населения, его состав, в том числе классовый, переселенческое движение, величина и структура крестьянской семьи, трудовое воспитание в семье и общине и др.) развитием производственных отношений, капитализма вглубь и вширь в условиях сохранения феодальных пережитков, многоукладности и экономико-колониального положения окраины. Раскрывалось и обратное влияние ряда демографических процессов на социально-экономическое развитие региона. Сибирь рассматривалась в ее естественноисторических границах, что методологически очень важно (в трудах общероссийского профиля она обычно объединяется с Дальним Востоком, хотя эти регионы имели яркие отличия).

В социально-экономической историографии поддерживалось пристальное внимание к вопросам аграрного движения в Сибирь и внутрисибирских миграций как специфических каналов изменения численности и культурного облика сельского населения¹.

В результате упорной работы специалисты по социально-экономической и политической истории создали фундаментальные обобщающие труды, в которых отражены уровень развития производительных сил и характер производственных отношений в сибирской деревне 1861–1917 гг., административно-правовое положение крестьянства и прочие «базовые» условия, в которых развивались культура и образ жизни данного класса-сословия². Воспроизводство населения рассматривается в этих трудах в основном с позиций естественноисторического подхода – как закономерный процесс, обусловленный объективно. С учетом несомненных достижений на этом пути возникла необходимость переноса частью историков внимания от истории деревни как объективного процесса к ее истории как проявлению и результату жизненной активности самого сельского населения.

Автор данной монографии начал свой путь в науке на рубеже 1970–1980-х гг. в составе школы историков-аграрников во главе с Л. М. Горюшкиным и Е. И. Соловьёвой, защитил диссертацию по истории крестьянской семьи в Сибири³. Скоро пришло стремление расширить теоретико-методологическое пространство исследования, задействовать потенциал полидисциплинарного и деятельностного подходов, теории демографического перехода (большое влияние тогда оказало знакомство с работами философов В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, демографа А. Г. Вишневого, историка и социолога Б. Н. Миронова). В итоге в 1980-х гг. появились труды, в которых очерчен авторский вариант теоретического конструкта «социальный образ жизни крестьянства», дан анализ наличной историографии и источников изучения образа жизни (в том числе демографического и социализирующего поведения) крестьянства Сибири эпохи капитализма⁴. Охарактеризованы некоторые аспекты и физического, и

1) Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // *Город и деревня Сибири в досоветский период*. Новосибирск, 1984. С. 88–102; 2) Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // *Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период*. Новосибирск, 1987. С. 90–107; 3) *Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР*. 1981. № 4. С. 50–69; Соловьёва Е. И.: 1) *Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период*. Новосибирск, 1981. 60–79; 2) *Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.)*. Новосибирск, 1979. С. 126–140; и др.

¹ *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Указ. соч. С. 140–151.

² *Горюшкин Л. М.*: 1) *Аграрные отношения в Сибири...*; 2) *Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в.* Новосибирск, 1988; 3) *Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX)*. Новосибирск, 1967; *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин*. Новосибирск, 1983; *Тюкавкин В. Г.* *Сибирская деревня накануне Октября*. Иркутск, 1966 и др.

³ *Зверев В. А.* *Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX – начала XX в.*: автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1982.

⁴ *Зверев В. А.*: 1) *Источники для исследования воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма*. Новосибирск, 1989. С. 27–45; 2) *Итоги и задачи изучения образа жизни русского крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы*. Новосибирск, 1988. С. 150–170;

социокультурного воспроизводства сельского населения Сибири с комплексным использованием социологического, демографического и педагогического исследовательского инструментария; впервые в историографии прозвучали положения о господстве в досоветский период «традиционной системы» возобновления крестьянских поколений в регионе с наличием элементов ее дезорганизации и исторической перспективой перехода к «современному типу» воспроизводства¹.

В сочинениях *историков медицины*, опубликованных во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг., привлекает рассмотрение двух сюжетов, актуальных для нас: а) о параметрах естественного движения населения, преимущественно заболеваемости и смертности; б) о формировании сети санитарно-медицинского обслуживания жителей Сибири конца имперского периода.

Занимаясь первым из этих вопросов, историки медицины фактически сделали шаг назад по сравнению с предшествующей историографией. Они не смогли сформировать достаточно представительную источниковедческую базу и строили выводы, опираясь лишь на локально-территориальные и хронологически отрывочные сведения. По этой причине, а также, видимо, из желания ученых противопоставить успехи советской медицины «беспощадному отношению к здоровью и жизни трудящихся при капитализме» появилась односторонняя картина «могильной» Сибири, «страны похоронных процессий». В этой виртуальной стране непомерно высокая смертность имела результатом низкий естественный прирост, а зачастую – превалирование смертности над рождаемостью². На самом же деле темпы естественного прироста населения, особенно сельского русского, к востоку от Урала на длительном протяжении всего XIX – начала XX в. были в целом выше, чем по империи, за исключением 1860–1880-х (по подсчетам В. И. Пронина) или только 1870-х гг. (по данным В. М. Кабузана)³.

Позитивный вклад историков медицины в историографию нашей темы заключается в обстоятельной характеристике официальной медицинской сети в Сибири, в частности – сельской, казачьей и переселенческой. Убедительно показаны ее организационные пороки, неспособность справиться с частыми вспышками эпидемий, подавить эндемические очаги заболеваний. Позитивная роль медицинских учреждений раскрывается слабее. Такие важные вопросы, как взаимовлияние официальной и народной медицины, отношение крестьянства к последней, вклад крестьянства в развитие официальных институтов здравоохранения вовсе не рассматривались.

Историко-педагогическая наука (особо значимы труды Ф. Ф. Шамахова) и смежные с ней направления продвинулись вперед в изучении школьного образовательного, а также внешне-

3) Методологические проблемы изучения образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Методологические проблемы изучения истории Сибири. Новосибирск, 1988. С. 110–119; и др.

¹ *Зверев В. А.*: 1) Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма: (проблемы физич. и социал. возобновления). Новосибирск, 1988; 2) Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Социально-демографическое развитие... С. 67–77; 3) Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 112–128; и др.

² *Бова П. А.* История и современное состояние здравоохранения Нарымского края: автореф. дис... канд. мед. наук. Томск, 1966; *Бова П. А., Олейниченко В. Ф.* Очерки по истории здравоохранения Томской обл. Томск, 1986; *Лёгенький И. Г.* Некоторые данные о смертности и продолжительности жизни населения Западной Сибири во второй половине XIX в. // Тр / Омск. мед. ин-т. 1959. Вып. 25. С. 49–54; *Мендрин Г. И.*: 1) Общественная медицина Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Итоги и перспективы исследований по истории медицины. Ташкент, 1980. С. 380–383; 2) Очерки по истории медицины Сибири эпохи капитализма (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 1965; *Федотов Н. П., Бова П. А., Березин В. П.* Очерки по истории здравоохранения Томской обл. Томск, 1967; *Федотов Н. П., Мендрин Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975 и др.

³ *Кабузан В. М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 29; *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет. С. 63–64. См. также: *Колесников А. Д.* Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 225–238.

льного просветительского и книжного дела в Сибири, в том числе в сельской местности при капитализме¹. Однако тогда же было замечено, что появившиеся труды «рассматривают крестьянство преимущественно как объект просветительного воздействия. Представляется, что плодотворным мог бы стать и иной подход... который предполагает выяснение отношения крестьян к достигнутому уровню и характеру просвещения деревни и анализ его собственной активности в этой области»². В духе такого «субъектно-деятельностного» подхода в одной из статей Ф. Ф. Шамахова было оспорено утверждение большинства предшественников об «инертном» отношении крестьян-сибиряков к своему просвещению, кратко охарактеризованы некоторые яркие проявления народной инициативы: участие сельских сходо в открытии официальных училищ, использование «хожалых» учителей при создании «вольных» школ и др.³

Более полно затем вклад крестьянства (а также иных субъектов просветительской деятельности) в развитие официальной системы народного образования Сибири характеризовала К. Е. Зверева. Она же в своей диссертации определила основные параметры грамотности сельского населения и указала основные способы ее применения в повседневной жизни крестьянства⁴. Историки-сибиреведы отмечали активную роль представителей крестьянства в политико-просветительном и специально-просветительном (выставочном), а также специально-образовательном движении конца XIX – начала XX в.⁵ Г. В. Оглезнева предприняла комплексное изучение культурной среды в русской деревне Восточной Сибири как системы, формирующей духовную культуру крестьянства⁶. С проблемой воспроизводства населения изучаемые вопросы образования и просвещения сельчан в характеризуемый период историками не связывались.

Воспитание детей и молодежи, контроль их социального поведения в русской деревне дооктябрьской эпохи, наряду с некоторыми другими сюжетами, имеющими отношение к нашей теме, нашли отражение в рамках иной научной дисциплины – исторической этнологии (этнографии).

В исторической этнографии важную роль играет культурно-генетическое направление, исследующее генезис и эволюцию отдельных компонентов народной культуры России в ее этническом своеобразии. Среди ведущих специалистов в 1980-х гг. «утверждается мнение о том, что предмет этнографических исследований включает не только традиционную материальную и духовную культуру, но и социальный механизм ее воспроизводства, т. е. соционормативную культуру этноса»⁷. Активным проводником этой идеи в теорию и практику исследований русского крестьянства XIX в. является М. М. Громыко. В серии фундаментальных работ она, во-первых, формирует методологическую и теоретическую базу конкретных

¹ Подробнее см.: Зверева К. Е. Советская историография проблемы просвещения крестьянства в Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. С. 171–190.

² Там же. С. 185.

³ Шамахов Ф. Ф. Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 99–106.

⁴ Зверева К. Е.: Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988.

⁵ Бочанова Г. А.: 1) Возникновение и деятельность ремесленных учебно-показательных мастерских в Сибири начала XX в. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 92–115; 2) Вопросы трудового воспитания в начальных школах Сибири конца XIX – начала XX в. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 168–187; 3) Вторая сельскохозяйственная и промышленная выставка в Забайкалье // Город и деревня Сибири в досоветский период. С. 114–133; 4) Начало выставочного движения в Енисейской губ. // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 61–70; Косых Е. Н. Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири: очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1989. С. 102–122; и др.

⁶ Оглезнева Г. В. Культурная среда и формирование духовной культуры крестьян Восточной Сибири в период капитализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1989.

⁷ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 71.

исследований в данной области; во-вторых, характеризует содержание и способы «организации стереотипов группового опыта» крестьянства России, включая их межпоколенную передачу и охрану в таких важнейших сферах образа жизни, как хозяйственная, общественная активность и проведение досуга¹.

В числе институтов социализации Громыко особо выделяет общину и семью, взаимодействие которых зачастую опосредовалось другими малыми общностями. Историк изучает в сравнительном плане механизмы, обеспечивавшие сохранение и преемственность традиции – общественное мнение, авторитет стариков, коллективные формы труда и общения, календарные и семейные обряды, народное искусство. Основываясь на материалах общероссийских, в том числе и сибирских, Громыко приходит к весьма значимому выводу: «... Повседневное поведение крестьянства нормировано традициями, охраняемыми общественным мнением и основанными на широком комплексе нравственных, религиозных и социальных представлений... Нормы поведения осознавались, им учили, а не только воспринимали их из жизни»². В принципе это может относиться также к таким элементам структуры личности, как знания и представления, волевые и физические качества; механизм их межпоколенной трансляции должен быть изучен в полном объеме. По необходимости ограничивая хронологические и проблемно-тематические рамки исследования, Громыко не рассматривала те изменения культурных и поведенческих механизмов, что происходили в конце XIX – начале XX в. под влиянием модернизационных процессов.

К работам М. М. Громыко примыкают труды Н. А. Миненко, ставившей перед собой задачу «реконструкции той системы воспитания и образования, которая сложилась и функционировала в русской дореволюционной деревне на новоосваиваемых территориях, расположенных к востоку от Урала»³. Речь идет именно о традиционной системе обучения грамоте, трудового и нравственного воспитания детей в эпоху ее наивысшего развития – до середины XIX в. Выводы автора хорошо аргументированы и в значительной степени решают задачу характеристики начального состояния той системы социализации, дальнейшая эволюция которой является предметом изучения в нашей монографии. В период «перестройки» М. М. Громыко и Н. А. Миненко одними из первых в советской историографии поставили вопрос о наличии позитивных сторон влияния православной церкви на грамотность, эстетическую и этическую культуру русских прихожан в досоветский период.

В русле историко-генетического направления на основе общероссийских материалов написана книга Т. А. Бернштам, посвященная половозрастной дифференциации традиционного сельского сообщества⁴. Для нас здесь важен анализ крестьянских представлений об этапах взросления человека, нормативных возрастных границах совершеннолетия и брачного периода. В методологическом плане значимы положения о том, что половозрастная структура была «едва ли не самым главным – биосоциальным – звеном в механизме воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей»; что «способность или неспособность к браку и человеческому воспроизводству» была главным критерием разделения традиционного сообщества на категории «молодых» и «старых» людей⁵.

¹ Громыко М. М.: 1) Историзм как принцип изучения воспроизводства традиций в малых социальных группах // СЭ. 1985. № 2. С. 72–81; 2) Семья и община в традиционной духовной культуре крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 7–24; 3) Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; 4) Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1975 и др.

² Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 270.

³ Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. М., 1991. С. 5. См. также: Миненко Н. А.: 1) Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1989; 2) История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма: учеб. пособие. Новосибирск, 1986; 3) Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979 и др.

⁴ Бернштам Т. А. Указ. соч.

⁵ Там же. С. 6, 262.

Усилия части этнологов и представителей смежных наук консолидировались вокруг программы «Этнография детства», основателем и руководителем которой являлся И. С. Кон, последовательно проводивший в жизнь принцип междисциплинарного изучения детства, юности и родительства¹. В отечественную науку был введен ряд новых понятий и методических приемов изучения этнокультурных возрастных процессов. Конкретные исследования по этой программе слабо коснулись русского населения, но труды Кона весьма значимы для методологии нашего монографического исследования.

Определенного внимания заслуживают появившиеся в 1960–1980-х гг. труды по отечественной этнопедагогике. Среди других подходов в этой дисциплине признается и такой, где областью изучения является этническая специфика не только воспитания, но всей системы социализации личности в традиционном обществе². Обобщая материалы о различных народах, в том числе о сибирских аборигенах, ученые выделили ряд отличительных черт народной педагогики: устойчивость во времени, включенность в более широкий контекст народной культуры, преимущественно эмпирический уровень, прагматизм, противоречивость и др. Показана универсальность основных механизмов преемственной связи поколений: ведущая роль родительской семьи, включенность социализации в реальный поток трудовой жизни при отсутствии специальных институтов, строгая ориентация на «старину» и т. д.³ Выводы эти имели большое значение при изучении нами традиционных аспектов социализации детей у русских крестьян Сибири.

Комплексных работ по русской этнопедагогике досоветской эпохи в советской историографии, к сожалению, не появилось (не появились они и позже). Правда, фольклористы вели, преимущественно на современном им русском сибирском материале, изучение социализирующей функции устного и музыкального народного творчества⁴. Один из недостатков таких работ, с точки зрения историка – отсутствие конкретной хронологической привязки многих описываемых явлений.

В области русской исторической этнологии Сибири специализировалась группа ученых, для которых воспроизводство населения не являлось предметом специального исследования, но затрагивалось в работах по общественному сознанию, народному календарю, материальной культуре, семейному быту и пр.

Л. В. Островская отметила ряд особенностей массового сознания сибирских крестьян пореформенного периода, а именно – религиозных и медицинских представлений. С одной стороны, оно определяло «воспроизводственное» поведение, с другой – являлось объектом межпоколенной передачи⁵. Работая с конца 1950-х гг. в различных местностях Сибири, этнографы Ф. Ф. Болонев, А. А. Лебедева, Л. М. Сабурова, А. В. Сафьянова и другие сделали немало интересных выводов о круге брачных связей, структуре и воспитательной функции се-

¹ Кон И. С.: 1) Ребенок и общество: (ист.-этногр. перспектива). М., 1988; 2) Этнография детства: проблемы методологии // СЭ. 1981. № 5. С. 3–14; 3) Этнография детства: историогр. очерк // Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 9–50; и др.

² Комарова Г. А. О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 211–212.

³ Афанасьев В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979; Волков Г. Н. Педагогика жизни. Чебоксары, 1989; Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред.: И. С. Кон, Ч. М. Таксами. Л., 1988 и др.

⁴ Мельников М. Н.: 1) Детский фольклор и проблемы народной педагогики // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 78–99; 2) Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970 и др.

⁵ Островская Л. В.: 1) Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX в. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 131–142; 2) Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 172–186; 3) Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири: (народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 135–150.

мы, способах охраны здоровья и лечения больных, регулирующего воздействия «мира» на поведение молодежи и взрослых¹. Выводы относятся к отдельным территориальным, историко-этнографическим и этносоциальным группам русского крестьянства второй половины XIX – начала XX в., и экстраполяция их на все сельское население региона затруднительна. Тем не менее, заслуживают внимания результаты такой экстраполяции по темам «Семья, быт и нравы сибирского крестьянства» и «Народная медицина», предпринятой в обобщающем труде по истории крестьянства Сибири².

Поскольку этнологи не всегда мобилизуют достаточно полный комплекс источников собственно исторических, их работы не свободны от необоснованных утверждений (о сравнительно высокой обеспеченности населения Алтайского горного округа медицинским обслуживанием и школами³, о хорошей постановке опеки над сиротами и их имуществом у сибирских крестьян⁴, сверхвысоких темпах естественного прироста населения у семейских Забайкалья⁵ и т. д.).

В целом можно сказать, что в отечественной историографии второй половины 1950-х – конца 1980-х гг. была создана эмпирическая и (частично) теоретическая основа постановки темы воспроизводства сельского населения Сибири конца имперского периода в ее «деятельностном» аспекте. Оказались раскрытыми социально-экономические и политико-правовые условия жизни крестьянства, но накопленный материал по другим факторам воспроизводства населения нуждался в дополнительной разработке и обобщении. Изучались некоторые «субъектно-деятельностные» основы и самой «воспроизводственной» активности крестьянства. Недостатком являлась излишняя специализация различных направлений исторического знания, затрудняющая комплексное изучение образа жизни крестьянства и, в частности, воспроизводства населения. Негативно сказывалась и долгая изолированность отечественной науки от зарубежной историографии.

Современный (постсоветский) период развития историографии нашей темы начался, условно говоря, в 1991 г. В последующие два с лишним десятилетия учеными создано немало трудов, посвященных различным аспектам физического и социокультурного воспроизводства деревенского населения в Сибири конца имперского периода. Воспроизводство населения, взятое в совокупности его физической и социокультурной составляющих (естественное и механическое движение населения, социализация подрастающих поколений) – это сложный по структуре объект, требующий для своего изучения объединения усилий ученых различной научной специализации. Будучи теоретически мыслимым и необходимым, такое объединение на практике, к сожалению, пока не наблюдается. Различные аспекты возобнов-

¹ *Болонев Ф. Ф.*: 1) Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978; 2) Семейские: ист.-этногр. очерки. Улан-Удэ, 1985; *Лебедева А. А.*: 1) К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104–188; 2) Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2. С. 81–101; 3) Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979. С. 63–108; *Сабурова Л. М.*: 1) Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л., 1967; 2) Русское население Приангарья // Быт и искусство... 1971. Ч. 1. С. 28–77; *Сафьянова А. В.*: 1) Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. С. 91–110; 1) Положение русской женщины в алтайской деревне до революции и ее роль в общественной и культурной жизни в годы советской власти // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. С. 77–103; и др.

² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 317–327, 340–346.

³ *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987. С. 40.

⁴ *Лебедева А. А.* Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 230–231.

⁵ *Болонев Ф. Ф.* Семейские. С. 52.

ления деревенского населения в Сибири фактически независимо друг от друга исследуют историко-демографы, специалисты по социальной истории, исторической этнографии и истории педагогики.

Для изучения воспроизводства населения на восточных окраинах Российской империи, сейчас, как и в предыдущий период, являются определяющими труды, имеющие общероссийский охват. Невозможно переоценить значение фундаментальных работ А. Г. Вишневого и его коллег¹, а также Б. Н. Миронова². Они создали новаторские труды по истории России, включающие *анализ социально-демографических процессов* в качестве равноценных или даже приоритетных по отношению к прочим аспектам истории (экономическому, социальному, политическому, ментальному).

Считается, что в истории человечества эпоха демографического перехода началась с середины XVIII столетия (в Западной Европе) и закончится к концу XXI в. Различные страны вовлекаются в транзицию не одновременно, а «эшелонами», в масштабе одной страны она занимает в среднем 90 лет. В России, стране второго «эшелона» демографической модернизации, по мнению Б. Н. Миронова, переход происходил со второй трети XIX в. до 1960-х гг. Процесс начался с западных губерний, населенных протестантами, католиками и иудеями, и постепенно распространился на восток и юг, охватывая сначала большие, потом мелкие города, крестьянство губерний промышленной ориентации и, наконец, сельскохозяйственные регионы. А. Г. Вишневский разработал другую хронологию, согласно которой начало второго демографического перехода в России относится к концу XIX – началу XX в., и завершения его здесь еще не произошло.

Историки-сибиреведы, ориентируясь на опыт зарубежных и «столичных» российских коллег, тоже осваивают проблематику и методологию изучения демографического перехода в контексте модернизации общества. Впервые применительно к Сибири вопрос о датировке начала второго демографического перехода и его региональных проявлениях был поставлен в наших работах 1990-х гг. Было сформулировано и аргументировано положение о том, что в 1860-х – середине 1890-х гг. в регионе стали складываться предпосылки демографической модернизации, а на рубеже XIX–XX вв., вслед за Европейской Россией, появились признаки начала такой модернизации. Стартовые проявления транзиции в Сибири были выражены слабее, чем на западе Европейской России, в сибирских городах они проявились определеннее, чем в селениях³. Эти выводы затем нашли подтверждение и развитие применительно к городам и селениям Западной Сибири в трудах А. Н. Сагайдачного⁴, В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова⁵, ряда других ученых. Однако их оспорил В. А. Исупов, называя «безре-

¹ Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М., 2006 и др.

² Миронов Б. Н.: 1) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2; 2) Историческая социология России: учеб. пособие. СПб., 2009; 3) Вековые тенденции в развитии русской семьи: семейная структура населения России в XVI – начале XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2010. Вып. 1. С. 24–58; и др.

³ Зверев В. А.: 1) Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 27; 2) Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; 3) Начало и особенности демографического перехода в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 3. С. 22–26; и др.

⁴ Сагайдачный А. Н.: 1) Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 98; 2) Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 23–37; и др.

⁵ Гончаров Ю. М. Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2009. С. 119; Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. С. 67–93, 27–228; и др.

зультатными» попытки перехода к новому типу воспроизводства населения в Западной Сибири до 1942–1943 гг., когда впервые «удалось не только приостановить резкое повышение смертности тылового населения, но и добиться ее сокращения»¹, так что вопрос о датировке начала демографической модернизации сибирской деревни требует дальнейшего изучения.

Сегодня учеными уточняются или пересматриваются многие сложившиеся ранее выводы и положения: о роли притока переселенцев и естественного прироста населения на востоке страны², о поселенческих и субрегиональных масштабах демографического развития³, об особенностях социально-демографической истории коренных народов Сибири⁴, о роли политических факторов в трансформации народонаселения Сибири⁵ и пр. Специалисты накапливают опыт использования свежих современных подходов при исследовании новых сложных проблем. Речь идет об особенностях демографического поведения переселенцев на местах выхода к западу от Урала и в Сибири⁶, роли женщин в аграрных миграциях на восток страны⁷, календарном распределении демографических событий в регионе⁸, экономическом, демографическом и социокультурном строе деревенской семьи – важнейшей ячейки воспроизводства населения, а также семейного домохозяйства⁹ и пр. На рубеже 1990–2000-х гг. появились работы, претендующие на роль этапных в деле изучения социально-демографического развития деревни и города Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.

В качестве этапных задумывались труды А. Н. Сагайдачного, в 2000 г. издавшего монографию и защитившего докторскую диссертацию по обозначенной теме¹⁰. Сильная сторона этих штудий – привлечение большого массива метрических церковных книг и первичных бланков Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., что многократно рас-

¹ *Исупов В. А.*: 1) К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитар. науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16; 2) К вопросу о начальном этапе демографического перехода в Сибири // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск, 2009. С. 96–104; и др.

² *Пронин В. И.* Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 102–104; и др.

³ *Дмитриенко Н. М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск, 2000; Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гуцин, В. А. Исупов. Новосибирск, 1997; *Свищёв П. А.* Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1997. Вып. 20. С. 193–219; и др.

⁴ *Андреев Ч. Г.* Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни. Улан-Удэ, 2001; *Скобелев С. Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998 и др.

⁵ *Горюшкин Л. М., Пронин В. И.* Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 84–101; *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: ист.-демогр. очерки. Новосибирск, 2000 и др.

⁶ *Чуркин М. К.* Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006 и др.

⁷ *Нагорная М. А.* Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012 и др.

⁸ *Зверев В. А.*: 1) Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования (по материалам русского населения Сибири второй половины XIX – начала XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002. С. 306–309; 2) Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2008. С. 96–112; и др.

⁹ *Зверев В. А.* Семейно-дворовый строй в селениях Западной Сибири конца XIX в.: демографический аспект // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 1. С. 76–94; *Зверев В. А., Ильиных В. А., Мамсик Т. С.* Крестьянское хозяйство (двор) // ИЭС. [Т. 2.] С. 199–202; *Семья крестьянская* / В. А. Зверев, В. А. Ильиных, И. Б. Карпунина, Т. С. Мамсик // ИЭС. [Т. 3.] С. 61–65; и др.

¹⁰ *Сагайдачный А. Н.*: 1) Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000; 2) Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000 и др.

ширяет возможности историко-демографических исследований (раньше они велись в основном на базе обобщенных, вторичных статистических данных). Автором составлены и проанализированы реляционные электронные базы данных о большой совокупности демографических событий и состояний примерно за 50 лет – с 1863 по 1914 гг. При их обработке применялись приемы современных информационных технологий. В итоге вычислялись количественные характеристики сельского и городского населения, некоторые из которых другим способом установить невозможно (распределение семей по количеству в них нуклеарных ячеек, продолжительность реального периода репродукции у женщин и др.). Однако значение трудов А. Н. Сагайдачного оказалось ослабленным по следующим причинам: 1) автор пренебрег многими наработками предшественников, поэтому его диссертация и монография не могли иметь обобщающего характера, кроме того, они по существу продублировали ряд уже имевшихся в литературе выводов; 2) автор не доказал репрезентативность выбора нескольких селений Тарского и Змеиногорского округов (уездов), а также малых городов Туринска, Ялуторовска и Кузнецка для своего исследования, поэтому сделанные им выводы нельзя распространять на всю Западную Сибирь; 3) вопреки названиям диссертации и монографии (они начинаются со слов «Демографические процессы...»), здесь характеризуется главным образом не процессы, а статичные состояния демографической системы, что само по себе необходимо, но не отвечает задачам работы автора. Неоправданным оказался подход, при котором совокупность демографических проблем семьи и все демографические аспекты процесса воспроизводства населения Западной Сибири рассматриваются только на базе первичных источников. Думается, что в историко-демографических работах, как и в прочих случаях, наиболее продуктивным является выявление и комплексное использование всех доступных источников, и чем они разнообразнее, тем лучше.

Работой действительно обобщающего характера можно признать монографию В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова¹, подводящую итоги серии работ этих авторов по истории социально-экономического и социально-демографического развития городов Западной Сибири. Демография городов по большинству позиций здесь сопоставлена с деревенскими реалиями, выявленными, в частности, автором данной монографии.

Нам представляется продуктивной стратегия создания таких обобщающих трудов, в которых в сравнении с другими регионами России, в территориальных рамках всей Сибири, но с учетом субрегиональной, социально-классовой, этнической, гендерной и иной специфики были бы глубоко раскрыты объективные характеристики начального этапа демографического перехода, в частности, в деревенской среде. В современных условиях важно раскрыть также «человеческий смысл» протекавших социально-демографических процессов (в их связи с процессами социокультурными), охарактеризовав субъективные демографические представления и установки сибиряков изучаемой эпохи, их своеобразное демографическое (миграционное, брачное, репродуктивное, витальное, летальное) поведение, которое, собственно, и являлось способом физического воспроизводства населения, закрепления и, одновременно, трансформации всех его количественных и качественных характеристик.

В *исторической этнографии* на современном этапе проявляется интерес к ряду сюжетов, имеющих отношение к интересующей нас теме. Некоторые из этих сюжетов получили определенную разработку в предшествующие периоды развития историографии, иные же были только намечены для изучения в периоды «оттепели» и «перестройки».

В обобщающем труде по этнографии русских, впервые изданном в 1997 г., по существу подведены итоги изучения в досоветскую, советскую и частично постсоветскую эпохи широкого круга вопросов, касающихся развития семьи как социальной ячейки, семейного и общественного быта, духовной культуры и народных знаний, традиционной народно-медицинской практики². Авторы соответствующих разделов – В. А. Александров, А. В. Бу-

¹ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Указ. соч.

² Русские / отв. ред.: В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997 (переизд. – 2005). (Народы и культуры). Гл. 12–18.

ганов, И. В. Власова, М. М. Громыко и другие – интегрировали в свои тексты некоторую часть фактического и теоретического материала о соответствующих сторонах социальной и культурной жизни русских крестьян Сибири, взятого из исследований этнографов-сибиреведов и относящегося к концу имперского периода.

На базе достижений предшествующего времени продолжилось изучение этнографами крестьянского сообщества и семьи (основной ячейки и физического, и социокультурного воспроизводства сельского населения) в России второй половины XIX – начала XX в. Обращает на себя внимание появление относительно новых стратегий, уже давших продуктивные результаты. Н. Л. Пушкарёва провела исследование гендерной специфики социализации ребенка в традиционной русской крестьянской семье¹. М. М. Громыко инициировала и возглавила углубленное изучение роли религии и православной церкви в народном быту и, в частности, в регулировании брачной и семейной жизни, в деле социализации подрастающих поколений². Представители соответствующего научного направления строят сбор и анализ историко-этнографических материалов по схеме: православный канон – церковная практика – народный обычай. Следует приветствовать стремление восполнить огромный пробел в изучении нравственных основ культуры и образа жизни народа, который образовался за годы советской власти в результате запрета на всё, что связано с религией. Однако, как нам представляется, позиция «воцерковленного ученого» несет в себе и опасность «перегнуть палку» в сторону переоценки глубины знания крестьянством православного канона и стремления его придерживаться в повседневной жизни. Обе названные стратегии реализуются пока в основном на материалах Европейской России, с привлечением лишь небольшого круга историографических и источниковедческих наработок по Сибири интересующего нас периода второй половины XIX – начала XX в.

Расширился круг этнографических работ, выполненных в региональном разрезе восточных окраин России, посвященных семье и родовым кланам различных категорий крестьянства. Рассматриваются правовые, структурные, бытовые и иные характеристики родственных ячеек в деревне, безусловно, влиявшие на их демографическую и социализирующую функции (Ю. В. Аргудяева, Н. А. Миненко, Е. Ф. Фурсова, Л. В. Явнова и др.)³. Г. В. Любимова впервые рассмотрела сибирское крестьянское сообщество (взятое в календарно-праздничных состояниях) в возрастном разрезе, тоже значимом в деле воспроизводства поколений деревенских жителей⁴.

Особенностью этнографических исследований, посвященных традиционным формам культуры и быта русских сибиряков, всегда было слабое осмысление, а иногда и игнорирование той непростой судьбы, которая ждала традицию в условиях начавшейся на рубеже XIX–XX вв. модернизации общества, включавшей процессы урбанизации, демографического перехода, секуляризации общественного сознания и пр. К сожалению, в значительной степе-

¹ Пушкарёва Н. Л.: 1) Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 4–27; 2) Мать и дитя в русской традиционной культуре (X–XIX вв.). М., 2003 и др.

² Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В. Православие в русской народной культуре: направление исследования // Этногр. обозрение. 1993. № 6. С. 60–84; Православие в народной жизни: программа сбора полевого этнографического материала / отв. ред. М. М. Громыко. М., 2000; Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этногр. исслед. / отв. ред. Т. А. Листова. М., 2001 (статьи А. В. Буганова, М. М. Громыко, И. А. Кремлевой, Т. А. Листовой) и др.

³ Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX – начало XX в.). М., 1997; Миненко Н. А., Рабцевич В. В. Право и обычай в крестьянской семье: (Урал и Сибирь в XVIII–XIX вв.). Челябинск, 1998; Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.): ист.-этногр. очерки / отв. ред. М. Л. Бережнова. Омск, 2002. Очерки 3–4; Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской обл. (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002; Явнова Л. А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002 и др.

⁴ Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири, XIX – начало XX в. Новосибирск, 2004 и др.

ни этот недостаток сохраняется и на современном этапе, хотя наметились и продуктивные подвижки. Возьмем для примера диссертационное исследование Е. А. Коляскиной, защищенное в 2010 г.¹ Ученым выявлено множество изменений образа женщины в представлениях русских Алтая, а также реального положения женщин в обществе и семье, проявившихся в субрегионе во второй половине XIX – первой трети XX в. Распространялись представления о допустимости регулирования рождаемости, о необходимости ограничить участие беременных женщин в тяжелом труде, либерализовалось сексуальное и брачное поведение, ослабевал стереотип этнокультурной эндогамии и т. д. Ответственно фиксируя такие инновации, диссертантка в то же время настаивает на том, что весь исследуемый период – это «время относительно *стабильного* функционирования традиционной (доиндустриальной) культуры у русских, проживавших в сельской местности» Алтая². Нам же представляется, что более адекватная оценка ситуации сводится к следующему: в изучаемую эпоху имела место историческая *динамика*; появились признаки начального этапа модернизации общества и культуры, ведь при безусловном доминировании традиции происходили трансформация и частичная дезорганизация гендерных аспектов традиционной картины мира, устоявшихся форм брачного, сексуального, детородного, социализирующего поведения.

К этнографической проблематике по своему предметному полю примыкают *этнопедагогика* и *история педагогики* (семейной). В теоретическом плане эти направления в 1990–2000-х гг. получили ускорение через издание серии учебных пособий³. В исследовательских работах Т. И. Березиной в центре внимания находилось трудовое воспитание крестьянских детей в Сибири конца имперского периода, иные направления социализации рассматривались в общем виде⁴. В результате получила развитие характеристика объективных социально-экономических и субъективных (коренящихся в картине мира крестьянства) условий протекания процесса трудового воспитания подрастающих поколений, а также конкретных форм приобщения подрастающих поколений к производственным усилиям родительской семьи, в том числе с педагогической целью. От работ большинства этнографов труды Березиной отличает использование письменных источников самого разного вида; учет глубокой социальной дифференциации крестьянства на рубеже XIX–XX вв., сказывавшейся и на целях, средствах, способах, результатах воспитания детей; стремление смоделировать использование традиционных народных знаний и опыта в практике организации современного школьного педагогического процесса.

В современной историографии, в том числе сибирской региональной, развиваются и некоторые другие направления, полезные для разработки интересующей нас темы: 1) история медицинской и санитарно-гигиенической культуры народа⁵ (эта культура определяла параметры заболеваемости и смертности – важных характеристик режима воспроизводства насе-

¹ Коляскина Е. А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.

² Там же. С. 8. Курсив наш.

³ Бережнова Л. Н., Набок И. Л., Щеглов В. И. Этнопедагогика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2007; Волков Г. Н. Этнопедагогика: учеб. для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений. М., 1999; Кон И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2003; Недзелковская Г. В. Этнопедагогика: учеб. пособие для вузов. М., 2011 и др.

⁴ Березина Т. И.: 1) Педагогическая культура русского сибирского крестьянства (1861–1917). Новосибирск, 1998; 2) Русская народная педагогическая культура в практике управления современной школой (на материалах истории Сибири): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998; 3) Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991 и др.

⁵ Волохина И. В. Народная медицина русских Омского Прииртышья (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2005; Каравеева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011; Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996 и др.

ления); 2) история школьного дела и книжной культуры¹ (школа, грамотность и книга в изучаемый период становились важными инновационными средствами обучения и воспитания детей и молодежи); 3) историко-экологические исследования² (отношение к природной среде можно считать одним из ключевых индикаторов эффективности социализирующих усилий в обществе); 4) изучение общественного самосознания, ментальности, идентичности сибиряков-сельчан³ и др.

Автор настоящей монографии в 1990-х – начале 2010-х гг. внес посильный вклад в изучение процесса воспроизводства деревенского населения Сибири в контексте образа жизни русского крестьянства позднеимперского периода, продолжая работу, начатую на предыдущем этапе развития историографии темы. В 1992 г. защищена докторская диссертация на эту тему⁴, на следующий год основные ее положения опубликованы в научной монографии⁵. Продолжилась теоретико-методологическая «отладка» инструментария исследовательских усилий⁶. Серия трудов посвящена комплексной характеристике условий и факторов (природно-географических, социально-экономических, административно-правовых, политических, социокультурных, информационных) воспроизводства населения деревни в Сибири, а также организационных форм этого воспроизводства, главной из которых являлось демографическое и социализирующее поведение брачной пары, крестьянской семьи, сельского общества⁷. Наконец, в широких территориальных рамках всей Азиатской России с дифференциацией по субрегионам и поселенческим комплексам мы охарактеризовали ключевые параметры народонаселения (и сельского, и городского), динамику режима его физического самовоспроизводства⁸. Основной материал названных и ряда других наших трудов вошел в на-

¹ Волкова В. Н. Чтение в Сибири и на Дальнем Востоке // ИЭС. [Т. 3.] С. 498–503; Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013; Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000–2001. Т. 1–2; Тимофеева Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2012 и др.

² Любимова Г. В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск, 2012; Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2001; Чуркин К. А. Природа и крестьянство Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): учеб. пособие для студентов пед. вузов. Омск, 1995 и др.

³ Андюсов Б. Е. Традиционное самосознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: опыт реконструкции. Красноярск, 2004 и др.

⁴ Зверев В. А. Воспроизводство сельского населения Сибири...

⁵ Зверев В. А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993.

⁶ Зверев В. А.: 1) Деятельностный подход к изучению истории воспроизводства населения // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992. С. 15–17; 2) Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического изучения // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 75–84; 3) Структура воспроизводства населения: к определению предмета историко-демографического исследования // Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX–XX вв. Целиноград, 1991. С. 36–38; и др.

⁷ Зверев В. А.: 1) «Любо – так к венцу»: брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. Новосибирск, 2005. С. 7–17; 2) Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.): учеб. пособие. Новосибирск, 1998; 3) Самоуправление в повседневной жизни крестьянского сообщества (по материалам Сибири конца XIX – начала XX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 47–50; 4) Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (ист.-демогр. анализ): учеб. пособие. Новосибирск, 1991 и др.

⁸ Зверев В. А.: 1) Воспроизводство сибирского населения...; 2) «Ну, посчитаемся своими»: демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. 2011. Вып. 2. С. 42–68; 3) «Родится на смерть, умрет на живот»: естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 106–124; 4) Старт модернизации: демографические процессы в городах и селе-

стоящую монографию. Эта книга, таким образом, подводит итог многолетней работы автора и его многочисленных коллег по изучению демографической и большого сегмента социокультурной истории сибирской деревни.

1.2. Характеристика исторических источников

При разработке темы нами использовался обширный круг письменных источников: статистические материалы, законодательные акты и собрания норм церковного права, делопроизводственные источники, описания деревенского быта, публицистика, воспоминания современников и участников описываемых событий, русский фольклор Сибири. Значительная часть источников выявлена впервые и извлечена из центральных и местных архивов, из периодических изданий. В монографии использованы материалы более 60 фондов 23 архивохранилищ страны.

Еще на излете советского периода выдающийся историк-аграрник Л. М. Горюшкин издал обстоятельный труд об источниках изучения крестьянства и сельского хозяйства Сибири второй половины XIX — начала XX в.¹ Этот же автор, а также В. В. Воробьев, В. И. Пронин, И. В. Островский, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный и другие характеризовали состояние ключевых групп делопроизводственных и статистических источников по исторической демографии досоветской Сибири: губернаторских отчетов, материалов переписей и административно-полицейского исчисления населения, метрических книг². Таким образом, у нас есть возможность сосредоточить внимание на источниках изучения не народонаселения в целом, а его воспроизводства в процессе жизненной активности крестьянства.

Статистические материалы фиксируют количественные характеристики объективированных результатов поведения, а также географической, общественной и культурно-информационной ситуации, в которой оно проходило. Используемую статистику можно классифицировать по происхождению и объектам учета. Таким образом, выделяются документы Центрального статистического комитета МВД (ЦСК) и подчиненных ему местных органов; статистика ведомств; статистика земств Европейской России; материалы, собранные общественными организациями и частными лицами.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. дала наиболее достоверные сведения о населении всей страны, несмотря на некоторые недостатки учета³. Для нашей темы первостепенны данные о половом и возрастном составе населения сельской местности Сибири, его семейном положении и грамотности. До сих пор исследователи пользовались в основном итоговой публикацией по империи, где Сибирь (взятая без Акмолинской области)

ниях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72; и др.

¹ Горюшкин Л. М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1988.

² Воробьев В. В. Указ. соч. С. 158–160; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири... С. 42–71; Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Вопросы изучения сельского населения Сибири в период империализма // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 86–89; Историко-география и источники изучения исторического опыта освоения Сибири / отв. ред.: Р. С. Васильевский, Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1988. Вып. 1; Ноздрин Г. А. Отчеты губернаторов как источник по изучению колонизации Сибири во второй половине XIX в. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 26–38; Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. – источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории, 1981. М., 1982. С. 72–99; Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет. С. 52–54; Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в Западной Сибири... С. 6–19; и др.

³ Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 1–2; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73–75, 78–79, 81; и др.

объединена с Дальним Востоком. Мы же произвели расчеты по территории собственно Сибири. Наличие возрастной группировки по годам позволило выделить для анализа возрастные категории, активные в брачном и репродуктивном отношении. В соответствии со статистической практикой изучаемого времени, в целом правильно отражающей реальную ситуацию и взгляды крестьянской среды, мы выделили младших детей до 7 лет; старших детей (мальчиков 7–14 и девочек 7–12 лет); подростков мужского пола в возрасте 14–18 лет и женского – от 12 до 16; лиц зрелого возраста («работников» 18–60, «работниц», или «стряпок» 16–55 лет, по крестьянской терминологии); стариков – мужчин старше 60, женщин свыше 55 лет.

Из всех показателей, доставленных переписью, некоторые сомнения может вызвать низкий уровень грамотности населения: известно, что иные сибирские крестьяне были склонны скрывать свою грамотность¹. Однако, во-первых, нет оснований считать это массовым явлением. Во-вторых, определенная часть крестьян, называвших себя грамотными, едва могла поставить подпись под документом. Противоборствующие тенденции уравнивались, и сведения о грамотности в материалах переписи 1897 г., тем более подтверждаемые массовыми обследованиями сельского быта, могут считаться относительно достоверными, их широко используют историки². Для более точного определения уровня элементарной грамотности следует пользоваться материалами военной статистики и ряда обследований, где наряду с «грамотными» выделяется категория «полуграмотных» – умеющих хотя бы читать, а иногда имеется и более дробная классификация.

Наряду с элементарно грамотными перепись 1897 г. учитывает обучавшихся в средних и высших заведениях различного профиля. Здесь смешиваются два понятия: «ступень обучения» и «уровень полученного образования» (неизвестно, был ли закончен курс обучения), но в целом образовательный уровень населения предстает достаточно рельефно.

Имеющиеся публикации не исчерпывают информационных возможностей переписи; некоторые вопросы можно изучать, обратившись к первичным материалам. Мы продвигались по такому пути при характеристике поколенного состава семей, разницы в возрасте супругов, количества детей у брачной пары. Использовались дубликаты подворных карточек, сохранившихся по Тобольской губернии³. С помощью таблицы случайных чисел были выбраны 46 сельских обществ из восьми округов губернии, охваченных в 1897 г. переписью. В отобранных обществах производилось сплошное наблюдение всех наличных домохозяйств, которых оказалось здесь 6377. Полученные при подсчетах результаты вводились в

¹ Мамсик Т. С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири, XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 106–111; Миненко Н. А. Культура русских крестьян... С. 11.

² Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964; Миронов Б. Н. Грамотность в России... и др.

³ Работа с первичными карточками переписи 1897 г., все статистические расчеты на их основе осуществлялись по: ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 109, 126, 149, 150, 156, 223, 225, 236, 240, 241, 244, 253, 254, 270. В выборку вошли следующие сельские общества. *Ишимский окр.*: Красноярская волость – Сивковское и Сумское; Устьламенская волость – Подволошенское и Слободское; Утячанская волость – Новогорьевское и Сумское. *Курганский окр.*: Введенская волость – Островское; Утятская волость – Камышенское и Раковское; Чинеевская волость – Медвежевское; Шмаковская волость – Петуховское. *Тарский окр.*: Викуловская волость – Ачимовское и Катачиговское; Каргалинская волость – Бартамское и Серебрянское; Карташевская волость – Моховоозерское. *Тобольский окр.*: Абалакская волость – Аремзянское и Преображенское; Аждабская волость – Ашлыкское; Бегишевская волость – Загваздинское; Бронниковская волость – Винокуровское и Клепаловское. *Туринский окр.*: Дымковская волость – Дымковское и Луговское; Коркинская волость – Красновское и Тазовское; Пушкаревская волость – Барбашинское. *Тюкалинский окр.*: Большепесчанская волость – Дурбетовское, Земляновское, Кабановское, Марковское, Осиновское, Рыбинское; Карасукская волость – Карасукское; Крупянская волость – Крупянское; Серебренская волость – Серебренское. *Тюменский окр.*: Гилеволыповская волость – Ярковское; Караульновская волость – Бачалинское; Липчинская волость – Гольшевское и Липчинское; Троицкая волость – Луговское. *Ялуторовский окр.*: Омутинская волость – Малокрутинское и Новодеревенское; Суерская волость – Поспеловское и Суерское; Терсюкская волость – Терсюкское.

сравнение с имеющимися в этнографических исследованиях по некоторым иным местностям для последующей экстраполяции на всю деревенскую Сибирь.

Необходимые для нас данные содержит публикация основных итогов *Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Томской губернии*¹. Мы взяли оттуда сведения о количестве всего населения, родившихся и умерших, грамотных, что позволило высчитать общие коэффициенты естественного движения и грамотности за год, непосредственно предшествующий установлению советской власти. К сожалению, публикации материалов переписи 1917 г. по другим регионам Сибири не содержат аналогичных сведений.

Обширные статистические сведения помещены в *ежегодных статистических приложениях к отчетам губернаторов* – «Ведомостях», «Обзорах», «Памятных книжках». Здесь собраны по сходной методике за многие годы эпохи капитализма и большой территории данные по рубрикам: «Население» – общая численность жителей, количество родившихся и умерших, вступивших в брак за год; «Народное здравие» – количество медперсонала, лечебных учреждений, лечившихся больных; «Народное образование» – число учебных заведений и учащихся в них, с дифференциацией по полу; «Народная нравственность» – число судебных дел и осужденных в окружных и мировых судах; «Общественное благоустройство и благочиние»; «Обеспечение народного продовольствия» и т. д. Вычисляемая губернскими статистическими комитетами цифирь была основана на первичных данных волостных правлений, церковных причтов, полицейских управлений, врачебных управ, не особо заинтересованных в точности учета. Достоверность официальной статистики, «по которой все должно обстоять благополучно, развиваться и увеличиваться», не была поэтому высокой². Однако ею можно пользоваться с соответствующими оговорками за неимением других массовых источников или после сопоставления с таковыми.

По одному из главных вопросов – естественному движению населения – данные с регулярным вычленением сельской местности появляются в губернских и областных статистических комитетах, врачебных управах Сибири в конце XIX – начале XX в. *Общегосударственные сводки*, сделанные на их основе, содержат несколько таблиц естественного движения населения: Тобольской губернии за 1902–1903 гг., Енисейской губернии за 1902–1904 гг., Иркутской губернии за 1904 г.³ Рождаемость, брачность и смертность в селениях по возрасту и месяцам года здесь можно сопоставить с таковыми по Томской губернии за 1870–1880 гг. (по А. И. Ефимову). К сожалению, во всей статистике ЦСК и подчиненных ему местных органов возраст брачующихся сгруппирован в пятилетние интервалы и потому для точного определения возраста начала, пика и завершения вступления в брак надо искать иные источники.

Часть сведений губернской статистики в свое время была мобилизована и прошла первичную обработку в историко-статистическом сборнике «Алтай», публикациях А. В. Адрианова, П. М. Головачёва, А. И. Ефимова, Н. А. Кострова, Н. В. Латкина, А. И. Ремезова, А. Ф. Плотникова, В. П. Штейнфельда и других, которыми можно воспользоваться и сегодня⁴.

Статистика медицинского ведомства содержит три основные группы сведений, необходимых для разработки темы монографии.

¹ Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928.

² См. об этом: *Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 44. См. также: ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2. врачеб. отд. Д. 147. Л. 219; *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири.* СПб., 1889. Вып. 4. С. 9; 1890. Вып. 8. С. 334; 1893. Вып. 19. С. 10; и др.

³ *Статистика Российской империи.* СПб., 1907. Вып. 66; 1909. Вып. 70; 1911. Вып. 74.

⁴ *Алтай: ист.-статист. сб. ...; Ефимов А. И.* Статистические заметки о быте крестьян Алтайского окр. // СГ. 1882. 17 янв.; 21 февр.; 9 мая; *Костров Н. А.* Статистические заметки о Бухтарминской волости Енисейского окр. // ТГВ. 1863. № 50; *Латкин Н. В.* Красноярский окр. Енисейской губ. СПб., 1890; *Обзор Тобольской губ. за... [1900–1914 гг.]* Тобольск, 1901–1915; *Плотников А. Ф.* Нарымский край: ист.-статист. очерк. СПб., 1901; *Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах.* СПб., 1875–1876. Вып. 1–3; *Штейнфельд В. П.* Бийский уезд Томской губ.: топогр., экон. и этногр. очерк уезда. Бийск, 1910 и др.

Во-первых, это данные о естественном движении населения. Собранные в губернских статистических и врачебных инстанциях сведения направлялись не только в ЦСК, но и в медицинское ведомство. За период 1887–1895 и 1902–1914 гг. по ежегодным публикациям «Отчетов» этого ведомства можно выстроить динамику общих коэффициентов брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста всего сельского населения Сибири, сравнить ее с соответствующей динамикой в городах региона, селениях Европейской России и т. д.¹

Во-вторых, состояние сети медицинского обслуживания населения. На основе данных губернских врачебных управ в отчетах обозначено количество медицинского персонала и учреждений, помещены таблицы расчетов количества жителей, приходящихся на один средний врачебный участок, его территории и радиуса. Сельская местность при этом выделяется не всегда, вместо реально работающих врачей и фельдшеров зачастую указывалось их количество, предусмотренное штатным расписанием, вовсе нет числа акушерок, оспопрививателей и лекарских учеников в селениях.

Третья категория сведений – статистика заболеваемости. Выглядит она солидно: число лечившихся расписано по основным видам болезней, месяцам года, по исходу лечения и т. д. На деле это наименее достоверная часть публикаций, ибо основная часть населения сельской местности в случае болезни не входила в соприкосновение с официальной медициной. В статистику поступали сведения, по некоторым оценкам, менее чем об 10 % реально болевших, часто неверной была диагностика и т. д.² Поэтому статистика заболеваемости не позволяет составить точное представление о том, какие болезни преобладали в деревне, какие давали наибольшую смертность в разное время года.

*Статистика Военного министерства*³, применительно к избранной теме, дает представление об итогах обучения детей грамоте, состоянии физического развития и здоровья парней на пороге совершеннолетия. Зафиксированные во время призывной кампании в рекрутских (воинских) присутствиях данные о росте, а с конца XIX в. также о весе, объеме груди призывников, о количестве получивших отсрочку или «забракованных» по причине болезни поступали и Военное министерство. В ежегодных отчетах публиковались сводки о грамотности и образовании новобранцев. Сельские призывники при этом не вычленялись из общей массы.

Разновидностью военной статистики можно считать таблицы в ежегодных отчетах наказных атаманов Сибирского и Забайкальского казачьих войск. Основная масса отчетов была извлечена нами из фондов РГВИА, некоторые в их гражданской части были в свое время опубликованы⁴. По своему содержанию и структуре гражданская часть отчетов шире отчетов губернаторов, включает нужные нам сведения о заболеваемости и лечимости, образовании парней, вступающих в строевой разряд казачьей службы, и т. д. Имеются обобщающие публикации войсковым статистиком Ф. Н. Усовым результатов обработки западносибирской казачьей статистики за 1860–1870-е гг., которые могут быть использованы и автономно от авторских выводов⁵.

Статистика Министерства земледелия и государственных имуществ (в начале XX в. – Главного управления землеустройства и земледелия), а также *Главного переселенческого*

¹ Отчет Медицинского департамента МВД... [за 1886–1895 гг.] СПб., 1888–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.] СПб.; Пг., 1905–1916.

² *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 137–138; Господствующие болезни и врачебное дело в Сибири // ВО. 1887. 3 дек.; *Мартынов С.* Санитарно-медицинская часть на Алтае // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 194.

³ *Анучин Д. Н.* О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874–1883 гг.). СПб., 1889; Военно-статистический сборник / под общ. ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1871. Вып. 4; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1898. Вып. 1; и др.

⁴ РГВИА. Ф. 330, 1468; Отчет Забайкальского казачьего войска за... [1904, 1912, 1915 гг.] Верхнеудинск; Чита, 1905, 1913, 1916; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за... [1896–1915 гг.] Омск, 1898–1916. Ч. 2 (гражд.); и др.

⁵ *Усов Ф. Н.*: 1) Справочная книжка о Сибирском казачьем войске. Тюмень, 1873; 2) Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

управления (Переселенческого управления) представлена, прежде всего, материалами статистико-экономических обследований сибирских селений. Информативную возможность этих материалов анализировали многие историки, но в основном с точки зрения социально-экономической проблематики¹. Между тем организаторы обследований зачастую собирали и демографические, и культурологические сведения. Степень достоверности их в целом выше, чем данных о хозяйственной состоятельности, сознательно и постоянно занижавшихся крестьянами из боязни дополнительного обложения повинностями.

Обследования Министерства земледелия и госимуществ периода 1886–1897 гг. по разным местностям Сибири были проведены по единой методике, а значит, их материалы содержат сравнимые данные о семейном составе, грамотности, обеспеченности жилищами различных категорий сельского населения – крестьян-старожилов, новоселов, казаков, старообрядцев, и в этом заключается их уникальность². Обследования переселенческого ведомства, проведенные в 1903–1904, 1911–1912 гг., предоставляют аналогичные данные в основном по переселенческому населению Сибири³. Возможность производить сопоставление старожилов, живущих в их селениях новоселов и переселенцев, водворенных на выделенных участках, имеется лишь по Томской губернии за 1911–1913 гг.⁴

Переселенческая статистика показывает ряд демографических параметров мигрирующего домохозяйства в динамике, фиксируя их (со слов самих новоселов) на родине при отъезде, в момент водворения в Сибири и в период обследования. В этом ее особая ценность. Начиная с 1895 г., на переселенческих пунктах в Челябинске и Сызрани собирали по единой форме данные о количестве прошедших в Азиатскую Россию и обратно мигрантов, о составе переезжающих семей⁵. Мигранты дифференцированы здесь на переселяющихся с санкции властей («идущие по проходным свидетельствам») и едущих на свой страх и риск. Абсолютные цифры челябинской и сызранской регистраций неполны: не всех успевали опросить в моменты интенсивного движения, часть переселенцев миновала в пути узловые пункты. Относительные же величины средней людности семьи, соотношение в ней трех основных возрастов (стариков, «работников», детей и подростков), доли бессемейных в миграционном потоке являются достаточно репрезентативными.

Переселенческое ведомство публиковало и статистические данные о жилищных условиях новоселов в Сибири⁶, о ведомственной медицинской сети, количестве переселенческих детей-сирот, призреваемых при содействии ведомства, и т. д.⁷ Переселенческая статистика незаменима при изучении миграционного поведения крестьянства, но следует считаться с не-

¹ Горюшкин Л. М. Источники по истории крестьянства... С. 17–18; Соловьёва Е. И. Промыслы сибирского крестьянства... С. 30–32; и др.

² Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: материалы. СПб., 1898. Вып. 2–3; Материалы для изучения... Западной Сибири. СПб., 1888–1898. Вып. 1–22; Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. 1889. Т. 1; 1893. Т. 3; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. / под рук. Н. К. Куша. М., 1897. Т. 1; и др.

³ Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905–1906. Ч. 1–3; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири / сост. и ред. В. К. Кузнецов. СПб., 1912–1913. Вып. 1–5.

⁴ Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири / под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. / под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1913. Вып. 1–2.

⁵ Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). СПб., 1910; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг., 1916; Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, извлеченный из книг общей регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвращавшихся из Сибири через Челябинск в... [1895–1903 гг.] / под рук. Г. А. Приймака. М., 1898–1904.

⁶ Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб., 1902.

⁷ Переселение и землеустройство за Уралом: отчет по переселению и землеустройству в... [1906/10–1915 гг.] СПб.; Пг., 1911–1916.

которым приукрашиванием истинного положения дел чиновниками. Желательно ее сопоставление с материалами, имеющими другое происхождение, в частности, со *статистикой земств Европейской России*.

Земства участвовали в организации переселенческого движения, оказывали мигрантам различную помощь, вели статистический учет людности, половозрастного и рабочего состава домохозяйств, ходатайствовавших о разрешении на переселение и уже получивших последнее¹. Хотя сведения исходят в основном от южнороссийских земств, это не слишком обесценивает итоги их обработки, ведь основной поток переселенцев в конце XIX – начале XX в. двигался именно из южных черноземных губерний.

Статистика Министерства народного просвещения представлена в источниках монографического исследования материалами двух школьных переписей. Собственно, МНП провело Всероссийскую школьную перепись лишь один раз, в начале 1911 г., но в публикацию ее основных результатов были включены и главные итоги переписи 1894 г., организованной Комитетом грамотности Вольного Экономического общества². Поскольку здесь есть сравнимые данные по важнейшим показателям, можно проследить динамику сети начального образования в Сибири и ее сельской местности, сопоставить ситуацию с селениями Европейской России и прочих регионов. Материалы переписи 1911 г. позволяют также представить условия школьного образования крестьянских детей: материальную обеспеченность училищ, квалификацию учительского персонала, распространенность предметов, призванных обеспечивать физическое воспитание и начальное специальное образование детей. Своеобразными «индикаторами» отношения к официальной школе являются цифры, характеризующие количество детей, не принятых в училища вопреки их желанию, масштабы пропуска занятий, реальную продолжительность учебного года и т. д. Данные школьных переписей до сих пор слабо были вовлечены в научный оборот даже специалистами по истории народного образования.

Стоит указать еще сборник сведений о детских приютах России, которыми ведал Романовский комитет, образованный в 1913 г. в целях «воспособления» делу призрения сирот сельского населения³. Созданная в публикации естественная выборка дает достаточно четкую картину пола и возраста приютских детей, количества средств, отпускаемых на их содержание. «Заведения закрытого призрения детей» на восточной окраине охватывали лишь небольшую часть крестьянских сирот.

Из *статистики общественных организаций* выделяются материалы обследования крестьянских хозяйств Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии в 1905 г.⁴ Обследование было проведено Н. М. Трегубовым по заказу Томского юридического общества с целью изучения маслоделия, но включало также вопросы демографии и грамотности населения. Материалы особенно ценны дробной группировкой крестьянских хозяйств по посеву, что позволяет увидеть специфику социальных слоев. Группировки по хозяйственной состоятельности, имеющиеся в некоторых других статистических источниках, достаточно произвольны, что затрудняет изучение воспроизводства населения в социальных слоях сибирской деревни, а тем более в социальных группах внутри слоев.

Особняком стоят *материалы, собранные специалистами в индивидуальном порядке*. Основой для сбора и обработки им служили обычно те же первичные материалы, что и в офи-

¹ Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губ. М., 1885; Переселение в Сибирь из 8 губерний, входящих в состав Южнорусской областной земской переселенческой организации. Полтава, 1913–1917. Вып. 1–2; Переселение в Сибирь из Черниговской губ. в 1906–1908 гг. Чернигов, 1910; Переселения из Полтавской губ. с 1861 г. по 1 янв. 1901 г. Полтава, 1900–1902. Вып. 1–2; Переселения из Черниговской губ. в 1909–1911 гг. Чернигов, 1913; Переселения крестьян Харьковской губ. Харьков, 1908–1911. Вып. 1–5; и др.

² Однодневная перепись начальных школ в [Российской] империи, произведенная 18 янв. 1911 г. / ред. В. И. Покровский. СПб.; Пг., 1914–1916. Вып. 1–16.

³ Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. Пг., 1916.

⁴ Трегубов Н. М. Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906.

циальной статистике. Однако для решения конкретных исследовательских задач иногда производились оригинальная группировка, более полная обработка, дополнение самостоятельными разысканиями и т. д.

Священник К. К. Кокоулин стал автором двух публикаций по Киренскому округу Иркутской губернии: во-первых, по школьному делу и грамотности населения за период 1860-х – первой половины 1890-х гг., во-вторых, по естественному движению населения за 1873–1897 гг.¹ Вторая публикация содержит только цифровые таблицы. Кокоулин воспользовался архивными данными, материалами собственных обследований и наблюдений, содержанием всех метрических книг по округу, и получил уникальные данные о соотношении разных каналов приобщения крестьян к грамоте, распределении первых, повторных и третьих браков по возрасту брачующихся с годовым интервалом и др.

Значительные массивы метрических книг стали основным источником также для врачей А. К. Белявского, В. П. Гедройц-Юраго и Ф. Ф. Шперка, опубликовавших в контексте своих исследований данные о рождаемости и смертности по возрастам и месяцам года в Верхоленском округе Иркутской губернии 1860-х гг., на одном из врачебных участков Сибирского казачьего войска (часть Пресногорьковской казачьей линии в Петропавловском уезде Акмолинской области) за 1878–1887 гг., в окрестностях станицы Стретенской Нерчинского округа (уезда) Забайкальской области за 1840–1920 гг.² Данные Белявского и Гедройц-Юраго можно сопоставить со сведениями А. И. Ефимова по Томской губернии за 1870–1880 гг. о распределении рождений (а значит, и зачатий) по месяцам года, а это – важный индикатор репродуктивного поведения сельчан.

Указанные врачи, а также их коллеги Е. Н. Анучин и Ю. Д. Талько-Грынцевич, сельский учитель Ф. К. Зобнин и другие пытались путем обработки комплексов метрических книг получить статистическую базу для определения продолжительности жизни русского населения в ряде местностей, но были обречены на неудачу. Метрические книги дают возраст умерших, но по ним нельзя восстановить возрастную структуру живущего населения с годовыми интервалами, без чего ожидаемую продолжительность предстоящей жизни для поколения родившихся или для определенной возрастной когорты, как это требуется в научной демографии, установить невозможно. Можно вычислить только средний возраст умерших, что и было сделано перечисленными авторами. Этот показатель колебался в изучаемую эпоху в большом интервале от 13 до 25 лет в разных локальных и субсословных группах сельского населения Сибири³.

Доктор А. И. Собкевич обработал материалы регистрации и медицинского осмотра юношей, явившихся на призыв в Томском уезде одноименной губернии в 1913 г., когда учет «некрутов» стал наиболее информативным за весь дооктябрьский период⁴. Ценно в его данных выделение сельской местности и развернутая группировка призываемых парней по уровню их грамотности, видам болезней и физических недостатков.

Книги больничного учета тоже стали исходным материалом, из которого извлекались медико-демографические данные. Причины заболеваемости и смертности населения, в том числе детской, характеризуют данные И. С. Колбасенко по станице Стретенской⁵. Будущий видный советский гигиенист и демограф Н. А. Вигдорчик предпринял беспрецедентный

¹ Кокоулин К. К.: 1) Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ.: (Брачность. Рождаемость. Смертность) // Изв. / ВСОРГО. 1903. Т. 34, № 2. С. 137–148; 2) Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ. Иркутск, 1895.

² Белявский А. К. Указ. соч.; Гедройц-Юраго В. П. Указ. соч.; Шперк Ф. Ф. Верхоленский окр.

³ Анучин Е. Н. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. С. 321–334; Белявский А. К. Указ. соч. С. 662–672; Гедройц-Юраго В. П. Указ. соч. С. 179–180; Зобнин Ф. К. Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // ЖС. 1898. № 2. С. 155; Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни... С. 16–17; Шперк Ф. Ф. Верхоленский окр. С. 153.

⁴ Собкевич А. И. К вопросу о физической крепости населения Сибири // Сиб. врач. 1916. 10 июля.

⁵ Колбасенко И. С. Станица Стретенская (Забайкальской обл.), ее народонаселение и санитарный быт. Хабаровск, 1899.

опыт статистической разработки документов о деятельности своего врачебного участка в Красноярском уезде Енисейской губернии за 1898–1902 гг. Участок входил в число благополучных в Сибири, и это нужно учитывать при экстраполяции данных Вигдорчика об обра- щаемости за лечением людей различного пола, возраста, социального положения, живущих на разном расстоянии от центра участка¹.

Доктор С. Арканов мобилизовал данные стандартных бланков Ишимской сельской ле- чебницы Тобольской губернии за 1909 г., относящиеся к 99 окрестным жительницам, обра- щавшимся к медикам за помощью по случаю женских болезней². Введены в научный оборот сведения о возрасте наступления у них половой зрелости, выхода замуж, вступления в кли- мактерический период, полной физиологической стерильности, а также о количестве детей, родившихся у каждой женщины в течение детородного периода жизни.

Аналогичные задачи ранее ставили перед собой окружные врачи В. М. Крутовский и Ю. Д. Талько-Грынцевич, но их статистика имела оригинальное происхождение. Крутовский ввел специальные рубрики в приемных бланках Красноярской городской амбулаторной ле- чебницы для всех поступавших сюда женщин (их оказалось в 1891 г. 704, в том числе 312 уроженок сельской местности Енисейской губернии)³. Талько-Грынцевич вел учет по само- стоятельно разработанным бланкам в 1894–1902 гг., имел в своем распоряжении материал о 1918 сибирячках, в том числе о 736 деревенских – казачках, православных крестьянках, се- мейских староверках, в основном жительницах Троицкосавского уезда Забайкальской обла- сти⁴. Расширение программы опроса респондентов позволило исследователям-медикам соз- дать статистическую основу для решения дополнительного круга вопросов: возраст первых родов, преждевременные роды и выкидыши, бесплодие и др.

Интересные статистические данные собрали в конце XIX – начале XX в. некоторые меди- ки, занимавшиеся оказанием врачебной помощи переселенцам: о заболеваемости и смертно- сти мигрантов в пути и первые годы жизни на новых местах⁵.

Статистические выкладки сибирских врачей – первоклассный источник, хотя и менее полный, чем комплекс трудов земских врачей Европейской России. В Сибири не было земств с их санитарно-статистическими бюро, исследования «казенных» врачей проводились ис- ключительно в порядке частной инициативы.

В целом можно констатировать наличие обширного массива статистических материа- лов, разнообразных по происхождению и содержанию, которые обеспечивают изучение многих количественных параметров темы воспроизводства сельского населения Сибири, особенно социальных условий и результатов демографического и социализирующего пове- дения крестьянства. Количественную характеристику самого поведения статистика дает без полного территориального охвата и исторической динамики, а то и без необходимой точ- ности. Речь идет о таких показателях, как годовое распределение брачного возраста в первом и повторном браках, масштабы брачности населения, возраст первого и последнего деторождения у женщин, заболеваемость и частота обращения к врачам, параметры физи- ческого развития юношей к моменту совершеннолетия, сравнительная роль образователь- ных каналов, грамотность и образовательный уровень сельчан и т. д. Вообще не обнаружи- ваются при обращении к имеющейся статистике и не могут быть вычислены на ее основе средний временной интервал между очередными родами у крестьянок, продолжительность ожидаемой жизни для новорожденных, параметры физического развития девушек, динами- ка распространения основных форм девиантного поведения молодежи и т. д. Имеющиеся

¹ Вигдорчик Н. А. Заметки сибирского врача: (очерки бюрократической медицины). Н. Новгород, 1905. С. 64–102.

² Арканов С. Указ. соч.

³ Крутовский В. М. Указ. соч. С. 2–3.

⁴ Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 10–11.

⁵ Айзин М. Л. Медико-санитарное обслуживание переселенческого движения // СМЖ. 1925. № 2. С. 65–73; Обозненко П. Е. Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолин- ской обл. // Врач. 1898. 2 мая; 9 мая; и др.

статистические данные нуждаются в сопоставлении друг с другом и со сведениями описательного характера.

Законодательные источники изучения темы представлены актами (законами, указами, положениями, уставами), в наиболее полном виде и в хронологической последовательности опубликованными в «Полном собрании законов Российской империи» (собрания 2-е и 3-е)¹. Они непосредственно регулировали функционирование тех политических, юридических, просветительно-образовательных и медицинских институтов, которые были созданы для управления крестьянством, для реализации политики государства и церкви в области семейной и общинной жизни, воспитания и образования молодежи. По отдельным сферам регулирования имеются специализированные издания сборников законодательных актов.

1. *Крестьянское законодательство* регламентировало сельско-волостное (станично-поселковое) самоуправление и сословный суд. Его основу в изучаемое время составляло «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»², ключевые принципы которого были поэтапно распространены на кабинетскую, государственную и казачью деревню Сибири в 1861 – 1880-х гг. Законодательство включало акты, ограничивавшие личные права крестьян (на выход семьи выросших детей из отцовского домохозяйства, на получение молодежью отдельных от родителей паспортов и др.), определявшие порядок наследования имущества в крестьянской среде, устройства общественной опеки над сиротами и т. д.³ Серия законов устанавливала за крестьянским «самоуправлением» жесткий надзор чиновничества (своеобразным итогом здесь был закон 2 июня 1898 г., учреждавший на основной территории Сибири институт крестьянских начальников)⁴.

Специально для пользования на местах кружок юристов под руководством К. Ф. Краевского составил и несколько раз переиздал массовым тиражом «Полный свод законов о крестьянах» в шести частях⁵. С ним или с другими изданиями крестьянского законодательства непосредственно сталкивались многие сельчане. Современному исследователю знакомство с этими источниками позволяет представить правовую базу деятельности административных органов, провести границу между их вмешательством в жизнь крестьян, основанном на законе, и полным произволом.

2. Органы крестьянского самоуправления и суда часто апеллировали к *нормам общегражданского права*, хотя по закону должны были руководствоваться при решении большинства вопросов обычным народным правом. Чаще всего использовались сборники гражданских узаконений, входившие в 16-томный комплекс «Свода законов Российской империи» (т. X, ч. 1). Такие сборники издавались много раз под различными редакциями, с включением дополнительных актов, разъяснений Правительствующего Сената, комментариев юристов и т. д.⁶ Имеются также отдельные публикации по отраслям гражданского законодательства.

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1884. Собр. 2. Т. 1–55; СПб.; Пг., 1885–1916. Собр. 3. Т. 1–33.

² Крестьянская реформа в России 1861 г.: сб. законодат. актов. М., 1954. С. 39–80; Российское законодательство X–XX вв. М., 1989. Т. 7. С. 35–105; и др.

³ Подробнее см.: *Леонтьев А. А.* Крестьянское право: систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. 2-е изд., пересм. и доп. СПб., 1914; *Лозино-Лозинский М. А.*: 1) Крестьянский двор // Вестн. права. 1899. № 3. С. 57–114; № 5. С. 1–64; 2) Крестьянское право // Вестн. права. 1899. № 2. С. 1–27; и др.

⁴ Полное собрание законов... Собр. 3. Т. 12, № 9804.

⁵ Полный свод законов о крестьянах: книга для крестьян. 3-е изд., пересм., испр. и доп. [Б. м., б. г.] Т. 1, ч. 1–2; Т. 2, ч. 3–6.

⁶ Законы гражданские (Свод законов. Т. X, ч. 1. Изд. 1900 г.): с включением позднейших узаконений и разъяснений по решению общего собрания и гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената с 1866 по июль 1900 г. / под ред. А. К. Гаугерта. 5-е изд. СПб., 1902; Законы гражданские (Свод законов. Т. X, ч. 1. Изд. 1914 г.): с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 февр. 1915 г.). 5-е изд., испр. и доп. СПб.; Пг., 1911–1915. Т. 1–2; и др.

Неоднократно издавался сборник правовых актов о браке и разводе¹. Основывалось семейно-брачное законодательство, прежде всего, на нормах церковного права (50-я глава «Кормчей книги» и др.). Четко определялся нижний и верхний предел брачного возраста, запрещалось венчание браков в кровном и духовном родстве, в определенные календарные сроки и дни, до крайних пределов ограничивался развод, устанавливались права незаконно-рожденных (внебрачных) детей, правила усыновления чужих детей и т. д. Согласно закона 19 апреля 1874 г., старообрядцы должны были записывать свой брак в особые метрические книги при волостных правлениях или полицейских управлениях.

Исследователями было верно подмечено, что семейно-брачное законодательство России не регулировало семью «со стороны внутренних отношений и особенно со стороны защиты слабо поставленных ее членов» (женщин и несовершеннолетних детей)². Произвол домохозяина по отношению к личности «домашних» находил некоторый противовес лишь в крестьянском и уголовном законодательствах, предусматривавших определенные санкции со стороны волостного и коронного суда.

3. Законодательство *о продаже спиртных напитков* оказывало определенное влияние на распространенность в селениях пьянства, а значит, на состояние физического и морального здоровья населения, на масштабы девиантного поведения молодежи. Наиболее заметные последствия имело законодательство об ограничении, а затем прекращении казенной продажи «крепких напитков» на время Первой мировой войны (рескрипт императора министру финансов от 30 января 1914 г., указ от 18 июля 1914 г. и др.)³.

4. Законодательство *о переселениях* детерминировало многие стороны миграционного поведения крестьянства: действия по регулированию людности и состава семьи, выбор сроков и маршрутов передвижения за Урал, территории для заселения и т. д. Законодательная основа переселенческого движения и устройства новоселов в Сибири в эпоху капитализма явилась предметом специального анализа у исследователей аграрной политики правительства, что избавляет нас от таковой необходимости⁴.

5. Специалисты по истории педагогики раскрыли структуру и эволюцию законодательства *о начальном образовании*, отметив его производность от идеологических установок самодержавия и церкви⁵. В настоящей монографии использованы тексты законодательных актов, находившиеся в постоянном практическом использовании – они были опубликованы в справочниках, переиздававшихся множество раз⁶. Их анализ подтверждает, что в системе административного управления деревней, общественно-правовом положении крестьян, в постоянной недооценке образовательных и санитарно-медицинских потребностей сельского населения – ярко проявлялось влияние окраинно-колониального положения Сибири.

6. Нормы *православно-церковного права* близко примыкают к государственному законодательству изучаемой эпохи. Церковные нормы определяли многие особенности брачного и семейного строя, воспитательной и образовательной активности верующих мирян.

Основным руководством по церковному праву для русского крестьянства в течение многих веков была «Кормчая книга», в основе которой лежит «Номоканон» – византийский

¹ Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе / сост. В. К. Мордвинов. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 1901 и др.

² Нечаев В. М. Русское гражданское право // Россия: энцикл. слов. Л., 1991. С. 546.

³ Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 гг. / сост. О. И. Авербах. Пг., 1915–1916. Т. 1–4.

⁴ Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 119–192; и др.

⁵ Бочарникова В. И. Политика царизма в отношении школы и церкви в государственной деревне Западной Сибири // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 403–416; Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 10–36, 118–169.

⁶ Ежегодник внешкольного образования. М., 1907. Вып. 1; СПб., 1910. Вып. 2; Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства МНП, с приложениями. 2-е изд. Томск, 1913; Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. 2-е изд. СПб., 1904 и др.

сборник церковных правил и императорских указов, касающихся церкви, с толкованиями к ним¹. Старообрядцы пользовались старыми изданиями и рукописными текстами этого источника. Некоторые экземпляры сохранились и теперь входят в коллекции отделов рукописей и редких книг крупных библиотек, они доступны исследователям². Имели в народе хождение и другие собрания и описания норм церковной жизни: «Устав о христианском житии», нравоучительные сочинения и речения отцов христианства и церковных иерархов, проповеди, «Троицкие листки» – издания Ведомства православного исповедания, церковных братств, обществ трезвости и т. д.

Церковные нормы предписывают строгое единобрачие; поддержание авторитета старших в семье и обществе; любовь мужа и жены, а также родителей и детей как основу семьи; недопустимость сознательной регуляции рождаемости, а также излишеств, пьянства и разврата; плотское воздержание во время постов и праздников; обязанность учить молодых жизненной мудрости и трезвости; вступление в брак мужчины лишь по достижении духовной и общественной зрелости, когда он может стать истинным главой семьи, женщины же – когда встретит достойного человека, и т. д. Поэтому нормы церковного права не только были задействованы при регулировании образа жизни сельчан, но также являлись объектом межпоколенной передачи при социализации детей. Как и в случае со «светскими» законами, при изучении образа жизни крестьянства следует помнить о том, что между провозглашаемыми нормами и реальным поведением людей никогда не было полного соответствия.

Делопроизводственные источники – наиболее многочисленная категория материалов, очень разнородная по содержанию, степени информативности, полноте и достоверности, социальной направленности. В данном случае ее можно подразделить по происхождению на три основные части: а) документы, исходящие непосредственно из крестьянской среды; б) делопроизводство светской и церковной администрации; в) материалы общественных и научных организаций.

Наиболее высокой ценностью обладают *материалы, исходящие от крестьян*. В зависимости от адресата и содержания они оседали в архивных фондах волостных и станичных правлений, волостных судов, а также местных и центральных органов управления. Обширные массивы за многие годы составляют постановления («приговоры») сельских и волостных, поселковых и станичных сходов, зафиксированные в специальных книгах или в виде копий включенные в документацию более высокого административного ранга. Они показывают, что на сходах происходило разверстывание повинностей, за счет которых в основном содержались деревенские школы и библиотеки, лечебницы, врачебные и фельдшерские участки, их персонал, органы крестьянского самоуправления и суда. Рассматривалась возможность открытия или реорганизаций образовательных и медицинских учреждений, обсуждалась их деятельность. Уделялось внимание вопросам благоустройства и благочиния в населенных пунктах: их санитарно-гигиенического состояния, борьбы с эпидемиями, пресечения девиантного поведения. При работе с «приговорами» необходимо учитывать и постановляющую формулу, и ее мотивировки, отражавшие бытующие в крестьянской среде соционормативные, педагогические, медико-санитарные взгляды и установки. При трактовке решений нельзя забывать, что на них серьезно влияли требования чиновников, а решающее слово в спорных ситуациях было обычно за наиболее зажиточной верхушкой деревни, не всегда выражавшей общее мнение. Приговоры часто составлялись весьма формально.

Объемный комплекс представляют книги записей судебных дел и решений волостных (станичных) судов. Нами обстоятельно анализировались дела Уриковского суда Иркутского уезда одноименной губернии за 1902 г., Заледеевского суда Красноярского уезда Енисейской губернии за 1905 г., Башцелакского суда Бийского уезда Томской губернии за 1907 г. и Алек-

¹ Подробнее см.: Павлов А. С. 50-я глава «Кормчей книги» как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.

² См., например: Кормчая [книга]. М., 1653. Книга получена от жительницы Республики Тыва Н. Д. Михайловой и хранится в секторе археографии и источниковедения Института истории СО РАН.

сандровского суда Красноярского уезда за 1916 – начало 1917 г.¹ За предыдущий период есть многочисленные описания работы и решений волостных судов². Судебные материалы свидетельствуют, что денежные и имущественные споры, личные конфликты подрывали традиционную роль семьи и общины как авторитетных механизмов трансляции и сохранения социокультурного опыта. Росли масштабы аморального и криминального поведения молодежи. Теоретически решения судов, предшествующие им показания свидетелей, выступления истцов и ответчиков должны были отражать нормы народного права. Однако следует считаться с фактами формализма, коррумпированности и кумовства, просто некомпетентности судов, с аморфным состоянием многих обычноправовых норм.

Прошения, ходатайства, жалобы, направленные в различные административные учреждения и общественные организации, составляют еще одну группу массовой документации, исходящей от крестьянства. В духовные консистории и Синод писали по поводу брачных дел: о необходимости раннего повенчания сына или дочери, невозможности вступить в брак из-за непомерной платы за венчание. Училищной администрации направляли прошения об открытии в селе школы, об освобождении от хлопотной должности школьного попечителя. Врачебной администрации выражали благодарность за самоотверженную работу медиков во время эпидемии холеры, заявляли о неимении средств для содержания лечебницы. Перед переселенческими организациями ходатайствовали о переводворении в связи со смертью жены и невозможностью без помощи родственников воспитывать детей, о строительстве поблизости школы, церкви или больницы и т. д. Больше всего «бумажных» дел крестьяне имели, конечно, с крестьянской администрацией, но неоднократно прошения и жалобы «восходили» вплоть до самого императора.

В документах такого рода очень ценны и формулировки самих просьб, и описания обстоятельств дела, условий его возникновения и развития. Часто имеются сопутствующие документы, помогающие объективнее разобраться в сути событий. С другой стороны, прошения и жалобы зачастую написаны наемным писарем по определенному трафарету, с привлечением аргументов, искажающих истинные мотивы возникновения документа.

Делопроизводство светской и церковной администрации в своей значительной части как раз было связано с рассмотрением документации, исходящей от крестьянства, с принятием и проведением в жизнь соответствующих решений. Эта группа источников наилучшим образом дает представление об административно-правовых условиях воспроизводства сельского населения.

Другую часть делопроизводства административных органов можно назвать «отчетной». Это письменные отчеты губернаторов, военных генерал-губернаторов, наказных атаманов казачьих войск, Министерства народного просвещения, медицинского ведомства, настоятелей православных епархий, обер-прокурора Синода, крупных чиновников после инспекционных командировок в Сибирь и т. д. Текстовая часть отчетов составлялась на основе отчетов, донесений, рапортов с мест, проходя обычно несколько ступеней обобщения. На каждой ступени часть ценной для нас информации «отслаивалась». Материалы некоторых административных «вертикалей» практически не были использованы исследователями до сих пор, например: участковые фельдшеры и врачи, командированные медики, лечебные заведения – врачебное отделение губернского управления – Главное управление врачебного инспектора МВД в начале XX в.

¹ ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 54–55; ГАИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 143, 145; ГАКК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 723; Ф. 630. Оп. 1. Д. 4.

² *Акципетров П.* Народные проступки // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 185–188; *Ван-Сесля.* Пятилетие волостного суда // ВО. 1889. 3 дек.; Волостной суд // Сибирь. 1886. 9 нояб.; и др.

Часть отчетов «верхнего» уровня публиковалась¹, основная же масса документации выявлена нами в архивных фондах соответствующих и вышестоящих органов. Ввиду массового характера ее обработка индивидуальным исследователем реальна только на выборочной основе. Возможен анализ всей документации в хронологической динамике, поскольку она имеется за много лет и обычно составлялась по устойчивой форме. Для историка это первоклассный материал при изучении всех сторон воспроизводства населения, но особенно – правовой, демографической и воспитательно-образовательной политики государства и церкви.

Третья часть делопроизводства светской и церковной администрации – это подзаконные административные акты всех видов: постановления, циркуляры, предписания, приказы, обращения к населению и пр. Им обычно предшествовали какие-либо подготовительные материалы. К этому комплексу можно присоединить и документы, предшествовавшие принятию законодательных актов. По требованию властей подведомственные органы собирали необходимые фактические сведения, мнения и отзывы, заключения специалистов, в которых находил яркое и разностороннее отражение регулируемый сектор общественной жизни.

Наиболее ценными для нашей монографии оказались из этой подгруппы подготовительные материалы к следующим планировавшимся узаконениям.

1. К законодательству о пресечении хулиганства в сельской местности России (это законодательство готовилось в 1912–1913 гг.). Согласно циркуляру Земского отдела МВД губернаторам, в Иркутской губернии были собраны заключения крестьянских начальников, заведующих переселенческими подрайонами, волостных правлений и части сельских сходов, на основе чего губернское управление сделало представление в министерство о масштабах распространения, формах проявления хулиганства и желательных мерах борьбы с этим злом².

2. К законодательству об ограничении виноторговли (оно воплотилось в «сухом законе» 1914 г.). В Тобольской губернии многие сельские сходы дали обстоятельные ответы на вопросы о степени и причинах распространения пьянства и формах его пресечения, о возможных последствиях предполагаемой ограничительной меры³.

3. К введению в Сибири земского управления. Вопрос обсуждался с конца XIX столетия. В 1905 г. к участию в дебатах были подключены в Иркутской губернии съезды представителей крестьянства, высказавшие мнения о задачах планируемых земских образовательных и санитарно-медицинских учреждений⁴.

Комплексом материалов к готовившейся в начале века аграрной реформе являются и материалы местных органов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности – комитетов, работавших в 1902–1903 гг. во всех сибирских губерниях и Акмолинской области, а также Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства⁵. Администраторы и специалисты, общественные деятели, приглашенные на заседания комитетов лица, в том числе из среды передовых зажиточных крестьян, представили сведения о состоя-

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного исповедания за... [1884–1914 гг.] СПб.; Пг., 1886–1916; *Ермолов А. С.*: 1) Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; 2) Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; *Куломзин А. Н.*: 1) Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896; 2) Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. СПб., 1898; Отчет о состоянии церковноприходских школ и школ грамоты Томской епархии за 1889/90 учебн. год // Томск. епарх. ведомости. 1891. 1 июня; 15 июня; 1 июля; 15 июля; и др.

² ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 137.

³ ГАТ. Ф. 335. Оп. 1 (604). Д. 11.

⁴ Сборник о земстве в Сибири: материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. (Тр. / О-во изучения Сибири и улучшения ее быта; вып. 5).

⁵ РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 203, 327–329; Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. Красноярск, 1903; Труды МКНСП. 1903–1904. Т. 53–57; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Степному и Туркестанскому краям, Кавказу и Закавказью. СПб., 1904 и др.

нии сети народного образования и здравоохранения, присмотра за детьми, гигиены и санитарии в населенных пунктах и т. д.

Из делопроизводственных *материалов общественных организаций* нами использованы также опубликованные протоколы заседаний Омского медицинского общества, ежегодные отчеты и протоколы Енисейского губернского общества врачей, в которых отразилось обсуждение врачами состояния здоровья сельского населения¹.

Описания сельского быта в различных местностях Сибири – тоже весьма представительная категория источников. Имеются в виду описания, составленные с целью изучения культуры и быта сибиряков: медицинские, экономические и этнографические. Здесь сгруппированы тексты, написанные местными жителями-краеоведами, в том числе крестьянами; работы политических ссыльных, долго живших среди крестьянства; материалы, составленные учеными и чиновниками во время научных экспедиций, посещений деревень; сочинения путешественников. Описания публиковались в изданиях организаций, проводивших экспедиции и обследования, на страницах массовой периодики, часть из них сохранилась в архивных фондах. Комплекс описаний очень неоднороден по источникам, хронологическим рамкам, объекту наблюдения, степени научности и т. д. Но в них отразились с разной степенью полноты и достоверности почти все аспекты демографического и социализирующего поведения сибирских крестьян.

Медицинские описания составлены чаще всего профессиональными врачами. Они включают незаменимую и довольно правдивую информацию о санитарно-гигиеническом состоянии населенных пунктов и дворов, обстановке деторождения, о методах первоначального ухода за детьми, обстоятельствах высокой младенческой смертности, несчастных случаев с подростками, подключенными к хозяйству и т. д.²

Экономические описания значимы главным образом тем, что в них отражена связь воспроизводства населения с хозяйственной жизнью деревни – стержневой сферой образа жизни крестьянства. Некоторые описания являются составной частью уже названных статистико-экономических обследований сельского быта³, а также описательно-справочных изданий, предназначенных для переселенцев и организаторов переселенческого движения⁴. Последние менее информативны, поскольку имеют обзорный характер. Наконец, еще одна подгруппа – хозяйственно-бытовое описание отдельных местностей. Здесь выделяются сочинения крестьянина с. Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии Ф. Ф. Девятова, выступившего, в частности, против преувеличения роли многолюдной семьи в развитии кре-

¹ Отчет Енисейского губернского общества врачей с приложением трудов общества за... [1887/88–1895/96 гг.] Красноярск, 1888–1896; Протоколы и труды Общества врачей Енисейской губ. за... [1896/97, 1904/05 гг.] Красноярск, 1897. Вып. 1–3; 1905. Вып. 1–3; Протоколы Омского медицинского общества. Омск, 1886–1914.

² *Воронов К. С.* Томский и Каинский округа в медицинском соотношении // ТГВ. 1865. № 14, 16–21; *Кашин Н. И.* Зоб и кретинизм вне и в пределах России, в особенности в Приленской долине и по другим местностям Иркутской губ. Иркутск, 1871; *Костров Н. А.* Климат и болезни в Нарымском крае в течение последних пяти лет // ТГВ. 1871. № 39–40; *Крутовский В. М.* Дифтерит в Красноярском окр. // СГ. 1883. 23 янв.; *Куркутов А. Г.* Верхнеуярский поселок Новосеменовка // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1894–1895 гг. Красноярск, 1895. С. 29–44; и др.

³ *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1895–1896. Т. 1–2; Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. за 15 лет (с конца 1870-х по 1893 г.). М., 1895–1897. Т. 1–2; Материалы для изучения... Западной Сибири; Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. М.; Иркутск, 1890–1894. Т. 2, вып. 1–6; Т. 4, вып. 1–6; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 6; *Швецов С. П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском окр.: результаты статистического исследования в 1894 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4, вып. 1–2; и др.

⁴ *Арефьев В. С.* Описание Сибири: очерки для народного чтения. Томск, 1900–1901. Вып. 1–2; *Девель Ф.* Рассказы о Восточной Сибири, т. е. о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском. М., 1896; *Рубакин Н. А.* Рассказы о Западной Сибири, или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди. 2-е изд. М., 1898 и др.

стьянского домохозяйства¹; работа издателя и общественного деятеля М. В. Загоскина о с. Грановском Уриковской волости Иркутского округа одноименной губернии (при изложении результатов личных десятилетних наблюдений автор учитывал лучшие научные программы для писания сельских общин)²; описание анонимным корреспондентом газеты «Восточное обозрение» хозяйственного быта Верхоленского округа Иркутской губернии, последовательно акцентирующее внимание на различиях в жизни бедноты, середняков и кулачества³.

Этнографические описания – незаменимый источник для изучения традиционных форм мирозерцания, культуры и поведения. Демографическая и социокультурная «повседневность» описывается этнографами на основе образца, принятого в данной группе или местности и передающегося из поколения в поколение. Постоянно приводятся ссылки на «обычаи», «опыт дедов и отцов», показывается роль семьи, сельского общества и трудовых объединений в передаче и закреплении традиции. Иногда традиция дана в вариантах и развитии. Патриархальные порядки при этом зачастую идеализируются.

По содержанию этнографические описания можно подразделить на комплексные и специализированные (описания брачных порядков и обычаев, народной медицины, народной педагогики, народного обычного права и др.). Лучшие комплексные описания составлены иногда по принципу годового цикла народного календаря (В. С. Арефьев, Г. С. Виноградов, А. И. Ермолаев, Ф. К. Зобнин, А. А. Макаренко и др.)⁴, но чаще – на «срезах» различных сфер традиционной народной культуры и быта (Б. Г. Герасимов, П. М. Головачёв, Н. П. Григоровский, К. Д. Логиновский, А. А. Савельев и пр.)⁵. Один из наиболее полных вариантов второго типа находим в работе И. Я. Неклепаева о Сургутском крае на рубеже веков, где последовательно описаны обычаи и обряды при рождении, крещении и свадьбе, детские игры и увеселения молодежи, способы лечения, погребальные обряды и суеверия о мертвых и т. д.⁶ Материалы о народной медицине, брачном и репродуктивном поведении, воспитании детей вкраплены в комплексные описания почти всегда, что лишний раз свидетельствует о важном месте воспроизводства населения в образе жизни крестьянства.

Из многочисленных неопубликованных этнографических описаний хотелось бы особо назвать выявленный и впервые использованный нами рукописный сборник ответов Казачинского волостного правления Енисейского округа одноименной губернии, датированный до 1897 г., который был составлен по программе изучения народного права, разработанной Русским Географическим обществом⁷. Несколько «Сборников наблюдений над жизнью в Тоболь-

¹ *Девятков Ф. Ф.*: 1) О нуждах хозяйства в Минусинском уезде // Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. С. 37–38; 2) Обзор сельского хозяйства и других промыслов жителей Минусинского окр. // АГМ. Оп. 1а. Д. 52; 3) По поводу семейных разделов и некоторых других явлений в экономической жизни минусинского крестьянина // СГ. 1885. 22 дек.; 4) Результаты крестьянского самоуправления в Минусинском окр. // Сибирь. 1886. 26 окт.; 2 нояб.; 5) Современное положение крестьянства в Сибири // ВО. 1884. 13 сент.; 27 сент.; 6) Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 304–322; и др.

² *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин (селение Грановское). Иркутск, 1891.

³ *Г. Экономический быт верхоленского крестьянина* // ВО. 1884. 12 июля; 19 июля.

⁴ *Арефьев В. С.* В низовьях Ангары // Сибирский сборник. Иркутск, 1900. Вып. 1. С. 1–36; 1901. Вып. 1. С. 88–116; *Виноградов Г. С.* Материалы для народного календаря русского старожилго населения Сибири. Иркутск, 1918. (Зап. / О-во изучения Сибири и улучшения ее быта. Тулун. отд.; кн. 1); *Ермолаев А. И.* Занятия Приангарья // КККМ. О/ф. 7886. П. и. 203, 209; *Зобнин Ф. К.* Из года в год: описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского окр. // ЖС. 1894. Вып. 1. С. 37–64; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; *Савельев А. А.* Дневник // РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 178; и др.

⁵ *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы // Зап. / ЗСОРГО. Семипалат. подотд. 1911. Вып. 5. С. 1–115; *Головачёв П. М.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905; *Григоровский Н. П.* Крестьяне-старожилы Нарымского края // Зап. / ЗСОРГО. 1879. Кн. 1. С. 1–28; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток, 1904; *С. [Савельев А. А.]* Крестьяне в сибирской тайге // ВО. 1883. 27 окт.; 10 нояб.; и др.

⁶ *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. / ЗСОРГО. 1903. Кн. 30. С. 29–230.

⁷ НАРГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19.

ской губернии» известного педагога-краеведа Ф. К. Зобнина были составлены в 1890-х гг.¹ Полевые дневники и записи М. В. Красножёновой, в период 1909–1929 гг. собравшей богатый материал по теме «Ребенок в крестьянском быту» в селениях на Московско-Сибирском тракте под Красноярском, хранятся в КККМ². Написанная на их основе работа, содержащая, наряду с исследовательскими выводами, большой массив фактического материала, не была в свое время опубликована Красножёновой. Мы издали ее практически в полном объеме с надлежащим научным аппаратом в 1998 г. и переиздали с сокращениями в 2005 г. вместе с текстами ряда других источников для изучения традиционной народной системы социализации подрастающих поколений в русской деревне Сибири³.

Этнографические материалы о русском населении Сибири регулярно печатались в свое время в «Ежегодниках Тобольского губернского музея»⁴. Много интересных сведений издали Отделение этнографии РГО, его отделы и подотделы в Сибири⁵, Общество изучения Сибири и улучшения ее быта с отделами на местах⁶, научные общества при Московском и Казанском университетах⁷. Этнографические материалы охотно печатали журналы «Сибирский архив», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский сборник». В 1920-х гг. силами Восточно-Сибирского отдела РГО и Иркутского университета было издано девять насыщенных сборников «Сибирской живой старины», приступил к этнографической работе Томский краевой музей⁸. Немало этнографических описаний рассеяно по страницам популярной периодики.

Публицистика как вид письменных источников в данном случае не синоним «периодической печати». Дело в том, что периодика второй половины XIX – начала XX в. публиковала источники практически всех видов, хотя на первом месте здесь и стояли публицистические сочинения. Последние можно подразделить на корреспонденции и тематические очерки.

Наиболее многочисленна подгруппа *корреспонденций*. В газетах официальных и частных, придерживавшихся различных общественно-политических направлений, имелись разделы с названиями «По Сибири», «Хроника», «Сибирские вести», «Корреспонденции», где помещались материалы, написанные крестьянами, представителями сельской интеллигенции, «заезжими» людьми. Реже помещали корреспонденции общественно-политические и ведомственные журналы, но здесь производился более тщательный отбор. Для историка многое дают рассказы о бедствиях и поведении переселенцев, о самосохранительных мерах крестьянских обществ при эпидемиях, о строительстве школ и больниц, круге чтения жителей, отношениях между крестьянами и служащими по учебной, медицинской и церковной линиям и т. п.

В публицистике часто встречаются уникальные свидетельства о важных индивидуальных событиях, например, о благотворительных по отношению к школе поступках конкретных крестьян. Но корреспонденции предстают и в другом аспекте: как подвид массовых источников. Мы извлекали из них представление о массовых, типичных явлениях и процессах, поэтому важен был сплошной просмотр соответствующих рубрик за многие годы. Это сделано

¹ Там же. Разр. 61. Оп. 1. Д. 37; РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 739.

² КККМ. О/ф. 7886. П. и. 110, 123.

³ Красножёнова М. В.: 1) Ребенок в крестьянском быту; 2) Ребята хороши будут от доброй матери // Традиционная педагогика: учеб. программа, хрестоматия и практикум / авт.-сост. и отв. ред. В. А. Зверев. Новосибирск, 2005. С. 25–68.

⁴ ЕТГМ. Тобольск, 1893–1919. Вып. 1–29.

⁵ Живая старина. СПб., 1893–1906; Известия СОРГО. Омск, 1870–1878. Т. 1–9; Известия ВСОРГО. Иркутск, 1879–1926. Т. 10–45; Записки ЗСОРГО. Омск, 1879–1927. Кн. 1–39; Алтайский сборник. Томск; Барнаул, 1894–1930. Т. 1–12; Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Семипалатинск, 1903–1928. Вып. 1–17; Записки Красноярского подотдела ВСОРГО. Красноярск, 1902–1929. Т. 1–3; и др.

⁶ Труды Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. СПб., 1909. Вып. 2; Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1912. Т. 2, вып. 1; Известия Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т. 1; и др.

⁷ Этнографическое обозрение. СПб., 1889–1916; Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1892. Т. 10, вып. 3; 1926. Т. 33, вып. 2/3; и др.

⁸ Сибирская живая старина. Иркутск, 1923–1929. Вып. 1–9; Труды Томского краевого музея. Томск, 1927–1929. Т. 1–2.

применительно к газетам официальным («Тобольские губернские ведомости» за 1862–1878 гг., «Томские губернские ведомости» за 1863–1883, «Енисейские губернские ведомости» за 1866–1885), буржуазно-либеральным («Сибирь» 1880–1886 гг., «Сибирская газета» 1882–1883, «Сибирская жизнь» 1897–1914 гг.) и демократическому «Восточному обозрению» за 1882–1905 гг. Мы пользовались и центральными органами печати за отдельные годы, а также профессионально-специализированными газетами (столичный «Врач» и томский «Сибирский врач»), «Сибирским медицинским журналом» 1920-х гг.

Обширные корреспонденции, опубликованные в журналах и газетах, зачастую перерастали в тематические очерки. К *очерковой публицистике* мы относим также редакционные статьи и популярные очерки о разных сторонах народной жизни. В них значимы не только информация, но также установки и оценки авторов, отражавшие место изучаемых нами явлений в общественном сознании.

«Сибирские» очерки появлялись в общероссийских общественно-политических, литературно-политических, общественно-научных журналах, они занимали ключевое место в региональных изданиях: «Сибирские вопросы», «Сибирские записки» и пр. Публицистический характер имеют и некоторые книжные издания. На восприятие общественностью России образа жизни сибирского крестьянства, на методологические позиции целых поколений исследователей оказали в свое время влияние публицистические книги и статьи И. И. Завалишина, В. В. Берви-Флеровского, Н. М. Астырева, В. М. Крутовского, Н. М. Ядринцева и других авторов.

В публицистике еще в 1860-х гг. сформировалось два оценочных подхода к образу жизни крестьянина-сибиряка. С одной стороны, И. И. Завалишин начал пропаганду идиллической картины «счастливого сельского быта» в Сибири. В «сытом, тепло обутом и одетом, удобно обустроенном крае» крестьяне якобы имели низкую смертность, гораздо лучшее, чем в Европейской России, здоровье, высокую продолжительность жизни, были хорошо образованы и т. д.¹ С другой стороны, книга В. В. Берви-Флеровского несла в себе гиперкритический заряд. Автор писал об абсолютно нищенской жизни большинства крестьянства, поголовном физическом изнурении и упадке сил, особенно в женской и детской части населения, о распаде семейного быта в регионе². Н. М. Астырев считал жизнь сибирского крестьянина «жвачной жизнью сытого организма, не имеющего никаких идеалов впереди, никаких заветов – позади себя»³.

В публицистике шла оживленная полемика по этим и другим позициям. По существу, она была отражением более широкого спора об историческом месте крестьянства, его традиционной культуры в исторических судьбах России. Одновременно публикации о деревне восточных окраин являлись составной частью дискурса, формировавшего и отражавшего многоликий образ Сибири в общественном сознании россиян⁴.

Воспоминания очевидцев и участников исторического процесса больше, чем другие источники, отражают индивидуальные особенности личности создателей. Они незаменимы для вхождения в ментальную атмосферу деревенской среды, для понимания умственного и нравственного склада, психологии крестьян.

Основная часть использованных в настоящей монографии мемуаров появилась в крестьянской среде или написана выходцами из крестьянства. По способу фиксации их можно подразделить на авторские и записанные «со слов» повествователя. Часть крестьянских воспоминаний, относящихся к концу имперского периода, была известна историкам, иные же введены нами в научный оборот впервые.

Целый ряд воспоминаний посвящен «деревенскому детству». Опубликованы еще в дооктябрьский период воспоминания крестьянского сына купца Н. М. Чукмалдина, бесценные

¹ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М., 1862–1867. Т. 1–3.

² Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избр. эконом. произведения. М., 1958. Т. 1. С. 31–618.

³ Астырев Н. М. Указ. соч.

⁴ Подробнее см.: Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006.

при изучении воспитания и образования в старообрядческой среде середины XIX в.¹ Московский кинематографист И. Г. Ростовцев в форме «семейной хроники» рассказывает о родительской семье, судьбе пробивающегося к образованию деревенского паренька на фоне бытовых и общественных порядков в Комской волости Минусинского уезда Енисейской губернии начала XX в.² Обстоятельные записки оставил и пенсионер (бывший педагог, а затем инженер-строитель) Ф. Д. Останин, выросший в с. Сидорском Барнаульского уезда Томской губернии в переселенческой среде. Их «дореволюционная» часть заканчивается поступлением крестьянского сына в Новониколаевскую учительскую семинарию³. Учительница А. В. Трифонова подростком тоже помогала отцу в хозяйственных работах, была наставницей пятерых «младшеньких» и хорошо описала деревенскую «трудовую школу» в своих воспоминаниях (с. Хаихта Куйтунской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии)⁴.

Авторские тексты Останина и Трифоновой хранятся в архивах, но основное их содержание, относящееся к детским годам, проведенным в деревне досоветского периода, опубликовано с нашим участием в 1990–2000-х гг. Неопубликованными в своей основной массе остаются многочисленные автобиографии (зачастую они входят в комплексы делопроизводственных источников). Мы познакомились с автобиографиями ряда активных участников гражданской войны на востоке Сибири, как сохранившимися в архивных фондах бывшей КПСС, так и опубликованными. Много общего было в детских и молодых годах жизни этих людей, в основном выходцев из деревенской бедноты: многодетная родительская семья, иногда неполная, необходимость батрачить с ранних лет, влияние ссыльных революционеров на идейное становление и т. д.⁵

Переселенческим делам посвящена книга крестьянина Калужской губернии М. В. Сумкина – записки ходока, ездившего в 1907 г. в Степной край «за землей». Его глазами мы наблюдаем обстановку аграрных миграций, убийственную особенно для детского здоровья⁶. Другой крестьянин, И. Е. Беляков, в письме, направленном в журнал, поведал об обстоятельствах переселения своей семьи и группы односельчан из Пензенской губернии в Казаткульскую волость Каинского округа Томской губернии в конце XIX в.⁷

Целая группа воспоминаний записана «со слов» мемуаристов собирателями – участниками историко-бытовых, историко-этнографических, фольклорных и прочих экспедиций. Записи, опубликованные в фольклорных сборниках под рубрикой «Предания и устные рассказы», обычно не имеют чисто фольклорного характера. По содержанию это зачастую достаточно достоверные источники знаний о конкретных явлениях и людях. Таковы записанные фольклористами в 1960-х гг. в Забайкалье рассказы казаков о том, как учили детей, готовили к службе и вразумляли на сходах молодежь до революции⁸. В 1940–1950-х гг. А. А. Мисюревым собраны воспоминания жителей бывших Каинского и Томского уездов Томской губернии. В них звучит гордость за свою трудовую семью, из поколения в поколение передававшую кузнечное дело (А. К. Денисов); отражена тяжелая участь женщины в старой деревне (Е. П. Николаева) и т. д.⁹

¹ Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М., 1902.

² Ростовцев И. Г.: 1) В сибирской дальней стороне // ИИ. П. 121; 2) На краю света: записки очевидца. М., 1985. Л. М. Горюшкин, знакомый с рукописной версией воспоминаний, ошибочно отнес это повествование к Иркутской губ. См.: Горюшкин Л. М. Источники по истории крестьянства... С. 5.

³ Останин Ф. Д. История – вечно живая память народа // ИИ. П. 118. Большая часть мемуаров опубликована нами. См.: Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать. С. 172–190; и др.

⁴ ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 528. Воспоминания А. В. Трифоновой опубликованы нами двумя частями в кн.: Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) / отв. ред. В. А. Зверев. Новосибирск, 1995. С. 32–39, 75–80.

⁵ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 222–226, 489, 693; Ф. 393. Оп. 5. Д. 229, 230, 752; Рютин М. Н. На колени не встану. М., 1992. С. 50–63; и др.

⁶ Сумкин М. В. В Сибирь за землю: записки ходока. М., 1908.

⁷ Беляков И. Е. Переселенец о Сибири // Рус. богатство. 1899. № 3. С. 1–14.

⁸ Фольклор казаков Сибири / сост.: Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1969. С. 193–203, 336.

⁹ Наиболее полные издания: Мисюрев А. А.: 1) Легенды Горной Колывани. Барнаул, 1989; 2) Сибирские сказки, предания, легенды. Новосибирск, 1959.

Часть записей не публиковалась, отложилась в архивных фондах. Л. М. Горюшкин ввел в научный оборот те из них, что были записаны в 1955–1957 гг. сотрудниками Государственного Исторического музея на юге Красноярского края и севере Томской области¹. Неизвестными были долгое время записанные М. В. Красножёновой воспоминания М. И. Пальмина о детском быте и школьном обучении в с. Березовском под Красноярском в конце XIX в.² Во время создания в 1960-х гг. Мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина» в с. Шушенском этнографы зафиксировали воспоминания Н. И. Бутенко о порядках в хозяйстве прадеда – богатого ссыльного торговца Э. Урбана, где большинство работников были сиротами или детьми бедняков³.

Источниковедческая база исследования была приращена нами путем записи воспоминаний о народном опыте демографического поведения, воспитания и образования детей от крестьян-долгожителей. Еще в середине 1980-х гг. нами была составлена программа полевого сбора воспоминаний, по которой студенты исторического факультета Новосибирского педагогического института опросили несколько десятков человек, в основном 1900–1910 гг. рождения. Программа включала вопросы, слабее всего отраженные в имеющихся источниках: о приемах этического и физического воспитания, индивидуальных мотивах обучения грамоте, отношениях между школьниками и учителями и др. В ходе этой работы были выявлены также несколько рукописных текстов мемуарного характера, написанных сельскими жителями, родившимися уже в 1920-х гг. В детстве они тесно общались со своими старшими родственниками и позже подробно «по памяти» записали их рассказы о жизни «в старое время». Все выявленные нами или записанные студентами под нашим руководством записи воспоминаний оформлены в специальную коллекцию, наиболее интересные из них (мемуаристы: В. К. Волосников, Ф. С. Глухих, А. П. Кайгородова, С. И. Курин, А. М. Лушникова, А. М. Михалёва, И. Т. Солдатченко и др.) опубликованы – полностью или частично⁴.

Сопоставление с другими источниками выявляет некоторые слабые места крестьянских воспоминаний. Иногда ситуация в конкретной семье или группе семей необоснованно обобщается, на канву событий накладываются гораздо более поздние их оценки и т. д.

Кроме крестьянских, в данной монографии использованы воспоминания тесно соприкасавшихся с жизнью деревни Сибири чиновников, учителей, медицинских работников⁵. Наибольший интерес в этой группе источников вызывают мемуары И. К. Чувашевой, учительницы церковной школы из Туринского уезда Тобольской губернии⁶. Они в окончательном варианте были написаны в 1915 г., повествуют об обстоятельствах профессиональной деятельности автора в деревнях, ее тесном сотрудничестве с крестьянами и церковнослужителями в деле социализации подрастающих поколений.

Фольклорные материалы, использованные нами в данной работе, представлены произведениями устного народного творчества: пословицами и поговорками, детским фольклором,

¹ ГИМ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1, 3; Ф. 476. Оп. 1. Д. 12.

² КККМ. О/ф. 7886. П. и. 117. Л. 27–28.

³ РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1658.

⁴ *Зверев В. А.*: 1) Живешь – не оглянешься // Совет. Сибирь. 1992. 15 июля; 2) «Жить, чтобы люди завидовали»: социокультурная история переселенческой деревни в семейном предании Куриных // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XX вв. Новосибирск, 2011. Вып. 6. С. 153–178; Красен человек учением. С. 23–32, 70–75; Родные голоса: Сибирь, XX в.: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. Вып. 1; *Солдатченко И. Т.* Сибирские крестьяне, кузнецы и солдаты: 300-летняя семейная история в рассказах моих предков // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск, 2009. С. 223–236; и др.

⁵ *Загоскин М. В.* Десять лет в сибирской деревне // Сибирский сборник. СПб., 1890. Вып. 1. С. 1–39; *Зинин Н. К.* Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895; *Лазарев И. Ф.* Воспоминания из врачебной службы в Сибири // Мед. вестн. 1867. 18 февр.; 25 февр.; 26 авг.; 2 сент.; 9 сент.; 18 нояб.; *Р-ва.* Из дневника окружной акушерки // Сибирь. 1886. 16 марта; 1887. 31 мая; и др.

⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1175. Наиболее полные публикации источника подготовлены нами: *Чувашева И. К.*: 1) Слава Богу за всё: воспоминания деревенской учительницы. Новосибирск, 2008; 2) Слава Богу за всё! // Память сердца: воспоминания сибиряков. Новосибирск, 2009. С. 17–102.

поэзией пестования, свадебной и календарно-обрядовой поэзией, приметами и поверьями, легендами и др. Они могут быть также классифицированы по принадлежности разным региональным, историко-этнографическим, этносоциальным категориям сибирского крестьянства, по характеру отразившейся в них информации.

В яркой образной форме фольклор фиксирует представления народа о браке, супружеской жизни, отношении к старости и смерти, желательном количестве детей, о здоровом образе жизни, о важности и трудности воспитания и образования детей. Памятники фольклора непосредственно «участвовали» в воспроизводстве населения. Во-первых, как своеобразное «руководство к педагогическому действию», во-вторых, как средство деятельности (так, пословицы и поговорки были действенным средством воспитания), в-третьих, в качестве объекта межпоколенной трансляции при социализации: вековая мудрость, заключенная в них, передавалась детям и внукам. Анализируя содержание памятников, можно установить, какие культурные и нравственные ценности считались необходимыми для социального наследования. При выяснении особенностей развития и бытования фольклора определяются цели, средства, способы и результаты такого наследования.

Данный вид источников явился для нас вспомогательным, лишь в параграфе о воспитании он стал одним из основных. Мы использовали как многочисленные публикации фольклора, осуществленные в дооктябрьский, советский и постсоветский периоды¹, так и ряд собраний, отложившихся в архивохранилищах. К последним относятся, в частности: 1) две коллекции фольклора, собранные в начале XX столетия в Восточной Сибири и хранящиеся в ИРЛИ²; 2) собрание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, включающее среди прочего пословицы и поговорки жителей Барнаульского округа Томской губернии 1893 г. и Иркутской губернии 1909 г.³; 3) фольклорные материалы РГАЛИ с записями сибирских собирателей, в том числе священника В. Адрианова из Курганского округа Тобольской губернии за 1865 г.⁴

Взятые в их совокупности, все охарактеризованные источники позволяют достаточно полно и объективно рассмотреть воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

¹ См. некоторые из них: *Бирюков В. П.* Урал в его живом слове: дореволюц. фольклор. Свердловск, 1953; *Вербицкий В. И.*: 1) Пятая сотня областных слов, употребляемых приалтайскими жителями // ТГВ. 1863. 5 июля; 2) Загадки крестьян Кузнецкого окр. // ТГВ. 15 нояб.; 22 нояб.; *Гуревич А. В.* Фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1938; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1905. Вып. 15. 2-й отд. С. 1–34; 1912. Вып. 22. 2-й отд. С. 1–40; *Кузнецов Е.* Пословицы и поговорки жителей Тобольского окр. // ТобГВ. 1866. 3 дек.; *Париков И. Г.* Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948; [*Савельев А. А.*] Фольклор Приангарья начала XX в. // Жив. старина. 2000. № 2. С. 45–48; и др.

² ИРЛИ. Разр. V. Кол. 78, 87.

³ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 344, 345.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 3, 43, 178, 239; Оп. 2. Д. 19; и др.

ГЛАВА 2 УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

2.1. Природная и географическая обстановка

В настоящем разделе монографии для конкретно-исторического анализа вычленяется группа естественно-географических условий (факторов) демографического и социализирующего поведения русского крестьянства и казачества, жившего в сельской местности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Кратко характеризуются собственно географические, природно-климатические и генетико-биологические факторы. Намечены основные векторы их влияния на естественное воспроизводство сельского населения региона и социализацию подрастающих поколений деревенских жителей.

Начнем с **географической специфики** Сибири. Общеизвестны данные о ее громадной территории, огромной протяженности расстояний между нею и историко-экономическим центром России, между отдельными сибирскими местностями и даже населенными пунктами во многих районах. Все эти условия сказывались на состоянии социальной инфраструктуры сельской местности: транспортная и информационная сеть, структура медицинских, образовательных, просветительных церковных учреждений были развиты на восточных окраинах слабо, в частности, и по географической причине. Расстояние от церкви до деревни в 20–30 верст считалось в сибирских православных епархиях «незначительным»¹. По данным Всероссийской школьной переписи 1911 г., на одно официальное начальное народное учи-

¹ См., например: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного исповедания за 1902 г. СПб., 1905. С. 157.

лице приходилось в Западной Сибири 951 км², в Восточной – 3671 км² территории¹. В 1913 г. на каждый врачебный участок Сибири приходилось в среднем 29 794 км², радиус участка составлял 100 км в среднем².

Разумеется, такое положение не могло не сказываться на воспроизводстве населения. Огромные расстояния и связанная с ними неразвитость транспортной сети существенно сдерживали переселенческое движение в Сибирь и внутрисибирские миграции. Непомерно большие территории врачебных округов и медицинских участков оставляли мало возможностей для использования достижений научной медицины в деле сохранения здоровья и жизни, для медико-санитарного и гигиенического просвещения сельчан. Сильная удаленность приходских храмов от большинства деревень затрудняла влияние официальной церкви на демографическое поведение мирян: на вступление в брак, половую жизнь, отношение к смерти и т. д. В то же время относительная изолированность сибирских местностей и селений в некоторой степени оберегала их от распространения заразных болезней.

Речь пока шла об условиях физического воспроизводства населения. Для социализирующей (образовательной, воспитательной, развивающей детей и молодежь) деятельности крестьянства географические условия жизни в регионе также имели немаловажное значение. Факт удаленности и даже относительной изолированности многих местностей Сибири от динамично развивающихся центров экономики и культуры, прежде всего от столичных, крупных промышленных и университетских городов, можно оценить негативно. Степень изолированности со временем сокращалась, в разных частях региона она была различной. Жители захолустий, находившиеся вне зоны влияния Московско-Сибирского тракта, а с конца XIX в. – Транссибирской железной дороги, годами не выезжали за пределы своей волости или станицы, поездка же в уездный или губернский город составляла для них очень большое событие. Этот факт обусловил в таких регионах существование локальных вариантов народной культуры, большую устойчивость, сохранность при межпоколенной передаче поведенческих традиций, в том числе и явно устаревших, интенсивнее отмиравших или трансформировавшихся в других местах.

В удаленных «забочных» местностях сильно затрудненным было социализирующее воздействие на подраставшие поколения таких институтов, как официальная школа и церковь, не говоря уже о только сформировавшихся в изучаемую эпоху просветительных организациях городской интеллигенции. Общим местом является в исторических источниках сетование заинтересованных лиц и организаций на то, что большая удаленность и разбросанность селений затрудняют религиозно-нравственное, духовное развитие, первоначальное общее и специальное образование, просвещение населения.

Концентрированным выражением таких сетований может служить отчет статс-секретаря А. Н. Куломзина о поездках в Сибирь 1896–1897 гг. Особо отметив, что многие населенные пункты, особенно в Восточной Сибири, отстоят от волостного центра, школы и храма со священником «на многие десятки, даже сотни верст», Куломзин выделяет наиболее явные негативные последствия этого: невозможность для крестьян пользоваться волостными школами и отказы на этом основании от платежей на их содержание, стремление открыть училище непременно в своем селении; неравномерное распределение учеников по официальным школам, хронические отказы в обучении детям в многолюдных селах из-за переполненности классов. Отмечаются также отсутствие «постоянного и активного влияния» священников на

¹ Однодневная перепись начальных школ в [Российской] империи, произведенная 18 янв. 1911 г. / ред. В. И. Покровский. СПб., 1914. Вып. 12, ч. 1. С. 4; Вып. 13, ч. 1. С. 29. Источник рассматривает Западную Сибирь в границах Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей; Восточную Сибирь – в пределах Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Здесь и далее в монографии количественные показатели, в источниках выраженные в русских мерах, переведены в метрическую систему мер.

² Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 г. Пг., 1915. С. 89–127 (3-я паг.). В данном случае Семипалатинская и Якутская области нами не учитываются.

учащихся детей и вообще на подрастающее поколение сельчан, слабость надзора светской и духовной администрации за домашним обучением и воспитанием детей и молодежи¹.

«Географическими особенностями территории», наряду с другими причинами, объясняли власти сибирских губерний и областей неудовлетворительное состояние нравственности, иллюстрированное обычно большим количеством совершаемых преступлений и осужденных лиц. Так, томский губернатор во «всеподданнейшем» отчете за 1873 г. жаловался: при удаленности многих местностей и малочисленности полиции властям «не представляется никакой возможности иметь повсюду бдительный надзор за населением и своевременным вмешательством отклонять совершение в среде его преступлений»². Такое положение создавало необходимость и возможность для сельского сообщества, семьи своими силами без участия официальных властей решать многие дела по проступкам, совершаемым преимущественно молодежью.

В природно-климатическом отношении заселенная русскими часть Сибири имела целый ряд общих характеристик, более или менее явно выделявших эту восточную окраину среди прочих регионов страны. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорит об этом так: «Во всей Сибири зима холодная, несколько месяцев имеют температуру значительно ниже нуля и... зимняя оттепель – редкое явление. <...> Так как притом лето... довольно теплое для широты, то потому годовая амплитуда... больше, чем где бы то ни было на земном шаре. <...> Точно так же во всей Сибири... видно другое явление, свойственное континентальному климату – большое преобладание летних осадков над зимними. <...> Все живавшие в этой стране согласны в том, что осень, зима и ранняя весна – очень хорошие времена года, но апрель и май месяцы менее благоприятны, чем зима, вследствие более сильных ветров, большой облачности и резких перемен погоды»³.

Общие географо-климатические условия Сибири рассматривались некоторыми исследователями досоветского периода в качестве одного из основных факторов, формировавших обособленную этническую общность русских сибиряков (А. П. Щапов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.)⁴. Оппоненты, впрочем, указывали: степень однородности природных условий в разных районах обширной Сибири весьма относительна, а масштабы и темпы влияния климата на этнический тип населения не стоит преувеличивать⁵.

Можно по-разному оценивать научные результаты той давней дискуссии, но вовсе отрицать влияние природно-климатических особенностей региона на физический (а также социокультурный) облик сибиряков-старожилов, передававшийся новым поколениям, вряд ли возможно. Антропологи, изучавшие в 1960-х гг. соматические особенности русских старожилов за Уралом, пришли, в частности, к следующему выводу: «Следует полагать, что свойственные сибирским популяциям по преимуществу коренастое сложение, средняя длина тела и, может быть, сравнительно большая ширина лица сложились в отдаленном прошлом как приспособление к большой затрате физических сил, которая требовалась для освоения новых земель в условиях сибирского климата»⁶. Имеющаяся статистика браков показывает, что для сельских жителей Сибири в конце имперского периода было характерно относительно позднее наступление биосоциального совершеннолетия, связанное со вступлением в брак. Это со-

¹ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад по поездкам в Сибири 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 7–8, 27–28, 37–40.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 34.

³ Сибирь: климат // Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона]. СПб., 1900. Т. 29а, кн. 58. Стб. 757–758.

⁴ Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // ТГВ. 1865. 26 марта; 2 апр.; Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. / СОРГО. 1872. Т. 3, № 5. С. 243–274; Ядринцев Н. М. Этнологические особенности сибирского населения // ТГВ. 1865. 23 апр.

⁵ Альтерно [Клеменц Д. А., Макаренко А. А.] Новый сборник статей о Сибири // Сиб. вопросы. 1908. № 33/34. С. 26; Пытин А. Н. Русская народность в Сибири // Вестн. Европы. 1892. № 1. С. 303; и др.

⁶ Русские старожилы Сибири: ист.-антропол. очерк / отв. ред.: В. В. Бунак, И. М. Золотарёва. М., 1973. С. 174.

ответствовало общей тенденции повышения границ брачного возраста в Европейской России в широтном направлении с юга на север¹.

Календарное распределение рождаемости было подчинено аналогичной тенденции: в направлении с юга на север и на восток России слабело проявление зимнего (в январе) подъема рождаемости. Этот подъем, второй по величине после июньско-июльского максимума, наблюдался повсеместно и происходил от увеличения числа зачатий в результате активизации жизненной энергии людей после зимнего оцепенения. В Сибири естественное учащение весенне-летних зачатий и зимней рождаемости не могло быть высоким. По словам врача В. П. Гедройц-Юраго, «... сибирская весна, со своею бедною природою, не производит на население того оживляющего влияния, которое наблюдается на западе»².

От природных особенностей в некоторой степени зависели время вступления в брак, интенсивность половой жизни, состояние здоровья, годовое распределение заболеваемости, травматизма и смертности населения. Одна из ярких особенностей сибирского климата – короткое лето с резкими перепадами температуры – обуславливает здесь малые сроки вегетации культурных растений, частые повреждения хлебов поздними весенними или ранними осенними заморозками. По этой причине в Сибири все летние полевые сельскохозяйственные работы проводились в сжатые сроки и при максимальном привлечении всей наличной рабочей силы. В свою очередь, такая вынужденная интенсификация труда обуславливала предельное сокращение летом и в начале осени количества заключаемых браков и зачатий и, напротив, резкое увеличение травматизма и смертности.

По мнению медиков, обширные местности Сибири имели такие компоненты природной среды, что благоприятствовали здоровью людей: сухой воздух, большое количество солнечных дней в году, обилие хвойных лесов и естественных водоемов, наличие многих дикорастущих растений, плоды, ягоды или стебли которых богаты полезными веществами³. Специалисты еще в конце XIX – начале XX в. обсуждали проекты устройства санаториев для туберкулезных больных: считалось, что климат Южной Сибири целебен для чахоточных. В частности, было статистически установлено, что в Сибирском военном округе у военнослужащих случалось значительно меньше туберкулезных заболеваний, чем в прочих военных округах России⁴. Во многих местах в свое время были обнаружены лечебные водоисточники, грязевые озера, частично использовавшиеся для оздоровления населения уже в изучаемый период.

Учитывая все это, все же приходится считаться с фактом, очевидным для медицины и географии: «... в Сибири нет районов с комфортными (наиболее благоприятными для жизнедеятельности организма. – В. З.) территориями»⁵. Неблагоприятными для здоровья людей считаются резкие перемены температуры воздуха, длинная зима и слишком жаркое во многих местах лето, большое количество болот, наличие природных очагов заболеваний (клещевой энцефалит, описторхоз и др.). В Сибири не растут многие полезные южные растения, например, цитрусовые. Вся северная полоса характеризуется «ультрафиолетовым голодом» – недостатком поглощаемых кожей человека солнечных лучей, что ведет к дефициту в организме витамина D.

При наличии ряда общих черт естественные условия отдельных сибирских регионов сильно отличаются друг от друга. Наиболее привлекательной для жителей в изучаемую эпоху была природа предгорной части Алтайского горного округа, Минусинского и частично Ачинского округов-уездов Енисейской губернии. В то же время имелись обширные местности с недостатком леса и доступных резервуаров питьевой воды: Степной край, некоторые

¹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 41–47.

² Гедройц-Юраго В. П. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества, 1889–1890 гг. Омск, 1890. № 8. С. 146–147.

³ Бердышев Г. Д. Проблема долголетия в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1963. С. 3–4.

⁴ Протоколы Омского медицинского общества, 1903–1904 гг. Омск, 1904. Вып. 2, № 2/6. С. 101–102. См. также: Михайлов М. П. Материалы к вопросу заболеваемости туберкулезом легких в Сибири, в частности, в Иркутской губ. // СМЖ. 1925. № 2. С. 48–52.

⁵ Мисевич К. Н., Ряценок С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск, 1988. С. 8.

анклавы в Кулундинской степи и Барабе. Напротив, в Восточной Сибири преобладали слишком залесенные, иногда заболоченные или гористые районы с нездоровой нейодированной водой. Львиную долю площади Сибири занимают северные местности с очень суровым и нездоровым климатом: Сургутский и Березовский округа Тобольской губернии, Нарымский и Туруханский края, правда, слабо заселенные русскими.

В целом ряде таких экстремальных районов на протяжении всего изучаемого времени были широко распространены эндемические заболевания: полярная истерия («мерячество») на севере; зоб и связанный с ним кретинизм на юго-востоке, особенно в Иркутской губернии; деформирующий остеоартроз (уровская болезнь, болезнь Кашина-Бека) в долине р. Урова в Забайкалье; тарбаганья чума на юге Забайкальской области; цинга (скорбут) зимою, малярия весной и летом во многих местах и т. д.¹ Специфическими бывали набор и течение «обычных» болезней. Так, из регулярных рапортов в Томскую врачебную управу окружного врача мы узнаем, что из месяца в месяц в осенне-весенний период в Нарымском крае «господствующими формами болезни были ревматические и катаральные горячки», простудные заболевания дыхательных путей и мозговых оболочек. Даже летом катары дыхательных путей в суровом Нарыме были нередкими, уступая, впрочем, первенство расстройствам желудочно-кишечного канала, связанным с избыточной влажностью и жарой².

Природные условия колонизируемых районов Сибири входили в число основных факторов, определявших миграционное поведение переселенцев.

Большинству мигрантов из разных источников были хотя бы в общих чертах известны привлекательные стороны сибирской природы, и основная масса стремилась осесть в относительно благоприятных местностях Алтайского горного округа, юга Енисейской губернии, севера Акмолинской области. Исключительно велико было стремление обосноваться в местностях, сходных по ландшафту и климату с родными местами, если не в еще более предпочтительной природной среде. Поэтому, по данным исследователя Н. П. Огановского, к концу изучаемой эпохи из каждой 1000 новоселов Сибири, приехавших из юго-западных степных губерний, 619 человек, т. е. намного более половины, обосновалось именно в степной полосе; 616 ‰ уроженцев лесных губерний устроилось в сибирской тайге и урманах; почти половина (443 ‰) выходцев из лесостепных губерний поселилась в лесостепной же зоне³.

Однако переселенческая политика царизма была построена таким образом (влияти и случайные факторы), что значительная часть мигрантов оказывалась заброшенной в непривычные условия, отдаленные местности с совершенно незнакомой и неблагоприятной естественной средой. Неимоверные трудности «приспосабливания» хозяйства и быта к такой среде были одной из важнейших причин вторичных и обратных миграций в Сибири. С мест водворения и приселения многие уходили, объясняя свой шаг таким образом: «... я нахожу, что климат мне и моему семейству в здешней местности не позволяет жить, так как я и всё мое семейство сильно болеем»; уезжаю, «так как земля на новом месте посева хлебов неудобна, от чего я не в силах прокормиться со своим семейством»; «... участок оказался подтаежный и омывается большими двумя реками, от этого приходит зной (здесь – холод. – В. З.) и померзает хлеб весной и осенью, так что мало созревает» и т. д.⁴

По данным регистрации в Челябинске за 1881–1885 гг., в целом 78,3 % обратных мигрантов, перебивавшихся с кабинетских земель Алтая на родину в Европейскую Россию, мотивировала возвращение «непривычным климатом и неурожаем»⁵. В период 1895–1906 гг. 27,2 % опрошенных «обратников» причиной своего возвращения из Сибири назвали «неподходящие естественные условия». Особое значение это имело для Енисейской и Иркутской губерний с

¹ Подробнее см.: Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 36–45.

² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 204. Л. 13, 103, 109, 131, 171, 202, 224.

³ Подсчитано по: Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири: эпизод. курс лекций. Омск, 1921. С. 31–32.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 561. Л. 1, 23, 72, 89–90; Д. 3081. Л. 2, 6, 10, 61, 75, 81, 221; Д. 3217. Л. 63–64, 116; Оп. 46. Д. 518. Л. 12; Д. 1044. Л. 148; и др.

⁵ Качоровский К. Р. Крестьянское хозяйство и переселение // Рус. мысль. 1894. № 6. С. 73.

их непроходимой тайгой (она давала 37–45 % «обратников» в разное время), для урманных северных местностей Томской и Тобольской губерний (24–37 %)¹. И в дальнейшем названная причина обратных миграций оставалась одной из ведущих.

Физиологическая и психологическая адаптация переселенцев к сибирской природе составляла одну из специфических сфер их демографического поведения. Не всем вполне удавалась такая адаптация, иные всю жизнь чувствовали себя в Сибири неуютно, часто болели. Жительница д. Кирюшка Кривошеинского района Томской области Е. В. Попеляева, приехавшая сюда с родителями из Пензенской губернии в 1911 г. в 13-летнем возрасте, вспоминала позже: когда первый раз отец отправил жену и дочек на прополку хлебов, те очень быстро вернулись домой, потому что «гнус заел». Рассказчица долго плакала по ночам, так как ей не нравилось жить в Сибири².

Наличие на востоке множества труднодоступных таежных, гористых местностей имело в то же время и притягательный аспект. Некоторая часть сибирских старожилов, особенно старообрядцев, в изучаемую эпоху могла уходить в «пустыни» из более обжитых и открытых мест, чтобы сохранить в чистоте веру отцов, особенности своего быта и культуры, поставленные под угрозу массовым приселением «пришлого из Расеи» народа.

Причинами вторичных (в пределах Сибири) переселений бывали также многократно повторяющиеся стихийные природные катаклизмы: засуха, наводнение, да еще миграции промысловых животных и т. п.

Слабо изучены **генетические факторы** формирования и развития сельского народонаселения Сибири второй половины XIX – начала XX в. Некоторые исследователи утверждали, что действовавшие в течение веков элементы естественного отбора в условиях освоения огромных пространств с суровым климатом «способствовали закреплению в потомстве сибиряков генетически полноценной конституции»³. Действительно, для Сибири характерно наличие ряда крупных и устойчивых популяций русского сельского населения с генофондом хорошего качества («семейские» Забайкалья, «поляки» на южном Алтае и др.). В изучаемый период их относительная замкнутость ослаблялась. Заселение многих сибирских территорий выходцами из разных мест почти исключало брачные союзы родственников и способствовало обогащению генетического фонда. Смешение русских с аборигенами давало в некоторых местностях тоже очень жизнеспособное потомство с высокой рождаемостью и быстрым естественным приростом: «ясачных» в Иркутской губернии, метисные группы на Алтае-Саянском нагорье и пр.⁴

В то же время известно, что генетическая наследственность сибиряков отягощалась связями с уголовными ссыльными, расположенными к психическим расстройствам и страдавшими различными болезнями, а также широко распространившимся пьянством, эндемическими и хроническими заболеваниями⁵. Кое-где на северо-востоке Сибири в низменных и заболоченных речных долинах, окруженных высокими горами, слабо освещенных, плохо продуваемых ветром, сформировались популяции русских жителей, отличавшиеся малорослостью и истощенностью, слабой жизненной энергией, умственной «заторможенностью» (этому, вероятно, способствовали и браки между родственниками в относительно изолированных группах)⁶.

¹ Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 147–148.

² ГИМ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

³ Бердышев Г. Д. Указ. соч. С. 4.

⁴ Миротворцев К. Н. Иркутские «ясачные» в освещении статистических цифр. Иркутск, 1923; Ярхо А. И. Наблюдения над физическим развитием населения Русского Алтая // Север. Азия. 1925. № 3. С. 51–74; Ярхо А. И., Белкина В. И. Физическое развитие населения Хакасского окр. Сибирского края // Север. Азия. 1928. № 5/6. С. 100–114.

⁵ Колбасенко И. С. Станица Сретенская (Забайкальской обл.), ее народонаселение и санитарный быт // Зап. / РГО. Приамур. отд. 1899. Т. 5, вып. 2. С. 102; Россия: полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1907. Т. 16. С. 226.

⁶ Кашин Н. И. Зоб и кретинизм вне и в пределах России, в особенности в Приленской долине и по другим местностям Иркутской губ. Иркутск, 1871. С. 191; Птицын В. В. Очерки народной жизни по р. Лене // Вестн. Европы. 1893. № 2. С. 102.

Состояние здоровья, в том числе детерминированное биологической наследственностью, сказывалось и на брачном поведении крестьян. Всеобщая перепись населения в 1897 г. дала такие сведения: в целом по сельской местности Сибири среди «лиц, одержимых физическими недостатками» (слепота, глухонмота, немота, сумасшествие), независимо от возраста, состояло в браке лишь 24,6 %, в том числе 27,7 % мужчин и 21,2 % женщин. В то же время во всем сельском населении доля состоявших в брак была почти вдвое большей – 40,8 %, в том числе у мужчин – 40, у женщин – 41,7 %¹. Было затруднено вступление в брак выходцев из семей, известных своими наследственными болезнями и пороками. С ними избегали «родниться» знакомые и соседи.

Отметим воздействие биолого-генетического фактора и на процесс социализации подрастающих поколений. Решение родителей отдать ребенка на обучение в начальную, а тем более в среднюю школу часто зависело от состояния его здоровья и природных способностей. Так, московский кинематографист И. Г. Ростовцев, родившийся и выросший в Комской волости Минусинского уезда Енисейской губернии начала XX в., вспоминал через много лет: небогатые родители учили его в школе, а потом отдали в волостное правление в подписаренки, потому что «здоровьишко у меня не ахти какое и... для этой каторжной мужицкой работы я все равно мало соответствую»².

При прочих равных условиях учиться грамоте охотнее отдавали младших в семье ребят. Успешность образовательного и воспитательного процесса во многом определялась природными свойствами характера, темперамента, воли и интеллекта конкретных детей, качеством генофонда тех или иных популяций населения.

2.2. Социально-экономические и демографические факторы

Современная историческая наука в России, как и в иных странах, не принимает экономического детерминизма, но признает важную роль социально-экономических условий и факторов исторического развития, наряду с иными. К этой группе факторов примыкают и демографические, поскольку народонаселение можно рассматривать как составную часть производительных сил общества.

Среди социально-экономических процессов, активно развивавшихся в нашем крае в конце имперского периода, многие историки уверенно называют **формирование и развитие капиталистических отношений** при наличии многоукладности экономической жизни и колониального положения Сибири. Основные проявления развития капитализма вглубь: разложение натурального хозяйства и переход его в товарно-денежное, относительно быстрый прогресс техники (проведение Транссибирской железной дороги, распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий, машинного маслоделия), социальное разложение крестьянства и формирование в деревне новых классов, отток части сельского населения в промышленность приводили к изменению демографического поведения крестьян. Развитие капитализма вширь, проявлявшееся ярче всего в массовом переселенческом движении, делало одним из самых важных факторов и одновременно способов формирования и качественного изменения населения Сибири аграрные миграции.

В изучаемый период медленно, но последовательно менялся характер труда: на смену семейным и общинным его формам все чаще приходил наем батраков, в большинстве случаев осложненный кабалой. Этот процесс, а также усиление конкуренции вызывали среди одной части крестьян стремление опереться в борьбе за хозяйственное выживание на «многосемейность» (относительно большое количество рабочей силы в многолюдном семейном домохо-

¹ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 18, 102; Т. 74. С. 20, 104; Т. 75. С. 18, 96; Т. 78. С. 26, 136; Т. 79. С. 24, 136; Т. 81. С. 18, 74.

² *Ростовцев И. Г.* На краю света: записки очевидца. М., 1985. С. 379.

зьястве), а у других, наоборот, ускоряли семейные разделы. Поскольку семейный труд всё же продолжал определять облик деревни, постольку сохранили важное экономическое значение такие явления, сформировавшиеся в предшествующую эпоху, как относительно ранние браки и фактическое отсутствие формальных разводов, «приймачество», усыновление и т. д. В Сибири ярко проявлялся «бытовой» максимум рождаемости детей в июле-ноябре, что соответствовало резкому сокращению количества зачатий в разгар сельскохозяйственного цикла (май-август) и учащению зачатий осенью и зимой, когда население пользовалось семейным отдыхом после интенсивных полевых работ, сравнительным изобилием пищевых продуктов и играло свадьбы. В то же время прогресс производства наметил изживание хозяйственной функции части семей, и поэтому сокращались людность и трудообеспеченность семейного домохозяйства, получили распространение фактические разводы, длительное безбрачие и другие проявления нетрадиционного демографического поведения сельчан.

Технические нововведения облегчали сельский труд, но зачастую увеличивали травматизм. В целом технология сельскохозяйственных и промысловых работ оставалась отсталой, а вынужденное увеличение затрат труда прямо вредило здоровью, особенно женскому и детскому. В источниках ярко охарактеризованы неблагоприятные для здоровья, а то и прямо «убийственные» условия, существовавшие в рыболовном промысле (долгое пребывание в холодной воде, тяжелая гребля)¹, в деревенских обрабатывающих промыслах: пимокатном и шерстобитном, рогожном, ватнодельном, решетном и других (длинный рабочий день, антигигиеническая обстановка в рабочих помещениях)². Согласно отчетам медицинских органов, многие кустарные и мануфактурные кожевенные, кошмовальные, мыловаренные и клееваренные, салотопенные, винокуренные и пивоваренные, мукомольные, неводные предприятия отбросами своего производства загрязняли почву, воду и воздух окрестных местностей, ухудшая экологическую обстановку³.

Исторические исследования подтвердили «более высокую, по сравнению с российскими, зажиточность и мелкобуржуазность сибирского крестьянства, наличие в нем сравнительно многочисленных и сильных элементов фермерства»⁴. **Относительно высокая зажиточность крестьян-старожилов** была фактором, благоприятно сказывавшимся на всех сторонах брачного и семейного быта, воспроизводства населения, на самых больших в России с конца XIX в. показателях его естественного и механического прироста. Для зажиточных групп сибирского, особенно старожильского крестьянства были характерны наиболее высокая брачность, обеспеченность жильем, банями, одеждой, продуктами питания, наиболее рациональное в гигиеническом отношении содержание жилых и хозяйственных помещений. В то же время наличие многочисленного слоя бедноты, разоряющейся части середняков невозможно сбросить со счета: в целом материальные возможности для охраны здоровья и оптимизации демографического поведения крестьянства Сибири трудно назвать удовлетворительными.

Данные подворных переписей, бюджетных и санитарных обследований свидетельствуют об учащении семейных разделов и безбрачия, увеличении смертности и сокращении естественного прироста при переходе от высших к низшим социальным слоям и группам и в Европейской России, и в Сибири⁵. Сибирские врачи единодушно сетовали на «полную неприменимость рациональных профилактических мероприятий в бедных классах населения», ука-

¹ ККМ. О/ф. 7886. П. и. 203. Л. 30.

² Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888. Вып. 1. С. 223, 227; 1889. Вып. 2. С. 83–85; 1889. Вып. 4. С. 96; 1893. Вып. 20. С. 220; и др.

³ Отчет Медицинского департамента МВД за 1888 г. СПб., 1891. С. 54–56; Отчет Медицинского департамента... за 1891 г. 1894. С. 146–147; Отчет Медицинского департамента... за 1892 г. 1896. С. 132; и др.

⁴ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1983. С. 379.

⁵ Курцев А. Н. Социальные слои и группы российского крестьянства эпохи капитализма и особенности их воспроизводства // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. М., 1988. С. 58–59; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 1. С. 79; и др.

зывали, что и болезни, и повышенная смертность в деревнях распространяются, прежде всего, среди бедноты, особенно переселенческой¹.

В целом социально-экономические факторы в наибольшей степени определяли уровень брачности и смертности, тогда как рождаемость больше всего зависела от биологического фактора, а также от брачной структуры населения (демографический фактор, связанный с социально-экономическим).

Земские статистики еще в конце XIX в. установили, что «резкие подъемы и падения урожаев и цен имеют влияние на естественное движение населения»². В зоне рискованного земледелия, каковой является Сибирь, резкие колебания урожайности основных сельскохозяйственных культур были частым явлением. Статистика сельского населения свидетельствует: сильное повышение урожаев, сопровождавшееся понижением цен на зерно, муку и хлебопродукты и увеличением поголовья скота, уменьшало в том же, но особенно – в последующем году заболеваемость, смертность, увеличивало количество браков и зачатий, а также рождаемость, естественную прибыль числа жителей. Резкое же ухудшение урожаев и поднятие цен обычно влекли за собой в последующие месяцы обратную динамику демографических процессов. Характерно, что незначительные колебания урожайности и цен не имели заметных последствий, поэтому степень корреляции социально-экономических и демографических процессов не следует преувеличивать. Нужно учитывать также противоречивое воздействие на движение народонаселения различных других условий, которые нередко нейтрализовали друг друга.

Социально-экономические факторы, безусловно, доминировали среди причин и регуляторов переселенческого движения в Сибирь, а также вторичных и обратных миграций эпохи капитализма. Имеется в виду интенсивность развития капиталистических отношений и цикличность капиталистического производства, наличие феодально-крепостнических пережитков, колониционного фонда земель на восточной окраине, урожайность основных сельскохозяйственных культур, развитие железнодорожного строительства и т. д.³

Непосредственным стимулом миграции чаще всего являлось относительное и абсолютное **малоземелье, сложившееся в центре России** в результате сохранения помещичьего землевладения, рутинного состояния агротехники, узости рынка труда в сельской местности и одновременно довольно быстрого естественного прироста населения. В Сибири же (почти на всей ее территории до Столыпинской аграрной реформы, а затем в окраинных местностях) сохранялось многоземелье. Поэтому аграрные миграции в Сибирь и внутри нее осуществлялись в основном «истыми хлеборобами» с многолюдной семьей, содержавшей немало действительных или потенциальных (малолетних) «земельных» душ. Так преодолевалось «состояние несоответствия данной площади хозяйства рабочим силам его при данном уровне сельскохозяйственной техники и при данной экономической конъюнктуре...»⁴.

К концу изучаемого периода под влиянием, в частности, массового переселенческого движения в наиболее заселенных и освоенных районах Сибири тоже возникло относительное малоземелье и аграрное перенаселение, вызывавшее отток части старожильческого населения в глубинные местности.

На демографическую ситуацию в регионе в первые годы после водворения негативно влиял **низкий жизненный уровень большинства** мигрантов и новоселов. За неимением денег или в целях экономии скудных средств люди вынуждены были ехать в Сибирь за самую дешевую плату в антисанитарных условиях переселенческих поездов, на открытых палубах и

¹ Воронов К. С. Томский и Каинский округа в медицинском отношении // ТГВ. 1865. № 14–21; Отчет Медицинского департамента... за 1877 г. 1878. С. 11; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 г. СПб., 1905. С. 37, 40; и др.

² Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. 2. С. 213.

³ См., например: Степынин В. А. Колонизация Енисейской губ. в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 67.

⁴ Ямзин И. Л., Воицинин В. П. Учение о колонизации и переселениях: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.; Л., 1926. С. 42.

в трюмах пароходов и барж, проходить большие расстояния пешком, не имея хорошей одежды и скудно питаясь по дороге. Многочисленные очевидцы «в один голос отмечают тот факт, что на первых порах все пришельцы оказываются далеко не стойкими в обыкновенной сельской работе... Это служит косвенным доказательством того, что переселенцы прибывают на новые места в значительно ослабленном физическом виде, и подкрепляет взгляд на них как на хронически голодающих людей»¹.

Успех устройства новоселов на новом месте сильно зависел от наличия принесенных с родины денежных средств, а также возможности иметь заработки на месте поселения. При одинаково неблагоприятных природных условиях мест водворения «семьи, располагавшие большим запасом средств и получившие своевременно правительственную помощь в виде домообзаводственных ссуд, могли удержаться на местах и начать устраиваться, менее же обеспеченные оказывались вынужденными возвращаться обратно», – указывает авторитетный статистический источник². Исследователь И. А. Гурвич констатировал: при капитализме «деньги, деньги и деньги – вот необходимое условие для водворения переселенца в новом крае»³. Мы же добавим: и для успешного воспроизводства рабочей силы в домохозяйствах как переселенцев, так и старожилов. Ведь деньги требовались на лечение больных, на плату церковному причту за венчание, на покупку обуви и одежды, некоторых продуктов питания и т. д.

К. Маркс определял сущность человека как «совокупность всех общественных отношений»⁴. Это определение, не претендующее на универсальность, в данном случае помогает понять: процесс социализации личности – это в значительной степени процесс ее включения в наличную систему общения и общественных отношений, а на этой основе – постепенного «переведения» данной системы во внутренний план, ее «освоения» личностью. Отсюда следует, что само состояние общественных отношений в том их аспекте, с которым непосредственно имели дело формирующиеся поколения сельчан, во многом определяло не только «технологию» саморазвития личности и социальной группы, содержание образовательных и воспитательных воздействий сельского сообщества, но и цели поведения людей в данной сфере («проекты» социализируемой личности, «чертежи» воссоздаваемых сельских социоструктур), а также смысл этого поведения.

В изучаемое время главной материальной основой и важнейшим коллективным субъектом процесса социализации в деревне являлось семейное домохозяйство, на котором еще лежал отпечаток натурального состояния, характерного для предшествующей эпохи. В ходе социализации новых поколений воспроизводились демографические компоненты именно полунатурального хозяйства. Сознание и поведение людей в этих поколениях тоже не могло не быть «полунатуральным» – в сильной степени сориентированным на жизнь в семье, в деревне, маловосприимчивым к влиянию со стороны представителей иной социальной среды. В то же время развивавшийся капитализм преодолевал «традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни»⁵. Формирующийся рынок создавал новый тип общественных отношений.

Влияние развивавшегося капитализма на процесс социализации молодежи следует признать противоречивым. С одной стороны, у населения объективно возрастали потребности в общей грамотности, в специальном сельскохозяйственном и ремесленном образовании, в политическом просвещении, что заставляло искать возможности удовлетворения этих потребностей в открытии школ и библиотек, создании системы специального образования и т. д. Буржуазные отношения способствовали складыванию новой социализирующей инфраструктуры. Например, уже в 60–80-х гг. XIX в., согласно данным массового обследования, началь-

¹ *Бенедиктов Н. Г.* Краткие сведения о больных переселенцах Ачинского врачебно-продовольственного переселенческого пункта в 1896 г. // Протоколы и труды Общества врачей Енисейской губ. за 1896–1897 гг. Красноярск, 1897. Вып. 3. С. 42.

² Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб., 1899. С. XVI.

³ *Гурвич И. А.* Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888. С. 87.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 265.

⁵ Там же. 1968. Т. 46, ч. 1. С. 387.

ные училища возникали «обычно в наиболее населенных деревенских центрах, весьма часто и наиболее промышленных и торговых, и стоящих не в стороне и глуши, а по большей части на почтовых или имеющих торгово-промышленное значение трактах, по которым происходит более или менее сильное движение населения. Такого рода селения справедливо считаются наиболее цивилизованными. Большое умственное развитие в них не только оттого, что проживают здесь постоянно пришлые люди, торговцы, ремесленники и т. д., но и в силу самого наличия школ, которые при прочих равных условиях служат увеличению числа грамотных в селении»¹.

Формирование класса сельской буржуазии на основе верхнего социального слоя деревни имело одним из последствий улучшение материальной базы системы образования и воспитания. Зажиточные сельчане выделяли больше средств на домашнее или школьное обучение своих детей, на обучение их торговому делу в городе и т. д. Некоторые из них, а также разбогатевшие выходцы из деревни, перебравшиеся в города, жертвовали немалые средства на постройку, оборудование и содержание сельских училищ и библиотек. Из числа таких благотворителей администрация назначала школьных попечителей, в обязанность которых входила материальная поддержка беднейших учеников, наблюдение за хозяйственным и гигиеническим состоянием подопечных школ. Они должны были интересоваться и ходом учебно-воспитательной работы в официальных училищах, что неизбежно накладывало на нее отпечаток народных (крестьянско-буржуазных) педагогических представлений.

Развитие коммуникаций при капитализме облегчало транстерриториальную передачу культурных новаций и средств социализации. Этнограф А. А. Макаренко так характеризовал последствия частых взаимных поездок в гости у жителей центральной части Енисейской губернии: «Редкая “гостейка” вернется домой без какой-либо “новинки”: одна песне научится или игру переймет, другая чем-нибудь другим позаимствуется в людях, оставя взамен свои знания, свое умение...»².

Особенно динамичные изменения образа жизни крестьян происходили в конце XIX – начале XX в. в районах, прилегавших к железной дороге и крупным городам. А. Молотиллов, изучавший культуру жителей Барабы путем стационарного наблюдения, констатировал в 1913 г.: «Деревня до проведения железной дороги и та же деревня после ее проведения – суть вещи очень друг на друга не похожие. Способ обработки земли, вид домов, материал и фасон платья, пищевой режим – всё неодинаково»³. В результате втягивания в товарно-денежные отношения, а на их основе – в гораздо более развитую и разнообразную систему отношений изменялись ментальность и культурные установки сибирского крестьянства, и легче всего такие изменения происходили в ходе смены поколений. Сохранялась ориентация на труд: крестьянин как собственник небольшого хозяйства, ведущегося преимущественно своими силами, ценил в человеке трудолюбие, здоровую силу и выносливость, смекалку, наблюдательность, жизненный реализм.

С другой стороны, многочисленные источники и литература всех направлений отмечают и негативные тенденции в развитии социальных условий воспроизводства сельского населения при капитализме. Отношения капиталистической конкуренции и эксплуатации развивали ориентацию на рубль: жажду обогащения любой ценой, хозяйственный бытовой эгоизм. «Мы скоро все друг дружку съедим, а последнего волк съест», – с невеселой иронией говорили в конце XIX в. крестьяне Иркутской губернии⁴.

В литературе дооктябрьского периода распространилось указание на «развращающее» **влияние городов**, золотых приисков, крупных ярмарок и транспортных магистралей. Типичны в этом смысле заметки М. В. Загоскина. Автор пишет: «Постоянно бывая в городе для

¹ Личков Л. С. Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах // Изв. / ВСОРГО. 1889. Т. 20, № 2. С. 49.

² Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. // ЖС. 1897. Вып. 1. С. 2.

³ Молотиллов А. Говор русского старожилото населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.) // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1913. Т. 2, вып. 1. С. 37–38.

⁴ Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (селение Грановское). Иркутск, 1891. С. 68.

сбыта всевозможных статей своего хозяйства, подгородные крестьяне становятся год от году не богаче, не развитее в общественном смысле, а, напротив, беднее и грубее. Правда, они сделались гораздо бойчее и щеголеватее, но это и все, чем наградила их городская интеллигенция. <...> Даже грамотных между ними не больше. <...> Самые безобразные суеверия царствуют в их среде безраздельно: знахари, ворожеи, разные запуки – в общем ходу и пользуются всеобщим доверием. К стыду города, в нем же сосредоточиваются и источники всех этих “благ просвещения” – и кабаки, и суеверия, и распутство»¹.

О вредном воздействии **сезонного приискового отхода** на нравственность сельчан писали такие авторитетные наблюдатели и исследователи, как П. М. Головачёв, М. И. Орфанов, Н. П. Попов и др. О молодежи Енисейского округа В. С. Арефьев говорил в конце XIX в. так: «По-прежнему свежая сельская молодежь, попадающая на прииски, возвращается там, приучается к разгульной жизни, к вину и к картам, по-прежнему, возвращаясь на зиму домой, они несут этот разврат по деревням, вместе с разными заразными болезнями»². А. Молотилов свидетельствует, что люди «большедорожные», «трахтовые» – жители селений по Московско-Сибирскому тракту – пользовались среди прочего («забочного») населения Сибири недоброй репутацией: «... хитрые, жадные на деньги, развратные людишки, порченный народ»³.

В таких представлениях, возможно, имеется немалая доля преувеличения реальных тенденций и даже искажения истинного положения вещей. Так, вопреки утверждению М. В. Загоскина, массовым обследованием второй половины 1880-х гг. было статистически доказано: по мере приближения к Иркутску уровень грамотности крестьян-старожилов в селениях повышался. Относительно много грамотных проживало именно в притрактовых волостях и крупных торгово-ремесленных селах, которые одновременно часто являлись волостными центрами, имели собственные церковь и школу⁴. Однако некоторые негативные аспекты воздействия раннекапиталистической цивилизации, городского образа жизни на традиционную культуру и образ жизни сельчан все же были реальностью и их нельзя игнорировать.

Социальное разложение крестьянства тоже давало неоднозначные последствия. Выше мы указали на позитивную сторону дела: иные богатые сельчане помогали становлению просветительской сети, давали улучшенное образование своим детям и т. д. Однако этот же процесс затруднял нормальное функционирование институтов крестьянского и казачьего самоуправления, в том числе и по вопросам церковного, школьного, библиотечного дела, соционормативного контроля. Сельские и волостные сходы, призванные, в частности, решать вопросы деревенского благочиния, деятельности местных образовательно-воспитательных учреждений, зачастую были дезорганизованы внутренним разложением общины, засильем группы «кулаков», решавших все дела в своих корыстных интересах. Житель с. Баженова Томской губернии рисовал в газетной корреспонденции 1908 г. типичную картину: влияние торговцев и ростовщиков на дела в сельском обществе «достигает огромных размеров; своих односельцев они держат... как подвластных, нередко слово одного мироеда становится законом для всего села. Едва ли кто осмелится подать голос против. <...> При таких условиях нет ничего странного в том, что возвращающиеся со схода отвечают спрашивающим незнанием того, о чем было собрание»⁵.

Происходившее в ходе «раскрестьянивания» **обнищание массы крестьянства** существенно суживало для нее материальные возможности дать детям не только хорошее, но даже

¹ Загоскин М. В. Деревенские письма // ВО. 1889. 15 окт.

² Арефьев В. С. Очерки захолустной жизни // Енисей. 1898. 1 июля. См. также: Головачёв П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905. С. 302; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 6. С. 268; Орфанов М. И. В дали: (из прошлого). М., 1883. С. 90; Попов Н. П. Приисковый быт // СЖС. 1929. Вып. 8/9. С. 93.

³ Молотилов А. Указ. соч. С. 129.

⁴ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 2. С. 244; Т. 2, вып. 6. С. 31–32; Иркутск, 1893. Т. 4, вып. 2. С. 34–36.

⁵ Очерки деревенской жизни Сибири // Сиб. жизнь. 1908. 13 июля.

элементарное образование, вело к дезорганизации воспитательного процесса. Основная часть многочисленных отказов сельских обществ в выделении средств на нужды просвещения (как и сельской медицины) прямо мотивировалась неимением средств в связи с неурожаем хлебов, большой задолженностью по повинностям и т. д.¹ В сибирской деревне существовала «тесная связь между [неблагоприятными] условиями крестьянского труда и обучением детей: пока дети не могут еще участвовать во многих работах... их отпускают в школу охотно, но лишь мальчик или девочка подрастет, их утилизируют как рабочую силу и... отрывают от учения»². Дети из беднейших семейств не имели возможности учиться сколько-нибудь успешно – родители не могли купить им даже приличной одежды и обуви для школы. В нижнем социальном слое получила распространение вынужденная сдача подростков в хозяйственный наем – годовой, сезонный, сроковый, подневный, что окончательно подрывало возможность использовать традиционные социализирующие институты для воспитания и обучения этой части молодежи. По данным обследования 1894 г., почти треть всех переселенческих семей на Алтае продавала рабочие руки своих «малолетков», иногда с 8–12 лет³. Подростки-батраки попадали в систему жестких отношений эксплуатации, где было немного места для собственно воспитательных воздействий, для относительно гармоничного развития личности.

Безвыходная нужда, ослабление общинного и семейного контроля, сбой в процессе социализации все чаще приводили определенную часть молодежи к нарушению семейного порядка и общественного «благочиния» – пьянству, хулиганству, мелкому воровству, а затем и к более крупным противоправным поступкам и преступлениям. На противоположном социальном полюсе «раскрестьянивавшейся» деревни также создавалась благоприятная почва для отклоняющегося поведения молодежи. По свидетельству чинов Переселенческого управления, в начале XX столетия в селениях Иркутской губернии, например, хулиганили парни из «бесхозяйственной и малосостоятельной молодежи, побывавшей на отхожих заработках в городах, горных промыслах, заводах и т. п.», но чаще всего – «из среды состоятельных крестьянских семейств, это... объясняется уверенностью избежать, благодаря влияниям и средствам, наказания по суду и вообще неприятных последствий»⁴.

Тесно связана с комплексом социально-экономических условий воспроизводства сельского населения чрезвычайно значимая группа демографических факторов. Как показал А. Г. Вишневский, демографическая подсистема в обществе относительно автономна, в определенных пределах она регулирует и воспроизводит сама себя⁵. Иначе говоря, от состояния самой этой подсистемы (от соотношения мужчин и женщин в населении детородного возраста, от плотности семьи, поколенного, возрастного и иного состава жителей, продолжительности их жизни и т. д.) в значительной степени зависят направленность, особенности и результативность демографических процессов в обществе и регионе.

Наиболее важные демографические характеристики сельской местности Сибири, влиявшие на воспроизводство здешнего населения в конце имперского периода, суть следующие⁶.

Соотношение мужского и женского населения небезразлично для состояния брачного рынка и уровня рождаемости (фертильности) при моногамном браке. Во второй половине XIX – начале XX в. для сельского населения Сибири, взятого в целом, было характерно неблагоприятное соотношение полов: «мужской полк» количественно преобладал над женским, что вообще бывает присуще колонизируемым регионам. Однако переоценивать масштабы и значение

¹ ГААК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 55, 64; Ф. 216. Оп. 1. Д. 13. Л. 30–32; ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 3, 17, 19, 35; Ф. 807. Оп. 1. Д. 293. Л. 19–20; и др.

² Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2, вып. 2. С. 214.

³ Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском окр.: результаты статистического исследования в 1894 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4, вып. 1. С. 20–21.

⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 137. Л. 13, 21, 63.

⁵ Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 7–19.

⁶ Подробнее см.: Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (ист.-демогр. анализ). Новосибирск, 1991. С. 16–64.

половой диспропорции в данном случае не следует. Во-первых, в среде старожилого крестьянского и казачьего населения, в основных земледельческих районах диспропорции не существовало, и это смягчало общерегиональную ситуацию. Согласно данным Всеобщей переписи 1897 г., количество женщин в сельской местности Сибири приближалось к половине населения, составляя 49,4 % из 53 469 человек¹. Во-вторых, диспропорции вовсе не было среди лиц, по возрасту наиболее активных в брачном и детородном отношении. Жителей 15–39-летнего возраста насчитывалось в селениях Сибири 1 965 621 человек, из них женщин было 50,3 %, что следует считать нормальным для физического воспроизводства поколений².

Возрастная структура населения как раз показывает, каковы перспективы замены подрастающими людьми зрелых и стареющих поколений в количественном отношении.

Наиболее значимые выводы получаются при сравнении возрастной структуры населения сельской местности Сибири и Европейской России (табл. 2). Анализ данных переписи 1897 г. показывает, что для сельчан-сибиряков была характерна концентрация населения, особенно мужского, в средних – рабочих и потенциально рабочих – возрастах. Если суммировать возрастные группы от 7 лет до 55 у женщин и до 60 лет у мужчин, т. е. старших детей, подростков и «работников», то в Сибири они составляли 73,6 % мужского и 69,9 % женского сельского населения, против соответственно 68,9 и 67,2 % населения «расейских» деревень. Доля крайних возрастов – младших детей до 7 лет и особенно стариков (женщин свыше 55, мужчин старше 60 лет) – в Сибири была заметно меньше. В целом сибирский крестьянский двор отличался более работоспособным и немного более молодым, перспективным составом.

Таблица 2

Возрастной состав сельского населения крупнейших регионов России (1897 г.), %*

Возрастная группа	Европейская Россия		Сибирь	
	Мужчины	Женщины	мужчины	женщины
Младшие дети	21,6	20,5	19,6	20,3
Старшие дети	13,4	8,0	15,8	11,6
Подростки	8,2	8,9	7,8	8,7
«Работники»	47,3	50,3	50,0	49,6
Старики	9,5	12,3	6,8	9,8

* Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 8–9; Т. 74. С. 8–9; Т. 75. С. 8–9; Т. 78. С. 12–13; Т. 79. С. 12–13; Т. 81. С. 8–9; Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 64–67. Применена следующая возрастная группировка: младшие дети – до 7 лет; старшие дети – мальчики 7–13 и девочки 7–11 лет; подростки мужского пола – от 14 до 17, женского – от 12 до 15 лет; «работники» – 18–60 и «работницы» – 16–55 лет; старики – мужчины свыше 60, женщины старше 55 лет.

Перспективность обнаружится еще более отчетливо, если в таблице 2 суммировать возрастные группы младших и старших детей. В итоге в сибирских деревнях мальчики составят 35,4 %, девочки – 31,9 % населения соответствующего пола, а в «расейских» – лишь 35 и 28,5 %. Хозяйственная будущность сочетается в данном случае с хорошими перспективами для брачности и рождаемости, для естественного прироста населения.

Людность семейного домохозяйства и величина семьи. Вступая в брак, рождая детей, сохраняя их жизнь и здоровье, крестьяне в первую очередь воспроизводили семейную структуру, восстанавливали и расширяли людской состав собственного хозяйства.

¹ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись... Т. 73. С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. С. 18; Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 18.

² Подробнее см.: *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство... С. 16–64.

Как показали наши предыдущие исследования, во второй половине XIX – начале XX в. семейный крестьянский двор в Сибири в целом мало отличался по людности от такового в Европейской России, насчитывая в среднем в 1897 г. 5,7, а летом 1917 г. – 6,1 души¹. Такая людность была близка к минимально возможной для успешного ведения многопрофильного хозяйства своими силами. Действовали две противоречивые тенденции. Процесс сокращения населенности многих семейных хозяйств обуславливался частнопредпринимательским перерождением бывшего патриархального крестьянства (отрыв части дворов от земледелия, возможность хозяйствования с помощью найма батраков, развитие индивидуалистической психологии и т. д.). Однако «многосемейность» еще оставалась по традиции соционормативным ориентиром для большинства сельчан, одним из важнейших факторов крестьянского благосостояния, причем его значение даже на время повышалось для тех хозяйств, которые начали приобретать фермерские черты. На колонизируемой окраине многолюдная семья могла способствовать успешному становлению хозяйств новоселов. Поэтому существовала также тенденция консервации и даже возрождения «многосемейных» форм крестьянского домохозяйства в Сибири. Первая тенденция объективно вела к складыванию предпосылок регулирования брачности и рождаемости, вторая – к сохранению традиционной «всеобщей» брачности и многодетности.

Уровень брачности населения. Поскольку религиозные христианские нормы, гражданское законодательство и народная соционормативная культура признавали нормой рождение детей только в браке, уровень брачности взрослого населения оказывал очень сильное воздействие на показатели рождаемости, а через них – и на естественный прирост населения.

По данным Всеобщей переписи 1897 г., в селениях Сибири состояло в браке 61,7 % мужчин и 71,4 % женщин детородного возраста (15–49 лет)². Это можно считать высоким показателем, благоприятным для рождаемости.

Поколенный состав семьи и количество в ней детей также оказывали существенное воздействие на воспроизводство населения, в том числе на социализирующую деятельность крестьянства и ее результаты.

Традиционная система социализации, ориентированная на передачу культурных ценностей и норм поведения от старших к младшим, эффективно функционирует в том случае, если в семье – одном из основных институтов социализации – вместе живут представители, по крайней мере, трех поколений родственников: деда, родители, дети³. Бабушки и дедушки, родители, старшие братья и сестры участвовали в социализации младших, имея свои определенные обязанности.

В ходе развития капитализма доминировала тенденция сегментации и распада крупных неразделенных семей, упрощения семейной структуры, что привело к преобладанию одно- и двухпоколенных, росту числа неполных ячеек. По нашим подсчетам, относящимся к населению 95 сел и деревень восьми южных округов Тобольской губернии за 1897 г., из 6255 семей, вошедших в выборку, 28,1 % составляли неполные ячейки, т. е. те, в которых умер или находился в безвестной отлучке один из супругов в любой из брачных пар. Однопоколенные семьи в общем количестве составляли 12,1 %, двухпоколенные – 58,6, трехпоколенные – 28,2, ячейки с четырьмя поколениями членов – 1,1 %⁴. В целом по соотношению количества семей с различным типом поколенной структуры эта картина близка той, что фиксируется этнографами в Забайкалье и Приангарье, на Алтае и в других местах⁵.

¹ Там же. С. 17 (табл. 1).

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись... Т. 73. С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. С. 18; Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 18.

³ См.: Семёнова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций // СЭ. 1981. № 1. С. 68–77.

⁴ Подсчитано по: ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 109, 126, 149, 150, 156, 223, 225, 236, 240, 241, 244, 253, 254, 270.

⁵ Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 159;

Доминирование одно- и двухпоколенных семей в целом затрудняло осуществление семейным домохозяйством его социализирующей функции в ее традиционном виде. В то же время в удаленных относительно изолированных районах оставалось еще довольно много семей трехпоколенных, с боковыми линиями родства, сохранявших патриархальный уклад отношений; существовала тенденция к усилению роли сложной по составу и относительно многолюдной «семейной кооперации» в верхнем социальном слое деревни¹.

Масштабы отходничества и аграрного переселенческого движения на востоке страны. Отхожие промыслы разъединяли на определенное время членов брачной пары и тем сокращали рождаемость в селениях. В деле социализации отходничество играло двойственную роль. С одной стороны, часть родителей, уйдя на время из семьи, устранялась от воспитания детей. С другой стороны, возвращавшиеся из отхода «бывалые» люди могли многое рассказать о жизни людей в иной среде, они становились иногда инициаторами полезных инноваций в деле социализации. Следует признать, что степень развития рынка рабочей силы на восточной окраине России в изучаемую эпоху возрастала. Масштабы сезонного и постоянного ухода части молодых сельчан из дома в города, в местности с более развитыми капиталистическими отношениями, в пригородные, притрактовые и прижелезнодорожные волости, на прииски, рыболовные пески увеличивались, но в целом оставались одними из наименьших в стране².

Что касается переселенческого движения в Сибирь крестьян из-за Урала, то, во-первых, оно являлось основным источником механического прироста сельского населения Сибири, т. е. причиной изменения количественных параметров воспроизводимого в ходе демографического поведения людей объекта. Во-вторых, переселенческая среда обладала специфическими особенностями демографической структуры (крупные семьи с молодым и работоспособным составом, численное преобладание мужчин и др.). Эти особенности переходили на все сельское население Сибири по мере роста в нем доли переселенческого элемента. Удельный вес новоселов в конце XIX – начале XX в. увеличивался очень быстро: если в 1897 г. они составляли в сибирских селениях менее 1/3, то к началу Первой мировой войны уже половину жителей³. Таким образом, демографическое поведение крестьян-сибиряков во все большей степени определялось половозрастной структурой и прочими демографическими характеристиками переселенческой среды.

Под мощным воздействием переселенческого движения в Сибирь, особенно в период проведения Столыпинской аграрной реформы, менялись все прочие стороны жизни здешней деревни. В течение жизни одного поколения медленно, а при переходе от одного поколения к другому радикальнее стали изменяться менталитет и культура крестьян. Официальное издание Переселенческого управления выделяет «новые культурные начала» и в экономической жизни сибиряков (прежде всего – переоценка ценности земли и земледельческого труда), и в гражданско-правовой сфере (внесена мысль о неприкосновенности собственности на землю), и в области представлений о государстве (устанавливается тесная личностная связь между «коренной» Россией и отдаленными окраинами)⁴.

Исследователь быта крестьян-барабинцев Е. С. Филимонов еще в начале 1890-х гг. отмечал несомненное влияние на местное население более высокой грамотности переселенцев, их «большой религиозности и нравственности», лучшего знания ремесел и обрабатывающих промыслов⁵. Правда, позже экономист и статистик А. А. Кауфман справедливо предостере-

Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л., 1967. С. 167; *Сафьянова А. В.* Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 98; и др.

¹ *Мамсик Т. С.* О типологии крестьянских хозяйств в Сибири дореформенного периода // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. Вып. 1. С. 136–145.

² Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / отв. ред. Н. В. Блинов. Новосибирск, 1982. С. 108–114.

³ *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 144 (табл. 13).

⁴ *Кузнецов В. К.* Сибирские переселенцы // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 199.

⁵ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1892. Вып. 17. С. 88.

гал от абсолютизации выводов Филимонова: в ряде районов Сибири старожилы по грамотности и степени религиозности не уступали новоселам, многие промыслы возникали в силу действия местных причин¹. Кауфман и некоторые другие авторы акцентировали внимание на обратном воздействии крестьян-старожилов на переселенцев, и это расширяет постановку проблемы данной монографии.

Можно выделить несколько основных каналов непосредственного **воздействия переселенческого движения** на социализирующую деятельность крестьян в Сибири.

Во-первых, культурное взаимовлияние переселенцев из разных регионов Европейской и Азиатской России изменяло и обогащало форму и содержание того культурного потенциала, который подлежал межпоколенной передаче в процессе социализации детей. Менялось также представление о пределах допустимого в поступках молодежи, и это сказывалось на борьбе с девиантным поведением.

Во-вторых, приток более грамотных в своей основной массе мигрантов способствовал созданию социальной и психологической среды, благоприятной для формирования системы народного образования в Сибири: грамотные крестьяне на сходах охотнее выделяли общественные средства на просвещение, отправляли учиться в школу своих детей. Пример «грамотеев» являлся заразительным для односельчан.

В-третьих, громадный рост переселенческого движения заставил царскую администрацию умножить усилия по развитию сети просветительных учреждений, расширению влияния официальной идеологии и религии на население через церковное строительство и другими методами. Школьная, церковная, агрономическая и ветеринарная помощь Комитета Сибирской железной дороги, Фонда им. Императора Александра III, Главного переселенческого управления сибирскому крестьянству была недостаточной и организованной не всегда лучшим образом, но всё же значимой. Для многих сельчан именно она определяла способ и уровень приобщения к общей грамоте, основам вероучения, достижениям научной и опытной агрономии.

Массовый приток мигрантов порождал вписывающуюся в общую задачу социализации, но специфическую для колонизируемой окраины проблему необходимости «осибирячивания» новоселов – их адаптации к новой и весьма своеобразной природной, социальной и культурно-информационной среде. Без такой адаптации было бы невозможным механическое пополнение населения Сибири, без нее не происходило бы и воспроизводство тех «качеств» (свойств) этого населения, которые позволяли некоторым исследователям ставить вопрос о существовании особого этнического типа русских сибиряков.

2.3. Правовые и политические условия

Очень важное место среди социальных факторов физического и социокультурного возобновления сельского населения Сибири занимают факторы политико-правовые. Дело в том, что правительство и местные органы государственного управления, церковные власти выступали в изучаемую эпоху в качестве основных субъектов демографической и образовательной политики. Они активно стремились регулировать эти сферы общественной жизни, обычно исходя из своих классовых и конфессиональных интересов, но иногда поднимаясь и до осознания интересов общенациональных и общегосударственных.

Самым непосредственным образом демографическое поведение крестьян регулировало **семейно-брачное законодательство** России. Еще с 1830 г. на протяжении всей изучаемой эпохи действовал закон, разрешавший священникам венчание браков только с родительского благословения и по достижении женихами 18, а невестами – 16 лет². В редких случаях «благословенные» союзы венчали по особому разрешению епархиальных властей и в более ран-

¹ Кауфман А. А. К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам // Путь-дорога: науч.-лит. сб. ... СПб., 1893. С. 519.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1831. Собр. 2. Т. 5. Отд. 1, № 3807. С. 740.

нем возрасте, а без благословения родителей или заменявших их лиц можно было венчаться лишь по достижении гражданского совершеннолетия в 21 год. Совсем не допускалось освящение четвертого брака, союза духовных родственников и лиц, состоявших в близком кровном родстве, действовали запреты на браковенчание в периоды постов, в дни накануне религиозных и гражданских праздников. В основе гражданского законодательства в данном случае лежали церковные установления. В своем брачном поведении православные волей или неволей должны были с этими установлениями и законами считаться, и календарное распределение браков в году, распределение брачившихся по возрасту складывалось под их существенным влиянием.

Однако конкретные демографические и хозяйственные обстоятельства жизни крестьянского двора, события личной жизни иной раз вызывали необходимость нарушений закона: женитьбы молодых в более раннем возрасте, устройства свадьбы «не в срок» и т. д. Это могло приводить людей к осложнениям во взаимоотношениях с церковным клиром и общественным мнением деревни. Распространялись невенчанные консенсуальные браки – временные (до последующего повенчания в подходящий срок) или постоянные, дети от которых были ущемлены в гражданских правах.

Помимо законных, в руках недобросовестных клириков находились и «теневые» рычаги воздействия на демографическую ситуацию. Из-за злоупотреблений причта, требовавшего непомерно большую плату за требоисправление, браки бедноты в деревнях нередко не оформлялись венчанием, иные не состоялись вообще. За взятки венчались иногда малолетние или родственники и т. д. В одном 1910 г. в Енисейской епархии за проступки, связанные с неправильным повенчанием браков и крещением детей (вымогательство денег, венчание несовершеннолетних и лиц в родстве, без соблюдения необходимых формальностей, неправильное ведение метрической и обыскной книг и др.) было наказано церковными властями, по нашим подсчетам, не менее 14 священников¹.

Браки старообрядцев, не оформленные венчанием и записью в метрическую книгу православной или единоверческой церкви, приобретали законную силу в глазах государства только после записи их в особые волостные книги, подконтрольные властям. Поскольку многие староверы записываться в «антихристовы» книги не считали возможным, их браки, даже самые прочные, законными не являлись. Не признавались законнорожденными дети от этих браков.

Гражданское законодательство России, также на основе церковных установлений, лишь в очень редких случаях допускало брачные разводы. С одной стороны, на этой основе существовало общее ощущение стабильности, правовой защищенности брака и семьи, без чего стало бы затруднительным бытование традиции многодетности. Но, с другой стороны, те брачные пары, что уже фактически распадались (со временем таких становилось все больше), не могли официально оформить свой развод. В семьях, существующих на их основе, вызревала обстановка постоянной психологической напряженности и конфликтов, затруднявшая осуществление и демографической, и социализирующей, и прочих семейных функций. Закономерными становились половые связи супругов «на стороне», а также отклоняющееся поведение подростков, выросших в таких семьях.

Религиозные христианские правовые нормы предусматривали необходимость сохранения супружеской верности. Не допускалось сознательное регулирование рождаемости, ибо деторождение есть дар Божий, и для настоящего верующего считалось противоестественным вмешательство в это таинство. Жизнь верующего в полном соответствии с заповедями, соблюдение поста телесного и духовного в то же время налагали определенные половые ограничения. Необходимым считалось воздержание во время Великого поста, но также и Рождественского, Петрова, Успенского постов, еженедельно по средам и пятницам, по великим праздникам, включая воскресные дни, – всего приблизительно в течение 200 дней в году. Относительно равномерное распределение рождаемости по месяцам года, частые сетования

¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2387. Л. 29–38.

клириков Сибири на безнравственное поведение деревенской паствы свидетельствуют о том, что указанные предписания соблюдались не очень строго.

Положения 19 февраля 1861 г., знаменовавшие утверждение капитализма в России в качестве господствующей системы общественных отношений, в частности, закладывали основу правового регулирования как демографических аспектов общинной и семейной жизни, так и миграционного поведения крестьян в новых условиях. Статья 21 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» формально провозглашала принцип гражданской правоспособности крестьян: на них распространялись отныне «общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных»¹. Однако если внимательно взглянуть в конкретные правовые нормы реформы 1861 г., обнаружится множество ограничений и исключений из провозглашенного принципа. Так, право раздела семейного домохозяйства ставилось в зависимость от разрешения сельского схода; немало спорных вопросов, влиявших на воспроизводство населения, передавалось в юрисдикцию сугубо сословного учреждения – волостного суда, и т. д. В большинстве своих личных и общественных дел российский крестьянин был поставлен под контроль административных лиц, и таким образом мог продолжаться тот чиновничий бюрократический произвол, что сформировался еще в предшествующую феодальную эпоху.

Крестьянская реформа явилась значительным рубежом в создании правовых предпосылок массового переселенческого движения на восток, характерного для эпохи капитализма. Н. М. Ядринцев еще в 1880-х гг. четко сформулировал взгляд на 19 февраля 1861 г. как на этапный момент в мотивировании и организации переселений в Сибирь².

На востоке России реформирование системы «государственного феодализма» растянулось на длительный срок. Быстрее всего было изменено законодательное регулирование образа жизни бывших приписных крестьян и мастеровых. Мастерские кабинетских предприятий, значительная часть которых теперь пополнила собою алтайское и забайкальское крестьянство, получили возможность свободнее решать вопросы вступления в брак, семейного раздела, миграции и др. Распространение на кабинетские земли в 1860-х гг., на государственные в 1880-х гг. той части «Общего положения...», в которой определялись структура и права деревенского самоуправления, затем оформление системы казенных и кабинетских крестьянских учреждений, землеустроительная кампания – важные вехи, определившие сочетание чисто административных и экономических методов регулирования людности и структуры семейного домохозяйства сибирских крестьян при капитализме.

Авторитетные источники свидетельствуют: «... забота о крестьянском населении была последней задачей правительства; основной – поддержание престижа власти»³, и реальные проблемы развития народонаселения не находили разрешения годами и десятилетиями. Разумеется, в деятельности конкретных чиновников можно найти примеры противостояния господствующей тенденции, заботливого отношения к нуждам жителей. Так, крестьяне Алтайской волости Бийского округа Томской губернии долго «с приятным чувством» вспоминали мирового посредника Мамонтова, который в 1860–1870-х гг. боролся со «всевозможными безобразиями», творимыми властями над старообрядцами. Мамонтов добился, например, отмены распоряжения генерал-губернатора Западной Сибири о насильственном расторжении «раскольничьих» браков, не признаваемых официальной православной церковью и государством⁴.

В пореформенный период в политике светских и церковных властей господствовало стремление законодательно и административно регулировать и ограничивать инициативу и права сельчан. Законодательства о семейных разделах, об опеке, о паспортах в совокупности с со-

¹ Российское законодательство X–XX вв. М., 1989. Т. 7. С. 40.

² Протоколы заседания отделения статистики [ВСОРГО] // Изв. / ВСОРГО. 1888. Т. 20, № 4. С. 68.

³ Вейсман Р. Л. Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 27. См. также: Зинин Н. К. Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895. С. 171; Крестьянский кризис // ВО. 1884. 30 авг.; и др.

⁴ Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае // Север. вестн. 1890. № 9. Отд. 2. С. 41, 63–64, 73.

хранением сословного неравноправия крестьян и других феодальных пережитков означали закрепление зависимости личности, частной и гражданской жизни крестьянина не только от чиновника, но также от сельского и волостного общества, от домохозяина, главы семьи. Сельчане, особенно женщины и несовершеннолетние, по существу не были свободны в передвижении и определении места своего жительства, в создании самостоятельной семьи и т. д.

В конце имперского периода, особенно в годы столыпинских реформ, развитие буржуазного правового начала потребовало переносить центр тяжести в регулировании образа жизни крестьян с чисто административных на экономические меры, больше внимания уделять личным правам граждан. Проявлением этой тенденции можно считать законодательные акты начала XX в. об улучшении положения незаконнорожденных детей, о веротерпимости, освобождении семейных разделов от санкции общества, об облегчении выхода совершеннолетних крестьян из общества и получения временных отлучек по паспортам и др. 12 мая 1914 г. был утвержден закон, в силу которого замужние женщины имели право получать отдельные виды на жительство, не испрашивая на то согласия своих мужей. Следствием этого явилось усиление эмансипации женщин и молодежи в семейном быту, активизация процесса фактического распада части браков, усиление долгосрочных и сезонных миграций женской рабочей силы в города¹. После Февральской революции 1917 г. власти приняли меры к облегчению формальных разводов.

В богатой литературе об аграрной политике царизма в Сибири подробно анализировалось **переселенческое законодательство и особенности его применения**, что освобождает нас в данном случае от этой обязанности. Отметим лишь некоторые его особенности, самым непосредственным образом сказывавшиеся на демографическом поведении аграрных мигрантов, на людности и внутренней структуре их семейного домохозяйства.

Переселенческое законодательство на всем протяжении второй половины XIX – начала XX в. уделяло большое внимание величине и составу переселявшихся семейств. До начала Столыпинской аграрной реформы разрешение на переселение в Сибирь могли получить преимущественно крестьяне с «достаточным» имущественным и семейным положением («много-рабочие»), которые сравнительно в меньшей степени нуждались в помощи казны для своего устройства на новых местах. Так, циркуляр Переселенческого управления от 20 января 1897 г. предписывал местным властям «наблюдать, чтобы не выселялись семьи, кои по малочисленности состава или по бедности не могут рассчитывать на успешное устройство своего быта в Сибири»². С 1906 г. контроль администрации в этой сфере несколько ослаб, однако власти не раз подтверждали требование, чтобы семьи мигрантов обладали «достаточным составом»³.

Однако политику администрации в изучаемом вопросе следует признать противоречивой. С одной стороны, она способствовала искусственному созданию крупных семей, приостанавливала назревшие семейные разделы. С другой же стороны, поскольку ссуды переселенцам выдавались на каждого отдельного домохозяина, а не на общее количество его «домашних», в конце XIX – начале XX в. получило распространение искусственное дробление семейств перед отъездом с целью получения нескольких ссуд. Оно усилилось в годы революции 1905–1907 гг. и после нее, когда чиновники, заинтересованные в подавлении революционного движения, «без всякого смысла стараются сбыть в Сибирь беспокойные элементы, не заботясь о последствиях», – как писал один видный переселенческий чиновник⁴, и часто закрывают глаза на «малосемейность» мигрантов.

Попытки властей жестко регулировать поток переселенцев бюрократическими методами, неэффективность переселенческой политики обусловили появление многочисленной категории «самовольных» мигрантов. До издания закона 6 июля 1904 г. «самоволец» – это пересе-

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 84, II отд., 3 ст. Д. 254. Л. 1–52.

² Цит. по: Ямзин И. Л. Переселенческое движение... С. 30.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 286. Л. 3–5; Переселение из Черниговской губ. в 1909–1911 гг. Чернигов, 1913. С. 14–15; и др.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 659. Л. 108, 135.

ленец, идущий за Урал без разрешения властей; по этому закону – тот, кто переселялся без проходного свидетельства, не имея права на льготы и на землю, нужную для поощряемых «законных» мигрантов. Особенности правового статуса «самовольных» и «законных» переселенцев, как и переселенцев вообще, обусловили существенные отличия демографического поведения двух основных категорий мигрантов.

Кроме вольного переселения, значение которого постоянно увеличивалось, некоторое воздействие на воспроизводство сельского населения Сибири оказывала **принудительная ссылка, политическая и уголовная**. Мало того, что институт ссылки сам по себе предполагал невысокую степень брачности невольных поселенцев, для категории ссыльно-рабочих браки в Сибири были затруднены законом. По единодушному указанию множества источников, «бессемейность» ссылки, во-первых, оказывала «развращающее влияние» на здоровье и нравственность крестьянской среды (пьянство, внебрачные связи и семейные раздоры, венерические заболевания). Во-вторых, она создавала специфическую основу для распространения незарегистрированных браков, обычно бездетных или малодетных, потому что многие ссыльные вышли из молодого возраста¹. Однако следует учитывать тот факт, что роль ссылки в физическом воспроизводстве сельского населения региона не могла быть слишком значимой, ни с точки зрения естественного прироста (вследствие малодетности среды ссыльно-поселенцев), ни с позиций механического прироста – из-за небольшой относительной численности этой категории жителей Сибири².

Среди отраслей права, существенно повлиявших на воспроизводство сельского населения, следует назвать **военное законодательство**, регулировавшее порядок отбывания воинской службы в мирное время казаками и крестьянами, а также масштабы мобилизации во время военных действий. До 1874 г. набор рекрутов из крестьянской среды означал уход из селений почти на весь репродуктивный период части молодых мужчин, с соответствующими негативными последствиями для структуры рабочей силы, брачности и рождаемости населения. После военной реформы призывы влияли в основном на брачный возраст мужчин, искусственно повышая его: парни старались не жениться до возвращения со службы, которая длилась чаще всего шесть лет. В среде казачества регулярные и длительные военные сборы, на которые собирали служилый состав войска (мужчины в возрасте 18–38 лет) были одной из причин относительно невысокого естественного прироста казачьего населения. Они сказывались также на годовом распределении зачатий и рождений, поскольку проходили обычно летом.

В военные годы по мобилизации в армию уходила очень большая часть молодого и наиболее активного в брачном и репродуктивном отношении мужского населения. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., призванные в годы Первой мировой войны мужчины почти повсеместно в селениях Сибири составляли половину и более мужчин рабочего возраста³. Этот фактор в совокупности с другими (ухудшение питания, резкое усиление интенсивности труда остававшихся в деревне женщин, подростков и стариков, рост заболеваемости и др.) определял заметное ухудшение на периоды массовых мобилизаций всех показателей воспроизводства населения. Особенно это относится к 1904–1905 и 1914–1917 гг.

В годы Первой мировой войны, которые мы рассматриваем как особый период в истории воспроизводства сельского населения, в состав последнего вошли две неизвестные ранее категории – беженцы и военнопленные. В связи с началом войны в августе 1914 г. был принят закон о **запрещении выработки и продажи крепких спиртных напитков**. Действие закона

¹ Ремезов А. И. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 33–35; Россия: полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб., 1907. Т. 16. С. 226; Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в 11 приходах за 23 года (1869–1891). М., 1898. С. 9; и др.

² Соловьёва Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 214–226.

³ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 72, 84.

первоначально распространялось на период мобилизации, а затем было продлено на все время войны. Воспрещено было и домашнее изготовление водки, но не слабых алкогольных напитков. Влияние «сухого закона» тоже нужно учитывать при характеристике образа жизни сибирского крестьянства. Массовое анкетирование, проведенное акцизным управлением Енисейской губернии в августе-сентябре 1916 г., в частности, показало: «... на здоровье населения действие запретительной меры, несмотря на ее кратковременность, отразилось благотворно, и все болезни, связанные с употреблением алкоголя, уменьшились»¹. Интересно отметить, что в предшествующие годы ограничение продажи спиртного в деревнях Сибири также применялось некоторыми ведомствами и местными властями в контексте решения проблем переселенческого движения, в качестве профилактического мероприятия во время распространения эпидемий, в борьбе с усиливавшимися проявлениями дезорганизации общественной и семейной жизни.

Обратимся теперь к общественно-правовым условиям социального возобновления населения, состояние которых в целом можно оценить как неблагоприятное. В Сибири второй половины XIX – начала XX в. сохранялись **пережитки «государственного феодализма»**, в том числе в надстройке – в системе административного управления деревней, в правовом положении крестьянства и недооценке его культурных потребностей, в политике самодержавия в сфере просвещения и нравственного воспитания². Приведем лишь один яркий пример ущемления личных прав крестьянина, его нравственного угнетения. По данным мирового судьи Е. Г. Шольпа, в период 1883–1890 гг. 12,5 % взрослого крестьянского мужского населения Красноярского округа Енисейской губернии было выпорото волостными судами, что составило 35,6 % всех подвергнутых наказанию в этих сословных судах³.

Обстановка сословной обособленности и бесправия, личной зависимости крестьянина от домохозяина и «мира», а последнего – от казенного и кабинетского начальства и полиции препятствовала саморазвитию личностных качеств у молодого поколения, не располагала к проявлению индивидуальной и общественной инициативы, самостоятельности в народно-педагогической и обычно-правовой областях, как и в прочих сферах образа жизни.

Одним из ярких примеров подавления народной инициативы была борьба светской и духовной администрации с «вольными» школами. «Вольные», или «домовые», «домашние» школы издавна создавались в селениях России самими крестьянами для первоначального обучения детей грамоте; они являлись неформализованным институтом. Такие школы при их правовой, материальной, кадровой и методической поддержке могли бы стать эффективной составной частью общественной педагогической системы, альтернативной государственной системе. Однако у членов комиссии по народному образованию Сибирской парламентской группы были все основания констатировать в 1908 г., что усилиями властей деревенские вольно-народные школы разрушаются⁴. В первые пореформенные десятилетия домовые школы фактически не имели возможности легализоваться и существовать открыто. В последующий период в них преследовалось преподавание ссыльных, составлявших значительную часть учителей. На эти школы предпринимали гонения по причине их успешного конкурентирования с официальными училищами и слабой подконтрольности. Понятно, почему один из учителей Минусинского округа Енисейской губернии, доказывая в газетной корреспонденции 1886 г., что крестьяне жаждут духовной пищи и просвещения, вынужден был констатировать: «... политические условия так обставили это последнее, что обыватели... должны просвещаться украдкой»⁵.

¹ [Юрьев А. Я.] Как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения Енисейской губ. Красноярск, 1916. С. 26.

² Подробнее см.: Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 264–276.

³ Шольп Е. Г. Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. в сравнении с губерниями земскими. Красноярск, 1903. С. 9.

⁴ В Сибирской парламентской группе // Сиб. вопр. 1908. № 6. С. 38.

⁵ Причины сибирского застоя // Сибирь. 1886. 16 февр.

Официальное законодательство имеет еще один аспект, чрезвычайно значимый для судеб школьного дела на востоке России. **Обязанность нести основные денежные и прочие материальные затраты** на содержание в селениях образовательных и воспитательных учреждений была возложена на сельские и волостные общества крестьян. Одновременно общества могли выступать инициаторами открытия или реорганизации таких учреждений, принимать участие в заведовании ими через своих представителей, через официальные комиссии (школьные, библиотечные и пр.)¹. Активность крестьянства в таких делах «направлялась» и строго регламентировалась администрацией, но всё же роль «мира» в деле развития народного образования в сибирской деревне со временем усиливалась и в целом должна быть признана выдающейся. В частности, меры по улучшению материальной и кадровой базы просветительской сети проводились властями почти исключительно за счет соответствующего увеличения местных мирских повинностей, как натуральных и отработочных (строительство школьных зданий и пр.), так и денежных.

По данным исследователя К. К. Кокоулина, в середине 1890-х гг. в Киренском округе Иркутской губернии в общей сумме мирских сборов школьные расходы составляли по различным волостям от 5,3 до 18,5 %. На одну мужскую душу в год расходы на школу из местных сборов колебались от 17 до 167 к., составляя в среднем по округу 36 к.² Такие сами по себе небольшие суммы были все же больше средств, вкладывавшихся в развитие образовательной сети казной.

Конечно, светские и духовные власти России предпринимали определенные усилия для развития сети народного образования и нравственного воспитания в сибирских селениях. Однако политика в этой области характеризовалась довольно узкой классовой направленностью, идейной реакционностью, бюрократизмом, практической неэффективностью. Собирая с крестьян в виде различных податей и платежей миллионные суммы, царизм почти ничего из них не оставлял на нужды просвещения и культуры Сибири. Томский губернатор, например, из года в год в своих отчетах вынужденно констатировал: «Самые безотлагательные, самые насущные нужды населения – именно более совершенное устройство медицинской части в губернии, лучшая организация административных и судебных учреждений, наконец, распространение народного просвещения – остались... незатронутыми, неудовлетворенными»³.

Это написано в 1870-х гг., но со временем мало что менялось. По официальным данным за 1897–1898 гг., на нужды начального образования казна выделяла в разных сибирских губерниях и областях от 0,05 до 1,6 к. в год на душу населения, что было «очень незначительно и крайне недостаточно»: содержание относительно благоустроенной одноклассной школы обходилось в это время в Восточной Сибири не менее чем в 600 р., двухклассной – в 1200 р. ежегодно, в Западной Сибири – несколько дешевле⁴. В начале XX в. расходы из местных («земских») бюджетов на народное образование по Западной Сибири составляли мизерную сумму в 8–12 к. в год на одного жителя, на медицинское обслуживание – 13 к., или в два-три раза меньше по сравнению с Европейской Россией⁵.

Еще в начале изучаемой эпохи Н. М. Ядринцев пришел к выводу: «Губернская и особенно земско-полицейская администрация бессильна совладать со многосторонними земскими нуждами, она не может ни содействовать грамотности и просвещению, ни помочь народному здравью, ни регулировать повинности»⁶. Этот вывод в его основе можно считать справедливым и в последующие периоды. На Сибирь до лета 1917 г. не была распространена земская

¹ Ежегодник внешкольного образования / под ред. В. И. Чарнолуцкого. СПб., 1910. Вып. 2. С. 134–135.

² Подсчитано по: Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ. Иркутск, 1895. С. 43 (табл. 17).

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 10–11, 118–119; и др.

⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1885 г. 1887. С. 185–186; Куломзин А. Н. Потребности начального образования... С. 32–34; и др.

⁵ Сборник о земстве в Сибири: материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. С. 101.

⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. СПб., 1882. С. 363.

реформа, и это означало, что здесь не существовало общественного школьного и медико-санитарного дела, ставшего с середины 1860-х гг. в Европейской России при всех его недостатках наиболее продуктивной формой развития народного образования и здравоохранения. В 1907–1908 гг. МНП взяло курс на введение всеобщего начального обучения в России в течение 10 лет, но эта задача вряд ли была выполнимой на неземских окраинах. Ежегодный прирост доли грамотных в сельском населении Томской губернии, например, составлял в период 1897–1917 гг. всего около 0,5 %¹.

Неслучайно поэтому буржуазно-либеральные и просто демократически настроенные общественные круги связывали надежды на подъем учебного и санитарно-медицинского дела на окраинах с необходимостью введения здесь земства. Некоторые выработывавшиеся в Сибири, в том числе с участием представителей крестьянства, проекты местного земского дела шли дальше Положения 1 января 1864 г. о губернских и уездных земских учреждениях, предоставляя более широкие полномочия выборным земским органам. Леворадикальные же партии и организации перспективу полного удовлетворения права трудящихся на образование и воспитание, а тем более формирования «нового человека» тесно увязывали не с буржуазно-демократическими реформами, а с коренным переустройством всего общественного строя страны в результате социалистической революции.

Еще одним специфическим политико-правовым «наследием» предшествующей эпохи в Сибири являлась **ссылка – уголовная и политическая**, практиковавшаяся до Февральской революции 1917 г. Серьезные исследователи отмечали, что ссыльное население влияет «весьма сильно на многие стороны жизни коренного населения, видоизменяя прежнюю жизнь, распространяя и внося в нее различные и часто совершенно чуждые ей элементы из своей жизни, которые, смотря по развитию пришельцев, принесут или пользу, или вред населению во многих отношениях»². Независимо от намерений законодателя ссылка, таким образом, выступала, наряду с переселенческим движением, в качестве канала, по которому в относительно «застойную» жизнь сибиряков проникали инновации как позитивного, так и негативного свойства.

Почти однозначно негативным было воздействие уголовной ссылки на социализацию подрастающих поколений крестьян-сибиряков. Правда, значение этого фактора не стоит преувеличивать: даже в Восточной Сибири, где ссылка была наиболее многочисленной, она давала в конце XIX в. в среднем приблизительно 2,5 % оседлого населения, хотя местами доходила до 7–8 %³. Прочные связи «варнаков» с державшимися настороже местными жителями складывались нечасто. Однако многие источники в значительной степени именно с развращающим влиянием ссыльных уголовников, в том числе занимавших влиятельную должность сельского писаря, связывают рост тунеядства, жестокосердия, пьянства, воровства, «кляузничества» и страсти к «ябеде», половой распущенности в молодежной среде Сибири⁴.

Роль политической ссылки была гораздо сложнее, в ней преобладали позитивные моменты. Источники фиксируют немало экономических, обычно-правовых, культурных новшеств, внедрение которых в селениях Сибири связано с «просачиванием» сосланных.

Для темы нашего исследования особенно значимо активное участие ссыльных в просвещении населения, главным образом в качестве учителей домовых училищ и школ грамоты. Педагогическая деятельность «политиков» была в течение почти всего изучаемого периода запрещена законом, но фактически запрет нарушался при частном преподавании, которое было трудно контролировать властям. Что касается уголовных, то притеснения их препода-

¹ Соловьёва Е. И., Зверева К. Е. Образовательный уровень крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 87; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 329.

² Ремезов А. И. Указ. соч. С. 33.

³ Воробьёв В. В. Формирование населения Восточной Сибири: географические особенности и проблемы. Новосибирск, 1975. С. 185.

⁴ ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 500. Л. 6–7; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 33–34; Оп. 13. Д. 1221. Л. 7; Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2, вып. 2. С. 253, 260–261; и др.

вательской деятельности (индивидуальной и в домовых школах) не были столь же строгими; в условиях кадрового «голода» на нее часто закрывали глаза. И всё же с 1890-х гг., а особенно после революции 1905–1907 гг. в среде ссыльных, занимавшихся преподаванием в селениях, возросла доля более образованных и развитых «политиков», и исследователи отмечают, что в связи с этим заметно поднялся уровень учебно-воспитательной работы в вольных училищах¹. Наиболее образованные и подготовленные из ссыльных сделали многое для развития внешкольной просветительной сети – для превращения местных музеев в центры культурно-просветительной работы среди населения, для становления и развития сибирской прессы и т. д.² Революционные народники в 1870-х – середине 1890-х гг., а позже социал-демократы, эсеры, политссыльные других направлений зачастую становились не просто учителями, журналистами, музейными и научными работниками, но также использовали свое положение для политического просвещения населения и революционной пропаганды, эффективнее всего воздействовавшей на молодежь.

В воспоминаниях и автобиографиях активных участников революционного движения в Сибири, выходцев из деревенской бедноты зачастую встречаются указания, что именно общение мемуариста в юности с политссыльными его «очень многому научило», «оказало большое влияние, как в культурном, так и в политическом отношении», «перевернуло мировоззрение»³.

Безусловно, признавали, но оценивали со своих позиций социализирующую роль ссылки в Сибири чины светской и духовной администрации. В концентрированном виде взгляды церковных архипастырей на этот счет выражены в отчете о состоянии Иркутской епархии за 1913 г.: ссыльные, «субсидированные своими “товарищами” и правительством, поселяются среди мирных крестьян и расклеивают их семейное и общественное счастье. Проповедуя, что Бога нет и надо жить в плоти, они тлетворно влияют на простой народ, который не может разобраться в их бреднях, часто с внешней стороны приправленных красивыми фразами о любви, равенстве и братстве. <...> Правда, их пропаганда среди возмужалых вперед продвигается пока еще туго, но поколение молодое заметно ей поддается, и вот расшатывается мирная жизнь, сеется вражда и недовольство»⁴. Результативность антиправительственного и атеистического воздействия ссыльных на крестьянскую молодежь с тревогой отмечается в отчетах Иркутской епархии за 1906 г., Тобольской епархии за 1910 г., иркутского губернатора за 1908–1909 гг., тобольского губернатора за 1912 г. и во многих других случаях⁵.

В тех же направлениях воздействовали на мировоззрение молодого поколения крестьян подъем общественного движения в России начала XX в., особенно события 1905–1906 и 1917 гг., деятельность в селениях леворадикальных революционных организаций. Глава Забайкальской епархии отмечал в отчете за 1910 г.: «Недавняя смута (Первая русская революция. – В. 3.) произвела разрушающее действие как на веру и православность, так и на порядок семейной и общественной жизни. Открытое кощунство, даже богохульство, расстройство в семейной жизни, непочитание детьми родителей, ослабление престижа власти – вот плоды, оставленные в обществе днями свободы»⁶. В этих словах, несмотря на их очевидную тенденциозность, зафиксированы оба ведущих аспекта влияния революционных событий и пропаганды на традиционную систему социализации сельской молодежи: 1) инициирование назревшего коренного изменения данной системы как части уже устаревшего «порядка се-

¹ Шамахов Ф. Ф. Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 105.

² Подробнее см.: Ушакова Л. А. Культурно-просветительская роль ссыльных народников в Сибири (70-е – середина 90-х гг. XIX в.). Новосибирск, 1986; Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). Иркутск, 1984.

³ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 425. Л. 3; Д. 458. Л. 1; Ф. 393. Оп. 5. Д. 228. Л. 67; Д. 287. Л. 9; Д. 469. Л. 1; НГПУ. Д. 3. Л. 21; Рютин М. Н. На колени не встану. М., 1992. С. 52–55; и др.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2580. Л. 11–12.

⁵ Там же. Д. 2090. Л. 25; Д. 2389. Л. 7–8; Д. 2423. Л. 17–18, 27; Д. 2580. Л. 12; Ф. 12. Оп. 194. Д. 55. Л. 25–26; Д. 60. Л. 3.

⁶ Там же. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2388. Л. 11–12.

мейной и общественной жизни»; 2) дезорганизация вообще процесса социализации как такового, поскольку взамен устаревших его элементов революционеры ничего реального и равноценного создать не могли.

В годы Первой мировой войны и назревания общенационального революционного кризиса в политической жизни страны формируется ряд новых факторов, заметно сказавшихся на социализирующем поведении крестьянства (элементы этих факторов проявлялись ранее во время Русско-японской войны и Первой русской революции).

Во-первых, резко усилилось значение политического образования и самообразования трудящихся, которое шло преимущественно по неформальным и даже нелегальным каналам. Всеми доступными способами вели политическую агитацию и пропаганду в деревне большевики, и их позиции были прочнее всего среди бедняцкой молодежи. Боролись за влияние на крестьянство мелкобуржуазные и буржуазные партии, часто используя легальные просветительские организации. Царизм силами ведомств православного исповедания и просвещения через церковные проповеди и народные чтения, библиотеки-читальни пытался противостоять складыванию политической армии буржуазно-демократической и социалистической революций, усилить влияние монархической, клерикальной и националистической идеологии в российской деревне¹. Таким образом, сфера социализации молодежи стала ареной острейшей политической борьбы.

Во-вторых, революционные и военные события резко усилили потребность деревни в грамотных людях. «Грамотеи» помогали своим односельчанам разобраться в происходящем по газетам, брошюрам, прокламациям. Кроме того, они становились связующим звеном между мужчинами, призванными на действительную службу в армию, и оставшимися дома их родными и близкими – писали и читали письма. Потребность эта реализовалась в основном за счет обучения грамоте детей.

Определенное позитивное воздействие на культурные запросы крестьянства оказало также запрещение казенной продажи крепких алкогольных напитков в России в 1914 г. Сокращение пьянства, по крайней мере, в первые месяцы войны высвободило дополнительное время и средства сельчан на воспитание детей, на чтение книг и газет. Временно уменьшились масштабы проявления отклоняющегося поведения молодежи. Отвечая в сентябре 1916 г. на вопрос анкеты акцизного управления Енисейской губернии о том, «как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения», 88,6 % респондентов отметили явное уменьшение хулиганства и «буйства», 87,9 % – сокращение семейных раздоров и неурядиц, 85,7 % – краж, грабежей и убийств, 87,0 % – пожаров². К сожалению, свертывание антисоциальных форм отклоняющегося поведения молодых людей не стало в дальнейшем устойчивой тенденцией.

2.4. Культурологические и информационные условия

В настоящем разделе речь пойдет о состоянии таких факторов воспроизводства населения, которые в некоторых своих проявлениях детерминировали демографическое поведение сельчан «извне» (объективно), а в иных своих аспектах были включены в субъективную сферу. Во втором качестве они опосредовали воздействие внешних природных, социальных, информационных условий, делали поведение личности и социальных групп отно-

¹ Косых Е. Н.: 1) К истории внешкольного образования в сибирской деревне (август 1914 – февраль 1917 г.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 65–75; 2) Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири: очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1989. С. 114–118.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1914 г. Пг., 1916. С. 86; [Юрьев А. Я.] Как отразилось запрещение... С. 26–40.

сительно автономным от этих условий. Мы начнем с анализа состояния и степени доступности для крестьянства и казачества квалифицированного медицинского обслуживания, а также уровня и специфики развития народной соционормативной, медико-санитарной культуры и культуры питания.

От **состояния медицинской и санитарной служб** в селениях в сильной степени зависели профилактика и лечение заболеваний, а в связи с этим – качество физического развития и здоровья населения, показатели его смертности и естественного прироста во всех возрастах, в том числе в детском и юношеском, рабочем и одновременно детородном, а также в старческом.

Сеть медицинских учреждений, специально предназначенных для обслуживания деревенских жителей Сибири, в изучаемую эпоху делилась на три части по ведомственной принадлежности: сельскую, переселенческую и казачью. Сельская медицина была подведомственна Министерству внутренних дел. Она начала складываться на востоке страны в 1865–1869 гг. и к концу 1880-х гг. включала окружных (уездных) врачей и двух-трех фельдшеров при каждом из них, а в некоторых районах – также волостных фельдшеров, лекарских учеников, сельских повитух и оспопрививателей, что было крайне недостаточным.

Этапными стали законодательные акты 1896–1897 гг. (для Забайкалья – 1901 г.), согласно которым «Сибирь получила некоторое подобие рациональной медико-санитарной организации для сельского населения»¹. При врачебных отделениях губернских и областных управлений состояли теперь врачи для командировок, а все уезды подразделялись на сельские врачебные участки, в штат которых входили участковый врач, фельдшеры, акушеры, оспопрививатели. На каждом участке предполагалось создание сельской лечебницы на 6–10 коек. Кроме стационарного лечения, медицинские работники обязаны были оказывать помощь во время разъездов по участку по вызовам сельских и волостных правлений.

Законодательство предписывало сельским и волостным обществам крестьян в основном на свои средства содержать сельские медицинские учреждения и их персонал. Соответствующие расходы составляли часть мирских повинностей. Дополнительно общества могли устраивать и содержать особые приемные покои с фельдшерами при них. С конца XIX в. развитие деревенской медицинской сети в Сибири ускорилось также за счет расширения штатов и благодаря появлению переселенческой медицинской организации.

Зачатки переселенческой медицины можно усмотреть в деятельности некоторых земств Европейской России, командировавших иногда своих медиков для сопровождения переселенческих партий. В местах большого скопления мигрантов в летние периоды в начале 1890-х гг. работали также сибирские временные санитарные отряды из командированных врачей и студентов-медиков². В связи с нарастанием миграционного потока, начиная с 1893 г., на линии железной дороги и главных водных путях стала возникать сеть врачебно-питательных, врачебно-амбулаторных, врачебно-остановочных и фельдшерских обсервационных пунктов, судовых врачебных и фельдшерских пунктов, санитарных вагонов.

Для обслуживания новоселов на местах поселения Министерство земледелия в начале XX в. стало оборудовать врачебные и фельдшерские пункты со специальными больничными помещениями. В связи с общей слабостью развития медицинской сети переселенческие учреждения вскоре вынуждены были взять на себя обслуживание не только мигрантов, но и местного старожилородного населения. Оставаясь в ведомстве Переселенческого управления, с 1910–1912 гг. переселенческие медицинские пункты были включены в общую сеть сельских врачебных участков Сибири.

Медицинское и санитарное дело в Сибирском и Забайкальском казачьих войсках было подчинено военно-санитарному ведомству. В неслужебное время казачье население могло пользоваться также услугами медицинских учреждений гражданских ведомств. Вообще медико-санитарное обслуживание в казачьих станицах и поселках развивалось успешнее, чем в

¹ Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Указ. соч. С. 141.

² Ядринцев Н. М. Народно-медицинская помощь и санитарные отряды в Сибири // Рус. ведомости. 1892. 11 июля.

крестьянских селениях Сибири на всем протяжении изучаемой эпохи¹. В годы Первой мировой войны в Сибирском казачьем войске приступили к созданию своей медицинской организации и даже сумели расширить ее путем мобилизации врачей из запаса. В целом же медицинское обслуживание сельского населения Сибири в 1914–1917 гг. резко пошло на спад из-за той же мобилизации. Большинство мужчин-врачей и фельдшеров было уволено с гражданской службы и отправлено в действующую армию, хотя с наплывом в Сибирь беженцев и пленных здесь ухудшилась эпидемическая обстановка.

Отмечая определенный прогресс медицинской сети в селениях, следует указать на ряд пороков «казенной» медицины, затруднявших эффективное осуществление обязанностей по профилактике и лечению заболеваний, санитарно-гигиеническому просвещению населения Сибири. Это бюрократический характер организации дела, крайне недостаточное его финансирование и материальное обеспечение, плохая оснащенность кадрами на всех уровнях, преобладание разъездной и фельдшерской медпомощи над стационарной врачебной, слабая увязка с народно-медицинской практикой местного населения². В результате множество деревенских жителей Сибири просто никогда не видело врачей, «не знало фельдшеров, старалось обходиться своими средствами; в селах... пышно расцветало знахарство, и десятки тысяч несчастных больных мучились, болели, калечились и умирали или выздоравливали без всякой врачебной помощи», – так свидетельствовал один из авторитетных очевидцев-врачей³.

В 1890-х гг., согласно отчетам наказного атамана, на территории Сибирского казачьего войска обращалось к официальному медицинскому обслуживанию немногим более 20 % населения⁴. В крестьянских местностях положение было гораздо хуже. В отчете по Томской губернской врачебной управе за 1882 г. значилось около 49 тыс. больных, получивших врачебную помощь. Между тем местные статистики считали, что всего больных в губернии в этом обычном году могло быть не менее 420 тыс.⁵

По примерным подсчетам доктора Н. А. Вигдорчика, обработавшего учетные карточки за 1898–1902 гг., медицинская помощь в сравнительно благополучном (примыкавшем к губернскому городу и железной дороге, небольшом по территории) 2-м врачебном участке Красноярского уезда Енисейской губернии в какой-то степени удовлетворяла потребность в лечении лишь одного из каждых девяти болевших крестьян. Совсем не пользовалось помощью местной амбулатории или пользовалось ею очень мало 6/7 населения, в особенности люди, удаленные от города, железной дороги и центра врачебного участка. Даже малоэффективной разъездной помощью совсем не было обеспечено или было охвачено в минимальной степени 4/5 жителей, 52 из 71 здешнего селения. В девять населенных пунктов ни врач, ни фельдшер не заглядывали ни разу в течение трех лет и более⁶. В Приангарском участке Енисейской губернии в 1913–1915 гг. к помощи врача смогло прибегнуть не более 15 % зарегистрированных больных, а ведь повсеместно в Сибири попадала в поле зрения медиков и регистрировалась лишь небольшая доля заболевших⁷.

По официальным данным за 1911 г., во всех сельских лечебницах Сибири воспользовались услугами врачей и фельдшеров в общей сложности 48 874 человека, или 5,5 % деревен-

¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 6. Д. 30. Л. 8; Оп. 43. Д. 1404. Л. 27–32; *Гречищев К. М.* Здравоохранение в Омской губ.: (его прошлое, настоящее и будущее) // Омская губ.: Здравоохранение. Народное образование. Омск, 1923. С. 425.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 10–11, 118–119; Оп. 13. Д. 1221. Л. 11–12; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 84. Л. 111; *Гречищев К. М.* Здравоохранение // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 95–102; и др.

³ *Крутовский В. М.* Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губ. Томск, 1902. С. 6.

⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 43. Д. 1404. Л. 27–28; Ф. 1450. Оп. 6. Д. 181. Л. 27; и др.

⁵ Санитарное состояние Томской губ. за 1882 г. // ТГВ. 1883. 13 окт.

⁶ *Вигдорчик Н. А.* Заметки сибирского врача: (очерки бюрократической медицины). Н. Новгород, 1905. С. 75–78, 85, 93–95.

⁷ *Буянов А. Б.* Медицинская помощь населению Приангарского края Енисейской губ. // Сиб. врач. 1916. 2 окт.

ского населения¹. Некоторая часть пригородных крестьян могла, правда, попросить лечения еще и в городских больницах.

Суммируя данные по губерниям и областям Сибири, можно получить статистическую картину состояния медицинской сети в 1913 г., самом благоприятном за досоветский период. На каждый из 336 самостоятельных фельдшерских пунктов в среднем приходилось 28 506 душ населения. В сельской местности работало всего 329 гражданских врачей (из них только 26 женщин), 1262 фельдшера (220 женщин), здесь имелось лишь 77 аптек². При деревенском населении Томской губернии в 1914 г. состояло только 104 акушерки – одна на 38 275 жителей³. Все приведенные показатели были очень плохими даже в сравнении с невысокими показателями по другим регионам и по сельской местности России в целом: к концу 1913 г. каждый гражданский врач обслуживал в среднем около 20 300 деревенских жителей империи, на фельдшера приходилось в негородских поселениях 7500 человек⁴.

Оценивая качественные параметры медицинской сети в селениях Сибири, и исследователи, и наблюдатели практически единодушны в критичности выводов. Особые нарекания самих крестьян там, где они входили в соприкосновение с официальной медициной, вызывали неудобство географического расположения врачебных пунктов, теснота и непригодность больничных помещений, нерегулярность приемов, отсутствие самых необходимых лекарств и их дороговизна, недобросовестность и невежество части медперсонала, высокая стоимость лечения в городских больницах⁵.

В обязанность окружных, а затем участковых сельских врачей и подчиненного им персонала, кроме лечебной, входила **профилактическая работа**: наблюдение за санитарным состоянием селений, вакцинация жителей и т. д. Санитарный надзор был возложен также на уездную полицию – становых приставов. Однако реально сил администрации хватало лишь на составление протоколов о наиболее грубых нарушениях жителями санитарных правил и на издание строгих предписаний об очистке селений от навоза и устройстве холерных барачков, карантинных застав накануне ожидаемых эпидемий, что давало слабый эффект.

Единственной крупной и относительно результативной противозидемической мерой, осуществлявшейся в сельской местности, можно считать оспопрививание. Его производили частично фельдшеры и лекарские ученики, но главным образом – простые крестьяне, будучи принудительно «избранными» для этого волостным сходом, или вступив в добровольное соглашение с врачом, за небольшую плату.

Уже в период 1870-х – начала 1880-х гг. в городах и селениях Томской губернии, по официальным данным, профилактические прививки оспы получало более 1/3, иногда – до 2/3 новорожденных детей⁶. В 1913 г. по Сибири в целом число прививок достигло 39,3 на 1000 человек населения. Удачными оказались 30,3 % прививок; ревакцинировано было 3,5 % жителей⁷. Это явилось только частичным решением проблемы вакцинации: в сельской местности показатели были неудовлетворительными, оспопрививанием были слабо охвачены удаленные районы и старообрядчество, прививок от других заразных болезней в селениях почти не знали. В итоге очень часто те или иные местности Сибири, а то и всю ее заселенную территорию

¹ Подсчитано относительно численности населения на 1 янв. 1912 г. по источнику: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1911 г. 1913. Ч. 2. С. 98, 120.

² Подсчитано относительно численности населения на 1 янв. 1914 г. по источнику: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1913 г. 1915. С. 58 (2-я паг.), 89–94, 98–99, 121–127 (3-я паг.).

³ *Петровская Н. В.* Родовспоможение в Сибири // Труды I Съезда врачей Сибири. Томск, 1926. С. 147.

⁴ Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. М., 1926. С. XIX–XX.

⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 418. Л. 227, 436–437; *Колбасенко И. С.* Указ. соч. С. 103; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1888. Вып. 1. С. 293–294; *Сибирская хроника* // Сибирь. 1883. 6 марта; и др.

⁶ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 45, 186, 317, 425, 515, 574, 670. См. также: Санитарное состояние Томской губ. за 1882 г.

⁷ Подсчитано относительно численности населения на 1 янв. 1914 г. по источнику: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1913 г. С. 121, 123, 126.

охватывали эпидемии натуральной оспы, дизентерии, тифа, дифтерита, скарлатины, кори, гриппа, коклюша; нередкими гостями были также малярия, сибирская язва, чума и холера.

Властям приходилось принимать экстраординарные меры. Так, в 1914 г. по просьбе медиков во всех тех поселках Сибирского казачьего войска, где наблюдались случаи оспы, производилась поголовная предохранительная прививка принудительным образом¹.

Вслед за анализом «официальных» правового и медико-санитарного комплексов, влиявших на демографическое поведение крестьянства, логично обратиться к смежным комплексам из сферы традиционной народной культуры.

Русская народная (крестьянская, традиционная) культура имела множество региональных, конфессиональных и субэтнических вариантов, в том числе и на территории Сибири. По мнению этнографов, «демографическим» аспектам общественного сознания сибиряков-старожилов в ряде местностей было присуще наличие архаических черт. Речь идет об известной свободе добрачных половых отношений, относительной самостоятельности женщин в семье, ярко выраженной власти «большой головы» (старшего мужчины) в домохозяйстве, подчиненности личных отношений общесемейным и общественным (общинным), сравнительно слабом влиянии официальной православной церкви на быт и нравы крестьянства и т. д.²

Семья в традиционной цивилизации была, по словам Ф. Энгельса, «важнейшим, решающим общественным отношением»³, и это выражалось во всем строе жизни, в обрядах, фольклоре. Характерно, например, что, стремясь заглянуть в будущее при гаданиях и в какой-то мере воздействовать на него, молодые крестьянки, прежде всего, выясняли, кто будет их суженым, когда они выйдут замуж. Интересовались также, сколько лет они проживут, как много будет детей в их семье, не умрет ли кто-нибудь из близких в будущем году⁴.

Неизбежные коллизии внутри многолюдной семьи на основе обычая и учета конкретных обстоятельств, как правило, разрешал «большак» – глава домохозяйства, а в рамках сельского сообщества – сход (совет, сходка, согласие, общее собрание) соседей, сородичей или однообщинников, религиозный собор у старообрядцев. Значение этих традиционных институтов в изучаемую эпоху в целом падало, но в отдаленных от городов и крупных транспортных магистралей местностях Сибири они сохраняли свой авторитет вплоть до начала XX в. Например, у алтайских кержаков, по данным А. Е. Новосёлова за 1912 г., продолжали собираться для выяснения религиозных и семейных вопросов соборы, «постановления которых для истого старообрядца стоят гораздо выше всяких гражданских законов»⁵.

Итак, **нормы обычного права**, соционормативная культура воспроизводились в русской деревне во взаимодействии семьи и территориальной общины, с участием религиозной общины и разного рода малых контактных общностей (половозрастных, родственных, соседских, хозяйственных), имевших выход на общественное мнение общины в целом и бывших, в конечном счете, тоже проявлениями жизни территориальной (сельской) общины⁶. Однако изучение источников второй половины XIX – начала XX в. создает впечатление, что община в Сибири не была все же таким авторитетным механизмом, как в центре России. Ее установки в сфере демографического (и социализирующего) поведения не были столь же определенными, допускали в более широких границах индивидуальные и групповые варианты поведения. Это было связано, видимо, с известной слабостью поземельной сибирской общины, к началу XX в. еще не завершившей процесс своего становления, но уже разлагавшейся под влиянием развития капитализма преимущественно по американскому пути.

¹ Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. Омск, 1915. Ч. 2 (гражд.). С. 78–79.

² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 318–327; *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения... С. 275–276; *Сафьянова А. В.* Внутренний строй русской сельской семьи... С. 91–110; и др.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 508.

⁴ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 69. Л. 13; НАРГО. Разр. 59. Оп. 1. Д. 17. Л. 14–18; РГБ. К. 542. П. 86. № 36. Л. 79; Деревенские суеверия // ВО. 1902. 17 июля; и др.

⁵ *Новосёлов А. Е.* У старообрядцев Алтая: (предварит. отчет). Омск, 1913. С. 12.

⁶ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 267–275.

Официальное законодательство не только допускало возможность существования обычного права, но и прямо предписывало низшим органам управления крестьянами учитывать его в своей деятельности или прямо руководствоваться им (например, при решении дел в волостных судах). Однако на практике в основной части сибирских селений гармоничного взаимодействия официального и обычного права не получилось. Развилась «бессудность» многих крестьянских дел, когда сельчане были «лишены возможности наперед знать, что допустимо и что недопустимо в сфере их личных и имущественных отношений» (по словам одного крестьянского начальника с Алтая)¹. Причинами такого положения дел явились: 1) слабая разработанность обычного права применительно к некоторым сферам гражданской жизни в предшествующую эпоху; 2) относительно быстрые изменения жизни деревни при капитализме, за которыми не поспевало развитие традиции; 3) столкновения различных обычно-правовых норм в результате смешения в ходе миграций разнородного по происхождению населения; 4) законодательная неопределенность соотношения норм государственного и обычного права как основы решения многих конкретных вопросов, некомпетентное вмешательство администрации в дела крестьянского самоуправления; 5) порочная практика самих органов самоуправления, под давлением заинтересованных лиц решавших многие дела «за магарыч, а не по совести»².

Достаточно глубокое развитие в Сибири получила народная медицина, имевшая реальные достижения, особенно в области фитотерапии, психотерапии, лечебного массажа, в лечении переломов, вывихов, ушибов, и потому пользовавшаяся доверием и авторитетом у большей части населения³. Известно в то же время, что народная медицина содержала множество совершенно бесполезных и даже вредных для здоровья и жизни людей приемов и «средствивей». Резкой критике специалистов подвергались, например, народное акушерство сибиряков с его универсальным горшком на живот, подвешиванием рожениц к потолку и резким встряхиванием, питьем из пороха, размешанного в воде, подпольный деревенский абортарий, многие убийственные педиатрические средства⁴. В условиях второй половины XIX – начала XX в. народно-медицинская практика уже не могла полностью удовлетворять потребности населения в охране здоровья.

Распространенность эпидемий, вообще здоровье и, в конечном счете, продолжительность жизни населения зависели также от **санитарно-гигиенической культуры крестьянства**, которая ярче всего выражалась в гигиене населенных пунктов, дворов и жилищ.

Положительными, с этой точки зрения, качествами селений Сибири являлось довольно свободное, нескученное расположение большинства из них на достаточном удалении друг от друга, вблизи от лесных массивов и естественных водоемов, чаще всего с проточной водой. Многочисленные источники заставляют, однако, обратить внимание и на другую сторону дела. Огороженные поскотинами окрестности и улицы сибирских селений были сильно загрязнены навозом и бытовым мусором. Накапливавшийся в огромных количествах в скотных дворах, навоз часто использовался для заваливания оврагов и ложбин, возвышения низких улиц, укрепления речных берегов, для строительства запруд и мельничных плотин. Нечистоты пропитывали почву под жилыми усадьбами, создавали благоприятную среду для распространения заразы, особенно жарким летом.

¹ ГААК. Ф. 184. Оп. 1. Д. 109. Л. 81.

² ГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 103. Л. 21. См. также: Материалы для изучения... Западной Сибири. 1889. Вып. 4. С. 154; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее – Труды МКНСП). СПб., 1904. Т. 56. С. 228–229.

³ *Болонев Ф. Ф.* О народной медицине и заговорах русского населения Забайкалья // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 114–129; *Лебедева А. А.* Использование дикорастущих растений и минералов русскими Сибири в XVIII – начале XX в. // СЭ. 1988. № 2. С. 78–90; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 340–346; Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры / отв. ред. К. В. Чистов. М., 1987. С. 491–497.

⁴ *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский окр. и его жизнь. СПб., 1865. Т. 2. С. 1–12; *Р-ва.* Из дневника окружной акушерки // Сибирь. 1886. 16 марта; 1887. 31 мая; *Савельев А. А.* Народная медицина в Приангарском крае // Сиб. врач. 1915. 19 апр.; 3 мая; 17 мая.

Глубокие и чистые колодцы имелись в немногих селениях. По данным начала XX в. из Томской губернии, один колодец у переселенцев обслуживал 3,6 двора, у старожилов – 2,7¹. Во многих случаях крестьяне брали воду для питья и приготовления пищи из открытых водоемов, зачастую загрязненных при сваливании в них отходов, при стирке белья, поении и купании скота, вымачивании льна, пеньки и холста. В начале века менее 40 % таких водоисточников содержалось удовлетворительно². В некоторых местностях, чаще всего в переселенческих поселках, жителям доводилось даже устраивать для себя ямы-копанки в открытом грунте, где скапливалась дождевая и болотная влага³.

В редких селениях отводились специальные места для свалок и захоронения павшего скота. Бывало, что трупы погибших от заразы животных бросали непогребенными или небрежно забрасывали землей поблизости, а снятые кожи вымачивали в ближайших водоисточниках, вывозили на продажу, и это служило причиной эпидемий и эпизоотии. Рассказывая о сибирских селах, наблюдатели отмечали: «... нигде не видно садов, палисадников или цветников» (исключением в конце XIX – начале XX в. стали некоторые поселки переселенцев с юга России); «... деревенские улицы не мощены, в засуху они пыльны, в ненастье грязны до невозможности»⁴.

Жилищные условия сибиряка обычно высоко оценивались людьми, имевшими возможность сравнивать крестьянский быт к востоку и западу от Урала. «Его изба с довольно объемистыми комнатами не походит на хату русского крестьянина или на мазанку малоросса. Курных изб с почерневшими стенами здесь нет, комнаты содержатся чисто, и крестьянин средней руки имеет их 2–4, из которых одна служит гостиной, “светелкой”, и убрана лучше других. Все комнаты оклеены обоями, но полы обыкновенно некрашеные. <...> Богатые же между сибиряками живут просто роскошно», – писал, например, в 1888 г. С. К. Патканов, один из руководителей обследования сельского быта в Тобольской губернии⁵.

Внимательный анализ источников позволяет выявить ряд действительных достоинств домашнего санитарного быта большинства русских крестьян-сибиряков: 1) относительно большие размеры домов, хорошее качество срубов, тесовых крыш; 2) дворовые постройки, притоны для скота обычно не примыкали к жилью, не стояли с ним под одной кровлей, при доме имелись погреба, амбары и стайки; 3) наличие деревянных полов, в том числе крашенных, достаточно большое количество окон; 4) сравнительная чистота и опрятность жилищ, достигаемые тем, что в них редко содержались животные, регулярно производилась капитальная уборка, полы покрывались половиками, хвоей или посыпались чистым речным песком; 5) наличие собственных бань примерно в половине дворов и т. д.

Крестьянская изба со временем эволюционировала в Сибири в лучшую сторону. Материалы обследования 1920-х гг. в Качугском районе Иркутского округа дают возможность сравнивать жилища, построенные в разные периоды, начиная с 1860–1870-х гг. и заканчивая 1915–1920 гг. Средняя высота потолка жилых помещений увеличилась здесь за это время с 230 до 252 см; средняя площадь – от 33,5 до 42,7 м²; объем – от 77 до 106,3 м³. Количество строений, имевших недопустимо низкий световой коэффициент (отношение площади окон к площади пола) – менее 1/25, сократилось с 38 до 16 %. Соответственно, с 15 до 39 % увели-

¹ *Нагнибеда В. Я.* Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 161.

² *Гаркунов И. К.* Сельское водоснабжение Сибирского края. Новосибирск, 1929. С. 51–58.

³ *Обозненко П. Е.* Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской обл. // Врач. 1898. 2 мая; *Пономарев А. А.* Водоснабжение Томского уезда // СМЖ. 1925. № 2. С. 38–39.

⁴ *Латкин Н. В.* Красноярский окр. Енисейской губ. СПб., 1890. С. 43. См. также: ГАЗК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–2; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 84. Л. 84; *Сумкин М. В.* В Сибирь за землю: записки ходока. М., 1908. С. 15.

⁵ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1888. Вып. 1. С. 53–54. См. также: ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 2. Л. 149–161; *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск с его округом // ТобГВ. 1864. № 25–29; *Турбин С. И.* Сибирь: краткое землеописание. СПб., 1871. С. 48; и др.

чилося число домов с удовлетворительным световым коэффициентом – 1/15 и выше. «Эволюция сказалась на улучшении всех основных санитарных показателей изб...», – с полным правом констатировали исследователи¹. В других местностях Сибири источники показывают сходную эволюцию.

Однако ограничиться усредненными показателями в данном случае невозможно. В реальности велики были различия жилищных и прочих бытовых условий в разных социальных слоях и группах, сословных категориях жителей, в различных местностях Сибири. При этом неблагоприятная обстановка наблюдалась в поселках и избах недавних переселенцев, особенно в степной полосе. Обследования начала XX столетия в Томской губернии дали сравнимые показатели по старожилам и новоселам. У последних оказались значительно хуже обеспеченность людей жильем, качество жилых строений, гигиена жилищ. Лишь средняя площадь усадьбы и расстояние между строениями на ней у переселенцев были лучше, что оберегало их от пожаров (табл. 3).

Таблица 3

**Жилищные условия основных категорий русского крестьянства
Томской губернии (начало XX в.)***

Показатели жилищных условий	Старожилы	Новоселы
<i>Количество жилых строений, %:</i>		
деревянных	95,7	66,2
земляных	3,6	25,3
каменных, саманных, глинобитных	0,7	8,5
содержащих зимою скот	16,8	49,6
сырых (проникает вода)	41,4	55,1
Объем жилого помещения, м ³ на одного человека	16,9	11,5
Световая площадь в одном жилище, м ²	5,0	2,4
<i>Количество крыш, %:</i>		
огнестойких (железо, черепица, толь)	4,1	2,4
деревянных	83,6	65,4
наиболее огнеопасных (солома)	12,3	32,2
Площадь усадьбы, а	38,0	75,2
Расстояние между жилыми строениями, м	17,9	36,5

* Подсчитано по: *Нагнибеда В. Я.* Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 160–161.

В данном случае играли свою роль не только состояние санитарно-гигиенической культуры, но и сравнительные экономические возможности крестьянского двора – они у недавних переселенцев были несравненно хуже. В источниках имеются многочисленные прямые указания на то, что заболеваемость и смертность были непомерно высоки в нижнем социальном слое в связи с неблагоприятными санитарно-гигиеническим состоянием дворов и жилищ, а также плохой обувью, одеждой и тяжелыми условиями труда². Довольно частыми бывали в деревнях туберкулез, чесотка и особенно трахома – болезни людей, живущих в антисанитарных условиях.

¹ Кононов Н. М. Жилищные условия крестьян Иркутского окр. // СМЖ. 1928. № 6/7. С. 36.

² ГАЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 74–76, 85–90; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1889. Вып. 2. С. 19; *Неклепаев И. Я.* Народная медицина в Сургутском крае. СПб., 1900. С. 17; Отчет о состоянии народного здравия... за 1903 г. 1905. С. 40; и др.

Основные санитарно-гигиенические недостатки дворов и жилищ заключались в следующем: 1) абсолютно преобладали одно- и двухкамерные строения с недостаточными жилой площадью, высотой и освещенностью помещений; 2) почти полностью отсутствовали во дворах хотя бы примитивные ассенизационные установки (туалеты), а в домах – фундаменты, водоизолированные погреба, вентиляционные устройства, нередко не было и вторых рам в окнах на зиму; 3) были распространены сырость и паразиты (тараканы, клопы), отсутствовали противомаларийные сетки; 4) довольно высокий удельный вес имел устаревший и обветшавший жилой фонд, вплоть до курных изб в начале изучаемого периода, а в степной полосе – жилищ из суррогатных материалов; 5) бани имели самую примитивную конструкцию и в своем большинстве были приспособлены для того, чтобы париться, но не для мытья; 6) отсутствовали гигиенические условия для сна: в доме обычно имелась лишь одна кровать для домохозяйина и его супруги.

Что касается одежды и постельного белья, то для всей Сибири в общих чертах применима характеристика врача Ф. Ф. Шперка, данная в Верхоленском округе Иркутской губернии на рубеже 60–70-х гг. XIX в.: «... за исключением небольшого числа очень бедных, все крестьяне имеют довольно лопаты (т. е. одежды) и обуви, одеваются сообразно времени года и зимой почти все имеют достаточно теплую одежду, но не соблюдают необходимой чистоты в ней; в особенности у них в пренебрежении вещи для спанья, так что большая часть спит или на грязном войлоке, или, что чаще, на голых полатах и лавках, собирая под себя теплую одежду и укрываясь ею; под голову кладется донельзя загрязненная подушка; такой же небрежный уход, если не хуже, за колыбелью ребенка и его бельем»¹. Ради справедливости нужно сказать, что санитарное состояние постелей, белья, одежды с течением времени улучшалось.

Значительную часть зимнего периода те из сельских детей, что обучались в официальных школах, проводили в классных помещениях. Из года в год в отчетах медицинских органов Министерства внутренних дел, в других источниках сельские школы Сибири признавались самыми неблагополучными в санитарно-гигиеническом отношении. Теснота, отсутствие вентиляции, плохое отопление, слабое и неправильно устроенное освещение, ветхость помещений, отсутствие туалетов – все эти недостатки большинства училищ отнюдь не способствовали сохранению здоровья и гигиеническому воспитанию крестьянских и казачьих детей².

Питание сибирских крестьян, будучи сопоставленным с таковым у деревенских жителей европейского центра России, «показывает несомненное превосходство сибиряка: разнообразие в пище, чистота приготовления, питательность»³. Так считали очевидцы-путешественники, это же подтверждали специалисты-медики. А. И. Ремезов писал: «Едва ли ни единственное отрадное явление в санитарном отношении представляет в Западной Сибири продовольствие жителей»⁴. В. П. Гедройц-Юраго прямо считал, что высокая доля стариков в сельском старожиле населении Сибири обязана своим происхождением не только слабому развитию отхожих промыслов и фабричной промышленности с их вредным влиянием на здоровье работников, но «в особенности же обилию, разнообразности и доступности пищевых веществ»⁵.

Однако ситуацию и в этой сфере не следует идеализировать. Во-первых, в обширных местностях Сибири довольно часто случались неурожаи, массовые падежи скота, и тогда значительная часть сельского населения испытывала недоедание. Во-вторых, сказывалась социальная дифференциация. Если пища богатых и зажиточных бывала временами черес-

¹ Шперк Ф. Ф. Верхоленский окр. Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 160.

² ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–3; Д. 37. Л. 7; Ф. 807. Оп. 1. Д. 200. Л. 2–3; ГАКК. Ф. 184. Оп. 1. Д. 122. Л. 21; ГАИО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 23–24; Д. 30. Л. 12; ГАТО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 19. Л. 2128.

³ Петропавловский Н. Е. По Ишиму и Тоболу: (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. / ЗСОРГО. 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 36. См. также: Максимов С. В. На Востоке: поездка на Амур (в 1860–1861 гг.). СПб., 1864. С. 121; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1892. Вып. 17. С. 85–86; и др.

⁴ Ремезов А. И. Указ. соч. С. 54.

⁵ Гедройц-Юраго В. П. Указ. соч. С. 134–135.

чур обильной, то беднота большую часть года питалась впроголодь, использовала пищевые суррогаты. В-третьих, в течение года количество и качество пищи распределялось очень неравномерно. Наилучшим временем были осень и зима; летом же, особенно в июне, когда старый урожай «подобрался, приелся», а новый еще не поспел, для многих было голодное время. У русских крестьян повсеместно бытовала поговорка о времени летнего поста: «Петровки – голодовки».

О количественных и качественных показателях пищевого потребления общее представление дают материалы массовых экономических обследований крестьянских хозяйств. В частности, в 1911–1913 гг. по Томской губернии среднегодовое потребление на душу старожильческого населения составляло: хлеба – 450,5 кг; молока – 176,9; мяса – 31,1; масла – 1,6 кг. В других губерниях и областях Сибири молока крестьяне-старожилы выпивали от 107 до 246 кг молока, масла потребляли от 1,6 до 3,2 кг на душу. Новоселам доставалось ежегодно в среднем от 90 до 213 кг молока и до 2,5 кг масла¹.

Вообще, бросается в глаза предпочтительное положение старожилов: по всем показателям питание новоселов заметно им уступало (табл. 4). Переселенцы в Сибири первые годы питались хуже, чем на родине, в рационе у них имелось больше растительной пищи и меньше мясной, больше углеводов и отчасти белков, но меньше жиров. Питание заметно улучшалось спустя 5–7 лет после переезда. За год новоселы, в пересчете на одного человека, съедали дополнительно к тому, чем располагали на родине, 47,5 кг мучного провианта, 16,4 кг разной растительной пищи и 1,8 кг приправ, оставляя потребление животных продуктов почти равным прежнему².

Таблица 4

**Пищевое потребление русских крестьян Томской губернии (1911–1913 гг.),
в среднем на одного человека***

Потребляемые полезные вещества и продукты	Старожилы	Новоселы
<i>Полезных веществ за сутки, г</i>		
Углеводы и другие безазотистые вещества	901,7	763,2
Белки	183,5	145,5
Жиры	42,3	32,4
Итого:	1127,5	941,1
<i>Продуктов питания в год, кг</i>		
Растительная пища	570,9	514,2
в том числе мука	396,6	321,9
Животные продукты	223,8	156,6
Приправы	18,7	14,1
Итого:	813,4	684,9

* Подсчитано по: *Нагнибеда В. Я.* Питание населения Томской губ. // Записки Томского губисполкома и ГубЭСО. Томск, 1923. № 2. С. 26.

Суточный рацион сибиряка был более обильным, чем у крестьян Европейской России. Томский старожил в среднем потреблял почти на 50 г больше белка, почти на 10 г – жиров, на 207 г – углеводов и прочих безазотистых веществ, чем переселенец на родине³. Однако баланс питательных веществ, качество приготовления пищи во многих домохозяйствах си-

¹ *Алексеева В. К.* Уровень жизни населения Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.). Новосибирск, 1979. С. 159–160 (табл. 2, 3).

² Подсчитано по: *Нагнибеда В. Я.*: 1) Питание населения Томской губ. // Записки Томского губисполкома и ГубЭСО. Томск, 1923. С. 26; 2) Положение переселенцев... С. 161.

³ Подсчитано по тем же источникам.

биряков все же не могли считаться хорошими. Желудочные заболевания, болезни печени и почек в деревнях были обычным явлением. Особенно резкую критику специалистов вызывали и пища, и антигигиенические способы кормления грудных детей¹.

Специфической группой факторов, «внешним» образом определявших образ жизни крестьян, являлись факторы информационные, тесно примыкавшие к комплексу культурологических условий.

В сфере физического воспроизводства населения здесь имеются в виду, прежде всего, объективная доступность членам крестьянского сообщества сведений о выработанных предшествующими поколениями самих сельчан, церковью, наукой, другими социальными институтами этических норм (актуальных для демографического поведения), приемов гигиенического самообслуживания, репродуктивного и витального поведения, физического развития детей. Следует учитывать **характер и степень приобщения сельчан к информации**, во-первых, об освященных церковью и традицией старых нормах демографического поведения, во-вторых, об инновациях в этой области, распространявшихся в изучаемый период.

Важными особенностями менталитета, культуры и образа жизни русских крестьян во второй половине XIX – начале XX в. историки считают их религиозный характер и традиционализм. Демографические знания и нормы поведения транслировались «по наследству» от дедов и отцов в процессе семейной и общинной социализации вне глубокого критического осмысления. Их соблюдение жестко контролировалось первичными социальными группами, освящалось господствующей церковью².

Православная церковь вообще не признает секуляризованной этики, нравственность для нее всегда религиозна. Наиболее значимо для нашей темы религиозное осмысление брака, который совершался «во Христа и во Церковь», мыслился как «благодатное освящение естественного союза мужчины и женщины для совместной христианской жизни и для деторождения», как акт основания «малой домашней церкви, которою является семья»³. Таинство брака входит, наряду с крещением, миропомазанием, покаянием (исповедью), евхаристией (причащением), священством и елеосвящением, в число самых важных христианских таинств. Нарушение супружеской верности, убийство нерожденного ребенка (аборт) и содействие такому убийству, оскорбление святости любви цинизмом, причинение горя членам семьи признается грехами против Христа и церкви. Грехами против самого себя считаются в православии разрушение своего здоровья излишествами, пьянством и развратом, неборение с чувственными помыслами и избегание соблазнов, мысли о самоубийстве⁴.

Эти и другие религиозные нравственные нормы транслировались в крестьянскую среду через проповеди священников, через таинство исповеди. Накануне исповеди мирянину полагалось проверить совесть при свете заповедей Божиих, а во время исповеди покаяться в грехах против Христа и церкви, против ближних, против самого себя. За сотни лет проповедования христианства в России религиозные ценности глубоко укоренились в крестьянской среде, но зачастую в переосмысленном и как бы вульгаризированном виде. В Сибири приобщение к ним затруднялось малым количеством церквей и недостатком священников, «нерадением» значительной части паствы, редко посещавшей храмы.

В среде сибирских старообрядцев значительную роль в поддержании религиозной морали играло индивидуальное и коллективное изучение старинных богослужебных и вероучительных книг (например, 50-й главы Кормчей книги), сочинений святых отцов церкви. Среди

¹ *Костров Н. А.* Первоначальное физическое воспитание детей в населении Томской губ. // Сибирь. 1881. 24 мая; *Никитенко В.* Верхотенский окр. в прошлом столетии // Врачеб.-санитар. хроника Иркутской губ. 1916. № 10. С. 28–29; и др.

² *Громыко М. М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 70–80; *Мионов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 83–104.

³ *Булгаков С. Н.* Православие: очерки учения православной церкви. 3-е изд. Париж, 1989. С. 250, 345–369.

⁴ *Мень А. В.* Православное богослужение: Таинство. Слово и образ. М., 1991. С. 141–142.

«никониан» повседневное чтение религиозных нравоучительных книг было распространено слабее, и в целом они хуже ориентировались в христианской соционормативной системе, меньше внимания уделяли неуклонному соблюдению ее требований. Специфическим каналом распространения в их среде религиозных норм с целью утверждения их в повседневном поведении была издававшаяся большим тиражом специально «для народа» духовно-нравственная литература: жития святых, описания путешествий по святым местам, тексты проповедей. Материалы обследований сельского быта показывают, что в 1880-х – начале 1990-х гг. в трети селений Сибири круг чтения грамотных состоял исключительно из религиозных текстов. В северо-западной Барабе (Спасский участок Каинского округа Томской губернии) сплошным обследованием установлено преобладание числа религиозных книг (их было в общей сложности 62,2 % из 1765 экземпляров) над светскими у всех категорий крестьянского населения – старожилов, новоселов, ссыльных¹. Наиболее часто в сельских домах читали Псалтыри и Евангелия: они имелись в 39 % из тех обследованных населенных пунктов Енисейской и Иркутской губерний, в которых были налицо какие-либо религиозные издания².

Чтение духовных книг предпочитали любому другому в основном пожилые крестьяне, тогда как молодежь все больше переориентировалась на беллетристику. В целом доля религиозной литературы в круге чтения крестьян со временем сокращалась. В анкетах обследования по Иркутской губернии за 1900–1901 гг. она упоминается только в 31 % случаев фиксации печатной литературы, имевшейся у частных лиц в сельской местности³.

Материалы проводившихся в конце XIX – начале XX в. в селениях Сибири обследований круга чтения жителей практически не зафиксировали наличия доступных по содержанию простому народу светских публикаций по медицине и санитарному делу, физическому воспитанию детей, семейному строительству. Такой литературы в досоветской России издавалось очень мало, и в сибирскую деревню она почти не попадала (некоторые отдельные случаи ее распространения описаны ниже).

В эпоху капитализма в сибирские деревни вместе с работавшими здесь сельскими интеллигентами, проезжавшими по тракту путешественниками или купцами, с партиями ссыльных, переселенцев, группами рабочих-отходников, с отставными солдатами, возвращавшимися домой со службы, беженцами и военнопленными (во время войны) все чаще проникали рассказы об иной жизни в других странах, в «господской» и городской среде, у жителей других местностей России. Проникавшие сведения и слухи о диковинных обычаях и порядках в брачном и семейном быту (многоженство у мусульман, распущенность в высшем обществе, распространение проституции и аборт в городах) подвергались обсуждению, соответствующие явления единодушно осуждались. В то же время некоторая часть передовых (обычно достаточно зажиточных и грамотных) крестьян, войдя в соприкосновение с лучшими сельскими учителями, медиками и священниками, начинала улучшать свой санитарный быт, использовать более рациональные способы лечения болезней и лекарства, при возможности охотно пользовалась услугами медицинского персонала и таким образом проявляла готовность перестраивать свое демографическое поведение.

Местные власти и медицинские органы в Сибири, констатируя, что «в среде народа не существует самых первоначальных и необходимых понятий о гигиенических и санитарных условиях жизни», время от времени принимали меры по распространению таковых понятий как устным путем (предписания, советы), так и посредством печатного слова (наставления по санитарно-гигиенической части, написанные врачами, чиновниками или священниками). В период второй половины XIX в., по нашим подсчетам, в сибирских городах было предпринято около 20 изданий и переизданий брошюр и листового материала, посвященного этой теме.

Больше всего выходило публикаций о профилактике эпидемических заболеваний. Брошюра инспектора врачебной управы А. Бургера «Наставление для жителей Енисейской гу-

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1892. Вып. 17. С. 81–83.

² Личков Л. С. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 2. С. 37–38.

³ Подсчитано по: ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–26; Д. 3. Л. 1–15; Д. 19. Л. 1–7.

бернии против появления и распространения разного рода повальных и заразительных болезней» выдержала три издания в Красноярске: в 1870, 1879 и 1886 гг. В разгар страшной эпидемии 1892 г. в селения Сибири рассылались печатные наставления об общедоступных способах предотвращения, распознавания и лечения холеры. В одном Томске были оперативно написаны, опубликованы значительным тиражом и распространены в следующем 1893 г. по губернии сразу три популярных брошюры о холере: университетского профессора М. Г. Курлова, врача и педагога В. С. Пирусского, епископа Томского и Семипалатинского Макария (Невского)¹. Согласно официальному отчету, распространение печатных объявлений о вреде от употребления муки со спорыньей, с указанием простых способов очищения ржи сильно способствовало локализации эпидемии рафании (эрготизма) в некоторых уездах Томской губернии в 1902–1903 гг.² В других губерниях и областях Сибири время от времени принимались аналогичные меры.

Приказы и наставления, исходящие от чиновничества, в большинстве случаев поначалу игнорировались или выполнялись лишь частично, но с ростом грамотности в некоторых местах дело сдвигалось с мертвой точки. Исследователями А. Г. Рашиным и затем Б. Н. Мироновым было установлено, например, что в губерниях России с наиболее высокой грамотностью населения, особенно женского, была несколько ниже смертность детей и зрелых людей в возрасте до 60 лет³. Конечно, речь может идти главным образом о влиянии на смертность экономических, правовых, санитарно-гигиенических условий жизни грамотного человека, но нельзя сбрасывать со счета и условий культурно-информационных.

Важную роль играли информационные факторы в ряду причин, регулировавших миграционное поведение переселенцев. Автор классического труда о переселенческом движении в Сибирь И. А. Гурвич выделил практически все **традиционные источники знаний о Сибири** и о путях в нее, которыми руководствовались мигранты, собираясь в путь, регулируя людскую структуру семейного домохозяйства, выбирая маршрут, способ передвижения в 1861 – начале 1890-х гг. Это письма более ранних выходцев к своим родным и знакомым; рассказы торговых и промысловых людей, странников-богомольцев; сведения, специально собранные ходоками, заблаговременно посланными от семьи, группы домохозяйств или сельского общества⁴.

Степень достоверности и полноты этих источников могла быть самой разнообразной, наиболее обстоятельные сведения поступали от ходоков – «садчиков», деятельность которых публицист С. Пономарёв характеризовал следующим образом: «Корреспонденты отписывают и о земле, и о воде... пишут про то, сколько попам руги дают, сколько харч стоит; составляют целые словари киргизских (в данном случае – казахских. – В. З.) слов для пользования новоселов; говорят, где начальство живет, где можно денег попросить, где перестали милостыньку собирать, в коем месте коней воруют, где кого за потраву оштрафовали, какой воды пить нельзя, в каком селе... и в какое время на работу принимают. <...> Невольно, присмотревшись ко всему этому, воскликнешь в изумлении: “Ай, да мужичья наука!”»⁵.

В конце XIX – начале XX в. определенное распространение получил новый информационный канал – печатная литература, специально издававшаяся для переселенцев и для лиц, занимавшихся организацией переселенческого дела. Так, авторы земского обследования Полтавской губернии называли следующие официальные публикации, с которыми в конце XIX в. могла познакомиться часть полтавчан, собиравшихся переезжать: сборник правил о порядке переселения в Томскую губернию (1891 г.), брошюра для населения «Сибирское пе-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3100. Л. 133–139; Оп. 12. Д. 3100. Л. 82–84; Оп. 40. Д. 102. Л. 1; Ф. 4. Оп. 1. Д. 380. Л. 122; Д. 437. Л. 61.

² Отчет о состоянии народного здоровья... за 1903 г. 1905. С. 30–31.

³ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статист. очерки. М., 1956. С. 201; Миронов Б. Н. Грамотность в России 1797–1917 гг.: получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования // История СССР. 1985. № 4. С. 139.

⁴ Гурвич И. А. Указ. соч. С. 78–79.

⁵ Пономарёв С. Очерки и пересказы: среди новоселов // Север. вестн. 1890. № 9. С. 161.

реселение» (в 1896 г. в количестве 400 тыс. экземпляров она была разослана в разные учреждения), ежегодно с 1897 г. издаваемые Главным переселенческим управлением «народные брошюры, предназначенные для распространения среди переселенцев и главным образом среди ходоков»¹. Такой литературы было недостаточно, ее содержание часто не удовлетворяло крестьян (например, четко не формулировались требования администрации к людскому составу той семьи, которая могла получить разрешение на переселение).

В годы Столыпинской аграрной реформы начавшаяся устная пропаганда переселения подкреплялась публикацией большими тиражами и распространением в деревнях листовок, плакатов, брошюр и справочных книжек. Будучи поначалу минимальным, воздействие этой литературы со временем увеличивалось. В материалах обследований начала XX в. среди новоселов Сибири фиксируется группа (впрочем, сравнительно небольшая) получавшая сведения о Сибири и о порядке переселения, устройства за Уралом «под влиянием правительственных разъяснений», «из книг, газет и прочих литературных источников»².

Крестьянин Калужской губернии М. В. Сумкин, ездивший в 1907 г. в Степной край ходоком, пишет в своих воспоминаниях: «Я прочел несколько книжек, изданных Переселенческим управлением для ходоков и раздаваемых земским начальником, и Сибирь рисовалась мне в очень розовых красках. <...> Но оказывалось, что в переселенческих книжках кое-что не допечатано»³. В целом природная, социальная и демографическая ситуация на окраинах рисовалась в изданиях, доступных переселенцам, за некоторыми исключениями, в приукрашенном виде.

Перейдем к культурологическим условиям социального воспроизводства населения. Народная культура в широком смысле, как совокупность всех материальных и духовных продуктов деятельности народа, собственно, и являлась предметом передачи от одного поколения к другому в ходе социализации последнего. Кроме того, она содержала в себе программы социализирующего поведения, а также средства и способы реализации таких программ. Поэтому здесь уместно хотя бы кратко охарактеризовать актуальные аспекты народного обычного права и народной педагогики – тех частей культуры, что непосредственно «обслуживали» потребности социализации.

Выше уже говорилось о важной роли обычного права как регулятора брачных и семейных отношений у русского крестьянства Сибири второй половины XIX – начала XX вв. В **народной юридической практике** большое внимание уделялось не только гражданскому праву, но также вопросам уголовного права. Проблематика девиантного поведения сельской молодежи не может рассматриваться без учета этого факта. Народное право на основе традиции определяло границы между добропорядочным – соответствующим традиционной норме – и отклоняющимся поведением; устанавливало и контролировало общественные, родственные, родительские санкции, которые были призваны пресекать отклонения. Однако вмешательство правовых механизмов в повседневное поведение молодежи было сравнительно нечастым, поскольку экстраординарным было девиантное поведение. Главным средством социального контроля образа жизни сельчан в традиционном обществе был обычай – унаследованный от предков стереотипный способ поведения, который превращался в ходе социализации во внутреннюю потребность субъекта и не ощущался, таким образом, как нечто, подавляющее волю, требующее внешнего контроля⁴.

В то же время при капитализме начался переход от традиционного к современному типу социальной регуляции поведения через специально созданные с этой целью институты – формализованные нормы поведения, воспитательные, судебные, пенитенциарные учреждения, через идущую из городов моду и т. д. Фактически уже в конце XIX – начале XX в. в

¹ Переселения из Полтавской губ. с 1861 г. по 1 янв. 1901 г. Полтава, 1900. Вып. 1. С. 83; 1902. Вып. 2. С. 41.

² См., например: Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. СПб., 1907. Т. 5. С. 31, 173.

³ Сумкин М. В. Указ. соч. С. 3, 60.

⁴ Подробнее см.: Гофман А. Б., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции // СЭ. 1973. № 1. С. 14–24.

основной части сибирских селений существовал переходный тип социальной регуляции поведения, для которого было характерно «междущарствие»: традиция, обычай, обряды, сильно разложившиеся и противоречивые, теряли свою силу, а «современные» институты лишь создавались. В этот период фактической бесконтрольности была велика опасность дезорганизации социального поведения в молодежной среде, что и намечалось в Сибири. Усиление пьянства, хулиганства, воровства, распутства молодежи в свою очередь потребовало ускоренного создания и активизации деятельности новых механизмов социализации и общественного контроля – официальных школ, волостных (станичных) и мировых судов, земской полиции и т. д.

Исследователи подчеркивают большое разнообразие имевшихся в русских семьях **народно-педагогических средств и приемов**, их высокую эффективность, глубокую укорененность как в специфике религиозного мировосприятия, так и в сугубо практических потребностях крестьянского домохозяйства, сельского сообщества в целом¹. Как и в народной медицине, в русской этнопедагогике Сибири практические действия получили лишь частичное теоретическое осмысление, к тому же не всегда адекватное реальности, и это отрицательно сказывалось на самой практике. Народные педагогические знания, умения и навыки повсюду представляли собой не столько цельную систему, сколько сумму, совокупность с такими недостатками, как фрагментарность, случайность, противоречивость².

В изучаемую эпоху выработанные веками педагогические средства, в принципе призванные обслуживать потребности докапиталистического общества, часто оказывались недостаточными. Определенное развитие получила **система официального школьного и внешкольного образования**, просвещения и воспитания. Прежде всего, она была представлена сельскими начальными училищами различной ведомственной принадлежности.

Данные о количестве начальных училищ в Сибири 60-х – начала 90-х гг. XIX в. неполны и часто противоречивы. В четырех губерниях к 1871 г. официальный источник показал 82 приходские школы с 4703 учениками и 107 школ духовного ведомства с 1989 учащимися. По основным показателям развития официальной школьной сети Сибирь находилась в это время на последнем месте в стране среди крупных регионов: одна школа приходилась здесь на 23,4 тыс., один учащийся – на 664 тыс. жителей, что было хуже соответствующих показателей по земским губерниям Европейской России в четыре-пять раз³.

Период либерально-буржуазного реформирования России после 1861 г. характеризовался определенным всплеском активности Министерства народного просвещения (МНП), Ведомства православного исповедания и других ведомств в деле развития народного образования и просвещения. Однако достигнутые успехи имели применительно к Сибири больше символический характер. Как и в деле медицинского обслуживания населения, наименьшими они были в районах, находившихся под управлением Кабинета, где сохранялись наибольшие пережитки феодализма в области надстройки. Если на каждое из 149 сельских училищ Томской губернии, взятой в целом, приходилось в 1882 г. 5,8 тыс. человек населения, на каждого из 3,5 тыс. учащихся – 24 мальчика и 108 девочек школьного возраста, не посещавших официальную школу, то в Алтайском горном округе соответствующие показатели равнялись примерно 10 тыс. человек, 29 мальчикам и 287 девочкам. И это несмотря на то, что в ведомстве Кабинета функционировало к 1882 г. при рудниках и заводах 11 горнозаводских школ, доступных для поступления крестьянских детей⁴. Сделанный А. И. Ефимовым на основе официальных статистических данных вывод о «запущенности и отставании» во второй половине XIX в. школьного и медицинского дела в Алтайском горном округе хотя бы по сравнению с

¹ Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. М., 1991. С. 105–144; Мельников М. Н. Поиски сокровищ: записки фольклориста. Новосибирск, 1985. С. 41–74; и др.

² Волков Г. Н. Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. С. 133.

³ Военно-статистический сборник / под общ. ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1871. Вып. 4. С. 883–884.

⁴ Ефимов А. И. Народная школа в Томской губ. // СГ. 1883. 22 мая. Школьный возраст по этому источнику включает детей обоего пола 7–12 лет, составлявших 15 % всего населения.

наиболее освоенными районами государственного землевладения в Сибири подтверждаются также материалами, обобщенными в работах П. А. Голубева и С. Мартынова¹.

К середине 1890-х гг. в селениях Сибири окончательно формируются три основные группы начальных училищ, различавшиеся по их ведомственной принадлежности, частично также – по срокам и программе обучения. Прежде всего, это школы МНП («министерские») – приходские училища по уставу 1828 г. и «образцовые» сельские училища по инструкции 1875 г. Они могли быть одноклассными и двухклассными, имели продолжительность обучения соответственно в три-четыре года и в пять лет. С 1894 г. все приходские и сельские училища Сибири, кроме принадлежавших духовному ведомству, в учебном отношении стали передаваться в ведение МНП, хотя в хозяйственном и административном отношении некоторые из них и позже подлежали ведомству Министерства земледелия и государственных имуществ, МВД, Министерства путей сообщения. Начальные училища Алтайского горного округа работали на основе особых положений в рамках горнозаводского ведомства вплоть до полной передачи их в полное ведение МНП в начале XX в.

Наряду с «министерскими» до октября 1917 г. продолжали существовать училища Ведомства православного исповедания – школы грамоты и церковно-приходские школы. Наиболее интенсивное их развитие наблюдалось в конце XIX в. после утверждения в 1884 г. «Правил» о них. В школах грамоты дети учились один-два года, в одноклассных церковно-приходских школах – два, в двухклассных – три-четыре года.

Наконец, на территории расселения казачьих войск в Сибири действовали под эгидой Военного ведомства станичные и поселковые казачьи школы. В 1860-х гг. положениями о службе было установлено обязательное обучение казачьих мальчиков в таких школах, позже власти принимали решения о «возможно большем» привлечении девочек, но эти меры в действительности не были осуществлены до конца даже к 1917 г. И все же сеть начальных училищ на казачьих землях была гораздо более развитой, чем в крестьянских селениях. Согласно отчету Главного управления казачьих войск за 1894 г., в Сибирском войске на одно учебное заведение приходилось 816 душ населения, в низших учебных заведениях обучалось 46,6 % войскового населения. В Забайкальском войске на каждое учебное заведение приходилось 1406 человек, доля учившихся в населении составляла 21,7 %². По срокам обучения казачьи школы соответствовали училищам МНП, с середины 1890-х гг. считались подчиненными этому ведомству в учебном отношении. Фактически же не только хозяйственные дела в казачьих училищах, но и вопросы учебного процесса и позже решали войсковые правления.

Содержались начальные школы всех типов в основном на средства крестьянских и казачьих обществ, подспорьем же служили суммы, выделяемые из ведомственных бюджетов, частные пожертвования благотворителей, расходы родителей учеников. К середине 1890-х гг. наилучшее в Сибири положение школьного дела отмечалось в Иркутской губернии, Западная Сибирь (крестьянские районы) занимала одно из последних мест среди учебных округов империи³.

Сооружение Транссибирской железной дороги и рост переселенческого движения в конце XIX – начале XX в. актуализировали для царизма задачу культурного развития сибирского населения. Один из идеологов государственной политики, А. Н. Куломзин, сформулировал смысл последующих мероприятий: борьба с опасностями культурного «одичания» и регионального сепаратизма путем усиленного строительства церквей и школ, призванных служить основными каналами духовного единения Сибири с метрополией⁴. С конца века начинается период наиболее плодотворного развития школьной сети в селениях.

¹ Голубев П. А. Народное образование // Алтай: ист.-статист. сб. по вопр. эконом. и гражд. развития Алт. горн. окр. Томск, 1890. С. 236–298; Мартынов С. Санитарно-медицинская часть на Алтае // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 192–22.

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 157. Л. 122–124.

³ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири. С. 6.

⁴ Там же. С. 41–45; Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 124–125.

Впечатляет количественный рост: с 1894 по 1911 г. число официальных сельских училищ выросло здесь в 2,5 раза, количество учеников в них – в 4,4, в том числе девочек – в 5,8 раз (табл. 5). Увеличение числа школ и учащихся в сельской местности происходило в это время несколько быстрее, чем в городах Сибири, и в три раза более быстрыми темпами, чем в селениях Европейской России.

Таблица 5

Развитие сети начальных училищ в Сибири (конец XIX – начало XX в.)*

Показатель состояния школьной сети	1894 г.		1911 г.	
	В целом по Сибири	В т. ч. в селениях	В целом по Сибири	В т. ч. в селениях
Количество официальных школ, абс.	2124	1908	5397	4848
Количество учащихся, абс.	63 749	51 220	268 183	223 137
В том числе:				
мальчиков	48 205	40 572	186 715	161 617
девочек	15 544	10 648	81 468	61 520
Количество жителей, приходившихся на школу**	2871	2850	1875	2034
Число учащихся, приходившихся на школу	30,0	26,8	49,7	46,0
Доля учащихся среди детей школьного возраста, %***	8,0	6,9	19,6	16,5

* Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 22, 54, 56. Данные таблиц 5 и 6 относятся к территории Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей.

** Рассчитано относительно численности населения на 1 янв. 1894 и 1911 гг. См.: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 126–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 г. СПб., 1912. С. 66–67, 91–94.

*** Рассчитано приблизительно с учетом возрастной структуры населения, зафиксированной Всеобщей переписью в 1897 г. Школьным считается возраст у мальчиков 7–13, у девочек – 7–11 лет.

Программы и насаждаемые методы обучения в сельских начальных школах не предусматривали закладывания основы для последующего более глубокого образования. Общеобразовательные обязательные предметы – русский язык, чистописание, арифметика – должны были давать детям элементарные навыки чтения, письма и счета. Принятая в 1897 г. «примерная программа» предметов, преподаваемых в училищах МНП, предписывала в последние годы обучения, кроме текстов религиозно-нравственного содержания и художественной литературы, читать в школе «статьи по истории и географии России как содействующие развитию в детях патриотизма и ознакомлению с родиной, статьи по естествознанию, имеющие отношение к сельскому хозяйству, по гигиене и другие деловые статьи, помещенные в классной хрестоматии»¹.

Наряду с элементарными образовательными задачами, официальные училища призваны были решать вопросы воспитания детей в определенном духе. Особенно настойчиво этот аспект в деятельности школ выдвигался на передний план Ведомством православного испове-

¹ Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства МНП, с приложениями. Томск, 1913. С. 16–17.

дания. По словам обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, церковная школа «стремится к тому, чтобы пробудить и укрепить в своих питомцах живое благочестие в духе православной церкви, расположение к ее установлениям и заветам, насадить и развить любовь к родителям и чувство самоотверженной преданности Царю и Престолу, предохранить от дурного влияния среды». На решение этих задач глава духовного ведомства требовал направить «весь распорядок» школьной жизни, «всю школьную обстановку», учебный интерьер, обязательные молитвы и т. д.¹

Главными среди обязательных предметов были Закон Божий и церковнославянская грамота. Вместе с церковным пением они занимали абсолютное большинство учебного времени в школах духовного ведомства и почти половину – в «министерских» по программе 1897 г. Учителя обязаны были подбирать духовное чтение для уроков русского языка, отечественную историю толковать в клерикальном духе, на уроках чистописания преподавать, в частности, «письмо полууставное, невольно влекущее мысль к речи церковной и предметам священным»².

В официальном правительственном документе 1898 г. (докладе государственного секретаря А. Н. Куломзина) выделялись и специфические для восточных окраин страны задачи начальной школы: 1) обучение Закону Божьему призвано было стать здесь «одним из могущественных средств для борьбы с крайне опасным и, к прискорбию, столь обычным для Сибири явлением равнодушия населения к вере и церкви»; 2) церковнославянская грамота – «символ единства России» – должна была послужить «делу духовного единения» многочисленных сибирских народов между собой и с метрополией; 3) уроки русского языка обязаны были уберечь русскую речь от искажения под влиянием иноэтнического соседства и «обеспечить за государственным языком подобающее ему преобладающее значение»; 4) чтения по истории и географии России следовало проводить «возможно шире», чтобы «довести Сибирь до сознания своего полного и тесного единства с Европейской Россией»³.

Кроме обязательных предметов, в начальных училищах могли преподаваться специальные (необязательные) дисциплины, если для этого были условия – учитель, материальная база и др. Училищ, в которых велись специальные предметы, в селениях Сибири было очень немного (табл. 6). Судя по данным Всероссийской школьной переписи 1911 г., только церковное пение имело относительно прочные позиции. Впрочем, неудовлетворительная ситуация со специальными предметами в начальных сельских училищах была характерна для всей страны.

Во второй половине XIX – начале XX в., наряду с количественными, происходили и качественные изменения школьной сети в селениях Сибири. Многие школы низшего типа заменялись или преобразовывались в училища, способные дать образование получше – с prolonged сроком обучения и более обширной программой. С 1911 г. стали появляться «высшие» начальные школы МНП с пятилетним обучением. Происходило постепенное оттеснение на вторые позиции церковных школ «министерскими», которые, по словам известного общественного деятеля А. В. Адрианова, только одни и заслуживали названия школ⁴. Число учащихся в школах духовного ведомства в целом по Сибири росло в три-четыре раза медленнее, чем во всей системе начальных училищ, и по переписи 1911 г. доля учеников в сельских школах Синода составила только 37,2 %⁵. Происходило некоторое улучшение материальной и кадровой основы просветительного дела.

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1894 и 1895 гг. 1898. С. 378.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1913 г. 1915. С. 285–286.

³ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири. С. 42–45.

⁴ Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 38.

⁵ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1. С. 142, 159–160.

**Количество сельских начальных училищ,
в которых преподавались специальные предметы (1911 г.)***

Название предмета	Показатель	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Сибирь в целом	Российская империя
Церковное пение	Абсолютное кол-во	1355	663	2018	42 194
	Доля в общем числе училищ, %	43,8	37,8	41,6	47,0
Рукоделие	Абсолютное кол-во	390	234	624	12 498
	Доля в общем числе училищ, %	12,6	13,4	12,9	13,7
Гимнастика и военный строй	Абсолютное кол-во	282	302	584	12 331
	Доля в общем числе училищ, %	9,1	17,2	12,0	13,7
Рисование и черчение	Абсолютное кол-во	119	309	428	7858
	Доля в общем числе училищ, %	3,8	17,6	8,8	8,8
Ремесло	Абсолютное кол-во	33	21	54	1114
	Доля в общем числе училищ, %	1,1	1,2	1,1	1,2
Огородничество, садоводство и пчеловодство	Абсолютное кол-во	24	16	40	2771
	Доля в общем числе училищ, %	0,8	0,9	0,8	3,1

* Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ... Вып. 16. С. 29.

Относительно последнего тезиса требуются некоторые разъяснения. В литературе обстоятельно показано, что в досоветской Сибири вследствие крайней скудости финансирования, бюрократического стиля работы аппарата материальная база начального образования была слабой: большая часть школьных зданий и мебели была плохо приспособлена для занятий, повсеместно недоставало учебных пособий и оборудования. Не хватало учителей, и администрации приходилось «назначать на учительские места чуть что ни всякого пожелавшего заняться педагогиею, лишь бы он был сколько-нибудь грамотен»¹.

Положение начало меняться после того, как Комитет Сибирской железной дороги в 1894 г. создал Фонд им. Императора Александра III, инициировал широкую общественную деятельность по организации строительства школ и церквей в Сибири. Затем, начиная с 1908 г., активизировалась соответствующая деятельность Переселенческого управления. Положительно сказалось создание в конце XIX – начале XX в. во многих городах Сибири активных обществ содействия народному просвещению, открытие новых учительских институтов и семинарий, курсов повышения квалификации педагогов. Официальный историограф Н. В. Турчанинов имел некоторые основания заявить в 1914 г.: «... пока в Сибири в деле народного просвещения достигнуты осязательные результаты лишь в области начального школьного образования. Народная школа в Сибири есть и мало уступает такой же школе в Европейской России»².

Однако это отнюдь не означает, что хотя бы одна из серьезных проблем народного образования на восточной окраине России была решена. Массовое переселенческое движение и высокий естественный прирост населения нейтрализовали значение абсолютного увеличения числа начальных школ. Все же сохранялось количественное и качественное отставание

¹ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири. С. 11.

² Турчанинов Н. В. Школьное дело за Уралом // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 254.

школьной сети Сибири от Европейской России¹. По данным школьной переписи 1911 г., одно официальное училище приходилось в Сибири в среднем на 2,5–2,7 населенных пункта, во многих местностях даже на 5–6 селений. Доля школьников среди детей школьного возраста составляла в деревнях около 1/6, среди учеников на каждые 100 мальчиков приходилось только 38 девочек (см. табл. 5). В 22,5 % сельских начальных школ совсем не было учебных пособий, в 20,5 % – книг для внеклассного чтения; только 4/10 учителей имели хотя бы среднее образование, и т. д. По далеко не полным официальным данным, в 1910 г. было отказано в приеме более чем 40 тыс. обратившимся в школы деревенским детям, из них более чем половине – из-за тесноты помещений².

Власть предрекшая признавала, что обучение в большинстве случаев являлось неудовлетворительным даже в том, что касалось главного предмета – Закона Божия, не говоря о других. Из 371 сельского юноши, опрошенного в Томске в 1865 г. при рекрутировании на армейскую службу, только двое знали десять заповедей Ветхого Завета³. Через 40 лет, во время поездки в 1905 г. по своей епархии, архиепископ Томский и Барнаульский Макарий обнаружил, что большинство учащихся подведомственных ему школ не знают и не могут объяснить смысл ни одной молитвы⁴.

Начальные школы почти исчерпывали официальные образовательные возможности крестьянства Сибири. Во-первых, сеть средних и неполных средних («низших») общих и специальных учебных заведений в Сибири была развита крайне слабо, в сельской местности она почти отсутствовала. Во-вторых, основная масса деревенских начальных школ не давала подготовки, достаточной для продолжения учебы без дополнительных занятий. Среди учащихся сибирских прогимназий и гимназий, реальных, коммерческих и военных училищ, духовных и учительских семинарий, фельдшерских, ветеринарно-фельдшерских и фельдшерско-акушерских школ, среди студентов томских вузов со временем росло число детей крестьян и казаков (по сословной принадлежности), но в основном это были городские жители⁵.

Слабо развитой в Сибири была и сеть образовательных учреждений для взрослых, а также внешкольная просветительная сеть. Та же школьная перепись 1911 г. доказывает это: в сельской местности насчитывалось всего до 30 училищ, при которых работали воскресные школы, еще в 30 велись повторительные занятия для взрослых. Воскресные школы посещало в указанном году 997 человек, повторительные занятия – 798. Учителя организовали в 963 училищах чтения для народа, провели в среднем по 14 чтений за год⁶.

Характерными для эпохи капитализма в Сибири новациями явились открытие нескольких сельскохозяйственных, лесных, промышленных училищ, ремесленных отделений, устройство ряда хозяйственных выставок, опытных полей и ферм, показательных участков, музейных экспозиций, демонстрационных экскурсий в селениях для пропаганды технических достижений. Этим занимались различные государственные учреждения и общественные организации, росла роль частной инициативы. Некоторая часть крестьянства Сибири была так или иначе вовлечена в сферу воздействия таких институтов, воспользовалась их поддержкой в деле обучения детей и перестройке своего хозяйства. Однако исследователи единодушны в оценке: специальное просвещение, ориентированное на потребности сельских жителей, в Сибири дооктябрьского периода только зарождалось, и масштабы его воздействия были не-

¹ Шамахов Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки Томского пед. ин-та. Томск, 1955. Т. 13. С. 426–429.

² Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ... 1914. Вып. 12, ч. 1. С. 4–5; Вып. 13, ч. 1. С. 29–30; 1916. Вып. 16. С. 22, 24, 28–29, 54, 56. В качестве школьного возраста в данном случае приняты у мальчиков 7–13 лет, у девочек 7–11 лет. См. также: Сборник о земстве в Сибири. С. 312.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 625. Л. 23.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 45.

⁵ Шамахов Ф. Ф. Школы дореволюционного Томска // Ученые записки Томского пед. ин-та. Томск, 1954. Т. 12. С. 23, 32–33, 68, 83, 85, 91; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 332.

⁶ Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ... Вып. 12, ч. 1. С. 25–26; Вып. 13, ч. 1. С. 49; Вып. 16. С. 3. См. также: Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 219–225.

значительными¹. Тормозили дело отсутствие средств, слабость материально-технической и кадровой базы, пороки официальной политики в данном вопросе: бессистемность, ведомственная разобщенность, формализм и бюрократия, пренебрежение к нуждам и достижениям самих крестьян. Несостоятельными оказались многим казавшиеся реалистическими предложения и попытки совместить первоначальное общее и специальное образование в стенах сельских начальных училищ².

Выше говорилось о **православной церкви как организаторе** одного из направлений развития школьной сети. Однако училища не были единственным каналом социализирующего влияния церкви на сельскую молодежь. В самом общем виде социальный заказ самодержавия государственной церкви в Сибири формулировался так: «Миссия духовенства обширна и трудна: на нем лежит нравственно-религиозное воспитание народа, на нем лежит борьба с расколом» (по выражению томского губернатора)³.

О способах осуществления этой миссии клириками Сибири неплохое представление дают выступления архиепископа Макария (Невского) на собраниях священнослужителей Томской епархии в 1891 и 1905 гг. Призывая духовенство «сколь возможно крепче держать в руках знамя своего учительства», Макарий рекомендовал для этого: 1) расширить сеть начальных школ духовного ведомства, усилить их позиции; 2) при каждой церкви обязательно иметь библиотеки духовно-нравственного содержания; 3) озаботиться приобретением и бесплатной раздачей народу религиозных листков и брошюр; 4) непременно вести внебогослужебные чтения и беседования с прихожанами, в том числе непосредственно в частных домах, разъезжая по деревням. Подразумевалось, конечно, что ядром всей этой работы должны являться богослужения и проповеди в храмах⁴.

Для темы нашего исследования интересна еще одна форма деятельности сельских священников: они зачастую выступали в роли блюстителей деревенского благочиния, учреждая в приходах общества трезвости, ходатайствуя об ограничении продажи спиртного и поддерживая «сухой» закон 1914 г., иницируя борьбу сельских и волостных властей с чересчур вольным поведением молодежи, особенно на вечерках, в периоды церковных праздников и постов. Специальные противораскольнические миссии, учрежденные во второй половине XIX в. в сибирских епархиях, призваны были вести пропаганду среди старообрядческой и сектантской молодежи с целью ее обращения в лоно государственной церкви.

Нельзя сказать, что соционормирующая и социализирующая деятельность православной церкви в условиях деревенской Сибири на практике осуществлялась эффективно. Этого и не могло случиться: в большинстве случаев между священником и его паствой не существовало необходимых для воспитывающих и воспитуемых «уз взаимного доверия, уважения и любви»⁵. Примечательно, что одно из упомянутых выше «пастырских собраний» томских клириков (1905 г.) без заметных последствий обсуждало именно вопрос «о причинах разъединения духовенства и общества мирян»⁶.

Приведем типичную оценку отношения сибирского крестьянства к официальной церкви из отчета томского губернатора за 1873 г.: «При обширности губернии и разбросанности населения здесь весьма мало церквей, отчего многие жители никогда почти не посещают хра-

¹ *Островский И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 183–187; *Турчанинов Н. В.* Школьное дело за Уралом. С. 254; *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. С. 388–392; и др.

² Подробнее см.: *Зверева К. Е., Зверев В. А.* Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013. С. 105–119.

³ ГАТО. Ф. 3. О. 2. Д. 3934. Л. 265.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 87; Съезд отцов благочинных Томской епархии 12 авг. 1891 г. // Томск. епархиал. ведомости. 1891. 1 окт.; и др.

⁵ *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. С. 63–64. См. также: *Осипов Н. О.* Ритуал сибирской свадьбы // ЖС. 1893. Вып. 1. С. 102; *Ростовцев И. Г.* На краю света. С. 244–248; *Чукмалдин Н. М.* Записки о моей жизни. М., 1902. С. 56; и др.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 79.

мов Божиих, а отсюда вытекает полное охлаждение к православию, нередко можно встретить крестьян, вовсе незнакомых с религиею и бывших в церкви только при вступлении в брак. Если же прибавить к этому, что Томская губерния была издавна местом ссылки для раскольников разных сект, и что число их постоянно увеличивается как тайным совращением, так и приселенцами, сектаторами из внутренних губерний империи, то делается понятным, как шатко здесь православие...»¹.

Наиболее ярким проявлением отчуждения от церкви было непосещение храма – равнодушие к таинствам исповеди и причастия. Согласно докладом епископов Синоду, от половины до 2/3 и более жителей сел и деревень Сибири не подходили к исповеди более года, иногда даже по 10–20 лет². Конечно, среди крестьян считалось необходимым исповедать и причастить тяжело больных; в заботе о спасении души более или менее аккуратно ходили в церковь пожилые женщины и старики, за утешением и подаванием – калеки и нищие. Но дети и особенно молодежь появлялись в церкви сравнительно редко и потому не испытывали ее каждодневного влияния. Данные о воинском призыве 1881 г. показывают: доля не бывавших у исповеди и причастия в течение года и более среди новобранцев православного исповедания из Западной Сибири равнялась 97,1 % и была в 2,4 раза выше, чем по стране в целом. Почти половина парней-сибиряков вообще ни разу или, по крайней мере, в последние пять лет не исполняла своего христианского долга³.

С целью усиления влияния государственной церкви на воспитание сельской молодежи в конце XIX – начале XX в. власти вели в Сибири усиленное строительство церквей, пытаясь ликвидировать их недостаток. К молодежи применялись меры принуждения к посещению храмов – вызов через волостных старшин и сельскую полицию, отказ от венчания без предварительной исповеди, задержка паспортов на отлучку и др.⁴

Вряд ли можно объяснить такие факты, как массовый церковный индифферентизм, вытеснение школ духовного ведомства «министерскими» училищами значительным распространением, а тем более господством атеизма в крестьянской среде. Почти все русские крестьяне считали себя истинными православными христианами. Даже в 1920-е гг., по многочисленным свидетельствам очевидцев, в сибирской деревне сохранялась приверженность большинства сельчан к «старой» религиозности: они заставляли молиться своих детей, возражали против изъятия Закона Божия из школьной программы и т. д.⁵ Однако эта религиозность («бытовое православие») была своеобразной: она не вполне совпадала с официальным церковным учением и представляла собой синкретическое мировоззрение, в котором православие сочеталось с пережитками язычества, а также элементами секуляризованного сознания и антиклерикализма⁶.

Антиклерикализм был вызван частыми конфликтами при взимании с крестьян церковной руги, злоупотреблениями и поборами причта при отправлении церковных треб, «дурными нравами» иных церковнослужителей, а в начале XX в. – также и процаристскими политическими позициями клира. Разумеется, среди сельских священников, как и среди медиков, учителей, чиновников, было немало людей, добросовестно относившихся к своим обязанностям,

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 10–11; *Чувашева И. К.* Слава Богу за всё: воспоминания деревенской учительницы. Новосибирск, 2008. С. 29–30; и др.

² *Островская Л. В.* Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 131–139; *Зинин Н. К.* Указ. соч. С. 91–94.

³ Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 162. Д. 1718. Л. 52–54.

⁴ *Островская Л. В.* Источники для изучения отношения... С. 138.

⁵ *Кузнецов И. С.* Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг. Новосибирск, 1992. С. 23–30; *Николин А.* Деревня о себе // Сиб. огни. 1925. № 6. С. 176–181.

⁶ Подробнее см.: *Григорьева Т.* Проблемы изучения «народного православия» в современной литературе // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1990. С. 76–78; *Островская Л. В.* Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 135–150; *Покровский Н. Н.* Археографические экспедиции и проблемы изучения народного сознания // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 159.

оказывавших положительное нравственное и интеллектуальное воздействие на население. Например, очень привлекают с любовью и почтением выписанные в мемуарах учительницы И. К. Чувашевой образы епископа Тобольского и Сибирского Антония (Каржавина) и сельского священника отца Димитрия из Туринского уезда – ревнителей просвещения, энергичных и умелых педагогов-наставников (речь идет о ситуации рубежа XIX–XX вв.)¹. Однако такие пастыри не всегда определяли общий фон. Анализ источников разного происхождения показывает: вследствие объективных условий своей деятельности (обширность приходов, плохое материальное положение, недостаток образования), в силу «охранительной» роли государственной церкви в обществе, просто по нерадению слишком многие клирики не выполняли своей миссии наставничества и учительства, а иной раз вредили делу воспитания и образования сельской молодежи².

Особо следует сказать о **роли старообрядческой церкви**. В ходе Первой Всеобщей переписи 1897 г. лишь 3,9 % населения Сибири отнесло себя в разряд старообрядцев и уклонившихся от православия; по официальным данным за 1911 г. таковых насчитывалось 3,2 %³. Однако учет «раскольников» в России всегда был очень неполным. Протоиерей Д. Н. Беликов считал, что на самом деле в одной Томской епархии в 1880-х гг. насчитывалось не менее 100 тыс. староверов, т. е. до 1/10 части населения⁴. Местами компактного проживания больших групп старообрядцев были Верхнеудинский округ-уезд Забайкальской области, южная часть Алтайского горного округа, юго-западные местности Тобольской губернии, где было немало «раскольничьих» поселений.

Селения старообрядцев влиятельных толков иногда представляли собой сплоченные общины во главе с популярными наставниками – своеобразные метрополии, к которым тяготели окрестные деревни. Как было установлено православными миссионерами Томской епархии, в начале XX в. у сторонников «поморского» толка в Барнаульском уезде было три таких центра, в Змеиногорском уезде – два, в д. Солоновке Бийского уезда проживало одновременно 10 известных наставников. Гнездо «федосеевцев» находилось в д. Шмаково Каинского уезда, «стариковцы» ориентировались на лидеров, живших в деревнях Сибирячиха, Катанда, Шульгин Лог Бийского уезда, и т. д.⁵

Взаимоотношения между паствой и духовными наставниками (выборными уставщиками, начетчиками, приглашенными священниками) у старообрядцев были более тесными, чем в государственной церкви между клиром и прихожанами. Уклад жизни духовных лидеров старообрядчества обычно внушал пастве больше почтения, их житейский и богословский авторитет давал возможность сильнее влиять на социализацию и поведение молодежи. При этом использовались как формальные каналы – церковные съезды («соборы»), богослужения, приходские собрания и чтения, полемика с иноверцами, организация обучения детей, так и разнообразные случаи повседневного общения. В частности, вследствие успешной деятельности «раскольничьих» проповедников в Сибири год из года даже в обстановке религиозных притеснений отмечалось присоединение православных и единоверцев к старообрядческим общинам (обратный переход случался реже). Правда, переход «в другую веру» чаще всего осуществлялся крестьянами не из мировоззренческих, а из житейских соображений, главным образом при заключении брака с представителем иной конфессии⁶.

¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1175. Л. 59–77; Чувашева И. К. Указ. соч. С. 22–23, 26–29, 31–32; и др.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 38; Вяткин Г. А. Открытыми глазами. Омск, 1985. С. 65–66; Гребенников Г. Д. Чураевы. Иркутск, 1982. С. 325–331; И. Л. Исповедь народного учителя // СГ. 1882. 29 авг.

³ Подсчитано по: Любимов П. П. Религии и вероисповедный состав населения // Азиатская Россия. С. 241–242.

⁴ Беликов Д. Н. Томский раскол: ист. очерк от 1834 по 1880-е гг. Томск, 1901. С. 14. Доля подсчитана нами с учетом численности населения в 1880-х гг. См.: Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 55–57.

⁵ Липинская В. А. Конфессиональные группы православного населения Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этногр. обозрение. 1995. № 2. С. 120–121.

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 37, 161; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2120. Л. 12; Д. 2387. Л. 44; Д. 2701. Л. 31; и др.

В целом старообрядческая церковь выступала в процессе социализации в качестве консервативной силы, что в обстановке кризиса традиционной культуры помогало сохранять преемственность поколений, но шло вразрез со многими требованиями времени (эмансипация женщин и молодежи, чтение светской литературы, обращение за помощью к врачам и др.), с прогрессивными устремлениями все большей части деревенских жителей.

Специфической группой факторов, «внешним» образом определявших образ жизни крестьян, являлись факторы информационные, близко примыкавшие к комплексу культурологических условий.

Как и в случае с демографическим поведением, бытовавшие в деревне средства и программы воспитания, образования, нормирования поведения детей и молодежи складывались веками и перенимались новыми поколениями как бы готовыми, в виде стандартных блоков, хотя и с сохранением некоторой вариативности. Педагогическая и соционормативная информация в основном кодировалась в структуре **традиции, обычая, обряда, произведения фольклора**. Ее устными носителями были авторитетные представители старшего поколения. Поэтому традиционную культуру часто называют «устной». В то же время издавна у духовных лидеров крестьянства, особенно в старообрядческой среде, был силен авторитет старых **вероучительных и нравоучительных книг**, в которых отыскивали, в частности, правила повседневного поведения в миру, воспитания детей.

Важным способом сохранения и распространения печатных и рукописных изданий в сельской местности Сибири была их межпоколенная передача, во многих случаях сочетавшаяся с перепиской, реставрацией или перепечаткой. Этот путь был наиболее характерен для староверов. В их среде находилось в обращении множество наименований старинных вероучительных и богослужебных книг, родословий, лечебников, произведений иных жанров¹. В источниках и литературе имеется немало упоминаний о книжных богатствах скитов, молельных домов, домашних библиотек известных начетчиков и «расколоучителей». Их значительную часть составляли сборники произведений религиозно-нравственного содержания – «слов», «поучений», «рассуждений», предназначенных, прежде всего, для влияния на молодежь². Эта литература передавалась от родителей к сыновьям и внукам, от учителей к ученикам, а также перемещалась из признанных религиозных центров, скрипториев и подпольных типографий на конфессиональную периферию. Во время чиновничьих расспросов или официальных следствий владельцы книг рассказывали: «Дары достались... от отца, получившего их от старообрядческих священников из Екатеринбурга»; «... книга – следованная Псалтирь, она куплена отцом моим Платоном, который этой книгой меня благословил», и т. д.³ Уроженцу и исследователю Алтая А. Е. Новосёлову в начале XX в. жители глухих селений, старообрядцы поморского согласия, показывали свои книжные редкости, «до мельчайших подробностей передавая интересную историю книги, в течение нескольких столетий переходившей из рук в руки»⁴.

На востоке Сибири в Минусинском округе Енисейской губернии этнограф Д. А. Клеменц получил в 1880-х гг. доступ к двум тетрадкам почти тождественного содержания – семейным сборникам заговоров, примет и молитв на разные случаи домашней жизни, составленным в с. Тесинском и Мало-Минусинской слободе лет 40–50 назад. Об одной из этих книжек исследователь рассказывает так: «Долго житейская мудрость, содержащаяся в ней, передавалась

¹ Миненко Н. А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 100–107; Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. С. 9–282.

² Бахтина О. Н. Из истории книжной культуры Томской губ. // Книга и книжное дело в Сибири: история, современность, перспективы развития. Новосибирск, 1989. С. 227–228; Игумнова Н. Д. Старообрядческие рукописи в научной библиотеке ИГУ // Книга и книжное дело... С. 220–224; Поплавская В. А. Книги из библиотеки первого сибирского старообрядческого епископа Савватия // Книга и книжное дело... С. 228–231; Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае. С. 41–611; и др.

³ Беликов Д. Н. Указ. соч. С. 78–79, 100, 103; и др.

⁴ Новосёлов А. Е. У старообрядцев Алтая. С. 13.

устно и хранилась в величайшей тайне от посторонних. У деда последнего владельца этих секретов был грамотный сын, который и записал переданное ему на словах в тетрадку и сам наказал своим наследникам хранить переданное сокровище втайне от других и никому не передавать, так как этою мудростию и держится уже более ста лет их дом; но дух скептицизма растет... передавший эту рукопись в чужие руки изверился в чудодейственную силу тайных молитв и заговоров»¹. Собирая в начале XX в. материалы по этнографии забайкальских казаков, учитель К. Д. Логиновский тоже смог воспользоваться несколькими старинными семейными сборниками заговоров².

Эпоха капитализма стала временем, когда информационные потребности процесса социализации все чаще удовлетворялись литературой, привносимой в крестьянскую среду извне. В ней нужно особо выделить, во-первых, литературу религиозно-нравственного и морализаторского содержания. В конце XIX – начале XX в. она издавалась довольно большим тиражом епархиальными ведомствами и обществами трезвости (особенно в Тобольске) в виде дешевых или бесплатных листов, брошюр, и раздавалась перед службой в церкви, во время занятия в вечерних школах, в миссионерских экспедициях и т. д.³ Влияние такого рода изданий на сибирское крестьянство в целом не было значительным. Гораздо более важную роль в социализации молодежи сыграла учебная, учебно-воспитательная, методическая литература, использовавшаяся в школьном деле.

Домовые школы были обеспечены такой литературой в наименьшей степени. «Образовательные пособия в школах ничтожны... Азбуки, в большинстве московских изданий, Псалтырь или часослов, грифельная доска, счеты, бумага и перо – вот весь инвентарь учебных пособий в школах; в немногих встречается “Родное слово” [К. Д. Ушинского], “Наставления в православной вере” [протоиерея Дмитрия] Соколова, “Арифметика” и только...», – так описывалась типичная ситуация второй половины XIX в.⁴ Часто не было и этого.

Более широк был набор литературы в официальных, особенно «министерских» училищах. При них создавались библиотеки с несколькими отделами: детский фонд, в котором хранились книги для внеклассного чтения учащихся и учебная литература; учительская библиотека, содержащая в основном литературу, предназначенную для учебно-методической подготовки учителей; фонд с учебными пособиями, необходимыми для продажи зажиточным родителям учеников (бедным семьям пособия из этого фонда полагалось передавать бесплатно). В конце XIX – начале XX в. при некоторых училищах стали появляться еще так называемые «народные» библиотеки с книгами, выдававшимися на время окрестным жителям. Они вписывались в зарождающуюся сеть публичных сельских библиотек, имевших различное происхождение: открытых общественными организациями, кооперативами и кредитными товариществами, созданных при волостных и сельских правлениях, при церквях. Школьные библиотеки сыграли наиболее видную роль в просвещении крестьянства Сибири⁵. Часть сельских жителей, в том числе некоторые грамотные крестьяне, имели и свои домашние библиотеки, но это не было массовым явлением.

Масштабы распространенности печатных изданий в сельской местности Сибири были невелики, доступность крестьянам литературы, необходимой в деле воспитания и обучения молодежи – слабой, хотя нужно отметить определенный прогресс, наблюдавшийся в эпоху капитализма.

В начале изучаемой эпохи в Сибири имелись местности, где жители никогда не видели книг и принимали случайно увиденные печатные издания за волостное делопроизводство –

¹ Клеменц Д. А. Наговоры и приметы у крестьян Минусинского окр. // Изв. / ВСОРГО. 1888. Т. 19, № 3. С. 4.

² Логиновский К. Д. Указ. соч. С. 2, 31–32.

³ Яблоков М. С. Тобольская епархиальная печать в борьбе с антисоциальными явлениями // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1990. С. 90–92.

⁴ Ш-в. Сибирский странствующий учитель // Сибирь. 1887. 7 июня. См. также: Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. ... С. 64–65; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1888. Вып. 1. С. 324.

⁵ Подробнее см.: Зверева К. Е., Зверев В. А. Указ. соч. С. 147–163.

единственный известный им продукт письменной культуры¹. На рубеже 1880–1890-х гг. на Спасском участке Каинского округа Томской губернии в обследованных 3546 крестьянских дворах оказалось 1765 экземпляров книг, что составляло 50 томов на каждые 100 домохозяйств, 10 – на 100 человек населения, 185 – на сотню грамотных лиц². В 1894–1895 гг. в Киренском округе Иркутской губернии в 25 обследованных селениях книги имелись в 30 % домохозяйств, в общем количестве 1441 экземпляр. На один населенный пункт приходилось здесь в среднем 58 книг, на 100 дворов вообще – 114, на сотню домохозяйств, располагавших книгами – 381 том. Следует учесть, что данные по Киренскому округу несколько приукрашивают общее положение, поскольку обследовались селения, находившиеся «в сравнительно лучших условиях»³. С другой стороны, и на западе, и на востоке Сибири приведенные цифры характеризуют лишь книги и «толстые» журналы, находившееся в собственности жителей, и не затрагивают фондов немногих, впрочем, публичных библиотек. В домах старообрядцев наверняка не были учтены старинные книги, составлявшие для староверов огромную ценность и скрываемые от посторонних.

С общественными библиотеками к началу XX в. ситуация выглядела следующим образом. По официальным данным, в середине 1910 г. во всей Томской губернии насчитывалось 137 сельских библиотек с 40 174 экземплярами книг. К 1917 г. Томское общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален помогло открыть еще 454 библиотеки со 150 тыс. экземпляров книг, брошюр, журналов и газет. В среднем получается одна библиотека из 100–400 книг на 22 тыс. жителей в 1910 г. и на 10 тыс. человек – в 1917 г.⁴

Имеются данные о педагогической функции библиотек. В 1911 г. в сельских библиотеках Томской губернии пользовались фондами 35 620 читателей, или чуть больше 1 % сельчан. Взрослые составляли среди них 35 %; подростки, недавно окончившие школу, – 24; учащиеся – 41 %⁵. Школьная перепись в том же году показала следующее: из всех начальных сельских училищ Сибири детские отделы имелись в 79,5 %, учительская библиотечка наличествовала в 80,9 %, а народная библиотека – только в 5,9 %. Едва ли 53 книги, хранившиеся в средней учительской библиотеке, обеспечивали учителю достаточно широкий профессиональный и общекультурный кругозор. На одного ученика приходилось всего около 5 экземпляров книг для учебы и внеклассного чтения⁶.

Комплектование всех общественных книгохранилищ производилось в строгом соответствии с официально утвержденными «разрешительными» каталогами. Как и начальные школы в целом, библиотечная сеть при них была призвана «дать учащимся религиозно-нравственное воспитание, развить в них любовь к Царю и России», утверждать «христианское чувство любви к Богу и ближнему, развить... правильный взгляд на свои... отношения к семье и Отечеству»⁷. Поэтому основную часть книжных фондов составляли адаптированные в воспитательных целях жития святых, рассказы из Священного Писания и истории христианства, нравоучительные сочинения церковных иерархов, а также верноподданнические описания. В годы Русско-японской и Первой мировой войн библиотеки усиленно снабжались изданиями националистического толка.

Фонды многих сельских библиотек содержали и хорошую художественную литературу, наиболее полезную для становления личности молодого человека. Среди представленных

¹ Савельев А. А. В тайге // Неделя. 1882. 20 июня.

² Подсчитано по: Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 17. С. 82–83. В подсчет не вошли книги из богатой библиотеки торгующего крестьянина М. Шипицына из с. Спасского.

³ Подсчитано по: Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. ... С. 64–65.

⁴ Подсчитано по: Косых Е. Н. Книжное дело в Сибири... С. 114–115; Отчет совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ. за 1908–1909 гг. Томск, 1910. С. 7. Данные о количестве населения см.: Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. Вклейка.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 183. Д. 337. Л. 8.

⁶ Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ... Вып. 16. С. 28.

⁷ ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 90–93; РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 127. Л. 69; и др.

классиков русской литературы источники чаще всего называют Ершова, Крылова, Пушкина, Л. Толстого, Тургенева, Гаршина, Горького, Грибоедова, Григоровича, Кольцова, Короленко, Лермонтова, Мамина-Сибиряка, Станюковича, А. Толстого, Чехова; из зарубежных авторов – Майн Рида, Ж. Верна, В. Скотта, Д. Дефо, Диккенса, Авенариуса. Заметную часть книжных фондов составляли беллетристические произведения менее крупных литераторов, иногда во все лишенные художественных достоинств, а также разрозненные научно-популярные издания по полеводству и огородничеству, скотоводству, пчеловодству, лесному и луговому делу, по физике, ботанике, истории, географии этнографии. Изредка встречались легальные издания социально-экономического и политического характера¹. Элементарные специальные знания при желании можно было почерпнуть из периодических изданий.

В деле политического просвещения и ангажирования крестьянства значительную роль сыграли прокламации и брошюры, нелегально распространявшиеся в селениях в начале XX в., особенно в периоды обострения классовых борьбы агентами леворадикальных и праворадикальных партий и организаций. «Народ читает... прокламации и по доверию к печатному слову не остается глухим к ним», – с прискорбием констатировал уже в отчете за 1904 г. архиепископ Иркутский и Верхоленинский Тихон (Троицкий)².

Значительная часть информации о «мире Божьем» – о природе и обществе – проникала в сибирскую деревню по-прежнему в устном виде при общении с чиновниками и сельской интеллигенцией, мастерами на предприятиях обрабатывающей промышленности, отставными солдатами, с «хозяевами» людьми – паломниками, отходниками, бродягами, с местными и разъездными торговцами, переселенцами и ссыльными, горожанами-дачниками в пригородных местах и т. д.

Информация в той или иной степени была вовлечена в процесс социализации либо как материал для воспроизводства программ социализирующего поведения, либо как составная часть передаваемого от поколения к поколению общественного опыта и знаний. Сами сибиряки в основной массе осознавали скудность информационной базы «деревенской педагогики» в новых условиях – в обстановке модернизации общества, и стремились ее пополнять, но возможности для этого были небогатыми. Этнограф А. А. Макаренко рассказывает о хорошо известных ему крестьянах Енисейской губернии (1913 г.): «”Чево мы знам? Живем в лесу, молимся колесу!” – говорят они с глубокой иронией и затаенной обидой на порядки, обрекающие их на умственный застой и невежество»³. Сходным было положение и в прочих местностях окраинной Сибири.

¹ ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–26; Д. 3. Л. 1–10; Д. 19. Л. 1–7; *Личков Л. С.* Как и что читает народ... 1896. № 1. С. 33–46; № 2. С. 28–42; *Р-ва.* Что читает верхоленинский крестьянин, как относится к литературе, его песни и пр. // *Сибирский сборник.* Иркутск, 1888. Вып. 3. С. 37–43; и др.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2028. Л. 12.

³ *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь. 2-е изд. Новосибирск, 1993. С. 23. См. также: ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 6. Л. 60, 72, 132; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3635. Л. 5; Д. 6982. Л. 86; РГИА. Ф. 733. Оп. 183. Д. 337. Л. 13.

ГЛАВА 3

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА – ОСНОВА ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

3.1. Деревенский демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей

Переходя к конкретно-исторической характеристике демографического поведения (брачного, детородного, жизнесохранительного, миграционного) жителей сибирской деревни, посвятим первый раздел главы характеристике главного способа организации такого поведения во времени – народному демографическому календарю.

Народный календарь, как известно, является одним из ярчайших проявлений традиционной культуры любого этноса и основной формой ее хронологической организации. Русскому народному календарю и, в частности, его сибирским вариантам посвящен обширный круг исследовательской литературы¹. Однако неоправданно малое внимание уделяется демографической и семейной составляющим этого календаря: посезонному и помесячному распре-

¹ *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978; *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. [2-е изд.] М., 1991. С. 389–409; *Золотова Т. Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Омск, 2002; *Соколова В. К.* Календарные праздники и обряды // Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 380–395; *Тульцева Л. А.* Календарные праздники и обряды // Русские. М., 1997. С. 616–646; *Фурсова Е. Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской обл. Новосибирск, 2002–2003. Ч. 1–2; и др.

делению брачной и семейной повседневной жизни, в которой огромное значение имело демографическое поведение людей. Слабо изучен, например, вопрос о том, каким образом в семейной повседневности по сезонам распределяются зачатия и рождения детей, браки «возросшей» молодежи, заболеваемость и смертность близких людей. Между тем очевидно, что распределение демографических событий в ежегодном цикле (мы предлагаем называть это распределение вместе с его социокультурной и ментальной мотивацией **народным демографическим календарем**) является индикатором многих исторических особенностей образа жизни крестьянского сообщества и составляющих его структур.

Нельзя сказать, что эта тема вовсе не интересовала ученых. В этнографических трудах констатируется, что время браков у русских определялось сельскохозяйственным календарем (играли свадьбы в свободный от работ осенне-зимний период), что имел значение также церковный календарь – в пост браки не венчались¹. Однако массовые статистические данные для обоснования этих положений этнографы не привлекали. Историки лучше оценивают значение строгих количественных показателей. Так, Б. Н. Миронов анализировал статистику населения Европейской России за 1867–1910 гг. и обнаружил в эволюции помесячного числа свадеб свидетельство отхода городского населения от традиционной модели брачности, а в изменениях сезонного соотношения рождений – следы начавшейся секуляризации массового сознания². Некоторые аспекты народного демографического календаря затрагивались и в научных трудах о Сибири. В частности, в наших работах с опорой в основном на источники второй половины XIX в. по-новому трактуется время свадеб (выделены основной зимний период и второй по значению – осенний); при объяснении распределения рождений по месяцам наряду с экономическим и религиозным указан природный фактор; анализ сезонной летальности помогает выяснить причины непомерной детской смертности в селениях Сибири³. Историк А. Н. Сагайдачный рассмотрел данные по с. Викулово Тарского округа (уезда) Тобольской губернии за 1863–1914 гг. и подкрепил наши выводы относительно сезонности зачатий и рождений в крестьянской среде⁴. Однако уже привлеченные специалистами источники по теме, относящиеся к Сибири, не являются достаточно полными, особенно слабо они освещают период начала XX столетия. Исследования либо локальны по территориальному охвату, либо имеют тезисный характер и в любом случае не дают комплексного анализа проблемы.

В настоящем разделе мы стремились выявить сезонную специфику демографического поведения русского крестьянства и казачества в ряде губерний и областей Сибири; в комплексе охарактеризовать роль природного, экономического и культурно-религиозного факторов в формировании годового цикла браков, рождений и смертности в селениях региона.

Почти все показатели о числе рождений, браков и смертей по месяцам года в населении России досоветского периода основаны на информации, внесенной в метрические церковные книги, где при отправлении религиозных треб фиксировались даты абсолютного большинства демографических событий. Часть метрических книг, относящихся к периоду второй половины XIX – начала XX в., сохранилась в архивах, однако нет ясного представления о степени полноты и уровне репрезентативности этого комплекса, и потому использование его для изучения ситуации в общесибирском масштабе затруднено. В настоящем разделе монографии мы воспользовались уже опубликованными обобщенными данными метрических книг по ряду обширных местностей.

¹ См., например: Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русские. С. 474.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 169–171; Т. 2. С. 327–332.

³ Зверев В. А.: 1) Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993. С. 78–80, 83–84, 94–96; 2) Годовой круг деторождений в селениях Сибири: влияние природы, экономики и религии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитар. науки в Сибири. 2001. № 2. С. 31–35.

⁴ Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 71–72, 82–85.

Обстоятельства появления этих данных таковы. Томский педагог и издатель А. И. Ефимов обработал ведомости, ежегодно на основе метрических книг составлявшиеся настоятелями храмов, а затем направлявшиеся в губернский статистический комитет. В итоге были получены сведения о сезонной рождаемости, брачности и летальности в основной (более 90 %) православной части населения всей Томской губернии за 1870–1880 гг.¹ Войсковой врач В. П. Гедройц-Юраго особо отметил, что метрические книги казачьих церквей дают «вполне удовлетворительные сведения» о рождаемости и смертности, и опубликовал соответствующие данные за 1878–1887 гг. по казакам, расселявшимся на Пресногорьковской линии в Петропавловском уезде Акмолинской области². Другой врач – А. К. Белявский – обработал метрики по большой казачьей станице Стретенской и прилежавшим к ней селениям Забайкальской области. Выявленные им сведения о годовом цикле рождений и смертей беспрецедентны по историческому охвату, «перекрывая» период с 1840 по 1920 г.³ В свое время были опубликованы также сводки данных метрических книг о брачности по Киренскому округу Иркутской губернии за 1873–1897 гг.⁴, о смертности в станице Стретенской за 1895–1897 гг.⁵

Особое место среди источников занимает официальная статистика Министерства внутренних дел. По губерниям Европейской России сезонность демографических событий отражена в ежегодных изданиях сборника «Статистика Российской империи». Цифры по Сибири и другим окраинам России в большинстве изданий этой серии не включены, так как считалось, что они недостаточно надежны. Однако в этом правиле есть исключения. «Статистика...» содержит сведения по Енисейской и Тобольской губерниям за 1902 г., по тем же регионам и Семипалатинской области за 1903 г., по Иркутской и Енисейской губерниям за 1904 г.⁶ Здесь, в частности, помещены сводные таблицы о брачившихся, родившихся и умерших по месяцам. Показатели таблиц получены путем суммирования тех данных метрических книг, которые были включены в статистические отчеты местными органами управления. Суммарные показатели уточнены в Центральном статистическом комитете МВД.

В указанном официальном комплексе привлекает масштабность территориального охвата (целиком несколько губерний): она дает возможность распространять выводы, сделанные на основе анализа этого источника, на всю территорию Сибири, особенно при условии привлечения сравнительных материалов по другим, не столь обширным местностям. Хорошо, что в таблицах даны отдельные строчки показателей по городам и уездам, это позволяет специально характеризовать ситуацию в сельском населении, а фактически – в крестьянской среде. С другой стороны, смущает узкий хронологический охват. Чтобы получить наиболее представительный материал для анализа, уменьшить влияние на источниковедческую базу тех или иных случайностей конкретного года, по Тобольской и Енисейской губерниям мы суммировали данные за 1902 и 1903 гг. Ситуацию в этот двухгодичный период можно считать в достаточной степени типичной для более длительного этапа на рубеже XIX–XX вв.

¹ *Ефимов А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. СПб., 1890. С. 11–17, 41–42. Далее в настоящем разделе монографии (в таблицах 7–9 и в тексте) количественные показатели по Томской губ. подсчитаны по этому источнику.

² *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. Омск, 1890. № 8. С. 138–148, 162–164. Далее в настоящем разделе монографии сведения по казачеству Петропавловского уезда (в таблицах 8–9 – «Акмолинская обл.») исчислены по этому источнику.

³ *Белявский А. К.* Рождаемость, брачность и смертность г. Стретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южно-Уссурийского края. Владивосток, 1925. № 21. С. 662–663.

⁴ *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ.: (Брачность. Рождаемость. Смертность) // Изв. / ВСОРГО. 1903. Т. 34, № 2. С. 137–148.

⁵ *Колбасенко И. С.* Станица Стретенская (Забайкальской обл.), ее народонаселение и санитарный быт. Хабаровск, 1899. С. 116–121.

⁶ Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. 252–257; 1909. Вып. 70. С. 252–257; 1911. Вып. 74. С. 252–257. Далее в настоящем разделе монографии (в том числе в таблицах 7–9) обобщенные сведения о браках, зачатиях, рожденьях и летальности в Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях подсчитаны по этому источнику.

Пересчитав часть данных А. И. Ефимова, В. П. Гедройц-Юраго и статистических сборников МВД, мы построили таблицы 7–9, в которых представлен разброс браков, зачатий, рождений и смертей по календарному году в селениях Сибири второй половины XIX – начала XX в. Особо оговоримся, что здесь показано не абсолютное количество демографических событий, а исчисленное нами их соотношение в процентах и относительное значение в разные месяцы при среднемесячной величине за год, принятой за 1000. Конечно, статистика дает возможность установить только приблизительное сезонное соотношение семейных демографических «происшествий». Приблизительность объясняется неполнотой метрической регистрации, случавшимся ее запаздыванием по отношению к реальным событиям и иными факторами. Однако погрешности в данном случае невелики, об этом свидетельствует достаточно четкое проявление в вычисленных показателях строгих закономерностей демографического календаря. При объяснении «клиометрических» выкладок незаменимыми для нас оказались сведения, почерпнутые из этнографических и медико-топографических описаний, мемуаров современников, врачебных отчетов медицинских учреждений и иных нарративных источников.

Анализ различных аспектов народного демографического календаря сибиряков **начнем с брачности**. История большинства семей – главных ячеек воспроизводства населения, как известно, начинается со свадьбы: создается брачная пара, которая потом, после рождения у нее детей, может разрастись в семью. Анализ данных о православном населении сельской местности Томской губернии за 1870–1880 гг., обо всем деревенском населении Тобольской и Енисейской губерний за 1902–1903 гг. (табл. 7) показывает, что браки крестьян крайне неравномерно распределялись по календарному году. Измерим *амплитуду годового колебания* с помощью двух показателей – вариационного размаха (разность между наибольшим и наименьшим значениями признака) и среднего квадратического отклонения, равного интервалу, внутри которого колеблются значения признаков вокруг их среднеарифметической величины¹. При средней арифметической, принятой за 1000, среднее квадратическое отклонение составляет в Томской губернии 1061, в Тобольской – 1238, в Енисейской – 1308. Годовой вариационный размах колеблется от 3960 демографических событий в Томской губернии до 4788 в Енисейской, т. е. до 480 % от среднемесячной величины.

Таблица 7

Помесячное распределение браков в сельском населении Сибири

Месяц	Томская губ., 1870–1880 гг.		Тобольская губ., 1902–1903 гг.		Енисейская губ., 1902–1903 гг.	
	%	при средней величине, принятой за 1000	%	при средней величине, принятой за 1000	%	при средней величине, принятой за 1000
Январь	33,0	3960	39,1	4692	40,1	4812
Февраль	17,8	2136	16,9	2028	18,7	2244
Март	–	–	0,8	96	0,4	48
Апрель	5,3	636	3,5	420	5,2	624
Май	7,1	852	5,4	648	5,8	696
Июнь	3,9	468	3,8	456	4,0	480
Июль	8,2	984	6,2	744	4,0	480
Август	1,4	168	1,3	156	1,0	120
Сентябрь	4,0	480	2,6	312	1,2	144
Октябрь	10,3	1236	9,5	1140	6,8	816
Ноябрь	9,0	1080	10,1	1212	12,6	1512
Декабрь	–	–	0,8	96	0,2	24

¹ Аппарат исчисления показателей вариации и корреляционного анализа парных зависимостей, примененный в данном разделе монографии, см.: *Славко Т. И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981. С. 47–58, 87–94.

Данные таблицы 7 свидетельствуют также, что разброс свадеб по месяцам в разных местностях Сибири строго подчинялся общим закономерностям. Об этом красноречиво свидетельствует параллельность кривых линий сезонного изменения показателей в регионах. Очень высок коэффициент линейной корреляции годовой динамики браков между тремя губерниями: 0,98–0,99. Во всех регионах наблюдалось два всплеска матримониальной активности в году: зимний в январе-феврале, когда заключали 50–60 % всех браков, и осенний в октябре-ноябре, на который приходилось почти 20 % свадеб. В марте и декабре брачная активность населения практически замирала совсем, в августе она была крайне низкой, и в остальные месяцы количество свадеб было относительно невелико. Сходную картину дает статистика браков по Киренскому округу Иркутской губернии за 1873–1897 гг., только здесь зимний пик свадебной активности выражен еще рельефнее (73,9 %), а осенний ослаблен, составляя 8,3 %¹. Русское население Восточного Забайкалья укладывается в те же закономерности², и уверенно можно сказать, что они присущи селениям всей Сибири.

Выявленные закономерности требуют своего объяснения, и такое объяснение возможно с позиций многофакторного подхода. Начнем с того, что действует **культурно-религиозный фактор**. Православная церковь не венчала браки прихожан во время четырех многодневных постов: Великого (он длится 48 дней перед Пасхой и в изучаемое время почти всегда включал в себя весь март)³, Петрова (20 дней в мае-июне), Успенского (1–14 августа) и Рождественского (15 ноября – 24 декабря). Действовал религиозный запрет на браки также между Рождеством Христовым и Крещением (25 декабря – 6 января), на протяжении Масленицы – недели перед Великим постом, в пасхальную неделю. Поскольку семейный свадебный обряд обычно включал в себя церковное венчание, в указанные сроки в русских деревнях свадьбы не играли. Отмеченное в таблице 7 небольшое количество браков в Тобольской и Енисейской губерниях принадлежит нерусскому населению. Указанные церковные запреты определяли сокращение числа браков также в феврале (в иные годы здесь начинались Масленица и Великопостье), в апреле-июне, августе, ноябре. На июль ни одного поста не приходилось, поэтому здесь отмечалось небольшое брачное «оживление».

Нужно отметить особое положение в народном демографическом календаре некоторых христианских праздников: к ним сознательно старались «приспоровливать» начало, разгар или окончание сезонов сватовства и свадеб. Так, начало осеннего свадебного периода у сибиряков, как и у русских в Европейской России, приходилось на праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября), пик этого периода – на день памяти явления иконы Богородицы в Казани («Казанская», 22 октября). После праздника Богоявления, или Крещения Господня (6 января) начинался основной зимний свадебный сезон⁴. В архивохранилищах отложилось большое количество прошений крестьян к церковным властям с просьбой разрешить венчание хотя бы в последний день зимнего «мясоеда», даже не дожидаясь исполнения сыну необходимых для брака 18 лет⁵. Культурный мотив из области суеверий удерживал сибиряков от брака в мае. Помнили поверье: «В мае жениться – век маяться», т. е. скверно жить между собою⁶.

Второй важный фактор, регулировавший распределение свадеб по месяцам – **хозяйственная деятельность крестьянства**, прежде всего цикл аграрных работ, но также и местные промысловые занятия. Осенний сезон сватовства и свадеб повсеместно открывался с Покрова Богородицы (1 октября), т. е. с окончанием полевых и огородных уборочных работ, когда

¹ Подсчитано по: Кокоулин К. К. Естественное движение населения... С. 137.

² Белявский А. К. Указ. соч. С. 665.

³ Все календарные даты в настоящей монографии приводятся по юлианскому календарю (по «старому стилю»).

⁴ См., например: Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири, XIX – начало XX в. Новосибирск, 2004. С. 122–123; Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. 2-е изд. Новосибирск, 1993. С. 45, 81.

⁵ ГАТ. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2202. Л. 85, 118, 149; РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 3673. Л. 1; Д. 4022. Л. 1; и др.

⁶ ИРЛИ. Разр. V. Кол. 78. П. 7. № 640. Л. 5; Шамаев И. Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // ЕТГМ. 1902. Вып. 13. Отд. 2. С. 25.

появлялись продуктовые запасы и высвобождалось больше времени для гулянок. Впрочем, в Восточной Сибири, как свидетельствуют приведенные выше данные по Енисейской и Иркутской губерниям, по осени женились относительно немногие. И объяснение этому тоже лежит в области экономики. Врач и этнограф-любитель М. Ф. Кривошапкин писал так: «... в Енисейском округе свадьбы бывают уже после святок, потому что с осени – кто оканчивает занятия по хлебу, кто собирается в леса за зверем, кто управляется по дому... кто приготавливается и потом начинает перевозить тяжести на прииска, кто приступает к рубке дров и себе, и на продажу, либо перевозит их, если есть готовые. Словом, у всех работа – отдыхать и играть свадьбы некогда»¹.

Зимнее бракосочетание для крестьянской семьи в Сибири было удобнее осеннего по хозяйственно-бытовым причинам: продажа хлеба и мяса давала к этому времени денежные средства на свадьбу; «мужской полк» возвращался к морозам из тайги с охотничьего промысла; после свадьбы к весне – к новому хозяйственному сезону – в дом приходили молодая работница (при патрилокальном браке) или работник (при матрилокальном). Не случайно в архивах отложилось большое количество прошений крестьян к церковным властям о разрешении венчания именно в зимний «мясоед», даже если сыну не успело исполниться необходимых для женитьбы 18 лет².

Крестьянская экономика в значительной степени определяла и резкое сокращение числа свадеб в период с апреля по сентябрь включительно. Во время жизненно важных полевых и огородных работ брачными делами заниматься было некогда, да и средств на свадьбу у «нехватной» семьи до нового урожая не было. Нужно иметь в виду, что здесь на календарь браков опосредованным образом влияет и **природный фактор**. Известно, что климат Сибири (поздняя весна, ранние заморозки, короткий период вегетации растений и т. д.) обуславливал очень высокую степень интенсификации полевых работ в конце весны – начале осени, что в свою очередь понижало в это время матримониальную активность крестьянства.

Еще одно проявление воздействия природного (в данном случае – природно-биологического) фактора можно усмотреть в том, что крестьяне при подготовке к свадьбе волей-неволей должны были прогнозировать календарный срок рождения у молодоженов детей. Хотя в среднем, по имеющимся медико-статистическим сведениям, промежуток между брачной ночью и рождением первенца составлял в Сибири 11–18 месяцев³, велика была вероятность появления младенца уже через 9–10 месяцев: молодницы обычно исполняли свои репродуктивные обязанности «со рвением и неукоснительно» (по словам врача С. Арканова)⁴. Традиция заключать браки зимой была поэтому оправданной, поскольку дети в таком случае имели хорошие шансы родиться осенью, за зиму подрасти, и с весны «баба могла впрячься в работу и не ойкнуть... малец мог обходиться хлебной соской и меньше тянул мать»⁵. Свадьбы, сыгранные в любой другой сезон, были менее благоприятными для времени рождения скорых первенцев. Впрочем, мы переходим здесь уже к рассмотрению вопроса о календарном **распределении рождаемости** в деревне.

Очевидно, что народный календарь включает в себя два рода демографических событий, связанных по времени с браками, но еще теснее – друг другом: зачатия и рождения детей. Распределение этих событий по месяцам календарного года в ряде регионов Сибири показано в таблице 8. Кроме сельчан Томской, Тобольской и Енисейской губерний (за указанные выше годы) таблица охватывает казачество Петропавловского уезда Акмолинской области за 1878–1887 гг. Число рождений подсчитано здесь непосредственно по данным демографической статистики. Чтобы получить показатели зачатий, исходную базу данных

¹ Кривошапкин М. Ф. Енисейский окр. и его жизнь. М., 1865. Т. 1. С. 39.

² ГАТ. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2202. Л. 85, 118, 149; РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 3673. Л. 1; Д. 4022. Л. 1; и др.

³ Арканов С. К антропологии сибирячки: (половая жизнь) // Сиб. врач. 1917. 20 нояб.; Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903. С. 32, 35.

⁴ Арканов С. Указ. соч.

⁵ Филоненко И. Е. Хлебопашец: документ. повесть. М., 1984. С. 18.

о рождениях мы передвинули на девять месяцев назад. Разумеется, показатели, полученные таким способом, еще меньше, чем брачность, рождаемость и смертность, могут претендовать на абсолютную точность. Ведь реально «ходить в тягости» женщина может иногда не девять месяцев, а короче или дольше; после некоторых зачатий случаются выкидыши и мертворождения, не отмеченные в статистике рождений, и т. д. Однако за неимением более точных сведений ряд ученых успешно пользуется такими приблизительными подсчетами¹, и мы последуем их примеру.

Таблица 8

**Помесячное количество зачатий и рождений в сельском населении Сибири
(средняя величина принята за 1000)**

Месяц	Томская губ., 1870–1880 гг.		Акмолинская обл., 1878–1887 гг.		Тобольская губ., 1902–1903 гг.		Енисейская губ., 1902–1903 гг.	
	зачато	рождено	зачато	рождено	зачато	рождено	зачато	рождено
Январь	1019	1063	1196	1008	1069	1063	1097	1016
Февраль	1018	946	1041	905	1022	916	1090	888
Март	884	1004	911	966	877	1021	861	1031
Апрель	1063	902	1008	927	1063	809	1016	897
Май	946	1013	905	827	916	919	888	862
Июнь	1004	1143	966	966	1021	1089	1031	1074
Июль	902	1104	927	1140	809	1163	897	1087
Август	1013	1028	827	1137	919	1102	862	1148
Сентябрь	1143	877	966	977	1089	951	1074	948
Октябрь	1104	1019	1140	1196	1163	1069	1087	1097
Ноябрь	1028	1018	1137	1041	1102	1022	1148	1090
Декабрь	877	884	977	911	951	877	948	861

При анализе таблицы 8 становится очевидным, что ежемесячные колебания количества зачатий и рождений во всех субрегионах на всем протяжении изучаемого периода были довольно заметными, хотя и не столь сильными, как в случае со свадьбами. Годовой вариационный размах колеблется от 266 демографических событий в Томской губернии до 369 в Акмолинской области, т. е. до 37 % от среднемесячной величины. Среднее квадратическое отклонение равняется 81 в селениях Томской губернии, 91 – в Тобольской, 99 – в Енисейской губернии, 106 – у казачества Акмолинской области. Можно констатировать также довольно тесную согласованность кривых линий сезонного изменения показателей в регионах. Коэффициент линейной корреляции между Тобольской и Енисейской губерниями составляет 0,89; между Томской и Тобольской – 0,83; у Томской и Енисейской – 0,70. Несколько особняком стоит Акмолинская область: коэффициент линейной корреляции здесь велик при сравнении с Енисейской губернией (0,86) и Тобольской (0,76), но меньше при сопоставлении с Томской губернией – 0,42. Причину этого локального несоответствия мы постараемся раскрыть ниже.

Во всех без исключения регионах в осенне-зимний период наблюдалось увеличение интенсивности зачатий, а весной-летом происходил спад этой интенсивности. Соответственно, летом-осенью наблюдался подъем рождаемости, а в зимне-весеннюю пору происходило ее сокращение. В рамках этой генеральной закономерности некоторые месяцы демонстрируют отклонение. Так, в обстановке осенне-зимнего учащения зачатий декабрь дает одно из наименьших в году значений показателя. В условиях весенне-летнего спада уровни зачатий в апреле и июне оказываются, тем не менее, обычно выше среднемесячной величины. Сдвинемся на девять месяцев вперед и увидим, что низкая рождаемость в сентябре, высокая – в январе и марте вносят перебивки в плавное течение межсезонной динамики рождений.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 2. С. 327–330; Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне... С. 71–72; и др.

Поиск объяснения выявленной картины. Ясно, что непосредственным образом на ситуацию воздействует **биологический фактор**. Физиологические особенности женского организма, формировавшиеся тысячелетиями, подталкивают его к особой половой активности осенью и в начале зимы (в условиях Сибири это октябрь-декабрь). Световой день тогда становится коротким, что сокращает в организме выработку мелатонина – гормона, подавляющего сексуальность и иногда препятствующего наступлению беременности¹. С точки зрения природы, данный период – самый благоприятный для начала беременности, поскольку дети, зачатые в октябре-декабре, рождаются в конце лета – начале осени, когда они и их матери меньше всего рискуют пострадать от голода.

Биологами также установлено, что в феврале-марте у женщин наступает естественное снижение способности к оплодотворению, что ведет к неизбежному сокращению рождаемости в ноябре-декабре – примерно на 14–15 %. По законам природы второй в году биологически обусловленный всплеск зачатий в Сибири должен был приходиться на апрель-май, ибо весной активизируется жизнедеятельность человеческого организма. Таблица показывает, что данный фактор действительно приводил к увеличению числа зачатий в апреле, рождений – в январе. Однако, как установил еще В. П. Гедройц-Юраго, он влиял на рождаемость в Зауралье слабее, чем в Европейской России. В силу зимнего истощения людей и растянутости весенних биологических процессов «сибирская весна, со своею бедною природою, не производит на население того оживляющего влияния, которое наблюдается на западе»².

Речь здесь идет уже о влиянии **природно-климатической среды**, которая детерминировала сезонность зачатий и рождений опосредованно – через хозяйственную деятельность крестьян, санитарно-гигиеническую обстановку в селениях и т. д. Климатические условия Сибири, в частности, длительные периоды летней жары, наличие обширных заболоченных местностей, благоприятствовали распространению в теплое время года эпидемий, особо опасных для рожениц и грудных детей. Зная об этом, иные крестьянки старались предотвратить зачатие детей в первые осенние месяцы, откладывая половую активность на конец осени и зиму – чтобы рождение ребенка не пришлось на начало лета. Выше уже шла речь о том, что климат Сибири определял высокую интенсивность летних аграрных работ, особенно в августе. «Август месяц – ягоды и грибы по праздникам, согнуты спины сотен мужчин и женщин на полях в будни», – свидетельствует М. В. Загоскин, знаток образа жизни крестьянства Восточной Сибири³. В этот период крайнего напряжения сил свертывалась половая жизнь крестьян, происходили сбои менструального цикла у женщин. Интенсивность зачатий уменьшалась, что вело к падению рождаемости в конце зимы и весной, особенно в мае.

Специфика образа жизни крестьянства, стержень которого составляла хозяйственная деятельность, сезонность чередования рабочего и рекреационного времени – тоже немаловажный фактор помесечной неравномерности деторождения в селениях. Объясняя зафиксированное в таблице 8 учащение зачатий с сентября-октября по февраль (исключая декабрь), нужно помнить, что в этот период заканчивалась страда и затем вовсе замирали аграрные работы, крестьяне имели в относительном изобилии калорийную пищу и приурочивали сюда молодежные игрища и свадьбы. Таким образом, подкреплялось воздействие охарактеризованного выше биологического фактора. В результате на летне-осеннее полугодие приходилось большинство рождений – до 55 %. Еще одну причину этого явления писатель-сибиряк Г. Д. Гребенщиков, сам рожденный и выросший в деревне на Алтае, объяснял так: «Летняя страда для матерей была вдвойне изнурительной – надо жать, и косить, и молотить, когда ребенок уже на сносях. Поэтому рождались прежде времени, как раз к зиме»⁴.

¹ Сергеев Д. «Осенней ночью думай обо мне»: интервью с сексологом канд. мед. наук Э. К. Забковой // СПИД-инфо. 1997. № 7. С. 33.

² Гедройц-Юраго В. П. Указ. соч. С. 146.

³ Загоскин М. В. Десять лет в сибирской деревне // Сибирский сборник. СПб., 1890. Вып. 1. С. 38.

⁴ Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь // Сиб. огни. 1984. № 12. С. 83.

С сезонностью крестьянской экономики связан и низкий уровень зачатий в мае, июле и августе, последствием чего становилось малое число рождений в феврале и апреле-мае. Как мы уже говорили, поздняя весна и лето являются периодом наиболее трудоемких полевых сельскохозяйственных работ – пахотных, посевных, сенокосных, хлебоуборочных. Явно выбивается из низкого летнего ряда всплеск количества зачатий в июне (а рождений, соответственно – в марте), но он хорошо объясним временным снижением интенсивности крестьянского труда между окончанием посевной и началом сенокоса.

Мы уже обращали внимание читателей на неполную типичность помесечного распределения зачатых и рожденных на Пресногорьковской казачьей линии в Акмолинской области по сравнению с иными регионами Сибири. Слаба корреляция годовых рядов показателей оттого, что в Акмолинской области июньский подъем половой активности населения был почти незаметен. Летний спад зачатий являлся здесь наиболее глубоким и длился дольше, чем в Томской, Тобольской или Енисейской губерниях – не до сентября, а до октября. Такие отклонения от общей нормы можно объяснить спецификой образа жизни казачества: в летний период хозяйственная деятельность у него дополнялась активной воинской службой. Например, в июне проходили обязательные лагерные сборы, отвлекавшие от семьи всех мужчин в возрасте до 33 лет. Позднее начало осеннего всплеска числа зачатий связано с тем, что именно в октябре обычно происходило возвращение казаков в свои семейства с действительной полковой службы, которая длилась четыре года.

В разных краях Сибири и специфических группах населения могли существовать и иные особенности годового детородного круга. Так, у казачества в Восточном Забайкалье летом отмечено влияние на половую активность мужского отходничества на золотые прииски и пароходные работы по р. Амуру¹. Сезонность рыболовного и охотничьего промысла также местами имела значение.

Перейдем теперь к анализу **роли религиозного фактора**. Хорошо известно, что православная церковь предписывает для верующих плотское воздержание во время постов, а также в большие религиозные праздники. Нарративные источники показывают, что сибирское крестьянство признавало эти предписания, считало их нарушением грехом, но соблюдало не очень строго. По статистическим материалам можно уверенно проследить воздействие на годовую цикличность зачатий и рождений только длительных многодневных постов – Великого и Рождественского.

Пасхальные таблицы показывают, что во второй половине XIX – начале XX в. месяц март почти всегда целиком входил в Великий пост. Теперь посмотрим на данные таблицы 8 и увидим, что именно на март приходилось в Сибири одно из самых малых в году число зачатых, а через девять месяцев в декабре – малое количество рожденных. Однако все-таки мартовские показатели далеки от нулевой отметки, и это косвенным образом подтверждает вывод, что сибиряки не слишком строго соблюдали религиозные сексуальные ограничения. Кстати напомним, что существует обусловленное природой снижение репродукции у женщин в ноябре-декабре – именно через девять месяцев после Великопостья, и декабрьский спад рождаемости объясняется действием не одного, а по меньшей мере двух факторов. Что касается Рождественского поста, то в него почти целиком входил месяц декабрь, и это явно отражалось на существовании в семейном календаре декабрьского минимума зачатий, сентябрьского минимума рождений.

Можно предположить также, что тормозящее воздействие на зачатия оказывали Петров и Успенский посты. Через девять месяцев после того и другого – в феврале и мае – наблюдались очевидные спады рождаемости. Однако указанные посты не охватывали ни одного полного месяца, и поэтому не ясно, в какой степени здесь играют роль именно они, а в какой – иные причины. Во всяком случае, В. П. Гедройц-Юраго категорически утверждал, что у казачества Акмолинской области «на уменьшении зачатий, прежде всего, сказывается влияние распределения летних полевых работ и в меньшей степени влияние постов»².

¹ *Белявский А. К.* Указ. соч. С. 663.

² *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 148.

Характерно, что моменты выхода из длительных постов – из Великого в апреле и Рождественского с конца декабря в январе – в демографическом календаре отмечены всплесками количества зачатий. Здесь также логично предположить влияние культурно-религиозного фактора. Дело в том, что русское крестьянство воспринимало Рождество и особенно Пасху не как время общественных и домашних молитв, добрых дел и религиозных размышлений (согласно предписанию официальной церкви), а скорее как повод к многодневным, часто разгульным празднествам, к продолжительному отдыху, усиленному потреблению «скоромной» пищи. В эти дни интенсивность и супружеских, и внебрачных половых отношений могла возрасти, что сказывалось на увеличении рождаемости соответственно в январе и октябре.

Важной составной частью народного демографического календаря являлось посезонное **распределение смертности** населения. Таблица 9 характеризует это распределение по тем же источникам, по которым построена предыдущая таблица. Как и в случаях со свадьбами, с рождениями детей, статистика обнаруживает тесную корреляцию годового протекания летальности во всех сибирских регионах. Линейные коэффициенты корреляции между губерниями колеблются от 0,91 до 0,97, только между Томской губернией и Акмолинской областью коэффициент несколько меньше – 0,84.

Таблица 9

**Годовое распределение смертности сельского населения в Сибири
(средняя величина принята за 1000)**

Месяц	Томская губ., 1870–1880 гг.		Акмолинская обл., 1878–1887 гг.		Тобольская губ., 1902–1903 гг.	Енисейская губ., 1902–1903 гг.
	в возрасте до 1 года	Всего	в возрасте до 1 года	всего		
Январь	653	932	628	875	860	875
Февраль	575	804	554	797	759	758
Март	772	995	646	893	933	959
Апрель	737	954	706	921	851	889
Май	778	956	653	878	848	881
Июнь	1222	1106	1028	936	924	1009
Июль	2114	1481	1809	1343	1868	1414
Август	1982	1360	2593	1838	1828	1594
Сентябрь	988	969	1438	1136	950	1082
Октябрь	707	858	745	787	726	875
Ноябрь	611	784	593	723	697	818
Декабрь	629	800	600	873	756	845

Повсюду в Сибири таблица 9 фиксирует неравномерность распределения смертей по месяцам года. Амплитуда колебаний в данном случае не столь велика, как у кривой распределения браков, но гораздо больше, чем у годового хода рождаемости. Вариационный размах смертности составляет от 697 единиц у томских крестьян до 1171 в селениях Тобольской губернии, т. е. в максимуме доходит до 117 % от среднемесячной величины. Показатели смертности по месяцам колеблются вокруг их среднеарифметической, взятой за 1000, в следующем интервале: 210 единиц – у православных сельчан Томской губернии, 243 – в енисейских селениях, 299 – у казачества Петропавловского уезда Акмолинской области и 387 – в тобольских деревнях.

Рассматривая календарное распределение смертности независимо от возраста умерших, исследователь обязательно обратит внимание на большое усиление летальности в период с июня до сентября включительно с пиком в июле-августе. В это время смертность была в 1,4–1,8 раза выше среднегодовых показателей. В остальные месяцы она не достигала среднегодовых величин. Заметен, правда, еще некоторый всплеск летальности весной – в марте или апреле, хотя далеко не столь высокий, как летом. Чтобы удовлетворительно объяснить выяв-

ленные закономерности, мы воспользовались тем, что статистика по Томской губернии и Акмолинской области делит сельское население на специфические возрастные группы, и в таблице 9 показали годовой ход смертности у младенцев в возрасте до одного года. Дело в том, что именно младенцы в изучаемый период составляли в деревнях нашего края, как и по всей России, основной контингент умирающих, а значит, формировали генеральные закономерности смертности во всем населении.

Рассматривая календарь смертности отдельно в младенческой группе, нетрудно увидеть, что летний пик смертности в деревнях складывался именно за счет «челяденков» в возрасте до года. На период июня-сентября (третья часть года) приходилось более половины умерших в этом возрасте, в июле-августе количество смертей превышало среднегодовой показатель для данной группы в 2–2,5 раза. Факт формирования динамики летальности всего сельского населения под воздействием громадной младенческой смертности в летний период констатируется и в тех статистических источниках, которые не нашли отражения в нашей таблице: по Тобольской губернии за 1851 – середину 1860-х гг., Восточному Забайкалью за 1840–1920 гг. и др.¹

Наши источники позволяют выделить в Акмолинской области и Томской губернии еще две возрастные группы – от 1 до 5 лет и свыше 5 лет, данные о которых не включены в таблицу во избежание ее перегрузки. Выясняется, что смертность детей в возрасте 1–5 лет (таковые составляли 15–20 % всех усопших) в июле-августе была тоже велика, но всё же в холодные месяцы они умирали значительно чаще грудных младенцев. На полугодие с ноября по апрель в томских деревнях приходилось 49 %, а у сибирского казачества – 55 % смертей в этой группе. В возрастной группе старше 5 лет статистика выявляет явный пик смертности не летом, а именно в зимне-весенний период, с декабря по май включительно. В этом полугодии крестьянские семьи в Томской губернии теряли 55 % умерших старше 5 лет, а пресногорьковские казаки – 59 %. В описательных источниках по некоторым местностям утверждается, что для всех групп населения, кроме детей, «самым опасным» для здоровья временем года была весна.

При объяснении выявленной картины, прежде всего, обратим внимание на **действие природного фактора**. Уже в досоветской медицинской статистике считалось установленным, что соотношение летней и зимней смертности населения в России зависит от географического положения территории. В Европейской России по мере продвижения на восток с понижением средней температуры зимы и усилением континентальности климата зимняя смертность понижалась, а летняя увеличивалась. На юге Сибири длительные периоды летней жары обуславливали раннее начало, непомерно высокий уровень и позднее окончание всплеска детской смертности; на севере региона смертность распределялась по месяцам более равномерно. Главной из естественных причин летнего максимума смертности можно считать именно длительную жару, которая приводила к перегреву организма, а в местах заболоченных и сырых, при отсутствии дренажа провоцировала бурное размножение возбудителей многих инфекционных болезней. Источники указывают, что ежегодно в Сибири «дети и преимущественно грудные младенцы до 1,5 года включительно подвергались в летние месяцы простым и кровавым поносам, от которых и была значительная смертность»². Поносом крестьяне называли главным образом дизентерию, страшные эпидемии которой являлись причиной четверти всех смертей в деревнях и почти половины случаев гибели младенцев в возрасте до одного года³.

Зимние морозы, столь характерные для Сибири, влияли на смертность скорее косвенно, заставляя членов крестьянской семьи скучиваться на долгое время в тесном жилище, что

¹ *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск с его округом // ТобГВ. 1864. 4 июля; *Анучин Е. Н.* Смертность в Тобольской губ. // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 312–314; *Белявский А. К.* Указ. соч. С. 667–668; и др.

² РГВИА. Ф. 330. Оп. 6. Д. 30. Л. 8.

³ Здесь и далее показатели причинной обусловленности смертей в возрастных группах подсчитаны по: *Белявский А. К.* Указ. соч. С. 671; *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 169; *Колбасенко И. С.* Указ. соч. С. 117–118; *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в деревне... С. 134–137.

благоприятствовало заражению детей оспой, корью, скарлатиной (гибель от этих болезней преобладала в возрастной группе 1–5 лет), а взрослых – тифозной «горячкой». В переходное время года – весной и поздней осенью, когда в наших краях велики перепады температуры и часты холодные ветры, становилась максимальной опасность простуды, ведь дети и взрослые много времени проводили на улице.

Влияние природы на календарь смертности в семье можно усмотреть также в том, что **биологически** смертность связана с рождаемостью. Действительно, уязвимее всего жизнь новорожденных детей, и в первый месяц после родов от неустраняемых или трудно устранимых пороков организма в Сибири изучаемого периода погибало 20–30 % всех младенцев, умерших в возрасте до года. По нашим подсчетам, связь между распределением рождаемости и смертности по месяцам (см. табл. 8 и 9) была сравнительно тесной у крестьянства Западной Сибири: коэффициент корреляции двух годовых графиков в Томской губернии равнялся 0,52, а в Тобольской даже 0,65. Используемые нами источники не улавливают такую связь у казачества Пресногорьковской линии и сельчан Енисейской губернии (линейные коэффициенты равны 0,45–0,46), но это может зависеть от слабой репрезентативности группировки по месяцам. «Маленькой», родившись в конце одного месяца, мог умереть через несколько дней в начале другого. Связь фактов рождения и смерти в реальной жизни семьи здесь налицо, а для статистики она не очевидна. Однако обратите внимание: тесная связь между летними пиками рождаемости и смертности является статистическим фактом во всех регионах Сибири.

Все-таки роль естественного фактора в данном случае не стоит преувеличивать, ведь в современных условиях почти в той же самой природной среде Сибири региональный демографический календарь выглядит совсем не так, как сотню лет назад. Решающим было влияние **народной жизнесохранительной культуры**, в первую очередь ее санитарно-гигиенических аспектов. Достоинства и пороки этой культуры проявлялись в образе жизни крестьянства и через него определяли статистическую картину сезонной летальности.

Объясняя гигантскую летнюю смертность младенцев от дизентерии и сопутствующих ей «поветрий», наблюдатели второй половины XIX – начала XX в. были единодушны в том, что здесь сказывалось неудовлетворительное в гигиеническом отношении содержание роженицы и ребенка в крестьянской семье. В разгар сезона рождений обычным делом было отсутствие тщательного осмотра и обмывания новорожденного, физические травмы от «правления» его головки, занесение инфекции при небрежном перерезании пуповины, содержание постоянно в душной атмосфере избы без прогулок на воздухе, что ослабляло детей и делало их восприимчивыми к болезни. Губительным оказывалось неправильное питание малышей, включавшее в себя все, «что едят взрослые», и основанное часто на скисшем в немой соске коровьем молоке. Детей постарше родители летом не уберегали от поедания незрелых огородных овощей, лесных ягод. Весенний всплеск смертности наверняка был связан с отсутствием у многих детей (да и у взрослых из бедняцких семей) удобной и теплой обуви, подходящей по сезону одежды.

Обобщая выводы профессиональных медиков о причинах сезонного распространения эпидемий в Сибири, авторы отчета Главного управления врачебного инспектора МВД России за 1903 г. писали: «... неудовлетворительное экономическое положение и низкий культурный уровень сельского населения и вытекающие отсюда неблагоприятные санитарные условия его жизненной обстановки: теснота жилищ, грязное содержание их, неряшливость живущих и неудовлетворительное в качественном, а нередко и в количественном отношении питание... при отсутствии у населения сведений о сущности заразных болезней и о путях их распространения, при общей его косности и недоверчивом отношении к принимаемым и рекомендуемым противоэпидемическим мерам, и создают благоприятную почву для развития и распространения заразных болезней»¹.

¹ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 г. СПб., 1905. С. 40.

В процитированной фразе, как и во многих других свидетельствах изучаемой эпохи, акцентирована **роль крестьянской экономики** в формировании сезонной смертности. Весной с началом полевых работ учащалась смертность подростков и взрослых по «производственным» причинам – вследствие травм и простуд от ночевки на сырой пашне. В период интенсивных аграрных работ в июле-сентябре малыши в деревенских семьях умирали еще и от недосмотра матерей, которые поголовно были задействованы на сенокосе, уборке хлебов и не появлялись дома сутками. Здесь сказывалась одна из особенностей сибирского сельского хозяйства: при залежнопаровой системе полеводства многие пашни располагались далеко от деревни. В. П. Гедройц-Юраго в 1888 г. при объездах своего врачебного участка собрал сведения о том, кто ухаживал за 310 грудными детьми, страдавшими дизентерией. Оказалось, что более 3/5 из них были лишены материнского молока и ухода, находились на попечении престарелых бабушек и дедов, малолетних сестер и «приходящих» нянек, нередко не справлявшихся со своими обязанностями¹. Сетования на «беспризорность» крестьянских ребятишек летом – общее место в нарративных источниках на всем протяжении изучаемого периода.

Итак, привлеченные нами массовые данные демографической и медицинской статистики позволили установить, что разброс демографических событий по годовому календарю не был хаотичным, он подчинен довольно строгим закономерностям. Статистически зафиксированные и отраженные также в описательных источниках закономерности матримониального, детородного и летального годового цикла у сельского населения Сибири находят удовлетворительное объяснение с позиций *многофакторного подхода*. Некоторые факторы действовали в одном направлении и как бы усиливали друг друга. Векторы воздействия других могли быть направлены в разные стороны и уравнивались. В большинстве случаев влияние внешних условий опосредовалось крестьянской ментальностью и психологией, спецификой традиционной культуры, которая в изучаемый период начала втягиваться в процесс модернизации. Замысел нашей работы позволил рассмотреть здесь роль только основных факторов природного, экономического и культурно-религиозного характера. С теоретической же точки зрения очевидно, что имел место более широкий и дифференцированный набор объективных и субъективных условий, детерминировавших сезонность демографического поведения крестьян-сибиряков.

Характеризуемая в данном разделе монографии ситуация была присуща Сибири в мирное время. Войны и революционные потрясения начала XX в. сильно изменили нормальное течение демографических процессов, в том числе в их годовом разрезе. Применительно к Русско-японской войне это позволяют утверждать не только априорные теоретические соображения, но и данные привлеченных нами источников. В январе 1904 г. война началась, а уже в феврале-марте произошел «матримониальный обвал». За два месяца во всех селениях Енисейской губернии было сыграно только 15 свадеб, в уездах Иркутской губернии – 8. Вслед за этим упала рождаемость населения. При среднемесячной годовой величине, принятой за 1000, на берегах Енисея в ноябре 1904 г. родилось всего 780 «челяденков», в прибайкальских деревнях – 820, хотя при нормальном ходе событий должен был наблюдаться пик рождаемости. Изменилось и сезонное протекание смертности. Дело в том, что начало войны было ознаменовано массовым призывом в вооруженные силы мужчин репродуктивного возраста. Деформировалась половозрастная структура крестьянских семей, ухудшилось их материальное положение, сложилась ситуация психологического стресса. Уже тогда невидалью замаячили призраки тех демографических кризисов и катастроф, что сотрясали российское общество несколько раз на протяжении XX столетия.

¹ Гедройц-Юраго В. П. Указ. соч. С. 172.

3.2. Брачное и детородное поведение крестьян

В число важнейших институтов, посредством которых сельское сообщество в России второй половины XIX – начала XX в. производило регулирование демографического поведения своих членов и социализацию подрастающих поколений, входили брак и семья. Брак создавал рамки, в которых преимущественно протекало половое поведение людей и рождение детей. Семья являлась основной ячейкой, призванной физически сохранять родившихся, давать детям необходимое в будущей жизни умственное, нравственное, эстетическое и физическое развитие. Поэтому в характеристику воспроизводства населения логично включать брачное поведение, т. е. те аспекты демографического поведения крестьян, которые связаны со вступлением в брак и созданием (после рождения первого ребенка) нуклеарной семьи.

Поскольку природной, биологической основой вступления в брак и деторождения является **половое созревание**, попытаемся выяснить, прежде всего, в каком возрасте наступала половая зрелость у молодежи в изучаемой социальной среде. Источники предоставляют нам такую возможность: по трем местностям Сибири за разные годы (Красноярский округ Енисейской губернии за 1891–1892 гг., Забайкальская область за 1894–1902 гг., Ишимский уезд Тобольской губернии за 1909 г.) имеются сведения о возрасте появления первых менструаций (менархе) у 1212 деревенских девушек¹.

Со слов женщин, обращавшихся к врачам, известно, что «цветное», «нарубашное» появлялось у некоторых из них уже на 10–12 годах жизни, но до 15 лет менструировавших было очень мало. Средние показатели менархе (среднее арифметическое, мода и медиана) были близки к 16 годам, в Забайкалье несколько варьируясь у групп крестьянок, казачек, семейских старообрядок вследствие разницы в генезисе этих категорий населения. Там, где имеется возможность сравнения, выясняется: сельские жительницы достигали физического совершеннолетия позже, чем горожанки, крестьянки – позднее мещанок и представительниц других привилегированных сословий. «Более здоровые условия деревенской жизни влияют на несколько более позднее менструирование», – так комментировал врач Ю. Д. Талько-Грынцевич эту закономерность, известную и в других местностях².

Следует учитывать, что в традиционных народных представлениях не существовало жесткой увязки физиологических признаков способности к деторождению и аскриптивных (приписываемых традицией) признаков совершеннолетия. Общественное сознание приурочивало половую зрелость к определенной возрастной норме («поре») с диапазоном в несколько лет, причем ее начальный рубеж мог не вполне совпадать с действительным созреванием организма. Этот рубеж был связан также с наступлением социальной зрелости и многими местными условиями.

Применительно к нескольким крупным регионам Европейской России этнограф Т. А. Бернштам составила таблицу, в которой выделены возрастные этапы начала и пика фактического совершеннолетия девушек, а также времени выхода их замуж. К сожалению, использованные источники не позволили автору четко дифференцировать физиологическое и аскриптивное совершеннолетие. Мы можем теперь дополнить эту таблицу сведениями по Сибири, в качестве главного критерия взяв физиологические признаки (табл. 10).

Усредненные данные показывают, что начало физического совершеннолетия наступало у сибирских девушек-крестьянок несколько позже, чем у жительниц Европейской России. Пик половой зрелости (тот возраст, когда менструации появлялись практически у всех девушек, а общественное мнение считало замужество для них наиболее желательным) длился в целом дольше, чем на западе страны, будучи близким северорусской зоне. Та часть таблицы 10, которая характеризует возраст вступления в брак, будет комментироваться ниже.

¹ Арканов С. Указ. соч.; Крутовский В. М. К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского окр. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1892–1893 гг. Красноярск, 1893. С. 5–8; Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 13.

² Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 13.

**Возраст физиологического совершеннолетия и вступления в брак
у девушек России во второй половине XIX – начале XX в., лет***

Регион	Совершеннолетие		Вступление в брак	
	Начало	Пик	Норма	Предел
Южнорусский	13–14	16	16–18	19
Центральный, Верхневолжский	13–15	16–18	16–23	25
Средневолжский	13–16	16–18	16–25	25
Северорусский	13–16	16–22	16–27	25–28
Сибирский	15–16	17–22	16–27	25–30

* Данные по регионам Европейской России заимствованы из кн.: *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 42–49. Показатели по Сибири установлены по источникам: *Арканов С.* К антропологии сибирячки: (половая жизнь) // Сиб. врач. 1917. 20 нояб.; *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Известия ВСОРГО. 1903. Т. 34, № 2. С. 140; *Талько-Грынцевиц Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903. С. 17.

Традиция предписывала молодым людям по достижении совершеннолетия вступить в брак, но на практике между моментом достижения брачной поры и женитьбой (замужеством) у многих проходило несколько лет. Этот период «женихания» во многих источниках характеризуется в критическом ключе. Этнограф из ссыльных В. С. Арефьев писал в конце XIX в. из Приангарья: «Строгостью нравов здешние девицы не отличаются. За очень немногими исключениями каждая из них переменит до замужества несколько любезных. <...> На скользкий путь любовных удовольствий здешняя молодежь выступает очень рано. Существует такая примета: если девочку-подростка, ударивши шапкой, не сшибешь с ног, то значит, она выросла уже настолько, что ухаживая за нею, можно надеяться на успех»¹. «Развращенность и потеря целомудрия молодежью обоего пола даже часто ранее достижения физической зрелости – явления обыкновенные», – утверждает в отчете о состоянии Енисейской епархии за 1910 г.² О «большой распушенности в половых отношениях» сельской молодежи или, по крайней мере, об отсутствии «строгости нравов» писало и множество других наблюдателей³. Однако внимательный анализ показывает: речь в большинстве случаев идет о более или менее прочных отношениях некоторой части юношей и девушек, «припавших к душе», «поглянувших» друг другу, «слубившихся» и мечтающих о создании семьи. Взвешенно ситуацию оценила М. В. Швецова применительно к старообрядческому населению Алтая: «Отношения между парнями и девушками свободные, но особенного разврата... я не наблюдала: парень, выбрав себе подругу, довольствуется уже ею одною и с другими не заигрывает; то же следует сказать и о девушках, хотя, разумеется, встречаются и исключения»⁴.

¹ *Арефьев В. С.* Письма с Ангары // Сиб. жизнь. 1899. 2 нояб.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2387. Л. 45.

³ *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. С. 25–26; *Логиновский К. Д.* Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Хабаровск, 1899. С. 1; *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири.* СПб., 1894. Вып. 21. С. 42; *Молодых И. А., Кулаков П. Е.* Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губ. СПб., 1896. С. 137; и др.

⁴ *Швецова М. В.* «Поляки» Змеиногорского окр. // Зап. / ЗСОРГО. 1899. № 26. С. 57. См. также: ГАТ. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2202. Л. 262; ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 69. Л. 10; *Попова А. М.* Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 18–19.

Во многих описаниях и документах отмечается стремление девушек сохранить целомудрие до свадьбы, что предусматривалось традицией. Считалось необходимым, чтобы родители контролировали поведение «молодяжника» в добрачный период, поэтому в иных крестьянских семьях, особенно старообрядческих, даже не пускали девиц на вечерки¹. Однако в большинстве случаев «присмотр» старших не был столь суровым. Выбирая невесту для сына, крестьяне, конечно, учитывали ее нравственную репутацию, но больше заботились «о том, чтобы невеста была крепкого сложения, здоровая, испытанная... и не калека, чем об ее красоте и нравственности»². По ряду источников прослеживается постепенное отмирание у сибиряков-старожилов в изучаемый период обычая «подклети» (удостоверения целомудрия невесты во время свадьбы), причем реже всего претензии на «невинность» будущей жены предъявляли женихи из бедных семейств³.

Наряду с добрачными отношениями, определенное распространение в сибирских селениях получили внебрачные половые связи женщин и мужчин, имевших свои семьи. «Обыкновенное половое чувство находит себе выражение в мимолетных связях с девушками и замужними женщинами, особенно в летнее время, когда мужья уходят на прииски или полевые работы, редкая женщина сохраняет супружескую верность», – утверждает корреспондент авторитетного «Восточного обозрения»⁴, и таких свидетельств множество. По существу, источники лишь по-разному оценивают степень распространенности внебрачных связей, зачастую преувеличивая ее. По данным Ю. Д. Талько-Грынцевича, полученным при опросе самих женщин, в селениях Забайкалья на рубеже XIX–XX вв. практиковало половую жизнь вне официального брака почти 19 % казачек, до 8 % православных крестьянок и 5 % «семейских» женщин⁵. Но, по-видимому, здесь учтены и сельчанки, состоявшие в формально не зарегистрированном браке-сожительстве.

Существование добрачных и внебрачных половых отношений являлось объективной причиной такого феномена, как внебрачные рождения (до 1902 г. они официально именовались «незаконными»). По данным за 1860–1880-е гг., в разных округах Западной Сибири от 2 до 9 % деревенских детей являлись незаконнорожденными⁶. В Киренском округе Иркутской губернии в период 1873–1897 гг. «незаконно» родилось 5,5 % младенцев⁷. Доля внебрачных рождений со временем росла, но анализ данных конца XIX – начала XX в. как по западу, так и по востоку Сибири дает результаты того же порядка: более 9/10 всех детей рождалось в браке⁸. К тому же известно, что большинство «внебрачных» детей появлялось на самом деле в браке, не признаваемом государством – или официально не зарегистрированном (консенсуальном), или заключенном по старообрядческому канону, но не записанном в специальную волостную книгу.

¹ *Липинская В. А., Сафьянова А. В.* Свадебные обряды русского населения Алтайского горного окр. // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 185.

² *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губ. // ЖС. 1903. № 3. С. 333.

³ НАРГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 72–73; РГБ. К. 542. П. 38. № 8. Л. 13; *Григорьев С.* Обряды и песни простонародной свадьбы в южной части Минусинского окр. // Сибирский сборник. Иркутск, 1894. Вып. 4. С. 21–22; *Розенбаум С. П., Арефьев В. С.* Свадьба в ангарской деревне. Иркутск, 1901. С. 34–37; и др.

⁴ *Антропов Р. Л.* Крестьянские браки в Анциферовской волости Енисейского уезда // ВО. 1902. 11 янв. См. также: КККМ. О/ф. 7886. П. и. 209. Л. 73; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2062. Л. 30; *Бабий стон в Сибири* // Сибирь. 1885. 1 сент.; и др.

⁵ *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 19, 28.

⁶ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 68–69, 206–207, 338–339, 443–444, 539–540, 582–583, 696–697; *Ильин В.* Статистические сведения по Тобольской губ. за 1862 г. // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. С. 348–349; *Ремезов А. И.* Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 43, 106, 142, 182.

⁷ *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения... С. 143.

⁸ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 70. Л. 24; Статистика Российской империи. Вып. 66. С. XVIII; Вып. 70. С. XVIII–XIX; Вып. 74. С. XVIII.

Девушка, забеременевшая до замужества, безусловно, осуждалась в русской крестьянской среде, однако обычно не подвергалась публичной каре, хотя «домашним способом» старшие могли наказать ее очень сурово. Считалось обязательным сохранение плода до рождения – сельский сход иной раз специально вменял в обязанность родителям «присматривать» за дочерью с этой целью¹. Крестьяне верили, что душа дается человеку еще в утробе матери, и говорили полушутливо, утешая девицу, «ходящую в тягости»: «Не душу сгубила, а по душу сходила»².

Матримониальное поведение традиционного типа характеризуется, в частности, ранним бракосочетанием и почти полным отсутствием взрослого населения, вообще не вступающего в брак. Создание семьи признавалось у крестьян-сибиряков необходимым для каждого порядочного человека: «Это дело союзное, законное», «Не жениться – чечениться», т. е. не считать себя русским, православным³.

В конце имперского периода в селениях России вследствие введения всеобщей воинской повинности, разорения части потенциальных женихов, роста отходничества постепенно росло количество людей, не создавших своей семьи. Так, уже в период 1878–1887 гг. в казачьем населении Пресногорьковской линии (Акмолинская область) число женщин всех возрастов, состоявших в браке, сократилось с 54,9 до 47,6 %, а мужчин, соответственно, с 56 до 49,1 %⁴. Но все же показатели брачности в сельской местности Сибири и в конце XIX – начале XX в. оставались достаточно высокими. Согласно данным Всеобщей переписи населения 1897 г., состояло в официальном браке 67,8 % сельских женщин и 64,1 % мужчин в возрасте 15 лет и старше⁵. Общий коэффициент брачности (количество бракосочетаний в год на 1000 человек населения) в различных губерниях в разное время колебался от 7 до 10⁶ и в целом был близок соответствующему высокому показателю в селениях Европейской России.

Что касается **возраста вступления в брак**, то многочисленные описательные сведения о нем очень разрозненны и противоречивы. Поэтому следует обратиться главным образом к имеющимся массовым статистическим данным. Часть из них представлена в наших предыдущих работах⁷.

Источники позволяют выделить некоторые тенденции изменения брачного возраста сельчан в изучаемую эпоху. Складывается впечатление, что в начальный период крестьяне мало внимания уделяли сравнению возраста женихов и невест, взаимным симпатиям молодых людей, и в матримониальных делах руководствовались почти исключительно экономическими соображениями и традицией. В некоторых местностях в условиях половой диспропорции на-

¹ НАРГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 72; АГМ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

² КККМ. О/ф. 7886. Д. 123. Л. 241; *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 304.

³ ИАЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 69. Л. 14; ИРЛИ. Разр. V. Кол. 78. П. 7. № 640. Л. 2.

⁴ *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 150.

⁵ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. С. 18; Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 18.

⁶ Подсчитано по: Статистика Российской империи. Вып. 66. С. 254; Вып. 70. С. 254; Вып. 74. С. 254. Общая численность населения для расчетов взята по источнику: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1896–1901 гг. 1905. С. 74, 80; ... за 1902 г. 1904. С. 54; ... за 1903 г. 1905. С. 54; ... за 1904 г. 1906. С. 54. См. также: Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. Омск, 1915. Ч. 2 (гражд.). С. 13; *Ремезов А. И.* Указ. соч. С. 43, 106, 142, 182; *Шнейдер А. Р.* Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. С. 18; Не приняты во внимание показатели за 1870-е гг. по Березовскому и Сургутскому округам Тобольской губ., где учет населения был очень плохим.

⁷ *Зверев В. А.*: 1) Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 76–81; 2) «Любо – так к венцу»: брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в.). Новосибирск, 2005. С. 13–15; и др.

селения (дефицита женщин) вследствие потребности в рабочих руках старались подольше не выдавать замуж дочерей, а сыновей женить как можно раньше: в 15–17 лет на Алтае, 18–20 лет в Приангарье и т. д. В итоге невесты зачастую были старше женихов, причем у семейских старообрядцев Забайкалья и алтайских кержаков, у крестьян на нижнем Иртыше – существенно, на 5–6 лет¹. Со временем же некоторое ослабление хозяйственной функции семьи, развитие личностного самосознания привели к тому, что выбор брачного партнера и времени вступления в брак стал больше зависеть от самих брачившихся. Соотношение брачного возраста нормализовалось: росла доля таких браков, в которые вступали ровесники или близкие по летам партнеры с перевесом в возрасте мужчин. Брачный возраст невест сокращался и приближался к «естественным» его значениям – к началу физиологической и социальной зрелости.

Всеобщая перепись населения 1897 г. рисует следующую картину сравнительного возраста супругов в селениях Тобольской губернии. Муж был старше жены почти в 2/3 браков, причем в 38,1 % случаев – на 1–5 лет; 18,5 % браков было заключено ровесниками, а жена оказалась старше мужа (обычно ненамного) лишь в 17,1 % брачных пар. В данном случае подсчет произведен нами в границах выборки из 46 сельских обществ, включившей 7297 брачных пар, в том числе пары домохозяев, их родственников и свойственников, приселившихся к семейству домохозяина посторонних лиц. Учитывались и незаконные бракосожительства, зафиксированные переписчиками со слов фактических супругов².

Для темы монографии наибольший интерес представляет годовое распределение возраста вступления в первый брак у женщин, поскольку это событие было тесно связано с последующим рождением детей. Сведем в таблицу имеющиеся на сей счет цифры по некоторым местностям Сибири за разные годы (табл. 11). По Киренскому округу Тобольской губернии в таблицу вошли данные о всех брачившихся за 25 лет; по Забайкалью – преимущественно о сельчанках (крестьянках, казачках, семейских), обращавшихся за медицинской помощью или за советом к медикам в г. Троицкосавске за 9 лет; по Тобольской губернии – о женщинах, пользовавшихся в 1909 г. лечением в Ишимской сельской лечебнице, и некоторых их знакомых.

Анализ таблицы 11 показывает, что в первый брак абсолютное большинство сельских жительниц – около 2/3 – вступало в возрасте от 17 до 21 года включительно. Этот возрастной период можно считать пиком фактического совершеннолетия девушек. Позже 25–27 и особенно старше 30 лет выходили замуж уже очень немногие, и статистика, таким образом, подтверждает мнение наблюдателей: это был предельный возраст для вступления женщин в первый брак³. Невеста уже считалась «перестарком», на нее смотрели иронически: «Девушка невестится, старой бабушке ровесница»⁴. Средние показатели брачного возраста по имеющейся выборке данных равнялись в селениях Иркутской губернии и Забайкалья 20 годам, в Тобольской губернии – 19. Таким образом, момент замужества наступал вслед за физиологическим созреванием примерно через 2–4 года, и почти все девицы, вступая в брак, могли рассчитывать на скорое рождение ребенка.

¹ ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 4. Л. 12; КККМ. О/ф. 7886. П. и. 121. Л. 1; *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // *Этнография русского населения Сибири и Средней Азии.* М., 1969. С. 92; *Липинская В. А., Сафьянова А. В.* Указ. соч. С. 187; *Логиновский К. Д.* Свадебные песни и обычаи... С. 1–2; *Павлов А. А.* 3000 верст по рекам Западной Сибири: очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень, 1878. С. 64; *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л., 1967. С. 180.

² Подсчитано по: ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 109, 126, 149, 150, 156, 223, 225, 236, 240, 241, 244, 253, 254, 270.

³ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 69. Л. 14; НАРГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2; *Кривошапкин М. Ф.* Указ. соч. С. 59–60.

⁴ *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1912. Вып. 22. С. 11.

**Распределение женщин по возрасту вступления в первый брак
в селениях Сибири, абс.***

Возраст, лет	Киренский окр. Иркутской губ., 1873–1897 гг.	Троицкосавский уезд Забайкальской обл., 1894–1902 гг.	Ишимский уезд Тобольской губ., 1909 г.
15	44	–	1
16	409	21	11
17	806	59	18
18	1107	88	19
19	1276	88	19
20	1299	93	18
21	939	57	9
22	740	57	6
23	481	32	5
24	344	32	–
25	217	15	–
26	145	13	1
27	103	12	–
28	69	4	–
29	65	3	–
30	34	4	–
31 и старше	139	4	–
Итого:	8217	575	108

* Подсчитано по: *Арканов С. К.* Антропологии сибирячки: (половая жизнь) // Сиб. врач. 197. 20 нояб.; *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Известия ВСОРГО. 1903. Т. 34, № 2. С. 140; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903. С. 17.

Средние показатели возраста первого бракосочетания у мужчин (среднее арифметическое, мода, медиана), по имеющимся разрозненным данным, колебались в селениях Сибири от 22 до 26 лет¹. Это означает, что большинство женихов было старше своих невест на несколько лет. У старообрядцев брачный возраст парней был наименьшим.

В случае вдовства или развода крестьяне могли вступить в **официальный брак во второй и третий раз**. Согласно данным по Киренскому округу за 1873–1897 гг. и Забайкальской области за 1894–1902 гг., женщины чаще всего выходили замуж вторично в возрасте 25–30 лет, в третий раз – в 31–35 лет, еще сохраняя к этому времени способность к деторождению. Мужчины во второй и третий раз женились, чаще всего, тоже будучи крепкими людьми (до 40 лет), хотя разница в возрасте супругов увеличивалась от брака к браку².

Ни по закону, ни по обычному народному праву запрещений для вступления в повторный брак в случае развода и вдовства в русской деревне не было: общественное мнение осознавало его смысл – и хозяйственный, и физиологический, и педагогический (потребности воспитания детей). Официально разведенных в деревнях было очень мало. Что же касается вдовых, то далеко не все из них вступали в новый брак. Мужчины это делали чаще, чем женщины, поскольку именно они по традиции выступали инициаторами сватовства. Вдовцы женились преимущественно на девицах, а не на вдовах. Очевидно, при этом принимались в расчет не очень благоприятный возраст многих вдов, обремененность их малолетними детьми. Впервые вступавшие в брак холостяки еще реже женились на «вдовухах».

¹ Подсчитано по: *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения... С. 140; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 18–21.

² Подсчитано по тем же источникам.

По данным Ю. Д. Талько-Грынцевича, в Забайкалье из вошедших в выборку 1598 женатых мужчин женилось на девушках 95,7 %, на вдовах по первому мужу – 4,1, по второму мужу – 0,2 %¹. По станице Сретенской и ее окрестностям (Восточное Забайкалье) за очень длительный период 1840–1920 гг. имеются более полные сведения о бракосочетавшихся. На каждые 100 браков здесь венчалось холостых с девицами – 83; холостых со вдовами – 4,6; вдовцов с девицами – 8; вдовцов со вдовами – 4,4². Статистика по некоторым другим регионам, относящаяся к началу XX в., обобщена в таблице 12. В совокупности все имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что значительная часть вдов, еще не вышедших из детородного возраста, вынуждена была выбирать: либо отказываться от половой жизни и деторождения, либо вступать в неуправомленный брак, либо вести сексуальную жизнь вне брака и рожать «суразят», «зауголышей», как называли в деревне внебрачных детей.

Таблица 12

Количество браков, заключенных в селениях мужчинами с различным семейным положением (1902–1903 гг.)*

Семейное положение женихов	Женились				Всего, абс.
	на девицах		на вдовах		
	абс.	%	абс.	%	
<i>Тобольская губ.</i>					
Холостые	23 642	96,8	790	3,2	24 432
Вдовы	2638	63,0	1546	37,0	4184
Итого:	26 280	91,8	2336	8,2	28 616
<i>Енисейская губ.</i>					
Холостые	9219	97,3	255	2,7	9474
Вдовы	720	63,3	418	36,7	1138
Итого:	9939	93,7	673	6,3	10 612

* Подсчитано по: Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. 255; 1909. Вып. 70. С. 255.

«Дети для крестьян всегда желательны: они для них опора и надежда на лучшие дни», – утверждал в 1897 г. известный этнограф из ссыльных А. А. Макаренко³. «У здорового человека дети должны быть у всякого, а то какой же это человек, который дитю не имеет?» – так формулировала народные воззрения деревенская лекарка Е. А. Виноградова (Тулунская волость Нижнеудинского уезда Иркутской губернии)⁴. Судя по всему, осознавался и экономический, и воспроизводственный (демографический) смысл деторождения: «Дети отцу – помощь, матери – замена»⁵. «Детные» супруги могли рассчитывать, что через некоторое время в доме будет достаточное количество работников для успешного ведения хозяйства, ведь в основе экономической деятельности большинства домохозяйств лежала рабочая сила семьи домохозяина. Даже у богатых мужиков, активно использовавших наемную рабочую силу, трудовым ядром домохозяйства, обеспечившим первоначальное накопление капитала, чаще всего были люди «домашние», «семейные», в том числе жены и подростки дети. Родители

¹ Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 20–21.

² Подсчитано по: Белявский А. К. Указ. соч. С. 665.

³ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. // ЖС. 1897. Вып. 2. С. 233.

⁴ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири // ЖС. 1915. Вып. 4. С. 376.

⁵ Арефьев В. С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. // Изв. / ВСОРГО. 1901. Т. 32, № 1/2. С. 107.

хотели на старости лет иметь «замену» на хозяйстве, прожить в своем доме «при кормильцах» без голода до смерти, поняничать внучат.

В большинстве семей **частые зачатия и рождения детей** рассматривались не только как желательное, но также как естественное и неизбежное событие: «Рыба да утка от старанья, а дети от Бога», «Бог дает, куда их девать?»¹.

В то же время в условиях социального разложения крестьянства в нижнем социальном слое складывалось убеждение, что большое количество детей – обуза и разорение для дома: их трудно было «поднять» (физически сохранить и воспитать) в «упадающем» домохозяйстве. Наблюдателям приходилось слышать сетования тех родителей, которых «дети одолели»: «Ну их к богу – и детей, забота с имя одна»². В начале XX в. в Бухтарминской долине на Алтае записана такая примета: «С какого конца заходишь за стол, с того же и уходи; если будешь выходить с другого конца, много у тебя народится детей»³. В Зауралье фольклор зафиксировал недовольство крестьян рождением двойни: «Беда на беду, два ребенка на году», «Что год, то ребенок, худой год – два»⁴. В Сибири постепенно формировалась ситуация, сходная с положением, отмеченным при капитализме в некоторых районах Европейской России, где многодетность осознавалась некоторой частью семей как несчастье⁵.

Уже во время свадьбы и после нее родные и друзья молодых с интересом гадали, сколько у них «найдется» детей, какого пола будет первый ребенок и т. д. Забайкальские казаки, например, использовали такой способ: чтобы узнать число будущих детей, сумму морщин на лбах мужа и жены делили пополам⁶. В Приенисейском крае после рождения первого ребенка считали сучки на березовом шесте («очипе»), к которому подвешивалась зыбка: «Примета есть, что сколько сучков окажется на доспетом (недавно изготовленном. – В. З.) очипе, столько в семье будет детей»⁷.

«Осемьянившись», молодница обычно стремилась исполнять свои детородные обязанности, по словам врача С. Арканова, «со рвением и неукоснительно»⁸. Однако через некоторое время обнаруживалось бесплодие части супружеских пар (7–8 %, по данным о Забайкалье и Приишимье)⁹. Причиной бесплодия сибирские крестьяне, прежде всего, весьма разумно считали болезнь одного из супругов, чаще жены. Но нередко причины отыскивали в области иррационального: бездетность якобы могла быть следствием «порчи» жены злым человеком, «наказанием Божиим» за грехи и т. д. Случалось, что отсутствие детей приводило к ссорам между супругами и фактическому распаду брачных пар.

Бездетность рассматривалась обычно как большое несчастье семьи. С ней многие пытались бороться: в народной медицине были способы «лечения» импотенции и бесплодия – как рациональные, так и бесполезные и даже вредные для организма¹⁰. Кроме того, для обретения способности к деторождению практиковались церковные обеты, по которым женщины ходили иногда за десятки и сотни верст на поклонение особо чтимым иконам. Применялись и магические приемы. В Забайкалье, например, советовали так: «Если у кого нет детей, тому

¹ Там же.

² Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение... С. 376. См. также: Попова А. М. Указ. соч. С. 16.

³ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы: краткий ист.-этногр. очерк // Зап. / ЗСОРГО. Семипалат. подотд. 1911. Вып. 5. С. 93.

⁴ Урал в его живом слове: дореволюц. фольклор / собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953. С. 131.

⁵ Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. М.; Л., 1975. С. 153.

⁶ Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток, 1904. С. 26.

⁷ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине... Вып. 1. С. 97. См. также: Красножёнова М. В. Из свадебных обычаев Енисейской губ.: описание свадьбы в д. Злобиной // Изв. / ВСОРГО. 1907. Т. 38. С. 24–25.

⁸ Арканов С. Указ. соч.

⁹ Там же; Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 42–43.

¹⁰ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение... С. 376; Кытманов А. И. Материалы к народной медицине Енисейского окр. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1892–1893 гг. 1893. С. 166; Макаренко А. А. Материалы по народной медицине... Вып. 2. С. 241; и др.

нужно найти в лесу мертвую (лежачую) деревину с сучком. Отрубить этот сук и положить его под супружескую постель, тогда будут дети»¹.

Народные лекари могли отыскать также и **средства к ограничению деторождения**. Их применяли в основном девушки, вдовы и «брошенки» для предотвращения внебрачного деторождения, а некоторые замужние женщины – «чтобы не носить робят» слишком часто. В источниках нашли отражение следующие способы уменьшения числа зачатий и рождений: 1) искусственное, до трех-четырех лет, удлинение периода лактации – выкармливания детей грудью; 2) употребление в пищу и питье препаратов корня некоторых растений; 3) половое воздержание на определенный срок². Религиозные правила предписывали плотское воздержание во все посты, в том числе в еженедельные среды и пятницы. Кроме того, считалось грехом «спать с женой» накануне больших церковных праздников (Благовещение, Рождество Христово и пр.), а в некоторых местностях – и перед началом главных хозяйственных работ (например, в Верхоленье – перед уходом в тайгу на соболиный промысел)³. Большинство сибирских крестьян соблюдало эти запреты и ограничения, судя по всему, не слишком строго, либо вовсе их игнорировало.

В сельской местности Сибири досоветского периода женщины редко и только тайным образом прибегали к прерыванию беременности. Наиболее распространенными аборты были при внебрачном зачатии, обычно на той стадии, когда его факт еще не был обнаружен публично. Помогали иногда мать или другие женщины, которым доверялась девица. В источниках нашло отражение немало использовавшихся крестьянками рвотных, слабительных, кровогонных и иных средств, предназначенных для вытравления плода и провоцирования выкидыша, в том числе опасных для здоровья. Наиболее радикальными и часто просто варварскими были хирургические методы: поднимание через силу больших тяжестей, битье по животу кулаками и бутылками, операции с помощью веретена или заостренной палочки от венника и т. д.⁴ Не удивительно, что результатами такого вмешательства нередко становились общее отравление организма, серьезные физические травмы, потеря способности к деторождению, а то и смерть подвергнутой «лечению» молодой женщины.

Общественное мнение деревни сурово осуждало аборты и изредка случавшиеся детоубийства. «Это уже не мать, а змея, которая выживает ребенка. Этак только бар[дельны]е (городские проститутки. – В. З.) делают», – говорили в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в начале XX в. Здесь считалось, что такие женщины сильно мучаются в аду после смерти: «Дети – все, сколько оне должны были принести, – глядят через ребры и говорят: “Мать наша... сгубила нас... на белый свет... не пустила нас...”»⁵. Отражая господствующие в русской деревенской среде воззрения, знаменитый социальный философ-утопист, ссыльный крестьянин из д. Иудиной Бейской волости Минусинского округа Енисейской губернии Т. М. Бондарев считал «главнейшими в свете делами» и «священнейшими обязанностями» для мужчины – «хлеб работать», а для женщины – «людей в свет рожать». Бондарев писал в 1897 г.: «Я слышал стороной, что есть такие жены, которые пьют какой-то яд, чтобы детей не родить, или зачавши во чреве, истребляют, или по рождении оных убивают; теперь спрашиваю: какому суду и какому осуждению достойна та жена, которая данную ей от Бога епитимию спровергла и уничтожила?»⁶.

¹ *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. С. 27.

² *Костров Н. А.* Первоначальное физическое воспитание детей в населении Томской губ. // Сибирь. 1881. 24 мая; *Кытманов А. И.* Материалы к народной медицине... С. 166; *Черневский И. Ф.* Народная ботаника и лекарственные растения крестьян д. Ершовой Карапчанской волости // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1890–1891 гг. 1891. С. 56–57; и др.

³ *Г.* Экономический быт верхоленьского крестьянина // ВО. 1884. 19 июля; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. С. 23; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь. С. 176–177; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. / ЗСОРГО. 1903. Кн. 30. С. 66.

⁴ *Кривошапкин М. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 6; *Р-ва.* Из дневника окружной акушерки // Сибирь. 1887. 31 мая; *Спилов В. Е.* Аборт в деревне // СМЖ. 1926. № 2. С. 43–44; и др.

⁵ *Виноградов Г. С.:* 1) Самоврачевание и скотолечение... С. 377; 2) Смерть и загробная жизнь... С. 314.

⁶ *Бондарев Т. М.* Спасение от тяжкой нищеты // Ежемес. журнал. 1914. № 5. С. 75.

В период беременности женщине предписывалось принимать специальные меры к сохранению жизни и здоровья будущего ребенка. Считалось, что ей угрожает много опасностей: «порча» злыми людьми с последующим «скидыванием» плода; обмен младенца чертом на его крикливого, неопрятного, непослушного ребенка или на полено; вынимание недоноска ведьмой или «вещицей» (женщиной-оборотнем), поедающей плод или заменяющей его посторонними предметами; рождение «недобрых» – увечных, болезненных детей и т. д.¹ Чтобы избежать подобных напастей, женщины «на сносях» не должны были принимать на себя обязанности крестной матери и свахи (посаженной матери), они старались не ходить далеко в лес, не пинать собак и свиней, не переступать через оглоблю и веревку. Мужу предписывалось спать ночью, положив на беременную жену «для оберега» ногу или руку, а жене, в отсутствие мужа, – подпоясываться его поясным шнуром².

В русском народном, в том числе сибирском, календаре существовало множество женских праздников и «бабьих дней» с обязательными правилами поведения для женщин, особенно замужних, а среди последних – для «детных» и беременных, а также для бабок-повитух. Это были дни молений и обетов святым покровителям для больных и бездетных женщин – ради зачатия, для рожениц – «чтобы роды были легки», «чтобы дети рождались живучи»³. Приближение родов и самые «родины» старались тщательно скрывать не только от посторонних, но и от членов своей семьи: «Если много людей узнает – роды будут тягостными для родильницы»⁴.

При обилии таких магических ухищрений реальные условия жизни крестьянки в предродовой, родильный и послеродовой периоды нельзя назвать благоприятными для нормального деторождения и сохранения детей. Действительно, забеременеть («поносить брюхо», «ходить в тягости, чижолой») для женщины вовсе не означало быть освобожденной от тяжелых хозяйственных работ. Чаще всего трудовая семья и не могла бы позволить такую «поблажку» – в ней не было свободных рабочих рук. Кроме того, в народной медицине не было эффективных средств для точного определения сроков беременности, и роженица работала «до последнего часу», пока «почнут муки взимать»⁵. В каждой деревне были известны случаи, когда бабы «растрясались», «распастывались» в поле на полосе, под кустом или в телеге по дороге с работы, в хлеву во время доения коров, а принимала ребенка сама роженица. Кстати, еще одну причину летне-осеннего максимума рождаемости в селениях писатель-сибиряк Г. Д. Гребеничков объяснял так: «Летняя страда для матерей была вдвойне изнурительной – надо жать, и косить, и молотить, когда ребенок уже на сносях. Поэтому рождались прежде времени, как раз к зиме»⁶.

Из-за ненормальных условий предродового периода в изучаемой среде была довольно высокой доля преждевременных родов, выкидышей и мертворождений. Судя по отрывочным данным, относящимся к некоторым местностям и категориям сельского населения Сибири, доля выкидышей и мертворождений колебалась здесь от 5 до 10 %, причем чаще недоношенными и мертвыми рождались мальчики⁷. По сведениям красноярского врача В. М. Крутовского, такие показатели были меньшими, чем число выкидышей у рожениц на западе России. Автор объяснял это материальными факторами: лучшим питанием и меньшей распространенностью тяжелого женского труда в крестьянских семьях Сибири⁸.

¹ *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. С. 11–12; *Неклепаев И. Я.* Указ. соч. С. 55; *Скалозубов Н. Л.* Материалы к вопросу о народной медицине: народная медицина в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1904. Вып. 14. С. 17.

² *Костров Н. А.* Первоначальное физическое воспитание...; *Савельев А. А.* Народная медицина в Приангарском крае // Сиб. врач. 1915. 19 апр.

³ *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь. С. 136–139; *Неклепаев И. Я.* Указ. соч. С. 85; и др.

⁴ *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // ЖС. 1898. Вып. 2. С. 151; *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. [2-е изд.] М., 1991. С. 319; *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение... С. 359; и др.

⁵ ГАТ. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2096. Л. 53; КККМ. О/ф. 7886. П. и. 209. Л. 67; В верховьях Илима // ВО. 1902. 22 янв.; *Мисюров А. А.* Сибирские сказы, предания, легенды. Новосибирск, 1959. С. 123–124; и др.

⁶ *Гребеничков Г. Д.* Егоркина жизнь. С. 83.

⁷ Подсчитано по: *Арканов С.* Указ. соч.; *Крутовский В. М.* К материалам о вопросах половой деятельности... С. 18; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 26.

⁸ *Крутовский В. М.* К материалам о вопросах половой деятельности... С. 12–13.

Основную часть **родов** в нормальных ситуациях принимали повитухи из числа самих крестьянок. Имевшие специальную подготовку акушеры были большой редкостью в сельской местности. Их деятельность затрудняли слишком большая величина участков, стесненность в правах (по инструкции они могли помогать только при «правильных» родах, когда меньше всего были нужны), недоверие к ним значительной части населения. Крестьянки так объясняли, почему не зовут акушерку или доктора: «Где уж нам, это для господ», «Привыкли [без них]», «Старшие не велят», «Чтобы не обидеть бабушку-повитуху»¹. Там, где была возможность, к помощи акушерок все-таки обращались, но в самых тяжелых, крайних случаях. В итоге в 1880-х гг. одна из акушерок в Верхоленском округе Иркутской губернии за три года приняла всего 11 новорожденных, другая (в Тюменском округе Тобольской губернии) за четыре года – 13 из общего числа 693 здешних рождений, третья (в Чернавской волости Курганского округа Тобольской губернии), за два года не приняла ни одного младенца, и т. д.²

Солиднее была поставлена помощь роженицам на территории казачьих войск: в 1909 г., например, акушеры приняли 1581 роды у казачек Забайкалья³. Со временем улучшалось положение и в крестьянском населении, но в целом засилье доморощенных повитух было характерным для всего изучаемого периода.

В деятельности «бабок», разумеется, имелись позитивные моменты. Обладая немалым опытом, большинство из них успешно справлялось с обязанностями в стандартных ситуациях; положительно воздействовала на роженицу и ее окружение психологическая атмосфера доверия к повитухе со стороны односельчан. В то же время в приемах и средствах, применяемых в народном акушерстве, было много не только бесполезного, но прямо вредного для роженицы и новорожденного. Очевидцы писали: «Кому не известно, каким мучениям подвергают бабушки трудную роженицу, начиная с подвешивания к матице потолка, перекладывания через порог, и кончая столь излюбленной баней, в которой зачастую измученная и обессиленная больная испускает дух»⁴.

Конечно, здоровый организм молодой крестьянки чаще всего справлялся и с трудными родами, но все же немало женщин умирало во время родов или вскоре после них из-за неоказания квалифицированной помощи, неправильных действий повитух. Так, в слободе Усть-Ницинской Тюменского округа Тобольской губернии за период 1873–1884 гг. «от родов» умерло 11 женщин⁵.

При анализе репродуктивного поведения необходимо выяснить возраст женщин, при котором происходило рождение первого и последнего ребенка, **продолжительность репродуктивного периода**, среднее количество рожденных одной сельчанкой детей, т. е. те параметры, которые непосредственно сказывались на показателях рождаемости и естественного прироста населения. Обратимся к этой стороне демографической реальности, воспользовавшись, прежде всего, данными медицинского учета по ряду местностей.

В Красноярской амбулаторной лечебнице в начале 1890-х гг. и медицинских учреждениях Троицкосавска на рубеже XIX–XX вв. были собраны довольно представительные сведения о возрасте рождения первого ребенка частью окрестных сельских жительниц (табл. 13). При анализе этих материалов выясняется, что средние показатели (мода, медиана, среднее арифметическое) этого возраста падают на 20–21 год. Обращает на себя внимание очень короткий промежуток времени между вступлением сельчанки в брак и рождением первенца. Так, в Забайкалье у казачек этот промежуток составлял в среднем 11 месяцев 23 дня, у крестьянок – 1 год 1 месяц и 4 дня, у семейских староверов – 1 год 5 месяцев 27 дней. Более 9/10 женщин рожало в конце первого и на втором году после замужества⁶. Из данных амбулаторного журнала Ишимской

¹ Р-ва. Из дневника окружной акушерки. 16 марта; 31 мая.

² Там же. 16 марта; Крестьяне и медицинская помощь в Тобольской губ. // ВО. 1887. 19 нояб.; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1889. Вып. 2. С. 102.

³ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 445. Л. 162.

⁴ Вопрос народно-медицинской помощи в Сибири // ВО. 1887. 16 апр.

⁵ Зобнин Ф. К. Усть-Ницинская слобода... Вып. 2. С. 157.

⁶ Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 32, 35.

сельской лечебницы Тобольской губернии за 1909 г. тоже следует, что «спустя год после замужества женщина большею частью благословляется приращением семейства»¹.

Таблица 13

**Распределение женщин по возрасту рождения первого ребенка
в селениях Сибири, абс.***

Возраст, лет	Красноярский окр. Енисейской губ., 1891–1892 гг.	Троицкосавский окр. Забайкальской обл., 1894–1902 гг.
15	–	1
16	4	1
17	7	17
18	28	80
19	31	107
20	26	102
21	19	60
22	20	49
23	21	33
24	6	34
25	6	34
26	5	17
27	9	15
28	2	12
29	8	5
30	2	6
31 и старше	2	3
Итого:	193	606

* Подсчитано по: *Крутовский В. М.* К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского окр. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1892–1893 гг. Красноярск, 1893. С. 16 (табл. 4); *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 29.

Названные выше источники позволяют выяснить и средний возраст последних родов у женщин в Забайкалье: он составлял у казачек 36 лет 8 месяцев и 19 дней, у крестьянок – 39 лет 3 месяца 29 дней, у семейских – 38 лет 7 месяцев 6 дней². После этого сельчанки становились физиологически стерильными, хотя прекращение менструаций (менопауза) наступало у них в разных местностях Сибири чаще всего в 45–50 лет, колеблясь у отдельных женщин в более широких пределах³. Таким образом, средняя продолжительность половой жизни от появления менструаций в 15–16 лет до менопаузы, судя по имеющимся данным, составляла более 30 лет. В то же время период активного деторождения длился существенно, на треть, короче – около 20 лет, простираясь в диапазоне между возрастными 19–20 и 36–40 лет. К Сибири поэтому полностью применим вывод, сделанный историком Б. Н. Мироновым на материалах Европейской России: «... тяжелые условия жизни и громадные физические нагрузки преждевременно лишали женщину способности к деторождению»⁴.

Конечно, в отдельных местностях и категориях сельского населения могли быть и существенные отклонения от средних показателей, тем более, что они вычислены на основе хро-

¹ *Арканов С.* Указ. соч.

² *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 41.

³ Там же. С. 23; *Арканов С.* Указ. соч.; *Крутовский В. М.* К материалам о вопросах половой деятельности... С. 17.

⁴ *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 95.

нологически и территориально разрозненных материалов. Так, А. П. Щапов на основе собственных наблюдений писал, что в 1860–1870-х гг. в приленских селениях Иркутской губернии русские женщины «почти сплошь и рядом родят до 45 лет, а нередко и до 50»¹.

Б. Н. Миронов произвел подсчет количества детей, которые рождала за свою жизнь сельчанка Европейской России в эпоху капитализма при относительно благоприятных условиях. При примерной физиологической плодовитости в 10–11 детей реальное среднее число рождений у крестьянок (всех, включая бесплодных) в разных губерниях колебалось от 6 до 9². Привлеченные нами врачебно-статистические материалы по Сибири дают близкие к этому или чуть более высокие показатели. Выделив особо 146 сельских женщин, находившихся в браке и уже окончивших по возрасту половую жизнь, по данным Ю. Д. Талько-Грынцевича можно установить, что на каждую из них, включая бесплодных, в Забайкальской области приходилось за жизнь 6,7 родов, а за вычетом нерожавших – 7,2³. С. Арканов опросил 75 женщин, тоже вошедших по возрасту в менопаузу, и выяснил, что в Приишимье на каждую роженицу приходилось в среднем по 10,6 рождений, вместе с выкидышами и мертворождениями⁴. Величину в диапазоне 6–11 рождений от менархе до менопаузы дает и экстраполяция данных по Красноярскому округу о деторождениях у всех женщин, в том числе еще не вышедших из детородного возраста⁵.

Сказанное как будто противоречит распространенным в этнографической литературе утверждениям о еще более высокой плодовитости сибирячек. Фигурируют такие цифры: в среднем 12–20 детей на одну женщину по Приангарью, от 10 до 24 – у семейских старообрядцев Забайкалья, до 22–24 в Верхоленском крае и т. д.⁶ Нам представляется, что такие утверждения нуждаются в критической оценке. Возможно, конечно, что в отдаленных и относительно изолированных, слабее втянутых в капиталистическое развитие районах вследствие распространенности ранних замужеств, максимального уровня брачности, здорового образа жизни «детность» женщин была выше, чем на основной части территории России. Наряду с этим не исключено, однако, что имеет место абсолютизация не самых типичных для изучаемого периода случаев очень большого числа рождений у некоторых женщин. Каких-либо репрезентативных статистических выкладок по периоду второй половины XIX – начала XX в. о количестве детей, рождаемых одной крестьянкой, этнографы-сибиреведы, к сожалению, не приводят.

Данные о рождаемости по многим местностям Сибири за все периоды изучаемой эпохи иллюстрируют хорошо известную в демографии закономерность: мальчики рождались несколько чаще, чем девочки. На сотню девочек рождалось 103–106 мальчиков⁷, но затем вследствие более высокого уровня смертности лиц мужского пола в реальном поколении ровесников устанавливался половой паритет. Половая диспропорция, отмечавшаяся в селениях Сибири, складывалась в изучаемую эпоху в основном за счет притока переселенцев, семьи которых содержали больше мужчин.

Имеющиеся источники позволяют распространить на всю Сибирь сделанный Л. М. Сабуровой применительно к Приангарью вывод о том, что «крестьяне с большей радостью относились к рождению сына, чем дочери»⁸. В ходу были пословицы: «Мальчик родится на подмогу, а девочка – на потеху», «Растить дочку – что воду лить в дырявую бочку», «Отца кор-

¹ Щапов А. П. Физическое развитие верхоленского населения // Изв. / СОРГО. 1876. Т. 7, № 2/3. С. 59.

² Миронов Б. Н.: 1) Традиционное демографическое поведение... С. 96; 2) Социальная история России... Т. 1. С. 179.

³ Подсчитано по: Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений... С. 21, 25.

⁴ Арканов С. Указ. соч.

⁵ Крутовский В. М. К материалам о вопросах половой деятельности... С. 18.

⁶ Болонев Ф. Ф. О некоторых способах охраны здоровья у семейских Забайкалья в XIX – начале XX в. // Изв. / СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1989. Вып. 2. С. 17; Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения... С. 185; Щапов А. П. Физическое развитие верхоленского населения. С. 59.

⁷ Ефимов А. И. Православное население... С. 4, 8; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 2. С. 90–91; и др.

⁸ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения... С. 185. См. также: ГИМ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 12. Л. 29; Загоскин М. В. Ответы на программу РГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891. С. 22; и др.

мать – долг платить, сына кормить – в долг давать, а дочь кормить – на ветер пустить»¹. Впрочем, эта позиция была более характерна для мужчин. Женщины меньше внимания обращали на пол ребенка. Еще до рождения дочери были для них желанными, во-первых, потому, что считалось: девочек легче родить, парнишек труднее. Во-вторых, именно девочки до полного их «возрастания» и выхода замуж становились помощницами матерей в многочисленных хлопотах по дому и хозяйству. Крестьяне понимали, что за пол младенца роженица не отвечает: «Баба – как мешок, что положат, то и несет»².

В заключение раздела поставим вопрос об **итогах репродуктивного поведения крестьянства** Сибири, и рассмотрим его применительно к периоду 1860–1890-х гг.

В начале этого периода статистический учет рождаемости (как и других демографических событий) в регионе был весьма несовершенен. По данным А. И. Ремезова, пользовавшегося официальными источниками, в первые пореформенные десятилетия в разных округах Западной Сибири рождаемость была слишком резко отличной, колеблясь между 28 и 73 на 1000 человек населения, что вряд ли может соответствовать действительности³. Скорее всего, к истине ближе усредненные цифры в диапазоне 40–60 %. Такие показатели близки к максимально возможным при наличных условиях. Они могут быть подкреплены другими источниками по региону. В казачьем населении Акмолинской области и Томской губернии учет был наилучшим, и он давал показатели рождаемости за 1857–1885 гг. в 45–51 %⁴. В. П. Гедройц-Юраго обработал данные метрических книг 25 селений Пресногорьковской казачьей линии и утверждал, что рождаемость за десятилетие 1878–1887 гг. составляла здесь 57,2 %. Каждый год из ста казачек независимо от возраста приносило детей 11,6, из пяти женщин детородного возраста (15–50 лет) рождала одна⁵. В Каинском округе Томской губернии в среднем за 10 лет (середина 1860-х – начало 1870-х), по данным авторитетного статистика Н. А. Кострова, ежегодное число родившихся равнялось 50,3 %⁶. А. И. Ефимов высчитал примерные коэффициенты рождаемости по полу у сельского православного населения всей Томской губернии за 1881 г.: 48 мальчиков на каждые 1000 мужчин в населении, 43 девочки – на 1000 женщин⁷.

Перейдем к Восточной Сибири. По данным губернской статистики, в 1866 г. сельское православное население Иркутской губернии имело рождаемость, равную 50,8 %⁸. Аналогичные источники по Енисейской губернии обработал А. Р. Шнейдер и установил, что в сельском населении в период 1861–1895 гг. рождаемость колебалась от 49 до 53 %, в 1896–1905 гг. она повысилась до 53–54, в 1906–1914 гг. – до 56–59 %⁹. Применительно к 1880-м гг. данные текущего учета подкреплены материалами массового подворного обследования, показавшего рождаемость в русских селениях равной примерно 50 % в Иркутской губернии и 52 % – в Енисейской¹⁰. В Забайкальской области Ю. Д. Талько-Грынцевич подсчитал данные метрических книг 11 церквей за 1869–1891 гг. и определил общий коэффициент рождаемости в 43,4 %¹¹. Однако применительно к деревенскому населению эту цифру нужно увеличить, поскольку треть выборки Талько-Грынцевича составили горожане, а в городах рождаемость могла быть ниже, чем в селениях.

¹ НАРГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 20–21; Фольклор казаков Сибири. Улан-Удэ, 1969. С. 204–205.

² РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; *Ивановский В.* Указ. соч. 1905. Вып. 15. С. 5.

³ *Ремезов А. И.* Указ. соч. С. 43, 106, 142, 182.

⁴ *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 142; *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 83.

⁵ *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 39, 149.

⁶ *Костров Н. А.* Каинская Бараба // ТГВ. 1874. 8 нояб.

⁷ *Ефимов А. И.* Православное население... С. 39.

⁸ *Чураев А.* Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933. С. 31–34.

⁹ *Шнейдер А. Р.* Указ. соч. С. 19.

¹⁰ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1892. Т. 2. Вып. 6. С. 9–10; 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 82.

¹¹ *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в 11 приходах за 23 года (1869–1891). М., 1898. С. 7.

С течением времени статистический учет численности и естественного движения сельского населения Сибири заметно улучшался. У нас есть возможность на основе материалов Медицинского департамента и Управления главного врачебного инспектора МВД высчитать общие коэффициенты рождаемости в деревнях конца XIX в. Выясняется, что этот показатель в 1887–1889 гг. в среднем равнялся 51 ‰; в 1890–1892 гг. – 46,9; в 1893–1895 гг. – 52 душам на 1000 человек населения. В Западной Сибири рождаемость была немного выше, чем в Восточной. В период 1902–1914 гг. в масштабах всего региона названный коэффициент в отдельные годы колебался от 44 до 56 ‰, составляя в среднем 51,2 ‰¹. Таким образом, показатели рождаемости на протяжении всей изучаемой нами эпохи в деревнях Сибири оставались очень высокими, при этом можно усмотреть признаки их дальнейшего повышения.

Однако уровень рождаемости при капитализме не был устойчивым, на его колебание оказывало воздействие множество факторов. Известно, например, что он увеличивался, с одной стороны, вслед за наиболее урожайными годами (улучшение жизненного уровня населения приводило к учащению зачатий), а с другой стороны – за годами сильных эпидемий: природа как бы стремилась компенсировать людские потери. Рождаемость падала в годы военных и революционных потрясений, которыми было богато начало XX столетие.

Подробнее о динамике рождаемости сельского населения Сибири, в связи с динамикой смертности и естественного прироста и в контексте проблематики начальной фазы демографического перехода речь пойдет в первых двух разделах главы VI настоящей монографии.

3.3. Сохранение здоровья младенцев и детей

Рождавшиеся в крестьянских семьях многочисленные дети при условии успешного их сохранения являлись основой возобновления жизни, формирования новых поколений сельских жителей. Этот факт отражался в общественном сознании деревни. Существовало, например, большое количество примет и гаданий, связанных с предсказанием продолжительности жизни и вероятности смерти в предстоящем году, состояния здоровья конкретного человека или кого-либо из членов его семьи, жителей данного селения и т. д.² В крестьянской среде бытовало убеждение в предопределенности судьбы человека, главных обстоятельств его жизни и смерти – крепости брачного союза, количества детей, потери или обретения здоровья, долговечности жизни – высшими и потусторонними силами. В то же время роль личности в своей и чужой судьбе не мыслилась как сугубо пассивная. Признавалась возможность влияния на судьбу, личной и общественной активности в демографической сфере, но в ограниченных пределах и зачастую в иррациональных магических формах.

Витальное поведение крестьян исходило из представления об особой ценности для человеческого сообщества в целом, для сельского домохозяйства в частности, жизни и здоровья близких. «Что мне пять коров, был бы сам здоров», «Обери всё, Господи, только бы дети (или муж, жена. – В. 3.) остались», – такие присловья можно было зачастую услышать в деревне³. В витальном поведении, как и в брачном, в репродуктивном, были сильны элементы фатализма: как не одобрялись безбрачие, попытки регулирования рождаемости, так неизбежными признавались высокая детская смертность, неизлечимыми слыли некоторые вполне излечиваемые заболевания и т. д. Исходя из задач данного исследования, на характеристике детской смертности и отношении к ней сельчан следует остановиться подробнее.

¹ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента МВД за... [1886–1895 гг.] 1888–1898; Отчет о состоянии народного здоровья... [за 1896/1901–1914 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1916.

² См., например: *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь... С. 265–269; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. С. 19, 21; *Любимова Г. В.* Возрастной символизм... С. 85–90; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь. С. 42, 84, 92; и др.

³ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 345. Л. 12; *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы. С. 84; *Михайлов К. П.* Общинный быт у крестьян Забайкальской обл. Восточной Сибири // Рус. мысль. 1885. № 12. С. 24.

Многочисленные источники не только указывают на факт очень **высокой смертности детей**, но также отражают ее количественные параметры. Некоторые исследователи – врачи и этнографы – в 1860–1890-х гг. обрабатывали данные метрических книг и таким образом устанавливали долю детей в общем числе умиравших сельских жителей. Для периода начала XX в. аналогичные расчеты по некоторым губерниям позволяют сделать сводки официальной статистики. Выясняется, что удельный вес детей, не доживших со дня рождения до года, среди всех умерших в «нормальные» годы в сибирских селениях колебался в диапазоне 40–55 %. Процент младенцев в возрасте от рождения до 5 лет в общем количестве умиравших округленно составлял уже 55–70, доля же детей до 10 лет достигала в ряде местностей 3/4, а в среде недавних переселенцев бывала и выше этого показателя¹.

Самыми уязвимыми для болезни и смерти были только что родившиеся малютки, с возрастом же количество умиравших детей сокращалось. Порядок вымирания реального поколения – очень важный показатель в демографии. В Верхотенском округе Иркутской губернии в 1860–1863 гг., не дожив до года, умирало более половины всех новорожденных². В станице Стретенской и ее окрестностях (Восточное Забайкалье) в 1840–1920 гг. до пятилетнего возраста не достигало в среднем 416 из каждой 1000 родившихся³. В казачьих семьях Пресногорьковской линии в 1878–1887 гг. к году оставалось в живых 606 ‰, к 5 годам – всего 454, к 10 годам – 433⁴. Данные о порядке вымирания детей по Томской губернии обобщены в таблице 14. Все имеющиеся материалы показывают, что в возрасте 10–15 лет показатели смертности становились сравнительно небольшими. Это был наиболее «безопасный», самый «здоровый» период жизни человека.

Таблица 14

Количество детей в реальном поколении, доживавших до определенного возраста в селениях Томской губернии (1870–1880 гг.), из 1000 рожденных данного пола*

Возраст дожития		Мальчики	Девочки
Месяцы:	1	944	954
	3	876	897
	6	819	846
Годы:	1	764	793
	2	720	752
	3	697	729
	4	680	713
	5	669	702
	6	661	694
	7	655	689
	8	651	685
	9	647	682
	10	644	679
	15	636	669

* Составлено по данным: *Ефимов А. И.* Православное население... С. 22–23. Показатели для возраста 15 лет даны согласно экспертной оценке.

¹ Подсчитано по: Статистика Российской империи. Вып. 66. С. 262–275; Вып. 70. С. 262–275; Вып. 74. С. 262–275. См. также: *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода... С. 1, 56; *Колбасенко И. С.* Указ. соч. С. 116; *Ровинский П. А.* Между Ангарой и Леной // Изв. / СОРГО. 1871. Т. 2, № 4. С. 17.

² *Шперк Ф. Ф.* Верхотенский окр. Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 154.

³ *Белявский А. К.* Указ. соч. С. 668.

⁴ *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 153 (табл.).

Выше, в разделе 3.1 настоящей монографии говорилось о том, что высокая смертность людей на первых годах жизни в русской деревне складывалась в первую очередь за счет громадной младенческой смертности в летний период от дизентерии и других эпидемических заболеваний. Губительной была также роль сезонных простуд, желудочно-кишечных заболеваний вследствие нерациональности традиционной системы вскармливания младенцев, несчастных случаев из-за недосмотра за подрастающими «челяденками». Избежав смерти в наиболее опасном возрасте до 10 лет, дети не были застрахованы от болезней и различных несчастий в последующие годы.

Часть случаев заболеваемости и смертности подростков была связана с привлечением «малолетков» к хозяйственным операциям, отнюдь не всегда безопасным и безвредным для здоровья. В источниках мы находим многочисленные жалобы на родителей, заставляющих дочерей с ранних лет по многу часов ежедневно прясть («на гребешках душили»); описания несчастных случаев, происходивших с «борноволокнами» – мальчиками и девочками 6–12 лет, падавшими с лошадей и попадавшими под бороны, с детьми-возчиками, задавленными телегой и т. п.¹ На основе многолетних наблюдений в центральной части Енисейской губернии М. В. Красноженова писала: «Очень тяжело достается в бедных семьях, когда нет больших работников, отца или старшего брата, тогда вся тяжелая крестьянская работа ложится непосильным бременем на 12-летнего подростка. Такой мальчик вырастает “заморышем”, с надорванным здоровьем»².

Некоторые наблюдатели сельского быта утверждали, что население «вполне свыклось с громадной рождаемостью и таковою же смертностью детей, считает это чем-то вполне обыкновенным и довольно равнодушно относится к болезням своих малюток; взрослые же охотно ищут медицинской помощи у врачей и фельдшеров...»³. Однако внимательное изучение комплекса источников показывает другое. Точнее было бы говорить не о равнодушии, а об осознании трагической неизбежности большого количества детских болезней и смертей в реальных условиях сибирской деревни. «Молодостью не жить, а старостью не помереть», – так выражалась мысль о том, что не всегда умирает старик, оставляя на земле место молодому, что чаще, к сожалению, бывает наоборот⁴. Пытались утешить себя и других: «Земля не сдержит, если помирать не будут», «Заревутся (дети без присмотра. – В. З.), так другие заведутся», «Бог сохранит ее (дочь. – В. З.) – жива будет; а умрет – на то Господня воля... Еще двое останутся. Родители молоды, еще наживут»⁵.

Однако утешение было слабое, и случаи острого заболевания, потери ребенка, особенно единственного, тяжело сказывались на самочувствии членов семьи. Этнограф А. А. Макаренко, много лет проживший среди крестьян на Ангаре и среднем Енисее, с уважением писал: «Материнское чувство, с одной стороны, сознание ужасности положения одинокой старости, с другой, побуждают крестьянку-мать “трястись” над ребенком. Она нянчится дни и ночи, во время болезни его страдает одинаково с ним; изыскивает средства лечения; отыскивает “знатких людей”, верит их советам и выполняет, что предлагается ими». И далее: «А для чего припасать “хлеб-богатство”, когда “часует” последнее (из многих) дитя, и с его смертью для родителей рухнет последняя осмысленная цель, ради которой стоило бы жить?»⁶. Другой авторитетный исследователь, сам родившийся и выросший в крестьянской семье, Г. С. Виноградов, подтверждает: «По мере сил (а бывает, и сверх

¹ ГИМ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; НГПУ. Д. 6. Л. 69; Из Бийского окр. // ВО. 1884. 5 янв.; *Шерганд*. Опыт медицинской статистики по Енисейской губ. за 1863 г. // Арх. судебн. медицины и обществ. гигиены. 1867. № 3. С. 81; и др.

² *Красноженова М. В.* Ребенок в крестьянском быту: семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX – первой трети XX в. Новосибирск, 1998. С. 50.

³ *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 173. См. также: *Некленаев И. Я.* Указ. соч. С. 23.

⁴ *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь... С. 265.

⁵ Там же. С. 275; Из мира прокаженных и сифилитиков // ВО. 1902. 12 апр.; Урал в его живом слове. С. 131; и др.

⁶ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... Вып. 1. С. 58.

сил) и разумения воспитывают, заботятся о сохранении жизни и поддержании здоровья» детей сибиряки-сельчане¹.

Представляют интерес **магические способы оберегания** детей, активно применявшиеся в деревнях. Стараясь не допустить «сглаза», после рождения ребенка недели две не показывали посторонним, кормили грудью где-нибудь в укромном месте. Если представлялась к тому возможность по календарю, новорожденным старались давать имена тех святых, которые, по подсчетам крестьян, «сохраняли» большее число детей. Предпочитали также имена дедушки и бабушки, ибо «ребята живучи бывают, и сохраняются родово имя»². По свидетельству И. Я. Неклепаева, в Сургутском крае нередко крестили в память умерших ранее детей, а имена деда и отца мальчикам присваивали и для того, «чтобы ребенок, когда вырастет, мог помнить свой род... Вообще больше норовят давать имена своих родственников, чтобы эти имена переходили из рода в род и не забывались в нисходящем потомстве»³.

В некоторых местах Сибири практиковалась фиктивная передача тяжело больного ребенка второй крестной матери или в чужую семью как средство сохранения его жизни. В д. Яркиной-на-Чадобце Енисейского уезда одноименной губернии в начале XX в. зафиксирован обряд «приобретения кумовой»: «У кого дети не выживают, тот при рождении ребенка выходит на улицу и первой встречной женщине говорит, например: “Мария Дмитриевна, будь мне кумой”»⁴.

Если в семье «робята не стояли» (умирал один ребенок за другим), то в других местах поступали и так: мать обмывала очередного покойника сама и притом на голых коленях; вбивали в землю на могиле к его ногам осиновый кол, лишая этим возможности «приходить» за любимыми братьями и сестрами⁵. В Прибайкалье в случае смерти первого ребенка отец и мать не участвовали в похоронах, чтобы не умирали и другие их дети⁶. Повсеместно считались недопустимыми проклятие или пожелание смерти ребенку, особенно материнское, даже сделанное шутя или в игре, – крестьяне не сомневались, что они могут исполниться. Боясь «худых последствий», вообще старались не браниться «черным словом» на ребятешек. Хорошими профилактическими мерами от всех напастей считались служение молебнов, ношение на шею ладанки.

Различные магические приемы лежали в основе и всей народной санитарно-медицинской практики, либо сопровождали ее. В **народной медицине** можно выделить профилактические меры против болезней, в том числе детских (очерчивание магическим кругом, карантин, словесные заговоры и др.) и собственно лечебную часть. В этнографической и медицинской литературе накоплен огромный массив сведений о способах и средствах лечения детских болезней, применявшихся в русской деревне Сибири. Его разработка в полном объеме – дело специалистов, медиков и культурологов. Здесь можно отметить лишь, что имевшие дело с народной медициной врачи нередко отмечали в ней «ценные перлы для научной медицины, сравнительно незначительная часть которых уже научно обследована, разработана и представляет в настоящее время ценный вклад во врачебную фармакопею»⁷. Приведем некоторые примеры.

Бийский окружной врач Михайловский докладывал в 1865 г. в Томскую врачебную управу о своих действиях по ликвидации эпидемии дизентерии в с. Белоглазовском Чарышской волости: «... мною была употребляема трава, известная в простонародии под именем кашка-

¹ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение... С. 368; *Загоскин М. В.* Деревенские письма // ВО. 1889. 23 апр.

² *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... Вып. 1. С. 98.

³ *Неклепаев И. Я.* Указ. соч. С. 84.

⁴ Деревенские суеверия // ВО. 1902. 17 июля.

⁵ *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода... Вып. 2. С. 153; *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь... С. 278–279.

⁶ *Станиловский А. М.* Записки. Иркутск, 1912. С. 175.

⁷ *Крутовский В. М.* Материалы к изучению способов народного врачевания в Восточной Сибири // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1890–1891 гг. 1891. С. 21.

ры, которая местными жителями около черни (хвойного леса. – В. З.) единственным считается средством против поноса, что узнал случайно. Я хотел испытать действие ее в данном случае и деятельно видел большой весьма быстрый успех, даже не встречая неудачи»¹. Вообще в Сибири крестьянам было известно более 250 видов лекарственных растений, и фототерапия считается главным достижением русской народной медицины².

В Верхотенском крае крестьяне очень давно обнаружили особые свойства воды в р. Анге, которой лечились от зоба; в целебных озерах и теплых минеральных ключах сибиряки исцеляли многие другие телесные недуги. В Сургутском крае приспособлялись к экстремальным условиям севера (непривычное соотношение дня и ночи, дополнительные нагрузки на организм), приучали детей рационально строить режим сна и бодрствования, понимая, что «сон – первое условие здоровья»³. Повсеместно в профилактике и лечении взрослых и детей, даже грудных, использовались физиотерапевтические свойства парной бани.

Наряду с положительными сторонами, в народной педиатрии было много несовершенного и неправильного, как с точки зрения научной медицины того времени и современной, так и просто по причине неэффективности применяемого лечения, даже вреда от него. Некоторое представление об этом аспекте народной педиатрии могут дать следующие примеры. Типология детских страданий включала «уроки», «призоры», «порчи», «колотья» и тому подобные напасти; многие детские болезни, особенно судорожные, почитались чем-то святым и неприкосновенным, зоб же в местах его наибольшего распространения вообще не считался за болезнь. Бытовало убеждение, что «врачи не могут лечить дитя как существо, не имеющее языка передать свои страдания». Загрязненные раны, по представлениям крестьян, не нужно было трогать, и потому они обычно не промывались и не перевязывались. При ночном энурезе полагалось колотить ребенка чулком или «голяшкой» от сапога на горячей заслонке, при «сухотке» сажать на лопату и трижды всовывать в горячую печь над хлебами и т. д.⁴

Особый интерес представляет сравнительное отношение в сибирской деревне к народной и официальной медицине. Оно не было однозначным и неизменным в течение динамичной капиталистической эпохи.

В большом количестве источников, особенно относящихся ко второй половине XIX в., отразилось равнодушное, настороженное, иногда даже враждебное **отношение сельчан-сибиряков к деятельности медицинских учреждений**, врачебного персонала, а также к рекомендуемым властями и медиками мероприятиям по улучшению санитарно-гигиенического состояния населенных пунктов, дворов и жилищ. Типичным нужно признать отчет нарымского окружного врача, который пытался наладить оспопрививание в 1864–1865 гг.: «Но мера эта встречала неодолимое препятствие со стороны народа, то прямо, то под разными предложениями не дававшего детей для прививки до прекращения эпидемии. <...> Предохранение детей от простуды, удаление от больных и другие гигиенические меры выполнялись нередко тоже с крайней небрежностью»⁵. В меньшей степени это было присуще казачеству, в наибольшей – старообрядческой среде. Старообрядческие идеологи – уставщики – порой под угрозой отлучения «от веры», изгнания из общины запрещали своей пастве пользоваться помощью медиков, принимать «поганные» лекарства⁶.

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 53.

² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 334; *Лебедева А. А.* Использование дикорастущих растений и минералов русскими Сибири в XVIII – начале XX в. // СЭ. 1988. № 2. С. 84.

³ *Неклепаев И. Я.* Указ. соч. С. 28–29.

⁴ Вопрос народно-медицинской помощи...; *Гандельсман В. О.* Способы народного врачевания в Идринской волости Минусинского окр. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1890–1891 гг. С. 26; *Кривошапкин М. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 1–12; и др.

⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 38.

⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 43. Д. 1404. Л. 31–32; *Полицук Н. С.* Быт и культура семейских // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2. С. 103.

Причины такого отношения кроются, с одной стороны, в особенностях традиционного общественного сознания, мало восприимчивого к инновациям, а с другой – в слабом развитии и очень плохой постановке медицинского и санитарного дела, при которой лечение зачастую было делом дорогим, но бесполезным. С развитием капитализма наметился кризис традиционной культуры под влиянием прогресса производительных сил, развития миграционных процессов, расширения круга общения и грамотности крестьян; в данном случае определенную роль играло и улучшение медицинского обслуживания. В результате мы наблюдаем развитие рациональных элементов сначала в индивидуальном и групповом, затем в общественном сознании, в демографическом поведении сибирского крестьянства. Наблюдатели замечали, что «молодое поколение понемногу бросает более грубые привычки и суеверия»; причем относилось это и к изучаемой нами сфере образа жизни.

В 1879 г. после оспенной эпидемии старообрядцы Бийского округа Томской губернии «в первый раз сами заявили желание привить своим детям предохранительную оспу»¹. Народная фармакопея пополнялась лекарствами, закупаемыми из аптек и лавок. Постоянно росла обращаемость населения за медицинской помощью к специалистам. Так, по официальным данным, в Красноярском округе она выросла с 60–65 случаев на 1000 человек населения в 1908–1909 гг. до 444–489 обращений в 1911–1912 гг.² Усиливается поток жалоб с мест на неудовлетворительную постановку медицинского дела, прошений об открытии в селениях фельдшерских пунктов и больничек, присылке медперсонала. Крестьяне и сами активно участвовали в развитии сельской медицины, на свои средства создавая и поддерживая необходимые им учреждения³.

В результате в селениях складываются контуры «трехступенчатой» системы лечения болезней, в том числе детских. Все более или менее легкие случаи недомоганий и травм излечивались домашними способами, почти у любой хозяйки имелись для этого традиционные навыки и «средства». Если собственное лечение не давало результатов, и страдания усиливались, то «ладить» больного приглашали людей, пользовавшихся в данной местности слабой умелых знахарей, колдунов, шептуний, костоправов (в ряде местностей русские охотно прибегали в таких случаях и к помощи «инородческих» шаманов, лам). Наконец, в самых экстраординарных случаях, если традиционная народная медицина оказывалась несостоятельной, или подходящего лекаря поблизости найти не удалось, а больной начинал «часовать», искали возможность привлечь к лечению официальных медиков. Это было нелегко: чтобы привезти, скажем, ребенка в лечебницу из дальней деревни, нужно было оставить других детей, потерять рабочее время, иметь лошадь и т. д.

Доктор Н. А. Вигдорчик, анализируя «лечимость по полу и возрасту» во 2-м врачебном участке Красноярского округа за 1898–1902 гг., статистически установил, что детей, а также взрослых женщин и стариков относительно часто лечили в амбулатории жители центральных, ближайших к ней сел. Из более отдаленных же населенных пунктов привозили к врачу лечить преимущественно взрослых мужчин – людей, наиболее ценных на данный момент в экономическом отношении для крестьянского домохозяйства. В с. Есаулове (центре врачебного участка) количество обращений в амбулаторию для лечения детей в возрасте до пяти лет составляло 1/4 от обращаемости взрослых, в более удаленной зоне участка – 1/5, а в самых дальних и недоступных селениях – лишь 6 %. Сиюминутная экономическая ценность подростков 5–18 лет была выше, и для их лечения обращались чаще – на уровне 30–40 % от количества обращений взрослых на всей территории участка⁴.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 672.

² Красноярский окр.: сравнительные данные о естественном движении населения и заболеваемости его заразными болезнями // СМЖ. 1928. № 9. Вклейка.

³ См., например: *Вигдорчик Н. А.* Заметки сибирского врача: (очерки бюрократ. медицины). Н. Новгород, 1905. С. 51–53; *Крестьяне и медицинская помощь в Тобольской губ.*; *Кузминский А. К.* О гипотетическом врачебном пункте в с. Каргасок Нарымского края Томской губ. / Сиб. врач. 1917. 19 марта; и др.

⁴ *Вигдорчик Н. А.* Указ. соч. С. 97–99.

Повсеместно главным контингентом больных, приезжающих в сибирские сельские лечебницы или привозивших сюда своих «домашних», были сравнительно зажиточные крестьяне, а также деревенская «аристократия» – старосты, священники, торговцы и т. п. Иначе говоря, получал медицинскую помощь часто не тот, кто в ней больше всего нуждался, а тот, кому она была доступнее. Интересно, что посетителей в амбулаториях было сравнительно много зимой и ранней весной, когда в деревнях у людей было больше свободного времени. Летом же, начиная с апреля, – в период интенсивных полевых работ – число посещений было минимальным¹. Женщины из бедных семейств, лишенные возможности полечить детей в амбулатории, поджидали случая обратиться к врачу хотя бы во время его разъездов по вызовам. «Стоит только кому-либо из медицинского персонала заехать в какое-либо селение для перемены лошадей, как тотчас же словно из земли вырастают 2–3 бабы с больными ребятами», – рассказывает Н. А. Вигдорчик².

Значительная часть усилий, предпринимавшихся крестьянами и медиками для сохранения жизни детей, давала свои результаты, и смертность не являлась стихийным процессом в той степени, в какой почти неуправляемым образом осуществлялась рождаемость. И все же в итоге из большого количества родившихся **до зрелых лет доживало** не так уж много. Приведем некоторые из имеющихся данных на этот счет.

В момент обследования, проведенного В. М. Крутовским в Красноярском округе Енисейской губернии в 1891 г., из всех детей, родившихся ранее у опрошенных 312 деревенских женщин, оставалось в живых только 42 % (у городских жительниц в живых оставалось 36 % рожденных ими детей)³. В с. Ужур Ачинского округа той же губернии на 247 родившихся во второй половине XIX в. в 21 семье к 1897 г. оставалось в живых 70, т. е. на каждую семью приходилось в среднем 3,2 выживших и 8,4 умерших⁴. С. Арканов в Ишимской сельской лечебнице Тобольской губернии в 1909 г. опросил 19 женщин, по возрасту уже вышедших в менопаузу, и выяснилось: после 226 родов (вместе с мертворождениями и выкидышами) к старости у них осталось в живых 55 детей – только четверть родившихся, или по 2,9 человека в среднем на каждую, включая оставшихся совсем бездетными⁵.

Этнограф Н. А. Лебедева использовала для выяснения вопроса о соотношении **семей с различным числом детей** первичные материалы похозяйственного обследования в 1897 г. деревенской местности Забайкалья. Данный источник позволяет установить лишь общее количество детей в домохозяйствах; вовсе не представляется возможным подсчитать детей, принадлежащих отдельным брачным парам в неразделенных семьях. Лебедевой были взяты для анализа все домохозяйства трех казачьих селений (Мангут, Верхний Ульхун и Ульхун-Партия), а также четырех старообрядческих семейских сел – Хонхолоя, Никольского, Большого Куналея и Бичуры. По нашему расчету, сделанному на основе данных Лебедевой (табл. 15), в среднем на сельское семейное домохозяйство Забайкальской области приходилось 3,2 ребенка, а за вычетом бездетных дворов – 3,4. Обращает на себя внимание такой факт: более половины всех домохозяйств и у крестьян, и у казаков содержали в своем составе всего от одного до трех детей. Семейские имели неразделенные семьи чаще, чем казаки, и это, по видимому, было главной причиной несколько большего количества в их среде многодетных дворов, значительно меньшей доли вовсе бездетных.

Нами использован и другой источник – первичные посемейные карточки Всеобщей переписи населения 1897 г. Были обработаны данные по 46 сельским обществам восьми округов Тобольской губернии. Учитывались только дети, принадлежащие главе домохозяйства и его супруге (супругу), независимо от того, являлась ли эта брачная пара полной или второй супруг уже умер. Усыновленные дети приравнивались к родным.

¹Корреспонденции // ВО. 1888. 18 дек.

²Вигдорчик Н. А. Указ. соч. С. 83.

³Крутовский В. М. К материалам о вопросах половой деятельности... С. 13.

⁴Макаренко А. А. Материалы по народной медицине... Вып. 2. С. 231.

⁵Подсчитано по: Арканов С. Указ. соч.

**Распределение домохозяйств с различным количеством детей
в селениях Забайкальской области (1897 г.)***

Число детей в домохозяйстве	Казаки		Крестьяне-семейские		Всего в выборке	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0	74	16,7	159	6,5	233	8,0
1	62	14,0	306	12,5	368	12,7
2	94	21,2	441	18,0	535	18,5
3	70	15,7	516	21,1	586	20,3
4	43	9,7	463	18,9	506	17,5
5	43	9,7	291	11,9	334	11,5
6	26	5,8	152	6,2	178	6,1
7	20	4,5	72	2,9	92	3,2
8	11	2,5	32	1,3	43	1,5
9 и более	1	0,2	19	0,7	20	0,3
Итого:	444	100	2451	100	2895	100

* Подсчитано по: *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 161 (табл. 5).

Больше всего в полученной выборке из 6267 домохозяйств оказалось однодетных ячеек – 24 %. Два ребенка учтено в 19,1 % случаев, три – в 16,6, четыре – в 11,1, пять – в 7,1, шесть и более – в 5,4 %. Имелось 16,7 % вовсе бездетных брачных пар домохозяев. Таким образом, многодетные ячейки находились в явном меньшинстве. В среднем на каждую брачную пару, вошедшую в расчет, включая бездетных, приходилось 2,3 ребенка, а на одну нуклеарную семью с детьми – 2,7¹. Разумеется, в данном случае, как и в работе А. А. Лебедевой, вычисленные показатели обозначают не число детей, рожденных супругами или всеми членами семьи в течение детородного периода жизни матерей. Они лишь отвечают на вопрос: сколько детей к моменту переписи (обследования) уже родилось, выжило и еще не успело обзавестись собственным хозяйством и отделиться.

Как известно, демографическая перепись 1897 г. не содержит данных о доходности или хозяйственной состоятельности семей и потому не позволяет дифференцировать сведения о количестве детей по социальным слоям и группам крестьянства. Однако нам удалось в сделанной выборке по первичным карточкам вычленив 323 сельских пролетарских (батрацких) домохозяйств. В их среде фиксируется гораздо более низкий уровень «детности», чем в целом у сельского населения. В Тобольской губернии более 1/3 семей сельских батраков (очень маленьких по величине) вообще не имело детей, еще столько же включало в свой состав одного ребенка, 1/4 – двух или трех. На брачную пару в среднем приходилось лишь 1,3, а за вычетом бездетных ячеек – 1,9 детских душ².

В предыдущем разделе говорилось о том, что минимальное количество детей, которое рождалось в средней крестьянской нуклеарной семье, было близким к шести. Теперь мы установили, что из 6–11 рождавшихся детей выживало до совершеннолетия и могло «заменив» собой родителей всего около трех, в грубом округлении. Отсюда ясным становится один из аспектов смысла устойчивой формулы поговорки: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – весь сын». Поговорка зафиксирована в изучаемую эпоху в самых раз-

¹ Подсчитано по: ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 109, 126, 149, 150, 156, 223, 225, 236, 240, 241, 244, 253, 254, 270.

² Подсчитано по тем же источникам.

ных местах Сибири и России в целом¹. На шестерых по законам биологии приходилось примерно поровну (по три) мальчиков и девочек, и это был тот минимум детей, после рождения которых можно было считать свою детородную миссию на земле выполненной.

Считалось, что из трех сыновей уж один-то доживет до совершеннолетия и обеспечит родителям спокойную старость, а из трех дочерей одну можно будет выдать замуж «по-людски». Родители поэтому изо всех сил заботились о сохранении жизни и здоровья хотя бы двух-трех ребятишек. При наличии относительно большого количества детей в небогатой семье возникала экономико-демографическая «перегрузка», которая иной раз приводила к попыткам лечиться «от частых родов» и даже к мольбам Богу, чтобы он «прибрал» очередное дитя.

Наряду с приемами охраны жизни детей, в источниках отразились немногочисленные, правда, факты тайного умышленного убийства младенцев матерями вскоре после рождения. Расследование таких случаев обычно вскрывало следующие причины злодеяния: стремление девицы скрыть внебрачное сожитие; очень напряженные отношения между супругами или иными членами домохозяйства; крайняя бедность семьи².

В заключительной части раздела рассмотрим вопрос о количественном значении и типовых характеристиках того **естественного прироста населения**, который осуществляется в селениях Сибири через демографическое поведение крестьян и казаков.

Историки медицины Т. И. Мендрина и Н. П. Федотов, опираясь на немногие территориально и хронологически локальные данные, пришли в своих работах к выводу, что для Сибири всей дооктябрьской эпохи были «характерны очень высокая рождаемость и смертность при низком, а иногда и отрицательном коэффициенте естественного прироста. Воспроизводство населения здесь протекало на основе быстрой смены поколений. Такой тип воспроизводства обусловлен положением Сибири как экономической колонии Российской империи»³. Попытаемся оценить этот вывод на основе мобилизованных нами более массовых и систематических данных.

Действительно, по некоторым местностям Сибири официальная статистика и обследования фиксировали в отдельные годы или даже два-три года подряд преобладание смертности населения над рождаемостью⁴. Однако в целом по сельской местности Сибири и по ее достаточно обширным регионам ни в пореформенный период, ни в конце XIX – начале XX в. отрицательный прирост не наблюдался и, более того, положительные показатели прироста были достаточно большими. По данным А. И. Ремезова, в 1870–1876 гг. в селениях всей Западной Сибири, включая Семипалатинскую область, естественный прирост составлял 16,8 ‰⁵. Посемейные списки Сибирского казачьего войска 1857–1876 гг., обработанные Ф. Н. Усовым, дали общий коэффициент естественного прироста, равный 15 ‰⁶. На Пресногорьковской казачьей линии в 1878–1887 гг. он составил 14,4 ‰. Как и в других местах, естественный прирост здесь сильно колебался в разные годы, главным образом, за счет изменения величины коэффициента смертности; показатель рождаемости являлся величиной более устойчивой⁷. В Каинском округе Томской губернии за десятилетие середины 1860-х – начала 1870-х гг. ежегодное прибавление населения за счет высокой рождаемости составило 22,6 ‰⁸. По всему сельскому православно-

¹ *Абрамов Н. А.* Указ. соч. 11 июля; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939. Т. 1. С. 379; *Ивановский В.* Указ. соч. Вып. 15. С. 20; *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение... С. 376; Пословицы и поговорки русского народа: из сборника В. И. Даля. М., 1987. С. 302; и др.

² *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 69–70; *Швецова М. В.* Из поездки в Риддерский край // Зап. / ЗСОРГО. 1898. Кн. 25. С. 11–12; Корреспонденции // ВО. 1902. 4 окт.; и др.

³ *Федотов Н. П., Мендрина Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 117.

⁴ См., например: Отчет Медицинского департамента... за 1886 г. 1888. С. 3; ... за 1887 г. 1889. С. 6; ... за 1888 г. 1891. С. 4; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1905 г. 1907. С. 5; ... за 1906 г. 1908. С. 6; и др.

⁵ *Ремезов А. Л.* Указ. соч. С. 232–233.

⁶ *Усов Ф. Н.* Статистическое описание... С. 83.

⁷ *Гедройц-Юраго В. П.* Указ. соч. С. 139.

⁸ *Костров Н. А.* Каинская Бараба. 2 нояб.

му населению Томской губернии за 1881 г. естественный прирост был у мужчин примерно 21, у женщин – 20 человек на 1000 представителей данного пола¹.

Сходным было положение и в Восточной Сибири. До данным текущей губернской статистики, в Иркутской губернии 1866 г. естественный прирост сельского православного населения составил 14,1 души на 1000 жителей². Результаты разработки А. Р. Шнейдером аналогичных источников по Енисейской губернии таковы. В период 1861–1895 гг. естественный прирост деревенского населения колебался здесь от 9 до 15 ‰, в 1896–1905 гг. он поднялся до 15–19, а в 1906–1914 достиг 21 ‰³. Применительно к 1880-м гг. указанные цифры близки к результатам массового обследования крестьянских хозяйств (12,7 ‰ в основной части Енисейской губернии, около 11 ‰ – в Иркутской губернии)⁴. Годовой естественный прирост в период 1869–1891 гг. в Западном Забайкалье, по подсчетам Ю. Д. Талько-Грынцевича, составлял 12,2 ‰, а в Забайкальском казачьем войске был особенно высоким (18,1 ‰ в 1883 г.)⁵.

Историки отмечают следующие особенности динамики естественного прироста населения во всей Сибири. В целом ему были присущи характерные для традиционного типа воспроизводства почти предельно высокая для тогдашней возрастной и половой структуры населения рождаемость и высокая смертность. В первые три пореформенные десятилетия разность этих двух величин в Сибири была небольшой, и естественный прирост колебался в отдельные годы от 6 до 15 ‰, зачастую уступая Европейской России. Минимумы прироста приходились на малоурожайные или захваченные сильными эпидемиями 1864, 1867, 1870, 1874, 1884, 1888, 1891–1892, а также на некоторые непосредственно следующие за ними годы. Поскольку горожан было немного, указанные закономерности, очевидно, формировались в сельском населении. С середины 90-х гг. в условиях некоторого повышения уровня развития крестьянского хозяйства естественный прирост населения существенно вырос в основном за счет сокращения смертности, хотя были заметны его спады в неурожайные 1896 и 1900 гг.⁶

В конце XIX и особенно в начале XX в. несколько сокращалась смертность крестьянства Сибири. Одновременно стала расти рождаемость, и Сибирь по рождаемости и естественному приросту вышла на ведущее место в стране, обогнав как Европейскую Россию, так и другие регионы⁷. Подробнее о динамике естественного прироста сельского населения Сибири, ее отдельных субрегионов (Западная и Восточная Сибирь, губернии и области) в сравнении с динамикой городского населения в регионе, с ситуацией в Российской империи, взятой в целом, речь пойдет в заключительной главе данной монографии.

3.4. Физическое развитие молодого поколения

Сохранение жизни и здоровья дополняется в современном обществе специальными усилиями взрослых по телесному развитию потомков и физическим саморазвитием растущих и формирующихся людей. В традиционном по своей основе обществе русской деревни середины XIX –начала XX в. не существовало специальных институтов, предназначенных для физического воспитания и развития молодежи. Мы имеем дело в основном со стихийным процессом, а не с целенаправленной деятельностью. Наиболее слабые дети умирали в раннем возрасте, оставшиеся в живых самой природой, а также ежедневным деятельным образом

¹ *Ефимов А. И.* Православное население... С. 39.

² *Чураев А.* Указ. соч. С. 34.

³ *Шнейдер А. Р.* Указ. соч. С. 21.

⁴ *Материалы...* Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 6. С. 9–11; Т. 4. Вып. 2. С. 83.

⁵ *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Продолжительность жизни... С. 7–9.

⁶ *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // *История СССР.* 1981. № 4. С. 63–64.

⁷ Там же. С. 64–65; *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири: географические особенности и проблемы. Новосибирск, 1975. С. 158–160, 178; *Горюшкин Л. М.* К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // *Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири.* Новосибирск, 1975. С. 78–80; и др.

жизни как бы приуготовлялись к тяжелому труду взрослого крестьянина, к физически нелегким детородным обязанностям крестьянки. Телесные силы, воля и характер человека были условиями успешного участия в труде, но и сами они формировались и совершенствовались по мере включения ребенка во все более разнообразные виды трудовых операций.

Подготовительными же этапами к физическому развитию в процессе труда были, во-первых, первоначальные приемы физического развития самых младших детей, применявшиеся взрослыми, и, во-вторых, многочисленные и разнообразные игры, бытовавшие в селениях, – в них были задействованы уже немного подросшие дети.

Врачи и чиновники, работавшие в сельской местности Сибири, в целом невысоко оценивали стремление и умение пестуний-крестьянок дать детям **первоначальное физическое воспитание**. Акцентировалось внимание на небрежности пеленания, ведущей нередко к кривобокости и косолапости, на несовершенстве слишком плоской колыбели, из которой дети часто выпадали, причиняя себе ушибы и вывихи. Отмечалось, что для обучения сидению, ползанию, ходьбе никаких специальных приемов не применяется, кроме поддержки детей за руки, обкладывания их подушками или одеждой в начале сидения: «Развитие этих актов предоставляется природе»¹. Констатировалось, что личной гигиене, состоянию здоровья детей вообще уделялось недостаточное внимание. «Небрежность в одежде как плохая защита от неблагоприятных атмосферных явлений, дурное кормление и неопрятное содержание детей сокращают их жизнь не только в раннем, но и в дальнейшем их возрасте», – отмечал врач Н. И. Кашин. Таково же было мнение ряда других компетентных наблюдателей².

Признавая, что свой резон в этом мнении есть, абсолютизировать его было бы все же неправильно. «Гоить» ребенка – содержать в чистоте и заботиться о его здоровье – считалось в деревне одной из важных задач родительской семьи, в первую очередь матери. Другое дело, что на это слишком часто не оставалось ни времени, ни сил; этот факт иногда осознавался и самими крестьянами как трагедия.

Приемы первоначального физического воспитания не фиксировались наблюдателями «со стороны», потому что не вычленились из повседневного процесса ухода за детьми – укладывания спать, переодевания, пеленания, мытья и т. д. Однако фольклорист-сибиревед М. Н. Мельников, внимательно анализируя поэзию пестования, установил: колыбельная песня вместе с ритмическим покачиванием колыбели была хорошим способом безболезненного перевода ребенка из состояния бодрствования в сон, а ведь длительный спокойный сон в первые месяцы жизни – неперемное условие быстрого роста и развития. Поддержка в часы бодрствования радостных эмоций обеспечивалась на первых порах с помощью пестушек, словесный ряд в которых сопровождался некоторыми физическими приемами, напоминающими физзарядку и массаж. При этом восстанавливалось кровообращение после тугого пеленания, укреплялись мышцы, удовлетворялось стремление к движению и закреплялись двигательные навыки, развивались смелость, волевые качества младенца и т. д. Первоначальной школой игры, начинавшейся на втором году жизни, был еще один жанр фольклора – потешки, особые забавы взрослых с детьми, в которых задействованы различные части тела ребенка и взрослого³. Трудно не согласиться с выводом Мельникова: «В жанрах поэзии пестования, при строгом учете физических, физиологических и психических возможностей и потребностей ребенка... сконцентрирован... веками отобранный, эмоционально действенный и тщательно выверенный материал, закреплены формы его введения и приемы дозирования. Значение поэзии пестования для развития, воспитания ребенка трудно переоценить»⁴.

¹ Костров Н. А. Первоначальное физическое воспитание...

² Кашин Н. И. Эпидемия зоба и кретинизма в Приленской долине и по другим местностям Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. С. 265. См. также: Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // Зап. / ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 1–60; Загоскин М. В. Деревенские письма. 1889. 19 марта; Шнерк Ф. Ф. Верхотурский окр. ... С. 165.

³ Подробнее см.: Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С. 24–73.

⁴ Мельников М. Н. Русский детский фольклор: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1987. С. 53.

Самостоятельно сидеть дети начинали, «смотря по крепости и силе», примерно с трех месяцев, ползать – с шести, а ходить – обычно с девяти месяцев или с года, но в некоторых случаях – только на третьем году жизни. С этого момента почти все свободное время детей занимали **игры**. Среди забав, бытовавших в сибирской деревне, было множество игр «спортивного» типа, немало способствовавших физическому становлению и развитию детей.

В собранных нами воспоминаниях сами сельчане в старости чаще всего называли в качестве любимых в детстве и памятных летние игры в «мечик» (мяч) у девочек, в лапту, городки и бабки – у мальчиков. Мяч делали из войлока или ветоши, обшитых кожей, или из бересты. На полянке у деревни, на речном угоре затевалось множество игр, подразумевавших необходимость убежать и догнать, высоко прыгать, развивать глазомер, физическую силу и выносливость, другие телесные качества (догонялки и прятки, чехарда, игры «в ворота», «в дядюшку Трифона», «в кони», «в коршуна», «чижик», «в медведя» и др.). Распространенной забавой мальчиков была стрельба из лука¹.

Игры на вольном воздухе иногда стихийно становились способом оздоровления организма детей, имевших врожденные или приобретенные физические недостатки. Писатель В. П. Астафьев, выросший в д. Овсянке под Красноярском, вспоминает, что от рождения страдал одышкой и поэтому был слабее сверстников, но полностью изжил («избегал») свою болезнь в каждодневных спортивных забавах, особенно – упорно «пластаясь до беспамятства» при замечательной игре в лапту². Правда, детство Астафьева пришлось уже на 1920–1930-е гг., но тогда в сибирских деревнях еще сохранялись многие черты традиционной системы социализации детей.

Вместе с родителями еженедельно, а то и дважды в неделю подростки проходили полнейшую физиотерапевтическую процедуру – парились в бане. После бани было принято окатываться холодной водой или окунаться в реку, и оздоровительный эффект процедуры таким образом усиливался. Сельчане говорили: «Баня лечит, баня парит – баня всё исправит»³.

Весной и летом ходили ребята на большие расстояния в поле и лес, собирая грибы и ягоды, багульник, сарану, дудки для «свистелок». Лазили по речным обрывам, на высокие деревья – «выдирали» яйца из птичьих гнезд. В теплый сезон каждодневным занятием детей и подростков было также купание; если была возможность, в воде и на улице находились подолгу. Водные, воздушные и солнечные процедуры хорошо закаляли организм. Маленькие купались у берега, старшие присматривали за ними, но всё же несчастные случаи на воде были нередким явлением.

Зимой практически в каждом селении крестьяне устраивали снежные и ледяные горы – «катушки». Случалось, прямо во дворе старшие дети строили небольшие горки своим младшим братьям и сестрам. Санок у многих не было, с гор катались на дощечках, скотских шкурах, на лубе (снятой с дерева коре), лотке, просто на больших обледеневших коровьих лепешках – «ледянках», так что «дух захватывало». По замерзшей речке во многих местах катались на самодельных коньках. Коньки делали деревянные, гвоздем прожигали отверстия для крепления, полозья обивали жестью. В некоторых местностях жители устраивали для детей постарше и молодежи «столбик-бешенку» – простейшую карусель. К колесу, надетому на столб, крепились шести; одни ребята крутили колесо, а другие катались на «ледянках» по ледяной же площадке, держась за шести⁴.

Интересно, что многие игры, сейчас считающиеся исключительно детской забавой, в изучаемую эпоху привлекали к себе и взрослых людей. «Молодыжник» – холостая молодежь старшего возраста – охотно играла вместе с детьми или неподалеку от них и в мяч, и в городки, и в бабки. Н. М. Ядринцев в конце 1870-х гг. наблюдал в одной из алтайских дере-

¹ ИРЛИ. Разр. V. Кол. 87. П. 1. № 11. Л. 4; КККМ. О/ф. 7886. П. и. 100. Л. 7; П. и. 123. Л. 1–140; НГПУ. Д. 1. Л. 78–79, 95; Д. 3. Л. 69; Д. 6. Л. 12, 29–30, 35–36; *Зобнин Ф. К.* Игры (в слободе Усть-Ницинской Тюменского окр.) // ЖС. 1896. Вып. 3/4. С. 538–542; *Попова А. М.* Детские игры и забавы в сибирской деревне // СЖС. 1923. Вып. 1. С. 106–120; и др.

² *Астафьев В. П.* Последний поклон: повесть в рассказах // Астафьев В. П. Собр. соч.: в 6 т. М., 1992. Т. 3. С. 222–242.

³ *Майничева А. Ю.* Про свой дом // Молодость Сибири. 1992. № 1. С. 12.

⁴ НГПУ. Д. 2. Л. 55–56.

вень, как «девицы играли с парнями в лапту, огромными стягами (битами. – В. 3.) ударяя мяч так, что он исчезал из виду, они были сильно физически развиты; эти девицы также играли в чехарду»¹. Случалось, что представители разных поколений чередовались в игре: начинали старшие, а потом их заменяли маленькие или наоборот. К игре подключались иногда и пожилые мужчины. «В праздники по всем улицам и большие и малые “галят” мяч», – свидетельствует очевидец жизни зауральской деревни 1860-х гг.²

Таким образом, дети всегда имели перед глазами примеры для подражания, образцы силы, ловкости, сметливости в игре, как и в труде. Нередко в такой обстановке проявлялись и элементы специального научения младших взрослыми с помощью подсказки, собственного показа и другими способами. Родители и старшие подростки зачастую помогали младшим в изготовлении простейшего инвентаря для игр и забав – мячей, шаров, городков и др. Сложный инвентарь и стационарные сооружения (санки, лыжи, коньки, «катушки», карусели, столбы для лазанья во время ярмарочных игр) взрослые обычно изготавливали сами целиком.

Дети подключались к таким «взрослым» забавам, которые, давая физическое развитие, в то же время сохраняли с давних времен обрядовый, сакральный смысл. Так, катание с ледяных гор на санях являлось частью масленичного обряда, но парни устраивали необходимые сооружения уже после Святков в январе-феврале и катали здесь девушек задолго до Масленицы, особенно по воскресеньям и праздникам. Молодожены любили веселиться в медовый месяц, катаясь на ледяных горках. В Верхнем Приобье и Прииртышье зафиксирован обычай «прокатывать» на катушках в Масленицу девиц, уже вошедших в брачную пору, но не «осемьянившихся» в истекшем году («Кто не вышел замуж, на ней и катались»). Этнографы усматривают здесь не только развлечение и спортивную забаву, но и древнейший магический прием, построенный на вере: соприкосновение полных жизненной энергии молодых людей с землей заставит лучше плодоносить ее и, наоборот, придаст молодым силу, необходимую для продолжения рода. Тот же смысл имело шутовское зарывание в снег молодых людей во время других зимних забав³. В Масленицу к катаниям молодежи подключались и все остальные жители деревни. Ребята же использовали для катания во всю зиму не только искусственные горы, но и всякие естественные склоны – холмы, овраги, берега водоемов.

В качестве составной части масленичного обряда в некоторых местностях Сибири сохранялось «взятие снежного городка» – игровое действие, имевшее, наряду с уже забываемым ритуальным значением, еще и спортивно-оздоровительный смысл. Для того чтобы «изломать город» – захватить и разрушить сооружение изо льда и снега, требовались хорошее владение конем, боевой характер, недюжинная сила и здоровье⁴.

На масленичной неделе, а также в праздник Крещения во многих местностях Сибири устраивались конные бега – «бегава», «байга», «бегунцы». Мальчики-подростки обычно задолго готовили семейных лошадей к соревнованиям, а на бегах с 8–9 до 15–16 лет выступали в качестве ездоков, что требовало от них самих хорошей физической подготовки. Г. С. Виноградов писал о бегах в Иркутской губернии: «Ребята принимают активное участие – одни в роли наездников, другие – в роли беспристрастных наблюдателей или “посаливающих глазами” завистников»⁵. В иных местах «бегаву» устраивали в течение всего года, приноравливаясь к затишью в основных хозяйственных работах, причем соревнования самых «славных бегунцов» собирали зрителей со всей округи диаметром в 40–50 верст⁶.

¹ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский окр. Омск, 1880. С. 37.

² РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.

³ Золотова Т. Н. Указ. соч. С. 83, 138; Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды... 2002. Ч. 1. С. 176–177; и др.

⁴ Красножёнова М. В. Взятие «снежного городка» в Енисейской губ. // СЖС. 1924. № 2. С. 21–37; Золотова Т. Н. Указ. соч. С. 85–86; и др.

⁵ Виноградов Г. С. Этнография в курсе школьного краеведения // Вопросы новой школы. Иркутск, 1925. (Сб. тр. Иркут. ун-та (пед. фак.); вып. 9). С. 13.

⁶ Титов Е. Конские бега в Восточном Забайкалье // СЖС. 1924. № 2. С. 38–54.

Под вечер накануне Крещения практиковалось купание мужчин в проруби. Считалось, что все водные источники в такой день обладают очистительными и исцеляющими свойствами. Родители поощряли при этом и купание детей, имеющее закаливающий эффект.

Весной на Пасху почти на каждой улице села обязательно устраивались простые или круговые качели. Катание на качелях считалось исключительно женским развлечением от Пасхи до Вознесения, а также в Петров день, но дети качались без усталости с ранней весны до поздней осени. Соревновались, кто выше раскачается. Качели хорошо тренируют вестибулярный аппарат человека.

На Пасху же, а затем и на многие другие праздники весенне-осеннего сезона в сибирских селениях устраивались, среди прочего, состязания в силе среди парней: тяжба на палках и борьба. Во время ярмарок, престольных праздников из деревень в крупные села съезжались гости, и соревнования часто проходили между жителями разных селений, улиц, деревенских «концов». В качестве зрителей и рьяных болельщиков выступало немало пожилых крестьян и стариков. Самый сильный, ловкий и выносливый парень мог «унести круг», т. е. одержать абсолютную победу, которая служила предметом гордости не только для самого борца, но и для его земляков и сородичей.

Вот как описывает эту богатырскую забаву в Южном Зауралье 1865 г. приезжий купец Е. А. Горшенев: «Борцов обыкновенно сводят сначала насильно; долго уговаривают. Но вот двое, наконец, выходят как бы нехотя, их тотчас окружают зрители. Кушаки опоясывают через плечо под мышку и стягивают туго; берут друг друга за кушак правой рукой позади шеи, а левой – под мышкой и таким образом начинают ходить. Победивший останавливается в кругу в самой скромной позе, потупивши глаза в землю, и ожидает охотника. Победенный же, вставши, спешит развязать кушак и передать его следующему борцу, тут охотники выходят на состязание уже без принуждения. Борьба продолжается, пока не переборются все желающие, а их бывает почти все зрители»¹.

Таким образом, прослеживается определенная преемственность тех форм, которые доминировали по их роли и вкладу в традиционное физическое развитие сельского жителя по мере его взросления: первоначальное гигиеническое обслуживание и физическое воспитание до двух лет; игра в возрасте от 2–3 до 12–14 лет; посильное участие в трудовом процессе в будни, праздничные оздоровительные и спортивные забавы в последующие годы.

Наряду с традиционными формами, в эпоху капитализма начинают применяться **инновационные школьные способы** физического воспитания. Среди дисциплин, входивших в программу начальных общеобразовательных сельских училищ, имелся специальный (необязательный) предмет – «Гимнастика и военный строй». Он преподавался «по возможности» и не очень умело в относительно небольшом количестве школ. Согласно данным Всероссийской школьной переписи 1911 г., таких школ на всю деревенскую Сибирь, включая Семипалатинскую и Якутскую области, насчитывалось 584, или 12 % от общего числа училищ². Учитывая, во-первых, что среднее количество учеников в официальной школе равнялось в это время 46 человекам, во-вторых, что приведенные цифры относятся к территории более обширной, чем выделенная нами для исследования, можно подсчитать: преподаванием элементов физической культуры в той или иной степени было охвачено в начале XX в. до 20–25 тыс. сельских детей Сибири. Это составляло очень малую часть – около 1,5 % ребят школьного возраста³.

Несколько по-иному обстояло дело только в начальных училищах Военного ведомства – станичных и поселковых казачьих школах. Гимнастика, конный и пеший строй там преподава-

¹ РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 43. Л. 7. См. также: *Зобнин Ф. К.* Из года в год: описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского окр. // *ЖС.* 1894. Вып. 1. С. 40–54; и др.

² Подсчитано по: *Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г.* СПб., 1916. Вып. 16. С. 29.

³ Рассчитано относительно численности сельского населения на 1 янв. 1911 г. с учетом его возрастной структуры, зафиксированной Всероссийской переписью 1897 г. См: *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (ист.-демогр. анализ). Новосибирск, 1991. С. 47 (табл. 9); *Отчет о состоянии народного здоровья... за 1910 г.* 1912. С. 66–67, 91–94.

лись с целью подготовки к строевой службе в качестве одного из основных предметов, для чего полагалось иметь учителя из числа казачьих военных чинов (обычно это были урядники).

На практике требования к урокам не всегда соблюдались. Инспекции школьного дела в Сибирском и Забайкальском казачьем войсках часто выявляли неудовлетворительную постановку преподавания физической и военной культуры. Так, во время осмотра казачьих школ весной 1910 г. наказной атаман Сибирского войска редко имел основание выразить похвалу. В его записках мы находим в основном такие пометки: «Лошади оседланы нехорошо, дети бегают плохо», «Пешим строем с казачатами не занимались», «Урядник Атаманов очень мало занимается военной гимнастикой, маршировкой и поворотами, у детей нет шашек», «Военной гимнастикой занимались один лишь раз в неделю; повороты – плохо, строй – плохо». Иногда делались и организационные выводы: «Сменить поселкового атамана за необучение мальчиков гимнастике» (пос. Песчаный на Бийской казачьей линии)¹.

Что касается **трудового процесса**, главной школы физического развития в подростковом возрасте старше 12–14 лет, то подросткам старались по возможности поручать посильные для них операции, набор которых сформировался издавна в прочную традицию. Однако конкретная экономическая и демографическая ситуация в домохозяйстве зачастую требовала «досрочного» привлечения детей к труду. В результате «недоросточек», «неусилок» иногда физически не мог хорошо справляться с порученным ему делом. В. В. Клепикова, жившая в начале XX столетия в д. Юдиной Каинского уезда Томской губернии, была «приставлена» к корове с 7 лет. «Пойду доить, тяну, тяну, а молоко не течет», – вспоминала она впоследствии². С 6 лет вынуждена была исполнять обязанности борноволака П. С. Колесникова (с. Верх-Сузун Барнаульского уезда Томской губернии), и ее тогда приходилось привязывать к коню, чтобы она не упала³. Такое положение, с одной стороны, приводило некоторых «недоросточков» к физическим травмам, физиологическим и психологическим срывам, но, с другой стороны, стимулировало усилия маленького работника по укреплению своего физического состояния. Ребенок тянулся к выполнению своей роли и в ходе усиленной тренировки часто добивался своего.

Наличие возрастной ступени, характеризующейся неполным еще развитием физических, волевых (как и умственных) качеств подростков, хорошо осознавалось в крестьянской среде. В экономическом и народно-юридическом быту довольно четко выделялась категория «полурабочников» – парней в возрасте от 14–15 до 18 лет, девушек 12–16 лет. Они включались уже в «производительный класс» деревни, но юноши не облагались еще в полной мере платежами и повинностями, в местностях с надельно-душевым землепользованием не наделялись по полной норме землей, поскольку не могли работать на равных с «бойцами» – работниками зрелых лет⁴. В казачьем населении наряду с этим вычленились две категории «малолетков»: подготовительного (к войсковой службе) разряда 16–18 лет и приговорительного возраста в рамках служилого состава войска – от 18 до 21 года. Достижение официального совершеннолетия в 21 год одновременно было основанием для призыва большей части крестьянских юношей на воинскую службу, а у казаков – зачисления в строевой разряд служилого состава⁵.

Вообще же на сходах при раскладке платежей и повинностей домохозяева – крестьяне и казаки – делили мужское население, начиная с полурабочей «поры», на разряды в зависимости от трудоспособности. Принимали во внимание главным образом возраст, но иногда также, независимо от возраста, – физические и умственные возможности человека. Количе-

¹ ГААК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 99. Л. 34–41.

² НГПУ. Д. 3. Л. 76.

³ Там же. Д. 6. Л. 69.

⁴ *Девятков Ф. Ф.* Хозяйственный быт сибирского крестьянства // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 318; *Материалы... Иркутской и Енисейской губерний.* М., 1890. Т. 2. Вып. 5. С. 135; и др.

⁵ *Материалы для статистики населения в Забайкальском казачьем войске, собранные из данных, доставленных переписью, произведенною 1 янв. 1883 г.* Иркутск, 1885. Вып. 2. С. XVI; *Усов Ф. Н.* Статистическое описание... С. 71–72.

ство таких разрядов на Алтае, например, колебалось в разных местах от двух-трех до нескольких десятков¹.

Рассмотрим теперь в качестве своеобразных результатов физического воспитания молодых людей объективные показатели их **состояния здоровья и телесного развития**.

Одним из первых начал обследовать «физические свойства» сибирского населения в Верхонском крае конца 1860-х – начала 1870-х гг. А. П. Щапов. Измерив ручную, плечевую, грудную силу нескольких десятков мужчин, он смог отнести к группе «наиболее сильных» почти треть русских крестьян, около четверти «оседлых инородцев» (обрусевших бурят) и немногим меньше кочевых бурят². Антропологические обследования небольших групп сибирского населения по разным программам осуществлялись и позже, но весьма спорадически. Наиболее представительные материалы давали медицинские освидетельствования парней, призываемых в армию.

Сводные статистические материалы рекрутских (воинских) присутствий позволяют сравнивать ситуацию в Сибири и других регионах страны за многие годы. Правда, в большинстве случаев военно-медицинская статистика не дифференцирует сведения по селу и городу, но при их интерпретации следует исходить из установленного факта: «Сравнительное благосостояние сибирского крестьянина, отсутствие городской скученности жилищ и более чистый воздух, более здоровая, хотя, быть может, и более суровая обстановка и образ жизни – все это вместе взятое может вырабатывать из сельского населения, рассматриваемого во всей совокупности, расу более крепкую и здоровую, чем население городское»³. Для того, чтобы представить положение в сельской местности, имеющиеся в статистике данные о всех призывниках из Сибири следует корректировать в сторону некоторого «улучшения».

В течение второй половины XIX – начала XX в. медики отмечали благоприятное сочетание относительно высокого по тем временам роста и хорошего здоровья у новобранцев из Сибири. В 1863–1868 гг. из представленных к набору было забраковано за малый «неуказный» рост на каждую 1000 в среднем по стране 25,5, а в Сибири – 9,9 человек. По причине «телесных недостатков» было не призвано в империи 78,4 %, а по Сибири только 42,1 %; по хроническим болезням, соответственно, – 81,8 и 45,8 %. По основным показателям здоровья и росту населения Сибирь уступала в это время в России только Области войска Донского⁴.

По данным 1875 г., средний рост призывников из Сибири составлял 165,7 см при окружности грудной клетки 89,7 см. В 1884–1885 гг. рост новобранцев-сибиряков равнялся в среднем 165,5 см, тогда как во всей стране – только 164 см. Высокородных призывников было все же больше в Прибалтике и казачьих районах юга Европейской России. В течение десятилетия 1874–1883 гг. во всех сибирских губерниях и областях высокорослых юношей (выше 173,4 см) оказывалось при осмотре от 15 до 24 %, а малорослых (ниже 153,4 см) – не более 11 %. Доля не призванных из-за малого роста в Сибири была в этот период невысокой – от 0,6 до 2,5 % в разных губерниях и областях. Не было принято в армию «по невозможности» тоже немного, сравнительно с центральными российскими губерниями, – от 7 до 11 %. Процент изъятия из призыва по болезням и физическим недостаткам следует в то же время признать более значительным: в Акмолинской области – 23,6, в Тобольской губернии – 13,7, Томской – 9,3, Енисейской – 13,6, Иркутской – 18,1, в Забайкальской области – 12,4⁵.

В этнографической литературе высказывалось мнение, что особо хорошим здоровьем и физическими данными в Сибири обладали семейские – старообрядцы Забайкалья, главным образом за счет здорового образа жизни, слабого распространения в их среде пьянства и курения табака⁶. Посмотрим, так ли это. В течение 1894–1896 гг. врач Ю. Д. Талько-Грынцевич

¹ Голубев П. А. Платежи и повинности // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 150; Ефимов А. И. Статистические заметки о быте крестьян Алтайского окр. // СГ. 1882. 9 мая; и др.

² Щапов А. П. Физическое развитие... С. 64.

³ Ефимов А. И. Православное население... С. 28.

⁴ Военно-статистический сборник / под общ. ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1871. Вып. 4. С. 32–34.

⁵ Подсчитано по: П. Г. Некоторые данные о росте мужского населения в Сибири // ВО. 1889. 5 нояб.

⁶ См., например: Болонев Ф. Ф. О некоторых способах охраны здоровья... С. 17–22.

собирал данные об антропологии семейских, обследовав 232 молодых мужчины в основном во время армейских призывов. Средний рост их оказался действительно несколько выше, чем у россиян вообще и у сибиряков, в частности, – 166,9 см. Окружность груди в среднем равнялась 86,9 см, а у достигших 21 года – 88,2 см; окружность живота – 74,9 см¹. Такие физические данные не могли сильно выделять семейских среди других групп великорусского населения Сибири.

Накануне Первой мировой войны в России было улучшено медицинское освидетельствование призывников и тем самым усилены достоверность и сравнимость получаемого статистического материала. При врачебном осмотре явившихся на призыв теперь относили к одной из следующих групп: 1) негодные к военной службе – имеющие физические недостатки и заболевания, которые не могут быть устранены или требуют для устранения продолжительного времени, серьезной операции и т. д.; 2) годные к службе на нестроевых должностях – лица, имеющие небольшие физические недостатки; 3) подлежащие отсрочке в отбывании воинской повинности как еще недостаточно физически окрепшие; 4) годные по состоянию здоровья и физической крепости к службе в строю.

Врач А. И. Собкевич в свое время подверг анализу данные о 4436 юношах в возрасте 20–22 лет, освидетельствованных в 1913 г. во время призыва в сельской местности Томского уезда одноименной губернии. Выяснилось, что по состоянию здоровья 16,6 % явившихся на осмотр было отнесено здесь к первой группе и 3,2 % – ко второй, получило отсрочку на год 9,7 %, а полностью годилось для службы 70,5 %. Иначе говоря, почти треть крестьянских юношей нельзя было считать по тем или иным причинам полностью здоровыми. У 1/10 обнаружилась общая телесная слабость (недоразвитость) или глубокое расстройство общего питания организма, а у 1/5 – физические недостатки и определенные заболевания. Чаще всего (у 5,8 % призывников) встречались болезни конечностей, их повреждения топором, сельскохозяйственными орудиями и машинами. Далее по степени распространения (4,2 % рекрутов) шли заболевания глаз – трахома и ее последствия, лейкома как результат перенесенной в детстве натуральной оспы, ослабление зрения. Затем – ушные болезни, в большинстве являвшиеся застарелыми осложнениями после инфекции (2,6 %). В списке фигурируют также душевные и нервные страдания, хронические кожные, сердечные болезни, грыжа, нарушения в развитии мочеполовых органов и пр.²

О физической крепости молодых людей позволяют судить также сравнительные данные о росте, весе и окружности груди. А. И. Собкевич определял физическую крепость призывников Томского уезда в 1913 г., используя три разных метода комбинирования этих показателей. В итоге телесная организация средняя и выше средней была отмечена им у 80–85 % парней. Требованиям, предъявляемым к физически крепкому человеку, не удовлетворяло, по разным подсчетам, от 15 до 20 % призывников³.

В том же 1913 г. по Сибири в целом (в селениях и городах) было признано совершенно негодными к военной службе 16,3 % явившихся на призыв мужчин. Полностью годными к службе в строю оказались 46,2 %; 6,2 % призывников было зачислено в ополчение 2-го разряда по болезням и недостаткам, 31,3 % подлежало переосвидетельствованию. По всей Российской империи названные группы призывников количественно распределялись так: 14,4; 45,2; 8,0 и 32,4 %⁴.

Приведенные данные показывают: несмотря на выигрышность некоторых аспектов ситуации в сельской местности Сибири по сравнению с сибирскими городами и селениями Европейской России, в здешней деревне было немало юношей, вступавших в самостоятельную трудовую и семейно-брачную жизнь со слабым здоровьем. Не следует думать, будто избе-

¹ Талько-Грынцевич Ю. Д. К антропологии великорусов: семейские (старообрядцы) Забайкалья. Томск, 1898. С. 1–52.

² Собкевич А. И. К вопросу о физической крепости населения Сибири // Сиб. врач. 1916. 10 июля.

³ Там же.

⁴ Подсчитано по: Отчет о состоянии народного здоровья ... за 1913 г. 1915. С. 315.

жавшие смерти в раннем детстве люди были исключительными здоровяками: на организме многих из них оставалась печать несытого детства, перенесенных болезней. Не были совершенными и гигиенические навыки молодежи. Неопрятный образ жизни подвергался в деревне общественному осуждению, но чистоплотность жителей была относительной. Чиновник Н. К. Зинин, участвовавший в призывных кампаниях конца 1880-х гг. в Мариинском округе Томской губернии, в своих воспоминаниях жалуется на специфический запах от одежды и тел новобранцев. Во многих случаях призывной комиссии приходилось отправлять парней перед осмотром помыться в бане¹.

Относительно состояния здоровья и физического развития девушек каких-либо массовых систематических данных в источниках нет. Из разрозненных этнографических описаний складывается впечатление, что большинство девушек вступало «в самую пору» (цветущий возраст, время замужества) с хорошим запасом жизненных сил. Здоровье, телесная выносливость, наряду с трудолюбием, находились в ряду основных требований, предъявлявшихся невесте. «Девушки не выходят замуж иногда по крайней слабости сил, “уродцы”, “чахоточные”»; «Хворые и больные обыкновенно бракуются», – писали знатоки крестьянского быта и цитировали распространенную поговорку: «Брат сестру любит богатую, муж жену любит здоровую»². При сватовстве старались принимать в расчет родовую наследственность жениха и невесты, и некоторые выходцы из семей с хроническими болезнями также оставались «бобылями» и «вековухами».

После выхода замуж на женщину наваливалось столько работы и забот, что она довольно скоро, быстрее мужчины, начинала «скудаться здоровьем». Наблюдатели отмечали, что непосильный труд, болезни, вечное недосыпание, издевательства мужей уже к 30–40 годам приводили крестьянок к тому, что они «порядочно блекнут», «опускаются, становятся неряшливее», «смотрят уже старухами»³. При общем преобладании в селениях мужской смертности повсеместно в детородном и трудоспособном возрасте женщин умирало больше, чем мужчин. Это прежде всего объясняется повышенной смертностью во время родов или вскоре после них. В сельском православном населении Томской губернии 1870–1880 гг. умерших в возрасте 15–50 лет женщин было в 1,4 раза больше, чем мужчин⁴. В Западном Забайкалье 1869–1891 гг. в возрасте 16–40 лет на сотню умиравших мужчин в среднем приходилось 112 скончавшихся женщин⁵.

Различные обследования и переписи фиксировали в русских селениях Сибири немалое количество людей с ограниченной физической дееспособностью или вовсе не способных к труду в связи с врожденными уродствами, прижизненным покалечением. Так, в 1886–1894 гг. среди лиц рабочего возраста калеки составляли в обследованных округах Восточной Сибири, в Ялуторовском округе Тобольской губернии 11–18 % у здешних крестьян-старожилов и вольных новоселов обоего пола. При этом за «калечество» принимались только такие физические недостатки, которые препятствовали правильному земледельческому труду. «Легкие» же недостатки, вроде глухоты, хромоты, отсутствия одного глаза, а также временные болезни в расчет не принимались⁶.

Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. дает наилучшую возможность учесть количество и удельный вес сельских жителей, имевших самые тяжелые телесные недостатки: слепых от рождения, ослепших, глухонемых, немых и умалишенных (табл. 16).

¹ Зинин Н. К. Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895. С. 90.

² Загоскин М. В. Ответы на программу РГО... С. 4; Неклепаев И. Я. Указ. соч. С. 144.

³ Арефьев В. С. Письма с Ангары. 2 нояб.; Загоскин М. В. Деревенские письма. 1889. 19 марта; Латкин Н. В. Крестьяне Восточной Сибири // Русская земля: природа страны, население и его промыслы. 2-е изд. СПб., 1899. Т. 10. С. 82; Ростовцев И. Г. На краю света: записки очевидца. М., 1985. С. 183–184; и др.

⁴ Ефимов А. И. Православное население... С. 10.

⁵ Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни... С. 10–11.

⁶ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. С. 70–73; Т. 4. Вып. 2. С. 90–91; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. М., 1897. Т. 1. С. 801. Проценты по Ялуторовскому окр. подсчитаны нами.

**Количество лиц, имевших тяжелые физические недостатки,
в сельском населении Сибири различного возраста (1897 г.)***

Возраст, лет	Мужчины		Женщины		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 10	966	1,3	674	0,9	1640	1,1
10–19	2137	3,9	1474	2,7	3611	3,3
20–29	1969	5,1	1607	3,9	3576	4,5
30–39	1533	4,5	1234	3,8	2767	4,2
40–49	1335	4,7	1275	5,0	2610	4,9
50–59	1260	6,2	1324	7,3	2584	6,7
60 и старше	3700	16,6	4031	20,4	7731	18,4
Не указано	17	12,4	10	9,7	27	11,3
Итого:	12 917	4,8	11 629	4,4	24 546	4,6

* Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись... Т. 73. С. 18, 102; Т. 74. С. 20, 104; Т. 75. С. 18, 96; Т. 78. С. 26, 136; Т. 79. С. 24, 136; Т. 81. С. 18, 74.

В таблице обращает на себя внимание повышение числа калек с возрастом, а также всплеск числа инвалидов в наиболее активном возрасте 20–30 лет. Наверняка это связано с тяжелыми условиями труда в крестьянском хозяйстве. Значительная часть людей, серьезно повредивших свое здоровье в сравнительно молодом возрасте, затем быстро умирала.

Статистические данные показывают, что состояние здоровья членов домохозяйства и экономическое благосостояние крестьянского двора были довольно тесно взаимосвязаны. Например, в Барнаульской волости одноименного округа (уезда) Томской губернии, согласно сплошному похозяйственному обследованию 1897 г., в бедняцких хозяйствах «лица с такими недостатками, которые должны вполне или отчасти лишать человека нормальной работоспособности», составляли 6,4 % всего наличного населения, а в средних и зажиточных предпринимательских дворах – 3,9 %. По материалам обследования 1905 г. соответствующие цифры были таковы: 7,2 % в нижнем социальном слое, 4,8 во дворах середняков и 4,5 % в верхнем социальном слое¹.

Приведенные выше материалы показывают, что некоторые важные аспекты физического воспроизводства населения на восточной окраине России выглядели предпочтительнее по сравнению с европейским центром страны, по крайней мере в конце XIX – начале XX в. Однако демографическая ситуация и состояние здоровья населения и в центре, и в Сибири не давали оснований для успокоенности. Поэтому в стране складывается **движение врачей и педагогов** за здоровое физическое развитие и физическое воспитание народа.

В рамках этого движения доктор В. С. Пирусский создал в 1895 г. третье в стране Томское общество содействия физическому развитию. Для нас не подлежит сомнению, что теоретические основы и практика деятельности данного общества во многом строились с учетом как негативных сторон народного быта, в том числе крестьянского, так и позитивного опыта крестьянства Сибири в деле охраны здоровья и физического воспитания детей. Сам Пирусский, работавший в 1890-х гг. врачом в Каинском и Томском округах и потому хорошо знавший сельскую жизнь, говорил позже о массовой неграмотности, невежестве крестьян в борьбе с эпидемиями и другими заболеваниями как о «мрачной фоне» своей подвижнической работы. «Без культурности, я понимал, нельзя быть автоматически здоровым», – писал он в автобиографии².

¹ Подсчитано по: *Трегубов Н. М.* Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906. С. 70–71, 78–79. Домохозяйства отнесены к социальным слоям в соответствии с площадью засеваемых ими сельскохозяйственных культур. См.: *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 157–172.

² ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

В то же время из народного опыта были почерпнуты Пируским, а затем осмыслены с учетом достижений науки и передовой мировой практики и внедрялись в жизнь следующие принципы деятельности Томского общества содействия физическому развитию: 1) физические развитие и воспитание мыслились не как самоцель, а только в неразрывном единстве с общим оздоровлением жизни, с умственным, волевым и эмоциональным развитием личности и социальной группы; 2) считалась недопустимой всякая «неестественность», «искусственность» в профилактике болезней, в физическом воспитании: огромное значение придавалось здоровому общению с природой, режиму и культуре естественных движений, в том числе характерных для сельскохозяйственного труда. В арсенале работы с детьми у Томского общества главными были формы, издавна применявшиеся русским крестьянством: подвижные коллективные игры, купание в реке (были устроены специальные купальни), бег на лыжах и коньках (два катка на Томи), экскурсии по родному краю и здоровый физический труд – работа в огороде, чистка снега, заготовка дров и т. д. Характерно, что общество организовало летние колонии в нескольких деревнях, где жизнь детей проходила в окружении сельской природы в соответствии со здоровым режимом сельскохозяйственного труда¹. К сожалению, единственное на всю Сибирь, Томское общество содействия физическому развитию смогло охватить только небольшую часть городских детей. В других городах Сибири педагоги и врачи мало знали об опыте В. С. Пируского и даже в сельской местности редко использовали в своей работе сильные стороны народной оздоровительно-педагогической практики.

3.5. Специфика демографического поведения крестьян-переселенцев

В настоящем разделе рассматриваются некоторые стороны миграционного поведения той части русского крестьянства, которая во второй половине XIX – начале XX в. переселялась в Сибирь на постоянное жительство.

Миграционное поведение, взятое в широком смысле, включает в себя в данном случае всю совокупность действий (поступков), которые обеспечивали подготовку к переселению, само передвижение из Европейской России за Урал и устройство на новом месте, а в случае неудачи такого устройства – вынужденное возвращение на родину или смену местожительства в пределах Азиатской России (прямое, обратное и вторичное переселение). Миграционное поведение в любом случае есть разновидность демографического поведения, поскольку его результатом является изменение многих характеристик народонаселения и на местах выхода, и в районах вселения мигрантов. Однако демографический смысл многих поступков потенциальных переселенцев, собственно мигрантов, осуществляющих переезд, и новоселов Сибири не всегда выходил на первый план. Эти поступки непосредственно включались в ткань и экономической жизни деревни (распродажа имущества на родине, обзаведение новым хозяйством), и общественной активности крестьянства (борьба за уравнивание в правах на землю со старожилами, участие в церковно-школьном строительстве), и его познавательной активности (изучение ходами условий жизни на месте возможного поселения), и общения. Рассмотрение этих сторон миграционного поведения непосредственно не входит в задачи нашего исследования.

Мы обратимся лишь к анализу собственно демографических аспектов миграционного поведения (демографических в узком смысле) – к особенностям и результатам брачно-семейного, репродуктивного и витального поведения переселенцев. Наличие этих аспектов в миграционном поведении позволяет сказать, что переселенцы участвовали в физическом воспроизводстве сельского населения Сибири не только «механически» – фактом своего включения в это население после переезда, но также «естественным» путем – через регулирование величины и структуры семьи, рождение детей, сохранение их жизни и здоровья.

¹ Подробнее см.: *Шамахов Ф. Ф.* Школы дореволюционного Томска (с 60-х гг. XIX в. до свержения самодержавия в России) // Ученые записки Томского пед. ин-та. Томск, 1954. Т. 12. С. 51–54.

Своеобразным отражением и обнаружителем особенностей демографического поведения могут служить **объективные демографические характеристики** населения. Поэтому начнем с рассмотрения в сравнительном плане ряда демографических показателей в среде переселенцев и крестьян, остававшихся на жительстве к западу от Урала (табл. 17).

Таблица 17

Состав семьи у различных категорий крестьянства России в 1897 г.*

Категория хозяйств	Величина семьи, чел.	На 100 мужчин приходится женщин	Доля среди мужчин, %			Доля среди женщин, %		
			детей и подростков	Работников	стариков	детей и подростков	работниц	старух
Живущие в Европейской России	5,6	109,7	49,1	45,3	5,6	47,5	47,3	5,2
Переезжающие в Сибирь	6,1	94,6	50,8	47,5	1,7	48,4	49,9	1,7
В т. ч. :								
по разрешению	7,1	94,1	51,0	47,1	1,9	48,8	49,4	1,8
самовольно	5,0	95,5	50,5	48,3	1,2	47,6	51,0	1,4

* Подсчитано по: Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный путем регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвращавшихся из Сибири через Челябинск в 1897 г. М., 1901. С 84–85; Общий свод по [Российской] империи... Т. 1. С. 16–17.

Таблица 17 содержит данные Всеобщей переписи населения 1897 г. о семейной структуре «частных хозяйств лиц, связанных родством», в сельской местности Европейской России. Состав переселенческих семей характеризуется по данным регистрации семейных хозяйств, проходивших в том же году из Европейской России в Азиатскую через Челябинский переселенческий пункт по разрешению властей и без такового (самовольно). За год здесь были зарегистрированы 11 074 переселенческие семьи, из них 5841 передвигалась по проходным свидетельствам и 5233 – самовольно. В категорию детей и подростков включены в данном случае лица до 18 лет, работниками и работницами считаются мужчины и женщины 18–60 лет, стариками и старухами – лица старше 60 лет.

Анализ таблицы 15 показывает, что на рубеже XIX–XX столетий в «законном порядке» по проходным свидетельствам переселялись крестьяне, имевшие семьи значительно более крупные, чем у основной массы крестьянства Европейской России. Именно за счет этой категории переселенцев у всех мигрантов, взятых в целом, размер семьи оказывался несколько большим, чем у крестьян, остававшихся на родине. В переселенческих семьях обеих категорий наблюдалось значительное превышение числа мужчин над количеством женщин. Анализ возрастного состава семей показывает, что у всех переселенцев было относительно больше работников и работниц, а также детей и подростков, чем у крестьян, живших «оседло». Стариков и старух в семьях мигрантов было немного; меньше всего – у «самовольцев». Вообще обращает на себя наибольшая степень концентрации в семьях, шедших без проходных свидетельств, населения в рабочем возрасте, а у «законных» переселенцев – в детском и подростковом возрастах.

Эта ситуация главным образом вытекала из тех общественных отношений, которые господствовали в сельском хозяйстве Европейской России пореформенного периода. Вследствие сохранения помещичьего землевладения надельный земельный фонд и фонд земли, доступный для покупки, которыми располагало крестьянство, были ограниченными, аренда же земли практиковалась преимущественно на кабальных условиях. Поэтому в крестьянских хозяйствах накапливалось большое количество работников, не обеспеченных «своей» землей для ее обработки. Искусственные затруднения процесса раскрестьянивания со стороны правительства и

помещиков, плохие заработки в отходе, вековые традиции хозяйствования на наделной земле, трудности дальних, в отрыве от семьи, переездов затрудняли применение рабочей силы «на стороне». А ведь рождались и подрастали новые поколения детей, надежда на землеустройство которых в ходе «настоящего, а не обманного освобождения» еще держалась у многих крестьян в 1860–1870-х гг., но в начале 1880-х гг. уже изживала себя¹. Выход все чаще видели в переселении всей семьей. Именно крупные «многоработные» семьи, плохо обеспеченные землей, в первую очередь решались на переселение в Сибирь, «на земельный простор», надеясь восстановить там подорванный аграрным кризисом земледельческий образ жизни.

Отвечая в конце XIX в. на вопросы анкеты статистического бюро Полтавского губернского земства, респонденты из числа тамошних жителей объясняли нарастающее переселенческое движение сочетанием малоземелья с «многосемейственностью». При этом беднота стремилась изжить уже сложившееся в их хозяйстве бедственное положение, а численно преобладавшие среди переселенцев до 1890-х гг. середняки и даже некоторые относительно зажиточные крестьяне – пресечь начавшееся складывание такого положения или не допустить его в перспективе. В любом случае думали о будущем не только своем, но и своих детей, внуков. Респонденты Полтавского земства связывали стремление части земляков к миграции с «неправильным представлением о тех местах, куда они переселяются, и заботой о будущем детей своих», с «многочисленностью семейства и боязнью сделать детей бедняками вследствие раздробленности хозяйства на малые участки» и т. д.²

Наблюдателем записаны во время остановки переселенческой партии в Иркутске слова пожилого переселенца (1888 г.): «Семьяные все идем ведь, семьяные. Сам знаешь, барин, одинокому зачем идтить: ему не для кого стараться, а наш брат – семьяный – всячески должен о детях заботу иметь, для них пропитание припасти, чтобы жить потом могли. Наш брат-мужик [от] работы не бегаёт, ему работы сколько хошь подавай, лишь бы хлеб был, а его-то у нас и нет, потому [что] земли всего четверть тридцатки на душу во всех полях. Над чем же они – ребята-то наши – пахать будут, как подрастут, чего они есть будут? Нас же ведь укорят, зачем земли не припасли...»³.

Наряду с социально-экономическим и демографическим положением на родине, семейную структуру мигрантов в известной степени определяли специфические природные условия Сибири (необходимость раскорчевки тайги, распашки целинных земель и т. п.), социальная обстановка на местах вселения: неизбежность сочетания хотя бы на первых порах обзаведения собственным хозяйством с работой по найму. Те и другие объективные факторы требовали, чтобы состав мигрирующей семейной ячейки был достаточно большим, молодым и перспективным, физически сильным и здоровым, энергичным и работоспособным. Немаловажно, что и «регулирующая» политика властей заключалась, в частности, в допущении выселения в Сибирь преимущественно «многорабочих» семейств.

Теперь становится понятным, почему основная масса переселенцев решалась идти в Сибирь лишь семьей, одиночек среди них было немного. «Один горюет, а семья воюет», – говорили русские крестьяне⁴. За период с 1896 по 1914 г. включительно бессемейные одиночки составили в общей массе населения, мигрировавшего из Европейской России в Азиатскую, только 5,0 % (3,7 в среде самовольных и 6,8 % – у «законных» переселенцев)⁵.

Однако семья семье рознь. Можно выделить несколько способов, с помощью которых **потенциальные мигранты** обеспечивали (или надеялись обеспечить) такую людность и структуру своего семейства, чтобы, во-первых, не встретить формальных препятствий к переезду, во-вторых, быть готовыми во всеоружии бороться с объективными трудностями пути и устройства на новых местах.

¹ См.: *Гурвич И. А.* Переселения крестьян в Сибирь М., 1888. С. 76.

² Переселения из Полтавской губ. с 1861 г. по 1 янв. 1901 г. Полтава, 1900. Вып. 1. С. 255, 367–368.

³ *Н.* Переселенцы в Иркутске // ВО. 1888. 14 авг.

⁴ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 344. Л. 6; *Ивановский В.* Указ. соч. Вып. 15. С. 26; и др.

⁵ Подсчитано по: *Турчанинов Н., Домрачев А.* Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг., 1916. С. 26, 42.

Во-первых, это *искусственное увеличение людности семейного домохозяйства*. Поскольку и реальная обстановка предполагала наличие в переселенческой ячейке немалого количества «бойцов», и администрация часто не разрешала переселение «малодушных» и «малоработных» семей, последние иногда «сообщались» по две-три, чтобы собрать необходимое количество членов. Соединялись в реальные договорные или же фиктивные семьи обычно братья или другие близкие родственники, жившие перед переселением в разделе. Такое соединение иногда позволяло, кроме всего прочего, собрать минимально необходимую на каждого члена семьи денежную сумму.

В результате земские статистики констатировали: в 1882–1893 гг. семья у переселявшихся в Сибирь из Полтавской губернии насчитывала 6,4 человека при средней людности крестьянской семьи в губернии в 5,6 душ. Семьи, получившие разрешение на переселение за 1897–1900 гг., состояли в среднем из 8,7 человек, а действительно выселившиеся в 1894–1900 гг. – из 6,3, и были тоже заметно крупнее оставшихся на родине (5,8 душ в 1899 г.). Обнаруживалась даже зависимость размера семьи от избираемого ею направления миграции: чем дальше предполагали крестьяне переселиться, тем больше среди них было многолюдных дворов¹. Сходным было положение и в других губерниях, и в более поздний период. Так, в 1898–1904 гг. в Харьковской губернии получившие разрешение на переселение семьи объединяли в среднем 9,5 человек, или в 1,4 раза больше столкнувшихся с отказом от выдачи проходного свидетельства, и еще больше тех, которые вовсе не собирались переселяться².

Следует помнить, что между моментами ходатайства о разрешении на переселение, посылкой ходока и самим семейным отъездом могло пройти два-три года. Иногда реальные крупные семьи за это время успевали разделиться, искусственно составленные – просто распасться, если даже и собирались в совместное путешествие. И все же даже в пути – в момент регистрации на переселенческом пункте – совместные ячейки переселенцев оказывались в целом сравнительно людными, как показывают не только цифры таблицы 15 за 1897 г., но и статистические данные за более длительный период. В 1896–1914 гг. идущие из Европейской России за Урал семейные домохозяйства насчитывали в среднем 6,1 души, в том числе шедшие по проходным свидетельствам – 6,9³, тогда как средняя семья в селениях Европейской России, по данным Всеобщей переписи 1897 г., содержала лишь 5,6 человек (см. табл. 15).

Второй практиковавшийся способ демографической оптимизации семей переселенцев – *сосредоточение в мигрирующей ячейке большого количества рабочей силы*. Вообще-то важно было обеспечить не столько общие большие размеры семьи, сколько благоприятное соотношение в ней трех возрастных категорий домоладцев: наличных работников зрелого возраста, потенциальных работников – старших детей и подростков, а также «непроизводительной» части семьи (маленьких детей и стариков, больных людей).

Обеспечивался (в некоторой степени) нужный состав семьи так. Во-первых, частью «естественным» путем, в результате переписки с родными и знакомыми, уехавшими в Сибирь раньше, общения со знающими людьми на родине, чтения пропагандистской литературы, а частью искусственно (с помощью невыдачи властями разрешений) происходило своеобразное «просеивание» наличных домохозяйств. К переселению чаще начинали готовиться более подходящие по реальному составу семейства, а иные отказывались от своего намерения. Во-вторых, в ходе подготовки домохозяйства всячески стремились избавиться от непроизводительной части семьи: от тех, чьи расходы на переезд не смогут себя окупить, и кому было опасно пускаться в трудный путь.

Например, девушек в предбрачной и брачной «поре» собиравшиеся на переселение отцы стремились выдать замуж и оставить на родине. «К чему девку везти, когда она не сегодня –

¹ Переселения из Полтавской губ. ... Вып. 1. С. 38, 236; Вып. 2. С. 96.

² Подсчитано по: Переселения крестьян Харьковской губ. / ред.: С. С. Жилкин, И. А. Ребрин. Харьков, 1910. Вып. 2. С. 59.

³ Подсчитано по: Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). СПб., 1910. С. 48, 58, 60; Турчанинов Н., Домрачев А. Указ. соч. С. 48, 58, 60.

завтра всё равно выскочит замуж», – рассуждали они в таких случаях¹. У родственников оставляли иногда и стариков, а также больных, увечных членов двора: брать их с собой в очень трудную дорогу решались лишь достаточно зажиточные хозяева. К тому же и сами престарелые крестьяне, особенно женщины, крайне неохотно расставались с родными местами, предпочитая «умереть на родине». По возможности старались оставить «у своих» на время и малолетних детей, но всё же основная масса родителей брала их в путь с собой.

Девочки для мигрирующей семьи считались не столь желательными, как мальчики, но в составе дворов, решившихся на переселение, было немало и тех, и других. Мальчики были не только «земельными душами», но и потенциальными «бойцами» (работниками и тяглецами), а девочки – завтрашними «стряпухами». Многие из них уже в момент переселения готовы были помочь родителям, старшим братьям и сестрам в их хозяйственных и прочих делах. Играла свою роль сравнительно большая доля молодых семей среди переселенцев. В них мало кто из детей успел вырасти, отделиться и завести свое собственное хозяйство.

Результаты таких действий можно проследить статистически. Земская статистика по Рязанской, Полтавской, Харьковской, Черниговской и другим губерниям показывает: в составе готовящихся к миграции и уже пустившихся в дорогу семей была заметно больше, чем в остальном сельском населении Европейской России, доля лиц старшего детского и «полурабочего» подросткового возраста. Напротив, удельный вес стариков и старух был намного меньше. Состав мигрирующей семьи становился за счет этого как бы омоложенным, а значит – более работоспособным и перспективным в репродуктивном отношении. Доля младших детей и лиц рабочего возраста в общей структуре семьи была примерно одинаковой у «оседлых» жителей и переселяющихся. Если взять не относительные, а абсолютные показатели, то выяснится: в среде мигрантов почти не было семей без взрослых работников и без детей, преобладали «многоработные» и многодетные ячейки².

Полтавские статистики особо отметили, что средняя людность переселенческих семей превышала таковую у всего местного населения главным образом благодаря большому количеству у мигрантов детей старше шести лет. Был сформулирован важный вывод: «Таким образом, переселяются в Сибирь семьи, состав которых позволяет домохозяйствам надеяться на то, что через некоторое время по прибытии в Сибирь у них будет достаточное число рабочих...»³.

Усиленная концентрация в семейном домохозяйстве мужчин – еще один, третий способ демографической оптимизации мигрирующих ячеек. Нужно иметь в виду два объективных обстоятельства, обусловивших такую концентрацию. Во-первых, именно мужчины («земельные души», «бойцы»), а не женщины должны были получить на сибирском просторе земельные участки из переселенческого фонда или из владений старожильческих общин. Во-вторых, семьям с преобладанием «мужского полка» было легче осилить физические трудности переселения и водворения на далекой окраине.

Женщины, эмоционально сильнее привязанные к дому, родным и знакомым, сильно опасавшиеся за жизнь и здоровье детей, меньше мужчин были склонны к переселению. Порою они всячески отговаривали от него мужей, до самого последнего момента сами пытались остаться «на старине» даже с риском фактического распада брака и семьи⁴. В такой обстановке оставление части «женского балласта» обычно не требовало больших усилий в психологическом смысле. Выше уже был назван один из способов: ускоренная выдача замуж девушек, вошедших в брачный возраст или приблизившихся к нему. Очевидец движения переселенческих партий по Сибири писал в дневнике 1888 г.: «Нам не раз пришлось быть невольными свидетелями тяжелых сцен, как бабы (вообще неохотно покидающие родные гнезда и относящиеся крайне скептически к разного рода переселениям) при каждой неудаче или

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1892. Вып. 17. С. 66.

² Гурвич И. А. Указ. соч. С. 111–112; Переселения из Полтавской губ. ... 1908. Вып. 1. С. 235, 240; 1910. Вып. 2. С. 99–100; Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России... С. 30–31.

³ Переселения из Полтавской губ. ... Вып. 2. С. 99.

⁴ См., например: Беляков И. Е. Переселенец о Сибири // Рус. богатство. 1899. № 3. С. 5.

беде набрасывались на своих мужиков, осыпая их упреками и укорами самого тяжелого свойства: “На голодную смерть нас ведете! Дома-то маялись, да всё жили, а теперь-то вон: ребятишкам и кусать нечего!”¹.

Итак, выселялись с родины семейства с преобладавшим мужским составом. Например, в Полтавской губернии, по данным 1899 г., на 100 мужчин во всем населении приходилось 98,4 женщины. В то же время в домохозяйствах, ходатайствовавших о переезде в 1900 г., на каждые 100 мужчин приходилось 86,4 женщины, а у получивших разрешение на переселение в 1895–1896 гг. – 91². Аналогичная ситуация сохранялась в течение всей изучаемой эпохи и в других районах выхода. В итоге для переселенческой среды была характерна ярко выраженная половая диспропорция. По данным обследования, проведенного в 1911–1913 гг. в переселенческих поселках и селениях старожилов Томской губернии, в момент отъезда из Европейской России здешние приписанные новоселы имели в семьях в среднем 3,3 мужчины и только 3 женщины, а неприписные, соответственно, – 2,8 и 2,6. При этом наибольшая диспропорция наблюдалась в самых зажиточных и многолюдных дворах мигрантов³. Одинокие переселенцы, а также ходоки, многие из которых не имели намерения возвращаться на родину, вообще почти все были мужчинами. Хотя такое половое распределение переселенцев в момент миграции можно в значительной степени считать оправданным, в будущем оно должно было затруднить физическое воспроизводство новых поколений.

Все сказанное выше о формах регулирования крестьянами людности и структуры своего семейства накануне переезда относится в основном к тем, кто искал возможности мигрировать «законным» способом, получив разрешение и полагавшиеся льготы и ссуды. Что же касается самовольных переселенцев, то здесь ситуация была несколько иной.

Весьма малый размер семей самовольных мигрантов, зафиксированный в таблице 15, в значительной степени был следствием переселенческой политики. Без санкции властей уходили с родины в основном крестьяне, не получившие разрешение на переселение или не посмевшие искать его «за малосемейностью» и по прочим причинам. Заранее прикидывая, как лишь собственными силами, без помощи властей одолеть дорогу и трудности первоначального устройства на новых местах, «самовольцы» не решались идти в Сибирь при наличии слишком большой семьи с маленькими детьми и стариками. Источники свидетельствуют, что на переселение уходила иногда семья в неполном составе. Часть ее временно или навсегда оставалась на родине.

Перейдем теперь к характеристике демографических изменений, происходивших в переселенческой среде непосредственно **в период передвижения из Европейской России в Сибирь**. Главный фактор этих изменений – очень высокий уровень заболеваемости и смертности в пути. Он обуславливался низким благосостоянием большинства мигрантов, не имевших средств на комфортные условия переезда, на хорошее питание, прочную обувь, теплую одежду. Неблагоприятные гигиенические условия передвижения, питание нерегулярное и всухомятку, многочисленные простуды и травмы приводили к крайнему изнурению организма переселенцев, предрасполагали к тяжелым заболеваниям. Ужасная скученность людей летом на переселенческих пунктах, в железнодорожных вагонах, на палубах пароходов вела к постоянным вспышкам эпидемий, которые уносили в могилу больше всего самых слабых – малых детей, стариков, беременных и многодетных женщин.

Как показывают источники, вообще издавна передвижения вольных и невольных мигрантов были главным каналом занесения в Сибирь многих эпидемий. Начиная с 1860-х гг., по отчетам врачебных управ и губернаторов прослеживается распространение в Сибири пересыльными арестантскими командами, партиями ссыльных, кочующими цыганами возвратно-

¹ Шипицын А. Н. У переселенцев // ВО. 1889. 21 мая.

² Переселения из Полтавской губ. ... Вып. 2. С. 100.

³ Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири / под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927. С. 214; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. / под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1913. Вып. 2. С. 194.

го, сыпного и брюшного тифа, холеры, дизентерии, дифтерита, кори, сифилиса и «прочей заразы». Начиная с 1883 г., роль основных переносчиков выполняют становящиеся все более людными партии аграрных переселенцев¹. Желудочно-кишечные заболевания один ачинский обыватель метко назвал в 1896 г. «переселенческой болезнью»: время их массового распространения среди детей совпадало с летним пиком переселенческого движения. Редкая партия мигрантов не привозила с собою на очередную стоянку по нескольку «челяденков», умерших в дороге от «кروавого поноса»².

По оценкам людей, занимавшихся медицинской помощью переселенцам в Томской губернии, к началу 1890-х гг. общая заболеваемость в пути (в промежутке между выходом с родины и отъездом на участок из Томска) составляла около 200–250 ‰, т. е. серьезно болел каждый четвертой или пятый. Переезд мог длиться иногда три-четыре месяца, но обычно не превышал 10 недель. Приняв последний срок за среднюю величину, можно увидеть, что масштабы заболеваемости в пересчете на год достигали огромной цифры – до 1500 больных на каждую 1000 регистрируемых здоровых. Смертность же в пути составляла в пересчете на год 91 случай на 1000 зарегистрированных больных³.

По данным А. А. Кауфмана, смертность за время в пути среди всех переселенцев, прибывших в Сибирь в 1880–1894 гг., составляла 33 ‰. У новоселов северной половины Томской губернии случаи смерти в дороге до 1894 г. имели место в 14,2 % мигрирующих семейств, в указанном же году их доля повысилась до 23 %. На каждые 100 вышедшие с родины ячейки приходилось, соответственно, 19,1 и 31,9 умерших членов. За 1886–1893 гг. в дороге умерло 31,5, в 1894 г. – 58 из каждой 1000 переселенцев⁴. «Если вообразить себе какую-либо местность с подобною заболеваемостью и смертностью в поселениях, то нужно признать, что ей грозит очень быстрое вымирание», – отмечал Н. М. Ядринцев⁵. Большого воображения, впрочем, и не требовалось: некоторые вполне реальные семьи и даже целые партии в пути «ополовинивались» (выражение самих переселенцев), а то и вымирали почти полностью.

В конце XIX – начале XX в. по мере облегчения передвижения в Сибирь в связи с постройкой Транссибирской железной дороги, устройством врачебно-питательных пунктов, вообще вследствие развития переселенческой медицины и материальной помощи мигрантам смертность в пути стала заметно сокращаться. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы обследования в 1911–1913 гг. селений Томской губернии. Количество семей со случаями смерти в пути в группе новоселов, приписанных в поселках Сибири свыше 18 лет, составляло 14,7 %. У более поздних переселенцев оно последовательно снижалось, и в группе прибывших три года назад равнялось всего 2,7 %. Соответственно, и число умерших в пути людей в упомянутых семьях сократилось от 33 до 5,1 ‰⁶. Но даже с учетом сокращения смертности мигрантов в пути она оставалась непомерно высокой и в годы Столыпинской аграрной реформы, и в период Первой мировой войны.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 18–19; Оп. 48. Д. 175. Л. 114; *Мартынов С.* Санитарно-медицинская часть на Алтае // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 213–214; Отчет Медицинского департамента... за 1883 г. 1886. С. 110, 120, 137; ... за 1887 г. 1889. С. 52–53; ... за 1902 г. 1904. С. 56–61; и др.

² *Бенедиктов Н. Г.* Краткие сведения о больных переселенцах Ачинского врачебно-продовольственного переселенческого пункта в 1896 г. // Протоколы и труды Общества врачей Енисейской губ. за 1896–1897 гг. 1897. Вып. 3. С. 34–39. См. также: *Куркутов А. Г.* Деятельность врачебно-питательных пунктов на пути следования переселенцев в Енисейскую губ. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1894–1895 гг. 1895. С. 83.

³ *Обозненко П. Е.* Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской обл. // Врач. 1898. 9 мая; *Ядринцев Н. М.* Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела // Путь-дорога: науч.-лит. сб. в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., 1893. С. 587.

⁴ Подсчитано по: *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1896. Т. 2, ч. 1. С. 235, 243.

⁵ *Ядринцев Н. М.* Вопросы переселения... С. 587.

⁶ Подсчитано по: Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 345, 364.

В. Я. Нагнибеда определял общую смертность переселенцев в пути в период накануне мировой войны как равную 60 ‰, или в переводе на годовую смертность – 108 ‰. Эта величина превышает обычную смертность переселенцев, уже устроившихся на участках в Томской губернии, примерно в четыре раза¹. Из больных мигрантов, попавших во время переезда в переселенческую больницу, в период 1906–1913 гг. умирало 119–123 на каждую 1000, при средней смертности в 45–48 ‰ среди больных переселенцев, уже водворенных на участках, и в 56 ‰ среди здешних заболевших старожилов².

Объективные обстоятельства, обусловившие столь тяжелое положение, было трудно и зачастую просто невозможно преодолеть. И все же переселенцы искали и порою находили способы предотвратить беду, *сохранить во время переезда жизнь и здоровье домашних*, особенно детей – свою надежду на лучшие дни. Можно, выделить несколько способов такого сохранения.

Чтобы переезд был менее болезненным, семьи иногда перебирались на новое место по частям. Регистрация 1897 г. в Челябинске показала, что 31 % семей мигрантов прошел в неполном составе. В их числе примерно половина оставила часть своих членов на родине, около 2/5 – отправила заранее в Сибирь, остальные имели своих «домашних» и на местах выхода, и в районе вселения одновременно. Мужчины чаще, чем женщины, задерживались дома для окончательной распродажи хозяйства. В Сибирь заранее «на разглядыв», для улаживания квартирных дел и посева хлебов на первую зиму также отправлялись преимущественно мужчины³. Женщины, связанные детьми, в целом менее грамотные и предприимчивые, были менее мобильными.

Отправляясь в путь, крестьяне старались выбрать такое время, такие маршруты и способы передвижения, чтобы, во-первых, обеспечить соблюдение хозяйственных интересов домохозяйства (сэкономить средства, успеть до зимы не только определиться с жильем, но даже сделать яровые или озимые посевы) и, во-вторых, уберечь семью от людских потерь. Уже в 1880-х гг. И. А. Гурвич задавал себе и другим исследователям вопрос о том, не объясняется ли, в частности, людностью и возрастным составом каждой конкретной семьи избираемый ею способ и порядок передвижения⁴. Положительный ответ является очевидным в свете накопленных позже данных о переселениях в России.

При любом маршруте и порядке передвижения над детьми «тряслись»: старались уберечь от простуды, инфекции. Давали лучшие из имевшихся одежду и пищу, отводили поудобнее место в повозке, вагоне, на палубе парохода. В путь старались пускаться не одиночными семьями, а группами семейств (партиями) из родственников, односельчан или жителей определенной местности, чтобы в случае необходимости можно было поддержать друг друга советом, деньгами и пищей, подвезти на своей лошади и т. д.

Немалое число крестьян, если была такая возможность, обращалось на переселенческих, врачебно-питательных и медицинских пунктах за помощью к медикам для лечения детей и других членов семьи. Радовались, если удавалось пообедать самим и покормить детей в пунктовых столовых. Скучный столовский рацион был все же богаче собственной пищи мигрантов по содержанию белка и жиров⁵.

Однако помощь на пунктах далеко не всегда бывала бесплатной, в городских же больницах обязательно требовали плату за лечение, и большинство переселенцев за неимением средств даже при тяжелых заболеваниях неохотно ложилось в больницу, не отдавало туда

¹ Нагнибеда В. Я. Положение переселенцев... С. 160; Экономический статистический обзор Томской губ.: памятка делегатам IV Губсъезда Советов. Томск, 1924. С. 43–44.

² Нагнибеда В. Я. Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 160; П. Ч. Медицинская помощь населению Томской губ. в лечебницах Переселенческого ведомства // Сиб. врач. 1916. 26 июня.

³ Подсчитано по: Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный путем регистрации переселенцев в 1897 г. / под рук. Г. А. Приймака. М., 1901. С. 84–85.

⁴ Гурвич И. А. Указ. соч. С. 143.

⁵ Куркутов А. Т. Деятельность врачебно-питательных пунктов... С. 70–72.

своих ближних. Здесь сказывалось также нежелание делать длительную остановку в пути – она отрывала семью от «своей» переселенческой партии, хоронила надежду на сносное устройство в текущем сельскохозяйственном году и т. д. Если больной ребенок все же попадал в больницу, некоторые переселенческие семьи продолжали путь без него. В безвыходных случаях – если убеждались, что до места поселения всей семьей дойти не удастся – оставляли по дороге и здоровых детей. Надеялись на судьбу: «Это – “Божьи дети”, которых кто-нибудь вскормит»¹. Маленьких отдавали на усыновление, старших – в срочный наем, и не чаяли, «приведет ли Бог увидеться до гроба»².

Наблюдая, как переселенцы «бросают» ребят в пути, скрывают больных от врачебного персонала (бывало, детей на пунктах отправки проносили в вагоны или на пароходы в мешках, как контрабанду), некоторые очевидцы делали категорические выводы о темноте, непонимании, беспечности, даже бесчувственности крестьян к детским страданиям и смерти. Так, А. А. Исаев писал: «Большинство отцов и даже матерей относится к болезни и смерти детей с большим хладнокровием; переселенцы неоднократно говорили мне: “Вот Бог прибрал у меня, а все-таки нет убыли, потому что другой народился”»³. Такие выводы правильны лишь отчасти. Можно согласиться с Н. М. Ядринцевым, когда он признает: «Трудно видеть здесь бессердечие и бесчувственность. Матери очень горько оставлять больное дитя, но страшная необходимость и интересы других членов семьи, может быть, их спасение требуют идти и оставить на жертву одного»⁴.

Многие из оставленных переселенцами в пути больных детей умирали. Часть выздоровевших усыновлялась местными обывателями или попадала в сиротские приюты, другая часть пополняла появившуюся в Сибири конца XIX – начала XX в. категорию беспризорных подростков.

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей демографического поведения новоселов **в период устройства и развития хозяйства на новых местах**. Прежде всего, проследим за изменением людности семейств после их переезда на восток. Для этого привлечем материалы выборочного обследования 447 переселенческих поселков в Акмолинской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, которое было произведено в 1911–1912 гг. На его основе нами вычислено среднее количество членов хозяйства в момент обследования и при водворении на участке сразу по прибытии. Оказывается, в годы после миграции в целом происходило общее увеличение людности дворов крестьян-новоселов. У приписанных переселенцев число членов домохозяйства увеличилось после водворения к моменту переписи в среднем от 5,3 до 6,2 человек, или на 17 %, у неприписанных – с 5 до 5,5 человек (на 10 %) ⁵.

Использованный в данном случае источник верно фиксирует генеральную тенденцию расширения в Сибири и общей людности домохозяйств переселенцев, и количества в них рабочей силы, а также связанную с этим тенденцию роста посевных площадей, поголовья скота, покупки улучшенных сельскохозяйственных орудий и т. д. Однако он имеет крупный недостаток: при выборе так называемых «типических» поселков для обследования во всех губерниях, кроме Томской, совсем исключили селения, образовавшиеся за последние три года, и тем самым затушевывали картину бедствий новоселов в первое время после поселения. Поэтому мы предприняли дополнительную разработку материалов по Томской губернии, где в 1911–1913 гг. было обследовано около 1/5 всех семей новоселов, в том числе и в новых поселках (табл. 18).

¹ Ядринцев Н. М. Переселенческие семьи и дети // Путь-дорога. С. 66.

² Н. Переселенцы в Иркутске.

³ Цит. по: Ядринцев Н. М. Переселенческие семьи и дети. С. 65–66.

⁴ Там же.

⁵ Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 173, 194.

**Изменение людности домохозяйств приписанных новоселов Томской губернии
по материалам обследования 1911–1913 гг., человек***

Место приписки новоселов	Группа хозяйств по посеву, десятин	Людность хозяйства			Изменение людности		
		На родине	В Сибири		при водворении по сравнению с родиной	при обследовании по сравнению	
			при водворении	при обследовании		с моментом водворения	с родной
Селения старожилов	0	5,1	4,6	4,3	-0,5	-0,3	-0,8
	До 1	4,5	3,7	4,4	-0,8	+0,4	-0,1
	1–3	4,9	4,5	4,9	-0,4	+0,4	0
	3–9	6,0	5,5	6,2	-0,5	+0,7	+0,2
	Свыше 9	7,5	6,9	8,5	-0,6	+1,6	+1,0
Переселенческие поселки	0	5,3	5,0	4,9	-0,3	-0,1	-0,4
	До 1	4,9	4,8	4,7	-0,1	-0,1	-0,2
	1–3	5,3	5,2	5,1	-0,1	-0,1	-0,2
	3–9	6,5	6,3	6,5	-0,2	+0,2	0
	Свыше 9	7,5	7,4	8,1	-0,1	+0,7	+0,6
В среднем	–	6,3	6,1	6,2	-0,2	+0,1	-0,1

* Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927. С. 193–194, 212, 214; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 2. С. 173–174, 192, 194. Источник освещает положение в Барнаульском, Каинском, Мариинском и Томском уездах.

Полученные нами данные отражают следующие процессы. В период переезда в Сибирь происходило сокращение людности во всех категориях мигрирующих семей (механизм этого сокращения мы проследили выше). После водворения на новых местах средняя людность хозяйств несколько повышалась, но семьи бедноты, по крайней мере в начальный период своего проживания в Сибири, продолжали уменьшаться, что негативно сказывалось на общих результатах: при обследовании итоговая людность хозяйств новоселов оказалась несколько меньшей, чем на родине, хотя и большей, чем в момент водворения. Как показывает анализ ситуации, незавидный демографический итог определялся главным образом высоким уровнем заболеваемости и смертности переселенческой бедноты, а также наличием семейных разделов.

Источники и литература рисуют яркие картины бедствий переселенцев, по крайней мере, в первые годы обустройства в Сибири¹. Весьма неблагоприятные социальные и бытовые условия, экологическая неприспособленность, тяжелая работа от зари до зари без отдыха подрывали здоровье людей. Врач П. Е. Обозненко вел в период с 1 сентября 1896 г. по 1 марта 1897 г. учет заболеваемости на переселенческих участках Омского уезда Акмолинской области. Им было зафиксировано 1230 обращений к медикам, что составляет в пересчете на год 364 случая заболевания на каждую 1000 «здоровых» (не обращавшихся за медицинской помощью) новоселов². Это показатель меньший, чем заболеваемость мигрантов в пути, но всё же очень высокий. При этом следует помнить, что и в дороге, и на местах вселения к медикам обращались далеко не все заболевшие переселенцы.

По оценке доктора М. Л. Айзина, к концу XIX в. среднегодовая смертность переселенцев в первый год после отъезда с родины (в дороге и на новых местах) составляла около 60–100 %,

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 238; Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 17. С. 87; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1903 г. 1905. С. 98–99; ... за 1908 г. 1910. С. 178; Степынин В. А. Колонизация Енисейской губ. в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 502–508; и др.

² Подсчитано по: Обозненко П. Е. Указ. соч. 2 мая; 9 мая.

причем она определялась главным образом смертностью детей¹. На казенных землях Томской губ. в 1886–1893 гг. в первый год по прибытии на новое место жительства умирали члены в 12,9 % семей, в 1894 г. – в 18,1 %. Умирало, соответственно, 28,5 и 40,4 человек на каждую 1000 новоселов, 17,3 и 22,2 человека – на каждые 100 ушедших с родины семей. Смерть косила преимущественно бедняков, у них умирало по несколько членов семьи. На каждые 100 семей, в которых были случаи смертности, в первый год по прибытии умерло в 1886–1893 гг. 134, а в 1894 г. – 122 человека².

По данным обследования в 1903–1904 гг. 233 поселков, населенных переехавшими в Акимолдинскую область, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии крестьянами, 80,8 % всех людей, умерших на новом месте, были детьми в возрасте до 10 лет. Среди переселенцев, прибывших в 1903 г., в первый год по прибытии уровень смертности составил 42,6 ‰ и превысил рождаемость на 15,3 ‰. На каждые 100 умерших родилось лишь 64 человека³. При этом детская смертность была выше, чем у крестьян-старожилов. По данным 1911–1913 гг. (Томская губерния), у старожилов особенно много было умерших до года в основном из-за отсутствия правильного медицинского обслуживания рожениц и младенцев. У новоселов же были примерно равными доли умерших до года и в возрасте от 1 до 10 лет⁴. Это может быть объяснено только тяжелыми условиями жизни семей, оказавшихся не в силах прокормить и сберечь здорового ребенка, выжившего в первые месяцы, труднейшие для него с биологической точки зрения. По мере устройства хозяйства в Сибири смертность в переселенческом населении сокращалась. Накануне Первой мировой войны в Томской губернии среди всех переселенцев, независимо от давности приезда, она составляла 25,7 ‰, при смертности у здешних старожилов в 24,3 ‰⁵.

Чтобы *сохранить жизнь и здоровье членов семьи на местах вселения*, новоселы предпринимали немало усилий. Обозначим основные из применявшихся способов.

Прежде всего, это *обращение за медицинской помощью*. Источники отмечают, что новоселы Сибири, в отличие от многих старожилов, «охотно идут» за советом и медпомощью к врачам, фельдшерам, акушеркам⁶. В то же время для них была характерна меньшая «доверчивость» к знахарям и прочим народным лекарям.

Дело здесь, во-первых, в том, что в Европейской России, имевшей значительно лучше развитую медицинскую сеть, будущие переселенцы уже пользовались услугами земской медицины и позитивно настроились по отношению к медикам. Во-вторых, оказывалась «невключенность» на первых порах в сибирские народно-медицинские отношения – незнание здешних лекарей, недоверие к незнакомым средствам и способам лечения и т. д. К сожалению, далеко не всегда «навозные» сибиряки могли получить квалифицированную медицинскую помощь из-за слабого развития на окраине сети здравоохранения.

Позитивную роль играло *повышение благосостояния большинства переселенческих домохозяйств* на новых местах. Главные усилия новоселов сосредоточивались, конечно, на постоянном улучшении экологических, социальных и бытовых условий своей жизни в Сибири. При первой возможности устраивали жилище получше, запасались пищей, шили одежду и обувь, перенимая во всех этих делах опыт «чалдонов». В значительной степени с прибытием в конце XIX – начале XX в. в Сибирь массы новоселов связаны успешные попытки улучше-

¹ Айзин М. Л. Медико-санитарное обслуживание переселенческого движения // СМЖ. 1925. № 2. С. 65.

² Подсчитано по: Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев... Т. 2, ч. 1. С. 235, 243.

³ Подсчитано по: Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905. Ч. 1. С. 18–19, 52–63, 64–65, 98–101. Показатели измерены отношением годового числа рожденных и умерших к численности населения в момент обследования.

⁴ Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 567, 586–587, 614–615.

⁵ Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 194–195; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 174–175. Смертность измерена отношением числа умерших за предшествовавший обследованию год к численности населения в момент обследования.

⁶ ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 76. Л. 11; ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 102. Л. 108; Бенедиктов Н. Г. Указ. соч. С. 42.

ния санитарно-гигиенического состояния селений: разбивка палисадников, садов и цветников при домах¹.

Для сохранения людского потенциала своих домохозяйств новоселами широко практиковалась *отдача детей на время в чужие домохозяйства* ради прокормления и заработка. Вообще переселенческие семьи были главным источником поступления рабочей силы на рынки труда в сельской местности Сибири. Наряду со взрослыми работниками, домохозяева отдавали в наем и малолеток, причем зачастую фактически бесплатно, только лишь «из хлеба» (за питание). Если не удавалось отдать детей зимой на проживание и работу в более зажиточные хозяйства, бедноте приходилось иногда кормить их «Христовым именем» – подаяниями добрых людей.

«Многосемейность» большинства переселенцев была, конечно, источником дополнительных трудностей при устройстве в Сибири, многочисленных трагедий в случае смерти детей. Однако, чуть окрепнув, дети и подростки начинали приносить в дом дополнительный заработок, становились серьезным подспорьем в родительском хозяйстве в горячие хозяйственные сезоны.

Способы сохранения жизни и здоровья «домашних», а тем самым – «многосемейности» смыкаются со специальными приемами, призванными *поддержать, восстановить или сформировать оптимальную людность, половозрастной и рабочий состав* семейного домохозяйства. С этой целью новоселы, во-первых, стремились хотя бы на первых порах предотвратить семейные разделы. По словам корреспондента Общества любителей изучения Алтая Н. Овчинникова, переселенческие дворы были меньше склонны к разделам, чем старожильческие, потому что «в большей своей части еще не укрепились экономически, и потому более... дорожат соединением сил нескольких работников в одной семье»².

Действительно, по данным обследования 1911–1913 гг., в Томской губернии количество переселенческих дворов, образовавшихся путем выдела, было меньшим, чем соответствующее число хозяйств старожилов, хотя средняя величина семьи переселенцев была заметно крупнее (речь идет о доле выделившихся ячеек в общем количестве домохозяйств соответствующей категории)³. В переселенческих поселках всей Сибири в промежутке между моментами водворения и обследования образовалось путем выдела лишь 3,4 % наличных хозяйств приписанных и 2,5 % дворов неприписных новоселов, хотя при выходе с родины соответствующие показатели равнялись 18,6 и 9,4 %⁴. Новоселы не хотели делиться, потому что вместе общими силами крупной семьи было легче вести расчистку участка для поселения и пашни, зарабатывать средства, «присматривать» и воспитывать детей. Неразделенная семья сравнительно быстро набирала людность и нужный ей рабочий состав.

Если всё же своей рабочей силы не хватало, зажиточные хозяйства нанимали батраков. Некоторые трудовые операции выполнялись супрягой или помощью – совместными усилиями членов нескольких дворов. Изредка создавали и сложные (составные, договорные) хозяйства из двух-трех семей. Материалы обследования 1911–1912 гг. зафиксировали в переселенческих поселках Сибири (исключая Томскую губернию) 462 сложных домохозяйства, или 1,6 % от общей численности обследованных дворов⁵.

¹ *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987. С. 37–38; *Швецов С. П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском окр. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4, вып. 2. С. 7–8; и др.

² ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 51. Л. 23.

³ См. подробнее: *Зверев В. А.* Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 99–101.

⁴ Подсчитано по: Сборник статистических сведений... Сибири. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 173, 194.

⁵ Подсчитано по: Сборник статистических сведений... Сибири. Вып. 2. С. 122–123; Вып. 3. С. 152, 158–159, 164–165, 170; Вып. 4. С. 58, 114.

Еще одним способом оптимизации людности и демографической структуры переселенческого домохозяйства в Сибири было *привлечение в него людей из числа родственников и свойственников*. Обзаведясь хозяйством, новоселы старались поскорее женить своих выросших сыновей, чтобы иметь в доме побольше молодой женской рабочей силы. Многие начинали писать письма на родину («на старину»), убеждая оставшихся там родственников – сестер, теток, племянников и прочих – приезжать с кем-нибудь из переселяющихся.

Однако разрастание семей переселенцев сдерживало установленное властями правило, согласно которому за ходом закреплялось столько земельных долей, сколько душ мужского пола значилось в его ходаческом свидетельстве или паспорте, а прирост числа мужчин (тем более, женщин) в семье в период после зачисления на участок права на увеличение числа этих долей не давал¹. Переселенцы с многолюдной семьей, стремившиеся получить наделы для родившихся после водворения в Сибири, для дополнительно прибывших родственников, были недовольны этим правилом. Приехавшие «на голос родных» постоянно писали прошения о совместном с родственниками и свойственниками устройстве на участке: «... мы можем помогать друг другу на чужой стороне во всех недочетах и нуждах», «... без поддержки своих я был бы не в силах устроить свое хозяйство» и т. п.²

Обратившись к **обратному переселению из Сибири** в Европейскую Россию, нужно также отметить наличие у него демографических причин. Если семья ушла на восток с недостаточным количеством средств, да к тому же в неблагоприятном для самостоятельного ведения хозяйства составе; если к тому же состав этот за время переселения ухудшился; если уже в самой Сибири после многочисленных попыток семейство не смогло оптимизировать свою людность и структуру или как-то компенсировать демографические недостатки, оно часто вынуждено было отказаться от поселения и вернуться обратно.

Материалы массовых экономико-статистических обследований, регистрации мигрантов на переселенческих пунктах, земская статистика выделяют в качестве одной из причин обратных переселений «отсутствие или недостаток рабочих сил в семье»³. За период 1906–1911 гг. на переселенческих пунктах было зарегистрировано 2346 семей «обратников», возвращавшихся из Сибири на родину в Черниговскую губернию, из них 8,6 % объясняло свое возвращение именно «неблагополучным составом семьи, болезнями и смертями членов ее»⁴.

Хранящиеся в архивах ходатайства крестьян об обратном переселении конкретизируют названные выше причины. В числе возвращавшихся были те, что схоронили всех детей по дороге в Сибирь или на участке и не имели теперь «ни одного наследника»; у которых умерла жена, и не было теперь присмотра за малолетними детьми и «женской» частью хозяйства; потерявшие здоровье и потому не могущие «доставить себе и своей семье дневного пропитания». Имелось немало желающих воссоединить свою «ополовиненную» семью с оставшимся на родине отцовским, братским или иным родственным семейством⁵.

Посмотрим теперь, как выглядела людность и демографическая структура переселенческих хозяйств в Сибири в сравнении с хозяйствами старожил, т. е. каковы были общие **итоги демографического поведения переселенцев**⁶.

Уже в пореформенный период выявились яркие особенности переселенческих дворов разных категорий в основных районах освоения на востоке страны: относительно большая людность их у приписанных новоселов, малая людность у неприписных. Поскольку припи-

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1445. Л. 4; Оп. 6. Д. 5. Л. 14.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 503. Л. 347, 367, 441, 426, 471 и др.

³ Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 1. С. 138–145; Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб., 1899. С. 13; *Ямзин И. Л.* Переселенческое движение в России... С. 147–150; и др.

⁴ Переселение из Черниговской губ. в 1909–1911 гг.: по материалам Челябинского и Сызранского переселенческих пунктов. Чернигов, 1913. С. 47.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 561. Л. 1, 38, 50; Д. 3081. Л. 12, 14, 32, 47, 138, 148, 202, 234, 263–264; Оп. 46. Д. 518. Л. 28; и др.

⁶ Подробнее см.: *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство... С. 18–29, 42–55.

санные имели численное преобладание, в среднем переселенческие хозяйства были заметно крупнее старожильческих. Определилась также динамика: по мере увеличения срока проживания в Сибири средние величины семейств неприписных и приписанных сближались друг с другом и со средней людностью дворов местных старожил. Все указанные особенности и закономерности можно проследить, например, по материалам обследования мест водворения переселенцев в Алтайском горном округе 1894 г. Здесь причисленные новоселы имели в одном домохозяйстве в среднем 6,71 души, непричисленные – 5,78, в сумме обе категории недавних переселенцев – 6,37 человека. В то же время переселенцы-староселы обладали домохозяйствами средней людностью в 5,85, а местные старожилы – в 5,81 человека¹.

В конце XIX – начале XX в. выявленные особенности продолжали сохраняться. В момент обследования 1911–1913 гг. переселенческий двор в Томской губернии был больше старожильческого на 0,4 человека, насчитывая в среднем 6,2 души². То же самое было в других земледельческих и активно заселяемых районах Западной Сибири и Енисейской губернии. Лишь в некоторых окраинных местностях на севере и востоке Сибири, где условия для колонизации были особенно трудными, переселенческое хозяйство оказывалось в целом малолюднее давно укоренившегося здесь старожильческого семейства, но относительно хорошо в то же время обеспеченным мужской рабочей силой.

Удельный вес переселенческих дворов в населении Сибири становился все больше, и это способствовало общему повышению средней людности крестьянских домохозяйств или, по крайней мере, нейтрализовало процесс сокращения людности семей, связанный с усиливавшимися при капитализме разделами крупных домохозяйств (особенно у старожил).

Для переселенческих дворов в Сибири была характерна также половая диспропорция – численное преобладание мужчин над «женскими». Как и повышенная людность семьи, половая диспропорция складывалась в период подготовки к миграции; на новых местах поселения она постепенно изживалась. Однако прибывали всё новые волны мигрантов с перевесом мужчин, и поэтому преобладание мужского населения над женским сохранялось в переселенческой среде Сибири в течение всей эпохи второй половины XIX – начала XX в. Половая структура всего сельского населения складывалась под сильнейшим влиянием указанного фактора. В отличие от селений Европейской России, в сибирских деревнях жило больше мужчин, чем женщин.

Только в годы Первой мировой войны интенсивный призыв мужчин в войска привел к тому, что в наличном (оставшемся на месте) населении крестьянских и казачьих хозяйств не только исчезало преобладание числа мужчин над «женским полком», но возникла резкая диспропорция в обратную сторону. Уже Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. выявила такую картину: в различных сибирских губерниях и областях на 100 мужчин в наличном населении приходилось от 109 до 121 женщины³. В период до октября 1917 г. положение усугублялось – взрослых мужчин в деревенских дворах становилось все меньше.

Переселенческое население Сибири было в целом более молодым и более трудоспособным, чем старожильческое, поскольку содержало относительно своей общей численности меньше стариков, лиц с хроническими заболеваниями, физическими уродствами и т. д. Например, согласно данным обследования 1886–1892 гг., в активно колонизируемой сельской местности Енисейской губернии среди лиц мужского пола в рабочем возрасте неспособных к земледельческому труду у новоселов было 11 %, тогда как у крестьян-старожил – 17 %. Данные о наиболее тяжелых физических недугах показывают ту же закономерность. В среде новоселов было лишь 1,7 % слепых, глухонемых, слабоумных, парализованных, страдающих расслабленностью и припадками, а в старожильческом населении – 7,9 %⁴. Как мы показали

¹ Подсчитано по: *Швецов С. П.* Материалы по исследованию... Вып. 1. С. 18.

² Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 193–194; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 173–174.

³ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (по подсчетам, проведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1917. Вып. 3. С. 78, 96.

⁴ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 4. Вып. 2. С. 90–91.

выше, такое положение определялось, во-первых, более молодым, энергичным и здоровым составом семей, пускавшихся на переселение, во-вторых, – «отмиранием» в пути и в первые годы на новых местах физически слабых и нетрудоспособных.

По данным обследования 1911–1913 гг. в Томской губернии, на каждые 100 «годных» (физически здоровых и не находящихся в длительной отлучке) мужчин рабочего возраста в приписанном переселенческом населении приходилось 452 члена домохозяйства («едока»), в неприписном – даже 439, в то время как в старожильческом – 466 человек. Соотношение трудовой и потребительской части населения у переселенцев было наиболее благоприятным. Характерно в то же время, что значительную часть «едоков» в переселенческих дворах составляли дети – будущие работники и активные участники воспроизводства населения. На ту же сотню годных работников-мужчин у приписных новоселов насчитывалось 185 детей (мальчиков в возрасте до 14, девочек – до 12 лет), у неприписных – 177. У старожил же соответствующий показатель равнялся лишь 171 человеку¹. Специфика рабочей и возрастной структуры переселенческого населения активно сказывалась на возрастном и трудовом составе всего сельского населения Сибири.

В заключение выделим **особенности рождаемости и естественного прироста** переселенческого населения деревенской Сибири.

При традиционном типе демографического поведения, когда рождаемость почти не регулировалась сознательно, она в основном зависела от разницы в соотношении мужского и женского населения, от доли в населении лиц, по возрасту и состоянию здоровья способных к деторождению, а также от масштабов «отходничества», уровня брачности населения и особенностей его генофонда. Характерная для Сибири половая диспропорция населения в условиях моногамного брака была фактором, негативно влиявшим на рождаемость. Однако воздействие такой диспропорции нейтрализовало и сильно перевешивало совокупное воздействие нескольких других факторов.

Высокий уровень брачности (переселялись в основном семейные, в Сибири молодых женили при первой возможности), молодой и физически здоровый состав населения обуславливали большое количество ежегодных рождений у новоселов. В том же направлении действовал высокий уровень «оседлости»: в дальний отход члены получивших землю переселенческих семей уходили редко, ибо были заняты обустройством своего хозяйства. Нужно еще обратить внимание на генетический фактор: среди переселенцев находились выходцы из многих местностей, в том числе с юга России, где были распространены ранние браки и имела место высокая рождаемость. Смешанные браки людей, имевших разный генофонд («расейских» из разных исторических областей между собой и с «природными» сибиряками, русских с представителями других этносов) давали многочисленное и жизнестойкое потомство.

В итоге, по данным обследования 1911–1913 гг. (Томская губерния), переселенцы всех категорий беспечивали в своей среде очень высокую рождаемость, равную 50,5 ‰, в то время как старожилы имели только 42,3 ‰. Смертность у переселенцев была тоже в целом выше, чем у старожил, но она заметно сокращалась уже со второго года жизни на новом месте. Превышение рождаемости над смертностью (естественный прирост населения) у новоселов Томской губернии в начале XX в. составляло 24,8 ‰, а у старожил – лишь 18 ‰². Коэффициент естественного прироста у томских новоселов был также выше, чем в сельском населении Европейской России³.

Сходное положение было и в других активно заселяемых новоселами земледельческо-животноводческих местностях Сибири. Обследование «типичных» переселенческих поселков

¹ Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 193–194; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 173–174.

² Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 194–195; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 174–175. Рождаемость и смертность измерены отношением числа рожденных и умерших за предшествовавший обследованию год к численности населения в момент обследования.

³ Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 1. С. 79.

в четырех губерниях региона и в Акмолинской области обнаружило, что за семь предшествующих лет среднегодовой естественный прирост жителей составлял у новоселов около 33 ‰. (При условии включения в обследование самых недавних поселений коэффициент прироста был бы несколько меньшим, близким к показателю Томской губернии.) В Забайкальской области за 1910–1911 гг. среднегодовой естественный прирост переселенческого населения равнялся 30 ‰¹. Подобные показатели были в 1,5 раза выше, чем средний уровень естественного прироста населения по России в целом. Поэтому увеличение доли новоселов среди деревенских жителей нашего края не могло не сказываться на общем уровне естественного прироста населения. Очевидно, что отмеченный в предыдущих разделах данной главы факт последовательного увеличения рождаемости и естественного прироста в населении Сибири конца имперского периода (до 1914 г.) был теснейшим образом связан с усиленным притоком сюда переселенцев.

¹ Воробьев В. В. Указ. соч. С. 178.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ – ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОЗНАНИЯ

4.1. Этапы воспитания молодого поколения в деревне

«Сравнительно-историческое изучение стиля социализации детей у разных народов и на разных стадиях развития предполагает... дифференцированный анализ: 1) целей и задач воспитания; 2) его средств и методов; 3) агентов и институтов социализации, и 4) ее результатов и эффективности», – указывал академик И. С. Кон¹. В настоящем параграфе мы будем в основном следовать этому плану. Опираясь на многочисленные исследования, тот же автор убеждает: «В каждом обществе, на каждом этапе его развития существуют разные стили воспитания, в которых прослеживаются многочисленные сословные, классовые, региональные, семейные и прочие вариации»². Это всецело относится и к разным сторонам воспитательного процесса у русских крестьян Сибири второй половины XIX – начала XX в. Нужно учитывать также присущие народу теоретическую неоформленность и противоречивость педагогических представлений.

Цели и задачи воспитания, будучи элементами соционормативной культуры сельского сообщества, были производными от его представлений о природе и возможностях новорожденного человека. В этих представлениях сосуществовали, причудливо переплетаясь, три различные мировоззренческие тенденции, три взгляда. Во-первых, это природный детерми-

¹ Кон И. С. Ребенок и общество: (ист.-этногр. перспектива). М., 1988. С. 136.

² Там же. С. 137.

низм, согласно которому основы характера и возможности человека predeterminedены уже при рождении: «Я с им и с добром, и по-всякому – дак ежли он уродился такой. Кому как на роду написано»¹, «Кому на ком жениться, тот в того и родится», «Черт в черта и родится»². Во-вторых, имел место социально-педагогический детерминизм, в свете которого ребенок предстает в виде «чистой доски», где воспитатели могут написать что угодно: «Ребенок как воск – что хочешь, то и сольешь». В-третьих, присутствовал традиционный христианский взгляд: новорожденный несет на себе печать первородного греха, и спасти его можно лишь подавлением воли, подчинением родителям и духовным пастырям (этот взгляд был больше присущ старообрядческой среде).

Традиционный тип социализации в деревенском сообществе, сложившийся еще в предшествующую эпоху, как бы примирял эти различные взгляды в рамках общей ориентации на «жизнь по старине». Старшие учили детей, и младшие сами стремились думать и поступать так, как думали и поступали предки³. В хозяйственной, общественной, семейной жизни, в демографическом и социализирующем поведении крестьяне твердили: «Наши отцы, деды и прадеды делали все так же, как мы делаем, и изжили века еще лучше нас... Что же мы будем выдумывать и грешить?»⁴. Сопrotивляясь зачастую даже назревшим нововведениям, заявляли: «На это у нас нет закона, обычая и примеров»⁵.

Ориентация «на старину» как на образец логично влекла за собой большое внимание всех субъектов воспитания к тому, чтобы ребенок рос «послухмянный» – *почтительный по отношению к старшим*, главным носителям и трансляторам культуры. Местный уроженец учитель Ф. К. Зобнин в конце XIX в. записал в словнике, приложенном к «Сборнику наблюдений над народной жизнью в Тобольской губернии»: «Царство небесное. Его могут удостоиться, между прочим, только те, которые почитают отца-мать, стариков и старух (это – неперемьные атрибуты “праведной жизни”, по понятиям крестьян)»⁶. Родителей среди старших нужно было выделять особо: «До поту бейся, а родителей уважай».

В обычном праве и алтайских крестьян, и жителей Восточной Сибири довольно четко фиксируются требования к детям повиноваться родителям, поддерживать их пищей и одеждой в старости и болезни, хоронить по христианскому обряду и поминать после смерти⁷. Можно констатировать особую жизнестойкость этих норм даже в условиях растущего рассогласования между устаревшей в целом традиционной соционормативной системой и практикой реальной сельской жизни.

С другой стороны, необходимость воспитания детей признавалась одной из важнейших обязанностей родителей: «Кто грешит, тот и молится, а кто родит, тот и водится», «Детей

¹ *Распутин В. Г.* Прощание с Матерой // *Распутин В. Г.* Повести. Новосибирск, 1988. С. 234–235.

² Пословицы и поговорки приводятся в первом и втором разделах настоящей главы по следующим источникам: ИАЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 69. Л. 14; Д. 344. Л. 2, 3, 6; Д. 345. Л. 3, 4, 11, 12, 17, 18; ИРЛИ. Разр. V. К. 78. П. 4. № 640. Л. 2, 7, 27, 33; П. 7. № 640. Л. 11, 12, 17; НАГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 37. Л. 184; РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–9; *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск с его округом // ТобГВ. 1864. 11 июля; *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. // Изв. / ВСОРГО. 1901. Т. 32, № 1/2. С. 104–106; *Болонев Ф. Ф.* Семейские: ист.-этногр. очерки. Улан-Удэ, 1985. С. 100; *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы // Зап. / ЗСОРГО. Семипалат. подотд. 1911. Вып. 5. С. 81, 83, 85, 86; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939. Т. 1. С. 331, 336–338, 374, 390; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1905. Вып. 15. С. 6, 12, 13, 18–20, 32, 33; 1912. Вып. 22. С. 11, 14, 21, 26; *Кузнецов Е.* Пословицы и поговорки жителей Тобольского окр. // ТобГВ. 1866. 3 дек.; Урал в его живом слове: дореволюц. фольклор / собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953. С. 131.

³ *Миненко Н. А.* Старики в русской крестьянской общине Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Культурно-бытовые процессы... С. 89–104.

⁴ Несколько слов об экономическом положении восточносибирских земледельцев // Сибирь. 1882. 22 авг.

⁵ АГМ. Оп. 1а. Д. 52. Л. 10.

⁶ НАГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 37. Л. 105.

⁷ Там же. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 18; *Загоскин М. В.* Ответы на программу РГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891. С. 124; *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта Алтайского горного окр. // Рус. богатство. 1894. № 7. С. 69.

носить – не ветку заломить», «Не строй семь церквей, а пристрой семь детей». Было понимание, что воспитание – это ответственное и нелегкое дело, требующее немалых знаний и умений, терпения и здоровья, но в итоге необходимое обществу и семье, приносящее удовлетворение самим родителям: «С детьми горе, а без них вдвое», «С маленьким не поводишься – большого не увидишь».

Известный этнограф М. В. Красножёнова, специально изучавшая этот вопрос в начале XX столетия в селениях Енисейской губернии, пришла к выводу, общезначимому для всей Сибири: «Деревня по-своему тоже старается ребят воспитывать. Крестьяне говорят: “Вырастить хорошава человека трудно, надо ему с детства указывать, как следует поступать”. В старину при воспитании детей прибегали больше к суровым мерам физического воспитания и наказания, поэтому и пословица была: “Учи дитё, когда оно поперек лавки лежит, а как вдоль ляжет, поздно будет”. Также давали ребятам наставленья: “Не слушай, где собаки лают, а слушай, где люди добры речи говорят”, “Спи по ночам, расти по часам, давай матери дело делать”. Конечно, и сейчас многие еще придерживаются старинных методов воспитания, иногда забывая и запугивая ребят до крайности, но все же в настоящее время отношение к детям значительно мягче и заботливее, больше ласки и внимания видят ребята со стороны старших»¹.

Степень осознания различных целей воспитания в народной педагогике была неодинаковой. Наиболее отчетливо у русских крестьян Сибири среди этих целей, наряду с уважением к родителям и старшим, формулировалось *трудолюбие*. Основные аспекты трудолюбия как цели воспитания в крестьянской среде выглядят следующим образом: а) эмоциональное отношение к физическому труду как неременной обязанности всякого человека, возложенной на него Богом («Без труда – спасенья нет»), как суровой жизненной необходимости для крестьянина, главному источнику благосостояния («Гулявши много смолоду, умрешь под старость с голоду», «Кто рано встает, тому Бог подает»); б) способность волевым усилием выдерживать тяжелые и длительные трудовые нагрузки. В таком воспитании был жизненный смысл. В семье «возрастал» необходимый помощник в хозяйстве, который затем должен был стать «припасителем», «бойцом» – основным работником, со временем – домохозяином и, наконец, «призрителем» – кормильцем стариков-родителей в последние их годы.

В программу воспитания осмысленно закладывалась *идея трудовой дифференциации и неравенства полов*: «Не пой курица петухом, не будь баба мужиком», «Бабыя дорога от печи до порога», «Мужик да собака во дворе, а баба и кошка – завсегда в избе». В сознание и чувства «сызмалетства» внедрялось представление, что назначение женщины – быть послушной работницей сначала в хозяйстве родителей, затем в семье мужа. Молодица должна быть работающей и хозяйственной, бережливой, терпеливой, некрикливой, послушной, гостеприимной; у казаков допускалась большая степень ее «бойкости».

В среде казачества среди важнейших целей воспитания находились *воинские качества* – храбрость, верность присяге. В этой связи характерны наказания старого казака Никиты Иванова (пос. Тулатинский Чарышской станицы Бийского уезда Томской губернии), высказанные в письме сыну Ефиму, мобилизованному на войну в 1914 г.: «Не забывай мой отцовский завет: помни бога и данную пред богом Клятву. Что ты клялся служить верой и правдой, выполняй в точности Присягу. Моли только бога, чтобы бог дал тебе здоровья, но не заботься о нас (об оставленных дома родных. – В. З.). А заботься о данной Клятве»². В данном случае интересно, что ключевые для системы ценностей воина понятия «Клятва» и «Присяга» он пишет с прописных букв, хотя даже слово «бог» начинает с буквы строчной.

Среди наиболее осознаваемых целей воспитания у сельчан находилось также *приличное поведение в обществе*. Человеку полагалось расти «очесливым» – вежливым, деликатным, соблюдающим правила приличия. А вот о любви к прекрасному как об осознанной цели воспитания в крестьянской среде речь вряд ли может идти. Из анализа источников складывается

¹ КККМ. О/ф. 7886. П. и. 110. Л. 25–26; Красножёнова М. В. Ребенок в крестьянском быту: семейный быт детства и родительства в Сибири конца XIX – первой трети XX в. Новосибирск, 1998. С. 35.

² ГААК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 103. Л. 10.

впечатление, что цели *эстетического воспитания* ясно не формулировались. Формирование эстетико-эмоционального отношения к миру и человеку происходило в основном стихийно, хотя и довольно эффективно, мало направляясь и контролируясь субъектами воспитания.

Цели *нравственного воспитания* зачастую облекались в религиозную форму, в одних группах крестьянства в большей, в других – в меньшей степени. В интерпретации Н. М. Чукмалдина, выходца из крестьян-старообрядцев Тюменского округа Тобольской губернии, «нравственная, суровая простота» деревенского быта «была чиста и выражалась заповедью физического неустанного труда, молитвой Богу и воздержанностью от всяких излишеств»¹. Наблюдавший жизнь бухтарминских староверов Б. Г. Герасимов констатировал в 1911 г.: «В основу нравственного воспитания кладутся требования религиозного характера. Детей учат с уважением относиться к старшим, почитать храм, с благоговением относиться к церковным книгам и т. п. Тихий, послушный и религиозный ребенок является идеалом хорошего дитяти»².

Существовали своеобразные народные переложения Божьих заповедей, соблюдать которые с юных лет должен был человек. Знаменитый сибирский хлебороб Т. С. Мальцев гордился, что всегда соблюдал отцовские наказания, усвоенные на заре XX столетия в родной д. Мальцевой (Южное Зауралье): «1. Не пей. 2. Не кури. 3. Не играй в карты. 4. Не бери в руки охотничьего ружья». Поясняя по просьбе писателя В. И. Белова последнюю заповедь, Мальцев говорит: «Да ведь живое жалеть надо, всему живому хочется жить». Сам Белов, хорошо знавший традиционную русскую народную культуру, свидетельствовал, что три первые заповеди «существовали по всей России, от Амура до Ладоги»³. Четвертая заповедь, конечно, могла существовать только в земледельческой деревне, ей не место было в среде крестьян-«промышленцев» – охотников и рыболовов.

Во многих источниках проглядывает стремление сибирских крестьян воспитывать детей «в страхе Божиим», но *формируемая религиозность* даже в наиболее ортодоксальной старообрядческой среде проявлялась преимущественно в стихийном обожествлении более сильных, чем человек, природных и социальных феноменов, православно-христианский же слой сводился больше к «букве и обряду»⁴. В современной науке и публицистике высказывается мнение, согласно которому целью основной массы русских крестьян в имперский период было приобщение детей к наиболее глубоким и специфическим основам христианского православного вероучения и нравственности. Однако исторические источники дают мало оснований для того, чтобы признать это мнение справедливым по отношению к крестьянству Сибири второй половины XIX – начала XX в. Складывается впечатление, что оно даже слабо знало эти основы. Кроме того, многие вполне признаваемые христианские нравственные ценности не осознавались как ценности абсолютные: «Поп свое, и черт – свое», «В мире жить – мирское творить».

Приведем лишь некоторые примеры ограниченности, непоследовательности и даже противоречивости нравственных установок, выраженных, в частности, в фольклоре. Крестьяне считали: хорош послушный ребенок, но «в тихих озерах все черти сидят»; нужно быть честным, но только среди «своих» – близких и знакомых людей, обманывать же представителей иной социальной среды вполне можно, а чиновников даже обязательно нужно, иначе они с шеи не слезут. Нужно трудиться не покладая рук, однако смысл труда размыт: «От работы не будешь богат, а только горбат», «Честным трудом хоромы не наживают». Очень важно поддерживать добрые отношения со всеми родственниками, помогать им («Брат брату головой в уплату»), но новые торговые и конкурентные начала в отношениях заставляют все чаще внушать себе и детям: «Брат мой – ум свой», «Брат – братом, сват – сватом, а деньги – никому».

Средства и методы, а также агенты и институты воспитания серьезно различались на разных этапах социализации детей и молодежи. Они избирались не всегда осознанно, с

¹ Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М., 1902. С. 48.

² Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 57.

³ Цит. по: Дорожи званием хлебороба: Т. С. Мальцев о себе и слово о Мальцеве // Правда. 1985. 5 нояб.

⁴ Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае // Север. вестн. 1890. № 9. Отд. 2. С. 47.

одной стороны, с учетом возрастных особенностей воспитываемого человека, с другой стороны, в соответствии с существующими в общественном сознании традиционными «комплексными эталонами» качеств личности и социальной группы для представителей разных возрастных когорт.

По достижении определенного возраста от человека ждали соответствующей перемены его поведения и социального положения. «К 20 годам не умен, к 30 не женат, к 40 не богат – всю жизнь так [будет]», – в таких словах лаконично выражали существо этого принципа. То, что было позволено в детстве и юности («Молодость не без глупости», «Молодо – зелено, погулять велено»), считалось недопустимым для взрослого солидного человека. В зрелых годах тоже существовала определенная градация. Так, в общественном сознании крестьян Приангарья бытовало представление о трех возрастных и частично имущественных категориях взрослых мужчин: «полный», или «настоящий» мужчина от 20 до 35–40 лет, человек «в средних годах» и «больша голова» – пожилой крестьянин, глава многолюдной семьи¹.

Возрасту «полноты» – полной зрелости человека в 20–21 год предшествовало несколько категорий детства и юности, довольно явственно выделявшихся во взглядах крестьянской среды и в реальном процессе социализации.

Самый ранний этап воспитания детей (до 2–3 лет) крестьяне обозначали терминами «пестование», «водня»². Осуществлялся небогатый набор необходимых операций: кормление ребенка грудью или из рожка, мытье, пеленание, лечение, укачивание до года в колыбели, а потом в подвешенной к потолку зыбке. Из поколения в поколение передавалась и шлифовалась поэзия пестования (колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки и докучные сказки) – эффективное средство первоначального умственного, эстетико-эмоционального и волевого развития ребенка.

Однако позитивный опыт народной педагогики в условиях капиталистической деревни далеко не всегда мог быть успешно реализован. Большая занятость матери в летне-осенний сезон в своем хозяйстве, работа батрачек от темна до темна по найму позволяли им заниматься воспитанием малолетков лишь урывками. Это было не только важнейшей причиной высокой детской заболеваемости и смертности, но также наносило большой ущерб делу воспитания.

Некоторые недавно образовавшиеся малодетные родственные семьи в горячее время сенокоса и страды кооперировались, и женщины пестовали своих и соседских ребят по очереди, а не имевшие такой возможности крестьянки были вынуждены брать с собой младенца в огород или на поле. На этот же сезон семьи побогаче, не имевшие своих стариков и подростков, нередко принимали в качестве няньки чужих детей. В некоторых зажиточных домохозяйствах были и постоянные няньки, обычно девочки-подростки, нанятые из семей бедноты или специально принятые в дом с этой целью³.

Важнейшим средством воспитания **на втором этапе** (в возрасте примерно с 3 до 7 лет) являлись детские игры, много десятков которых бытовало в сибирской деревне. Старшие обеспечивали детей лишь небольшой частью игрушек и инвентаря для игр, предоставляя им возможность остальное находить и изготавливать самим.

В качестве игрушек часто использовались разнообразные предметы, подобранные в лесу, на поле, во дворе и доме: палочки, камышовые шишки, сушеная трава, камушки, перышки, разноцветные стеклышки, кусочки фольги от чайной упаковки и др. Кукольные изображения людей и животных делали обычно неразъемными из натуральных природных материалов – глины, дерева, бересты, шерсти, шили из тряпочек, очень схематично намечая лишь некоторые черты реального облика. Такие куклы ощущались детьми как ласковые, теплые. Их внешность

¹ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л., 1967. С. 183.

² Азадовский М. К. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925. С. 140–141; Молотиллов А. Говор русского старожилото населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.) // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1913. Т. 2, вып. 1. С. 177.

³ НГПУ. Д. 6. Л. 16–17; Д. 7. Л. 9; Бородкина М. В. Деревня Иткара Томского края: хоз.-быт. очерки. Томск, 1927. С. 11; Гущина С. Ф. Краткий отчет о поездке в Забайкалье летом 1925 г. // СЖС. 1926. Вып. 1 (5). С. 173; и др.

и характер можно было досочинять по-своему, как бы оживляя творческими усилиями. У них нельзя было отвинтить ни голову, ни руку, зато можно было любить, жалеть. Сделанные игрушки дети очень ценили, берегли, передавали младшим, когда вырастали.

Делая игрушки («чечи»), дети познавали и учились использовать свойства природных материалов, выделять существенные атрибуты окружающих людей, животных и предметов. Они внимательно наблюдали за многообразной жизнью деревни и имитировали ее в своих играх в пахоту и в жатву, сенокос, охоту, обозы, торговлю, в свадьбу, «в клетки» (т. е. в домашнюю, семейную жизнь). «Куклы [в играх] ведут такой же образ жизни, как родители и знакомые играющих детей»; «Имена [куклам] выбираются не случайно, а в честь той или другой родни или подруги», – отмечали наблюдатели¹. Вроде бы забавляясь, дети многократно «примеривали» на себя, «разыгрывали» свои будущие семейные и общественные роли, совершенствовались в этикете, приобретали навыки общения, глубже вникали в особенности деревенских обрядов.

В спортивных играх выковывались эмоции и волевые качества – терпение, выносливость, упорство, умение постоять за себя и за друга, коллективизм, стремление к победе, великодушные по отношению к побежденному и др. Писатель-сибиряк В. П. Астафьев вспоминает, что однажды три дня подряд не мог «отгальиться» при игре «в кол» (разновидность «пряталок»). Даже будучи нездоровым, он не мог бросить игру: неписанными правилами за это предусматривалось суровое наказание – катание на колу и колотушке. Среди сверстников не было бы ему потом прохода, ведь «должником жить на селе не полагается, из должника не выйдет и хозяина-мужика»². «И поныне, когда я вспоминаю игры детства, вздрагивает и сильнее бьется мое сердце, обмирает нутро от знобюще восторженного предчувствия победы, которая непременно следовала, если не следовала, то ожидалась в конце всякой игры, – писал Астафьев в книге «Последний поклон». – И когда мне в жизни становилось и становится невмоготу, я вспоминаю игру в кол и, стиснув зубы, одолеваю беду или преграду...»³.

Старшие, иногда непосредственно вмешиваясь в детские игры, обычно старались присматриваться к ним и таким образом изучали свойства ума и характера, физические возможности своих и соседских детей. Глубокий педагогический смысл имел контроль взрослых за игровым репертуаром. Так, в Тулунской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии детям не позволялось играть «в могилки» – считалось, что таким образом можно наворожить смерть родителям⁴.

Важнейшую роль играло совместное со старшими проведение досуга. В моменты перерывов в хозяйственных и общественных делах, в праздничные дни проходили в крестьянских избах и на деревенских улицах красочные обрядовые действия, в которые вовлекались все от мала до велика. Длинными зимними вечерами члены семьи, собравшись вместе и не оставляя индивидуальных занятий, пели, рассказывали сказки, былички и бывальщины, загадывали друг другу загадки. Здесь ребята продолжали приобщаться к богатствам народного искусства, а заодно впитывать те культурные нормы, которые пропагандировал фольклор. Нравственные наставления взрослых приобретали, таким образом, опосредованный характер, облекались в высокохудожественную форму и потому были очень действенными. На всю жизнь врезались в сознание детей такие поговорки: «Как заживешь, так и заслынешь», «Живи для людей, поживут и люди для тебя», «Живи так, чтобы ни от Бога греха, ни от людей стыда», «Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит». По существу, они представляли собой кратко выраженную нравственную программу всей жизни. Лучше понять себя и людей, сориентироваться в самовоспитании тоже помогала народная мудрость: «Добро-

¹ *Попова А. М.* Детские игры и забавы в сибирской деревне // СЖС. 1923. Вып. 1. С. 10; *Станиславский А. М.* Записки. Иркутск, 1912. С. 172–173.

² *Астафьев В. П.* Последний поклон: повесть в рассказах // Астафьев В. П. Собр. соч.: в 6 т. М., 1992. Т. 3. С. 222.

³ Там же. С. 196, 222.

⁴ *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 278.

то не в селе, а в себе», «Учись доброму, так худое на ум не пойдет», «Своих друзей наживай, а отцовых не теряй».

Третий этап воспитания детей, начинавшийся примерно с 7–8 лет, был настоящей школой крестьянского труда. Конечно, еще раньше в большинстве семей ребята привлекались к тем или иным работам в доме, во дворе или огороде. Известны, например, многочисленные случаи, когда уже на плечи 3–5-летних детей ложилась забота о младших братишках и сестренках¹. Однако именно в 7–8 лет, когда немного окрепли физические силы и «доспели сметки» ребенка, его участие в хозяйственной жизни семьи становилось делом повседневным и обязательным, причем со временем это участие последовательно усиливалось.

В деревне было большое количество работ, которые выполнялись исключительно старшими детьми и подростками определенного возраста. В земледелии первыми по времени становились обязанности «копновоза» на сенокосе, «борноволока» во время боронования пашни и заделки семян. И в той, и в другой операциях мальчик или девочка, сидя верхом на лошади, управляли ею. В отличие от земледельческого и животноводческого хозяйства, промысловый (охотничий и рыболовный) крестьянский двор начинал использовать более или менее самостоятельный труд старших детей в основном после 10–12 лет, сначала на сравнительно легких видах промысла неподалеку от деревни. Дело в том, что промысловая охота и рыболовство требовали большой предварительной выучки и немалых физических сил.

На данный возраст приходилось также начало самостоятельного труда детей обоего пола при кошении трав, девочек при доении коров, при уходе за младшими детьми. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые при характеристике трудового воспитания у сибирского крестьянства выделяют в старшем детском возрасте две ступени: *формирующую и основную*, причем Н. А. Миненко считает началом второй ступени возраст 10 лет, а Т. И. Березина – 11–12 лет². Как и все другие возрастные границы внутри периода социализации, эта грань может быть проведена в значительной степени условно и приблизительно, но она имеет обоснование и в прямых указаниях источников. Например, бийский окружной исправник Томской губернии, представляя сведения о благосостоянии населения за январь 1897 г., писал: «Родители детей своих до 10-летнего возраста держат в послушании; а от 10 до 20-летнего возраста дети образ жизни ведут трудолюбивый и из повиновения родителей не выходят, семейные же несогласия если и случаются в крестьянских семьях, то с детьми, перешедшими этот возраст (20 лет. – В. З.)»³.

Игры продолжали оставаться средством воспитания и в старшем детском, а также подростковом возрастах, но значение их сужалось. У многих прибавившиеся заботы вообще не оставляли времени, чтобы играть со сверстниками.

Естественно встает вопрос: являлось ли раннее привлечение детей к труду в крестьянских домохозяйствах только объективной экономической необходимостью или это был своеобразный педагогический прием, призванный обеспечить успешное трудовое воспитание подрастающего поколения. Имеющиеся источники и литература показывают, что оба эти момента определенным образом сочетались. Объективные потребности многопрофильного крестьянского хозяйства требовали привлечения детей, как и всех прочих трудоспособных членов, к труду. В процессе последнего частично стихийно, частично целенаправленно, путем сознательных усилий старших и младших осваивались производственные навыки, отношения, нравственные ценности трудовой среды.

В то же время было бы ошибкой сводить трудовое воспитание в крестьянской семье только к подражанию детей и подростков взрослым. В ткань реальной хозяйственной жизни и общения членов домохозяйства взрослые вплетали специальные педагогические средства и

¹ ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 528. Л. 3–4; НГПУ. Д. 6. Л. 20–21; Этнологическая секция [ВСОРГО] в 1924 г. // СЖС. 1925. Вып. 3/4. С. 198; и др.

² Березина Т. И. Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. С. 18; Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. М., 1991. С. 112.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 481. Л. 21.

действия. Этим, в частности, объясняется привлечение детей даже к тем работам, в которых можно было бы «обойтись свободно и без детской помощи»¹.

Сибирские крестьяне в своих прошениях по поводу усыновления или отдачи им на воспитание детей односельчан иногда брали на себя специальные обязательства по их подготовке к трудовой жизни. Так, в 1898 г. житель с. Семилужного Томского уезда Илья Иванов просил губернское управление отдать ему на воспитание внуков, оставшихся сиротами после гибели их матери – дочери просителя. Иванов писал: «Мальчики уже взрослые – одному 15, а другому 13 лет, и вполне уже могут приучаться к земледелию, к чему я их обязуюсь приучать, так как они дети еще не избалованные и сами просят со слезами, дабы я об этом ходатайствовал»². В описании юридического быта Казачинской волости Енисейского уезда (около 1897 г.) читаем: «Опекун обязан малолетних детей приобщать молитвам и страху Божию, а также и труду, заменять во всем умерших родителей»³.

Старшим детям на второй ступени их трудового воспитания уже поручались обязанности, которые, кроме них, некому было выполнить, и они в реальной практике познавали меру своей ответственности за благосостояние всех «домашних», за жизнь и здоровье «маленьких», за порядок в избе. Предъявляя жесткие требования к объему и качеству работы, срокам ее выполнения, старшие проявляли последовательность и настойчивость. В народной педагогике вообще считалось недопустимым «потакание» детским слабостям: «Отец али мать дитю люби, но не оказывай»⁴. Будучи не «понарошку», а всерьез введенными в семейное и общественное производство, в реальные семейно-экономические отношения, а через них – в отношения общественно-экономические, дети «сызмальства» усваивали не только технологию трудовых процессов, но и свое место, позицию своей семьи, артели, общины в производственных отношениях.

К моменту вступления в подростковый возраст дети обычно уже владели основами большинства знаний и умений, необходимых для того, чтобы быть «хлебопашцем» и «промышленцем», вести дом и т. д. Однако опыта, навыка хозяйственных работ у них имелось еще маловато, физические возможности были небольшими. Лишь в самых общих чертах разбирались дети во внешних, в том числе рыночных связях семейного хозяйства, в его бюджете⁵.

Четвертый этап социализации новых поколений, приходящийся на подростковый возраст, можно назвать временем созревания и тренировки.

Подростки продолжали входить во все тонкости тех дел, которые им поручались с детства. Но теперь они приобщались и к таким трудовым операциям, которые требовали большой физической силы, выносливости, длительного расставания с домом. Обязанностью мальчиков-подростков время от времени становилась работа взрослых мужчин – пахота, охота в дальних «ухожьях», серьезный рыбный промысел, трудоемкие операции в обрабатывающих промыслах. Девочек-подростков в некоторых семьях привлекали к приготовлению пищи на всю семью. Крестьянка А. М. Михалёва, вспоминая о своем детстве в семье родителей – переселенцев с Тамбовщины в с. Ершово Барнаульского уезда Томской губернии в начале XX в., рассказывает: «Готовить-то меня мать учила. И как квашню поставить, и как тесто замесить. Говорила: “Анютка, припоминай всё. Пойдешь замуж – всё сгодится. Да каждый день одно и то же не готовь, надоест”. Я все перенимала у матери. Из одного теста могла десять блюд сготовить»⁶. Однако в некоторых местностях, во многих семьях девочек и девушек до заму-

¹ Плотников А. Ф. Нарымский край: ист.-статист. очерк. СПб., 1901. С. 365.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 37. Д. 287. Л. 118.

³ НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

⁴ Виноградов Г. С. Народная педагогика: (отрывки и наброски) // СЖС. 1926. Вып. 1 (5). С. 12–13, 27; Молотиллов А. Указ. соч. С. 206; и др.

⁵ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 5. С. 178; Шлихтер А. Г., Исаченко В. Л. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1914. (Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении; вып. 8). Ч. 1. С. 2.

⁶ НГПУ. Д. 5. Л. 46; Михалёва А. Н. С раннего утра и до поздней ноченьки // Традиционная педагогика: учеб. программа, хрестоматия и практикум. Новосибирск, 2005. С. 101.

жества к приготовлению пищи не допускали. Они учились кулинарному искусству у свекрови и старших снох уже в доме мужа, только помогая им на первых порах¹.

Уже на подростковом этапе социализации начиналась подготовка к будущей свадьбе и супружеской жизни молодых. Девочкам нужно было изготовить большое количество приданого – в основном «тканины» и вышивки разного рода. Пряли, вышивали, ткали холсты девочки зачастую на своих коллективных «посиденках». Здесь же иногда присутствовали девушки постарше, взрослые женщины со своим «задельем», и было много разговоров о любви, женитьбе, семейной жизни. Сами подростки, в свою очередь, часто посещали посиделки и вечерки молодежи, были непременными зрителями на всех свадьбах, внимательно наблюдали за отношениями в брачных парах и семьях своих старших братьев и сестер, других родных и знакомых.

Внимательно прислушиваясь к разговорам «домашних» и соседей о семейной жизни, подростки как бы «примеряли на себя» обсуждавшиеся ситуации или случаи, которые постоянно возникали на их глазах. Часто родители специально заводили разговоры на тему о женитьбе. Крестьянка М. М. Швидкая, жившая в начале XX столетия в с. Александровском Каинского уезда Томской губернии, вспоминает, что ее мать рассказывала подраставшим дочерям «о своей жизни до замужества, как ее сватали, везли в дом мужа... Говорила, что девчатам надо готовить приданое, как вести себя в доме мужа, как угождать свекрови – вовремя подать, приготовить вкусно обед, расшить рубаху мужу и т. д. Мать рассказывала девочкам, сколько много ей приходилось работать у свекрови...»². Но характерно, что вопросы половой гигиены, интимной супружеской жизни ни матери с дочерьми, ни отцы с сыновьями, как правило, не обсуждали.

Хотя по закону совершеннолетними молодые люди считались с 21 года, к 18 годам парни и к 15–16 годам девушки уже почти во всех отношениях были готовы к выполнению тех ролей, которые им уготовила судьба: родителей и воспитателей своих детей, работников, членов деревенского «общества», коллективных творцов народного искусства и пр. Для значительной части молодежи **выход из подросткового возраста в молодежный** совпадал со вступлением в брак и затем – созданием собственной семьи. У большинства же до брака оставалось еще некоторое время. Оно проходило обычно в неустанном труде в домохозяйстве родителей или старшего брата, а с 21 года у многих парней – на армейской или казачьей службе.

Крестьянские представления о качестве труда молодежи, ее сравнительном вкладе в благосостояние двора, в общественный бюджет нашли отражение, в частности, в приговорах сельских сходов о раскладке оброчной подати. В 1904 г. в Томской губернии многие общества «годовую доходность» от личного труда «годного» работника-мужчины в возрасте 15–16 лет определяли в 30 р., в возрасте 16–18 лет – в 40 р., в 18–21 год – в 50 р. У «полного мужчины» 21–35 лет доходность труда считалась максимальной – 70 р. в год. Затем она снижалась до 50 р. в 35–40 лет, до 40 р. в 40–50 лет и 20 р. – в критическом для работоспособности крестьянина возрасте 50–60 лет³.

Достижение сыновьями совершеннолетия в крестьянской среде «ничем особым не отличается, а также и дочь невеста не отличается перед прочими сестрами, как в домашнем быту, так равно на работе и вечеринках», – отмечал в 1897 г. информатор из Казачинской волости Енисейского округа одноименной губернии⁴. Эти слова можно отнести ко всей деревенской Сибири. По закону достижение 21 года могло повлечь ослабление зависимости от родителей, домохозяев вообще: появлялась возможность вступить в брак без родительского благословения, получить отдельный паспорт на жительство, окончательно выйти из отношений общественной опеки и т. д. На практике же власть домохозяина, как и общины, над личностью мо-

¹ *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987. С. 188, 192.

² НГПУ. Д. 3. Л. 46–47.

³ ГАТО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 173. Л. 32–33 и др.

⁴ НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.

лодого крестьянина оставалась значимой. Правда, в хороших семьях к голосу выросшего сына прислушивались чаще, чем раньше. Домохозяин советовался с ним во многих делах: «Право голоса в домашнем совете получает член семьи тогда, когда он вполне может самостоятельно производить крестьянские работы без руководства старших»¹.

Совершеннолетний сын вполне мог заменить домохозяина на сельском сходе при решении большинства вопросов. Однако «старика» (пожилые домохозяева) на сходах обычно не склонны были предоставлять право голоса «малолеткам» – лицам, не обзаведшимся еще собственным домохозяйством, хотя бы они носили уже окладистые бороды, перевалили за 30 лет и имели свою нуклеарную семью в составе отцовского двора².

Вступление в брак для молодого человека означало одновременно вступление в **завершающий этап социализации**. О вышедшей замуж девушке в приангарских селениях говорили: «Осемьянилась»³. Замужество приводило, как правило, к выходу из сферы воспитательного воздействия родителей под власть мужа и в сферу влияния свекра и его «домашних». Составной частью свадебного обряда были наставления дочери-невесте о том, как жить в новой семье: нужно почитать мужа, свекра и свекровь, не лениться работать, жить честно и т. п.⁴ Материальным напутствием девице служило приданое – скот, другое имущество, которым ее «басловили» (благословили, наделили) родители. Но зачастую из отчего дома молодуха уносила только то, что «она приобрела сама – или денежными заработками на летних работах, или пряжей и тканьем...»⁵. В течение примерно двух-трех лет происходила психологическая и культурно-бытовая адаптация или ассимиляция невестки в новой семье. «Хвали молоду на третьем году [замужества]», – говорили крестьяне, подразумевая, что раньше нельзя судить об успешности или неуспехе брака и возможности совместной семейной жизни. Нарбатывались навыки общения с многочисленными свойственниками, приобреталась психологическая и сексуальная совместимость с мужем. С учетом стиля жизни и вкусов новой семьи корректировались уже имевшиеся навыки ведения домашнего хозяйства, завершалось обучение приготовлению пищи.

Момент обычного в крестьянской среде выдела новой семьи из отцовской семейной ячейки обычно наступал не сразу, а через некоторое время после брака. «Мало взмотатся (не слишком устанет, работая на семью свекра. – В. З.) стряпка, научится стряпать, – так уходит»; «Своя стряпка заведется, и врозь», – в таких выражениях сетовали С. Л. Чудновскому пожилые алтайские крестьяне в 1880-х гг. на учащение семейных разделов⁶.

Женившиеся и выделившиеся в самостоятельное хозяйство («замужиковавшиеся») сыновья первое время обычно прибегали к помощи семей отцов и братьев, но постепенно эта связь слабела. С целью ее сохранения многие крестьяне стремились поселить отделяемого «осибе» сына поблизости от своей усадьбы. В Забайкалье во второй половине XIX в. отмечены поравнения усадебных земель с этой целью: сельские общества отбирали часть земли у бездетной семьи и передавали многодетной. Строя здесь дом для сына, крестьянин хотел, чтобы новая семья «начала жить “на глазах”, чтобы там, где не хватит силы у этой молодой семьи, он мог бы вовремя придти ей на помощь»⁷. В тех же семьях, в которых отцы стремились предотвратить выдел «возросшего» сына, постройка для него дома рядом с отцовским способствовала сохранению единого хозяйства. Строительство или покупка для отделяющихся сыновей жилых домов и всех надворных построек в любом случае признавались обязанностью родителей, но далеко не все из них имели такую возможность.

¹ Там же. Л. 25.

² См., например: *Зинин Н. К.* Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1893. С. 163–164.

³ *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения... С. 183.

⁴ *Красножённова М. В.* Описание крестьянской свадьбы в д. Лапиной // Изв. / ВСОРГО. 1905. Т. 36. С. 80; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. / ЗСОРГО. 1903. Кн. 30. С. 157.

⁵ *Осипов Н. О.* Ритуал сибирской свадьбы // ЖС. 1893. Вып. 1. С. 100.

⁶ *Чудновский С. Л.* Алтайская поземельная община // Север. вестн. 1888. № 11. С. 186.

⁷ *Михайлов К. П.* Общинный быт у крестьян Забайкальской обл. Восточной Сибири // Рус. мысль. 1885. Кн. 12. С. 12.

При разделах крестьянских семей родители обычно оставались «до смерти» с одним из сыновей. Существовало традиционное правило, по которому это был младший сын: считалось, что он больше других нуждается в наставлениях со стороны родителей, будучи еще «не вполне развитым по домашнему хозяйству»¹. Но местами эта традиционная норма считалась устаревшей и соблюдалась далеко не всегда. В Иркутской губернии, скажем, отцы оставались чаще жить просто «у любимого сына» или у того из сыновей, кто соглашался на это. В среде бедноты распространилось обычное явление давать приют и пропитание родителям по очереди у всех сыновей².

В неразделенной семье первое время сохранялось главенство отца или свекра («пока мог работать»), подразумевавшее и его воспитательное воздействие на младших членов. Но по мере старения домохозяина и возмужания сыновей роли менялись. В некоторых семьях такая смена сознательно готовилась: отец предоставлял старшему сыну иные из своих прав и давал возможность пробовать силу, проявлять инициативу, в необходимых случаях вмешиваясь и поправляя его. Затем стареющий отец, «чувствуя себя в невозможности быть материально полезным семейству, передает власть свою старшему сыну и сам подчиняется ему, ограничивая свое влияние на него одними советами»³.

Обычным было почтительное отношение к старикам-родителям со стороны более молодых членов семьи, внимательное отношение к их советам. Однако бывали случаи притеснения стариков, ставших обузой для хозяйства, даже изгнания их сыном или зятем из собственного дома⁴. Общественное мнение сурово осуждало такие поступки. Если дело доходило до волостного суда, тот обязывал детей кормить и призывать родителей или давать им средства к содержанию. Когда сын по своей бедности был не в силах давать содержание, старики передавались на попечение сельского общества⁵. Стремясь избежать такого финала, некоторые из сельчан сохраняли за собой права домохозяина до самой смерти, обязывая остальных членов семьи жить «из-под своей руки».

4.2. Вклад семьи и общины в дело воспитания

Комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что воспитание новых поколений осознавалось как одна из важнейших своих обязанностей всем крестьянским сообществом. Важнейшую роль в этом деле играла **семья, а в ней – родители**. Традиционное народное право вменяло родителям в обязанность кормить, обувать и одевать детей, приучать их к труду и воспитывать в уважении к старшим и «в страхе Божиим»⁶. Преследуя в процессе воспитания своих детей личные и групповые (семейные) цели, родители удовлетворяли здесь и общественный интерес в воспроизводстве сельского населения – субъекта хозяйственной деятельности, общественной и познавательной активности. Поэтому невозможность передачи детям полноценного хозяйства или неудача в деле воспитания детей воспринимались как трагедия. «Живем не жители, а умрем – не родители», – говорили в подобных случаях⁷.

Руководящая роль отца в воспитании обуславливалась, прежде всего, высоким авторитетом умелого работника, заступника семьи перед посторонними, уважаемого члена сельского общества. У него обычно не было необходимости в наказании детей как воспитательном

¹ НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 32–33.

² Загоскин М. В. Ответы на программу РГО... С. 38.

³ Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 29.

⁴ См., например: Загоскин М. В. Ответы на программу РГО... С. 43–44; Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 15.

⁵ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 2. С. 163.

⁶ НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 18–19; Загоскин М. В. Ответы на программу РГО... С. 154; Попов Т. Слобода Такмыцкая // ТобГВ. 1866. 12–19 февр.

⁷ РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 739. Л. 2.

средстве – они были постоянно «на глазах» и любое указание выполняли беспрекословно. В большинстве семей воспитание проходило в атмосфере заботливого, ласкового отношения к детям. Не видя привычных им «специально-воспитательных» сцен, не очень внимательные наблюдатели приходили даже к ошибочному выводу о «полном небрежении к первоначальному воспитанию» со стороны родителей в сибирской деревне¹.

Авторитет отца был связан не только с решающей ролью в материальном обеспечении семьи, но и с тем, что домохозяин был основным собственником средств производства и имущества во многих дворах. Привилегированный статус по отношению к другим женщинам семьи имела жена домохозяина. Тут крылась возможность подмены авторитета авторитарностью, применением насилия, в частности, по отношению к младшим членам домохозяйства, и такая подмена в изучаемую эпоху часто имела место. «Старших не всегда уважали, но боялись и не возражали, так как находились от них в полной зависимости», – пишет о патриархических семьях в Забайкалье этнограф А. А. Лебедева². О том же свидетельствуют материалы Г. Д. Гребенщикова и А. В. Сафьяновой по Алтаю, другие исследования и источники³.

Большое значение имела воспитательная роль представителей самого старшего поколения в семье – **дедушек и бабушек**. Их сильное влияние на детей часто объяснялось душевной чуткостью, умением наладить психологический контакт. Они умели лучше других взрослых, подолгу «находясь в детской среде, не мешать ребятам, оставаться незамеченными, (“бытга их нету!..”)⁴. До самых зрелых лет молодые с наслаждением слушали и запоминали сказки и предания «о старине», которые мастера были рассказывать старики, а вместе с тем впитывали нравственный опыт и язык предков.

Можно выделить ряд **педагогических принципов**, которыми руководствовались крестьяне (часто по традиции, неосознанно), воспитывая детей в семье и семейном домохозяйстве.

Наиболее универсальным принципом народной педагогики, который выделяют многие исследователи, является *слабая расчлененность воспитания с другими сферами социализации и образа жизни* людей вообще. Воспитуемые не готовятся к предстоящей жизни с помощью специальных приемов и институтов в определенное время и в конкретном месте, а непосредственно включаются в жизнь семьи, фамильного гнезда, сообщества сверстников (возрастной «рощи»), деревенского конца, селения в целом. По существу, основная роль воспитателей заключается здесь в «определении, отыскании или получении возможности использовать ту или иную среду, нужную для тех или иных педагогических целей»⁵. Такой естественной средой с актуальными заботами и бывала ласковая атмосфера родительской семьи, игровое сообщество сверстников, трудовые будни крестьянского домохозяйства и артели, праздничная обстановка церковных и традиционных народных обрядов.

Наиболее умелые и чуткие из воспитателей в то же время находили возможность педагогически инструментировать воздействие естественной жизненной среды. Очень важно, например, было создать атмосферу радости, успешности, нужности труда всех членов семьи и двора: эта атмосфера становилась мощным подспорьем в трудовом воспитании. По воспоминаниям А. П. Кайгородовой, выросшей в начале XX столетия в с. Конево Каинского уезда Томской губернии, завершение весной очень трудоемкой работы по изготовлению холстов было большим праздником для детворы: «Наверно, потому, что видели, что сделано с нашим

¹ См., например: *Григоровский Н. П.* Крестьяне-старожилы Нарымского края // Зап. / ЗСОРГО. 1879. Кн. 1. С. 1–16.

² *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 162.

³ См.: НГПУ. Д. 1. Л. 21, 41, 95, 105; Д. 2. Л. 70–71; Д. 5. Л. 70; *Волосников В. К.* Отцовская наука была суровая... // Традиционная педагогика. С. 94–97; *Гребенщиков Г. Д.* Река Уба и убинские люди: лит.-этногр. очерк // Алтайский сборник. Барнаул, 1912. Т. 11. С. 24–25; *Сафьянова А. В.* Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 97; и др.

⁴ *Виноградов Г. С.* Детский фольклор и быт: программа наблюдений. Иркутск, 1925. С. 80.

⁵ *Виноградов Г. С.* Народная педагогика. С. 11.

немалым участием. Да и родители наш праздник старались поддержать: для всех к этому дню заранее готовились подарки – пряники, леденцы, а кое-кому и новый сарафан»¹.

Вторым очень важным принципом было сочетание педагогических усилий взрослых с самовоспитанием детей. Лишь в самом раннем возрасте происходило почти исключительно одностороннее влияние старших: ребенок выступал как объект воспитательного воздействия. На последующих этапах повышалась роль самостановления и самовоспитания личности юных участников хозяйственной, познавательной, общественной деятельности и общения, которые объективно выступали в данном случае как воспитательные формы жизненной активности. В целом оптимистически оценивая возможности воспитательного воздействия, крестьяне в то же время понимали, что многое зависит от встречной активности ребенка, саморазвития его способностей: «Глупому сыну отцовский живот (жизненный опыт. – В. З.) не в помощь».

Самовоспитанию благоприятствовали относительная самостоятельность детей при проведении досуга, их полная ответственность за порученные участки работы в старшем детском и подростковом возрасте. «Принцип детской самодеятельности в народной педагогике осуществлен едва ли не в максимальной мере», – констатировал Г. С. Виноградов². Он приводит слова своих земляков – крестьян Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии, так объяснявших свое нежелание давать детям много игрушек: «Сам может, дак я чо ему буду потакать: пушай сам делат... Я не была поташница: ну, подучишь, не боле што, каку куклу там, коня ли... бабку запречь»; «У кого много всего, тот балуется, ничего не хочет: хоть в ученье... хоть в игре... да хоть и где»³.

Необходимо выделить также принцип *максимального развития и использования потенциальных возможностей возраста ребенка* при воспитании. Осуществляя переход от одного этапа становления воли, характера, эмоциональной сферы ребенка к другому, обычно немного «опережали природу»: давали детям возможность приобщиться к таким делам и такой среде, к которым их уже сильно тянуло, но всерьез заниматься которыми было еще вроде бы рано. Скажем, привлечь к определенному виду труда нужно было, пока к нему был интерес как к «занятию старших», и уже в процессе этого труда завершать формирование всех необходимых для него качеств.

Осуществлять этот принцип в семейном трудовом воспитании было тем легче, чем более настоятельной являлась необходимость в раннем использовании труда детей ввиду недостатка рабочей силы в домохозяйстве. Во многих случаях все же не соблюдалась необходимая мера опережения возрастных возможностей, что приводило к психологическим и физическим травмам, другим негативным последствиям.

Для правильного воспитания чрезвычайно важным считалось участие в этом деле *обоих родителей*. В сельской семье существовала своеобразная психологическая взаимодополняемость воздействия матери и отца на детей. В ряде воспоминаний отец (в неразделенном дворе иногда домохозяин) описывается как человек суровый, заставляющий бояться детей; мать же – как добрая покровительница⁴. Такое распределение ролей позволяло эффективно реализовать известную заповедь народной педагогики: «Где строгость (или гнев, гроза. – В. З.), там и милость».

Имели место и определенные отличия воспитательной роли родителей на разных возрастных этапах социализации. В грудном и младшем детском возрасте и сыновей, и дочерей «досматривала» в основном мать, а приучение к хозяйственным работам в школьной и подростковой «поре» было дифференцировано: сын находился под влиянием отца, дочь – при матери.

Ранняя смерть одного из родителей тяжело отзывалась на семействе, в частности, и потому, что уходил человек, призванный приобщить детей к жизненно важному для них делу,

¹ НГПУ. Д. 5. Л. 108; *Кайгородова А. П.* Сделано с нашим немалым участием // Традиционная педагогика. С. 93.

² *Виноградов Г. С.* Народная педагогика. С. 11.

³ Там же. С. 12–13.

⁴ НГПУ. Д. 2. Л. 71; Д. 3. Л. 22–23; Д. 5. Л. 44–45; Д. 6. Л. 92–93, 102–103 и др. О том же применительно к городским «низам» см.: *Козьмин Н. Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 183.

сформировать у них определенные качества характера. Стремясь вступить во второй брак, вдовцы зачастую резонно объясняли этот шаг именно нуждами детского воспитания. Мужчины писали в прошениях: «Постигшее меня вдовство заставляет особенно внимательно отнестись к участи оставшихся после матери детей моих...»; «Овдовев ныне и не имея возможности обходиться без жены при пятерых детях и отце вдовце же, я вознамерился жениться...» и т. п.¹ В свою очередь, например, крестьянка с Сычевского Бийского уезда Томской губернии Наталья Дымова «и в замужество по 2-му браку выходила ради только воспитания трех малолетних детей от первого брака, на что согласился и обязался воспитать их до совершеннолетия» ее второй муж Яков Дымов².

С одной стороны, значение матери для воспитания как такового признавалось как бы первостепенным. В ходу были такие поговорки: «Кто остался без отца – полсироты, а без матери – полный сирота», «Отцовско благословенье до порогу, а материно – во всю дорогу». Однако, с другой стороны, чисто материнское воспитание «без отцовского глазу» признавалось неполноценным. Женихам, искавшим хорошую невесту, напоминали: «Не купи у попа корову, не бери у вдовы дочь (потому что обе избалованы. – В. З.)».

Одним из важнейших принципов народной педагогики было *опосредование влияния родителей на меньших детей старшими братьями и сестрами*. «Большаки» и «большухи» заботились о маленьких, защищали их от обид, передавали им свои игры, помогали изготовить игрушки и инвентарь, подавали пример и в поведении. Обладая в принципе правом наказания младших, старшие дети сравнительно редко пользовались им по-настоящему: не было нужды, да и родители, бывало, предостерегали («сами разберемся»)³. После смерти родителей именно «большаки» обязаны были полностью взять на себя призрение, прокормление и воспитание младших до обретения ими самостоятельности, а не вышедших замуж сестер призрывать и в зрелые годы в своем домохозяйстве.

Нельзя переоценить роль старших детей и в трудовом воспитании. Фактически именно они вводили меньших в «трудовую школу» родителей и были там лучшими учителями: братья у братьев, сестры у сестер. Имея таких помощников, родители осуществляли преимущественно общее руководство их воспитательной деятельностью «А чуть дети подрастут – сами друг друга поднимают», – это правило, сформулированное таким образом в Приангарье⁴, действовало повсеместно в сибирской деревне. Этнограф С. Ф. Гущина так описывала результаты своих наблюдений в детской среде Забайкалья: «Заметно, что младшие находятся в подчинении у средних, а те, в свою очередь, у старших. Тут, кажется, и производится передача знаний от одной группы в другую»⁵.

Указанный здесь воспитательный (и образовательный тоже) принцип можно было бы назвать «принципом шестидетной семьи». В разделе 3.2 настоящей монографии уже частично разъяснялся смысл традиционной формулы «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – весь сын». В данном случае она означает также, что не может быть полноценного воспитания в семье с одним и даже двумя детьми. Супруги должны родить не менее трех мальчиков и трех девочек, только таким образом обеспечивалось эффективное воспитание младших детей средними, а тех – старшими под общим контролем родителей и при участии прочих старших членов семьи. Три поколения детей одного пола при этом число не случайное. Возрастной интервал между ними в 6–8 лет как раз настолько велик, чтобы «возросший» ребенок мог опекать и воспитывать маленького, но в то же время настолько мал, что отсутствует психологический порог, неизбежно существующий между представителями разных поколений и затрудняющий взаимопонимание.

¹ ГААК. Ф. 184. Оп. 1. Д. 207. Л. 2; ГАТ. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2202. Л. 161, 195 и др.

² ГААК. Ф. 184. Оп. 1. Д. 207. Л. 2.

³ НГПУ. Д. 2. Л. 59.

⁴ Горелов В. А. Структура и численный состав семьи // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1. С. 98.

⁵ Гущина С. Ф. Краткий отчет... С. 173–174.

Отметим еще одно значимое требование семейного воспитания: *равное в материальном и эмоциональном плане отношение взрослых ко всем детям*. Героиня повести Валентина Распутина старуха Дарья Пинигина так передает смысл этого традиционного принципа: «В старину как говаривали... Мать, ежли она одного ребенка холит, а другого неволит, – худая мать»¹. В речи о детях, которые, несмотря на их различные личностные достоинства и разный «вес» в хозяйстве, для матери были одинаково дороги, слышались такие присловья: «Охо-хо! Об одном вздохну, всех жалко», «Какой перст ни укуси, тот и болит».

В реальной жизни и воспитательной практике данный принцип, как и любой другой, конечно, соблюдался далеко не всегда. В отличие от матери отец и другие старшие члены домохозяйства меньше заботились о равенстве младших. Мальчик как пожизненный член домохозяйства, наследник семейного имущества, будущая «земельная душа», часто получал преимущество перед девочкой. Дифференциацию вносили также состояние здоровья, качества характера детей и другие факторы.

Как и в предшествующий период, в эпоху капитализма у крестьян почти «не было воспитательных средств, отличных от отношений реальной жизни»². Такое положение имело и свой негативный аспект: не только светлые, но и темные стороны семейной и личной жизни взрослых «проходили перед глазами детей, не прикрытые почти ничем»³. Исследователь А. Д. Ермолаев, посетивший Приангарье в 1911 г., информирует: «Я не раз бывал свидетелем семейных разговоров за едою или после нее, темой которых служили иногда самые грязные подробности отношений между лицами, часто присутствовавшими тут же. Грубые, скабрзные шутки, замечания вставляются то и дело, все смеются, смеются и дети, которые находятся здесь же...»⁴. Неспособность или нежелание взрослых осознать в какой-то момент воспитательный аспект своих действий делали возможными такие «забавы», когда мужчины «ради смеха» учили малышей ругаться бранными словами, курить, пить вино.

«Протест женщин против подобных опытов не ведет ни к чему», – с горечью замечает М. В. Красножёнова, проводившая наблюдения в начале XX в. в центральной части Енисейской губернии⁵. Та же исследовательница выделила еще ряд недостатков воспитательной практики тамошних крестьян: 1) запугивание маленьких еще с люльки «букой», «бабаем», «медведем», «что более нервных детей делает боязливими, они боятся остаться дома одни, боятся темноты и т. д.»; 2) распространенность неоправданно частых и жестоких физических наказаний во многих семьях; 3) наоборот, в других семьях перерастание обычного мягкого и ласкового обращения в «баловство детей»: выполнение их капризов, отказ от дисциплинирования, что вело иной раз к появлению «маленьких тиранов, перед которыми пасуют старшие»⁶.

Источники по другим регионам Сибири и по более ранним периодам подтверждают, что эти и иные недостатки были явлением довольно распространенным. Священник Н. П. Григоровский в 1879 г. особенно акцентировал внимание на том, что крестьяне-старожилы Нарымского края слишком «нежат и балуют» ребят, стараются им угождать, потакают упрямству и своеволию особенно последних детей в семье⁷. Некоторые наблюдатели отмечали, что родители старались пресекать употребление детьми нецензурных выражений, однако сами часто «уснащивали крепкими словечками» свою речь в присутствии детей⁸. Это было пря-

¹ Распутин В. Г. Прощание с Матерой // Распутин В. Г. Повести. Новосибирск, 1988. С. 249.

² Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 121.

³ Козьмин Н. Н. Указ. соч. С. 183.

⁴ КККМ. О/ф. 7886. П. и. 209. Л. 70; Ермолаев А. Перед нами жизнь семьи, как ее понимает детвора // Традиционная педагогика. С. 84. См. также: КККМ. О/ф. 7886. П. и. 110. Л. 36.

⁵ КККМ. О/ф. 7886. П. и. 110. Л. 26; Красножёнова М. В. Ребенок в крестьянском быту. С. 52.

⁶ Там же.

⁷ Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края. С. 2–4, 15–16.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2703. Л. 15, 16; Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 58; Хромовских И. С. Из заметок собирателя // СЖС. 1925. № 3/4. С. 47–50; и др.

мым нарушением постепенно забывавшегося традиционного запрета на ругань в присутствии детей, зафиксированного ранее у русских и украинцев в Сибири¹. В качестве пугала для малолетков в разных местностях служили, наряду с «букарицей» и «бабаем», также обитающая в огороде «полудница», «шулюканы», «кикимора» и домовая-«суседка», будто бы живущий в подполье или под печкой, другая нечистая сила². Грозя ее приходом, старшие добивались послушания, но иногда оказывали негативное воздействие на неокрепшую психику детей.

Характерно, что среди страшилищ народной «воспитательной мифологии» находил место и православный «батюшка». Священнослужитель Т. Попов сетует в своих записках о быте слободы Такмыцкой Тарского округа Тобольской губернии в середине XIX в.: «На священника [маленький ребенок] смотрит как на пугало или страшилище, потому что родители еще в люльке успели застрашать его “попом”. Очень часто при входе в избу доводилось слышать: “Никишка! Замолчи, а то вот те батюшка-то перекрестит, а не то в сумку посадит”»³. Такое отношение к священнику могло причудливо сочетаться со стремлением нагнать на ребенка «страх Божий». Детям внушалось, что от Бога ни днем, ни ночью нигде не спрячешься: он все видит, слышит, знает и за все «провинки» и грехи, даже помысленные, обязательно последует страшное наказание свыше.

Результатом воспитательного воздействия со стороны семьи обычно бывало успешное перенимание детьми лучших качеств своих предков. «В роду свою удалась. Мать-то у нее была женщина сильно хорошая. И уважительная, и обходительная, и хозяйка, каких мало», – говорили, бывало, о соседке в деревне⁴. От старших родственников перенимались и недостатки. В селениях это замечали, и рождались такие пословицы: «Каков корень, таковы и отрастия», «Ворона сокола не принесет», «От худого семени не жди доброго племени». Крестьянам было известно, что индивидуальные качества ребенка тоже влияют на результаты социализации: «Один отец и мать, а дети разные», «От одной матки, да не равны детки».

Общественное окружение семьи не было безразличным к воспитательному процессу. Будучи связующим звеном между личностью крестьянина, семьей как малой контактной группой и большими социальными группами (класс-сословие, этнос, конфессиональная и региональная общности), **сельское и волостное общество** контролировали от имени последних и корректировали воспитание в семье, дополняли его. Однако у «мира» имелись и собственные специфические функции в деле воспитания молодежи. Очень мощным средством для этого было общественное мнение. Оно склонно было одобрять поведение, ориентированное на традиционные образцы: «Как наши старики жили». Эти образцы фиксировались в рассказах стариков о жизни «в досельные времена», в фольклоре, отыскивались в повседневной жизни деревни. В процессе общения «мир» давал оценку качеств личности всех своих членов, каждому их поступку. Приведем примеры таких оценок, записанных в начале века в Барабинской лесостепи: «Вот это дети: вот как ублажают стариков»; «Всё-то хлопчет да старается дядя Иван, мотри, как славно он свое хозяйство наладил! За етаким мужиком бабе не житье, а Масленица»; «У ей золоты руки: мотри, какой обиход в избе у ей»⁵. Старательная чистоплотная хозяйка слыла «чистоткой», «обиходкой». Стремясь отметить в женщине сильное материнское чувство и семейные добродетели, сравнивали ее с «серой утицей», величественную красоту и супружескую верность – с «лебедью белой»⁶. В то же время подвергались насмешкам лень, бестолковость, спесь, неопрятность, пристрастие к выпивке и прочие негативные нравственные качества. В деревне смеялись над теми родителями, которые оберегали своих детей от труда, и дети рвались к работе, чтобы не быть посмешищем в глазах своих сверстников, как вспоминал позже Т. С. Мальцев⁷.

¹ Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1930. Ч. 2. С. 29.

² ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 693. Л. 4; ИРЛИ. Разр. V. К. 87. П. 1. № 11. Л. 5; НАГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 37. Л. 89.

³ Попов Т. Слобода Такмыцкая. 12 февр.

⁴ Ростовцев И. Г. На краю света: записки очевидца. М., 1985. С. 125.

⁵ Молотилов А. Указ. соч. С. 117, 140–141, 180, 209, 215.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985. С. 9.

Непосредственное вмешательство выборных общинных институтов в дело семейного воспитания в Сибири в нормальных условиях не было распространенным явлением. Община не являлась здесь всеподчиняющим механизмом. Она признавала ведущую роль родителей и особую ответственность отца-домохозяина в деле воспитания. Описывая обычное право алтайских жителей, С. Л. Чудновский констатировал: «Мир редко вмешивается во внутренний строй семьи, признавая власть родителей над детьми безграничной. <...> Для мира вполне понятно право “поучать детей”, но вступаться за детей и идти наперекор “родительской власти” он не считает себя вправе»¹. И на Алтае, и в других местностях Сибири *непосредственное вмешательство сельского «мира»* происходило только в следующих ситуациях: 1) при явной неспособности домохозяина возглавлять воспитательный процесс и в целом жизнь двора (при беспробудном пьянстве, сильном мотовстве и т. п.) общество предоставляло семье возможность заменить его другим лицом; 2) в редких случаях прямой жалобы домохозяина миру о неповиновении выросших детей вопрос решался с учетом реальной ситуации, но чаще всего в пользу отца; 3) в случае таких изменений в людском составе домохозяйства, которые приводили к его полной неспособности осуществлять социализирующую функцию (смерть родителей, например), назначалась общественная опека.

О состоянии **института общественной опеки** следует сказать чуть подробнее. Попечительство над сиротами было старинной русской общинной традицией, но в изучаемое время при установлении ее сельские сходы должны были руководствоваться гражданским законодательством и указаниями начальства. Опека устанавливалась над малолетними сиротами и имуществом, оставшимся после умерших родителей, если в семье не было взрослых сыновей. В качестве опекуна назначался чаще всего кто-нибудь из родственников, а за их неимением – достаточно зажиточный односельчанин с хорошей репутацией, по его согласию. В идеальных представлениях сельчан попечитель обязан был «малолетних детей приобщать молитвам и страху Божию, а также и труду, заменять во всем умерших родителей», «пещись о здоровье малолетнего, стараться о его воспитании, вкоренять в его сердце страх Божий, беспредельную преданность Государю и повиновение», принимать все меры к охране духовных и материальных интересов опекаемых². Полагалось ежегодно давать обществу отчет о состоянии имущества и успехах воспитания, причем в случае нерадения к обязанностям опекуна мог быть заменен. Выросшие дети вводились во владение их имуществом с 18 лет, иногда позже – в 21–22 года, а из-под личностной опеки выходили с достижением официального совершеннолетия – в 21 год.

Опек учреждалось в селениях довольно много: в одной Тобольской губернии в 1897 г. их было оформлено 836³. В то же время внимательный анализ источников показывает, что контролируемое обществом индивидуальное попечение устанавливалось далеко не во всех необходимых случаях. Если имущества от родителей не оставалось, то желающий взять сирот под опеку объявлялся с большим трудом (в основном – из бездетных), и приходилось прокармливать «зауголышей» общими усилиями всей деревни, при первой возможности сдавать в батраки или в приют. Так, при сборе соответствующих сведений по Марковской волости Киренского уезда Иркутской губернии в 1916 г. в списке сирот, нуждающихся в помещении в приют, оказалось 17 человек. В их числе Елена Маркова (15 лет) «жила на попечении своих братьев... но последних призвали в ряды войск по мобилизации 1914 и 1915 года, и она осталась на произвол своей судьбы»; Мефодий Трифонов (12 лет) «вследствие отказа родственниками в помощи содержания, учение прекратил... и поступил в работники»; Анатолий и Марфа Булыкины (3 и 9 лет) «находятся в очень бедственном положении, и жизнь их очень печальная, так как никого из родственников у них не осталось, а из посторонних никто не

¹ Чудновский С. Л. Алтайская поземельная община. № 11. С. 185–186.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 37. Д. 287. Л. 105–106; НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 27; Чудновский С. Л. Очерки народного юридического быта... № 8. С. 185–186.

³ Статистический обзор Тобольской губ. за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 67.

желает принять их к себе на бесплатное воспитание, и они находятся на попечении всего деревенского общества – “прокорменыши”...» и т. д.¹

Итак, складывается противоречие, отмеченное еще М. В. Загоскиным в 1891 г. при описании быта с. Грановского Уриковской волости под Иркутском: «... сироту и безродного приютить считается долгом, но об общественном призрении нет ясных представлений, и во взаимных отношениях заметно больше эгоизма, чем альтруизма»². Н. А. Костров тоже указывал: правила об опеке крестьяне Томской губернии исполняют плохо, имущество сирот нередко проматывается, и в 1860–1870-х гг. были «нередки случаи, что находящиеся в опеке, достигнув совершеннолетнего возраста, являются настоящими нищими»³. О том же говорят массовые источники и результаты их разработки по Алтайскому горному округу за 1880-е гг., по Тобольской губернии за 1897 г. и др. Выводы же обследования сельского быта Восточной Сибири второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. звучат вовсе безрадостно: «Правильные опеки, с учетом и контролем опекуна со стороны общества, составляют редкие исключения...»⁴.

Сиротство объективно наносило непоправимый ущерб делу воспитания подрастающего крестьянина, и редкое сельское общество оказывалось способным возместить ущерб своим вмешательством на удовлетворительном уровне. В начале XX в. ситуация усугубилась: количество сирот в населении стало быстро нарастать в связи с гибелью отцов на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн, а также из-за высокой смертности переселенцев в пути и новоселов в первые годы на местах вселения. В официальных отчетах администрации по губерниям и областям Сибири, начиная примерно с 1905–1906 гг., речь идет о многих сотнях и тысячах только крестьянских сирот – детей воинов и переселенцев⁵. Деревенские общества даже при желании не могли бы их всех взять на воспитание и попечение, и стала складываться проблема детского беспризорничества.

Частично эту проблему призваны были решить устраиваемые государственными учреждениями и общественными фондами детские сиротские приюты, но их было очень мало. Официально на 1 января 1914 г. в пределах Сибири было учтено 30 «заведений закрытого призрения детей» в том числе 4 – в сельской местности. В них воспитывалось и обучалось 1329 человек, в том числе деревенских ребят всего 521, из них более 2/3 – в возрасте от 2 до 12, остальные – 12–17 лет. Приведенные данные не имеют исчерпывающего характера, но реальные цифры не могли сильно отличаться от них. В 1914–1915 гг. было, кроме того, открыто или предполагалось открыть в 1916 г. еще 23 заведения, в том числе в селах, деревнях и переселенческих поселках – 20. Общее количество детей, на которых были рассчитаны эти новые приюты, достигало лишь 560 душ⁶.

Таким образом, приюты принимали только небольшую часть сирот. Стремясь «внести значительную экономию», власти постоянно акцентировали внимание заинтересованных организаций на необходимости организовать призрение преимущественно «путем отдачи сирот благонадежным семьям, которые согласятся за небольшую плату их принять и содержать в своей семье...»⁷. Конечно, здесь учитывался и тот факт, что только в крестьянском домохозяйстве и под контролем мира ребенок мог получить адекватное его будущим социальным ролям воспитание.

¹ ГАИО. Ф. 734. Оп. 1. Д. 28. Л. 11–14.

² Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (селение Грановское). Иркутск, 1891. С. 69.

³ Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 37–38.

⁴ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. С. 170. См. также: Статистический обзор Тобольской губ. за 1897 г. С. 67; Чудновский С. Л. Очерки народного юридического быта... № 8. С. 187.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 48. Л. 4; Д. 70. Л. 4; Д. 74. Л. 4; Д. 79. Л. 4; и др.

⁶ Подсчитано по: Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. Пг., 1916. С. 4, 10, 364–367. См. также: Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Пг., 1916. С. 51.

⁷ Доклад бюджетной комиссии Государственной думы общему собранию по смете Переселенческого управления на 1912 г. // Вопр. колонизации. 1912. № 11. С. 330.

Кроме охарактеризованных главных институтов и агентов воспитания (семья и домохозяйство, сельское общество), отметим еще некоторые, игравшие немаловажную роль. В-первых, это **духовные родители – купельные крестные**. Они пользовались обычно большим моральным влиянием на своих крестников, тем более, что зачастую одновременно являлись наиболее авторитетными кровными родственниками (например, дядьями и тетками). Согласно описанию И. Я. Неклепаева, в Сургутском крае крестные считались в некоторых отношениях даже важнее родных отца и матери: «И на том свете, по словам сургутян, за грехи детей спросят не родителей их, а крестных, и они должны будут дать ответ за тех, кого “произвели” в крещеную веру, причем за мальчика ответ будет держать крестный отец, а за девочку – крестная мать»¹.

В старообрядческой среде ключевую позицию при социализации детей зачастую занимал **духовный наставник** местной религиозной общины. Характеризуя эту фигуру, источники для исследования весьма противоречивы. В некоторых случаях акцентируется внимание на реакционности общественной и педагогической позиции уставщиков и начетчиков, на их ханжестве и лицемерии в деле социализации молодежи: «Учили своих детей у частных учителей и прививали им оспу, но строго, грозя проклятием, запрещали это делать другим»². Однако абсолютизировать такие односторонние характеристики нам представляется неправомерным.

С большим уважением описывают воспитательную и образовательную роль духовных наставников некоторые мемуаристы. Все же утвердиться в позиции наставников своих единоверцев и земляков наибольшие шансы имели люди наиболее авторитетные по уму и нравственности. Так, «староверческого» наставника деда Омельяна в зауральской д. Мальцевой «чтили не как пустопорожнего человека, стоящего между Богом и людьми, а как справедливого, рассудительного и отзывчивого на чужую беду человека: и пожурит, если оплошал в чем, и посоветует, с обществом поговорит, когда в том нужда являлась»³. Воспитательное воздействие на подрастающее поколение наставники осуществляли, главным образом, через старших членов семьи, консультируя в трудных педагогических случаях и задавая общие установки целей и смысла воспитания, регламентируя его средства в соответствии с текстами Священного Писания и «заветами святых отцов», с национальной, местной, конфессиональной традицией, а также с жизненным опытом и здравым смыслом.

Во второй половине XIX – начале XX в. к делу воспитания новых поколений сельских жителей начинают активно подключаться **сельские начальные школы**. Если в «домовых» школах учителя (зачастую они сами были местными жителями) реализовали педагогические установки, задаваемые родителями, то официальные училища были призваны осуществлять программу воспитания, формулируемую вне крестьянской среды представителями правящей элиты и ведомственными чиновниками. Далеко не все в этих программах устраивало крестьянство в целом, его отдельные категории, и это было одной из главных причин настороженного отношения к официальным школам. В то же время сельчане одобряли усилия школы, направленные на формирование некоторых общекультурных поведенческих навыков (соблюдение правил личной гигиены, аккуратность, порядок и бережливость в обращении со школьным имуществом, почтение по отношению к родителям и старшим и др.). В целом поддерживался и курс школы на нравственное воспитание детей посредством приобщения к христианским ценностям. Хотя уже в дооктябрьский период в крестьянскую среду проникло убеждение в необязательности Закона Божия как учебного предмета⁴, даже через несколько лет после революции решительное и полное изгнание религии из стен

¹ Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края. С. 84–85.

² Попова А. М. Семейские... С. 26–27. См. также: Полищук Н. С. Быт и культура семейских // Быт и искусство русского населения... 1975. Ч. 2. С. 102–103; и др.

³ Филоненко И. Е. Хлебопашец: документ. повесть. М., 1984. С. 15. См. также: Чукмалдин Н. М. Указ. соч. С. 17.

⁴ См., например: Сборник о земстве в Сибири: материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. С. 94.

школы воспринималось многими сибирскими крестьянами как падение привычных моральных устоев, как большой ущерб для нравственного воспитания, для «пробуждения в детях добрых чувств к людям»¹.

В начале XX столетия в сельской местности Сибири стали открываться **первые детские ясли**. Необходимость в их появлении определялась сокращением состава крестьянской семьи при одновременном усилении интенсивности сельскохозяйственного производства, ростом занятости женщин и подростков в хозяйстве, все большими масштабами продажи ими рабочей силы «на сторону», что затрудняло осуществление матерями и старшими детьми воспитательного процесса внутри семьи.

В июне 1902 г. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах открыло первые ясли в Минусинском уезде Енисейской губернии – в селах Абаканском, Курагинском и переселенческом поселке Карабеллыке. Они действовали как учреждения сезонные, летние. Судя по сообщениям сибирской прессы, в курагинских яслях дела обстояли «во всех отношениях очень хорошо». Об абаканских же известно, что в них первоначально призревало 24 ребенка из бедных семей, главным образом в возрасте от 2 до 4 лет. «Был почти единственный случай, что более состоятельный мужик принес своего ребенка, и он сейчас же стал у всех притчей во языцех», – пишет корреспондент «Восточного обозрения»². В дальнейшем, несмотря на усиление потребности во внесемейных формах призрения и воспитания сельских детей, заметного распространения детские ясли, сады, тиры и общие столовые в селениях Сибири не получили. Среди причин такого положения, наряду с бюрократизмом, неимением средств и кадров, можно назвать и непривычность для большинства крестьян таких учреждений.

Итак, развивавшийся капитализм вел не только к прогрессивной модернизации системы воспитания крестьянских детей через расширение круга агентов и институтов социализации, корректировку ее целей, задач и смысла, но также к дезорганизации ряда довольно эффективных ранее элементов традиционной системы. Выше мы отметили рост сиротского беспризорничества и складывание сезонной безнадзорности детей. Следует иметь в виду также деформацию, которую испытывало воспитание в результате социальной дифференциации деревни. Если в верхнем социальном слое появлялись экономические возможности для дополнения традиционного воспитания инновационным, для более сознательного выбора молодыми людьми будущей профессии и судьбы, то в нижнем слое воспитательные возможности предстают резко зауженными.

Во-первых, проявляется тенденция третирования детей из бедных семей сообществами сверстников. В конце XIX в. в Змеиногорском округе Томской губернии 15-летняя девочка говорила исследовательнице М. В. Швецово: «Мы на Успенье свою компанию богатых собираем, а бедных мы не принимаем – нам не нужно таких»³. Во-вторых, разорение домохозяйства подрывало материальные и «кадровые» возможности семейной социализации, в сущности, лишало ее смысла. «Про крестьянина, который отдал в наем свой надел, а сам, имея детей, пошел в работники, говорят, что он продал жизнь своих детей», – свидетельствует В. В. Берви-Флеровский, изучавший жизнь крестьян Кузнецкого округа Томской губернии в 1860-х гг.⁴

Дети, отданные с малых лет в батраки, частично или совсем выпадали из той традиционной системы социализации, что описана выше, но равноценной замены ей российский капитализм не создал. Крестьяне говорили о лишенных «родительской школы» подростках: «Уж если парнишка с малых лет пошел по чужим людям, то не жди, чтобы из него вышел настоящий крестьянин. Каждый работник норовит, как бы побольше поспать, полежать, да

¹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. Н. Я. Гушин. Новосибирск, 1983. С. 37.

² Корреспонденции // ВО. 1902. 28 июля; 13 сент. См. также: Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 136–137.

³ Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского окр. // Зап. / ЗСОРГО. 1899. Кн. 26. С. 65.

⁴ Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения. М., 1958. Т. 1. С. 117.

меньше работы сробить, а не то, так и стащить что-нибудь у хозяина. Редко поэтому выходят порядочные крестьяне из тех, что с малолетства живали в работниках»¹.

Впрочем, «редко» совсем не значит «никогда». Исследовательница Т. И. Березина справедливо усматривает и воспитательные плюсы в том, что «часть детей из бедных семей профессиональную подготовку получала в буржуазных производственных объединениях, которые были оснащены передовой по тому времени техникой и технологией земледелия, лучшими породами скота и т. д.»².

4.3. Образование крестьянских детей и подростков

Если воспитание ориентировано на формирование, развитие и тренировку эмоциональной и волевой сфер личностного и группового поведения, то образование направлено на *передачу и усвоение интеллектуальной информации, а также практических умений и навыков*. И. С. Кон вычленяет в структуре этого явления две составные части: «Образование... включает в себя целенаправленное, специализированное и более или менее формализованное по своим методам обучение и более широкое просвещение, процесс пропаганды и распространения культуры, предполагающий относительно самостоятельный и свободный отбор индивидом сообщаемой информации»³. Нам кажется целесообразным выделить еще третий аспект – *самообразование*, чтобы оттенить специфику активной деятельности в процессе образования не только носителей и трансляторов культуры, но также ее «открывателей» и «освоителей». Дети и подростки в любом обществе выступают не только объектами, но в той или иной степени и субъектами своего образования.

Интеллектуальные способности и знания человека, умение ими правильно распоряжаться были в чести у сельского сообществ Сибири, о чем свидетельствуют поговорки: «Дай Бог дитя, да дай и ума», «Счастье без ума – дырявая сума», «Знай больше, говори меньше» и др.⁴ В структуре этих знаний и способностей применительно к изучаемой среде и историческому периоду явно обнаруживается «базовый» массив – более или менее определенно очерченный круг информации, умений и навыков, которыми должен был обладать любой здоровый член сельского сообщества для нормальной жизни, любая социальная группа для своего повседневного функционирования. В ходе образования младшим обязательно нужно было овладеть этой первоначальной жизненной основой. **Объектом межпоколенной трансляции** при образовании были, во-первых, разнообразные знания, накопленные в общественном, групповом и индивидуальном сознании крестьян за годы хозяйствования, участия в общинной жизни и общественном движении, результаты наблюдений за природной и социальной средой, углубленного «умствования» над старинными книгами, общения с аборигенами, ссыльными и вольными переселенцами из многих мест. Во-вторых, передавались умения и навыки плодотворной деятельности во всех сферах образа жизни и, прежде всего, образцы экономической деятельности – земледелия и животноводства, промыслов, переработки и хранения продуктов, торговли ими.

Многие наблюдатели и исследователи-специалисты давали высокие оценки эмпирически-научного уровня знаний крестьян-сибиряков, их практических умений в области хозяйства, самоуправления, изобразительного искусства и т. д. Вот только несколько примеров из сферы народной агрономии. П. И. Соколов, обследовавший сельский быт в Мариинском округе Томской губернии в конце XIX в., пришел к выводу, что местные жители обладают «тонким практическим знанием физических (т. е. природных. – В. З.) условий» своей жизни⁵. Органи-

¹ Варначье семя // Сибирь. 1884. 5 февр. См. также: ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 489. Л. 32; МРКМ. Оп. 4. Д. 108/47. Л. 25–27; Особый вид рабства в Забайкалье // ВО. 1904. 20 мая.

² Березина Т. И. Трудовое воспитание в народной педагогике... С. 14.

³ Кон И. С. Ребенок и общество: (ист.-этногр. перспектива). С. 134.

⁴ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 344. Л. 2. Д. 345. Л. 3, 5, 13; РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁵ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1893. Вып. 19. С. 62.

заторы других обследований (С. Е. Филимонов, Н. Бутович и др.), будучи знакомы с основами научного почвоведения, оставили нам едва ли не восторженные оценки уровня «познания о почве отдельных хозяев-крестьян – познаний, накопленных долгим опытом и постоянным общением этих хозяев со своей землей»¹. Знаменитый агроном Т. С. Мальцев помнил, что крестьяне Южного Зауралья, предвосхищая более поздние выводы агрономической науки, объясняли падение плодородия старопахотной почвы неразумным вмешательством человека в природные процессы: земля «выпахалась» и требует отдыха от обработки².

Обобщая такие свидетельства и оценки, известный сибирский агроном и общественный деятель Н. Л. Скалозубов писал в 1912 г.: «Вековое общение народа с природою открыло ему знания, которые только позднее открываются уму, дисциплинированному наукой»³. Соглашаясь с этим, следует все же признать, что во второй половине XIX – начале XX в. крестьянство в целом не обладало таким методологическим и техническим инструментарием, который позволял бы сделать все результаты его познавательной активности отвечающими тогдашнему уровню развития «большой» науки и национальной культуры. Достижения опыта и научной мысли сочетались в селениях с громадными наслоениями вненаучных, а также антинаучных представлений.

Скалозубов отметил еще, что наиболее ценные результаты опытничества и «умствования» приобретаются «отдельными выдающимися наблюдателями, и только постепенно распространяются в массах, становясь достижением народа»⁴. В деревне всегда могли указать наиболее «толковых» жителей местности, аккумулировавших в своей памяти и применявших на практике обширные сведения из сокровищницы народных знаний в области агрономии, медицины и ветеринарии, метеорологии, метрологии, хронологии, педагогики, географии, исторического краеведения, теологии, фольклористики, этики и права. Были известны и «знаткие люди» – знатоки магического, иррационального мира.

Эти специализированные, превышающие «базовую основу» знания и способности активно востребовались окружением. Скажем, при общественных переделах земельных и лесных угодий доверенными лицами на сходах избирались лучшие сельские «агрономы». Особые «раскладчики» (в больших селах Алтая – до 12 человек) для составления проектов раскладки повинностей между плательщиками выбирались из числа пожилых людей, хорошо знавших местные обычаи и состояние домохозяйства своих односельчан⁵. Краевед И. Шамаев рассказал об одном дружке в Тюкалинском уезде Тобольской губернии, который «отвел» уже сотню свадеб⁶. Дружка («вежливец») на русской свадьбе – это знаток и хранитель установленных искони вековых свадебных обычаев, порядков и обрядов. Он же считался «вражним» – знающим с нечистой силой и потому могущим уберечь от порчи участников церемонии и будущую супружескую жизнь.

Господство традиционных механизмов культуры и образа жизни в среде крестьянства означало, в частности, что «базовое» образование молодого поколения слабо выделялось в качестве самостоятельной сферы жизненной активности и старших, и младших. Подобно физическому развитию и воспитанию, такое образование в основном происходило как бы само собой — в процессе совместной общественно значимой деятельности и общения в разновозрастных первичных объединениях – в общине, семье, артели, возрастной группе и др.

¹ Там же. Вып. 17. С. 93. См. также: Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: материалы. СПб., 1898. Вып. 11. С. 2, 34–35; *Петропавловский Н. Е.* По Ишиму и Тоболу: (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. / ЗСОРГО. 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 8–9; и др.

² *Мальцев Т. С.* Указ. соч. С. 196.

³ *Скалозубов Н. Л.* Организация общественных сил в целях изучения Сибири. СПб., 1912. С. 19.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ *Голубев П. А.* Платежи и повинности // Алтай: ист.-статист. сб. по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного окр. Томск, 1890. С. 151; *Зобнин Н. М.* Салаирская горнозаводская вол. // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 158.

⁶ *Шамаев И.* Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // ЕТГМ. 1902. Вып. 13. 2-й отд. С. 29.

Важнейшим институтом образования являлась семья, старшее поколение которой было непосредственно заинтересовано в том, чтобы передать свои познания и навыки младшим. Интересно, что известные нам записи норм обычного права сибиряков совсем не упоминают обязанность родителей и опекунов давать детям «профессиональную» подготовку (учить их земледелию, ремеслу) и вообще какое-либо образование. Очевидно, это считалось само собой разумеющимся делом.

Приобщение ребенка к вековому опыту крестьянствования, знакомство с кладезью народных знаний начиналось в раннем детстве. Уже в колыбельных песнях и детских потешках сибирские «пестуны» знакомили «дитю» с тем, что делается в доме и во дворе, что окружает человека в природе. В ходу были сюжеты о распределении обязанностей между членами семьи в соответствии с их полом и физическими возможностями, о проделках разных животных и т. д.¹ Однако в грудном возрасте упор делался не на вербальную слуховую и зрительную информацию, а на тактильную (осязательную). Многочисленные похлопывания, пощипывания малыша, столь свойственные каждой матери, фактически были не просто проявлением нежности, а запрограммированным природой необходимым процессом настойчивого и осторожного пробуждения мозга. Манипуляции с пальцами младенца в некоторых пестушках развивали его речь. В народной педагогике до этого дошли стихийно-эмпирически, и развитие подвижности, чувствительности пальцев было предметом специальной заботы хороших родителей².

В детском и подростковом возрасте просвещение молодого сельчанина главным образом происходило в ходе совместного семейного труда и при разговорах членов домохозяйства между собой и с соседями. «Еще мальчиком, почти ребенком, он (крестьянин. – В. З.) слышит, почему на одном участке родилось хорошо, на другом плохо; почему в одном месте хорошо растет овес, а в другом рожь или пшеница; когда и как нужно пахать одну землю, когда и как – другую, и т. д.», – рассказывает один из участников обследований сельского быта³. В полевых дневниках этнографов и фольклористов часто упоминается, что тот или иной корреспондент «помнит много старинных песен, рассказов, примет, слышанных в детстве», «знания получила от матери... и из своего многолетнего опыта», «это всё от стариков слышал», или ему «отец рассказывал»⁴.

В получении и закреплении знаний была велика роль игр. Этнограф А. А. Макаренко поделился такими своими наблюдениями: «Дети-девочки в своих играх часто принимают на себя роль матерей и повторяют те же стереотипные объяснения, касающиеся появления “дети” (услышанные от матери: «Нашла под листом капусты», «вынула из-за пазухи» и др. – В. З.); свою “дитю” они пеленают и кормят, в точности подражая старшим. Так сперва шутя, в детских играх, потом в роли нянек, чисто опытным путем, девочки приобретают навык, необходимый для ухода за детьми, и усваивают в то же время понятия и предрассудки своей среды»⁵.

Многие сведения, необходимые для жизни, молодые получали в общении с посторонними для семьи лицами из старших поколений – соседями, гостями, проезжающими. Для получения новых впечатлений и информации молодежь охотно посещала те места скопления свежих для деревни людей, которых со временем становилось все больше, – ярмарки, мелкие промышленные предприятия, постоянные дворы и др. Знаменитая сказочница из Верхоленского края Н. О. Винокурова, по ее словам, перенимала фольклор «отовсюду: где от кого услышит», но главным образом у «знающих людей» из местных жителей и проезжих, а также в

¹ Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С. 71–74.

² Волков Г. Н. Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. С. 127.

³ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1898. Вып. 22. С. III–IV.

⁴ РГБ. К. 542. П. 38. № 8. Л. 34; П. 39. № 5. Л. 11–12; П. 78. № 6. Л. 4; Приходько П. Т. К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 112–113; и др.

⁵ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. // ЖС. 1897. Вып. 1. С. 97.

мещанской среде – в ранней молодости она жила в городе в прислугах¹. Среди сказочников Тункинской долины в Иркутской губернии выделялся С. Л. Истомин, который научился своему искусству на действительной службе в армии, там же перенял и немало сюжетов².

Вообще годы армейской службы, когда молодой сельчанин был вырван из гомогенной культурной среды и поставлен лицом к лицу с большим миром, были для многих временем активного пополнения и пересмотра своих знаний и представлений о мире. Наблюдатели констатировали, что «сотни людей, возвращаясь со службы, несут домой новые понятия, новые привычки», уже не хотят следовать старым порядкам в деревне и «быть в подчинении у своих старших братьев – мужиков»³.

Имело место самообучение в ходе **общения сверстников между собой**, хотя оно и играло вспомогательную роль. Делились знаниями и умениями, приобретенными в своей семье, у взрослого окружения. Девушки на вечерках и посиделках помогали друг другу совершенствовать навыки вязания, прядения, разучивали новые песни. По воспоминаниям А. С. Решиковой из с. Ермолаевки Каинского уезда Томской губернии, она училась вышивать у своей подружки⁴. А. Н. Михалёва вспоминает о компании своих приятелей: «Еще учились друг у друга молитвам. Кто какую знает, научился от родителей. <...> Попа мы боялись, ему исповедовали свои грехи. Вот и старались учить молитвы, чтобы не рассердить батюшку»⁵.

Можно сказать, что первый путь появления выдающихся носителей народного знания в деревнях – это как раз способность некоторых подростков реализовать свои природные интеллектуальные качества (любопытность, сообразительность, аналитичность ума и др.), дополнив их эмоциональными и волевыми усилиями, и в интенсивном общении со взрослыми и сверстниками, в раздумьях над увиденным и услышанным заполучить, закрепить и развить большие познания и способности. В Сибири бытовала любопытная поговорка: «Незнайка на печке лежит, а знайка вперед (или по дорожке. – В. З.) бежит», признающая плодотворность познавательной активности молодого человека⁶.

Все сказанное относится, прежде всего, к относительно стабильному населению, давно живущему в Сибири. Между тем особую проблему в колонизируемых районах составляло обустройство здесь переселенцев, предполагавшее сравнительно быстрое **овладение новоселами** теми знаниями, умениями и навыками, прежде всего экологическими и социальными, без которых нельзя было успешно вести хозяйство в новых условиях. Это овладение происходило двумя основными способами, которые часто дополняли друг друга: 1) накопление и осмысление знаний и опыта в процессе собственной деятельности на новых местах; 2) заимствование у ранее устроившихся переселенцев, у крестьян-старожилов. Известны даже многочисленные факты найма новоселов в хозяйства старожилов с целью ознакомления с особенностями местной экономики. Так, из 72 семей, заселивших в 1888–1893 гг. пос. Владимирский Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии, сразу же завело вполне самостоятельное хозяйство всего 12 семей. Остальные сначала работали по найму у окрестных старожилов. В их числе были и «некоторые такие, которые могли бы обойтись и собственными средствами, – шли к старожилам, чтобы присмотреться к местным хозяйственным приемам»⁷. Жители переселенческого пос. Самаринского Крутинской волости Тюкалинского округа Тобольской губернии, имея необходимые средства для более обширного посева, засеяли в первый год по прибытии «немного, только для опыта, а свободным вре-

¹ РГБ. К. 642. П. 1. № 11. Л. 37–39.

² Там же. К. 542. П. 39. № 5. Л. 24.

³ Загоскин М. В. Ответы на программу РГО... С. 2; Новосёлов А. Е. Умиравшая старина: (к материалу по этнографии алтайских старообрядцев) // Зап. / ЗСОРГО. Семипалат. подотд. 1915. Вып. 10. С. 7.

⁴ НГПУ. Д. 6. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 47; Михалёва А. Н. Указ. соч. С. 101.

⁶ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 345. Л. 14; Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 83.

⁷ Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1895. Т. 1, ч. 1 С. 5–6.

менем пользовались на заработках у старожилов, зарабатывая деньги и присматриваясь к сибирскому хозяйству»¹.

Однако и для культуры старожилов *общение с переселенцами не проходило бесследно*. Ознакомление с непривычными способами ведения хозяйства, орудиями труда, рассказы мигрантов о жизни на родине позволяли многим сибирякам по-новому взглянуть на собственные знания и опыт, скорее находить пути перехода к новым порядкам в тех районах, где такой переход в условиях развивавшегося капитализма стал необходимостью. Авторы военно-географического и статистического описания Омского военного округа в 1909 г. писали, что в ходе миграции «коренные сибиряки сознательно идут на сближение, заимствуя у новоселов более интенсивные способы ведения хозяйства и, в свою очередь, поучая их бороться с неизвестными условиями сибирского климата и вообще особой жизни»². Взаимовлияние культуры и образа жизни старожилов и переселенцев (в частности, взаимообразование, взаимопросвещение) облегчалось в том случае, когда новоселы приселялись в старожильческие селения или несколько семей «чалдонов» попадало в переселенческий поселок.

Наряду со спонтанным процессом просвещения и самообразованием молодежи, отчасти и взрослых, в деревнях происходило и намеренное, **целенаправленное воздействие обучающих** на обучаемых. Важнейшим механизмом обучающего воздействия, передачи специализированных «профессиональных» качеств тоже оставалась семья. Среди основного массива семей выделялись ячейки, обладавшие экстраординарной информацией и специфическими секретами. Передача их по наследству – еще один путь появления народных умельцев и знатоков.

В Сибири было известно большое количество потомственных мастеров того или иного дела. Во второй половине XIX – начале XX в. отмечены фамильные гнезда или семьи с несколькими поколениями хороших кузнецов в Салаирской волости Кузнецкого округа Томской губернии, в селениях под Томском – Федосеевке, Батурина, Спасском, Богашеве, в Абаканской и Новоселовской волостях Минусинского округа Енисейской губернии и других местах³. В с. Есаулове Красноярского округа Енисейской губернии жители долго помнили большую семью резчиков по дереву Поповых (уличное прозвище у них было соответствующее – Рещиковы), «которые оставили следы своей работы во многих церквях Красноярского округа и даже в городе Красноярске»⁴. В обширных местностях славились потомственные «былинники», сказочники, знахари и лекари, гадатели и т. д.

Существуют многочисленные свидетельства того, что старшие в семье не просто заставляли ребят участвовать в труде, а зачастую прямо обучали их производственным операциям. Вот как в начале XX в. учились косить А. В. Трифонова и ее младший брат в с. Хаихта Нижнеудинского уезда Иркутской губернии: «Отец идет впереди, за ним я, за мной братишка... Стараемся и мы с братишкой косить, как отец, но косы наши плохо слушаются... Смотрит на нас отец и смеется: “Горе мое, а не косари”, – и начинает показывать, как держать косы, как плавно к земле двигаться. День-два, постепенно науку косьбы мы осваиваем, только силенок мало, устаем быстро...»⁵. В других воспоминаниях читаем: «Отец даст указание, а мы делаем. Братья помогали, рассказывали и показывали, как делать»; «Лет с 7 я уже помощник – стерегли скот и т. д. Что делал старший брат, смотрел и делал так же. Отец тоже рассказывал и показывал...»; «Мать показывала, как правильно мыть пол: должны промывать каждую щель, вымыть плинтуса. Как правильно держать косарь (нож для скобления пола и лавок. – В. З.), чтобы на плахе не осталось полос... При побелке учила, как правильно держать кисть, водить ею по стене, правильно обмакнуть ее в известь»⁶.

¹ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. Тобольск, 1898. Вып. 1. С. 290.

² РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 1. Л. 175.

³ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 637. Л. 54; Корреспонденции // ТГВ. 1882. 8 июля; Мисюрев А. А. Сибирские сказки, предания, легенды. Новосибирск, 1959. С. 99, 213.

⁴ ККМ. О/ф. 7886. П. и. 107. Л. 5.

⁵ ГАНИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 528. Л. 7.

⁶ НГПУ. Д. 2. Л. 54–55; Д. 6. Л. 33–34.

Никто не мог заменить собой старших членов семьи, особенно родителей, в деле обучения «сарыни». Поэтому в своих причитаниях по умершим родителям дети на Верхней Лене повторяли: «Как-то мы будем работочку работать, кто-то нам ее покажет, что-то нам расскажет? Ничо-то мы не знаем, ничо-то мы не умем. Кто-то нас наставит, кто-то нас научит?»¹. М. Н. Леликова, жительница Каратузской волости Минусинского уезда сетовала позже, что не научилась в детстве ни прясть, ни ткать, так как мать у нее рано умерла, и учить было некому².

На старших в семье по нормам церковного права, а также по государственным законам России возлагались обязанности крестить детей в церкви своего вероисповедания, а по достижении 7-летнего возраста приводить туда же на исповедь и причащение, обучать основам христианского вероучения и молитвам³. Но сибирские церковники были единодушны в своем недовольстве паствой на этот счет. В ее среде «понятия об истинной вере сбивчивы и смутны», «мало найдется таких людей, которые могли бы дать правильный ответ на вопрос о вере, надежде и уповании»⁴, а потому и детям старшие мало что могли передать. Правда, в старообрядческих семьях на эту сторону обучения подрастающего поколения обращали значительно большее внимание. «С 2–3 лет детей приучают творить на себе крестное знамение, причем обращают внимание, чтобы крест клали твердо. Лет с 4-х детей учат молитвам – Иисусовой, молитве Господней, Богородице и др.», – свидетельствует Б. Г. Герасимов относительно бухтарминцев⁵.

При целенаправленном обучении в семье, неразрывно связанном с воспитанием и физическим развитием, реализовались в основном те же педагогические принципы, что были названы в предыдущем параграфе. Кроме того, можно выделить *еще несколько принципов*, действовавших преимущественно в данной сфере социализации.

Во-первых, это сочетание взаимодополняемости педагогического воздействия отца и матери, отмеченной выше, с известной *половозрастной специализацией* в деле обучения «мужским» и «женским» работам и при передаче соответствующей специфической информации.

В раннем детстве все «челяденки» находились на попечении матери (бабушки и старшие сестры выступали в качестве ее помощниц), отцу же «по его хозяйственным делам мало приходится быть дома при детях»⁶. Мать старалась опекать детей и в последующее время, но все-таки с 7–8 лет мальчики поступали в «хозяйственную школу» отца. В деле же семейного обучения дочери существовала некоторая автономия матери. В Енисейской губернии в 1912 г. записана поговорка: «Сказала папаше: дело не Ваше, мамаша придет – все дела разберет»⁷. Конечно, частыми были случаи, когда старшим в семье дочерям приходилось выполнять «мальчишечьи» работы, а мальчикам, за неимением дочерей в семье, исполнять их хозяйственные обязанности. Тогда мать и отец выступали наставниками в «своей» сфере хозяйства, независимо от пола ребенка.

Знания и навыки, необходимые для овладения важнейшими производственными процессами, детям передавали главным образом родители, обычно через посредство старших братьев и сестер. Представители же «третьего поколения» – бабушки и деды, мало участвуя в хозяйственных делах, помнили: «Надо еще кой-чего знать, чтобы вести дом и хозяйство»⁸. От них перенимали дети элементы крестьянской философии, медицины, этики, эстетики, народной теологии и демонологии – тех отраслей мировоззренческого действительного и мнимого знания, которые были в значительной мере автономны от производства. «Космогония интересует

¹ Азадовский М. К. Ленские причитания. Чита, 1922. С. 53.

² ГИМ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.

³ Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 232–233.

⁴ НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 18; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 32; Д. 1837. Л. 67–69; Д. 2640. Л. 23; Мисюрев А. А. Сибирские сказки, предания, легенды. С. 133–134; Обручев В. А. В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем, 1888–1855. Иркутск, 1958. С. 196.

⁵ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 57–58.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1835. Л. 17.

⁷ ИРЛИ. Разр. V. К. 78. П. 7. № 640. Л. 18.

⁸ Виноградов Г. С. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сиб. архив. 1915. № 3. С. 114.

больше стариков. Молодежь только повторяет философию старых, позволяя себе иногда усумниться в непогрешимости прадедовской точки зрения», – писал священник Б. Г. Герасимов, наблюдавший быт крестьян Южного Алтая в начале XX в.¹

Другой важный в народной педагогике принцип требовал *возрастной иерархии, трансляции знаний от старших к младшим*, но не наоборот. Этот принцип был действителен для всех случаев обучения, но особенно его требовалось соблюдать лекарям-знахарям и колдунам. Считалось, что вообще пользы «не будет от наговора, коему научишь [человека] старше себя»². В некоторых же местах думали: если младший возрастом передает содержание наговора старшему, то первому из них помогать эти слова уже не будут, а старший способности его переймет. Имелись и дополнительные требования к передающим: врачевные и оккультные знания молодым ученикам: не передавать их людям «ззорным» – известным своими дурными намерениями и поведением; количество учеников не должно превышать девяти и т. п.³

Знахарь как народный лекарь и полезный человек довольно легко находил себе учеников, чаще всего среди своих потомков по прямой линии. Колдунам же, по народному представлению, было труднее. Им приходилось прибегать в таких случаях к некоторому насилию, и в случае неудачи, не сумев передать кому-нибудь из молодых свои познания, они умирали в тяжелой агонии (считалось, что несколько суток за их душу боролись ангелы и дьявол)⁴.

Одним из важнейших требований в деле передачи хозяйственного опыта была *познательность этого процесса* при учете возрастных особенностей, умственных и физических возможностей детей. Крестьяне старались не слишком форсировать процесс («Вырастут детки, доспеют и сметки»⁵), но в то же время и не задерживать его искусственно: «Чему смолоду не научишься, того и под старость не будешь знать»⁶. Приобщение младших членов семьи к тем или иным работам происходило по достижении «поры» – определенного возраста, когда можно было рассчитывать на их интерес к делу и способность его осваивать под руководством и с помощью взрослых. Например, на Алтае самых способных девочек матери начинали обучать прядению, а затем и ткачеству уже с 4–5 лет, а менее понятливые подключались в 8–9 лет⁷.

Народная педагогика, таким образом, интуитивно ориентировалась не на вчерашний, а на сегодняшний и завтрашний день становления ума и личности в целом. Обучение в его лучших образцах вызывало к жизни те функции интеллекта, воли и характера, которые лежали в «зоне ближайшего развития» человека.

Если какие-либо познания, умения и навыки, необходимые в крестьянском быту, нельзя было передать и приобрести в рамках семейного домохозяйства, считалась допустимой *передача детей на обучение посторонним лицам*. Впрочем, в Сибири это не было массовым явлением. В 1891 г. М. В. Загоскин отмечал в своих материалах об обычном праве крестьян Иркутской губернии: «В обучение детей отдают очень редко и условия отдачи не выработаны»⁸. Со временем при капитализме необходимость в институте ученичества у мастеров усиливалась. Желание хлебопашцев хотя бы обеспечить семью, а по возможности – иметь приработок в условиях развития рынка заставляло искать возможность учить детей «рукоделу»: «Кто не учит детей ремеслу, тот учит их воровству»⁹. Как показала историк Г. А. Боча-

¹ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 77.

² Макаренко А. А. Материалы по народной медицине... Вып. 3/4. С. 382. См. также: Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилородного населения Сибири // ЖС. 1915. Вып. 14. С. 389; Шперк Ф. Ф. Верхоленский окр. Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 205.

³ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 299. Л. 31; Арефьев В. С. Материалы по этнографии... С. 132; Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток, 1904. С. 30; и др.

⁴ Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков. С. 30–31.

⁵ Урал в его живом слове. С. 131.

⁶ ИРЛИ. Разр. V. К. 78. П. 4. № 640. Л. 21; Виноградов Г. С. Народная педагогика. С. 13; Ивановский В. Указ. соч. Вып. 15. С. 20; и др.

⁷ Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи... С. 100.

⁸ Загоскин М. В. Ответы на программу РГО... С. 84.

⁹ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 637. Л. 231.

нова, обучение подростков у мастеров и в начинающих возникать специальных учебных ремесленных мастерских в небольших масштабах практиковалось в начале XX столетия в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности Сибири¹.

Рост потребности в грамоте привел к развитию в деревне системы частного обучения детей и на этой базе – к созданию института «домовых» школ, а затем – к ускоренному становлению сети официальных общеобразовательных начальных училищ. Образование детей «на стороне» – еще один, третий путь появления в некоторых селениях людей с необычными для данной местности, данной категории населения знаниями, умениями и жизненными установками.

Оговоримся, что отношение русских крестьян Сибири к упомянутой *проблеме обучения детей грамоте* требует особого рассмотрения. В некоторых источниках отразилось настроенное, если не враждебное отношение определенной части сельских жителей к перспективе распространения гражданской грамоты в деревнях. Мемуарист И. Г. Ростовцев приводит типичные рассуждения некоторых своих односельчан в начале XX в.: «Подалась теперь всем эта грамота. А для чего она нам, мне так и невдомек. Для чего мне, к примеру, грамота за сохой ходить али сено косить? Что у меня от этой грамоты, силы прибудет? Паши, жни, молоти. Не посеешь – и кусать нечего будет. Это и без грамоты ясно»².

Особенно слабо прививалось осознание пользы обучения грамоте девочек. «Для чего девкам учиться? Парень хоть на службу пойдет, а девкам только письма женихам писать»; «Прижмись к прялке и сиди, прясть можно и неграмотной. Вон [брат] Федя еще распишется где, а тебе не нужно», – такие взгляды были преобладающими в крестьянской среде даже к концу изучаемой эпохи³.

На состояние культурных потребностей отрицательно влияла в деревне традиция не учить детей гражданской грамоте, сформировавшаяся в предшествующий период и являвшаяся надстроечным фактором, неизбежным в условиях существования пережитков натурального хозяйства, патриархальности во всех сферах образа жизни. «Наши отцы неучены были – лучше нас жили», «Не надо нам этого (грамотности. – В. З.), жили мы и без школы, да целы были», – так объясняли крестьяне-сибиряки свою приверженность устаревшей традиции⁴.

В основе отказа части крестьянства от обучения детей грамоте лежала также невозможность обойтись в хозяйстве без систематического использования детского труда. Вот как рассуждали, например, жители д. Кульчек Комской волости Минусинского уезда в начале XX в.: «... как ни мал парнишка, а в семье он уж все-таки подмога. Осенью, когда начинается ученье, он еще может ходить подпаском на заимке, зимой управляться со скотом, подсоблять на гумне. Ну а весной, известно, ребята боронят. Как ни прикидывай, а такой клоп заменяет в хозяйстве взрослого человека, особенно у малосемейных, и отрывать его на три года от дома нет никакого расчета. А о девчонках и говорить не приходится. Без них матерям как без рук. <...> Разве тут до ученья»⁵. Очевидцы отмечали, что труднее всего прививалось осознание необходимости учить детей в школе в тех районах, где были развиты обрабатывающие и добывающие промыслы, требующие именно зимой, в учебное время, большого количества рабочей силы подростков⁶.

Мотивировки крестьянами своего отношения к просвещению показывают, что развитие потребности в нем шло в тесной взаимосвязи с эволюцией общего уровня самосознания. Одна из

¹ Бочанова Г. А. Возникновение и деятельность ремесленных учебно-показательных мастерских в Сибири начала XX в. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 92–115.

² Ростовцев И. Г. Указ. соч. С. 86–87.

³ НГПУ. Д. 6. Л. 76, 93–94; Глухих Ф. С. Из неведомого мира // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и обучении детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1995. С. 72–73; Трифонова А. В. Как я стала учительницей // Красен человек ученьем. С. 75; и др.

⁴ ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

⁵ Ростовцев И. Г. Указ. соч. С. 78.

⁶ ГАТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 400. Л. 40; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1888. Вып. 1. С. 323; 1889. Вып. 4. С. 143; Материалы... Иркутской и Енисейский губерний. Т. 2, вып. 2. С. 214.

распространенных в Сибири формулировок: дети, выучившись, «отстанут от сельских работ, перестанут уважать родителей», и потому их вряд ли стоит учить¹. Например, Т. С. Мальцев вспоминает, что отец не хотел учить его грамоте, не пускал в школу: «Неграмотный мужик крепче держится за соху»². Мнение, согласно которому «грамотей – не пахарь», имело реальные основания: различные источники отмечают, что получившие более или менее сносное образование подростки редко возвращались к сельскохозяйственному труду. Они могли занять должности сначала «подписаренков», потом писарей в сельских и волостных правлениях, другие мелкие канцелярские должности, при возможности продолжали обучение в городах, перебирались туда на службу и т. д. Иные родители приветствовали такой поворот в судьбе потомков, но большинство стремилось избежать его³.

Охарактеризованное выше негативное или индифферентное отношение части сельского населения к обучению детей грамоте нельзя считать безраздельно господствовавшим элементом общественного сознания крестьянства. Советские историки установили, что даже в XVII – первой половине XIX в. овладение такими культурными навыками, как умение читать (в первую очередь вероучительные и богослужебные книги), писать и считать являлось насущной потребностью относительно широкого слоя русского крестьянства Сибири⁴. Эпоха капитализма была временем, когда потребность крестьян в обучении детей продолжала развиваться, захватывая все более обширный круг сельских жителей.

Уже в начальный период изучаемой эпохи, по убеждению томского губернатора, грамотность «вообще пользуется в народе почетным доверием. Большинство сельского населения вполне чувствует, что надо учиться, что учение необходимо в жизни и для жизни»⁵. Многие наблюдатели сходятся на том, что стремление крестьян учить детей в это и последующее время вытекало преимущественно из утилитарных нужд экономической жизни, общественного самоуправления, богослужебной практики в селениях, из возможности получить для сына льготы при отбывании воинской службы и т. д.⁶ Предусматривалось формирование практических навыков чтения печатных и рукописных текстов, обучение «чистому» гражданскому письму, устному счету и «хождению на счетах», основам христианского вероучения и богослужения, основам священной истории. Соответствующая совокупность навыков и знаний постепенно внедрялась в «базовый» массив, подлежащий усвоению молодежью в процессе образования, а затем в этом массиве начала передвигаться от периферии к центральному ядру. По мере возрастания роли факторов, усиливавших стремление к полноценному образованию, само представление о смысле грамотности существенно углублялось. Показателем этого можно считать зафиксированное в источниках мнение части крестьян, что грамотность и чтение книг благоприятно влияют на нравственный облик молодежи, помогают направить ее «на добрый путь», имеют религиозно-просветительное значение⁷. Грамотность, основанное на ней приобретение новых личностных качеств можно рассматривать в таком случае уже как средства совершенствования человеческой личности и межличностных, а также общественных отношений.

Издавна в русской, в том числе и сибирской деревне сложилась практика **индивидуального обучения детей грамоте** в домашних условиях — мало-мальски грамотными родите-

¹ ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

² *Мальцев Т. С.* Указ. соч. С. 6.

³ ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; НГПУ. Д. 1. Л. 95; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 84. Л. 127; *Обручев В. А.* Указ. соч. С. 196–198; и др.

⁴ *Миненко Н. А.* Советские историки о грамотности русских крестьян Сибири в период феодализма // Изучение Сибири в советскую эпоху. Новосибирск, 1987. С. 105–116.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 50, 108.

⁶ ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–11; *Загоскин М. В.* Десять лет в сибирской деревне // Сибирский сборник. СПб., 1890. Вып. 1. С. 22; *Материалы для изучения... Западной Сибири.* Вып. 1. С. 322; *Материалы... Иркутской и Енисейской губерний.* Т. 4, вып. 2. С. 17, 32.

⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 294. Л. 13; *Вопросы народного образования среди старообрядцев.* М., 1909. С. 31; *Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее – Труды МКНСП).* СПб., 1904. Т. 56. С. 274–275; и др.

лями, другими родственниками или нанятыми учителями¹. Она продолжала существовать и в эпоху капитализма, составляя подготовительный этап в деле развития школьной системы.

По анкетным данным начала XX в., в том числе сибирским, подробно описано семейное обучение у крестьян-старообрядцев. Старшие учили младших, прежде всего, духовному чтению по Псалтыри, часослову и богослужебным книгам: с указкой, последовательно псалом за псалмом, канон за каноном, пока не достигалась беглость чтения. На дому учили детей в старообрядческих семьях как по причине «излюбленности» этого способа, так и из-за слабой доступности для «раскольников» официальных школ. Полученные навыки использовались при семейной и общинной молитве и в богослужении. Религиозные нужды призвано было удовлетворять и домашнее обучение духовному пению.

Что касается гражданской грамоты, то она в старообрядческой среде была известна хуже, и потому возраставшие потребности в ней «домашним» образом было удовлетворить затруднительно. В целом домашняя учеба имела несистематический и неглубокий характер, но для особо способных и любознательных детей всё же давала первоначальный толчок в деле самообразования. «Занятые личным трудом, заботами и хлопотами по домашнему хозяйству, родители, старшие в семье могли заниматься с детьми лишь урывками, между делом. Обучение растягивалось на слишком большой срок, время уходило, дети вырастали, и практическая жизнь преждевременно отвлекала их от книги и учения, заронив однако в них жажду учения и потребность религиозного и умственного просвещения», – отмечают авторы анкетного обследования образовательного дела у старообрядцев².

Среди православных крестьян Сибири обучение грамоте в семье было распространено слабее. В начале 1890-х гг. К. К. Кокоулин отметил только два известных ему случая на территории Киренского округа Иркутской губернии, но заметил при этом: «Прежде такие явления были чаще, особенно на Тунгуске среди монастырских крестьян»³. Во время поездки по епархии в 1905 г. архиепископ Томский и Барнаульский Иннокентий беседовал с крестьянкой, которая научилась читать «самоучкой», но детей своих, по ее словам, «сама научила читать, и молитвам их выучила, и слава Богу»⁴. «В семье грамоте, а именно азбуке, учил отец, буквы писал на стене углем», – вспоминает А. И. Никишков, живший в начале XX столетия в пос. Оренбургском Каинского уезда⁵.

Кроме семейного, у старообрядцев довольно широко практиковалось и обучение на дому у местных наставников – уставщиков и начетчиков, как индивидуальное, так и групповое – по 2–5 человек и более. Наставники «научали» детей «духовному чтению и пению, насколько сами знали и умели»⁶. Например, в середине XIX в. в большой деревне Кулаковой неподалеку от Тюмени детей учили два старых наставника – Скрыпа (А. Лазарев) и Якуня, а также начетчица – старая дева Аннушка⁷. Старообрядческим наставникам иногда отдавали детей для обучения и православные «никониане», в массе своей не склонные абсолютизировать и преувеличивать конфессиональные различия, а то и просто не разбиравшиеся в них.

Вне старообрядческой среды чаще практиковалось привлечение наиболее зажиточными крестьянами частных наемных учителей. Зачастую нанимали «грамотеев» из ссыльных, сильно нуждавшихся в заработке и соглашавшихся на небольшую плату. Иногда обязанность учить хозяйских детей оговаривалась как дополнительная при найме ссыльнопоселенцев на хозяйственные работы. Наем ссыльных с указанными целями в наибольшем масштабе отмечен в Восточной Сибири – основном районе ссылки в регионе⁸. В конце XIX – начале XX в.

¹ Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. С. 119–134.

² Вопросы народного образования среди старообрядцев. С. 67–68.

³ Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ. Иркутск, 1895. С. 56.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 36.

⁵ НГПУ. Д. 6. Л. 43.

⁶ Вопросы народного образования среди старообрядцев. С. 69.

⁷ Чукмалдин Н. М. Указ. соч. С. 18, 56.

⁸ ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–10, 20–26; Д. 3. Л. 7; Дело начального образования в Восточной Сибири // ВО. 1888. 21 февр.; Ш-в. Сибирский странствующий учитель // Сибирь. 1887. 7 июня; Шперк Ф. Ф. Верхоленский окр. ... С. 164; и др.

услугами частных учителей некоторые богатые сельчане пользовались в дополнение к школьному обучению своих детей из-за плохих успехов учеников в официальной школе или для дополнительной подготовки к поступлению в средние учебные заведения, на службу.

Поскольку спрос на образовательные услуги со временем быстро усиливался, а количество грамотных – потенциальных учителей – в селениях росло медленно, происходила своеобразная концентрация учебного дела. Немаловажным фактором здесь служила также «нехватность» большинства крестьянских дворов, не располагавших собственными грамотными членами и в то же время по бедности не могущих воспользоваться услугами наемного учителя в одиночку. Крестьяне кооперировались несколькими семьями и, совместно нанимая учителя, создавали так называемые «домовые», «домашние», или «вольные» школы. Учитывая существующий в деревне спрос, инициативу в образовании такой школы мог проявить и будущий учитель – местный причетник, писарь, ссыльнопоселенец, пришедший из армии грамотный односельчанин и др. В среде старообрядцев учителями домовых школ обычно становились уставщики, певчие, священники, начетчики и читалки. «Домовые» школы, возникшие на базе частного индивидуального и группового обучения детей грамоте, можно считать первым этапом собственно школьной системы образования в сибирской деревне.

Если индивидуальное обучение бывало зачастую бесплатным, то учителю «домовой» школы всегда платили «по уговору» – деньгами, мукой, мясом – кто чем мог. Учитель, как правило, столовался в семьях своих учеников. Занятия проходили обычно по очереди в избах у каждого из родителей, но иногда – в одном наиболее просторном родительском доме или в арендуемом помещении. Ребенок посещал домовую школу одну-две, редко три зимы. Занятия, как правило, начинались после окончания основных полевых работ с Покрова Богородицы или даже в ноябре (до снега в некоторых местностях ребята пасли скот на жнивах), а заканчивались на Пасху с началом весеннего хозяйственного цикла. Это устраивало учителей, иные из которых вели собственное хозяйство, и особенно родителей: в теплый сезон подростки нужны были для помощи в поле и огороде, для присмотра за малышами. Но бывали и исключения. «Иные состоятельные крестьяне учат детей целый год, не отвлекая их на полевые работы, и учитель остается на лето при одном, трех учениках, лишь бы прокормиться; у иных дети по малолетству пригодны к одной бороньбе и только на время прекращают ученье», – сообщал осведомленный наблюдатель из Восточной Сибири в 1887 г.¹

По наличию средств обучения и его качеству большинство домашних школ находилось на невысоком уровне. Программа занятий зависела в равной степени от пожеланий родителей и возможностей учителя. Учитель воспринимался крестьянами именно как нанятый работник, обязанный отдать нанимателям возможно больше своего труда. Кроме того, отданные в ученье дети не должны были празднично проводить время. Поэтому уроки шли не менее 6–7 часов в день с перерывами, а то и всю светлую часть суток по 10–12 часов. Исследователь В. Ю. Григорьев, обобщавший опыт работы домашних школ в Иркутской губернии 1880-х гг., так описывал содержание и порядок обучения в них: «Предметы проходятся один за другим. Чтению учат большею частью по старинке, знакомят детей сначала с буквами (бе, ве, ге), далее со складами и т. д. По арифметике главное внимание обращается на решение задач и усвоение механизма действий. Учение письму начинается с палочек и кончается прописями и списыванием с печатных книг. По Закону Божьему ученики заучивают употребительнейшие молитвы, иногда библейские рассказы из Ветхого Завета. Родители требуют, чтобы дети хорошо знали двенадцатые праздники»².

Обычно неграмотные сельчане не особенно вникали в методику преподавания, но известны случаи, когда и эта сторона учебного дела в домашней школе довольно жестко контролировалась родителями. Так, в 1883–1884 гг. в д. Большая Иня Минусинского округа Енисейской губернии, где работал хороший учитель из ссыльных, «10–12 детей сидели за тремя разными столами... за одним столом учились по славянской азбуке и часовнику, ибо так хо-

¹ Ш-в. Указ. соч.

² Григорьев В. Ю. О школах грамотности в Иркутском окр. // Изв. / ВСОРГО. 1888. Т. 20, № 5. С. 81.

тели их родители, иначе они учить не позволяли, за другим столом учились по методу Зотова, они прежде так учились у другого учителя, за третьим сидели учившиеся по звуковому методу Ушинского – этих учитель взял неграмотными, и как ни доказывал на их примере пользу звукового метода, не мог убедить почитателей кириллицы»¹. Учить детей чаще всего приходилось по случайным пособиям, купленным родителями подешевле во время поездок на ярмарки или в город на базар.

Результаты учения в «домовых» школах сильнее всего зависели от квалификации учителей. У малограмотных наставников (а таких было большинство) подростки едва разбирали печатный текст, могли «руку приложить» – расписаться в документе, записать что-нибудь «по домашности», написать двух- или трехзначное число². Иным селениям везло больше. «По отзывам близко стоящих к делу народного образования лиц, в некоторых домашних школах дело поставлено замечательно хорошо и ведется с большим умением...», – констатировал В. Ю. Григорьев³. Наиболее подготовленные учителя пользовались уважением у окружающего населения, их нарасхват звали во многие деревни, а после отъезда или смерти долго вспоминали добрым словом.

Часть домашних школ возникала для удовлетворения конфессиональных потребностей старообрядческой среды. «Обучение в этих школах поставлено на узкой почве начитанности в церковных книгах и творениях церковных писателей, и главною задачею их служит приготовление начетчиков и чтецов при общих молениях. Во многих таких школах даже не дается ознакомление с гражданскою азбукою, не говоря уже о других предметах начального обучения», – отмечала редакция «Восточного обозрения» в специальной передовой статье, посвященной обучению детей «раскольников»⁴. Кроме последних, свои домашние училища устраивали христиане-сектанты и иудео-христиане (субботники), при социализации подростков также делавшие упор на конфессиональную специфику.

В источниках можно найти только отрывочные сведения о количестве домашних школ в сельской местности Сибири. Приведем такие данные по округам (уездам) двух губерний – Иркутской и Томской. На рубеже 1880–1890-х гг. в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском округах Иркутской губернии было выявлено 107 домовых школ и примерно 1020 учеников в них, в Верхотенском округе – 40 частных школ⁵. В Киренском округе Иркутской губернии в период 1884–1894 гг. число известных лиц, занимавшихся домашним обучением детей, колебалось в диапазоне от 37 до 48, зимой 1893/94 г. у них училось 297 человек⁶. В 1895–1896 гг. в Мариинском округе Томской губернии было зарегистрировано 38 домовых школ, в Барнаульском округе – более 316⁷. В Бийском округе той же губернии на январь 1897 г., по официальным данным, приходилось на 71 крестьянское селение и 25 «иногородческих» 96 таких школ; в Каинском уезде в 1898 г. – 114, причем в них учились 1832 подростка⁸.

Следует сразу оговориться: точное количество домашних школ неизвестно, тем более оно не может быть прослежено в динамике по нескольким причинам. Во-первых, эти училища были неустойчивым образованием, быстро возникали и распадались. Во-вторых, сельчане часто скрывали их существование, опасаясь, что начальство запретит педагогическую деятельность ссыльному или старообрядческому «расколучителю», откроет в данной местности официальную школу, на содержание коей придется вносить дополнительные подати. Саму категорию «домовых» училищ в официальных кругах поэтому называли еще «тайными» школами – они нигде официально не регистрировались и не подчинялись никаким утвер-

¹ Грамотность и школы в Минусинском окр. // ВО. 1889. 19 февр.

² ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; МРКМ. Оп. 4. Д. 108/48. Л. 55; Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края... С. 10–11.

³ Григорьев В. Ю. О школах грамотности... С. 81.

⁴ Церковные школы и раскольники // ВО. 1899. 14 янв.

⁵ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2, вып. 2. С. 194–195; Т. 2, вып. 6. С. 31.

⁶ Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. ... С. 55.

⁷ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 3. Л. 62–77; Д. 7. Л. 494–509.

⁸ Там же. Д. 6. Л. 34; Ф. 3. Оп. 44. Д. 481. Л. 22–23.

жденным свыше «уставам», «положениям» и циркулярам. По имеющимся разным оценкам, количество домашних школ превышало число официальных училищ, в зависимости от местности и периода, от 1,5 до 6 раз¹.

Несомненно, что в период 1861 – середины 1880-х гг., когда официальных школ было еще очень мало, большинство грамотных крестьян-сибиряков получало грамоту именно в «домовых» школах. Со временем доля грамотных, выучившихся в домашних условиях, сокращалась. В ходе массового обследования крестьянского быта во второй половине 1880-х – середине 1890-х гг. были получены данные об удельном весе учеников вольных школ среди всех учащихся детей в приписном населении. Их доля оставалась высокой, равняясь в основной части Енисейской губернии (Минусинский, Ачинский, Канский, Красноярский округа) 37 %, в Иркутском, Нижнеудинском и Балаганском округах Иркутской губернии – 35 %, в Забайкалье – до 20 % и т. д.² Обнаружились еще целые волости без официальных училищ, где уровень грамотности жителей в результате долгой работы «домовых» школ оказался выше, чем в иных волостях с одной-двумя недавно открытыми официальными школами.

В 1894–1895 гг. К. К. Кокоулин проверил с помощью сплошной подворной переписи грамотность в 80 селениях Киренского округа Иркутской губернии, расположенных в разных естественно-исторических, экономических и культурных зонах. При этом выяснилось, что в среде собственно крестьян, «минуя разные звания и поселенцев», в возрасте старше 7 лет из общего числа грамотных (умевших хотя бы с трудом читать и писать) 784 человека, или 42,2 %, получили грамотность частным образом и в «домовых» школах, 850 (45,7 %) – в училищах МНП, а еще 224 человека (12,1 %) – в других учебных заведениях и на армейской службе³.

В конце XIX – начале XX в. в связи с успехами в развитии официальной просветительной сети относительное значение вольных школ в деле распространения грамотности заметно упало. Создав предпосылки для прогресса системы официальных училищ, «домовые» школы были потеснены последними, но все же сохранились как форма обучения и даже вряд ли сократили свое общее количество. Вплоть до октября 1917 г. официальная школьная сеть в сибирской деревне и по количественным, и по качественным показателям не могла удовлетворить потребности населения. Поэтому по-прежнему «домашним способом» вынуждены были учить детей грамоте те крестьяне, которые жили в удаленных от училищ селениях, получили отказ в приеме ребенка в школу «за недостатком места» и пр.

Однако жизнеспособность и даже известная **конкурентоспособность вольных школ** объясняется не только этим. Они имели, с точки зрения значительной части крестьян, следующий ряд преимуществ перед официальными училищами.

1. Наибольшая приспособленность к потребностям и особенностям крестьянского хозяйства, всего сельского образа жизни: подходящие сроки и программы обучения, возможность их варьирования, тесная связь с «родительской школой» – системой воспитания, физического развития и образования в семье.

2. Некоторые организационные преимущества. Домовые школы не могли быть территориально удалены от крестьянского двора, в них обучалось немного детей, в основном от 3 до 10⁴, и это облегчало учебный процесс. Сами родители могли подбирать «подходящего» учителя, не было повседневно-бюрократического и регламентирующего вмешательства чиновничества в школьные дела.

3. В условиях «разноверности» (поликонфессионального состава) населения представители немногочисленных конфессиональных групп предпочитали иметь свои домашние школы, чтобы не

¹ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1. С. 190–191; Кривенко С. Н. На распутье: (культурные скиты и культурные одиночки). 2-е изд. М., 1901. С. 165.

² Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 38; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 3. С. 398; Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2, вып. 2. С. 194; Т. 4, вып. 2. С. 29–31.

³ Подсчитано по: Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. ... С. 57–59.

⁴ ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 643. Л. 92; НГПУ. Д. 3. Л. 79; Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. ... С. 55; Ш-в. Указ. соч.; и др.

отправлять детей в официальные училища, особенно принадлежащие Ведомству православного исповедания, где насаждалась «казенная» религия («Худа грамота – душе пагуба»)¹.

4. Создание «домовых» школ позволяло сельчанам избежать больших расходов на обучение детей грамоте в тех случаях, когда официальная школа находилась в другом селении и родителям нужно было платить за наем здесь квартиры, за питание ученика и т. д. Расходы на содержание помещения и оплату труда учителя в «домовых» школах не были слишком высокими. Можно было не тратиться даже на новую одежду и обувь и учить школьников в «обуденной» одежде. Правда, денежные соображения отнюдь не всегда играли решающую роль: содержание «домовой» школы отнюдь не освобождало крестьян и от уплаты податей на официальные училища.

Важные исторические заслуги сельских вольных школ, длительная приверженность к ним крестьянства заставляют нас в целом присоединиться к выводу В. Ю. Григорьева, высказанному в специальном докладе в 1888 г.: «Явление это заключает в себе жизненное начало, ибо возникло оно и развилось без посторонней инициативы. <...> Частная инициатива, как это нередко бывает, и по этому вопросу оказалась впереди органов, специально ведающих народную грамотность»². В то же время не следует преуменьшать недостатки домовых школ, которые было трудно преодолеть в тогдашней политико-правовой и культурной обстановке.

Исследованные нами материалы показывают: для изучаемой эпохи характерно расширение общепризнанного в селениях круга «базовых» знаний, который нужно было усваивать в ходе образования новым поколениям. Требования крестьянства к объему и качеству грамотности росли, и это вызвало необходимость дополнения традиционной семейно-общинной системы обучения детей школьным каналом обучения. Большой заслугой крестьянства перед национальной и региональной культурой можно считать создание исключительно собственными силами системы «домовых» школ, что стало одной из важнейших предпосылок развития официальной образовательной и просветительной сети.

Официальные школы разной ведомственной принадлежности можно считать вторым этапом в развитии системы начального школьного образования в селениях Сибири, как и России в целом. В конце XIX – начале XX в. официальная училищная сеть по своему значению для образования сельских ребят выходит на передний план. Происходила переориентация все более значительной части населения с домашней школы, имевшей наряду с внешними препятствиями и определенный внутренний предел своего качественного совершенствования, на официальную – потенциально способную дать лучшее образование. «Жители не избегают училища и, раз оно открыто, считают необходимым обучать детей в нем, а не на дому», – такая позиция становится все более распространенной³.

Абсолютное и относительное количество детей, отдаваемых родителями на учебу в официальные школы, год от года росло, но в итоге всё же не достигло доминирующих величин. Наш подсчет по данным школьных переписей показывает: в 1894 г. в целом по Сибири доля учащихся среди детей школьного возраста равнялась 8 %, в том числе в сельской местности – 6,9 %. В 1911 г. общесибирский показатель составил 19,6, а в селениях – 16,5 %. В качестве «школьного» здесь учтен возраст у мальчиков 7–13 и девочек 7–11 лет включительно⁴.

Среднее и высшее образование вообще не получило заметного распространения в российской деревне дооктябрьской эпохи. Конечно, теоретически можно было, перейдя из начальной школы низшего типа в «высшую» начальную школу и успешно окончив ее, а потом еще дополнительно позанимавшись с учителем, поступить в специальное начальное учебное

¹ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 344. Л. 7.

² Григорьев В. Ю. О школах грамотности... С. 82–83.

³ РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 739. Л. 8.

⁴ Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 22, 54, 56; Отчет Медицинского департамента МВД за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 126–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 г. СПб., 1912. С. 66–67, 91–94. Рассчитано с учетом возрастной структуры населения, зафиксированной Всеобщей переписью населения 1897 г.

заведение (по современной терминологии – неполное среднее профессиональное): учительскую или духовную семинарию, фельдшерскую или фельдшерско-акушерскую, ветеринарную школу, училище сельскохозяйственного или промышленного профиля. Не было полностью закрыт и путь в среднее учебное заведение (гимназию, городское коммерческое или реальное училище и др.), а потом в университет. На практике же такую судьбу для своих детей крестьяне избирали редко по следующим причинам: 1) у большинства родителей на длительное обучение детей в отрыве от дома не было материальных средств; 2) мешало слабое развитие сети начальных училищ высшего типа в селениях, крайне малое количество специальных начальных, средних и высших учебных заведений в Сибири; 3) большинство крестьян-сибиряков стремилось сохранить связь своих потомков с сельским хозяйством, не допустить их ухода из деревни, разрыва с образом жизни предков.

Относительно лиц, учившихся в средних и высших учебных заведениях, приведем данные Всеобщей переписи населения 1897 г. (табл. 19). Подсчеты показывают, что в вузах к концу XIX в. прошло незаконченное или полное обучение всего несколько десятков сельских жителей Сибири, в средних учебных заведениях – 12,2 тыс. человек. Если же выделить «лиц сельского состояния» (в основном русских крестьян и казаков), то в их среде показатели оказываются еще на порядок меньшими. Конечно, значительная часть выходцев из деревни, получив среднее и высшее образование, оседала в городах, но абсолютные показатели этого процесса тоже не были большими.

Таблица 19

**Количество сельских жителей Сибири, прошедших обучение
в средних и высших учебных заведениях к 1897 г.***

Тип учебных заведений	Все сословия			В т. ч. «лица сельского состояния»		
	мужчины	женщины	Всего	мужчины	женщины	всего
<i>Средние:</i>						
специальные	1449	139	1588	391	39	430
военные	543	–	543	80	–	80
прочие	6654	3431	10 085	773	589	1362
<i>Высшие:</i>						
специальные, технические	235	4	239	17	–	17
военные	12	–	12	–	–	–
университеты и пр.	389	18	407	48	6	54
Итого:	9282	3592	12 876	1309	634	1943
	22,0	43,9	25,5	4,0	11,4	5,1
	34,3	13,6	24,0	6,3	3,0	4,7

* Подсчитано по источникам: Первая Всеобщая перепись... Т. 73. С. 32–35; Т. 74. С. 36–39; Т. 75. С. 34–37; Т. 78. С. 50–53; Т. 79. С. 44–47; Т. 81. С. 32–35. В верхних графах указаны абсолютные числа. В итоговой графе первая строка – абсолютное количество учившихся (окончивших курс и не окончивших); вторая строка – их доля среди грамотных жителей, ‰; третья – доля лиц данной категории в населении, на каждые 10 тыс. человек.

Следует отметить, что в казачьем населении количество лиц, получавших образование выше начального, выраженное в относительных величинах, было больше, чем среди крестьян. Особенностью казачества было также охотное обучение детей в учебных заведениях военного профиля (военных гимназиях и прогимназиях, юнкерских училищах и др.). Согласно отчету наказного атамана о состоянии Сибирского казачьего войска за 1898 г., в средних учебных заведениях на 10 тыс. душ войскового сословия обучалось 19 лиц мужского пола и

13 женского, в итоге – 16 человек¹. Такие числа в несколько раз превышают имеющиеся показатели по всей сельской местности Сибири у «лиц сельского состояния», но удовлетворительными их тоже признать невозможно. В начале XX в. положение в изучаемой сфере кардинально не переменялось.

Перейдем к вопросу о том, каковы были **результаты обучения грамоте** деревенского населения Сибири. В соответствии с темой монографии особый интерес представляет уровень и качество грамотности подрастающих поколений.

По данным демографической переписи 1897 г., среди подростков (лиц мужского пола 14–18 и женского пола 12–16 лет) в сельской местности Сибири грамотных, т. е. умеющих читать и писать, либо хотя бы читать, насчитывалось 14,3 %, в том числе у мужчин – 22,7, а у женщин – 6,5 %. Названные показатели были выше, чем грамотность в сельском населении всех возрастов, в 1,5 раза, а среди лиц женского пола – даже в 2,1 раза². Иначе говоря, на подростковый возраст, конкретнее – примерно на 14–16 лет приходилось наибольшее число грамотных. К этим годам крестьянские дети уже выходили из школы и еще не успевали забыть полученные там навыки.

К моменту совершеннолетия, совпадавшему с освидетельствованием для призыва на военную службу, некоторая часть учившихся ранее парней уже успевала подзабыть грамоту. Однако же от года к году к призыву приходили все более грамотные мужские когорты. Во всей Сибири (без выделения сельской местности, дававшей львиную долю солдат) в 1876 г. среди 7039 новобранцев, принятых на службу, грамотных – умеющих читать и писать или только читать, в том числе имевших право на сокращенный срок службы – было 11,5 %, в 1886 г. среди 7205 призванных – 17,1 %, а в 1896 г. среди 10 346 новобранцев – 23,1 %. Доля грамотных среди призванных на службу по Российской империи в целом составила в те же годы, соответственно, 20,9; 27,8 и 40,2 %, т. е. была значительно выше³. К моменту начала Первой мировой войны в армию и на флот приходило грамотных призывников из сибирских губерний и областей уже около половины, а по стране в целом – более 2/3⁴.

Конечно, если отдельно рассматривать сельскую местность, показатели грамотности призывников окажутся меньше. В Киренском округе Иркутской губернии в период 1884–1893 г. среди новобранцев из собственно крестьянской среды было в среднем 8,2 % грамотных (умеющих читать и писать) и 10,3 % малограмотных (только читавших). Интересно, что среди женатых призывников, а их оказалось за 10 лет 898 из общего количества 3591 человека, удельный вес грамотных и полуграмотных был в 1,7 раза больше, чем среди холостых⁵. Объясняя этот факт, К. К. Кокоулин выдвинул резонное предположение: «Те лица, которые по сравнительной хозяйственной состоятельности могли жениться до призывного возраста, по той же причине могли больше и учиться»⁶. В Бийском уезде Томской губернии в 1898 г., по словам местного исправника, «из молодых людей, прибывающих к отбыванию воинской повинности, было до 90 % неграмотных»⁷. При наборе 1913 г. в армию из селений Томского уезда призывная комиссия установила: только 25,6 % новобранцев могло по праву называть себя грамотными, еще 18,3 % хотя и знали буквы, но не могли ни писать, ни даже связно читать. Совершенно неграмотными оказались 48,4 % (об остальных 7,7 % источник сведений не дает)⁸.

¹ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 330. Оп. 43. Д. 1404. Л. 23–24.

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 8–9; Т. 74. С. 8–9; Т. 75. С. 8–9; Т. 78. С. 12–13; Т. 79. С. 12–13; Т. 81. С. 8–9.

³ Подсчитано по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1898. Вып. 1. С. 294–303.

⁴ Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964. С. 52; Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013. С. 74.

⁵ Подсчитано по: Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. ... С. 61 (табл. 26).

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Штейнфельд В. П. Бийский уезд Томской губ.: топогр., экон. и этногр. очерк уезда. Бийск, 1910. С. 15.

⁸ Собкевич А. И. К вопросу о физической крепости населения Сибири // Сиб. врач. 1916. 10 июля.

Рассмотренные нами материалы показывают, что традиционная система образования, предполагавшая передачу знаний и формирование интеллектуальных способностей в процессе совместной деятельности и повседневного общения представителей разных поколений, даже будучи дополненной обучением детей грамоте в домашних и официальных школах, все же доминировала в сибирской деревне эпохи капитализма. По этой причине источники зачастую фиксировали засилье «досельных», «старопрежних» способов мышления и хозяйствования крестьян, «консерватизм, косность и слепую привязанность к приемам и обычаям, унаследованным от предков»¹. Организаторы переселенческого движения и колонизации восточных окраин констатировали, что малограмотность и излишний культурный традиционализм (незнание сибирских условий, неспособность быстро приспосабливать хозяйство к потребностям места и времени, сильная приверженность приемам экономической деятельности, усвоенным в родительской семье на родине) чрезвычайно затрудняли процесс освоения переселенцами колонизируемых пространств и создания своего хозяйства на новых местах².

Однако внимательные наблюдатели отмечали и другую сторону дела: «... при всей своей малограмотности и малокультурности сибирское крестьянство отнюдь не может быть подведено под понятие серой, инертной и беспомощной... массы, косной как в своих личных хозяйственных делах, так и в делах общественных»³. В конце XIX – начале XX в., обосновывая возможность введения земства на «малограмотных» окраинах, представители либеральной общественности среди высоких проявлений народной культуры сибиряков называли факты умелого отправления представителями волостей дел по общественному самоуправлению на уровне уездов, компетентную позицию «крестьянского элемента» в местных Комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г., агрономическую деятельность передовых крестьян в сельскохозяйственных обществах, их сотрудничество с прочими научными обществами, активные выступления в органах печати. А также, что немаловажно для темы нашего исследования, «энергичную и плодотворную» деятельность на поприще народного образования, в том числе в составе обществ попечения о начальном образовании⁴. Масштабы распространенности явлений такого рода не следует преувеличивать, но само их наличие и тенденцию к росту их значимости оспаривать невозможно.

Полного культурного застоя в селениях вообще быть не могло, ведь традиция допускала известную вариативность. Через нее пробивала себе дорогу творческая активность отдельных сельчан, без чего был бы невозможен прогресс. Не проходило бесследно влияние школы в лучших ее образцах, сказывалось просветительное воздействие интеллигенции по внешкольным каналам, в том числе через складывающуюся систему книгоиздания и книгораспространения⁵. Вообще эпоха капитализма характеризовалась значительным и более быстрым, чем раньше, общественным прогрессом, и в этом была велика роль крестьянства как класса непосредственных производителей и носителей высокоразвитой национальной культуры, передававшейся новым поколениям. Очевидно, что между уровнем грамотности и «культурностью» сельского населения в изучаемую эпоху постепенно устанавливается определенная взаимосвязь, хотя два этих феномена оставались относительно самостоятельными.

¹ Труды МКНСП. Т. 53. С. 155.

² *Нагнибеда В. Я.* Положение переселенцев... С. 159–160.

³ Труды МКНСП. Т. 54. С. 188.

⁴ *Вейсман Р. Л.* Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. (Тр. / О-во изучения Сибири и улучшения ее быта; вып. 2). С. 33–34; О введении земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири: записка Иркутского биржевого комитета. Иркутск, 1913. С. 7; Сборник о земстве в Сибири. С. 130, 317; *Солдатов В. В.* Возможно ли земство в Сибири? // ВО. 1902. 11 дек.

⁵ *Зверева К. Е., Зверев В. А.* Как Сибирь училась читать. Гл. 2–3; Книга в России, 1861–1881. М., 1991. Т. 3. С. 7–27; Книгоиздание [в Сибири] / В. Н. Волкова, И. В. Лизунова, А. Л. Посадсков [и др]. // ИЭС. [Т. 2.] С. 82–83; Книжная торговля [в Сибири] / В. Н. Волкова, И. В. Гареева, И. В. Лизунова [и др]. // ИЭС. [Т. 2.] С. 90–91; и др.

4.4. Проблема отклоняющегося поведения молодежи

Прежде всего, уточним основное понятие, используемое в данном и последующем разделах монографии. «Девиантное поведение – это система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали», – так звучит наиболее общее определение, данное академиком И. С. Коном¹. Социальные психологи вычленили *три разновидности девиантного (отклоняющегося) поведения*: 1) аморальное – противоречащее нравственным нормам, но не противоправное; 2) делинквентное – противоправное, но проступки сравнительно незначительны; 3) криминальное – преступное, когда противоправные поступки серьезны и наказываются в уголовном порядке². Как видно, при таком понимании отклоняющееся поведение расценивается как однозначно негативное антисоциальное явление.

Однако социальный и нравственный прогресс невозможен без «проблемного», отклоняющегося поведения какой-то части членов общества, опережающих в своем образе жизни основную массу людей и в перспективе ведущих за собой остальных. Поэтому мы различаем две следующие *основные категории девиантного поведения*, реально распространенные в крестьянской среде второй половины XIX – начала XX в.: 1) *просоциальное поведение*, которое понимается как система инновационных поступков, отклоняющихся от общепринятой традиционной нормы, но не нарушающих права и интересы других членов общества и объективно способствующих социальному и моральному прогрессу; 2) *антисоциальное поведение* – аморальное, делинквентное и криминальное, противоречащее интересам конкретных людей, социальных групп и общества в целом и являющееся симптомом дезорганизации и деградации морали и общественных структур.

Социализация молодых поколений в традиционном обществе, ориентированная на формирование заданных «по старине» параметров личности и возрастной когорты, социальной группы редко давала сбой и в основном достигала своей цели. Однако это совсем не означает, что все люди, прошедшие «школу» традиционного воспитания и образования, обладали абсолютно одинаковыми интеллектуальными, эмоциональными, волевыми, физическими качествами и вели идентичный образ жизни. Во-первых, сказывались природные задатки людей и особенности их жизненного опыта, которые в принципе учитывались старшими при социализации, но разнообразие которых было бесконечно, а сила проявления иногда беспрецедентна. Во-вторых, традиционная «типовая» схема – цель социализации – более или менее четко задавала только основные черты социализируемых, допуская варианты во всех «второстепенных» сторонах мировосприятия и поведения и мало учитывая «третьестепенные». В-третьих, стопроцентной реализации целей в любом случае не могло быть хотя бы ввиду их идеального характера: реальный процесс воспитания и образования осуществлялся в конкретной обстановке реальными людьми, и это сказывалось на результатах.

«Каждый молодец на свой образец», «Что ни город, то и норы, что ни деревня, то и обычай»³, – такие поговорки отражали, в частности, существовавшие индивидуальные и групповые (региональные, сословные, конфессиональные и пр.) различия в культуре и образе жизни людей. Эти отличия не воспринимались общественным сознанием как нарушения образца, они были привычными. В то же время как отклонения от ожидаемой нормы воспринимались многими представителями старших поколений реальные или мнимые объективно неизбежные возрастные особенности поведения молодых людей.

В сибирских селениях, как и повсюду, пожилые люди сетовали на «испорченность» молодежи, «забывающей заветы предков». В приалтайских старообрядческих селениях некото-

¹ Коно И. С. Психология ранней юности. М., 1989. С. 237.

² Там же; Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко. М., 1985. С. 224.

³ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 345. Л. 18; Пословицы и поговорки русского народа: из сборника В. И. Даля. М., 1987. С. 455.

рые старики даже не ели из одной посуды с молодыми людьми из собственной семьи, считая их грешнее себя¹. Одной из причин «молочных» бунтов, прокатившихся на рубеже веков в районах недавно распространившегося машинного маслоделия на юге Сибири, исследователь С. П. Швецов считал «вражду и злобу», развившиеся в семьях, сдававших молоко на сепаратор. Обязанности молодых женщин изменились, несколько облегчились, и старухи-свекрови почувствовали себя ущемленными, а старики были сильно недовольны тем, что много времени девушки и молодухи проводят «праздно» в разговорах друг с другом, выстаивая очередь у «молоканки»². «Молодежь нынешняя далеко не така, они и в лес-то ходят на промысел и там ленятся, оттого так мало и добывают», – ворчал в разговоре с корреспондентом ВСОРГО крестьянин Ф. Беспалов из с. Витим Киренского уезда Иркутской губернии, отражая взгляды своих пожилых сверстников³.

Неудовлетворенность стариков «молодыжником» зафиксирована во множестве источников, но сама по себе она еще не свидетельствует о каких-то реальных сбоях в системе социализации, имея скорее психологическое объяснение в рамках извечной возрастной оппозиции «отцов и детей». Гораздо значимее имеющиеся свидетельства о нарастании недовольства части крестьянской молодежи теми порядками, к которым их приобщали старшие. Вторая половина XIX – начало XX в. – это время, когда традиционная культура и образ жизни российской деревни уже фактически изживали себя и не удовлетворяли всех потребностей нового, более динамичного времени. Из всех поколений крестьянства это быстрее всего и лучше всего чувствовала более грамотная и мобильная молодежь.

Нам представляется плодотворной теоретическая позиция историка Б. Н. Миронова, опирающегося на современные социологические теории девиации. Объясняя распространение протестного, или отклоняющегося поведения в России конца имперского периода, он пишет: «... В пореформенную эпоху, т. е. в переходный период к индустриальному обществу (когда вертикальная и горизонтальная социальная мобильность населения на порядок возросли, урбанизация пришла на смену дезурбанизации, социальный контроль со стороны общественных организаций и государства слабел, общественные связи быстрыми темпами заменяли связи общинные, индивидуализм приходил на смену коллективизму, гражданские права и личный успех для многих людей стали занимать важное место в их системе ценностей, население стало располагать большей свободой и инициативой, рыночная экономика вытесняла командную) *девиация существенно выросла*»⁴. Эти слова можно отнести к девиации не только антисоциальной, но и просоциальной.

Хорошо знавший ситуацию в Сибири, видный этнограф, сам сибирский крестьянин по происхождению, Г. С. Виноградов констатировал в 1914 г.: «Усложнившиеся жизненные условия, близкое соприкосновение города с деревней, приток новых веяний – все это постепенно разрушало и продолжает разрушать былой патриархальный уклад, меняло и все еще продолжает менять духовную физиономию деревни»⁵. Под влиянием закреплявшего свое господство капитализма, связанных с ним процессов социальной подвижности, личной эмансипации, приобщения к некоторым культурным ценностям «большого» мира часть сельской молодежи становилась в критическую позицию по отношению к устаревшим нормам. Об этом с удовлетворением говорили в конце XIX – начале XX в. такие авторитетные знатоки крестьянской жизни, как М. В. Загоскин («... по-видимому, молодое поколение понемногу бросает более грубые привычки и суеверия»), К. Д. Логиновский («... молодежь часто скептически относится к мировоззрениям своих стариков, но зачастую этот

¹ *Вербицкий В. И.* Пятая сотня областных слов, употребляемых приалтайскими жителями // ТГВ. 1863. 5 июля; *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта... № 10. С. 198.

² *Швецов С. П.* «Молочные бунты» в Сибири и их причины // Рус. богатство. 1902. № 3. Отд. 2. С. 108–110.

³ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 674. Л. 215.

⁴ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М., 2014. С. 202. Курсив авторский.

⁵ *Виноградов Г. С.* Песни отживающего поколения // Сиб. архив. 1914. № 7/8. С. 357.

скептицизм скорее наружный и показной, чем разумно обдуманной») и др.¹ Означенный процесс затронул даже наиболее консервативную старообрядческую среду. «Гнет уставщиков и отжившие формулы давно уже перестали удовлетворять молодежь, и она пыталась и пытается найти какие-то новые формы быта, не порывая резко с традициями, по которым живут их отцы», – писала в 1920-х гг. А. М. Попова, опираясь и на собственные наблюдения за «семейскими» Забайкалья, и на свидетельства предшественников, работавших в досоветский период².

Во всех сферах образа жизни молодых поколений сибирского крестьянства постепенно распространялись и накапливались **позитивные новации**. Например, в сфере демографического поведения – это стремление создать брак «по любви», а не только по экономическому расчету, и в оптимальном возрасте; выделиться вместе с супругом из того отцовского двора, где был силен произвол домохозяина, и создать собственную семью на основе равноправных отношений; всё более частые обращения за необходимой помощью к акушеркам, фельдшерам и врачам. В социализирующей деятельности – стремление дать детям школьное образование, приобщиться к достижениям науки и передовой практики через чтение специальной литературы, посещение музея и выставок, опытных полей и ферм, участие в общественно-педагогическом движении своего времени и т. д.

Поскольку все это не укладывалось в прокрустово ложе вековых традиций деревенской среды, судьбы молодых «инноваторов» были зачастую непростыми, им приходилось преодолевать сопротивление окружающих, проявлявшееся поначалу в родительском «внушении», в насмешках соседей и знакомых. Иногда дело доходило до формальных репрессивных санкций «мира», религиозной общины, других институтов. А. М. Попова указывает: «Находились и до революции люди, желающие жить по-новому, однако им вследствие гонения со стороны подговоренного уставщиками общества приходилось или смиряться, или уходить из села. Уставщики отказывали протестанту в исполнении разных треб (похоронах, крещении детей и т. п.)»³. Однако новое постепенно пробивало себе дорогу, будучи свидетельством наметившегося перехода от традиционного к современному типу демографического и социализирующего поведения.

Сказанное относится и ко всем другим сферам образа жизни. Патриархальной крестьянской реакцией на указанные и прочие инновации являлись те многочисленные запреты, которые влиятельные наставники старообрядчества накладывали на поведение своей паствы: избегать прикосновения к деньгам, сторониться торговли, не давать показаний во время репрессий и обследований населения, не пользоваться любыми купленными на деньги товарами, не употреблять в пищу сахар, мясо, картофель («чертово яблоко») и т. д. Однако такие ограничения не могли быть действенными в течение долгого времени. Академик Н. Н. Покровский показывает, как видные идеологи урало-сибирского старообрядчества были вынуждены под давлением общественных реалий снимать наиболее одиозные запреты: «разрешали» торговлю и купленные на рынке товары, после бурных дискуссий на Бийском церковном соборе 1912 г. приняли специальное постановление о допустимости употребления картофеля. Принятие этих и иных новшеств руководителями крупных согласий одобрялось далеко не всеми старообрядцами, на основе их неприятия складывались новые толки и согласия, продолжалась полемика⁴.

Поскольку инновации и в реальной жизни, и в общественном мнении крестьянства были связаны с влиянием городов и крупных транспортных магистралей, а также с притоком в Сибирь «расейских» переселенцев, получила распространение еще одна форма патриархальной реакции. Это уход некоторых групп старообрядческого и даже официально-православного

¹ *Городцов П. А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // ЕТГМ. 1915. Вып. 26. С. 20; *Загоскин М. В.* Десять лет в сибирской деревне. С. 35; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. С. 3.

² *Попова А. М.* Семейские... С. 27.

³ Там же. С. 26.

⁴ *Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. Новосибирск, 2005. С. 34–36.

старожильческого населения с обжитых мест в более глухие малонаселенные местности «от греха подальше», «чтобы детей спасти от погибели»¹.

Прогрессивная реорганизация образа жизни крестьянства начиналась в очень неблагоприятной общественной обстановке. Она сочеталась с развитием антисоциальных форм девиантного поведения некоторой части населения.

Выделим основные **проявления антисоциального отклоняющегося поведения** молодых людей в сельской местности Сибири и дадим их краткую характеристику.

Аморальным проявлением в демографическом поведении можно назвать *распространение внебрачных половых отношений*. Мы не относим сюда добрачные связи, которые довольно широко бытовали в сельской среде с давнего времени. Можно согласиться с И. Я. Неклепаевым, который объяснял распространение добрачных связей у молодых и довольно терпимое отношение к ним взрослых крестьян тем, что браки совершались больше по хозяйственным соображениям, и это «приучило молодежь свои сердечные стремления удовлетворять в добрачных отношениях, а на брак смотреть холодно и индифферентно, как на чуждое для себя дело и почти как на неизбежное зло – потерю воли с той и другой стороны»². Поскольку половая любовь не могла реализоваться в любви супружеской, она зачастую находила выражение в постоянной привязанности вне семьи или в спорадических связях.

Для некоторой части семей становились возможными отношения, подобные тем, что вскрылись в ходе судебного разбирательства в семье Ломаевых из д. Марзагуль Покровской волости Барнаульского уезда Томской губернии. Дело велось в связи с заявлением Евдокии Ломаевой о том, что ее дочь Агафью, 13 лет, изнасиловал крестьянский сын Василий Пшеничников с помощью Трифона и Милодоры Васильевых. Всем обвиняемым было 13–15 лет. Деревенский староста показал, что потерпевшая как на насильника указывала на своего отца и говорила, что мать ее принуждала к сожительству со своим любовником. Мать характеризовалась старостой как «развратная баба, живет в связи с Анисимом Евстратовым и, кроме этого, развратничает на стороне»³.

Внебрачные связи в среде зажиточных крестьян приобретали специфическую для капитализма форму, когда на связь с хозяином вынуждалась наемная работница, батрачка⁴. Поэтому парни, имевшие возможность выбирать невесту, старались избежать женитьбы на девушках, живших ранее в чужих дворах в «стряпках» и «няньках».

Распространилась в сибирских селениях и такая форма внебрачных связей, как проституция. По сведениям, собранным в 1876 г., число «гулящих» женщин в округах Томской губернии составляло до 4594 человек, причем губернатор считал эту цифру сильно заниженной⁵. В то же время Всеобщая перепись населения 1897 г. зарегистрировала в сельской местности Сибири и Дальнего Востока только 233 женщины и 2 мужчин, «самостоятельно» занимавшихся проституцией⁶. Несомненно, что достоверных количественных данных об этом явлении просто не могло существовать. С одной стороны, статистика была не способна охватить тайную проституцию, с другой стороны, в позорящие списки волостные власти в соответствии с инструкцией, но по существу ошибочно включали вполне добропорядочных женщин, живших с мужьями невенчанными в консенсуальном, незарегистрированном браке.

¹ Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 100–101; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе). Барнаул, 1900. Вып. 3. С. 208; Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 354; и др.

² Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края. С. 143.

³ ГАТО. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–44.

⁴ ГАТ. Ф. 156. Оп. 28. Д. 1434. Л. 26; Д. 2028. Л. 1; Оп. 29. Д. 2070. Л. 77; Патканов С. К. По Демьянке: (бытовой и экон. очерк) // Зап. / ЗСОРГО. 1894. Кн. 16, вып. 2/3. С. 55; и др.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 426.

⁶ Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 300.

В условиях строительства железной дороги, развития золотопромышленности, переселенческого движения, сохранения ссылки, долгосрочной казачьей службы и массовых мобилизаций в годы войны проституция стала сезонным или постоянным промыслом для многих женщин в больших торговых и пригородных селах, в населенных пунктах на крупных транспортных артериях, поблизости от приисков и т. д.¹ Женщины становились жертвами промыслового сводничества, вынуждались на этот вид заработков крайней нищетой или невозможностью найти работу, особенно в неурожайные годы.

Вторым крупным проявлением «ненормального» поведения в демографической сфере стало при капитализме *ослабление внутрисемейных связей*.

Сразу оговоримся: в целом большинство крестьянских семейств, скрепленных общностью хозяйственной жизни, культурной традицией и взаимной симпатией членов, жило «в согласии», «советно». Однако по мере усиления частнособственнического начала в семье, системы внутрисемейной эксплуатации увеличивалось количество «несогласий», «смутки» между членами семей. Не ладили между собой, прежде всего, женщины, что являлось отражением наиболее приниженного, бесправного положения одних (невестки, снохи) и произвольной власти в сфере домашнего хозяйства других (хозяйки, «большухи»). По мнению самих крестьян, сказывались и различия в воспитании в тех домохозяйствах, из которых пришли в новую семью «молодухи»: «Они-де разных домов, не доморощены оне»². Но напряженность охватывала отношения и прочих членов семьи. Они ссорились «из-за заработков», «из-за нежелания сына кормить детей мачехи», «не поделив пособия», вследствие «постоянных споров из-за того, кто больше работает, кто других кормит и т. п.»³. Ссоры членов семей отражали то кризисное состояние, которое создавалось в постепенно разоряющейся мелкобуржуазной семье. Сказывалось и пагубное влияние браков по принуждению родителей, каковых было немало.

Вследствие этого развились следующие взаимосвязанные виды девиантных поступков, приводивших к разрушению семей: 1) формальные или фактические разводы супругов; 2) экономически неоправданные семейные хозяйственные разделы; 3) грубость и непочитание старших членов семьи со стороны молодежи.

Количество узаконенных церковью разводов в сибирских селениях постепенно увеличивалось, но в абсолютном и относительном выражении всё же оставалось очень малым по причине искусственного их затруднения законом. Крестьяне закон обходили, получали все большее распространение незаконные, самовольные разводы супругов⁴. Источники и литература единодушно показывают значительную распространенность разделов крупных отцовских и братских домохозяйств, влекущих за собой, как правило, ухудшение благосостояния как разделившихся, так и молодых выделяющихся семей⁵. Что же касается «непокорства» молодежи, непочтительного отношения к родителям, доходившего иногда до избиения их, то и это грубое нарушение традиционных заповедей морали получает местами угрожающее распространение, о чем свидетельствуют и официальные отчеты клириков, и заметки наблюдателей-этнографов, и воспоминания чиновников⁶. В разных местах Западной Сибири

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2 учеб. отд. Д. 147. Л. 163; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 201. Л. 100–102; *Заблоцкий*. Проституция в Сибири в прошлом // СМЖ. 1930. № 1. С. 44–49; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1892. Вып. 14. С. 80; и др.

² *Чудновский С. Л.* Алтайская поземельная община. № 11. С. 186.

³ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. С. 5, 17, 26, 62, 79, 87, 95, 119, 163, 174, 177, 182, 216, 232, 247, 251, 254; *Маслюков Н.* О поездке по волостям Томской губ. // Этногр. обозрение. 1899. № 1/2. С. 401–402; и др.

⁴ Подробнее см.: *Зверев В. А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма: (проблемы физич. и социал. возобновления). Новосибирск, 1988. С. 23–26.

⁵ Подробнее см.: *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (ист.-демогр. анализ). Новосибирск, 1991. С. 30–34.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 33; *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин... С. 47; *Зинин Н. К.* Указ. соч. С. 88–89; *Швецова М. В.* Из поездки в Риддерский край // Зап. / ЗСОРГО. 1898. Кн. 25. С. 14–15; и др.

конца XIX – начала XX в. зафиксирована такая поговорка: «Маленькому сыну говоришь: “Не ушибись, не убейся, батюшка!”, а как вырастет: “Не убей батюшку!”»¹.

Может быть, наиболее ярким проявлением аморального поведения части молодых сельчан было *распространение пьянства*.

Традиционная мораль осуждала хроническое пьянство, хотя и не предписывала полной трезвости («Не грешно выпить, грешно пьянствовать», «Гулять гуляй, да только дело не забывай»)². И в целом трудовой образ жизни крестьянства не располагал к повседневному «гулянию». Наблюдатели нередко отмечали, что в сибирских деревнях «пьянства нет между крестьянами», однако при этом делали почти обязательные оговорки. Во-первых, повсеместными были «пировья» с обильными возлияниями во время таких семейных событий, как свадьба и похороны, реже – именины. Пили на сельских храмовых («съезжих», «гостиных») праздниках, в дни общенародных праздничных дат (Рождество Христово, Крещение Господне, Пасха, Масленица и др.), в дни памяти святых, особо чтимых в определенной местности, и т. д.³ Во-вторых, обильные гуляния полагалось устраивать хозяевам после помочей для всех участников работы. В-третьих, в обычай превратились коллективные выпивки домохозяев на общественных сходах: требовали от «полуведерка» до нескольких ведер спиртного с принимаемых в общество новоселов и лиц, избираемых на общественные должности, с просителей, обращавшихся к сходу с каким-нибудь делом⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. «ритуальное» (праздничное, обрядовое и общественное) потребление спиртных напитков нередко становилось чрезмерным, приобретало уродливые черты. Всё больше сельских жителей не удовлетворялось им и начинало пьянствовать «без всякого удержу», без «уважительного» повода и в будние дни⁵. Сказывались политика властей, во имя пополнения бюджета фактически поощрявших пьянство путем поддержки частных, а затем насаждения казенных кабаков; общий рост недовольства жизнью в среде разоряющегося крестьянства; ослабление семейных связей; увеличение количества денег на руках у населения с развитием рынка и другие факторы.

Понятно, что пьянствующие родители не могли успешно заниматься воспитанием детей. Больше того, они сами приучали детей к вину с самых малых лет. «Нам не раз пришлось быть свидетелями ужасных сцен, когда матери-крестьянки в целях успокоения детей вливают последним в рот водку в количестве, доходящем иногда до рюмки. <...> На крестинах обычное явление при угощении взрослых... гостей – потчевать также и крещенных младенцев, зачастую одинаковым с порцией взрослого количеством спиртного зелья», – свидетельствует А. А. Савельев, живший в начале XX в. в Приангарье⁶. О том же писали исследователи быта старообрядцев Южного Алтая: «Пиво (крепкий самодельный напиток. – В. З.) дают даже грудным детям, считая, что следует приучать к пиву с малых лет»⁷.

В дальнейшем подрастающих детей угощали родители или гости, соседи при домашнем винокурении, во время свадеб, порой просто у кабака. «Иногда мальчик лет 10 уже разыгрывает на улице роль пьяного, и другие ребятишки с завистью смотрят на него, считая его действительно

¹ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 299. Л. 38. Варианты см.: Там же. Д. 344. Л. 3; *Ивановский В.* Указ. соч. Вып. 15. С. 27.

² *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы. С. 83; *Пузырёв Н.* Помочи Тальменской волости Барнаульского окр. Томской губ. // Этногр. обозрение. 1892. № 2/3. С. 237.

³ ГАТ. Ф. 335. Оп. 1 (604). Д. 11. Л. 95; ГАТО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–15; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 33; *Арефьев В. С.* Очерки захолустной жизни // Енисей. 1898. 10 мая; *Поникаровский Д. А.* Сельские общества Салаирской волости (в Кузнецком окр. Томской губ.) // Зап. / ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 23, 42; и др.

⁴ Корреспонденции // ВО. 1902. 28 мая; *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 273–274; *Чукмалдин Н. М.* Указ. соч. С. 88–89; и др.

⁵ АГМ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–13; ГАТ. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2070. Л. 39; Ф. 417. Оп. 1. Д. 512. Л. 282; РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 70. Л. 7; *Арефьев В. С.* Сибирские негативы // Сиб. вопросы. 1908. № 19/20. С. 60; По Сибири // Сиб. жизнь. 1908. 16 окт., 11 дек.; 1914. 3 апр.; и др.

⁶ *Савельев А. А.* Народная медицина в Приангарском крае // Сиб. врач. 1915. 19 апр.

⁷ [*Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.*] Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. (Материалы Комис. экспедиц. исслед. Сер. казахстан.; вып. 17). С. 164.

пьяным», – пишет Н. А. Костров о томских деревнях 1860–1870-х гг.¹ А позже в сибирских селениях уже можно было встретить стайки 12–14-летних подростков, идущих в обнимку с гулянки после помочей по-настоящему пьяными, качаясь и распевая непристойные песни².

Не удивительно поэтому, что среди «возросшей» молодежи появились хронические пьяницы даже в старообрядческих селениях Забайкалья, где прежде по традиции юноша впервые мог пригубить рюмку водки или вина только в день своей свадьбы, в принципе не имел права пить спиртное до 20 лет³. На Алтае в старообрядческой среде, несмотря на осуждение стариков, тоже считается теперь малоззорным устраивать гулянки с выпивкой, иногда общие с официально-православным людом, явиться в пьяном виде с руганью в компанию, так же, как и курить табак (что было для предков большим грехом)⁴.

Пьянство негативно сказывалось на благосостоянии крестьянского хозяйства, усиливало неурядицы и раздоры в семьях, ведущие к их распаду и ликвидации возможностей для эффективной социализации детей. Примером может служить ситуация, обрисованная в 1907 г. жительницей д. Шадринной Бийского уезда Томской губернии Пелагеей Шадринной в прошении крестьянскому начальнику: «Мой муж... вел себя не окуротно и нетрезво, пропил почти все движимое имущество, и детей четверо всегда сидели голодом, и он об этом вовсе не заботился, а придет пьяным, угрожая убить али зарезать, и чуть было меня не зарезал, но я вырывалась и убежала. А детей он бросил с печи на пол. Я смотрю, что дети всегда голодом, и он пьянствует, я детей роздала по квартирам, а сама служу и кормлю детей. А он вовсе от них отказался, и осталась только одна [пустая] изба». Муж-пьяница уже продал избу односельчанину, и Пелагея вынуждена просить чиновника отменить продажную сделку, чтобы окончательно «не оставить малолетних без приюта»⁵.

Пьянство, разумеется, влекло за собой негативные проявления в сфере физического возобновления поколений: рождение неполноценных детей, повышенную смертность и травматизм населения, замедление роста продолжительности жизни и др. В августе-сентябре 1916 г. в селениях Енисейской губернии была проведена массовая анкета: «Как отразилось прекращение продажи крепких напитков на здоровье населения?». На этот вопрос 941 опрошенный респондент из 1324, т. е. 71,1 %, ответил, что заболеваемость вообще сократилась, в том числе за счет улучшения питания; 758 респондентов (66,8 %) сообщило также, что уменьшилась даже инфекционная заболеваемость, не говоря уже о болезнях, прямо связанных с алкоголизмом⁶.

Сразу следует оговориться, что заметное сокращение пьянства и связанных с ним негативных явлений в состоянии здоровья и нравственности населения после «сухого» закона 1914 г. была кратковременным явлением. Уже в 1915 и особенно в 1916–1917 гг. повсюду в России, и тем более на восточных окраинах, где особенно неэффективным оказался контроль, развернулись массовое самогонование и тайная продажа суррогатов водки. Эта и другие причины, связанные с мировой войной, привели к дальнейшей дезорганизации семейной и общинной жизни, ухудшению физического и морального состояния сельского населения⁷.

¹ Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 79–80.

² Корреспонденции // Сибирь. 1886. 22 июня; Обручев В. А. Указ. соч. С. 275; Ткаченко М. Краткий очерк торговли и промыслов по р. Нижней Тунгуске и некоторые черты быта населения // Изв. / О-во изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркут. отд. 1917. Т. 1. С. 72; и др.

³ Болонев Ф. Ф. О некоторых способах охраны здоровья у семейских Забайкалья в XIX – начале XX в. // Изв. // Сиб. отд-ние АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1989. Вып. 2. С. 20.

⁴ Новосёлов А. Е. У старообрядцев Алтая: (предварит. отчет). Омск, 1913. С. 3, 9; Чудновский С. Л.: 1) Очерки народного юридического быта... № 9. С. 212; 2) Раскольники на Алтае. С. 47; Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. / ЗСОРГО. 1898. Вып. 25. С. 61; и др.

⁵ ГААК. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

⁶ [Юрьев А. Я.] Как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения Енисейской губ. Красноярск, 1916. С. 24–26.

⁷ ГАИО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 74. Л. 6; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6928. Л. 120; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2638. Л. 29–30; Д. 2766. Л. 77, 88; Ф. 797. Оп. 1, II отд., 3 ст. Д. 271. Л. 3–8; и др.

С пьянством теснейшим образом было связано растущее *хулиганство части молодежи*, перераставшее нередко в криминальное поведение.

«Год от году увеличивающееся пьянство убивает в народе всякую нравственность, благочестие, трудолюбие, совесть, правду и плодит всякие пороки – праздность, нищенство, воровство, грабежи, разврат. Число совершающихся в известном месте преступлений находится в тесной связи с числом существующих в этом месте питейных заведений», – констатировал в отчете за 1873 г. томский губернатор¹. Кабак и группировавшаяся вокруг него публика во многих случаях нейтрализовали позитивное влияние народной педагогики на личность молодого крестьянина, огрубляли, деморализовали и криминализировали его личность.

Самыми распространенными проявлениями делинквентного поведения (хулиганства) сельской молодежи были ночные хождения по улицам в пьяном виде с пением непристойных песен и сквернословием, ссоры и драки, оскорбления «словами и действием» прохожих, вымогательство и отнятие денег на покупку вина, разбитие стекол, поломка изгородей, поджоги стогов сена и хлебных скирд, вымазывание дегтем ворот и оконных наличников². Пьяным разгулом, доходящим до поножовщины и использования кольев, отмечал зачастую «молодяжник» съезжие праздники. Источники фиксируют также распространение воровства: птицы, рыбы и зверя из чужой промысловой снасти, необмолоченного хлеба с полей и сена с лугов, лошадей со степи, хозяйственного инвентаря со двора, овощей из огорода, зерна из чуланов³.

Наиболее грубыми нарушениями общественной морали и законов являлись групповые изнасилования, грабежи и разбойные нападения, убийства, сообщениями о которых пестрят сибирские газеты изучаемой эпохи⁴. Тобольский губернатор вынужден был в марте 1913 г. выступить с воззванием к крестьянам, в котором, в частности, говорилось: «Не проходит дня, чтобы не доходили до меня тягостные вести со всех концов нашей губернии: тут ограбили, там убили, там изувечили людей “по пьяному делу”». Недавно в один день в одном уезде убито и искалечено в пьяном виде несколько человек. Преступные виновники, протрезвившись и опомнившись, сами готовы нести повинную, но уже поздно – зло непоправимо. А сколько женских и сиротских мучений и слез от мужей, которые забыв страх Божий, бьют и калечат жен, губят семью, растрачивают детское достояние. Так жить нельзя!»⁵.

Среди лиц, совершивших серьезное преступление, постепенно становилось все больше молодых людей. По нашим подсчетам, в числе жителей Тобольской губернии (сельчан и горожан), осужденных в уголовном порядке, доля лиц в несовершеннолетнем возрасте до 21 года увеличилась с 7 % в 1897–1899 гг. до 17 % в 1906–1907 гг. и почти до 20 % в 1914 г. за счет соответствующего сокращения удельного веса осужденных в возрасте старше 31 года⁶.

Таково было положение не только в Сибири, но и в других регионах страны. В 1912–1914 гг. в связи с сильно «развившимся за последнее время в сельских местностях особым видом озорничества, известным под названием хулиганства, которое, в связи с наблюдающейся среди молодежи распушенностью, делает... жизнь в деревне невозможной», было подготовлено новое законодательство «Об усилении ответственности за хулиганство». Нами

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 34.

² Там же. Д. 3100. Л. 149–150; ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1137. Л. 138; ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 514. Л. 164–165; ЗККМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10. Л. 7; ИРЛИ. Разр. V. К. 87. П. 1. № 7. Л. 9.

³ ГААК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 73; ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 489. Л. 77–78; *Григоровский Н. П.* Очерки Нарымского края // Зап. / ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 54–55; *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 54, 83–85; и др.

⁴ См., например: *Атлет в белом фартухе и причины его появления в Курганском окр.* // ВО. 1884. 22 марта; *Загоскин М. В.* Деревенские письма // ВО. 1889. 13 авг.; *Из подгородных деревень* // ВО. 1899. 15 янв.; 6 февр.; *Хроника* // ВО. 1884. 7 июня; и др.

⁵ ГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁶ Подсчитано по: Обзор Тобольской губ. за 1906 г. Тобольск, 1907. Прил. 5а; ... за 1907 г. 1908. Прил. 5а; ... за 1914 г. 1915. Табл. 14; Статистический обзор Тобольской губ. за 1897 г. Тобольск, 1898. Прил. 6; ... за 1898 г. 1900. Прил. 6а; ... за 1899 г. 1900. Прил. 7а.

анализировались подготовительные к этому законодательству материалы по Иркутской губернии, а также подготовительные материалы к законодательству об усилении борьбы с пьянством по Тобольской губернии. Оба акта готовились почти одновременно, материалы рисуют сходную картину.

Крестьянский начальник 1-го участка Иркутского уезда отмечал: «Молодежь озорничала всегда, но то были понятные, необдуманные выходки, получавшие возмездие по первой жалобе родителям; такого же неудержимого, бесшабашного разгула и преступной распущенности, какая наблюдается в деревне в настоящее время, как положительно утверждают все старожилы, еще в недавнее, сравнительно, время не было»¹. Другие крестьянские начальники, заведующие переселенческими подрайонами, многие сельские сходы и волостные правления констатировали: «... старики и почтенные люди деревни говорят, что “молодытник совсем вышел из повиновения и творит, что ему угодно”»². Подводя итог всем высказанным мнениям, общее присутствие Иркутского губернского управления по крестьянскому отделению пришло к таким выводам:

1. «Появилось хулиганство молодежи в сельских местностях лет 10–15 назад. Уменьшения его не замечается».

2. «Хулиганство распространено главным образом среди молодежи в возрасте от 15 до 25 лет, хотя встречаются и хулиганы зрелых лет». Чаще всего предел «буйству» наступал в момент женитьбы, в зрелые же годы «хулиганство выражается главным образом в оскорблении должностных лиц крестьянского управления».

3. Общественный и родительский авторитет ослаб и даже «утратил свое значение» главным образом в «селениях крупных, лежащих по линии железной дороги, больших притрактовых и со значительным развитием торгово-промышленных предприятий», в пригородных местностях, вблизи приисков и каменноугольных копей. В глухих же местах, где были сильны черты патриархальной жизни, традиционный авторитет старших и послушание молодых в семье и обществе сохранились лучше.

4. Большинство респондентов отмечало: благосостояние семейств не оказывает влияния на поведение их молодых членов, но есть свидетельства и иного плана. Смоленское волостное правление, например, указывало: «Члены зажиточных семей больше принимают в нем (хулиганстве. – В. З.) участия, чем бедные люди. Это объясняется попустительством со стороны местных властей». В некоторых других случаях констатируется развитие хулиганства и на нижнем социальном полюсе: парни из «бесхозных» семей «примыкают к богатым, организуя шайки», научаются дурному на отхожих заработках³.

После запрещения торговли крепкими напитками в первый период мировой войны повсеместно в Сибири наблюдалось некоторое сокращение делинквентного и криминального поведения. Во второй половине 1914 г. в судебные учреждения Тобольской губернии, например, почти на треть по сравнению с первым полугодием сократилось поступление уголовных дел⁴. Почти 9/10 респондентов акцизного управления Енисейской губернии отметили в анкете уменьшение хулиганства и «буйства», семейных раздоров и неурядиц, а также краж, грабежей, убийств и пожаров (ответы давали по разным видам отклоняющегося поведения от 1086 до 1499 респондентов из многих местностей)⁵. К сожалению, улучшение ситуации оказалось временным, к 1916–1917 гг. антисоциальное поведение молодежи восстановило свой прежний размах и поступательно развитие.

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 137. Л. 12.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 12, 19, 21, 28, 82–83, 119.

⁴ ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 522. Л. 14.

⁵ [Юрьев А. Я.] Указ. соч. С. 28–29. См. также: ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 512. Л. 176; Д. 519. Л. 258–259; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2703. Л. 15; и др.

4.5. Противодействие антисоциальному поведению в молодежной среде

Первой и в большинстве случаев основной инстанцией, в рамках которой проходило регулирование отклоняющегося поведения подростков и молодежи, была родительская семья.

Старшие члены семьи имели в своем распоряжении огромный арсенал традиционных средств недопущения и пресечения аморального поведения. Прежде всего, это те же собственно воспитательные средства, что охарактеризованы в первом и втором разделах данной главы. Их применение было ориентировано на сознательное и подсознательное усвоение подрастающими поколениями моральных норм. Если в ходе воспитания все же замечались небольшие проступки-отклонения, старшие «щуняли» младшим – делали выговор, слегка бранили их. Хронических «неслухов» для начала «устраивали» наказанием, а затем и на самом деле наказывали, в том числе физически: ставили в угол, драли за уши и за волосы, колотили и таким образом «неволькой побуждали» слушаться старших.

В основном право физического воздействия по обычаю принадлежало отцу, другие члены семейства могли наказывать младших с его согласия. Беспрепятственно наказать можно было только несовершеннолетних и не обзаведшихся своей семьей. Выдавая дочь замуж, родители как бы передавали обязанность контроля за ее поведением и право наказания мужу и свекру. Так, в Забайкалье отец-казак, прощаясь с дочерью при зарученье, по традиции говорил жениху: «Поил, кормил и учил я про себя свое дитя; теперь пой и корми его ты. Держи свою жену в ежовых рукавицах и воли не давай»¹.

Случаи «нерадения» молодых женщин к супружеским и семейным обязанностям, внебрачных связей дочерей и жен наказывались и пресекались, прежде всего, мужьями и свекрами, часто с помощью других «домашних», причем иногда очень жестоко. Так, в с. Кемском Енисейского округа в 1869 г. «свекор и деверь Протасовых наказывали плетью свою невестку, распяв ее обнаженной на воротах, а собравшаяся толпа народа одобрительно глазела... переговариваясь с собою, что-де не бегай из дому...»². Наказание жены за измену могло состоять и в том, что муж впрягал ее в телегу или сани, заставлял везти его и при этом стегал плетью. Или же привязывали провинившуюся за косы к оглобле и гнали лошадь вскачь³.

Редко применялся в сибирских селениях такой способ наказания женщин за реальные или мнимые проступки, как изгнание их из мужниного дома. Ведь при этом двор терял драгоценную рабочую силу. Отцы обычно не склонны были принимать к себе обратно дочь, изгнанную мужем или ушедшую от него. В таких случаях родители делали попытки вернуть дочь в ее новую семью, восстановить тем самым общественное и семейное «благочиние». Если это не удавалось сделать, то иной раз молодая женщина была вынуждена полностью самостоятельно добывать средства к жизни⁴.

Физическое наказание домохозяйном взрослого сына, даже не отделенного от отцовской семьи, по народным обычаям не допускалось, и волостные суды обычно считали такие факты самоуправством, в случае жалобы пострадавшего на отца последнего могли и к ответственности привлечь. Внебрачные связи молодых мужчин обычно осуждались в родительской семье, но суровых наказаний за этот грех для них не предусматривалось.

Как уже говорилось, матери обычно терпимее относились к слабостям и проступкам детей, больше жалели их, чаще склонны были скрывать и от родных, и от сельского сообщества даже достаточно серьезные случаи (помогали дочери, например, сделать аборт при внебрачной беременности). Матери и жены изо всех сил пытались помочь слишком пристра-

¹ *Логиновский К. Д.* Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Хабаровск, 1899. С. 87.

² *Бру-в Н.* Истязание ребенка // Сибирь. 1884. 1 июля.

³ *Сафьянова А. В.* Внутренний строй русской сельской семьи... С. 96.

⁴ ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 11. Л. 59–62; Ф. 184. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–6; Д. 109. Л. 65; ГАТ. Ф. 156. Оп. 28. Д. 2004. Л. 20–21; Д. 2023. Л. 73–74; НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

стившимся к вину мужчинам избавиться от «пагубы»: изготавливали лекарственные зелья для питья и потчевали ими, подвергали магическим обрядам «от запоя»¹.

По традиционным крестьянским представлениям, родители занимались воспитанием детей и следили за их поведением не только «про свою замену», но и как бы по поручению мира, общества в целом. Когда не удавалось хорошо справиться с таким важным делом, родители чувствовали себя опозоренными, ощущали вину перед «обществом». Из последних сил старались обойтись собственными «средствами», но в особо трудных случаях отцы все же не находили другого выхода и признавали свое поражение: жаловались сельским, волостным властям на «непокорство» своих детей, с которыми «сладу не стало», требовали вмешательства.

Сельское сообщество постоянно следило за результатами социализации в любой семье и знало обо всех основных издержках этого дела, поскольку жизнь каждого домохозяйства проходила на виду у соседей. В ходу была такая поговорка на сей счет: «Кроме села (или базара. – В. З.) никто не будет знать»².

Общественное мнение признавало приоритет родителей в регулировании отклоняющегося поведения подростков и несовершеннолетних молодых людей, правомерность наказаний: «Отец сына бьет – не на худо учит», «Кобыла жеребенка лягает, а до смерти никогда не улягнет» (т. е. когда наказывают родных детей – вреда от этого нет)³. Такие проявления девиантного поведения в семьях, как добрачные и внебрачные связи, браки-«сожителства», рождение внебрачных детей, пристрастие к спиртному, в деревнях осуждались слабее или строже – в зависимости от категории населения, но среди соседей, односельчан долгое время существовало несколько отстраненное и довольно терпимое отношение к ним. В праздничные дни и после помочей выпивка для взрослых считалась даже как бы обязательной, если они не были слишком набожными или больными. Более суровым отношением к пьянству, а также к курению табака было только в ортодоксальной старообрядческой среде.

В человеке, преступившем норму обычного права и тем более – писаный государственный закон, крестьянское мировоззрение было склонно видеть, прежде всего, «несчастливого» – жертву неудачно сложившихся обстоятельств. В проступке видели обычно не проявление злой воли, а «несчастье», «беду», малый или большой «грех». Не столько в смысле нарушения нравственно-религиозных установлений, сколько в смысле случайности, которую можно было предотвратить⁴.

Усиление негативных проявлений в поведении молодежи общественное сознание крестьянства хорошо уловило, но всей глубины причин вскрыть было не в состоянии. Часто наблюдалась явная растерянность перед суровым «духом времени». Говорили, что отцы да матери детям «поволку стали давать» – ослабили контроль за поведением, что в семьях «строгостей нет, оттого и народ ослабел». С грустью вспоминали старые «досельные» времена: «При царе Лексее (Алексее Михайловиче. – В. З.) дети родителей слушались, народ был не праздной, не шатающущий» (Причунский край в Енисейском уезде); «Прежде лозами драли, и народ крепче был, а ныне что? Так и стегнуть его не смей, отца и мать мало почитают» (Алтайский горный округ)⁵. Кроме «излишней» эмансипации молодежи, в качестве причин девиантного поведения называли также усиление власти денег, приток в селения «посторонних» людей из числа ссыльных, переселенцев, отходников.

¹ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение... С. 39; *Гандельсман В. О.* Способы народного врачевания в Идринской волости Минусинского окр. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1890–1891 гг. 1891. С. 133; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. С. 41; *Савельев А. А.* Народная медицина... 19 апр.; и др.

² НАГО. Разр. 57. Оп. 1. Д. 32. Л. 49; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Указ. соч. С. 353.

³ *Ивановский В.* Указ. соч. Вып. 15. С. 33.

⁴ *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 62; *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта... № 9. С. 210.

⁵ *Чеканинский И.* Енисейские старины и исторические песни // Этногр. обозрение. 1915. № 1/2. С. 104; *Чудновский С. Л.* Алтайская поземельная община. № 11. С. 186.

В рамках сельского сообщества существовали как формальные, так и неформальные механизмы противодействия девиантному поведению молодых односельчан. Прежде всего, это **влиятельное общественное мнение** деревни, поддерживавшее «послушных» детей и ту часть молодежи (опору и надежду деревни), что жила «по закону», «по обычаю», все необходимые новации в хозяйственном и семейном быту согласовывая с родителями и обществом.

«Пересуды – атмосфера, которой дышала деревенская жизнь и раньше, и дышит ей теперь. Эти “пересуды” – тот пламень, в котором шлифуется “общественное мнение” деревни и создается репутация женщины. Они часто являются стимулом, предохраняющим деревенскую девушку от легкомысленных поступков», – писал в 1909 г. учитель А. Г. Эпов, наблюдая быт забайкальских крестьян¹. И замужним женщинам тоже немногим хотелось «примать худую славу». Такие старинные способы общественного осуждения «гулящих» девиц и женщин, как обмазывание дегтем или смолой ворот и наличников дома, публичное срывание шали с головы, в изучаемую эпоху продолжали применяться в сибирских селениях, но в целом теряли свое значение. Эти способы были дискредитированы хулиганствующими парнями, которых родители и мужья крестьянок зачастую привлекали к ответственности в волостном суде или на сходе за клевету и оскорбление личности².

Когда в семьях начинались «смутки» и возникала опасность брачного развода, ненужного семейного раздела, то родственники, соседи, хорошие знакомые обычно старались примирить ссорящихся, внушая им старые истины, освященные и религией, о святости семьи, браке как союзе навечно: «Что Бог связал, человеку не развязать»; «Взял худую жену, держи за хорошую»; «На что и клад, коль в семье лад»³. У алтайских кержаков, если жена убегала от мужа к родителям, то общественное мнение требовало ее возвращения, иначе отца могли «отлучить от чашки» – изгнать из церковной общины⁴. Духовные наставники тоже нередко вмешивались в дела развода или раздела, обычно по просьбе кого-нибудь из членов семьи «увещевали» – подавали советы с целью примирения сторон.

Сурово осуждались общественным мнением воровство, а также обман, когда речь шла об отношениях внутри крестьянского сообщества, особенно среди близких и членов различных трудовых сообществ (промысловых артелей, например). Автор описания хозяйственной жизни Верхоленского края в 1884 г. пересказал на страницах газеты легенду, популярную среди тамошних охотников. Когда-то одного «обманщика постигла такая кара: он должен был отказаться от всякого промысла, потому что ни ружье не попадало в цель, ни в плашках (вид звериной западни. – В. З.) не находил он после обмана добычи». «Обман, утайка считаются тяжким грехом, и я не слышал таких примеров», – резюмировал наблюдатель⁵.

Что касается злостного пьянства и курения табака, то исследователь Ф. Ф. Болонев называет и характеризует следующие каналы борьбы общественного мнения забайкальских семейских с этим злом (они применялись и иными категориями сибирского крестьянства): фольклор, рациональные запреты, религиозно-нравственная назидательность, всеобщее осуждение опустившегося человека⁶.

Кстати, общественное мнение крестьян-старожилов воспринимало как отклонения от «правильного» поведения многие особенности образа жизни переселенцев, не обязательно являвшиеся негативными. Численно преобладавшие и экономически доминировавшие старожилы подвергали новоселов насмешкам за «неправильную» организацию хозяйства, за грязь в избе и неряшливость домашнего обихода, за нелепые, с их точки зрения, одеж-

¹ ЗККМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10. Л. 24–25.

² ГААК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 68. Л. 53; ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 137. Л. 86; Ф. 143. Оп. 1. Д. 143. Л. 10–12, 15–16; ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 113. Л. 50–53; и др.

³ ИРЛИ. Разр. V. К. 78. № 640. Л. 12; Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Указ. соч. С. 354; Ивановский В. Указ. соч. Вып. 15. С. 6; Попова А. М. Семейские... С. 22; и др.

⁴ Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае. С. 49.

⁵ Г. Экономический быт верхоленского крестьянина // ВО. 1884. 19 июля.

⁶ Болонев Ф. Ф. О некоторых способах охраны здоровья... С. 19–21.

ду, пищу, язык и т. д.¹ Такая «культурная рознь», а также разногласия по поводу землепользования нередко выливались в напряженные отношения двух крупнейших категорий сельского населения Сибири. Однако в целом механизм «осибирячивания» переселенцев был действенным. Как в силу объективной необходимости, так и просто стремясь избежать обидных насмешек, представители второго-третьего поколений новоселов успешно перенимали особенности культуры и образа жизни «чалдонов». Важную роль играли также смешанные браки. Сходные элементы имелись и в механизме обратного влияния переселенцев на старожилов.

Некоторые проявления девиантного поведения молодежи были настолько вызывающими, что требовали уже **вмешательства властных инстанций** сельского и волостного крестьянского самоуправления. Такое вмешательство происходило чаще всего не по инициативе «властей», а по устной жалобе или письменному заявлению кого-либо из общественников. Несмотря на традиционный запрет «выносить сор из избы», жены жаловались на мужа или его родных за побои и издевательства, мужа просили провести «следствие» и выдать им документ о «прелюбодейной жизни» жены для возбуждения бракоразводного дела. Старики заявляли на сыновей, отказывавшихся давать им приют и пропитание, взрослые дети – на сильно пьющего отца, проматывающего семейное достояние. Однообщественники жаловались на воровство, пьянство и хулиганство молодежи и т. д.

Некоторые из этих вопросов решались непосредственно сельскими старостами и волостными старшинами (у казаков – поселковыми и станичными атаманами) с помощью местных полицейских чинов – десятских и сотских, иногда с приглашением понятых и прочих лиц. Дело могло ограничиться строгим внушением, но практиковались и различные взыскания, даже единоличные решения о позорящем наказании виновных, что вообще-то являлось уже превышением власти.

В иных случаях должностные лица выносили жалобы и заявления на **решение мирской сходки**. Согласно указанию ряда источников, в пореформенный период местами сохранялось выделение в составе схода «фракции» пожилых и наиболее авторитетных домохозяев – «стариков», которые вместе с выборными начальниками осуществляли разбирательство на сходах мелких гражданских и уголовных дел². «Суд стариков» обычно старался примирить обидчиков и обиженных. Если же этого не удавалось сделать, то сход в большинстве случаев отправлял дело для формального окончательного решения в волостной суд, но иной раз принимал и собственные меры «воспитания» и наказания. Штрафовал или «страмил» виновных: водили по улицам воров с украденным имуществом, распутных девиц в дурацком колпаке, пороли розгами и т. п. Наиболее скорой и суровой на расправу (арест, публичная порка) была казачья сходка³.

Женщины редко находили на сельском сходе управу на мужей – прелюбодеев, драчунов и пьяниц: «Жену же осмеют, а с мужа выпьют водки»⁴. Непокорство детей по жалобе родителей «старики» пресекали с большей строгостью. К чести сельских сходов в Сибири, они мало вмешивались в семейные разделы, не подвергали преследованию нередкие здесь невенчаные браки-сожителства, узы которых были часто не менее прочными, чем у законного брака. Такое сожителство по большей части было вынужденным (в него вступали преимущественно сироты, вдовы или бедняки) и, с точки зрения крестьян, не заключало в себе «ничего постыдного»⁵.

¹ *Бородкина М. В.* Деревня Иткара Томского края. С. 5–6; Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 17. С. 87–88; Осибирячивание переселенцев // ВО. 1884. 2 авг.; *Турбин С. И.* Сибирь: (краткое землеописание). СПб., 1871. С. 48–49; и др.

² *Капустин С. Я.* Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губ. // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 111; *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 107–108; *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта... № 7. С. 54; № 10. С. 200; и др.

³ Фольклор казаков Сибири. С. 202.

⁴ *Загоскин М. В.* Ответы на программу РГО... С. 17.

⁵ *Антропов Р. Л.* Крестьянские браки в Анциферовской волости Енисейского уезда // ВО. 1902. 11 янв.

Хроническое пьянство стало в изучаемый период одним из главных объектов борьбы здоровых сил в сельских обществах. Под влиянием здравомыслящих и добропорядочных своих членов сельские сходы применяли следующие основные способы противодействия злу: сопротивление открытию питейных заведений и закрытие существующих, выступления против винной монополии государства. Хроника крестьянского движения в Сибири фиксирует приговоры сходов с отказом предоставить виноторговцам право открывать в селении винную торговлю, начиная с 1860-х гг. Обосновывались такие решения тем, что присутствие кабаков «вредно влияет на население и отнимает значительное количество средств, необходимых в хозяйстве»¹. В связи с неурожаем в середине 1880-х гг. в волостях и селениях Барнаульского и Бийского округов Томской губернии такие приговоры стали носить массовый характер, отмечен даже факт разгрома кабака, открытого вопреки желанию крестьян².

Известны случаи, когда на сходе сельчане давали коллективный «зарок» вообще не пить водку в течение года, а потом продлевали его и проводили даже трезвые свадьбы (например, в с. Крестовском Витимской волости Киренского округа Иркутской губернии в 1881–1882 гг.)³. В то же время из многих газетных корреспонденции и мемуаров становится ясно: большинство попыток установить в селениях трезвый образ жизни было сорвано кабатчиками (часто это были разбогатевшие местные жители), подкупом, обманом и соблазном добивавшимися отмены приговоров-запретов или продолжавшими торговать вином без разрешения⁴. Так, Н. М. Чукмалдин рассказал о своей неудаче в 20-летней борьбе с кабаками в деревнях Кулаковой и Гусельниковой Тюменского округа (на эту борьбу купец положил «всю энергию и материальные средства»): «На моей стороне было полное сочувствие всего женского населения обеих деревень; мне помогали делом и советом трезвые и хорошие крестьяне; мне явно не противодействовали даже пьяницы и мироеды, – но чуть только появлялся кабатчик с несколькими ведрами водки для схода и несколькими отдельными подачками мироедам, как все доброе настроение разрушалось и появлялись кабаки, разорители крестьян»⁵.

Выполнить решение о запрещении виноторговли в селениях было непросто еще из-за непризнания властями за сельскими обществами права самостоятельно решать такие вопросы. «Трезвенные» приговоры сходов особенно активно стали отменяться администрацией после введения в 1894 г. казенной монополии на водочную торговлю, активно пополнявшей бюджет России. Крестьяне выступали против такой монополии не только потому, что казна фактически насаждала пьянство, но и потому, что виноторговая сеть часто располагалась без учета интересов крестьян, а разлагающую деятельность тайных кабаков, развернутых деревенскими воротилами, было теперь трудно контролировать.

Мобилизация и отправка в армию нижних чинов запаса привела в первые месяцы мировой войны к массовому разгрому призывниками частных торговых и казенных винных лавок⁶. Реализуя срочно принятый «сухой» закон, власти стали теперь всячески инициировать деятельность сельских и волостных органов по пресечению самогонварения, явной и тайной виноторговли. Однако деятельность эта не была эффективной по ряду причин: в связи с общим ослаблением авторитета и дееспособности властных структур в момент развития революционного кризиса, из-за коррупции в инстанциях, призванных проводить в жизнь «трезвенное» законодательство. А главным образом потому, что запрещение изготавливать и продавать крепкие спиртные напитки явилось изолированным актом, не подкрепленным ком-

¹ Крестьянское движение в Сибири, 1861–1907 гг.: хроника и историография / Л. М. Горюшкин, В. В. Кучер, Г. А. Ноздрин [и др.] Новосибирск, 1985. С. 68, 161, 314–315.

² Там же. С. 157.

³ Корреспонденция из с. Крестовского Витимской волости // Сибирь. 1882. 21 февр.

⁴ См., например: Загоскин М. В. Десять лет в сибирской деревне. С. 12–13; Корреспонденции // Сибирь. 1885. 8 дек.

⁵ Чукмалдин Н. М. Указ. соч. С. 143–146.

⁶ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири, 1914–1917 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 58–61.

плексом мер по развитию экономики и культуры, демократическими преобразованиями политического и правового положения крестьянства.

В борьбе с противоправным поведением подростков и молодежи сельские сходы изучаемой эпохи тоже принимали посильное участие. Действенной мерой были вызовы родителей на общую сходку. Наказание могло быть суровым, но дело даже не в нем. Для большинства крестьян позорным был сам факт общественного осуждения. Г. Д. Гребенщиков так передает внушение одного из алтайских крестьян своему сыну: «А ты, Миколай... зря без меня по вечеркам не шатайся. Мало что там может случиться: другие подерутся, либо пожар наделают, чтобы меня из-за тебя на сходку не тащили»¹. В связи с нарастанием хулиганства принимались меры по расширению штатов общественной полиции: увеличивали число сотских и десятских, дополнительно к ним выбирали караульщиков и ночных сторожей.

Со временем все чаще применялось право сельского схода исключать из общества «порочных членов» и передавать их властям для высылки. Анализ таких постановлений показывает, что обычно к выселению приговаривались люди зрелых лет: закон требовал, чтобы изгоняемый не менее трех раз до этого был замечен в неблагоприятных поступках и подвергнут за это исправительным наказаниям. И все же при высылке часто специально оговаривалось ее значение для профилактики девиантного поведения молодежи. Так, 11 июня 1906 г. Алтайское сельское общество одноименной волости Бийского уезда ходатайствовало о выселении из своей среды 11 крестьян в возрасте от 26 до 44 лет. Одному из них, Михею Лукьянову, инкриминировалось, в частности, что он, будучи человеком зажиточным, принимает краденое и, «пользуясь легкомыслием крестьянской молодежи, подстрекает ее на совершение мелких краж, наносящая более 100 %». Таким образом, говорилось в приговоре, Лукьянов «окончательно развращает крестьянскую молодежь» и потому должен быть выслан. «За последнее время с Алтайское вообще снискало себе широкую и вместе с тем дурную славу частыми кражами, буйствами, разбоями и убийствами, развелось много воров и мошенников, крестьянская молодежь предается бесшабашному пьянству и разврату», – под такими словами о своем селе могло бы подписаться в изучаемую эпоху немало сибирских крестьян и казаков².

Отчаявшись, иногда сельские и волостные сходы принимали постановления об отмене местных съезжих праздников во избежание пьяного разгула и бесчинств. Натерпевшись от хулиганствующего «молодяжника», воспрещали также «всякие безобразные игрища и в особенности ночные разгулы»³. В годы Первой мировой войны запреты стали еще радикальнее. «В тех селах, где сельскими старостами состоят честные, трезвые и здраво смотрящие на дело лица, прекращены на все время войны вечерки и вечерние прогулки молодежи по улицам», – читаем в отчете о состоянии Забайкальской православной епархии за 1915 г.⁴ Аналогичная мера практиковалась и в других районах Сибири.

Сами крестьяне критически оценивали результативность усилий сельского и волостного общества в борьбе с противоправным поведением части молодых сельчан. На неудачах сказывалась, во-первых, слабая авторитетность терявших свое значение общинных сходок и принудительно избранных на свои должности «начальников». Наказанием «виновные бравируют, уничтожая тем самым страх и у своих товарищей», – отмечает в 1913 г. наблюдатель, один из крестьянских начальников Иркутской губернии⁵. Во-вторых, должностные лица часто проявляли пристрастность, выгораживая своих родственников или детей богатеев, отказывая в защите сиротам и батракам. Бывало, «замытым» по этой причине оставалось даже такое серьезное преступление, как групповое изнасилование, о котором волостные или станичные власти обязаны были немедленно донести администрации⁶. Крестьянин, поднявший на сход-

¹ Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь // Сиб. огни. 1984. № 12. С. 88.

² ГААК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3100. Л. 150; *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // ЖС. 1898. Вып. 2. С. 15–25; и др.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2702. Л. 8.

⁵ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 137. Л. 13.

⁶ *Загоскин М. В.* Деревенские письма. 1889. 13 авг.; *Хроника* // ВО. 1884. 7 июня; и др.

ке вопрос об обуздании хулиганствующей «золотой молодежи», рисковал нажать себе врагов в лице не только виновных, но и их родителей – влиятельных общественников.

К **волостному суду** как институту, тоже участвующему в борьбе с антисоциальным поведением молодежи, у сибирских крестьян было двойственное отношение. Этот институт вводился в соответствии с «Общим положением о крестьянах», и сельчане оценили его преимущества по сравнению с чиновничьим судом и былыми разбирательствами у волостных голов и сельских старшин под контролем земских заседателей. Дела в волостном суде решались сравнительно быстро, с учетом сложившихся местных обычаев выборными членами волостного общества. «Будучи крестьянами, судьи, конечно, знают быт своего брата-крестьянина... знают даже, из-за чего и какие бабы в деревне ссорятся и какой муж и за что бьет свою жену, какой крестьянин хорош и какой дурен – пьяница, лентяй, озорник, сутяга и кляузник, какому свидетелю можно верить на слово и какому нельзя, кого нужно посечь и кого можно без разорения хозяйства проучить рублем, штрафом, кого арестом, чижовкой», – справедливо пишет Н. А. Костров¹. С другой стороны, сельчане быстро разобрались и в пороках волостного суда. Произвол писарей и старшин, нередко диктовавших свою волю судьям, неопределенность правовой основы судебных решений, процветавшее кумовство и мздоимство отпугивали от волостного суда немало сельских жителей.

Тем не менее, многие получившие огласку нарушения общественного порядка и общественной нравственности разбирались волостными судами, причем сюда иногда попадали и преступления, по закону подлежащие не сословному крестьянскому, а коронному суду: грабежи, мошенничество, растления и изнасилования². В арсенале «воспитательных» и репрессивных мер волостного суда были внушения (предупреждения), денежные штрафы, кратковременные аресты с содержанием в каталажной камере при волостном правлении, назначение на общественные работы и розги (до полной отмены в 1905 г. телесных наказаний). Все эти меры применялись судами довольно активно.

Анализ документации волостных судов показывает, что основную массу рассмотренных дел – до 2/3 и более – составляли здесь не уголовные, а денежные и имущественные гражданские иски. Криминальные поступки, наиболее часто фигурирующие в книгах для записи решений волостных судов – оскорбления словом и действием, а затем кражи, пьянство и дурное поведение, драки и побои, разбитие окон. Немало было «семейных» дел о неповиновении родителям, о «нескромной жизни», «нерадении к труду» и т. д.³

Добрачные связи, а также половые отношения не состоящих в браке крестьян как таковые волостными судами не преследовались, если не афишировались самими любовниками и потому не могли служить «соблазном» для населения. Только изредка случалось, что сельский сход или волостной суд требовал от парня, надругавшегося над девушкой, жениться на ней или давать содержание беременевшей, а позднее – ребенку; или слишком явно «гуляющей» девице приказывали выйти за кого-нибудь замуж. Чаше возбуждались дела о «развратной» жизни семейных крестьян. Суды поступали здесь в зависимости от степени доказанности вины, вредности вскрытых отношений для общественной нравственности. Наказания варьировались в широком диапазоне, но при этом просматривается гораздо более строгое отношение к проступкам жен, а не мужей. Открытая проституция и сводничество, создававшие «соблазны» и для молодых парней, и для почтенных глав семейств, наказывались общественными работами, розгами для своих односельчанок и высылкой из селения посторонних жительниц.

Очень сложными для судей бывали разбирательства в семейных ссорах. В принципе суды всячески старались разрешить их примирением сторон. При запутанных обстоятельствах иногда оставляли взаимные претензии сторон без разрешения или наказывали сразу всех. В случае

¹ Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 112–113.

² Ван-Сесля. Пятилетие волостного суда // ВО. 1889. 3 дек.

³ Подсчитано по: ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 54, 55; ГАЗК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 15; ГАИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 143, 145; ГАКК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 723; Ф. 630. Оп. 1. Д. 54; ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 113; Акцинетров П. Народные проступки // Алтай: ист.-статист. сб. ... С. 185–188; Волостной суд // Сибирь. 1886. 9 нояб.

очевидных частых сильных избиений жены виновные муж, свекор или свекровка наказывались, но не очень строго, с них также брали подписки в том, что побои прекратятся. Часто суды считали нужным сделать специальное внушение «жене, чтобы она вела жизнь добродетельную и к мужу своему была бы покорна, как требует того супружеская обязанность, а мужу, чтобы он имел с женою своею супружеский союз». Или чтобы муж «по возможности жил с истицею в мире и согласии, и к этому, а также к почтению научал детей своих»¹.

Если жена или муж, а тем более сразу оба супруга категорически настаивали на нежелании жить вместе, то из опасения, «не вышло бы какого ни на есть греха» суды бывали вынужденными сделать так: проводился раздел имущества, и супруги получали возможность проживать раздельно. Особо в таких случаях оговаривались условия пропитания и воспитания совместных детей. В качестве примера приведем выдержку из приговора Уриковского волостного суда Иркутского уезда от 8 июля 1902 г. по жалобе жительницы с. Лыловского Мартемьяны Ишимцевой на мужа: «Имея в виду, что оба из супругов заявили, что продолжать совместную жизнь они не согласны, между тем, принимая во внимание, что они имеют пять малолетних детей, которые требуют воспитания и содержания, суд постановил: обязать крестьянина Сергея Ишимцева... не стеснять своей жены и предоставить ей свободное проживание, просительница же впредь до совершеннолетия детей должна проживать в доме и пользоваться коровой; кроме этого, Сергей Ишимцев должен выдавать ей на воспитание по 3 р. в месяц, если же Ишимцев пожелает жить в своем доме с женою, то должен иметь особое содержание и жены своей более ни в чем не стеснять, под опасением взыскания...»².

По мере развития элементов дезорганизации семейной жизни все больше глав домохозяйств приносило жалобы волостному суду на «непочтение», даже на побои со стороны выросших детей, а те, в свою очередь, жаловались на родительские обиды и притеснения. Вес одних и других жалоб в глазах судей-крестьян был совсем разный. В отличие от претензий молодежи обращения родителей, особенно матери, обычно встречали полное доверие: «Раз родители жалуются, значит, дети неправы», «Мать из-за нас болезнь принимает, смертность, от этого и в пословице говорится про мать: “Чужой век понеси, а свой положи”...»³. Оскорбление родителей словом или действием наказывалось сурово: арестом на 7 суток или розгами – до 20 ударов. Еще виновного обязывали просить прощения у обиженных и впредь относиться к матери или отцу «с должным почтением»⁴.

Местные обычаи признавали за отцом право прибавить к наказанию волостного суда еще и свое (например, дополнительные удары розгами). Дополнительная отцовская порка случалась при осуждении молодых людей не только за неповиновение родителям, но и за иные проступки и преступления. «На то отцовская воля есть, и никто перечить ей не должен», – так считали крестьяне⁵. Безусловно, удовлетворялись участвовавшие судебные иски родителей к детям о предоставлении на старости лет питания, денег, одежды, крыши над головой. Предписывалось отцу и мать содержать, «не нанося обиды, и по смерти предать земле по христианскому обряду»⁶.

Пьянство тоже наказывалось волостным судом, но не столько само по себе (его считали скорее несчастием, баловством и лишь в хроническом виде – пороком и болезнью), сколько как причина и отягчающее вину обстоятельство при различных других проступках и криминалах. Характерна формулировка в приговоре Кударинского волостного суда Троицкосавского округа Забайкальской области от 13 сентября 1887 г. по делу Егора Хамуева: «... за нанесение оскорблений на словах купцу Альперину, а также за злообычное пьянство... под-

¹ ГАИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 145. Л. 50–51; *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 26–27.

² ГАИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 145. Л. 50–51.

³ РГИА. Ф. 1344. Оп. 159. Д. 3565. Л. 3–4, 10; *Неклепаев И. Я.* Указ. соч. С. 176.

⁴ ГАЗК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 15. Л. 15–16; *Загоскин М. В.* Ответы на программу РГО... С. 125; *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта... № 7. С. 57–58; и др.

⁵ *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 116–117; Хроника // ВО. 1884. 2 февр.

⁶ ГАИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 145. Л. 54–55.

вергнуть наказанию розгами 20 ударами...»¹. Крайним способом борьбы с «частовременным» пьянством и сопутствующими ему формами девиантного поведения, который применялся волостными судами, в частности, у староверов Забайкалья, было выставление виновного у позорного столба на один-три дня для всеобщего осмеяния и поругания².

При разборе дел о хулиганстве, воровстве, мошенничестве суд иногда подвергал наказанию не только молодых виновников, но также их родителей, если они допускали «понаоровку» дурному поведению отпрысков или «подучивали» их к преступлению. Когда серьезный проступок совершал несовершеннолетний, то могли наказать одного лишь главу домохозяйства: он отвечал за всех младших, неотделенных членов двора. Эта ответственность проявлялась и в другом: домохозяева защищали в волостных судах честь и достоинство своих «домашних», чаще всего жен и дочерей. Оскорбивший «малолетку» иногда был обязан по приговору испрашивать прощение у ее отца или другого старшего родственника.

Многие волостные суды проявляли явную озабоченность распространением антисоциального поведения. Они старались ужесточить наказания, «принимая во внимание, что молодежь не имеют за собой никакого удержа, и хулиганство их раз от раза принимает более широкие размеры»³. Еще и еще раз добавляли к приговорам назидательные формулировки внушения нарушителям, «чтобы они на будущее время подобного рода проступков не имели права производить»⁴.

Со временем в сибирских деревнях росло количество серьезных преступлений, подсудных не волостному, а коронному уголовному суду – мировому или окружному. Здесь возбуждались дела о крупных кражах, грубых нарушениях благочиния и благоустройства, о преступлениях против порядка управления, веры и церковных установлении. Здесь рассматривались случаи преждевременного рождения детей и выкидышей от побоев мужей, о ранах и увечьях, убийствах. Сюда же восходила часть дел о злоупотреблении родительской властью, преступлениях детей против родителей, супругов против брачного союза и др. И представители администрации, и обследовавшие сельский быт наблюдатели, и сами крестьяне единодушно отмечают «крайне скептическое», «недоверчивое» отношение крестьянства Сибири к чиновничьему следствию и суду, стремление по возможности избегать его «неправедного» и «корыстного» вмешательства даже в серьезных случаях⁵.

Доверие своим крестьянским (волостным) судам было немногим выше, ведь и эта инстанция слишком часто доказывала свою неэффективность и пристрастность. В таких условиях сельчане вынуждены были или предпочитали действовать неправовыми методами и устраивали самосуды. Особенно часто самосуду подвергали конокрадов из числа посторонних лиц, пойманных с поличным. Установилась даже своеобразная традиция: конокрадов жестоко избивали на месте преступления или, приведя в селение на сходку, случалось даже – тут же убивали или закапывали в землю живыми⁶. Самочинная расправа следовала иногда и за другими видами злостных краж, при борьбе с притонодержательством и т. д.

В целом большинство крестьян было озабочено наметившимися в конце XIX – начале XX в. элементами дезорганизации общинной и семейной жизни, серьезными трудностями в воспитании детей, распространением девиантного поведения подростков и молодежи. Поскольку применявшиеся меры профилактики и борьбы с аморальными и противоправными проявлениями в деревнях не приносили желаемого успеха, активизировалось обсуждение вопроса о **необходимости дополнительных и даже чрезвычайных мероприятий.**

¹ ГАЗК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

² См.: *Болонев Ф. Ф.* О некоторых способах охраны здоровья... С. 21.

³ ГАКК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

⁴ *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта... № 10. С. 204.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3934. Л. 260; МКМ. Оп. 1а. Д. 52. Л. 14–15; *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта... № 10. С. 215; и др.

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 74. Д. 5811. Л. 385; НГПУ. Д. 5. Л. 92–93; *Материалы для изучения... Западной Сибири. 1889. Вып. 3. С. 365; Хроника сибирской жизни // ВО. 1888. 11 дек.; и др.*

В селениях было немало сторонников установления режима «сильной руки», которая навела бы порядок между «испорченными» людьми. Иногда черты такого режима видели в прошедших дореформенных порядках. Приведем характерное для таких людей мнение, вытеснено высказанное в 1885 г. жителем волостного села Теплодубровка Ишимского округа Тобольской губернии И. С. Родионовым в его письме редакции «Московских ведомостей»: «Очень хорошо бы было и, как видно, народ... того только и дожидается – как прежде сего за их (нарушителей общественного порядка. – В. З.) грубость, упорство и своенравие почти постоянно садили под арест и секли розгами по постановлениям установленных властей и без всяких дальнейших процессий, тогда, само собой разумеется, этот загрубелый безнравственный народ сразу понимал (и ныне понял бы), в чем суть: всячески, дескать, надобно повиноваться старосте и старшине, не говоря уже о высших властях...»¹.

На иных позициях находились те сельские жители, которые свои надежды связывали с улучшением экономического и правового положения крестьянства, с развитием национальной и региональной культуры. Упомянувшийся нами крестьянин Минусинского округа Енисейской губернии Ф. Ф. Девятов в одном из своих писем в газету от имени земляков высказывает пожелание, «чтобы народное образование в Сибири развивалось в высоту и глубину, чтобы росли не только средние заведения с университетом во главе, но чтобы множились и низшие школы – фундамент широкого народного образования. Если университет даст нам справедливого судью... дальновидного прокурора... красноречивого защитника... расторопного и старательного судебного следователя... то народное сельское училище предупредит и не допустит совершения многих преступлений, так как большая часть преступлений суть прямые следствия народного невежества»². Представители крестьян в Мариинском уездном Комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Томская губерния) «упорно поддерживали» предложения о всеобщем школьном образовании детей в возрасте 8–12 лет. «Это распоряжение обязательной отдачи детей в школу, по мнению членов-крестьян, не только принудило бы всех обучать своих детей, но и направило бы крестьянскую молодежь на добрый путь и не допустило бы той испорченности и распущенности, которые ныне существуют между крестьянскими подростками», – говорится в документах комитета³.

Многие сельчане считали: отвлечение молодых людей от хулиганства и пьянства невозможно без развития сети культурно-просветительных учреждений, распространения разумных развлечений. Отвечая в 1916 г. на один из вопросов анкеты Енисейского акцизного управления, 653 респондента из разных мест губернии заявили о желании населения иметь общественную библиотеку и 357 – кинематограф, 282 – построить народный дом. В 278 анкетах было высказано стремление устраивать в селениях народные спектакли, в 255 – обучать детей музыке и пению. Кроме указанных мер, «большую пользу в упорядочении крестьянской жизни и отвлечении от безобразий деревенской жизни», по мнению респондентов, могли бы принести создание новых школ и ремесленных училищ, покупка «волшебных» фонарей (проекторов для народных чтений), учреждение потребительских лавок, кредитных обществ и т. п.⁴

Диапазон предлагаемых мер, как видим, был довольно широк. Во время обсуждения законопроектов о борьбе с хулиганством и пьянством в 1912–1914 гг. некоторые сельские сходы и волостные правления Тобольской и Иркутской губерний не видели необходимости в каких-либо преобразованиях: «В нашем обществе пьянства и хулиганства нет...», «Пьянства у нас сильного не предвидится, и остановить совсем не пить трудно...»⁵. Другие же, и таковых было гораздо больше, считали необходимыми и возможными одно или сразу несколько из следующих мероприятий: 1) прекращение ссылки в Сибирь; 2) усиление репрессивного законодательства по отношению к самогонварению, злостному пьянству и хулиганству; 3) дальнейшее

¹ РГБ. К. 542. П. 86. № 36. Л. 2.

² Цит. по: Хроника // ВО. 1887. 16 янв.

³ Труды МКНСП. Т. 56. С. 274–275.

⁴ Подсчитано по: [Юрьев А. Я.] Указ. соч. С. 40–45.

⁵ ГАТ. Ф. 335. Оп. 1 (604). Д. 11. Л. 54, 59, 202, 212, 217 и др.

увеличение штатов общественной полиции, введение «освобожденной» должности полицейских стражников в крупных селениях; 4) упорядочение торговли спиртными напитками (с августа 1914 г. поддерживается «сухой» закон); 5) организация разумных развлечений, «которые служили бы к облагорожению нравов» населения; 6) учреждение обществ трезвости, организация церковных проповедей, лекций о вреде пьянства; 7) улучшение образования и воспитания юношества усилиями семьи, сельского общества и официальной школы¹.

Последнее из перечисленных предложений встречается довольно часто и формулируется, например, жителями Ишимского уезда Тобольской губернии следующим образом: «... признаем желательными мерами: главным образом внушение старшими членами и главами семьи – молодым, чтобы они старались или совсем не пить вино, или выпивать, но в редких уважительных случаях и в умеренном количестве» (Меньшиковское сельское общество Армизонской волости). Считали необходимым «давать строгие внушения всем сельским сходом отцам пьянствующей молодежи, и которые чтобы принимали меры воспрещать пьянствовать своим сыновьям; а в противном случае призывать на сельский сход и самую молодежь для обличения в таких порочных поступках, но одному сельскому старосте принимать меры против пьянства молодежи невозможно ввиду того, что молодежь питает большую злобу на старосту...» (Снегиревское общество той же волости). «Воздерживать своих детей и молодежь от пьянства и неприличных действий, обучать таковых к высшим наукам и содержать, как подобает, в духе православной веры», – такой выход видели жители д. Баировой Кутырлинской волости².

Анализ ситуации в годы Первой мировой войны показывает, что проблема аморального, делинквентного и криминального поведения части подростков и молодежи так и не была решена в сельской местности Сибири. Более того, она продолжала обостряться. Это можно считать объективным свидетельством существования серьезных «сбоев» в деле социализации, часто сводивших на нет огромные усилия крестьянства по трудовому, нравственно-этическому, эстетическому воспитанию, семейно-общинному и школьному образованию подрастающих поколений сельских тружеников.

¹ Там же. Д. 11; ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 137.

² ГАТ. Ф. 335. Оп. 1 (604). Д. 11. Л. 25, 59, 62, 122, 179, 188 и др.

ГЛАВА 5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

5.1. Начальные проявления демографического перехода: старожильческая и переселенческая модели

В настоящем разделе монографии рассматриваются основные итоги тех процессов реорганизации и частичной дезорганизации процесса физического возобновления поколений в сельском населении Сибири, которые были достигнуты на рубеже XIX–XX вв. В качестве теоретико-методологической основы изучения этого процесса и его результатов выступает в данном случае *теория демографического перехода как органичной части модернизации традиционного общества* в России (см. о ней во введении к монографии).

Применительно к Сибири вопрос о датировке начала демографического перехода, или демографической модернизации был впервые поставлен в наших работах 1990-х гг. Мы сформулировали положение о том, что в 1860-х – середине 1890-х гг. в регионе стали складываться предпосылки демографической модернизации, а на рубеже XIX–XX вв., вслед за Европейской Россией, появились признаки первой фазы такой модернизации, преимущественно в крупных городах, но и в селениях тоже¹. Поскольку в науке еще не сложилось обще-

¹ Зверев В. А.: 1) Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 27; 2) Воспроизводство сибирского населения на

го мнения о времени начала и периодизации демографического перехода в Азиатской России, существует необходимость дополнительного обоснования нашей точки зрения.

В данном случае постараемся сделать это, опираясь на схему развития демографического перехода в разных регионах мира, используемую в демографических прогнозах ООН. Эта схема выделяет четыре фазы транзиции, конечный результат которой – стабилизация (прекращение роста численности) населения. Выделение фаз основано на сравнительной динамике общих коэффициентов естественного движения населения. *Первая фаза демографического перехода*, которая нас в данном случае интересует, знаменуется снижением коэффициентов смертности, которое опережает снижение коэффициентов рождаемости (последние могут на первом этапе и расти), в итоге на этой фазе общие коэффициенты естественного прироста достигают своего наибольшего значения¹. С учетом схемы ООН вопрос о том, имели ли место в Сибири в конце XIX – начале XX в. начальные и достаточно устойчивые проявления демографической модернизации, можно переформулировать так: снижались ли в указанное время в регионе общие коэффициенты смертности, опережал ли этот процесс сокращение коэффициентов рождаемости, наблюдались ли в итоге экстремальные темпы естественного прироста населения?

Чтобы ответить на такие вопросы, рассмотрим показатели естественного движения населения Сибири, взятой в территориальных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей за 1884–1914 гг. (табл. 20). В данном случае по необходимости, обусловленной состоянием источников, в расчетах учитывается не только деревенское, но и городское население Сибири. Однако следует помнить, что ситуация, присущая всему населению Сибири, формировалась в сельской местности, где проживала основная масса сибиряков, и в своем количественном выражении мало отличалась от ситуации в деревенском населении.

Таблица 20

**Динамика общих демографических коэффициентов в Сибири
конца XIX – начала XX в., %***

Годы	Смертность	Рождаемость	Естественный прирост
1884–1886	34,7	48,7	14,0
1887–1891	33,1	45,9	12,8
1892–1896	35,7	48,8	13,1
1897–1901	32,0	49,9	17,9
1902–1905	31,2	47,6	16,4
1906–1909	34,0	52,3	18,3
1910–1914	31,9	51,5	19,6
1884–1896	34,5	47,6	13,1
1897–1914	34,1	53,3	19,2

* Данные таблиц 20 и 21 подсчитаны по: Отчет Медицинского департамента МВД за... [1886–1895 гг.]. СПб., 1888–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1916. За неимением в источниках не учитываются сведения по Акмолинской обл. за 1887–1889 и 1891 гг., по Забайкалью за 1887–1895 гг. Годовые показатели смертности и рождаемости измерены 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году. Показатели за 3–5-летние периоды равны средним арифметическим всех годовых показателей за конкретный период.

начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; 3) О начальном этапе модернизации и дезорганизации образа жизни восточнославянского населения Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 117–120; и др.

¹ Демографический переход // Демографическая энциклопедия. М., 2013. С. 241; Иванов С. Ф. Демографический переход // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 116.

Сравнение между собой дробных 3–5-летних хронологических отрезков создает впечатлительные противоречивости картины: в диахронических рядах и смертности, и рождаемости, и естественного прироста показатели колеблются, то увеличиваясь, то сокращаясь, и генеральные векторы изменений не очевидны. Этот факт можно истолковать таким образом, что начальных проявлений демографического перехода динамика общих демографических коэффициентов не обнаруживает. Однако не следует торопиться с таким выводом. Если сравнивать между собой два более длительных хронологических отрезка – 1884–1896 и 1897–1914 гг., то признаки первой фазы демографического перехода в масштабах всей Сибири налицо. Смертность немного сократилась, а рождаемость подросла, и поэтому естественный прирост населения превысил 19 ‰, что свидетельствует о начинающемся демографическом «взрыве».

Сравним теперь динамику общих демографических коэффициентов в двух субрегионах Сибири – Иркутской и Томской губерниях, причем выделим только сельскую местность, где меньше всего можно ожидать обнаружения признаков демографической модернизации (табл. 21). Томская губерния, самая многонаселенная на рубеже XIX–XX вв. в регионе, в данном случае представляет Западную Сибирь – основной район аграрной колонизации в масштабах Российской империи. Иркутская губерния представляет в нашей выборке относительно малонаселенную и к тому же в меньшей степени затронутую переселенческим движением Восточную Сибирь.

Таблица 21

**Естественное движение сельского населения
в Томской и Иркутской губерниях конца XIX – начала XX в., ‰**

Годы	Томская губ.			Иркутская губ.		
	Смертность	Рождаемость	Прирост	Смертность	Рождаемость	Прирост
1887–1889	25,5	48,6	23,1	39,8	48,3	8,5
1890–1892	30,0	48,6	18,6	32,7	46,7	14,0
1893–1895	37,1	63,6	26,5	39,2	47,7	8,5
1902–1905	28,9	52,3	23,4	35,0	45,0	10,0
1906–1909	34,7	58,0	23,3	32,2	45,0	12,8
1910–1914	32,5	55,7	23,2	28,7	45,0	16,3
1887–1895	30,9	53,6	22,7	37,2	47,6	10,4
1902–1914	31,8	55,4	23,6	30,4	45,0	14,6

В сельском населении *Томской губернии* динамика показателей естественного движения выглядит еще более «неупорядоченной» и не отвечающей стандартам первой фазы демографического перехода, чем в населении всей Сибири. Сравнение 3–5-летних микропериодов в первом приближении не выявляет закономерностей динамики: показатели то возрастают, то сокращаются. В промежутке между 1887–1895 и 1902–1914 гг. смертность не сократилась, а увеличилась, хотя и в меньшей степени, чем рождаемость. Это увеличение никак не соответствует закономерностям первой фазы демографической трансформации. В то же время небольшое усиление рождаемости и особенно естественного прироста этим закономерностям соответствует. В Томской губернии почти на всем протяжении изучаемого периода естественный прирост населения «зашкаливал» за 20 ‰ и был самым высоким во всей Азиатской России (возможно, и России в целом).

В сельской местности *Иркутской губернии* динамика демографических коэффициентов во многом выглядит по-иному. Если исключить из анализа 1890–1892 гг., то наблюдаются последовательное, от одного 3–5-летнего периода к другому, и довольно быстрое сокращение смертности, а также небольшой спад рождаемости. Иркутские масштабы естественного прироста сильно уступали томским, но за время с 1893–1895 до 1910–1914 гг. они увеличились почти в два раза! В деревенском населении Иркутской губернии явно обнаруживаются все признаки первой фазы демографического перехода.

Стараясь объяснить столь разительную специфику динамики естественного движения сельского населения двух субрегионов, мы пришли к убеждению, что решающее влияние здесь оказывает разница в составе этого населения. Еще раз констатируем: Томская губерния во второй половине XIX – начале XX в. – основной район массового притока аграрных мигрантов. Например, в 1896–1913 гг. именно сюда водворилась почти половина из 3,2 млн крестьян, переселившихся в Сибирь¹. К 1914 г. новоселы составляли большинство сельского населения Томской губернии и весьма значительную часть городского. Иркутская же губерния в изучаемое время приняла небольшую часть переселенческого потока (в 1896–1913 гг. – всего 3,2 %²), и здешнее население состояло в основном из «чалдонов» – сибирских старожилов. Очевидно, переселенцы и старожилов в селениях Сибири конца XIX – начала XX в., будучи носителями однотипных (а именно – традиционных) демографических представлений и стандартов демографического поведения, в разной степени и разным путем втягивались в наметившийся переход к современному типу представлений и поведения. Специфика демографического поведения сельских жителей (в Томской губернии – преимущественно переселенцев, в Иркутской – в основном старожилов) и порождала существенную разницу в динамике общих демографических коэффициентов в субрегионах Сибири.

Проведенное выше сравнение динамики естественного движения населения в двух сибирских губерниях позволяет сделать следующее умозаключение. Демографический переход в его первой фазе начинался в Азиатской России *в соответствии с двумя моделями*, которые можно назвать «старожильческой» и «переселенческой». Обе они в той или иной мере отражают ситуацию на всем пространстве Сибири, поскольку почти везде и старожилов, и новоселы являлись более или менее многочисленными категориями населения. Однако каждая из них в разной степени соответствует реалиям конкретного субрегиона, поскольку соотношение доли «природных» сибиряков и переселенцев в населении разных губерний и областей было различным. В наиболее «чистом» виде обе модели представляют нам демографическую динамику деревенского населения, поскольку в городах разница в демографических установках и поведении старожилов и новоселов испытывала нивелирующее влияние со стороны урбанизационных процессов.

«Старожильческая» модель первой фазы демографического перехода может быть описана следующим образом. В среде давно укоренившегося старожилого населения Сибири демографическая модернизация начиналась по сценарию, близкому к «классическому». В поселениях «чалдонов» в изучаемое время опережающими темпами сокращалась смертность. Факторы этого сокращения: первые, пока еще скромные, успехи в деле формирования в нашем крае сети образовательных и медицинских учреждений, активизация культурно-просветительской деятельности общественности, положительные подвижки в развитии благосостояния старожилов. Начала (более медленными темпами, чем смертность) снижаться рождаемость. Увеличивался естественный прирост населения, оставаясь в целом относительно умеренным: демографический «взрыв» в среде старожилов, по-видимому, наступил несколько позже, ближе к завершению начальной фазы транзиции, а именно – в 1920–1930-х гг.

Уже выходя за рамки специального разговора о динамике общих демографических коэффициентов, отметим и некоторые дополнительные особенности «старожильческой» модели. В многочисленных трудах историков и этнографов (см. также главу 3 настоящей монографии) отмечались такие особенности демографической ситуации в среде сибиряков-«чалдонов» на рубеже XIX–XX вв.: наименьшая, по сравнению с переселенцами, распространенность эпидемических заболеваний, снижение уровня младенческой и детской смертности, рост модальной продолжительности жизни, уменьшение людности семьи и домохозяйства, упрощение их структуры, оптимизация соотношения мужчин и женщин в населении и т. д. В наибольшей степени «старожильческая» модель отражает особенности демографи-

¹ Горюшкин Л. М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1989. С. 7–8, 12.

² Там же. С. 12.

ческих процессов, протекавших в тех субрегионах Сибири, где в населении доминировали «природные» сибиряки: в Иркутской губернии, Забайкальской области и др.

«Переселенческая» модель начальной фазы демографического перехода выглядит так. В среде недавних переселенцев демографическая модернизация проявлялась, прежде всего, в самом факте добровольной миграции по рациональным соображениям. Характерно, что в случае несоответствия условий поселения в Сибири их ожиданиям многие мигранты были готовы осуществить вторичный переезд в более подходящую местность. Смертность в экстремальных условиях переселения в этой среде была весьма высокой, хотя со временем и сокращалась. Обратите внимание, что во всем населении Сибири (см. табл. 20), в сельском населении Томской губернии (см. табл. 21) всплески смертности происходили именно в 1890-х гг. и особенно в годы Столыпинской аграрной реформы, когда поток переселенцев на восток достигал наибольших масштабов. Большая смертность с лихвой компенсировалась высокой рождаемостью, которая объясняется необходимостью минимизировать демографические потери, обеспечить новое хозяйство в Сибири «земельными душами» и работниками, а также молодым составом миграционной волны. Прежде всего именно в среде переселенцев сложились максимальные показатели естественного прироста населения, достигнув, по данным 1906–1912 гг., 25–30 ‰¹. Затем демографический «взрыв» распространялся и на другие категории сибирских жителей.

«Переселенческой» модели присущи также наиболее широкая распространенность эпидемий, экстремально высокая младенческая и детская смертность, редкие семейные разделы, сравнительно большая людность семьи и домохозяйства, более интенсивная брачность, половая диспропорция в населении (преобладание мужчин) и т. д. В наибольшей степени этой модели соответствовали демографические процессы в тех субрегионах Азиатской России, которые принимали основные потоки аграрных мигрантов – в Томской губернии, Омском уезде Акмолинской области, на юге Енисейской губернии.

Но можно ли развитие демографических процессов в переселенческой среде Сибири увязывать с началом демографического перехода, если в этой среде имелось так много несоответствий с «классической» моделью последнего? Нам думается, что можно, ведь все эти несоответствия существовали только непосредственно в момент переселения и в первые несколько лет после него, когда происходило укоренение «лапотонков» на новых местах. Эти несколько лет заведомо не перекрывали хронологию всей первой фазы демографического перехода, которая длилась несколько десятков лет, возможно, до начала 1940-х гг. В процессе своего хозяйственного обустройства и «осибиричивания» в тесном контакте с «чалдонами» переселенцы усваивали новые демографические установки и корректировали свое демографическое поведение, расширяя, таким образом, социальный и территориальный ареал действия «старожильческой» модели первой фазы перехода.

В конце XIX – начале XX в. процессы, соответствующие обеим моделям, на пространстве Сибири, где переселенцы и старожилы уравнивались по своей численности, накладывались друг на друга. В реальности возникала картина, отличная от теоретического представления о том, как должны выглядеть начальные проявления демографической модернизации. Однако модернизация уже стартовала: наметились изменения в демографических представлениях и поведении сибиряков, что нашло отражение и в динамике показателей воспроизводства населения

Две модели первой фазы демографического перехода можно представить не только в количественно-статистическом, но и в нарративно-описательном формате. При этом следует учесть результаты историко-этнографических исследований², авторы которых выделяют

¹ Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири / под ред. В. К. Кузнецова. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; 1913. Вып. 5. С. 173, 194.

² См., например: Коляскина Е. А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае, XVIII – начало XX в. М., 1996; Явнова Л. А. Семейно-бытовые традиции русских

«старожильческую» и «переселенческую» специфику тех прогрессивных изменений, что проявились в конце XIX – первой трети XX столетия, т. е. в начале демографического перехода, в гендерной, семейно-брачной, детородной, витальной сферах образа жизни сибиряков.

5.2. Динамика режима естественного воспроизводства населения Сибири на рубеже XIX–XX веков

Исследования, осуществленные историками и демографами в рамках концепции демографического перехода как составной части модернизации традиционного общества, позволили установить, что в России – стране «второго эшелона» или «догоняющего развития» – переход к современному типу воспроизводства населения происходил в основном в течение XX в. Однако его ранние проявления А. Г. Вишневский и некоторые другие ученые обнаруживают уже в конце XIX – начале XX в.¹ Задачи настоящего раздела демографии заключаются в том, чтобы закрепить в науке представление о начале в досоветскую эпоху демографического перехода в Сибири как составной части Российской империи; кратко охарактеризовать его проявления в 1890-х – 1914 гг.; выявить факторы, направления, первые итоги изменения режима смертности и рождаемости, естественного прироста населения. Начальные проявления демографической модернизации к востоку от Урала сравниваются с развитием переходного процесса в Европейской России и в целом по Российской империи.

В ходе дальнейшего анализа Зауралье разделено на два своеобразных в демографическом отношении региона: Западную Сибирь (там, где нет специальной оговорки, она рассматривается в рамках Томской и Тобольской губерний, Акмолинской области) и Восточную Сибирь (в пределах Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской области). Характеристика режима и типа воспроизводства сельского населения Сибири в данном разделе совмещена с анализом ситуации, развивавшейся в городах региона. Города выступали «пионерами» модернизации, и сравнение их с селениями в данном случае – это прием, который помогает лучше «высветить» итоги развития демографической ситуации в деревнях.

В качестве источника для построения динамических рядов показателей рождаемости, смертности и естественного прироста в данном случае используется текущая административная статистика населения России, в том числе сибирских губерний и областей, ежегодно публиковавшаяся Медицинским департаментом, затем – Главным управлением врачебного инспектора МВД. Хотя она и оценивалась ранее как достаточно репрезентативная², но в полном комплекте для изучения демографии в региональном разрезе до нас не применялась. Нами учтены также данные Всероссийской переписи населения 1897 г. и Всесоюзной переписи 1926 г., текущего учета естественного движения населения в ряде губерний и областей за 1902–1904 гг., массовых экономико-статистических обследований сельского населения Сибири в начале XX в. и иные источники.

Начнем с **анализа режима смертности**. Исследователи, пользовавшиеся преимущественно материалами Европейской России, установили, что смертность населения страны на рубеже XIX и XX вв. оставалась в основном традиционной. Она была обусловлена главным образом внешними (экзогенными) факторами среды, мало зависящими от возраста и потому служащими источниками ранней преждевременной смерти. Еще не стали достаточно зрелы-

старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002 и др.

¹ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневского. М., 1977; Воспроизводство населения в СССР / под ред. А. Г. Вишневского, А. Г. Волкова. М., 1983; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2000 и др.

² Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность... С. 72–73.

ми экономические, социальные, культурные и ментальные предпосылки перехода к новому, «экономному» типу смертности, когда она в большей степени оказывается результатом действия внутренних (эндогенных) факторов, порождаемых естественным развитием и старением человеческого организма. По уровню смертности Российская империя находилась на одном из первых мест в Европе.

Сравнительный анализ ситуации в Сибири (табл. 22) показывает, что здесь общий коэффициент смертности в конце XIX – начале XX в. был еще на несколько пунктов выше, чем в Европейской России и по стране в целом. Сказанное относится и к итоговым данным по всей Сибири, и к отдельно взятым сельскому и городскому, западно- и восточносибирскому населению.

Таблица 22

Динамика смертности населения России и ряда ее регионов, ‰*

Годы	Российская империя	Европейская Россия	Сибирь	В том числе	
				Западная	Восточная
<i>Городское население</i>					
1902–1905	26,0	26,4	34,4	36,2	31,9
1906–1909	26,8	27,2	38,1	40,3	34,8
1910–1914	23,0	23,4	29,2	30,7	27,0
<i>Сельское население</i>					
1902–1905	28,2	29,8	30,9	30,7	31,4
1906–1909	27,4	28,1	33,6	34,6	31,0
1910–1914	25,7	26,0	32,2	32,9	30,0
<i>Все население</i>					
1892–1896	32,0	27,0	35,7	36,7	33,6
1897–1901	28,8	30,0	32,0	31,8	32,6
1902–1905	27,9	29,4	31,2	31,1	31,4
1906–1909	27,4	27,9	34,0	35,0	31,4
1910–1914	25,3	25,7	31,9	32,7	29,6

* Данные таблиц 22, 24, 26 подсчитаны по: Отчет Медицинского департамента... [за 1891–1895 гг.] 1894–1898; Отчет о состоянии народного здоровья... [за 1896/1901–1914 гг.]. Смертность и рождаемость измерены 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения за соответствующий год. Показатели за 4–5-летние периоды равны средней арифметической всех годовых показателей за данный период.

Рассматривая распределение умерших по возрастам, легко можно убедиться, что в Азиатской России, как и по всей стране, общий уровень смертности определялся в первую очередь непомерно высокими показателями младенческой и детской смертности. В Киренском уезде Иркутской губернии в числе всех скончавшихся в период 1893–1897 гг. крестьян (в среднем за год умирало 1668 человек) 43,3 % имело возраст менее года, 63,5 % – до 5 лет. Среди скончавшихся в возрасте до года 22,4 % приходилось на тех, кто не прожил и одного месяца¹. Данные о масштабах детской смертности начала XX столетия по трем губерниям ярко отражают сходство ситуации как на западе, так и на востоке региона (табл. 23). Из каждого десятка умиравших обитателей сибирских городов и селений обычно 6–7 являлись детьми в возрасте до 5 лет.

¹ Подсчитано по: Кокоулин К. К. Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ.: (Брачность. Рождаемость. Смертность) // Изв. / ВСОРГО. 1903. Т. 34, № 2. С. 144–146.

Масштабы детской смертности в губерниях Сибири*

Губерния, годы	Общее кол-во умерших за год	Из них умерло в возрасте					
		до одного месяца		до одного года		до 5 лет	
		чел.	% к числу умерших до 1 года	чел.	% к общему кол-ву умерших	чел.	% к общему кол-ву умерших
Тобольская, 1902–1903	65 649	10 308	29,1	35 479	54,0	45 161	68,8
Енисейская, 1902–1903	23 770	2817	25,0	11 277	47,4	15 141	63,7
Иркутская, 1904	17 554	2163	29,0	7447	42,4	10 355	59,0

* Подсчитано по: Статистика Российской империи. Вып. 66. С. 276–277; Вып. 70. С. 276–277; Вып. 74. С. 276–277.

Обращает на себя внимание следующий факт: на первый месяц жизни приходилась относительно небольшая доля (менее 30 %) случаев смертности в возрасте до одного года. Известно, что на первом месяце всегда преобладают смерти от неустранимых, либо трудноустраняемых врожденных пороков организма, а на втором и последующих месяцах смертность чаще обуславливается экзогенными причинами – плохим уходом, неправильным питанием и др. В современных условиях в странах с наименьшим уровнем младенческой смертности на первом месяце сосредоточивается более 75 % случаев смерти до года. Таким образом, «растянутое» помесечное распределение летальности на первом году жизни, наряду с большими общими коэффициентами смертности, огромными масштабами смерти детей – общие для Сибири и по всей России свидетельства господства традиционного типа смертности в конце XIX – начале XX в.

Препятствовали прогрессивной перестройке режима смертности в Сибири те же факторы, что и в большинстве других регионов страны. Это крайне недостаточная медицинская помощь населению, отсутствие у него элементарных гигиенических знаний и навыков вследствие низкого уровня образования, антисанитарная обстановка повседневного труда и быта, тяжелые жилищные условия, неудовлетворительное питание, пороки традиционных для русской деревни приемов вскармливания младенцев, обычаев ухода за детьми. Однако в Сибири некоторые из этих факторов выступали рельефнее, сильнее влияли на обстановку (грамотность населения была ниже, охват образовательной и просветительной сетью – слабее, чем в центре страны, из-за окраинного положения и отсутствия земств). Другие же факторы экзогенно обусловленной высокой преждевременной смертности, напротив, выглядели в регионе ослабленными. Так, питание и жилищные условия более зажиточных в своей основной массе крестьян-сибиряков оценивались наблюдателями гораздо выше, чем у обнищавших крестьян Центра.

Возникают вопросы о том, мог ли вообще в таких условиях начаться переход от традиционного к современному типу смертности, обнаруживаются ли в статистике признаки такого перехода. На эти вопросы можно ответить положительно, но с большой долей осторожности.

Таблица 22 содержит данные, которые можно расценивать как признаки некоторого снижения общих коэффициентов смертности и у всего, и у отдельно взятого сельского населения Российской империи и ее регионов. Так, в целом по России коэффициент последовательно снижался в период с 1892–1896 до 1910–1914 гг., в Восточной Сибири – тоже. В Европейской России сокращение шло, начиная с 1897–1901 гг.

В Западной Сибири тенденция к снижению, проявившись в 1892–1905 гг., затем сменилась скачкообразным приростом смертности, и это отразилось также на общесибирских показателях. Но, во-первых, происшедший в 1906–1909 гг. всплеск смертности не позволил все же ей достичь уровня начала 1890-х гг. Во-вторых, после этого всплеска возобновилось снижение. И самое главное – рост общего коэффициента смертности в период Столыпинской аграрной реформы произошел не за счет процессов возвратного (по отношению к демографическому переходу) характера. Просто в Западную Сибирь, в основном в осваиваемую сельскую местность, но также и в растущие города, в это время особенно интенсивно переселялись мигранты из Европейской России. По неполным данным, переехавшие только в период с 1906 г. «расейские» в 1914 г. составили 22 % всего населения западносибирского региона¹.

По оценке доктора М. Л. Айзина, на рубеже веков среднегодовая смертность переселенцев в первый год после отъезда с родины (в дороге и на новом месте жительства) составляла около 60–100 %, причем она определялась главным образом уходом из жизни детей². Неблагоприятная ситуация среди новоселов негативно сказывалась на показателях смертности всего населения. По мере «укоренения» домохозяйств в Сибири уровень смертности в них нормализовался, но притекали все новые и новые волны мигрантов.

Еще одним симптомом начавшейся демографической модернизации можно считать происшедшее в предвоенный период существенное сокращение смертности в среде городского населения Сибири. Так, в Томске общий коэффициент смертности, составлявший в 1896 г. 41,9 %, к 1912 г. уменьшился до 31,7 на 1000 человек населения. Заметно сокращалась в этом городе и детская смертность. Если в 1906 г. из каждых 100 родившихся умерло в возрасте до года 33,2 человека, то в 1909 г. – 28,9, а в 1912 г. – только 26,9 человек³. В 1910–1914 гг. резко упала смертность горожан по сравнению с предшествующими годами и на западе, и на востоке региона (см. табл. 22). В результате этого коэффициент смертности в городах впервые оказался меньше, чем в селениях. Следует учитывать, что в это время начинаются урбанизационные процессы (городское население Сибири в 1897–1914 гг. увеличилось в 2,3 раза, а сельское – только в 1,8 раза)⁴, поэтому динамика смертности горожан отражает одну из перспективных тенденций развития демографии всей Азиатской России.

Основными факторами перестройки структуры и масштабов смертности населения Сибири в изучаемый период являлись формирование здесь сети образовательных и медицинских учреждений и, как следствие, некоторые улучшения в медицинском обслуживании, в санитарной культуре и жизнесохранительном поведении сибиряков (в первую очередь горожан). Судя по привлеченной нами статистике, и в Восточной, и в Западной Сибири проявления демографического перехода в области смертности наметились позже и проявились слабее, чем в европейском центре страны, особенно в прибалтийских, западных и столичных губерниях.

Рассмотрим теперь **изменения рождаемости населения Сибири**. Исследования показывают, что в XIX столетии в Европейской России в основном сохранялся традиционный тип рождаемости: она была очень высокой, что обуславливалось почти всеобщим и ранним вступлением в брак, слабым распространением внутрисемейного регулирования деторождения. Высокая смертность как объективный фактор (ее нужно было компенсировать), традиционные нормы сексуального и детородного поведения в субъективном плане не позволяли воздерживаться от вступления в брак, рожать детей вне брака, вовсе отказываться от рождения детей, либо «пускать их в свет» столько, сколько супруги сочтут желательным.

¹ Подсчитано по: Горюшкин Л. М., Зверев В. А. Миграционное движение, 1897–1917 гг. // Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С. 90; Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. Вклейка.

² Айзин М. Л. Медико-санитарное обслуживание переселенческого движения // СМЖ. 1925. № 2. С. 65.

³ Гречищев К. М. Томск: данные для оценки санитарного состояния города // Памятная книжка Томской губ. на 1913 г. Томск, 1913. С. 19.

⁴ Подсчитано по: Пронин В. И. Городское и сельское население... Вклейка.

Статистические данные фиксируют в то же время некоторое сокращение общих коэффициентов рождаемости и в городах, и в селениях Европейской России, начиная с конца XIX в. Соответственно уменьшалась рождаемость и в целом по стране. Этот факт, наряду со складыванием и усилением различий в уровне рождаемости у разных групп населения (поселенческих, региональных, этнических и др.), ученые считают свидетельством начавшегося демографического перехода в области рождаемости.

Сибиряки, как и жители всей страны, своих детей рождали, как правило, после вступления в брак. Судя по данным о Тобольской и Енисейской губерниях за 1902–1903 гг., об Иркутской губернии за 1904 г., количество внебрачных рождений у них не превышало 10 %¹. Только в крупных городах к концу изучаемого периода доля внебрачных рождений вышла за этот предел. В Томске в 1912 г. их было 10,2 %, еще 6,8 % младенцев родилось «от неизвестных родителей»². В селениях Сибири доля внебрачных рождений была намного меньше, чем в городах.

Сравнительный анализ общих коэффициентов прокреации (табл. 24) показывает, что в Сибири (особенно в Западной) и в городском, и в сельском населении рождаемость в конце XIX – начале XX в. держалась на несколько более высоком уровне, чем в Европейской России и в целом по стране. До 1910 г. она не только не сокращалась, но в своей исторической динамике даже обнаруживала тенденцию к увеличению. Наибольшей интенсивности за весь досоветский период рождаемость в Сибири достигла в 1906–1909 гг. Главной причиной этого, несомненно, была высокая рождаемость в семьях переселенцев. Большинство семей мигрантов образовалось недавно, они состояли из молодых по возрасту и физически здоровых людей, поэтому «челяденков» в них появлялось на свет много. Так, по данным обследования 1911–1913 гг., в Томской губернии – главном районе колонизации на востоке страны – крестьяне-переселенцы имели коэффициент рождаемости населения на 20 % выше, чем старожилы³.

Таблица 24

Динамика рождаемости населения России и ряда ее регионов, ‰

Годы	Российская империя	Европейская Россия	Сибирь	В том числе	
				Западная	Восточная
<i>Городское население</i>					
1902–1905	36,7	37,0	42,7	46,1	38,3
1906–1909	36,7	36,8	49,1	52,2	44,4
1910–1914	32,0	32,4	40,9	41,0	40,8
<i>Сельское население</i>					
1902–1905	44,9	47,1	48,0	49,6	43,9
1906–1909	44,5	45,5	52,7	55,0	46,4
1910–1914	41,9	42,2	52,6	53,8	49,0
<i>Все население</i>					
1892–1896	44,5	46,4	48,8	50,1	45,8
1897–1901	44,9	46,8	49,9	51,5	46,2
1902–1905	43,9	45,8	47,5	49,4	43,2
1906–1909	43,5	44,3	52,3	54,8	46,1
1910–1914	40,6	40,8	51,5	52,8	47,9

¹ Подсчитано по: Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. XVIII; 1909. Вып. 70. С. XVIII–XIX; 1911. Вып. 74. С. XVIII.

² Гречищев К. М. Томск: данные для оценки... С. 18.

³ Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири / под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927. С. 194–195; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. / под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1913. Вып. 2. С. 174–175. Рождаемость и смертность здесь измерены отношением числа рожденных и умерших за предшествовавший обследованию год к численности населения в момент обследования.

И все же в 1910–1914 гг. в Западной Сибири рождаемость заметно уменьшилась по сравнению с предшествующим четырехлетием, что привело к сокращению общего коэффициента рождаемости и во всем сибирском регионе (см. табл. 24). Явственной всего эта тенденция проявилась в городском населении. В наиболее крупных городах в конце изучаемой эпохи рождаемость была меньше, чем в начале. Так, в Томске в 1896 г. родилось 46 младенцев на 1000 человек населения, а в 1912 г. – 44,6 души¹.

Однако если мы хотим увидеть признаки начинавшихся перемен в режиме рождаемости населения Сибири, то искать их нужно не столько в динамике общих показателей, сколько в проявлении дифференциации рождаемости у разных групп населения. Такая дифференциация налицо. Сильные различия между городским и сельским населением фиксируются данными таблицы 24. Рождаемость в городах была значительно меньше, чем в селениях и в Восточной, и в Западной Сибири, и это определяло перспективу уменьшения общерегиональных показателей.

Материалы массовых обследований крестьянских хозяйств Томской губернии 1911–1913 гг. фиксируют также дифференциацию между населением в разных природно-климатических зонах (степной, лесостепной, переходной и таежной). Коэффициент рождаемости по зонам колебался от 41 до 58 %². Усиливались различия в демографическом поведении старожилов и переселенцев разных категорий (приписанных и неприписных, живущих в старожильческих селах и на переселенческих участках). В разных социально-экономических группах населения тоже накапливались различия. Например, беспосевные, в основном батрацкие, семьи крестьян-старожилов имели рождаемость в 1,4 раза меньшую, чем домохозяйства зажиточных «чалдонов»³.

Пока демографический переход не начался, в населении преобладало однотипное брачное и детородное поведение, поэтому показатели рождаемости у разных социальных слоев являлись сходными. Отмеченная же выше дифференциация свидетельствует о том, что одна за другой некоторые группы населения вступали на путь перехода к новому типу рождаемости. Прочнее всего на этот путь вступило население городов, а в деревнях – формировавшиеся группы сельских буржуа и пролетариев, в процессе «раскрестьянивания» уходившие не только из-под экономического, но также из-под социокультурного контроля традиционного (аграрного, крестьянского в своей основе) общества.

Речь здесь идет не столько о редкой и малоэффективной еще в изучаемый период практике сознательного регулирования деторождения, сколько о более широко распространившихся инновациях в брачном поведении. Во-первых, к сокращению рождаемости в перспективе вело происходившее увеличение возраста вступления в первый брак. О наличии этой тенденции свидетельствуют, например, данные таблицы 25. Таблица показывает, что в начале XX в. доля и женитьб, и замужеств в возрасте 20 лет и моложе в общем числе браков была намного меньше в городах, особенно в важнейших и крупных, чем в селениях. По мере переселения деревенских жителей в города круг сибиряков, перенявших городские стандарты брачного возраста, постоянно расширялся. В него втягивалась и та часть сельчан, что была тесно связана с горожанами в результате развития товарно-денежных отношений, распространения неземледельческих занятий, отхожих промыслов.

Во-вторых, в Сибири складывается прослойка людей, вовсе не стремящихся к обязательному вступлению в брак, мирящихся с положением «бобыля» или «вековухи». Об этом косвенно свидетельствует снижение коэффициентов брачности сельского старожилого и городского населения к концу изучаемого периода по сравнению с началом. Так, в Тобольской губернии, где приток переселенцев с их высокой брачностью был относительно небольшим, в

¹ Гречищев К. М. Томск: данные для оценки... С. 18.

² Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 272–273, 310–311; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 252–253, 290–291. Рождаемость измерена отношением числа рожденных за предшествовавший обследованию год к численности населения в момент обследования.

³ Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 194–195.

1897–1899 гг. было заключено 10,4 брака на 1000 человек населения, в 1902–1904 гг. – 9,3, а в 1911–1913 гг. – только 8,1 брака¹. В крупных городах наблюдается даже абсолютное сокращение количества браков, несмотря на увеличение численности населения. Например, в Томске в 1906 г., неблагоприятном, с точки зрения общественно-политических условий, было сыграно 889 свадеб, а в спокойном 1912 г. – лишь 864².

Таблица 25

Распространенность ранних браков в губерниях Сибири (1902–1903 гг.)*

Регион, группы поселений	Кол-во браков в среднем за год	Из них заключено в возрасте 20 лет и ранее, %	
		мужчинами	женщинами
<i>Тобольская губ.</i>	14 804	36,2	61,2
В т. ч.:			
важнейшие города (Тобольск, Тюмень)	249	10,6	39,6
остальные города	247	18,6	55,1
селения	14 308	37,0	61,6
<i>Енисейская губ.</i>	5862	35,8	66,5
В т. ч.:			
важнейшие города (Красноярск, Енисейск)	387	13,6	48,2
остальные города	169	21,3	66,3
селения	5306	37,9	67,8

* Подсчитано по: Статистика Российской империи. Вып. 66. С. 254–255; Вып. 70. С. 254–255.

Доля замужних женщин – показатель, наиболее важный с точки зрения рождаемости. Материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. по Сибири зафиксировали факты наличия среди женщин в детородном возрасте (15–49 лет) довольно многочисленной категории тех, кто никогда не состоял в браке. По региону в целом таковых насчитывалось 26,1 %, в городах – 33,3, в селениях – 25,4 %, в Западной Сибири – 25,3, в Восточной – 27,8 %. Заметную долю среди женщин детородного возраста составляли также незамужние вдовы. Разведенные с супругами женщины тоже имелись, но их было немного. В итоге женщины, в момент переписи состоявшие в браке, то есть основной «детородный контингент», среди лиц женского пола в возрасте от 15 до 49 лет составляли по Сибири 67,6 %. В западной части региона их было 70,4 %, в восточной – 62,0, в городском населении Сибири – 58,4, в деревенском – 68,5 %³. Хотя эти показатели несколько больше, чем в населении Европейской России и всей империи, всё же структура брачности сибиряков выглядит так, как она должна была выглядеть в момент начала демографического перехода. В конце XIX – начале XX в. сибиряки рождали уже меньше детей, чем могли бы родить при существовавшей когда-то всеобщей ранней брачности.

Обратимся, наконец, к **анализу естественного прироста населения Сибири** – процесса, объединяющего смертность и рождаемость в рамках единой системы непрерывного естест-

¹ Подсчитано по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896/1901 гг. СПб., 1905. С. 80; ... за [1902–1904 гг.]. 1904–1906. С. 28–29; ... за 1910 г. 1912. С. 34–35; ... за [1911–1912 гг. Ч. 2]. 1913–1914. С. 66–67; ... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66–67; Обзор Тобольской губ. за... [1902–1904, 1911–1913 гг.]. Тобольск, 1903–1905, 1913–1915. Ведомость о движении народонаселения; Статистический обзор Тобольской губ. за... [1897–1899 гг.]. Тобольск, 1898–1900. Ведомость о движении народонаселения.

² Гречищев К. М. Томск: данные для оценки... С. 18.

³ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. С. 18; Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 18. Лица, не указавшие своего возраста, при подсчете исключены. В Акмолинской обл. учтено только население г. Омска и Омского уезда.

венного (физического) возобновления поколений. Получаемый в итоге взаимодействия рождаемости и смертности естественный прирост всегда оказывает влияние на формирование общей численности, половой и возрастной структуры населения. Значение такого влияния в конце XIX – начале XX в. было различным в центре страны и в Сибири. Европейская Россия, вся Российская империя могут в это время рассматриваться как «закрытые» территории: лишь небольшая доля их населения участвовала во внешних по отношению к этим территориям миграционных процессах. Поэтому и общая численность, и половозрастной состав населения (если не рассматривать сельчан и горожан по отдельности) здесь определялись почти целиком масштабами естественного прироста. Сибирь же, особенно благоприятная для аграрного производства западная ее часть, являлась местом массового переселения мигрантов. Поэтому естественный прирост здесь – хотя и важный, но в изучаемую эпоху не всегда главный фактор динамики численности и половозрастной структуры населения. По данным историка В. И. Пронина, в Сибири в 1897–1900 и 1906–1909 гг. над естественным приростом населения преобладал механический прирост¹. Внутри Сибири немалое значение имел переток части ее жителей из западных в восточные районы. Учитывая все это, специалисты по исторической демографии Сибири при изучении динамики общей численности и структуры населения стремятся учитывать сравнительную роль естественного и механического движения, то есть собственно воспроизводства и перераспределения населения². Здесь же мы сосредоточимся теперь на анализе показателей естественного прироста населения, на их значимости в контексте теории демографического перехода.

Показатели, сведенные в таблицу 26, свидетельствуют о том, что темпы естественного прироста населения Сибири в изучаемый период были весьма высокими и близкими к таковым в Европейской России и Российской империи в целом. Это опровергает мнение ряда историков, ранее высказанное без опоры на репрезентативные статистические источники, о «низком, а иногда и отрицательном» естественном приросте сибирского населения в досоветскую эпоху, который якобы соответствовал демографическому режиму колониальных и зависимых стран³.

Если в центре России с начала 1890-х гг., а по стране в целом после 1897 г. обнаруживается тенденция к некоторому сокращению естественного прироста населения, наиболее рельефно выраженная в городах, то Сибирь в это время предстает как регион с почти последовательно растущими показателями. Рост наблюдается и в городах, и в сельской местности, и в Восточной, и в Западной Сибири. В целом по региону коэффициент естественного прироста увеличился в промежутке между 1892–1896 и 1910–1914 гг. наполовину. Сбой в указанной тенденции случился лишь в 1901–1905 гг., это было последствием засухи, перерыва в переселенческом движении, социальной и политической напряженности. В 1910–1914 гг. в сельском населении всего региона, во всем населении Западной Сибири значение общего коэффициента естественного прироста превысило 20 %. Это означает, что прирост населения стал «взрывным».

Демографический взрыв и даже просто такие очень высокие показатели естественного прироста (в промежутке между 15 и 20 ‰), которые были достигнуты по всей стране вследствие асинхронности снижения рождаемости и смертности, есть бесспорные доказательства того, что Россия вступила в начальный период демографического перехода.

¹ *Пронин В. И.* Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 103.

² См. недавно вышедшие работы: *Зверев В. А.* «Ну, посчитаемся своими»: демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 2. С. 42–68; *Миграции населения Азиатской России, конец XIX – начало XXI в.* / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск, 2011. С. 17–34.

³ *Ноздрин Г. А.* Демографические аспекты внутренней политики самодержавия в Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 103; *Федотов Н. П., Мендрин Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 17.

Динамика естественного прироста населения России и ряда ее регионов, ‰

Годы	Российская империя	Европейская Россия	Сибирь	В том числе	
				Западная	Восточная
<i>Городское население</i>					
1902–1905	10,7	10,6	8,3	9,9	6,4
1906–1909	9,9	9,6	11,0	11,9	9,6
1910–1914	9,0	9,0	11,7	10,3	13,8
<i>Сельское население</i>					
1902–1905	16,7	17,3	17,1	18,9	12,5
1906–1909	17,1	17,4	19,1	20,4	15,4
1910–1914	16,2	16,2	20,4	20,9	19,0
<i>Все население</i>					
1892–1896	12,5	19,4	13,1	13,4	12,2
1897–1901	16,1	16,8	17,9	19,7	13,6
1902–1905	16,0	16,4	16,3	18,3	11,8
1906–1909	16,1	16,4	18,3	19,8	14,7
1910–1914	15,3	15,1	19,6	20,1	18,3

К тем факторам ускорения естественного прироста, что действовали в рамках всей страны, в Сибири добавляется в конце XIX – начале XX в. приток аграрных переселенцев с молодым составом их семей. По данным обследования 1911–1912 гг., средний ежегодный естественный прирост населения в переселенческих поселках за предыдущие семь лет составлял 33 %¹, что примерно в два раза больше общероссийских, в 1,7 раза выше общесибирских показателей.

Однако в городах Сибири некоторое повышение естественного прироста населения не привело к демографическому взрыву. Так, в Томске только на рубеже 1880–1890-х гг. отрицательные показатели естественного прироста сменились на положительные, в 1897 г. естественный прирост составил 8,8 человек на 1000 душ населения, в 1912 г. – уже 12,8 ‰, но такой показатель не назовешь очень высоким². Структура брачности населения в городах (поздняя женитьба, большое количество людей без семьи, частые отлучки из дома) не допускала роста рождаемости, а смертность ощутимо сократилась только перед самой Первой мировой войной.

Определить итоги воспроизводства населения – значит, рассмотреть не только общие показатели его естественного прироста, но и **динамику состава населения по полу и возрасту** в изучаемый период.

При отсутствии или слабом развитии миграций соотношение различных возрастных групп, как во всем населении, так и внутри каждого пола, зависит только от интенсивностей рождаемости и смертности и их изменений. Если год от года значительных изменений рождаемости и смертности не происходит, то возрастная структура населения меняется мало, население в этом смысле становится стабильным. В таком населении, вследствие смертности в старших возрастах, численность и доля представителей каждой более старшей возрастной группы бывают меньше, чем в смежной более молодой группе. И в целом по составу население является молодым, растущим. Если структуру такого населения изобразить в виде двусторонне направленной диаграммы, на которой процентная доля людей каждого возраста и пола в общей численности населения предстанет в виде горизонтальной полосы определенного масштаба, полосы будут располагаться одна над другой в порядке увеличения значений возраста, слева – для мужчин, справа – для женщин, то изображение для полного набора возрастов будет иметь контуры почти равнобедренной пирамиды.

¹ Сборник статистических сведений... Сибири. Вып. 1. С. 14–15.

² Гречищев К. М. Томск: данные для оценки.... С. 18.

Исследователи давно построили диаграмму по такой методике по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. для Европейской России и выяснили, что возрастная пирамида здесь была близка к вышеописанной идеальной форме¹. Построена также возрастная пирамида, отражающая итоги Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г.² Если исключить в диаграмме 1926 г. возрасты, родившиеся после 1914 г., то окажется очевидным: в начале XX столетия, как и в XIX, вплоть до Первой мировой войны в целом по нашей стране половозрастная структура населения в основном соответствовала традиционному типу его воспроизводства. Начальные проявления демографического перехода до 1914 г. практически еще не отразились на основных параметрах возрастной и половой структуры населения страны.

Однако если рассмотреть не всё, а отдельно взятое городское население, то картина выглядит иначе. Наши подсчеты, в которых горожане объединены по времени их рождения в 5-летние группы³, показывают, что возрастные пирамиды для городского населения и Европейской России, и Российской империи в нижней части имеют сужение. Начиная с тех возрастных групп, что родились в 1877–1881 гг., каждая последующая по времени рождения группа (кроме самых молодых, которые состоят из младенцев в возрасте до 5 лет) и у мужчин, и у женщин имеют меньшую долю в населении, чем смежная старшая группа. Это невозможно объяснить только миграциями – приездом в города в поисках работы молодых людей, родившихся и выросших в сельской местности. Ведь, например, согласно переписи 1897 г., возрастные группы 5–9 лет оказались меньше, чем группы 10–14 лет, эти последние – меньше, чем группы 15–19 лет и у мужчин, и у женщин. Трудно представить, чтобы тогдашние деревенские «тинейджеры» в массовом порядке переезжали в города вне состава родительских семей. Логично предположить, что «провалы», или сужения в нижней части возрастных пирамид городского населения связаны с наметившейся закономерной перестройкой всей демографической системы воспроизводства населения в ходе демографической модернизации, с начавшимся необратимым изменением соотношения интенсивностей рождаемости и смертности.

Рассмотрим теперь в сравнительном плане возрастные пирамиды населения всей Сибири и ее основных субрегионов, построенные нами по материалам переписи 1897 г. (рис. 1–3)⁴. Следует учитывать, что Сибирь – это «открытая» для массовых переселений территория, половозрастной состав населения которой не только в городах, но и в селениях зависел не только от взаимодействия рождаемости и смертности, но и от масштабов миграции. В данном случае в наши задачи не входит анализ воздействия миграционного фактора на структуру населения. Однако контуры возрастных пирамид всего населения Сибири, а также Западной и Восточной Сибири (а стало быть, и сельского населения, которое составляло подавляющее большинство) ясно показывают: воздействие этого фактора принципиально не исказило до начала XX в. ситуацию стабильности сибирского населения. За незначительными исключениями, каждая более старшая возрастная группа и у женщин, и у мужчин имеет меньшую процентную долю в общей численности населения, чем доля смежной более молодой группы. Хотя контуры возрастных пирамид не такие плавные, как в Европейской России, в целом сибирские диаграммы имеют вид, характерный для традиционного типа воспроизводства населения.

¹ Воспроизводство населения в СССР. С. 256.

² Там же.

³ Подсчитано по: Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 56, 58, 60, 62, 64, 66.

⁴ Рисунки 1–3 построены по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 73. С. 8–9; Т. 74. С. 8–9; Т. 75. С. 8–9; Т. 78. С. 12–13; Т. 79. С. 12–13; Т. 81. С. 10–11. Лица, не указавшие своего возраста, при подсчете исключены. В Акмолинской обл. учтено только население г. Омска и Омского уезда.

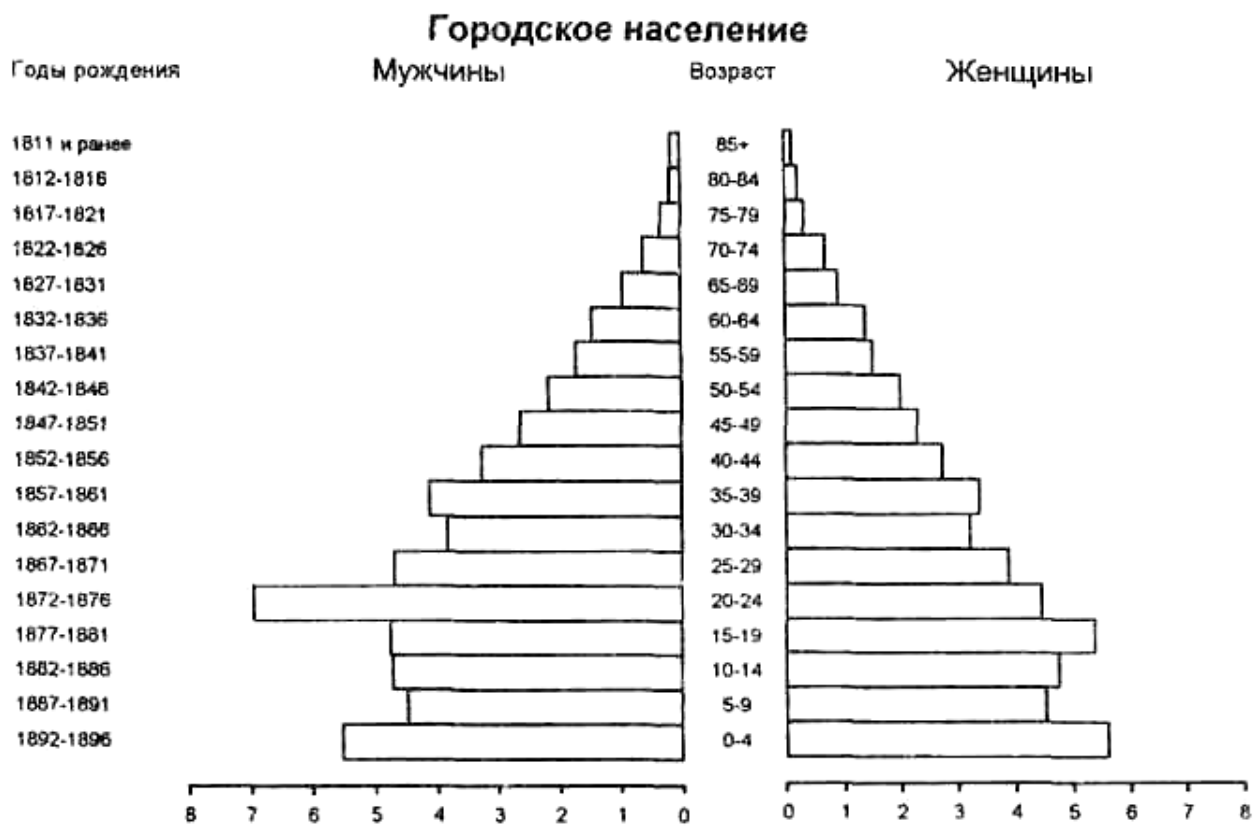

Рис. 1. Возрастная структура населения Сибири (1897 г.), %

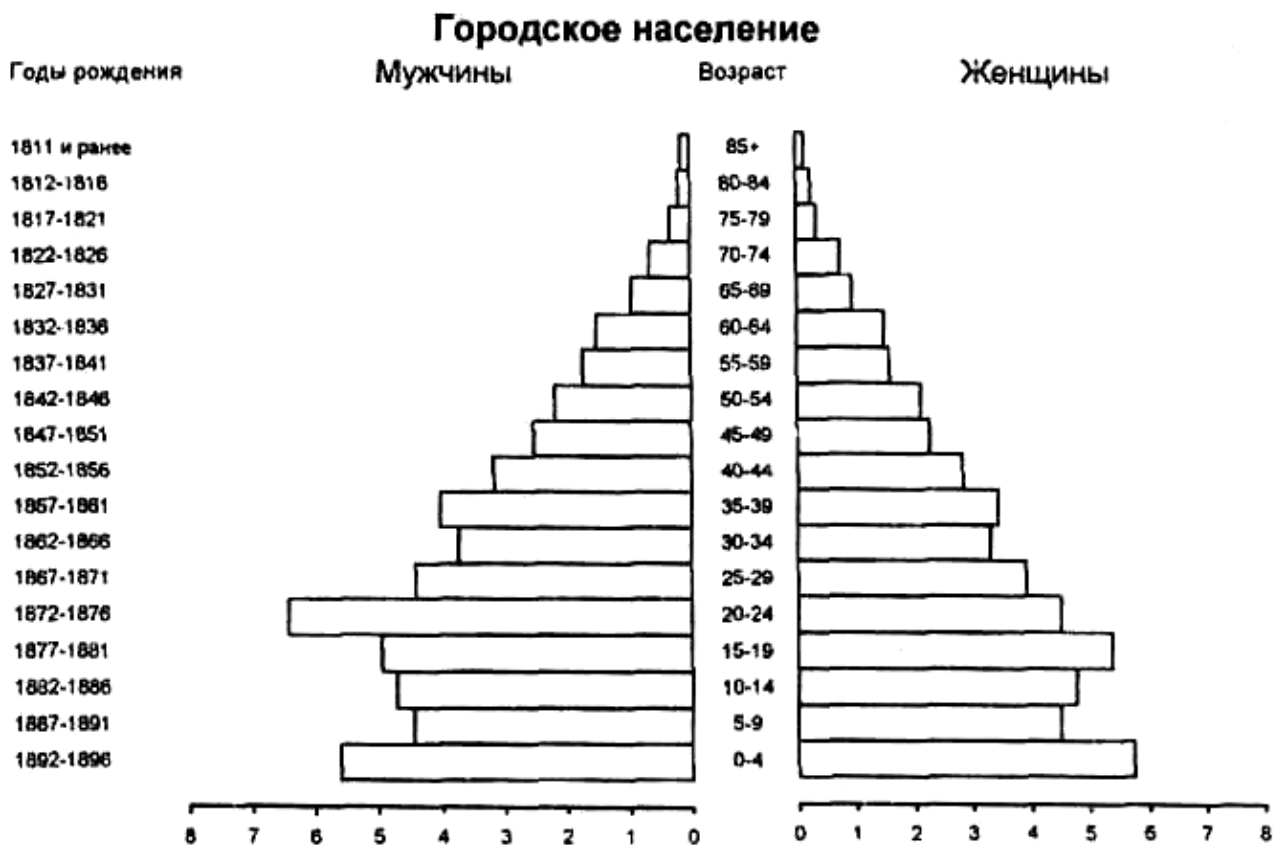

Рис. 2. Возрастная структура населения Западной Сибири (1897 г.), %

Рис. 3. Возрастная структура населения Восточной Сибири (1897 г.), %

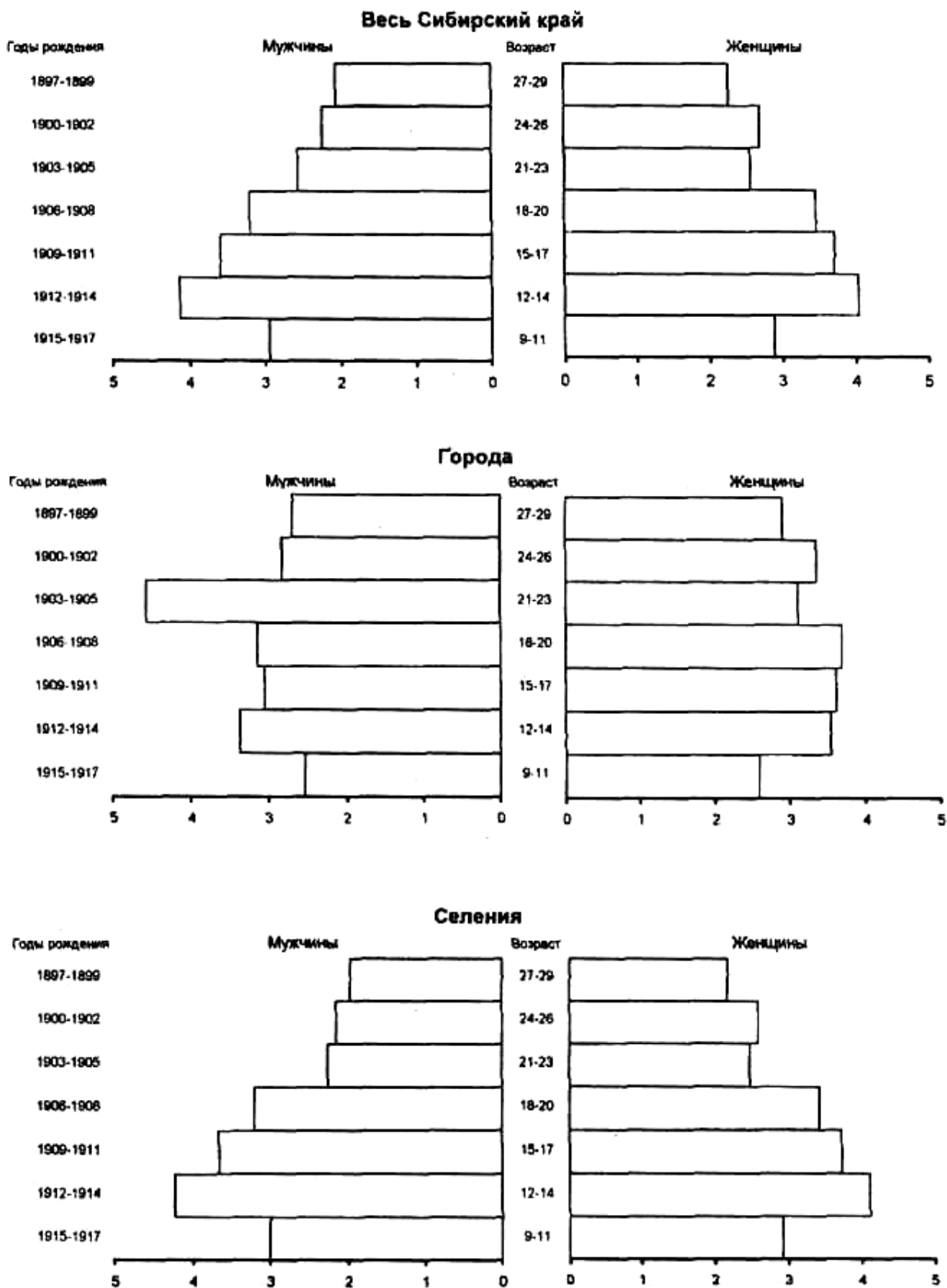

Рис. 4. Структура населения Сибирского края в младших возрастах (1926 г.), %

Обращает на себя внимание большой удельный вес молодых возрастов в структуре сибирского населения. Лица обоего пола в возрасте до 15 лет составляли здесь 29,6 % (в Западной Сибири – 29,8 %, в Восточной – 29,4 %), тогда как в населении Европейской России – только 28,9 %¹. Омоложение населения – процесс, характерный для раннего этапа демографической революции. Снижение смертности начинается раньше сокращения рождаемости и распространяется прежде всего на детей, что на какое-то время ведет к увеличению доли молодых возрастов в населении. Таким образом, естественные закономерности начавшегося демографического перехода привели к укреплению народонаселенческого потенциала Сибирского региона. На рубеже XIX–XX столетий, когда вся Россия выделялась на фоне экономически развитых стран своей демографической молодостью, народонаселенческий потенциал Сибири выглядел еще перспективнее, чем в центре страны. Однако такое положение являлось временным: на последующих этапах демографической революции по мере снижения рождаемости во всей стране и в Сибири неизбежно должна была возобладать тенденция демографического старения.

Ситуация в городах Сибири (особенно Западной) в 1897 г. тоже была типологически близка к той, что мы выявили в результате анализа данных по городам Европейской России и Российской империи. Возрастные пирамиды на рисунках 1–3 дают представление о том, что именно растущие города стали в конце XIX в. плацдармом разворачивающейся демографической революции. Намечается сужение оснований возрастных пирамид в результате того, что в возрастах от 5 до 20 лет у мужчин, от 5 до 15 лет у женщин в каждой более старшей возрастной группе, несмотря на смертность, численность населения становится не меньшей, как полагается при традиционном типе воспроизводства, а большей. Это возможно только в случае, если начинается характерное для демографического перехода существенное изменение режимов рождаемости и смертности.

По материалам Всесоюзной переписи 1926 г. мы построили половозрастные пирамиды населения Сибирского края (рис. 4), в состав которого входили в основном те же территории (за исключением крайних восточных и крайних западных), в рамках которых мы давали выше анализ воспроизводства сибирского населения 1890-х – 1914 гг. На рисунке 4 помещены фрагменты этих пирамид, показывающие процентное соотношение нескольких младших возрастов – тех, что родились в промежутке между переписью 1897 г. и революционными событиями 1917 г.² На диаграммах видно, что в сельской местности и в целом на всей территории Сибири традиционный тип воспроизводства населения в основном сохранялся и в начале XX в. – вплоть до 1914 г. В городах продолжала свое развитие ситуация, характерная для начальной фазы демографического перехода. Численность населения в молодых возрастах не имеет ясной тенденции к увеличению при переходе от более старших возрастов (людей, родившихся раньше) до младших, родившихся совсем недавно.

В период Первой мировой войны и революции 1917 г. в Сибири, как и во всей стране, нормальный ход демографических процессов нарушился. Вследствие призыва в действующую армию и ополчение большинства мужчин репродуктивного возраста, а также снижения уровня и качества жизни, возникновения ситуации социально-психологического стресса в тылу, в 1915–1917 гг. произошли существенное сокращение рождаемости и сильный всплеск смертности. Образовавшуюся «яму» в динамическом ряду показателей рождаемости иллюстрируют материалы Енисейской губернии. В 1912–1914 гг. общий коэффициент прокреации в этом субрегионе составлял, по нашим подсчетам, в среднем 55 %³, по данным Д. Мерхалёва – 57. Как установил Мерхалёв, в 1915 г. рождаемость в Приенисейском крае сократилась до 47 ‰, в 1916 г. – до 37, а в 1917 г. опустилась до 36 душ на каждую 1000 человек населе-

¹ Подсчитано по тому же источнику.

² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 6. С. 104–109.

³ Подсчитано по: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1911 г. 1913. Ч. 2. С. 98–99; ... за 1912 г. 1914. Ч. 2. С. 98–99; ... за 1913 г. 1915. С. 98–99 (3-я паг.); ... за 1914 г. 1916. С. 66–67 (3-я паг.).

ния¹. Можно уверенно предположить, что в других губерниях и областях Сибири ситуация сложилась еще более тяжелая, ведь из деревень Енисейской губернии призвали на войну меньше всего мужчин – только 39 %². В Азиатской России, как и в центре страны, началась деформация половозрастной структуры населения. Диаграмма на рисунке 4 показывает, что во всей Сибири, а также в селениях и городах, взятых по отдельности, удельный вес возрастов, родившихся в 1915–1917 гг., оказался намного меньшим, чем у нескольких возрастных групп, родившихся в довоенный период.

В сельском населении Сибири в годы Первой мировой войны наблюдалось наиболее резкое сокращение рождаемости. Сказалось, в первую очередь, изъятие из деревень большой части мужского населения. Призванные в войска из крестьянских дворов к 1917 г. составляли более половины трудоспособных мужчин рабочего возраста: от 52 до 61 % в разных губерниях и областях, и только в Енисейской и Иркутской губерниях – меньше половины³. Ужесточилось положение оставшихся «за главных» в хозяйстве женщин и подростков, участились эпидемии, ухудшилось питание, что сокращало количество родившихся детей и повышало вероятность смерти и детей, и взрослых. Исследователь Д. Мерхалёв установил, что уже в 1915 г. в селениях Сибири рождаемость составила лишь 82 % от уровня трех предыдущих лет. В 1916 и 1917 гг. падение рождаемости продолжалось, она равнялась соответственно 67 и 65 % от довоенного уровня⁴. Судя по данным демографической переписи 1920 г., введенным в научный оборот историком Л. Н. Славиной, после окончания Гражданской войны в Сибири количество деревенских детей, рожденных в 1915–1917 гг., было на 21,8 % меньше, чем детей, рожденных за три предыдущих года, и на 18,6 % меньше, чем детей 1918–1920 гг. рождения⁵.

Существенное снижение уровня рождаемости в период войны стало доминировать среди факторов, определявших уровень естественного прироста. Оно привело, в частности, к сокращению младенческой летальности (не родившись, младенцы не могли и умереть), а ведь именно она обуславливала непомерно высокий уровень смертности всего населения при традиционном режиме воспроизводства. В 1917 г. в сельской местности Томской губернии (взятой без Алтая, который в указанном году был выделен в отдельную губернию) естественный прирост составил только 12,4 ‰, при рождаемости в 29,1 и смертности в 16,7 ‰⁶.

В разработанной историком В. А. Исуповым периодизации демографического развития России в первой половине XX в. этап 1915–1917 гг. маркируется как время «мощного демографического кризиса»⁷. В Сибири кризисные явления, приходящиеся на 1915–1922 гг., проявились слабее, чем в центральных районах Европейской России. Они были смягчены здесь накопленным в регионе в предыдущее время, в том числе с помощью аграрной иммиграции, демографическим и продовольственным потенциалом, тыловым географическим расположением территории. Однако кризис всё же снизил демографическое качество населения Сибири. В частности, более слабым стал трудовой потенциал деревни, ухудшились возможности для воспроизводства новых поколений сельчан. Кризис продолжался несколько лет, вплоть до утверждения в стране принципов новой экономической политики.

¹ Мерхалёв Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1922. (Тр. / Сиб. статист. упр.; вып. 7). С. 100–110.

² Подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. (Тр. Центр. статист. упр.; т. 5, вып. 1). С. 72.

³ Подсчитано по тому же источнику. С. 72, 84.

⁴ Мерхалёв Д. Указ. соч. С. 100–110. Сибирь здесь взята в границах Иркутской, Енисейской и Алтайской губерний.

⁵ Подсчитано по: Славина Л. Н. Демографический состав сельского населения Сибири как фактор развития деревни (по переписи 1920 г.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. Ч. 2. С. 38 (табл. 3).

⁶ Подсчитано по: Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928. С. 185–186.

⁷ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: ист.-демогр. очерки. Новосибирск, 2000. С. 236.

5.3. Экологические аспекты культуры и образа жизни сельчан

Задачей данного раздела монографии является конкретно-историческая характеристика тех результатов социокультурного воспроизводства населения Сибири конца имперского периода, которые связаны с экологическим сознанием и поведением крестьянства. Крестьянская трудовая жизнь в ее традиционных формах была всегда в высокой степени экологичной. Ее содержанием являлось «воспроизводство производителя в... объективных условиях существования и вместе с ними»¹. Тесная связь с природой выражалась в особенностях хозяйственной практики и познавательной активности крестьян, она во многом определяла содержание и формы их общения, диктовала необходимость эффективного экологического воспитания подрастающих поколений. Определяющей составной частью, основой трудового образа жизни русского крестьянства издавна было земледелие. Поэтому в данном разделе рассматривается характер взаимодействия именно земледельческого крестьянского хозяйства и важнейших элементов природной среды (рельеф местности, климат, водоемы, почва, растительность) на материалах Сибири второй половины XIX – начала XX в.

В изучаемый период существовала очень высокая степень **зависимости крестьянского хозяйства от состояния природных факторов** (условий и ресурсов) его существования. «У нас хлеб на небе зреет», – таково было характерное мнение сибиряков на этот счет², оно опиралось на реальные факты. В довольно обычные по климатическим условиям 1893 и 1894 гг. в Ялуторовском округе Тобольской губернии только «вредные атмосферные явления» (иней, заморозки, град) повредили посевы на площади в 1259 десятин. При этом убытки, определяемые издержками производства, составили: 12 264 р., а число пострадавших крестьянских хозяйств достигло 1235, или 3,6 % всех наличных хозяйств округа. Еще 6011 хозяйств (17,6 %) пострадало от кобылки (насекомое, родственное саранче)³.

В период с 1870 по 1902 г. в Енисейской губернии среди причин, особенно неблагоприятно сказавшихся на урожае хлебов, исследователи по 11 раз указали на весенние холода и ненастье, 10 раз – на засуху, 9 – на сильные ветры, 6 – на поедание посевов кобылкой, по 5 раз – на сорные травы и наводнение, 4 раза – на осенние заморозки. Среди других причин отмечалось развитие хлебных паразитов, грызунов, червей⁴.

И все же, несмотря на столь сильную зависимость хозяйства от природы, слепой фатализм не был характерен для экологического сознания крестьян. Бытовало представление о плодотворности активной позиции работника на земле, которое выражено в нарочито полемической форме в пословице «Урожай не столько от росы, сколько от поту»⁵.

Стремление сильнее влиять на результативность своего труда, а через нее – на благосостояние семьи – главная причина наблюдавшейся активизации **деятельности крестьян, направленной на познание окружающей их природной среды**. Это познание могло осуществиться единственно доступным крестьянству способом – путем непосредственного наблюдения. Практически никто из крестьян не имел приборов для определения химического состава почвы, силы ветра, для составления карт рельефа местности и т. д. Лишь немногие, преимущественно богатые, крестьяне имели в хозяйстве простейшие приборы для определения погоды. В большом селе Шушенском Минусинского уезда Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. только зажиточный хозяин Н. Потылицын, например, имел барометр⁶.

Экологическое наблюдение велось крестьянами в течение длительного времени день за днем. Оно вписывалось, как правило, в процесс хозяйственной деятельности, очень редко

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 485.

² Очерк крестьянского земледельческого хозяйства в Западной Сибири // Акмол. обл. ведомости. 1891. 19 февр.

³ Подсчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. / под рук. Н. К. Куша. М., 1897. Т. 1. С. 800, 808.

⁴ Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. Красноярск, 1903. С. 12.

⁵ ИРЛИ. Разр. V. К. 78. П. 7. № 640. Л. 20.

⁶ АГМ. Оп. 4. Д. 181. Л. 9.

выделяясь в качестве хронологически и пространственно самостоятельной сферы образа жизни. Результаты индивидуального наблюдения эффективно дополнялись и исправлялись в ходе семейного и соседского общения. Скорректированные таким путем результаты наблюдений обычно формулировались устно в виде эмпирических заключений, закреплялись в индивидуальном, групповом и общественном сознании, и устно же, в процессе межпоколенного общения или же процессе специального научения передавались из поколения в поколение в ходе социализации последних. Известные историкам случаи ведения крестьянами Сибири записей, фиксирующих экологические знания для их межпоколенной передачи или публикации, были немногочисленными.

Тобольский губернский агроном, известный энтузиаст изучения и освоения Сибири Н. Л. Скалозубов писал в 1912 г.: «Каждому сибирскому музею известны лица из местных крестьян, интересующихся изучением края и собиранием коллекций, оказывающие музеям услуги в их деятельности»¹. Действительно, некоторые крестьяне были вовлечены в исследовательскую работу музеев и таких общественных организаций, как Московское общество сельского хозяйства, Русское Географическое общество, Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, помогая собирать геологические, ботанические и зоологические коллекции, вести опытно-исследовательскую работу по акклиматизации и селекции новых для данной местности сельскохозяйственных культур². Однако деятельность весьма немногочисленных научных учреждений и организаций со слабой материальной базой не достигала в Сибири значительных масштабов, их связи с крестьянским населением не были достаточно широкими и прочными. Так, Минусинский музей, организовав селекционную работу окрестных крестьян, посылал в 1886 г. семена в 12 селений, в 1887 – в 11, в 1888 г. – в 17, но в каждом из этих населенных пунктов имел лишь по одному-два корреспондента-опытника³.

К тому же крестьяне, даже грамотные, в своей массе еще не были вполне подготовлены к систематическому *сотрудничеству с научными учреждениями*. Подводя в 1888 г. итоги пятилетней опытно-исследовательской работы, директор Минусинского музея Н. М. Мартыанов констатировал, что крестьяне с большим энтузиазмом участвуют в селекционной деятельности, но получить от них обстоятельные и точные сведения о результатах опытов невозможно. «Урожай, за немногим исключением, определяются ими, правда, взвешиванием, но далеко не точно и без соблюдения всех необходимых предосторожностей против ошибок. Вообще, внимание хозяина, несмотря на все разъяснения важности точных отчетов, преимущественно привлекает эмпирически наглядный результат, который он потом в состоянии выразить только в общих чертах словами: родилось, не родилось, хорошо, лучше, много лучше и т. д., в сущности, мало говорящими о сравнительных успехах опытов»⁴. В другом месте тот же автор отмечал неумение крестьян брать образцы почвы для научного исследования. Они брали почвенный слой в малом объеме, без подпочвы, без надлежащих описаний места залегания⁵.

Эмпирическое наблюдение с последующей практической проверкой и корректировкой может считаться лишь низшей формой научного познания. Крестьяне фиксировали многие действующие в экологических системах закономерности, но не могли выйти при этом на уровень теоретических обобщений высокого порядка, которые могла бы сделать только наука, вооруженная гораздо более мощным методологическим и техническим инструментарием. Однако не следует недооценивать **значения полученных крестьянами путем наблюдения экологических знаний**. Они в основном соответствовали потребностям хозяйства на тогдашнем уровне его развития, иногда предвосхищали последующие научные достижения,

¹ Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил в целях изучения Сибири. СПб., 1912. С. 5.

² Азадовский М. К. Из деятельности крестьян-собираателей // Сиб. архив. 1916. Вып. 3/4. С. 216; Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. С. 2–4; Труды Ялutorовского отдела Московского общества сельского хозяйства. Ялutorовск, 1911. Вып. 1. С. 2; Халютин П. В. Крестьянское хозяйство в России: извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премии в память 300-летия царствования Дома Романовых. Пг., 1915. Т. 3. С. 3, 26, 43.

³ АГМ. Оп. 1. Д. 48. Л. 80–81.

⁴ Там же. Л. 131–133.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 120. Л. 28.

подсказывая ученым направление работы, давая материал для проверки и теоретического осмысления. Наблюдатели не раз отмечали, что сибирские крестьяне «по своему геологи, ботаники и агрономы» и в своей массе обладают довольно «тонким практическим знанием физических (т. е. природных. – В. З.) условий своего хозяйства»¹. «Вековое общение народа с природою открыло ему знания, которые часто только позднее открываются уму, дисциплинированному наукой», – утверждал Н. Л. Скалозубов².

К началу XX в. сибиряки накопили обстоятельные и весьма ценные знания о рельефе своего края. Даже на однообразной по рельефу, на первый взгляд практически плоской Барабинской равнине они различали множество видов возвышенностей (острова, увалы, гривы, релки, елани) и низменных мест (межгривья, займища, пади)³. Повсеместно крестьяне учитывали тот факт, что вероятность выпадения инея, заморозков в начале и конце летнего сезона на возвышенных песчаных пашнях была гораздо меньшей, чем на смежных с ними низких перегнойных или глинистых участках, что на возвышенностях был возможен более ранний посев, здесь быстрее созревали хлеба. Придавалось значение местоположению возвышенности относительно сторон света и водоемов, направлению ее скатов.

Большое значение придавалось *водному режиму местности*. Так, жители юга Тобольской губернии считали гораздо более выгодными для пашен «острова», расположенные в непосредственной близости к озерам, чем возвышенности, прилегающие к болотам⁴. В Забайкалье признавалось благотворное влияние крупных рек на посев хлебов. Было установлено, что на их берегах менее резко перепады температуры воздуха, реже случаются ранние заморозки и засухи, посевы мало страдают от хлебных паразитов. В то же время возле мелких речек и ручьев, по наблюдениям крестьян, хлеба страдали сильно, так как эти источники, неся с гор очень холодную воду, сильно понижали температуру воздуха⁵.

Сибиряки досконально изучили *дождевой режим*, знали его оптимальные характеристики. В северо-западной Барабе, по их наблюдениям, для хорошего урожая пшеницы нужно было три дождя за лето: примерно 10 июня по старому стилю, когда пшеница «станет собираться в “трубку”», около Петрова дня (29 июня), когда она начнет цвести, и около «Казанской» (8 июля), когда станет наливаться. Эти три дождя, выпавшие вовремя и промочившие почву на два-три вершка, назывались «венцом всему урожаю». «Очень полезными» считались и майские дожди, падающие во время всхода пшеницы. В то же время количество необходимых дождей и их оптимальные сроки варьировались для разных видов почвы⁶. В Приишимье замечали, что засуха особенно опасна по всходе хлебов, что затем, когда они «возьмут силу», количество выпадающих осадков уже почти не играет роли, «хотя полезно, чтобы во время налива хлебов выпали один или два дождя»⁷.

Крестьяне отлично знали *растительный мир* своего края, особенно ту его обширную часть, которая была активно вовлечена в хозяйственный оборот: возделываемые сельскохозяйственные культуры, собираемые в пищу грибы и ягоды, скашиваемую на корм скоту траву, используемую для построек, промысловой обработки или на дрова древесину. Характер растительности на земельном участке всегда считался хорошим показателем качеств почвенного слоя, служил указанием для высевания на нем определенных культур, применения тех или иных агротехнических приемов. Не только земледелие, но и собирательство своим высоким развитием в Сибири во многом было обязано хорошему знанию населением богатого растительного мира⁸. Во второй

¹ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1893. Вып. 19. С. 62.

² Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил... С. 19.

³ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1892. Вып. 17. С. 106–107.

⁴ Там же. 1899. Вып. 3. С. 69–73.

⁵ Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: материалы. СПб., 1898. Вып. 11. С. 31, 52, 64, 74.

⁶ Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 17. С. 180.

⁷ Там же. Вып. 3. С. 216–217.

⁸ Лебедева А. А. Собирательство в быту русских крестьян Сибири (XIX – начало XX в.) // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 309–317.

половине XIX в. жившие у р. Тобола крестьяне собирали и применяли в своей медицинской практике 26 видов трав, жители г. Ялуторовска и его округи – не менее 18 видов¹.

Пожалуй, наиболее ценные и полные знания крестьяне накопили *о почвенных условиях* своего земледельческого хозяйства. Доказательством высокого для своего времени уровня народного почвоведения Сибири служит фактическое совпадение богатой типологии почв, принятой в нем и в научном почвоведении, отмеченное исследователем С. Е. Филимоновым применительно к Барабинской лесостепи². При определении качества («доброты») почвы крестьяне учитывали множество показателей: ее происхождение, цвет, толщину и площадь залегания, механическую структуру, качества подпочвы, состояние при различной погоде, степень влажности, соотношение видов растительности на участке, положение последнего относительно солнца, рельефа местности, водоемов, лесных массивов, а также урожайность различных культур при пробных посевах.

Вообще обращает на себя внимание высокая степень осознания крестьянами того факта, что различные природные факторы взаимодействуют с их хозяйством не сами по себе, а только в определенной взаимосвязи, в комплексе друг с другом. На основе тщательного наблюдения за внешним видом и поведением насекомых, зверей, птиц и рыб, состоянием растительного мира и других компонентов неразрывного природного комплекса осуществлялось прогнозирование погоды, урожайности культурных растений, промысловых животных, кедровых орехов, грибов, ягод, лекарственных трав. При этом были зафиксированы многие реально существовавшие экологические связи как географического, так и хронологического порядка.

Вероятно, наибольшим достижением крестьянства в этой области можно считать *открытие цикличности природных процессов*. В беседах с жителями одной из местностей Ишимского округа Тобольской губернии исследователь А. А. Кауфман выяснил, что, «по их наблюдениям, из 10 лет бывает примерно три хороших года (с урожаем примерно 100 пудов пшеницы), четыре средних (урожай около 60 пудов) и три худых (урожай около 20 пудов)»³. В других местностях называли другое соотношение урожайных и неурожайных лет (например: три хороших, три средних и четыре «худых» урожая). Однако везде считали несомненным, что чередование урожаев очень неравномерно: в иное десятилетие бывало не больше одного неурожайного года, в другое же случалось до пяти и более. Помнили, что «прежде распределение урожаев во времени было совсем иное; еще лет 30–40 тому назад из десяти урожаев бывало примерно 5–6 хороших и очень хороших»⁴.

Таким образом, крестьяне установили, что природная цикличность носит вероятностный, подвижный характер и меняется в зависимости от изменения тех или иных компонентов природной среды, в том числе под влиянием вмешательства человека. Такого рода цикличность отмечалась не только относительно урожаев хлебов. Сибиряки зафиксировали и учитывали в своей хозяйственной деятельности цикличность урожаев кедрового ореха (через три года на четвертый в одних местах, два раза в 10 лет в других), периодичность наводнений, поднятия и «оскудения» вод в реках и озерах, появления кобылки и т. д.⁵ Тем самым было предвосхищено одно из перспективных направлений профессиональной науки сегодняшнего дня⁶.

Результатом плодотворного наблюдения за природными комплексами стали также *многочисленные приметы*, помогавшие крестьянам вести хозяйство. Вот некоторые из них: «Если в хорошую погоду скотина утуляется под крышу, то скоро будет перемена погоды: летом

¹ Подсчитано по: *Абрамов Н. А.*: 1) Город Ялуторовск с его округом // ТобГВ. 1864. 27 июня; 2) Река Тобол с ее притоками // ТобГВ. 1863. 19 янв.

² Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 17. С. 96.

³ Там же. Вып. 3. С. 210.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ Там же. 1893. Вып. 20. С. 148; *Колесников А. Д.* Реки и озера Сибири в прошлом // Земля сибирская, дальневосточная. 1982. № 5. С. 45; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 11. С. 31, 37, 74; Вып. 12. С. 2; *Шостакович Б. П.* Промыслы Нарымского края // Зап. / ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 39.

⁶ *Жилин Ю. Г.* О природе и повторяемости засух на юге Тюменской обл. // Повышение продуктивности земли в Зауралье. Новосибирск, 1982. С. 28–44.

дождь, зимою снег», «Если весною долго не линяют зайцы — долго будет холод»¹. Лопались почки на березах, и сибиряки начинали яровой посев, полное же развитие березового и осинового листа заставляло крестьян заканчивать сев яровых. Хорошо перезимовавшие муравьи «обещали» хлебопашцам богатый урожай пшеницы и т. д.² Почти повсеместно также предсказывали хороший урожай хлебов, если зимой выпадало много снега, часто образовывался «куржак» (иней) на деревьях. Однако где-то в Енисейской губернии была зафиксирована и противоположная примета: «Если зима была морозная и малоснежная, то будет лето хлебородное»³. Но и она верно отражала природную ситуацию в тех таежных местностях Восточной Сибири, где снег долго не сходил с полей, где обильные снегопады приводили к чрезмерному увлажнению почвы, долгому ее просыханию весной, а значит — сокращению периода, благоприятного для вегетации растений.

Наряду с несомненно правильными наблюдениями, существовали многочисленные приметы, точность которых была весьма относительна. Они были связаны с такими чертами местных биогеоценозов и климата, закономерности которых было затруднительно уловить простым наблюдением. Сами крестьяне признавали *обманчивость многих своих выводов* из экологических наблюдений, призывали не верить им слепо: «Год на год не приходится».

В экологических представлениях крестьян-сибиряков бытовали и явно ненаучные, в том числе религиозные, представления, и даже антинаучные предрассудки и суеверия. Например, в Тарском округе Тобольской губернии собиравшиеся сеять хлеб в несколько приемов крестьяне взвешивали от одной курицы три первых яйца и думали, что которое по счету яйцо тяжелее, тот и сев хлеба будет урожайнее; ждали дождя с той стороны, в которую каркала ворона⁴. Наблюдая за тем, как мыши поедают хлеб (печеный, а также в снопах, в виде зерна или муки), крестьяне-тоболяки глубокомысленно сетовали: «Мышь ест хлеб снизу вверх — цена на хлеб подымется»⁵. Повсеместно в засушливые годы в селениях собирали крестные ходы, вымаливая дождя у бога.

Такие представления и действия обуславливались относительно низким в научном отношении уровнем познания, придавленного уродливыми социально-экономическими, правовыми и культурными условиями существования крестьянства как класса-сословия в эпоху капитализма. Политика самодержавия и церкви, направленная на сохранение этих условий, фактически консервировала далеко несовершенное экологическое сознание крестьян. Типичный пример: когда жители Ишимского округа, накопив некоторые знания о повадках появившейся здесь недавно кобылки, начали с ней борьбу, местное духовенство стало убеждать их, что это грех, сопротивление воле Божьей. Священники поддерживали мнение наиболее темной части крестьян, что «с кобылкой борьба невозможна»⁶.

Исследователи отмечали все же, что в основной своей массе сибирский крестьянин изучаемого периода «вообще далеко не так суеверен, как крестьянин многих местностей великороссийских губерний, и часто относится скептически к тому, что для последнего составляет истину, не подлежащую никакому сомнению»⁷. Некоторые предрассудки критиковались сельской интеллигенцией, наиболее передовыми представителями самого крестьянства как «дурничка» (глупость, пережиток) и в известной степени вытеснялись под влиянием объективных процессов социально-экономического развития и в ходе просвещения деревни. Хорошей проверкой результатов экологического познания крестьян была повседневная практика их экономической деятельности.

¹ Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1905. Т. 4. С. 37, 65–66, 146, 388.

² Там же. Т. 2. С. 275, 378; Мельников М. Н. Поиски сокровищ: записки фольклориста. Новосибирск, 1985. С. 31–32.

³ Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость... Т. 4. С. 211–212.

⁴ Попов Т. Слобода Такмыцкая // ТобГВ. 1866. 16 апр.

⁵ Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость... Т. 2. С. 367–368.

⁶ Ядринцев Н. М. О способах и средствах борьбы с кобылкою в южных округах Тобольской губ. СПб., 1893. С. 8–9.

⁷ Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. С. 96.

В своей хозяйственной жизни земледельцы стремились по возможности полнее **учитывать накопленные экологические знания**. Местные природные особенности, взятые в комплексе, в значительной степени определяли выбор мест поселения, расположения пашен и других хозяйственных угодий, систему земледелия, агротехнические приемы и севообороты, набор сельскохозяйственных орудий, культур, сроки полевых работ и т. д. По мере углубления экологических представлений происходило изменение всех этих компонентов. Так, в первой половине XIX в. в Каинском округе Томской губернии вторая вспашка поля под пшеницу на беззалежных полях при однолетнем паре производилась всегда весной, перед самым посевом. К концу же века стали пахать уже, как правило, осенью. При этом появилась возможность избежать пагубного влияния неблагоприятного весеннего климата и летних засух. К тому же осенью рабочий скот, имея даровой подножный корм, был наиболее силен и дешев, а времени на эту работу было много, поэтому можно было запахивать большое пространство и работать без излишней спешки¹.

Наиболее дальновидные из крестьян стремились и **прогнозировать** дальнейшее приспособление местного хозяйства к природным условиям. В 80-х гг. XIX в. старожил с. Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии Михаил Курагин, например, считал, что на тамошних степных просторах «должно развиваться чисто степное хозяйство, где плуг в четыре пары волов будет подымать землю на глубину 4–5 вершков, земля эта будет лежать до следующей весны, рано весной ее будут подборанивать (“скородить”) и сеять 2–3 хлеба, а затем опять бросать в залежь. В местах подтаежных, где слишком сильна растительность сорных трав, должна явиться двухпольная система»². О последней много говорили, находя ее полезной и необходимой, в таких подтаежных селениях Минусинского округа, как Кужебары, Имис. Исходя из особенностей местных почв, Курагин прогнозировал появление нового орудия труда – треугольной бороны с загнутыми назад ножами, «чтобы ходила поперек пластов и резала, а то (имеющейся. – В. З.) бороной рвать пласты очень трудно»³.

Выше отмечалось несовершенство экологического сознания крестьян. Оно не могло не накладывать свой отпечаток на степень рациональности крестьянского хозяйства. Возьмем, к примеру, Южное Зауралье – район, издавна освоенный русским крестьянским населением. Уроженец этих мест, знаменитый сибирский агроном Т. С. Мальцев отмечает, что здесь до 20-х гг. XX в. не боронили поле весной перед севом после осенней вспашки, ошибочно считая, что образовавшаяся весной на поле корка сохраняет влагу в почве. Рациональнее же было ранним весенним боронованием спровоцировать рост сорняков, затем выполоть их бороной с лапами и уже потом сеять. Практиковался ранний сев. Местным же условиям более отвечал сев поздний, при котором посевы не успевали до летней засухи выпить влагу из почвы⁴.

Противоречившие «нраву местности» приемы агротехники иногда свидетельствовали о незавершенности процесса приспособления к особенностям природной среды. В условиях меняющейся общественной и экологической ситуации становились все более необходимыми хозяйственные эксперименты, но они не всегда и не сразу давали положительные результаты. Известны, например, многочисленные случаи неудачных для сибиряков опытов применения органических удобрений⁵. Однако следует иметь в виду, что нерациональность некоторых хозяйственных приемов объяснялась в первую очередь ограниченными возможностями мелкого крестьянского хозяйства, несовершенством техники. «Старики» на родине Т. С. Мальцева, даже если бы установили пользу раннего весеннего боронования пара, не смогли бы его применять. Вразброс сеять зерно по боронованному полю нельзя, так как на таком

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 17. С. 178–179.

² АГМ. Оп. 3. Д. 120. Л. 143.

³ Там же.

⁴ Филоненко И. Е. Хлебопашец // Октябрь. 1983. № 1. С. 25–26.

⁵ Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Зап. / ЗСОРГО. 1879. Кн. 1. С. 7–8; Ермолов А. С. Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896. С. 12; и др.

поле невозможно заделать семена примитивными деревянными боронами с прямыми зубьями. Оптимальную организацию весенних полевых работ в Зауралье удалось наладить уже в советский период с помощью рядовых сеялок, лапчатых борон и культиваторов, которых прежде у крестьян не было¹.

Соображения рационального (в экологическом отношении) хозяйствования часто вынуждены были отступать под давлением факторов социально-экономического и политического характера, среди которых в эпоху капитализма главным была принадлежность крестьянского двора к определенному социальному слою, социальной группе в деревне. «Богатый как хочет, а бедный как сможет»². Эта поговорка могла означать, например, что только в хозяйстве зажиточного крестьянина мог (конечно, при желании последнего) осуществляться более или менее последовательный учет экологической обстановки. Бедные же «руководствуются не планом, а возможностью: где, например, хороший хозяин парит землю не реже чем через два хлеба, там бедные, не имеющие достаточно “конной силы” или проводящие необходимое для обработки паров время в работе по найму, сеют подряд по три, по четыре и по пяти хлебов; где далее зажиточный хозяин сеет тот хлеб, посев которого наиболее выгоден, именно пшеницу, там бедняк высевает те семена, которые у него в минуту посева есть под рукой... где, наконец, зажиточные крестьяне, видя истощенность пашни, забрасывают ее в пустошь, а взамен того поднимают залоговые или вылежавшиеся пустоши, или же арендуют сравнительно свежие земли, там бедные, не имеющие возможности сделать ни того, ни другого, продолжают сеять все на тех же истощенных землях», – констатировал исследователь А. А. Кауфман³.

Многое в хозяйстве крестьянина – длительность обработки залогов и содержания их в залежи, качество и сроки всех работ по обработке поля, возможность удобрять пашню, применять наиболее производительные и отвечающие природным условиям орудия труда, набор сельскохозяйственных культур и т. д. – зависело, прежде всего, от степени обеспеченности хозяйства деньгами, мужскими и женскими рабочими руками, скотом, хорошими семенами. Ощутимо влияли на хозяйственную деятельность крестьян, часто искажая их оптимальную реакцию на требования природной среды, и такие факторы, как степень близости городов и приисков, транспортных путей. Имели значение также стоимость продуктов земледелия; масштабы торговой и просветительской деятельности организаций и лиц, занимавшихся продажей улучшенных орудий труда, семян; значимость земледелия как источника существования; плотность сельского населения; вмешательство администрации и др.

Связь между природной средой и крестьянским хозяйством была двусторонней. Проанализировав характер влияния природы на деревенскую экономику, рассмотрим теперь **способы и результаты воздействия хозяйственной практики земледельцев на экологическую ситуацию в Сибири.**

Отметим, прежде всего, что в условиях капиталистического общества мелкобуржуазное по своему характеру крестьянское хозяйство часто вступало в противоречие с потребностями сохранения экологического равновесия. При экстенсивном земледелии в условиях нарастания относительного малоземелья в некоторых местностях происходило сокращение плодородия пашен и лугов. Земля, оставаясь в залежи все более короткий срок, не зная достаточного удобрения и правильных севооборотов, не успевала вполне «отдохнуть». По этой причине, по мнению специалистов, во второй половине XIX в. последовательно сокращалась урожайность хлебов в Енисейской губернии. Вместо сам-6,2 в 1860–1869 гг. урожай озимых составил в 1897–1901 гг. уже сам-5,7. Урожайность яровых упала соответственно с сам-4,4 до сам-3,6⁴. В целом по Сибири в конце имперского периода урожаи сельскохозяйственных культур несколько увеличились, но рост был невелик, урожаи являлись неустойчивыми, не-

¹ Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985. С. 41–42.

² ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 344. Л. 1; Попов Т. Указ. соч. 23 апр.

³ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1889. Вып. 3. С. 95–96.

⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1894. Т. 4, вып. 4. С. 101; Головачёв Д. М. Сельское хозяйство Енисейской губ. и условия его развития. Красноярск, 1903. С. 24.

смотря на громадные затраты труда крестьянства¹. Изучая именно такие процессы, В. И. Ленин писал: «Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли...»².

Крестьяне на первых порах пытались компенсировать «выпахивание» своих пашен увеличением густоты посева, освоением новых земель. Но в долгосрочном плане, не будучи подкреплены соответствующими агрономическими мероприятиями, эти шаги могли лишь усилить процесс истощения почв. Масштабы и способы расчистки новых земельных площадей из-под леса далеко не всегда были экологически оправданными. В частности, расчистка довольно распространенным способом выжигания часто приводила к гибели от огня лесных массивов гораздо больших по площади, чем было нужно земледельцам.

Вообще леса, находившиеся в пользовании крестьян, эксплуатировались довольно небрежно. Источники единодушно отмечали высокую степень засоренности лесов валежником, вершинами и сучьями срубленных деревьев³. Вследствие этого забрасывались значительные пространства «дубравных» покосов, а попытки расчистить их с помощью огня приводили к лесным пожарам. Значительный вред лесам Сибири причиняли издавна укоренившиеся обычаи пасти скот в лесных покотинах (вытаптывалась почва, поедались молодые побеги деревьев), очищать весной поля и луга от прошлогодней стерни и травы огнем («пускать палы»). Поскольку палы охватывали огромные площади, а надзор за ними обычно был крайне недостаточным, огонь часто уходил из прилегающих полей и лугов в леса, производя там страшное опустошение⁴.

Губительное влияние палов на растительные и животные богатства лесов было очевидным и признавалось многими крестьянами. Менее заметен, на первый взгляд, был вред, наносимый палами самим очищаемым пашенным и сенокосным угодьям. От сильного огня иногда выгорал перегной в верхнем горизонте почвы, уничтожались семена трав, и земельный участок мог стать менее плодородным. Уже в конце 80-х гг. XIX в. крестьяне Барабы, например, стали замечать, что «палы портят землю», делают ее лудовой, зольной, малоурожайной⁵.

Еще одной негативной формой экологического поведения крестьян в Сибири было загрязнение территории населенных пунктов, а также прилегающих к ним водоемов различным мусором, особенно навозом. Основная его масса в качестве удобрений на поля сибиряками не вывозилась, а скапливалась в течение многих лет во дворах, на улицах и околицах деревень⁶. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов утверждал даже, что в Сибири бывали случаи переноса селений на новые места только потому, что старые «кругом занавозились»⁷. Ежегодные отчеты окружных сельских врачей, наряду с другими источниками, показывают, что повсеместно в Сибири крестьяне сваливали зимой навоз и другие хозяйственные отбросы на берега, на лед рек и озер в расчете на то, что поднявшаяся весной вода ассенизирует их без особых расходов. Это делало воду, особенно в небольших водоемах, все менее пригодной для питья. Частые в досоветской Сибири эпидемии брюшного тифа, оспы, дизентерии и других заразных болезней были обычно связаны с употреблением грязной, зараженной воды таких водоемов⁸. В сочетании с засорением

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1983. С. 67–68.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 5. С. 176.

³ Материалы для изучения... Западной Сибири. 1888. Вып. 1. С. 116–117; 1889. Вып. 2. С. 35; Сибирь. 1886. 8 июня и др.

⁴ Обручев В. А. В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем, 1888–1955. Иркутск, 1958. С. 260–262; Шостакович Б. Д. Лесные пожары // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3. Стб. 124–127.

⁵ Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 17. С. 151.

⁶ Отчет Медицинского департамента... за 1887 г. 1889. С. 168, 172; Пузырёв Я. Помочи в Тальменской волости Барнаульского окр. Томской губ. // Этногр. обозрение. 1892. № 2/3. С. 234; Сибирь. 1886. 13 апр.

⁷ Ермолов А. С. Прибавление к всеподданнейшему докладу... С. 12–13.

⁸ Воронов К. С. Томский и Каинский округа в медицинском отношении // ТГВ. 1865. 21 мая; Отчет Медицинского департамента... за 1886 г. 1888. С. 191–192; ... за 1891 г. 1894. С. 58–59; Санитарное состояние Томской губ. за 1882 г. // ТГВ. 1883. 8 сент.; и др.

речек бревнами при лесосплаве, валежником от срубленного леса «занавоживание» приводило также к заиливанию, обмелению водных транспортных путей, затрудняло навигацию. Загрязнение водоемов дополнялось местами стиркой белья, вымочкой кож, льна и пеньки, купанием домашнего скота.

Таким образом, в изучаемый период начали сказываться первые последствия тех негативных для природной среды форм экологического поведения, которые проявлялись в хозяйственной жизни крестьян. В тех более или менее освоенных в хозяйственном отношении районах Сибири, где некогда шумели девственные леса, последние были в значительной степени уничтожены или существенно обесценены беспорядочными порубками и частыми пожарами. Особенно пострадали леса вблизи крупных населенных пунктов, железной дороги¹. Сохранившиеся здесь леса постепенно изменяли свой характер: вместо ценных пород кедра, лиственницы, «кондовой» сосны, липы на вырубках и пожарищах стали расти березы, осины, малощенные «мендачные» сосны.

Некоторые лесистые в прошлом местности приобретали степной характер, их жители были вынуждены далеко ездить за лесом или обходиться во многих случаях без него. Так, приртышские казаки уже в середине XIX в. должны были строить жилые дома из березового леса, крестьяне же Ишимского и Курганского округов Тобольской губернии – из мелкого сосняка². Такие жилища зимой промерзали, были сырыми и часто вредными для здоровья. Сведение лесов в ряде местностей (юг Тобольской губернии, Минусинская котловина, Забайкалье) привело к развитию эрозии песчаных почв. Начали обнажаться сыпучие пески, которые заносили огороды и пашни. В лишенных лесов районах обычным явлением становились засухи, отрицательно сказывающиеся на земледелии³.

Во второй половине XIX столетия в связи с истреблением лесных массивов, распашкой полей на склонах водостоков, неумеренным выпасом скота на берегах начали мелеть крупные реки, пересыхать мелкие речки и ручьи. Этот процесс был отмечен как в Западной, так и в Восточной Сибири⁴. Он также не мог не оказать обратного отрицательного воздействия на земледельческое хозяйство сельских жителей. Сокращение площади лесов, изменение водного баланса было одной из причин ухудшения структуры возделываемых культур. При капитализме в Западной Сибири продолжалось, например, начавшееся в предшествующий период сокращение площади посева озимых хлебов. В Томской губернии озимая рожь, занимавшая в 1895 г. еще 16,3 % всех посевных площадей, в 1913 г. была засеяна только на 5,8, а в 1916 г. – на 4,5 % посевного клина. Посевные площади под озимой рожью сократились также в Тобольской губернии – с 12,9 в 1897 г. до 7,0 % в 1917 г. В Восточной же Сибири посевы озимой ржи несколько расширились, видимо, за счет расчистки новых участков в лесистых местностях⁵. Озимые успешно произрастают только в тех местах, где поля защищены лесными участками от выдувания, где в почве хорошо держится влага, а таких местностей становилось в старых земледельческих районах Западной Сибири все меньше.

Еще одним неблагоприятным последствием «сведения» лесов в некоторых местах стало распространение кобылки, уничтожавшей порою обширные площади крестьянских посевов. Еще в середине 80-х гг. XIX в. очевидец утверждал, что на юге Тобольской губернии, например, «крестьяне ничего не знают ни о саранче, ни о кобылке. Нет никаких пород вредных

¹ ГАЗК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 23. Л. 7; *Бочанова Г. А.* Промысловое освоение Сибири в конце XIX – начале XX в. (вопросы экологии) // *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.* Новосибирск, 1985. С. 130–131; *Материалы для изучения... Западной Сибири.* 1892. Вып. 20. С. 73; и др.

² *Завалишин И. И.* Описание Западной Сибири. М., 1862. Т. 1. С. 192.

³ МРКМ. Оп. 1а. Д. 52. Л. 22; РГВИА. Ф. 330. Оп. 43. Д. 1439. Л. 6; *Ермолов А. С.* Прибавление к всеподданнейшему докладу... С. 8, 11.

⁴ *Колесников А. Д.* Реки и озера Сибири... С. 45–46; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 12. С. 156–157; *Обручев В. А.* Указ. соч. С. 262.

⁵ *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* С. 67 (табл. 6); *Островский И. В.* К изучению зернового хозяйства Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции // *Развитие производительных сил Сибири в XIX–XX вв.* Новосибирск, 1983. С. 156–157 (табл. 3, 4).

насекомых»¹. В последующие же десятилетия кобылка стала настоящим бичом земледельцев в засушливых безлесных районах с их монокультурными биогеоценозами. В тяжелом 1891 г. в Ишимском округе кобылкой и засухой было уничтожено почти 130 тыс. из засеянных хлебами 190 тыс. десятин. В ряде волостей кобылка съела все или почти все всходы². В следующем 1892 г. в том же округе, состоявшем из 35 волостей, 25 волостей снова сильно пострадали от кобылки. Из них 14 волостей лишились от четверти до половины посевов всех яровых хлебов и 11 – от половины до трех четвертей³.

Выше мы говорили о двух причинах существования негативных форм экологического поведения – хищническом характере мелкобуржуазного хозяйствования, несовершенстве экологических знаний крестьян. Следует указать еще на инерцию традиционного экологического поведения, сформировавшегося в предшествующий период в условиях мнимой «неисчерпаемости» огромных природных богатств Сибири, рутинного состояния техники в сельском хозяйстве. «А от лесу урожайничего не зависит; коли господь батюшка не пошлет с небес, так хоть разлес будь, ничего ты не изладишь», – вот одно из типичных утверждений крестьян, закрепленное традицией. «А детям-то что останется?» – спросил записавший эти слова в 1865 г. в Южном Зауралье исследователь Е. А. Горшенёв. «Мы век прожили, и они проживут; еще дивно останется и им, а не хватит, так как знают. Тамока бог знает, что еще и будет», – глубокомысленно отвечали ему жители Кардопольской волости Шадринского округа Пермской губернии⁴.

Немаловажный фактор, обусловивший ухудшение экологической ситуации в Сибири, – тяжелые социально-экономические и правовые условия, в которые было поставлено деревенское хозяйство. Крестьяне были лишены возможности чувствовать себя настоящими хозяевами своей земли и ее богатств. Характерно, например, что массовые порубки лесов вспыхивали в Сибири, как правило, в момент обострения споров по поводу их владельческой принадлежности, в качестве протеста против вмешательства казны и Кабинета в порядок пользования лесными участками⁵. «Вот хоть и лес, – рассказывали те же кардопольцы, – когда он у нас был на душах (разделен на участки между общинами, а внутри последних – на душевые “пайки”. – В. З.), пайки у нас были под самым жилком, и какой лес был! – глядеть любо. И всяко общество берегло свой пай. Бывало, сохрани бог, кто заедет чужой – обдерут, караулы были; сами рубили только на что снадобится, лесину-ту срубишь, а вершину-то на дрова. А тут вот эти пайки-то у нас отрезали в казну (заместо их дали вон за 10 верст), да и приставили стражу лесную, а она же и стала продавать на сторону. Наши видят, что лес гинет, а берегли столько годов! Мы взяли, да и давай тут же рубить; по крайности не доставайся людям»⁶. Оскудению земельных участков способствовали отрезки их казной и Кабинетом у крестьян в ходе землеустроительной кампании, отвод в переселенческий фонд, обычные в Сибири периода капитализма споры по вопросу их принадлежности между общинами и т. д.

Серьезное влияние на экологическое поведение земледельцев оказывала социальная дифференциация деревни, а у этого влияния были и негативные стороны. Разрушение общины затрудняло осуществление природоохранных мероприятий, часто требовавших больших материальных затрат, трудоемких совместных действий. Разоряющаяся масса мелких крестьян и полупролетариев не могла иметь солидных возможностей для восстановления нарушаемых хозяйством элементов природной среды. Кулачество же, стремясь получить побольше прибыли с наименьшими затратами, даже имея средства и рабочую силу, часто не хотело заниматься этим восстановлением. Известный исследователь В. А. Обручев, рассказывая о массовой

¹ *Петропавловский Н. Е.* По Ишиму и Тоболу: (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. / ЗСОРГО. 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 10.

² *Ядринцев Н. М.* О способах и средствах борьбы... С. 22–23.

³ *Шадурский В. И., Сарафанникова Л. А.* Из истории сельскохозяйственного освоения юго-восточной части Тюменской обл. // Труды Свердловского пед. ин-та. Свердловск, 1971. Сб. 174. Вып. 8. С. 148.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 43. Л. 4–5.

⁵ Крестьянское движение в Сибири, 1861–1907 гг.: хроника и историография / Л. М. Горюшкин, В. В. Кучер, Г. А. Ноздрин [и др.] Новосибирск, 1985. С. 108–111.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 43. Л. 4–5.

аренде зажиточными сельчанами Восточной Сибири земли у бедноты, писал в конце XIX в.: «А какое дело кулаку до культивирования чужих полей? Что ему за печаль, если на них растут наперегонки сорняки... добавляющие свои ядовитые семена в зерно и делающие хлеб... тяжелым и нездоровым... Он знает, что продаст с прибылью и это нездоровое зерно. <...> А когда все поля в окрестностях так истощены, что перестают давать что-либо, кроме сорняков, что ему за забота? Разве не простираются по всему плодородному Забайкалью бескрайние поля, лучшие из которых любой может арендовать за пустяковую плату – 18 к. за десятину, чудесные черноземные поля, сулящие ему три-четыре года подряд лучшие урожаи, чем дали бы истощенные участки даже при дорогостоящем удобрении?»¹.

Однако уже в предшествующий капитализму период крестьяне России стали осознавать ущерб, наносимый их хозяйством природной среде, и «вели работу по охране и воспроизводству важнейших видов природных ресурсов, имевших для общества первостепенное значение»². В конце же имперского периода общественное сознание передовой части крестьянства еще интенсивнее осмысливало тесную связь между производимыми в ходе хозяйственной деятельности изменениями природы и усложнением условий ведения самого сельского хозяйства. Объективная необходимость заставляла **принимать меры по сохранению природных условий и ресурсов**, необходимых для жизни.

Вслед за ухудшением почвенных условий в Сибири происходило *изменение систем земледелия*. Архаичная залежная (переложная) система, сохранявшаяся в той или иной степени повсеместно, предполагала временное прекращение обработки земельного участка для восстановления его плодородия через несколько лет после распашки. Многолетним опытом крестьяне установили минимальные сроки залежности для каждого вида почв, после которых был возможен новый цикл обработки. Нормы обычного права давали хозяину забрасывать землю в залежь, не опасаясь, что ее захватит кто-то другой. По мере роста земельного утеснения перелог терял свое значение, но все большее и большее распространение получали пары и органическое удобрение земли, позволявшие в более короткие сроки добиваться восстановления «производительных сил» почвы. Часто эти новые формы обеспечивали такое восстановление полностью, иногда же они позволяли лишь оттягивать и сокращать период залежности.

Исследователи уже отмечали, что важное значение в сохранении плодородия почвы сибирские крестьяне придавали *совершенствованию севооборотов*³. Набор орудий труда, имевшийся у крестьян, и *приемы их агротехники* также в значительной степени ориентировались на поддержание экологического равновесия. Известный литературе факт длительной приверженности старожилов Сибири своим сохам и сабанам, относительно медленного их вытеснения в конце XIX — начале XX в. в ряде районов усовершенствованным плугами объясняется не только неблагоприятными социальными условиями развития крестьянского хозяйства (хотя они, конечно, играли важнейшую роль), но и экологическими достоинствами местных орудий. Легкие черноземные почвы кое-где не допускали их глубокой перепашки, сохи же и сабаны позволяли пахать мелко, углубляясь лишь по мере надобности. Местами они лучше плуга очищали поля от сорняков, были удобнее для транспортировки в условиях гористого рельефа и разбросанности пашен⁴. Поверхностное, безотвальное рыхление почвы, позволяющее сохранять ее плодородие и широко распространенное в Сибири второй поло-

¹ Обручев В. А. Указ. соч. С. 274–275.

² Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV– середина XIX в.). М., 1983. С. 186. См. также: Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

³ Шадурский В. И.: 1) Из истории севооборотов и систем земледелия Северного Зауралья (XVII–XX вв.) // Повышение продуктивности земли в Зауралье. С. 99–101; 2) Правильное чередование культур // Урал. нивы. 1971. № 2. С. 23–24; и др.

⁴ МРКМ. Оп. 1а. Д. 52. Л. 6; Оп. 3. Д. 120. Л. 142; Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 4, вып. 4. С. 53.

вины XIX — начала XX в., как известно, доказало свою целесообразность и широко применяется теперь во многих районах страны¹.

Причиной того, что земля, вовлеченная в сельскохозяйственный оборот, постепенно теряла свое плодородие, сибирские крестьяне совершенно справедливо считали не произрастание на ней культурных растений, а вмешательство человека с помощью плуга и других орудий труда в естественные природные процессы. «Земля изнасилась, устала, выпахалась, вот и родит все хуже и хуже, она требует отдыха», – вот обычное представление сибиряков². Подразумевался отдых от обработки, «забрасывание» земли в залежь. Но и саму обработку старались вести, щадя землю. В ряде районов применялся даже способ посева «на ленивку», когда исключались все виды основной и предпосевной обработки почвы. Но он требовал, по мнению крестьян, свежих и очень доброкачественных земель³. Сохранению почв от водной и ветровой эрозии способствовала практиковавшаяся во многих местах распашка горных и холмистых полей поперек склонов, внесение навозного удобрения в слабую песчаную почву, распашка целины не сплошными массивами, а участками – «полосами», «клочками» и т. д.

Сибиряками применялись различные *способы сохранения лесов*, весьма важных для земледельческого хозяйства. При расчистке лесных участков под пашню крестьяне использовали чаще всего не чреватое пожарами уничтожение леса на корню огнем, а вырубку сырого леса («сыросека») или сведение его с помощью «чертежа». При последнем способе у основания стволов обдирались («зачерчивались») широким поясом кора, деревья высыхали на корню, а затем их убирали с участка. Стремясь сохранить лес, крестьяне принимали на сельских и волостных сходах постановления об отмене или ограничении палов; о нормировании порубок на собственные нужды определенным сроком, количеством деревьев или кубических сажений дров; о запрещении рубки леса на продажу без разрешения общества. Выбирались специальные «полесовщики», «лесники» – ответственные за сохранность общинного леса⁴.

Замечательным явлением в истории экологического поведения крестьян Сибири стало создание «заповедных», «заказных» лесов. Таковыми становились особо ценные для общин лесные участки: лучше сохранившиеся или, наоборот, сильнее всего нуждавшиеся в восстановлении, определенным образом расположенные (в верховьях рек и ручьев, по их берегам, около ключей, на песках).

Общины принимали решения о полном запрещении на определенное время или бессрочно, до нового постановления, рубки деревьев в таком лесу. Иногда здесь запрещались и все другие формы хозяйственной деятельности, лес обносился изгородью и оставлялся на полный отдых. Иногда же в заповедном лесу разрешались косьба сена, выпас скота, сбор валежника. Для охраны могли быть выбраны «полесовщики», иногда их обязанности поочередно исполняли все общественники. В источниках названы заказные леса в Забайкалье (Малокуналейская и Малокударинская волости, Горячинское отдельное общество Верхнеудинского округа (уезда); станица Урлукская на р. Чикой; Киранская станица Троицкосавского округа; Хараузское селение в верховьях р. Тугнуй), в Тобольской губернии (Абалакская волость Тобольского округа; Малокрасноярская волость Тарского округа; Чернавская волость в Курганском округе; Утчанская, Сладковская, Гольшмановская, Теплодубровная, Петуховская и Ражевская волости в Ишимском округе), на Алтае (с. Верх-Катунское неподалеку от Бийска) и в других местах⁵.

¹ Капитанов А. Н., Шатилов И. С., Милащенко Н. З. Читая труды Т. С. Мальцева // Мальцев Т. С. Указ. соч. С. 4–5.

² Филоненко И. Е. Хлебопашец. С. 14–15.

³ Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 3. С. 175; Шадурский В. И. Народный опыт земледелия Сибири и современность // Развитие производительных сил Сибири... С. 162–163.

⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 6. Д. 30. Л. 16; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 10. С. 129–130; Вып. 12. С. 171; Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 86; Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 3. С. 386–388; и др.

⁵ Капустин С. Я. Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губ. // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 110; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 10. С. 130; Вып. 11. С. 109; Вып. 12. С. 22, 159; Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 3. С. 386–387; 1892. Вып. 16. С. 48–49; Вып. 20. Прил. С. 68; и др.

Крестьяне стремились сохранить леса и от ущерба, наносимого казной, Кабинетом, а также частными предпринимателями, действовавшими с санкции этих «верховных собственников» леса. В 1907–1914 гг. в Сибири отмечено, по крайней мере, 10 случаев сопротивления крестьян лесным порубкам, предпринятым казной, Кабинетом и частными лицами¹.

В ряде степных местностей сельские жители употребляли в качестве топлива не дрова, а солому, кизяк, торф, камыш. Так делали в теплый период года, например, жители д. Бровничи Спасской волости Каинского уезда Томской губернии. Они учитывали, что лесами тамошняя местность была небогата, и никому не разрешали рубить ближние леса, поделенные между семьями. Делалось это, чтобы не оголять поля и предотвратить их ветровую эрозию. Дрова на зиму и лес для построек мужчины заготавливали в дальней тайге². Правда, в иных случаях заменяющие дрова виды топлива крестьяне использовать не столько с целью сохранения лесных участков, сколько вследствие их почти полного истребления в предшествующий период или отсутствия в наделе (особенно у ссыльнопоселенцев, бедноты).

В изучаемый период крестьянством Сибири практиковалось не только сохранение, но и **улучшение (оптимизация) некоторых компонентов природной среды**. Сами сибиряки называли свои усилия в этом направлении словами «гоить» (улучшать, ухаживать, холить, делать годным) и «удобрять» (в широком смысле – делать лучше)³. Наиболее распространенными способами «гоения» земельных угодий были орошение и внесение органических удобрений.

Районом наибольшего развития *искусственного орошения* пашен и сенокосных угодий в Сибири было Забайкалье. Русские крестьяне позаимствовали технологию этого дела у бурят, которые «с незапамятных времен» орошали свои земли. По сведениям статистического отдела Забайкальской переселенческой организации, в 1915 г. крестьянами было орошено 17,9 тыс. десятин пашни и 52 тыс. десятин покосов⁴. Если учесть, что все посевные площади в Забайкальской области в этом году составили 333,8 тыс. десятин⁵, то доля орошаемых полей (5,4 %) была заметной. Другими важнейшими районами распространения искусственного орошения стали в Сибири Минусинская котловина и Верхнее Прииртышье. Во всех указанных местностях для ирригации имелись подходящие географические условия: необходимость диктовалась недостатком влаги в почве, а возможность создавал гористый рельеф местности и обилие речек и ручьев. Орошение позволяло иногда обратить на службу человеку бесплодные ранее земли. Что касается уже окультуренных полей и лугов, то ирригация резко (иногда в 2–2,7 раза) повышала их продуктивность⁶. Еще больший эффект давало комплексное улучшение угодий – полив в сочетании с навозным удобрением.

Внесение органических удобрений применялось в ряде местностей Сибири с XVII в., но в период феодализма не имело сколько-нибудь широкого распространения. К рубежу же XIX–XX вв. внесение навоза на небольших площадях огородов и ближних пашен практиковалось некоторой частью крестьян почти повсеместно. В ряде местностей Западного Забайкалья удобрялось до 30 % пашни⁷. В Антроповской, Еланской, Липчинской и Тавдинской волостях Тюменского округа Тобольской губернии удобряло часть своих полей до 85 % домохозяев⁸. В Ишимском округе в конце XIX в. местами арендная плата за «белики» (участки со светлой малоплодородной почвой) могла превышать плату за первосортные земли «только потому, что на первых возможно и выгодно удобрение»⁹.

¹ Ноздрин Г. А. Крестьянское движение в Сибири в 1907–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. С. 131, 227.

² НГПУ. Д. 5. Л. 10–12.

³ Патканов С. К., Зобнин Ф. К. Список тобольских слов и выражений // ЖС. 1899. Вып. 4. С. 490; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 10. С. 292, 300.

⁴ ГАЗК. Ф. 293. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

⁵ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 252 (табл. 15).

⁶ Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 11. С. 105–106.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ Подсчитано по: Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 2. С. 54.

⁹ Там же. Вып. 3. С. 156.

В источниках и исследованиях встречаются упоминания о таких приемах улучшения сельскохозяйственных угодий, применявшихся крестьянством Сибири, как осушение болот; травосеяние; перепахивание и боронование дернины лугов; выравнивание их поверхности, срезание скотобойных кочек; известкование и др. Однако нет оснований говорить о достаточно широком распространении этих приемов¹. Определенную роль в деле оптимизации экологических условий крестьянского хозяйства в Сибири играли палы. Они помогали очищать пашню от сорняков, луга от старой травы, вызывавшей вырождение сенокосов. Оставшаяся после палов зола могла служить подкормкой новым растениям. Облегчался рост свежей травы, на чистом месте ее легче было косить. В огне погибала часть личинок вредных насекомых. Однако палы имели и весьма плохие для экологической ситуации последствия, о которых мы сказали выше.

Положительное значение имело практиковавшееся крестьянами *регулирование лесистости той или иной местности*. Расчистка лесов до определенных пределов делала местность более приспособленной для жизни людей и их земледельческой деятельности. Во многих районах Сибири дремучие леса буквально одолевали («давили») земледельцев. Так, в минусинской тайге «зарастают покотины, хотя люди целым обществом по человеку с дома выходят с топором, работая дня 3–4, но на вырубках растет еще сильнее. На брошенных в залежь пашнях березовая чаща зарождается так же густо, как сеяный хлеб»². Часто сибирякам приходилось расчищать от леса, кустарников, камней не только пашни и покотины, но и сенокосы, другие угодья, осушать «мочажины». Известны общинные приговоры, по которым осуществлялся долгосрочный раздел «неудобных» земельных угодий между дворами специально для их улучшения, очистки³.

Крестьяне Сибири весьма противоречиво **оценивали экологические условия и результаты ведения своего хозяйства**. Будучи в целом довольными качеством земли, обилием водоемов, разнообразием микроклиматических условий, богатствами лугов и лесов, они иногда жаловались на тяжесть сибирской природы, все чаще замечали ее истощение. Крестьянин Ф. Ф. Девятов (с. Курагинское Минусинского округа Енисейской губернии) еще в 1879 г. писал своих земляках: «На общий вопрос “Каково живется?” везде является почти один ответ в различных выражениях: “Плохо, худенько, трудненько”... Затем высказываются всевозможные нужды... например, где земли выпахались, и посему подумывают переселиться на Амур... Где луга не стали давать сенокосов... Где волки скоту выхода не дают, и от этого никак невозможно развести скотину...»⁴. Конечно, в первую очередь недовольство крестьянства вызывали социально-экономические и политико-правовые условия жизни, но и постепенно накапливавшиеся экологические проблемы нельзя сбрасывать со счета.

Некоторые из этих проблем проявлялись в результате стихийного функционирования самого в целом капиталистически организованного мелкого крестьянского хозяйства. Часть проблем огромными усилиями крестьян преодолевалась путем охраны важнейших компонентов природной среды. По мере возможности сибиряки старались не только охранять, но и улучшать природные условия и природные ресурсы своей жизни. Поэтому и сегодня не потеряли актуальности слова Т. С. Мальцева, сказанные в 1946 г. о земледельческой (в частности, экологической) практике земляков-крестьян: «Многому еще можно поучиться у старых земледельцев, и все, что для данных условий ценно, не гнушаясь, следует широко использовать»⁵. К сожалению, в изучаемую эпоху относительно низкий уровень развития производительных сил, эксплуататорские производственные отношения, политическое бесправие, от-

¹ Ермолов А. С. Прибавление к всеподданнейшему докладу... С. 10, 23; Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. С. 2–3; Шадурский В. И. Улучшение лугов и пастбищ в Тобольской губ. (XIX – начало XX в.) // Труды НИИ сельского хозяйства Северного Зауралья. Тюмень, 1980. Вып. 36. С. 107–109; и др.

² МРКМ. Оп. 1а. Д. 52. Л. 20.

³ См., например: Комиссия для исследования... Забайкальской обл. Вып. 10. С. 292, 300; Вып. 12. С. 3.

⁴ МРКМ. Оп. 1а. Д. 52. Л. 19.

⁵ Мальцев Т. С. Указ. соч. С. 42.

сутствие доступа к большинству достижений науки приводили к тому, что положительные стороны экологического поведения крестьянства либо в значительной степени теряли свою эффективность, либо не могли по-настоящему проявиться. Та экологическая культура и те образцы экологического поведения, которые передавали своим подрастающим потомкам деревенские жители Сибири, имели ряд несомненных достоинств, но были весьма уязвимыми во многих отношениях. Они нуждались в более интенсивной модернизации, как и иные элементы русской народной культуры и образа жизни деревенских жителей России в конце имперского периода.

5.4. Изменения образа жизни крестьянства под влиянием смены поколений и наметившейся модернизации традиционного общества

В настоящем разделе монографии мы стараемся продемонстрировать плодотворность подхода к изучению традиций и инноваций в свете категории «социальный образ жизни». Одновременно, не претендуя на полноту раскрытия темы, анализируя лишь отдельные нововведения, мы показываем роль последних в деле земледельческого развития Сибири. Под *инновациями образа жизни* подразумеваются изменения, вносившиеся представителями живших во второй половине XIX – начале XX в. поколений крестьян в традиционно заданные способы своей хозяйственной и познавательной деятельности, общения, демографического поведения и социализации подрастающих поколений. Объем публикации не позволил рассмотреть очень важный аспект образа жизни крестьянства – его общественную активность. Динамика общественной активности крестьянства Сибири в условиях хозяйственного освоения края, развития капитализма вглубь и вширь может быть темой специального исследования.

Изменения образа жизни диктовались, прежде всего, происходившими в сибирской деревне в ходе развития капитализма **перестройками условий жизни**. В концентрированном виде изменение этих условий охарактеризовано в обобщающем труде «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма»: быстро росла численность сельских жителей, осваивались большие массивы новых земель, росли посевные площади и поголовье скота. В условиях утвердившегося капитализма усиливалась связь крестьянского хозяйства с рынком, облегчались и укреплялись связи между Европейской Россией и Сибирью, отдельными районами последней, между городским и сельским населением. В деревне выделились новые социальные группы, еще имевшие черты незрелости, развивалась система капиталистической эксплуатации большинства сельских жителей меньшинством, изменялось общественное сознание крестьянства, усиливалась его политическая активность. Многие страницы указанного труда посвящены анализу и конкретным направлениям трансформации образа жизни крестьянства. Убедительно показано, как под влиянием развития капитализма вглубь и вширь изменялась система земледелия, внедрялась прогрессивная агротехника, действовала тенденция к более интенсивному использованию земли и применению удобрений, увеличению набора сельскохозяйственных культур, распространению улучшенных семян и т. д.¹

Хозяйственная деятельность – важнейшая сфера образа жизни крестьянства. Инновации в этой области у русских крестьян Сибири диктовались как их собственным опытом ведения хозяйства, так и приобщением к достижениям крестьян других регионов, некоторым источникам научной агротехнической мысли.

Известно, что в пореформенный период сибирская деревня располагала набором «выработанных многолетним опытом пахотных орудий, приспособленных к укладу крестьянских хозяйств и к тяжелым сибирским почвам»². Однако у крестьянства никогда не было полного

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 64–65, 193–194, 251–252, 375–380 и др.

² Пронин В. И. Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1978. С. 92.

удовлетворения качеством своих орудий. Изменявшиеся социальные и географические условия стимулировали изменения в их конструкции и технологии изготовления. Крестьянин с. Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии Ф. Ф. Девятков еще в конце 70-х гг. XIX в. так прогнозировал развитие местной сохи-сибирки: «Современная соха имеет за собой будущность, конечно, в улучшенном виде. Вместо двух будет один сошник с наваренным сталью поднятым пером, и вместо деревянной отвалки с железной... Железная отвалка необходимо должна заменить деревянную...»¹. В конце 1890-х гг. С. И. Патрушев, крестьянин с. Ермаковского Минусинского уезда, «с опыта крестьянской обработки земли» выработал особый тип плужка: сошник и отвал походили на соответствующие части железного плуга, но присадка была более легкая, деревянная. Эти плужки изобретатель-кустарь распродал на рубеже XIX—XX вв. крестьянам Ермаковской, Шушенской и Сагайской волостей². Примерно в то же время в д. Шошиной на севере Минусинского уезда кузнецы стали выделывать деревянные плуги с железными лемехами, взяв за основу их конструкции заводские металлические плуги³.

Одновременно с совершенствованием пахотных орудий сибирские крестьяне и ремесленники-кустари улучшали конструкцию и технологию изготовления борон, молотилок и веялок. Применявшиеся в Сибири молотилки и веялки, как отмечали очевидцы, отличались своей простотой и дешевизной, что достигалось почти полным устранением металлических частей (железо в Сибири было дорого) и внедрением весьма оригинальных приспособлений, изобретенных местными мастерами⁴.

Взаимный обмен достижениями техники и агротехники происходил в ходе *общения старожилов и переселенцев*. В Сибири случались факты найма новоселов в хозяйствах старожилов не только с целью заработка, прокормления семьи до обзаведения собственным хозяйством, но и для практического ознакомления с особенностями местного земледелия. Так, из заселивших в 1888–1893 гг. пос. Владимирский Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии 72 семей переселенцев сразу завело вполне самостоятельное хозяйство всего 12 семей. Все остальные сначала работали по найму у окрестных старожилов, в их числе были и «некоторые такие, которые могли бы обойтись и собственными средствами, – шли к старожилам, чтоб присмотреться к местным хозяйственным приемам»⁵. Жители пос. Самаринского Крутинской волости Тюкалинского округа Тобольской губернии в количестве 35 дворов, имея необходимые средства для более обширного посева, засеяли в первый год по прибытии на место «немного, только для опыта, а свободным временем пользовались на заработках у старожилов, зарабатывая деньги и присматриваясь к сибирскому хозяйству»⁶.

Однако и для хозяйства старожилов общение с переселенцами не проходило бесследно. Возможность ознакомления с непривычными способами ведения земледелия, орудиями труда позволяла многим сибирякам по-новому взглянуть на собственный хозяйственный опыт, скорее найти пути перехода к новым хозяйственным порядкам в тех районах, где такой переход в условиях развивающегося капитализма стал необходимостью.

Известно, что во многом именно благодаря контактам с новоселами в самом конце XIX – начале XX в. стал возможен в сибирской деревне переход на уровень, соответствующий уровню развития производительных сил Европейской России и по некоторым показателям превосходящий его. Имеется в виду, например, распространение железных плугов и других сложных сельскохозяйственных машин в сибирских селениях. Иркут-

¹ МРКМ. Оп. 3. Д. 120. Л. 142.

² Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 54. С. 309.

³ МРКМ. Оп. 4. Д. 122. Л. 2.

⁴ ЗККМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. б/н.; *Ермолов А. С.* Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896. С. 2–3; Материалы для изучения... Западной Сибири. 1893. Вып. 19. С. 32.

⁵ *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1895. Т. 1, ч. 1. С. 5–6.

⁶ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. Тобольск, 1898. Вып. 1. С. 290.

ский губернатор отметил в 1909 г., что именно в связи с притоком переселенцев в последние годы в губернии появились плуги и усовершенствованные машины¹. Авторы военно-географического и статистического описания Омского военного округа в том же году писали, что в ходе переселений «коренные сибиряки сознательно идут на сближение (с переселенцами. – В. З.), заимствуя у новоселов более интенсивные способы ведения хозяйства и, в свою очередь, поучая их бороться с неизвестными условиями сибирского климата и вообще особой жизни»².

Взаимовлияние форм хозяйственной деятельности, образа жизни старожилов и переселенцев в целом в результате их общения максимально облегчалось в том случае, когда новоселы приселялись в старожильческие селения или несколько семей старожилов попадало в переселенческий поселок.

Рассматривая результаты общения переселенцев, образовавших в 1860-е гг. с Новолоктевское поблизости от старожильского селения Старолоктевского Ишимского округа Тобольской губернии, со старожилами, Н. Е. Петропавловский показал, что быстрее всего происходило сближение систем землепользования и земледельческих приемов двух групп населения. И значительно медленнее, в ходе смены поколений, происходила адаптация других сфер культуры и образа жизни³. Той же закономерности подчинялся гораздо более медленный процесс интеграции в новую среду переселенцев, поселившихся в стороне от старожилов. В 1913–1915 гг., обследовав 12 переселенческих поселков Койбальской степи в Минусинском уезде Енисейской губернии, населенных в основном украинцами и выходцами из южнороссийских губерний, участники мелиоративной изыскательской партии пришли к такому выводу: «Приспособление переселенцев к условиям новой жизни... касается, главным образом, ведения хозяйства и полевых работ, где требования почвы и климата властно напоминают о себе. В остальном же, в своей семье, хате и на улице новоселы сохраняют родные обычаи»⁴.

Внедрение новых земледельческих орудий и более передовой агротехники имело для зажиточных крестьян, в хозяйствах которых главным образом и проявлялись эти инновации, прежде всего экономический смысл. Оно способствовало расширению запашки, повышению урожайности, производительности труда, в конечном счете – увеличению прибыли. У мелких же «хозяйчиков» с этими нововведениями были связаны надежды выбиться в зажиточные, поправить хозяйство.

Но была здесь еще одна сторона, которую нельзя сбросить со счета. Инновации в хозяйственной деятельности в значительной степени были связаны с *познавательной активностью крестьянства*. Житель д. Жерлыкской Тесинской волости Минусинского округа Дмитрий Братиллов в 1887–1889 гг. впервые опробовал удобрение своих полей навозом. Заполняя по просьбе Н. М. Мартынова (основателя и руководителя первого в Сибири краеведческого музея в г. Минусинске) специальную анкету, на вопрос: «Что побудило Вас прибегнуть к удобрению?» – он ответил так: «Любопытство». Зная из литературы о полезных свойствах навоза в полеводстве, Братиллов в опытных целях поделил небольшой участок пашни на три делянки и, удобряя их для сравнения по разным нормам, высевал овес, пшеницу, яровую рожь и полбу⁵. В 60–80-х гг. XIX в. подобные же опыты проводили в окрестных деревнях крестьяне Груцинин, Девятлов и др. Непосредственный практический смысл этих опытов был минимальным: в Минусинском округе было тогда еще много свободных непаханных земель, и разработка их обходилась дешевле, чем внесение удобрений на выпаханные участки. Опыты производились скорее с познавательной целью и имели в виду дальнюю перспективу развития хозяйства зажиточных крестьян.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 84. Л. 129.

² Там же. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 1. Л. 175.

³ *Петропавловский Н. Е.* По Ишиму и Тоболу: (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. / ЗСОРО. 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 47–50.

⁴ ГИМ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.

⁵ МРКМ. Оп. 1. Д. 48. Л. 7; Оп. 1а. Д. 52. Л. 23.

«В виде опыта», по словам крестьянина Ф. Ф. Девятова, некоторые минусинские крестьяне в 60–80-х гг. XIX в. сеяли на небольших участках семена неизвестных здесь ранее сельскохозяйственных культур – сахарной свеклы, горчицы, рапса, подсолнечника и др.¹ В 1883–1889 гг. небольшая группа местных крестьян охотно занималась испытанием и разведением улучшенных сортов различных культурных растений. Этой работой руководил Минусинский музей². В 1890-х гг. уже Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства продолжал рассылку улучшенных семян минусинским крестьянам. Те относились к этому «не только сочувственно, но даже страстно, и не было недостатка в просьбах выслать семена за деньги»³. Как считали некоторые наблюдатели крестьянской жизни, благодаря активному участию крестьян в этой работе к концу XIX в. в Минусинском уезде семена некоторых культур были полностью (хотя и временно) обновлены.

Изменения хозяйственной деятельности населения сибирской деревни в эпоху капитализма сказывались и на интересующих нас сферах образа жизни крестьянства – **демографическом поведении и социализации подрастающих поколений**. В долгосрочном перспективном плане эти изменения приводили к постепенному оттеснению хозяйственной и воспитательной функций семьи на второй план, передаче этих функций капиталистическим формам. При капитализме крупная неразделенная семья «перестает быть обусловленной экономической необходимостью и изживает себя, причем развитие производительных сил дает место и позволяет существовать группе меньшей численности»⁴.

Формой сокращения крестьянской семьи является, прежде всего, раздел. Во второй половине XIX в. в сибирских губерниях *семейные разделы* у крестьян совершались чаще, чем в губерниях Европейской России⁵. Источники и исследования свидетельствуют о неуклонном усилении разделов в сибирской деревне начала XX в. По словам исследователя Н. Овчинникова, семьи новоселов были менее склонны к разделам, чем старожильческие, потому что «в большей своей части еще не укрепились экономически и потому более... дорожат соединением сил нескольких работников в одной семье»⁶. Но даже у них ежегодно путем разделов число дворов увеличивалось в различных регионах Сибири на 3–4,2 %⁷.

Следует отметить, что в конкретных условиях капиталистической деревни Сибири потребность в крупной семье для ведения хозяйства хотя и начала ослабевать, но еще далеко не полно изжила себя. Об этом свидетельствует наличие прямой зависимости между размерами семьи и уровнем ее хозяйственной состоятельности, падение благосостояния многих «достаточных» дворов в результате их раздела (табл. 27).

Из таблицы видно, что бедняцкие семьи, взятые в совокупности, делились чаще, чем зажиточные, и у старожилов, и у переселенцев. Совершенно очевидно, что раздел и без того небольшой семьи подрывал ее способность своими силами вести земледельческое хозяйство. Тем не менее, бедняки шли на это, потому что их хозяйство переставало быть таковым, превращаясь просто в батрацкую семью. Относительно малое количество разделов в группе беспосевных дворов означает, в частности, что они достигли предела дробления, возможного в тогдашних условиях. Зажиточные крестьяне и сельские предприниматели гораздо реже соглашались на раздел, несмотря на то, что имели относительно крупные семьи. В условиях Сибири, где наемный труд был несколько дороже, чем в помещичьих районах Европейской России, большое значение имела эксплуатация домохозяйном членов собственной семьи. Крупная «кулацкая» семья развивалась в предпринимательское хозяйство, проходя на этом пути стадию «семейной кооперации»⁸.

¹ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.

² Там же. Л. 1–217; Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. С. 2–4.

³ Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. С. 2–3.

⁴ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 71–72.

⁵ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. 4, вып. 2. С. 69.

⁶ ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 51. Л. 23.

⁷ Сборник статистических сведений... Сибири. Вып. 1. С. 13–14.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 3. С. 84, 90; 1968. Т. 17. С. 107.

Семейные разделы в крестьянских хозяйствах Томской губернии начала XX в.*

Категория хозяйств	Группа хозяйств по посеву, дес.	Кол-во хозяйств, абс.	Средний состав семьи, чел.	Число семей, образовавшихся путем выдела, %	В том числе	
					при выходе с родины	в Сибири
Старожилы	0	106	3,0	18,9	–	18,9
	до 3	649	4,3	32,4	–	32,4
	3–9	1386	5,6	31,7	–	31,7
	свыше 9	1020	7,5	20,9	–	20,9
	Итого:	3061	5,8	27,9	–	27,9
Приписанные переселенцы	0	665	4,8	27,0	19,3	7,7
	до 3	6385	5,0	35,2	17,2	18,0
	3–9	9969	6,4	26,4	11,9	14,5
	свыше 9	4037	8,1	17,0	8,5	8,5
	Итого:	21 056	6,2	27,1	12,9	14,2
Неприписные переселенцы	–	578	5,7	20,5	16,8	3,7

* Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 193, 214; Сборник статистических сведений... Томской губ. Вып. 2. С. 173, 194.

Распространение машин влияло и на состав рабочих рук в деревне. Росло использование в собственном хозяйстве крестьянина и путем **отдачи в наем женского и детского труда**, более дешевого по стоимости. Уже при переходе от сохи-рогальюхи к колесянке стало возможным привлечение к пахоте подростков 16–17 лет (рогальюхой мог работать «только взрослый мужик и то не всякий»)¹. При работе же жаток, сеялок, сноповязок, веялок, молотилок, когда человеческий труд становился лишь вспомогательным, женщины и дети часто становились даже основными работниками. Переселенцы особенно часто вынуждены были отдавать своих детей в наем, иногда с 8–12 лет. Уже в пореформенный период около трети всех переселенческих семей на Алтае продавали рабочие руки своих малолетних членов (табл. 28). В значительной степени именно с этим связан тот факт, что переселенческие семьи в Сибири были заметно моложе старожильческих. В них было больше детей, чем у старожилов, и относительно числа других членов семьи, и в мужском, и в женском населении².

Особенно интенсивно труд подростков и женщин заменял труд взрослых мужчин в годы войны. Летом 1917 г. в Иркутской губернии юноши в возрасте до 17, девушки до 15 лет включительно вместе с престарелыми составили 28,3 % лиц мужского пола и 8,3 % женщин, признанных трудоспособными, и были привлечены к работам, выполнявшимся ранее, как правило, лишь мужчинами зрелого возраста. В Забайкалье соответствующие цифры равнялись 24,3 и 8,6 %, в Тобольской губернии – 30,1 и 8,3 %³. Даже на самых тяжелых земледельческих работах труд подростков и женщин стал составлять «общее, широко распространенное явление»⁴.

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 3. С. 163.

² Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (ист.-демогр. анализ). Новосибирск, 1991. С. 45–46; Нагорная М. А., Чуркин М. К. Крестьянская переселенческая семья в «водвороте» российской модернизации (по материалам статистико-экономических обследований второй половины XIX – начала XX в.) // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 46–47.

³ Подсчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Иркутской губ. Иркутск, 1919. С. 473–474; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской обл. в 1917 г. Чита, 1918. С. 50–51; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губ. Тобольск, 1918. С. 2–3.

⁴ ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 725. Л. 8–9.

**Количество крестьянских домохозяйств Алтайского горного округа,
члены которых в 1890-е гг. нанимались в батраки, %***

Категория хозяйств (семей)	Всего	В том числе отдавали в наем	
		детей вместе с другими членами семьи	только детей
Старожилы	10,4	3,2	1,0
Приписанные переселенцы	60,9	13,1	19,1
Неприписные переселенцы	63,5	14,5	18,9
В среднем:	57,7	12,7	17,5

* Составлено по данным: Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском окр.: результаты статистического исследования в 1894 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4, вып. 1. С. 20–21.

На социализацию подрастающего поколения этот процесс действовал по двум основным направлениям. Многие крестьяне стали испытывать потребность в том, чтобы дать своим детям хотя бы элементарное, первоначальное сельскохозяйственное образование, позволяющее лучше разбираться в сложных машинах, ремонтировать их со знанием дела. В 1917 г. Забайкальский областной кустарный комитет, планируя приступить к открытию в области учебно-показательных мастерских, обратился к областным обществам с просьбой сообщить о том, какую помощь они могли бы оказать в этом деле. При анализе ответов выявилась «громкая нужда в открытии учебно-показательных мастерских и полная беспомощность в данном отношении сельского населения»¹. Особенно нуждались общества в подготовке из числа местных жителей специалистов по слесарному и кузнечному делу, необходимых для обслуживания и ремонта сельхозмашин, многие из которых в годы войны простаивали из-за поломок и отсутствия запасных частей².

Наметившаяся потребность в специальной профессиональной подготовке сочеталась у крестьян с усилением стремления дать детям общее школьное образование. Об этом свидетельствуют, в частности, широкое распространение в сибирской деревне по инициативе крестьян «домашних» школ. В официальных школах всех типов число учеников росло гораздо быстрее, чем количество самих этих школ. В промежутке между 1894 и 1911 гг. темпы увеличения числа учащихся в деревенских школах Западной Сибири опережали развитие здесь сети школ в 1,9, а в Восточной – в 2,7 раза. В 1910 г. в Западной Сибири количество детей, получивших отказ в приеме, составило 47,4, а в Восточной – 24,3 % к общему числу принятых в школы³. К сожалению, радикально расширить и улучшить общее образование и создать систему специального образования для сельских жителей соответствующие государственные органы Российской империи оказались не в состоянии.

Другое направление инноваций в системе социализации детей – это **ослабление роли семейного воспитания** в нижнем социальном слое деревни. Уходя в наем, дети бедноты «выходили» из традиционной системы деревенского воспитания, основанной на постоянном контакте детей различного возраста и родителей, на порядке, когда преимущественно в семье «младшие научаются от старших»⁴, и непосредственно включались в более широкую систему общения и общественных отношений.

В период капитализма все стороны образа жизни крестьянства, будучи тесно связаны между собой, заметно видоизменялись. Перестройки образа жизни были следствием развития производительных сил, капиталистических производственных отношений, культуры крестьян-

¹ ГАЗК. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

² Там же. Л. 18–94; Д. 2. Л. 52–61.

³ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1. С. 149, 158.

⁴ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 638. Л. 302.

яинства. Общение деревенских жителей все чаще выходило за узкие рамки семьи и общины, в ходе переселений и в результате роста отходничества становились более разнообразными и содержательными контакты с крестьянами других регионов, горожанами. Это, в свою очередь, оказывало обратное воздействие на развитие производства, облегчая дело внедрения новых орудий труда, приемов агротехники и т. д.

Обозначившиеся инновации общения и хозяйственной деятельности стимулировали познавательную деятельность крестьян, пытавшихся осмыслить менявшиеся условия и в соответствии с этим строить свое хозяйство, воспитывать детей, регулировать образ жизни в целом. Менялась и демография крестьянского двора, крестьяне искали пути улучшения системы воспитания и обучения своих детей. Демографические сдвиги оказывали обратное воздействие на хозяйственную деятельность крестьян. Так, замену в 80-х гг. XIX в. в местности по р. Ишиму молотьбы хлебов цепями молотьбой с помощью лошадей крестьяне объясняли тем, что для ручной молотьбы «не хватает рук»¹. Наметившееся расширение системы школьного обучения крестьянства объективно стимулировало обращение некоторой части крестьян к книге, газете как средству познания и общения.

Но в то же время следует со всей определенностью заявить, что инновации образа жизни крестьянства Сибири в изучаемый период внедрялись медленно, а по ряду направлений вообще не смогли развернуться. Кроме того, изменения были неоднозначными в разных социальных слоях и группах крестьянства, они часто имели негативный характер. Размежевание новых формирующихся классов деревенского общества углублялось во всех сферах их социального образа жизни.

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. Вып. 3. С. 178.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги конкретно-исторической характеристики тех объективных условий, в которых крестьянство Сибири осуществляло возобновление своих поколений, а также самого процесса воспроизводства сельского населения региона во второй половине XIX – начале XX в., можно сказать следующее. Были правы те проницательные современники описываемых событий и процессов, которые говорили: «Вообще настоящее время является для сельского населения, так сказать, переходным, потому что прежние условия жизни нарушены, а к новым население еще не применилось»¹.

Русское крестьянство Сибири вело весьма **многогранный образ жизни**. Можно говорить о его «полноте» в том смысле, что в нем реально были представлены и в достаточной степени сбалансированы все теоретические мыслимые формы жизненной активности. При этом важное место принадлежало демографическому поведению и социализирующей деятельности. Думается, что это один из тех позитивных принципов образа жизни людей, которые в условиях последующего переустройства жизненного уклада деревни были в значительной степени утрачены и должны быть теперь восстановлены на качественно иной основе в совершенно иных условиях.

Представленные в монографии материалы показывают, что существовала тесная взаимосвязь между объективными условиями, в которых протекала жизненная активность крестьян-

¹ Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 55. С. 1. См. также: *Кауфман А. А.* Общинные порядки восточных волостей Томского окр. и северо-западной части Мариинского окр. // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. 1. С. 91; *Суханов И. И.* Тобольские письма // ВО. 1899. 20 февр.; и др.

яинства, и самим образом жизни. Условия (факторы) жизни – природные и географические, политико-административные и социальные, культурологические и информационные – более или менее адекватно отражались в индивидуальном, групповом и общественном сознании крестьянства, т. е. определяли основные параметры его мировосприятия. На основе ментальности формировалась культура жизни: создавались или воспроизводились программы поведения, отыскивались средства их реализации. Программы осуществлялись в повседневном поведении, либо пересматривались с учетом изменения обстановки. При этом нужно учесть, что в своем образе жизни субъект, обладающий сознанием, всегда был относительно автономен в большей или меньшей степени от внешних факторов своего поведения; воздействие последних в большинстве случаев опосредовалось ментальностью и культурой субъекта. Очерченный здесь механизм действовал и в той сфере образа жизни крестьянства, в рамках которой осуществлялось воспроизводство населения. Существовала и обратная связь условий и образа жизни. Так, в процессе воспроизводства населения крестьянство формировало социально-демографическую и культурно-информационную среду, оказывало на нее сохраняющее, реформирующее и транслирующее воздействие.

Можно констатировать, что в русской деревне Сибири второй половины XIX – начала XX в. господствовал традиционный тип образа жизни людей в целом, воспроизводства населения в частности, сформировавшийся в предшествующую историческую эпоху. Демографическое и социализирующее поведение в основном осуществлялось по устойчивым образцам, сложившимся у предков и передававшимся потомкам вне критического осмысления этих образцов. При традиционной модели поведения отдельный крестьянин, различные сельские сообщества были субъектами демографических и социокультурных процессов лишь в малой степени.

Наиболее яркими традиционными проявлениями в демографическом поведении крестьянства Сибири были: преимущественное право родителей на выбор брачных партнеров для «возросших» детей, очень высокий уровень брачности населения, рождение отпрысков исключительно в законном браке и третирующие внебрачных детей, отсутствие искусственного регулирования рождаемости, ориентация на сохранение жизни и здоровья двух-трех детей до их совершеннолетия для «замены» отца с матерью «на хозяйстве» и обеспечения родителей в старости, психофизическое развитие молодого поколения через первоначальный физический уход за младенцем, игру, раннее участие в трудовой деятельности. В области социализирующего поведения традиционным являлся его «внеинституционный» характер: социализация молодежи осуществлялась преимущественно в формах самой повседневной жизни – деятельности и общения в семье и сельском сообществе. Важная традиционная черта – нерасчлененность процессов образования, воспитания, профилактики девиантного поведения и регулирования его слабых форм. В целом традиционному типу воспроизводства населения была присуща экстенсивность и высокая затратность, «очень высокая цена продолжения рода человеческого»¹.

В той степени, в какой традиционная модель «воспроизводственного» поведения соответствовала внешним условиям жизни, это поведение можно считать эффективным. Оно обеспечивало необходимый для сельской местности колонизируемой аграрной окраины высокий уровень естественного прироста населения, благоприятный и перспективный с экономической и демографической точек зрения половозрастной состав жителей. Кроме того, обеспечивалось успешное приобщение молодых к тем знаниям, практическим умениям и навыкам, что были веками накоплены крестьянством. Формировались поколения, вступающие в самостоятельную жизнь с удовлетворительным, в целом, состоянием физического развития, телесного и психического здоровья, развитые в эмоциональном и волевом отношениях. Перебирались большинством молодых людей такие позитивные качества предков – старожилы Сибири, как способность к длительному упорному труду в неблагоприятных природно-климатических условиях, самостоятельность и инициативность, внутреннее достоинство, этническая и религиозная терпимость, восприимчивость к полезным нововведениям в хозяйстве и т. д. Об этом свидетельствует и наш анализ результатов воспроизводственной активно-

¹ Миронов Б. Н. Историческая социология России: учеб. пособие. СПб., 2009. С. 135.

сти сельского населения Сибири в области культуры хозяйственной деятельности и экологически ориентированного поведения. С большими потерями, но в целом успешно осуществлялось переселение крестьян из Европейской России за Урал, а затем «осибиричание» новоселов – процесс, в котором сочетались межпоколенная и межтерриториальная трансляция ментальных, культурных и поведенческих образцов. Многие элементы традиционной системы доказали свою жизнеспособность в условиях досоветской эпохи, они могли бы сохраниться в трансформированном виде и в последующие времена, еще долго выполнять свою «воспроизводственную» и стабилизирующую роль.

В целом же в обстановке гораздо более динамичного, чем при феодализме, развития общества традиция как основной механизм воспроизводства населения становилась все менее эффективной и изживала себя. Устаревало и содержание многих культурных – брачных и семейных, санитарно-гигиенических и народно-медицинских, педагогических, этических, обычно-правовых, экологических, хозяйственных и иных правил и норм. Новая непривычная информация и необычные образцы поведения приходили из городов, с линий крупных транспортных магистралей, из прочих мест активизирующихся контактов крестьянства с представителями иной социальной среды. Усложнение задач социализации потребовало создания и распространения специальных институтов для образования и воспитания детей, в первую очередь – начальных общеобразовательных школ. Осознание ценности отдельной человеческой жизни способствовало усиленному развитию и сети медицинских учреждений в сельской местности.

В период 1861 – середины 1890-х гг. складывались предпосылки преобразования менталитета, культуры и образа жизни крестьянства Сибири. В конце XIX – начале XX в. наряду с этим появились **первые слабые признаки модернизации** – перехода от традиционных к современным порядкам. В частности, – к более экономному и интенсивному режиму воспроизводства населения. В сфере демографического поведения к таким признакам можно отнести стремление вступать в брак не по произволу родителей и будучи «недоростком», а по любви и в оптимальном возрасте, выделиться вместе с супругом из патриархического двора, где был силен произвол домохозяина, и создать собственную семью на эгалитарной основе. Имеют место попытки регулировать рождаемость, обращения за необходимой помощью к врачам, фельдшерам и акушерам. В социализирующей деятельности модернизация проявилась в стремлении некоторой части сельчан получить самим и дать детям школьное образование, у грамотных людей – расширить круг чтения, приобщиться к достижениям науки и передовой агрономической, агротехнической, ветеринарной практики посредством специальной литературы, участия в сельскохозяйственных выставках и по другим нетрадиционным каналам.

Непосредственно в зону инновационного поведения в дооктябрьский период было втянуто сравнительно *небольшое количество сельских жителей, причем преимущественно молодежь*, лучше осознававшая и смелее принимавшая вызов времени. Но влияние позитивного примера росло и в ряде случаев становилось преобладающим, например, при открытии в селениях по инициативе или при поддержке сельских обществ школ, внешкольных просветительных и медицинских учреждений.

Молодым «инноваторам» зачастую приходилось преодолевать сопротивление довольно косной общественной среды. Половинчатость и непоследовательность проводившихся властями либеральных реформ, сохранение патриархальных пережитков во всех сферах жизни села и колониальное положение восточных окраин, крайнее обострение в начале XX в. политической ситуации в стране не дали в дооктябрьский период осуществиться и даже как следует развернуться прогрессивному переходу. Складывалась атмосфера «загнивания» семейной и общинной жизни, что проявлялось ярче всего в развитии антисоциальных форм девиантного поведения молодежи и подростков, особенно пьянства и связанного с ним хулиганства, нередко перераставшего в криминальное поведение.

Профилактика и регулирование антисоциального поведения были заботой, прежде всего, тех же ячеек, что традиционно несли на себе тяжесть физического воспроизводства населения и его социализации. Это родительская семья и сельское общество, другие малые кон-

тактные группы – полвозрастные, родственные, соседские и хозяйственные, пользовавшиеся богатым арсеналом средств народной педагогики и народной соционормативной культуры. Лишь в случае бессилия семьи и «общества» дела о хроническом аморальном и делинквентном поведении передавались в волостной или станичный суд, а о крупных преступлениях – в коронный суд.

Поведение традиционного типа лучше всего сохранялось в изучаемую эпоху в относительно изолированных, удаленных от городов, железной дороги и крупных трактов, горнорудных разработок «забочных» местностях, которых было много в Сибири. Наилучшая сохранность «досельных» традиций с их специфической религиозной окраской была характерна также для старообрядческой среды. Инновационное поведение в наибольшей степени на рубеже веков распространяется в базовом для капитализма регионе – в пригородных местностях и зоне влияния Транссибирской железной дороги, в местах наиболее интенсивного притока переселенцев из Европейской России на юго-западе Сибири.

В годы Первой мировой войны эволюционное течение демографических и социокультурных процессов было нарушено в результате призыва на службу более половины мужчин зрелого возраста – женихов, мужей и отцов. Сказались также общая дестабилизация внутриволостной ситуации, падение авторитета институтов власти, органов крестьянского самоуправления. *Элементы дезорганизации жизни* стали местами приобретать гипертрофированное выражение. Начала складываться опасность того, что ушедший в прошлое «лад» старой крестьянской традиционной жизни не сможет успешно преобразоваться в соответствии с потребностями времени в новую слаженность, что победит «разлад» и произойдет разрыв преемственности поколений крестьянства.

Анализ ситуации показывает, что к моменту революционных потрясений 1917 г. в регионе развернулся демографический кризис. Не была снята и проблема антисоциального поведения части молодежи в селениях Сибири. Старый порядок физического воспроизводства, воспитания и образования молодых поколений в новых условиях уже не мог быть столь же эффективным, как раньше, а адекватную изменившимся внешним условиям и внутренним установкам молодых людей систему демографического поведения и социализации общество не смогло или не успело выработать и утвердить в жизни. В то же время традиционный тип воспроизводства населения еще не полностью исчерпал себя. После преодоления жестокого кризиса периода войн и революций в период нэпа сибирское крестьянство восстановило традиционный порядок воспроизводства населения, но более позитивно, чем раньше, откликлось при этом на возобновившиеся импульсы модернизации.

Изучение проблем воспроизводства деревенского населения в Сибири конца имперского периода заставило нас придти к выводам, которые могут способствовать преодолению существующего в современном общественном сознании россиян противостояния *двух одностронних тенденций*: 1) высокомерно-элитарного показа лишь темных сторон и отрицательных явлений «идиотизма старой деревенской жизни»; 2) ностальгически-почвеннической идеализации культурных достижений русской «деревни, которую мы потеряли». Мудрый пример подавал исследователям и публицистам наш знаменитый земляк-сибиряк, писатель В. П. Астафьев. Рассказывая в книге «Последний поклон» «о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне», он старался «не особо-то унижать и не до небес возвышать их словом»¹. Они были интересны ему и любимы им такими, какими являлись на самом деле в многогранной и часто противоречивой оболочке повседневного быта, еще сохранявшего в годы детства Астафьева (1920–1930-е) многие свои «старопрежние» черты.

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. Изд. испр. и доп. Красноярск, 1994. Т. 1. С. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГМ – Архив города Минусинска (Красноярский край)
ВО – «Восточное обозрение», газета (Санкт-Петербург; Иркутск)
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел РГО
ГААК – Государственный архив Алтайского края (Барнаул)
ГАТ – Государственный архив в городе Тобольске (Тюменская область)
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края (Чита)
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГИМ – Государственный Исторический музей, отдел письменных источников (Москва)
ЕТГМ – «Ежегодник Тобольского губернского музея: повременный краеведческий сборник»
ЖС – «Живая старина», журнал (Санкт-Петербург)
ЗККМ – Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, научный архив (Чита)
ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел РГО
ИИ – Институт истории Сибирского отделения РАН, научно-исследовательская группа истории социально-культурного развития, коллекция воспоминаний (Новосибирск)
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, рукописный отдел (Санкт-Петербург)
ИЭА – Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, научный архив (Москва)
ИЭС – Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2010.
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей, научный архив
МВД – Министерство внутренних дел Российской империи
МНП – Министерство народного просвещения Российской империи
МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова, научный архив (Красноярский край)
НАРГО – Научный архив РГО (Санкт-Петербург)
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, коллекция историко-биографических материалов
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГБ – Российская государственная библиотека, научно-исследовательский отдел рукописей (Москва)
РГО – Императорское Русское Географическое общество
РНБ – Российская национальная библиотека, отдел рукописей (Санкт-Петербург)
РЭМ – Российский этнографический музей, отдел рукописей (Санкт-Петербург)
СГ – «Сибирская газета» (Томск)
СЖС – «Сибирская живая старина», периодический сборник (Иркутск)
СОРГО – Сибирский отдел РГО
СЭ – «Советская этнография», журнал (Москва)
ТГВ – «Томские губернские ведомости», газета
ТобГВ – «Тобольские губернские ведомости», газета

Научное издание

Зверев Владимир Александрович

ЛЮДИ ДЕТНЫЕ

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

Монография

В авторской редакции

В оформлении обложки и в качестве иллюстраций использованы:

- 1) фотография кукол «Мать и дитя» (идея Фотинии Мининой);
- 2) гравюра М. Гофмана по эскизу О. Финша «Семья крестьян-сибиряков»
из кн.: Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882;
- 3) фотографии из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея
«Быт Енисейской губ. конца XIX – начала XX в.».

URL: <http://test.topwar.ru/8257-byt-eniseyskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx-veka.html>;

4) фотография с интернет-сайта Александра Чернова.

URL: <http://www.odnoklassniki.ru/profile/461877358700/album/360258313580>

Подписано в печать 31.03.2014 г. Формат бумаги 60×84/8.
Печать RISO. Уч.-изд. л. 31,34. Усл. печ. л. 32,32. Тираж 500 экз.
Заказ №

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28
Отпечатано: ФГБОУ ВПО «НГПУ»